

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1839.

ЯНУАРИЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1859 ГОДЪ

Отд. I. Дѣйствія Правительства. — 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, Науки и Художества. — Статьи по части Религій, Философіи, Законодѣнія, Нравоученія, Педагогики, Исторіи, Литературы, Отечественнаго языка, и другихъ общепользныхъ Знаній; путешествія ученые или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ Отечественныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ. — Тутъ же и донесенія пребывающихъ за границею Русскихъ Воспитанниковъ объ успѣхахъ ихъ занятій при иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда же относится и Біографія людей, содѣйствовавшихъ успѣху Наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются открываемыхъ древностей, новѣйшихъ изобрѣтеній, отличныхъ произведеній Художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ Академій и Ученыхъ Обществъ, равныхъ событіямъ имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и проч.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Кромѣ сего издаются особымъ къ Журналу

ПРИВЪВЛЕНІЯ:

1. Оффиціально-учебныя.
2. Литературныя.
3. Библіографическія
4. Труды Воспитанниковъ Учебныхъ Заведеній.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ XXI.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

—

1839.

I.

ДѢЙСТВІЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОБОЗРѢНІЕ

ИСТЕКШАГО ПЯТИЛѢТІЯ.

Успѣхи просвѣщенія принадлежатъ къ важнѣйшимъ предметамъ Исторіи Государствъ. Въ нашемъ Отеествѣ оны представляютъ зрѣлище достойное вниманія друзей человѣчества: такъ изумительно быстры и, при единствѣ направленія, величественно стройны на огромномъ пространствѣ, которое въ себѣ вмѣщаетъ всѣ степени человѣческаго образованія и почти всѣ климаты — причины различія народовъ. Настоящій обзоръ сихъ успѣховъ за послѣднее пятилѣтіе можетъ служить неопровержимымъ тому доказательствомъ; но, для полноты его и для лучшей оцѣнки, окинемъ хотя бѣглымъ взглядомъ и прежнее время.

Россія уже за восемь вѣковъ пиѣла свои первые народный Училища и книжный языкъ, обогащенный всѣми красотами Библіи въ превосходномъ Славянскомъ переводѣ. Пастыри Церкви насаждали въ простыхъ сердцахъ народа благотворныя сѣмена Вѣры Православной, а въ письменныхъ бесѣдахъ съ Князьями передавали иногда имъ и наблюденія опытнаго любу-мудрія. Видимъ и Пѣснопѣвцевъ, славившихъ подвиги могучихъ витязей. Законы, торговля, промышленность содѣйствовали развитію просвѣщенія, и оно, хотя и замедляемое удѣльными междоусобіями, должно было постепенно разлиться на всѣ состоянія народа, какъ вдругъ остановилось подъ игомъ варваровъ. . . . Вѣра не дала ему померкнуть на вѣки. Новый день блеснулъ съ Іоанномъ III; Россія стала усвоивать себѣ плоды тогдашней Европейской образованности; но еще предстоялъ ей новый, страшный періодъ испытанія. Наконецъ и онъ, съ помощію Вѣры и любви къ Отечеству, протекъ невозвратно: хитники Трона исчезли предъ доблестнымъ Домомъ Романовыхъ. Россія шествовала къ своему величію, и, воденная десницею Петра Единственного, взошла на чреду первыхъ Государствъ Европы. Зиждатель новыхъ силъ ея былъ вмѣстѣ и обновителемъ ея просвѣщенія, которое расцвѣло потомъ подъ державою Екатерины Великой и Александра Благословеннаго. Россія могла уже хвалиться общемою системою народного образованія, Училищами, Гимназіями, Корпусами, Академіями, наконецъ Университетами, и начала имѣть собственныхъ образцовыхъ Писателей. За всѣ сіи немимовѣрные въ такое короткое время успѣхи Отечество обязано вѣчною благодарностію своимъ мудрымъ

Вѣщепосцамъ и мужамъ Государственнымъ — усерднымъ исполнителямъ ихъ Державной воли. Однакожь сколько еще притомъ осталось недовершеннаго! и самыя выгоды не рѣдко приобрѣтались чувствительными пожертвованіями. Такъ Россія, много выигравъ отъ сближенія съ иностранцами, сильно терпѣла уже и вредъ отъ слѣднаго имъ подражанія въ разныхъ классахъ общества. Русскій наставникъ былъ рѣдкимъ явленіемъ въ домашнемъ быту даже и самыхъ знатныхъ фамилій. Вся наша Литература не имѣла почти ничего самобытнаго, и даже Ломоносовъ, удивлявшій современниковъ звуками гармонической лиры своей, образовалъ свою Музу въ Германіи. По крайней мѣрѣ онъ и подражатели его пылали духомъ истинно Русскимъ, между тѣмъ какъ въ тогдашнее воспитаніе вкрадывалось малодушное, слѣпое пристрастіе къ чужеземному. Уже Фонъ - Визинъ поражалъ сіе зло острыми шутками; но надлежало царствовать Екатеринѣ, чтобы подать съ Тропа просвѣщенній примѣръ любви къ Отечественному (вспомнимъ Ея благотворныя Уставы, учрежденіе Россійской Академіи и даже собственныя Ея истинно-пародныя сочиненія); надлежало родиться талантамъ подобнымъ Державину и Крылову, чтобы показать намъ очаровательныя образцы нашей самородной Поэзіи; надлежало Карамзину подъ сѣнію Александра написать живописнымъ перомъ Исторію, достойную Русскаго народа, чтобы представить юнымъ поколѣніямъ все наше древнее достоинство; чтобы умы, привыкшіе жить иноземщиною, обратить къ разработкѣ нашихъ собственныхъ сокровищъ; чтобы запяť насъ мыслию возстановленія въ насъ Святой Руси, но уже не въ преж-

немъ ограниченномъ видѣ, а въ нѣмъ, достойномъ великой Монархіи и всеобщихъ успѣховъ образованности. Между тѣмъ сколько еще открывалось препятствій къ дальнѣйшему успѣшному ходу нашего, Русскаго просвѣщенія! Необозримое пространство Россіи, разноплеменность ея жителей, различіе ихъ состояній, разновременность учрежденія Училищъ, развившаяся и въ ихъ Уставахъ, разнородность образованія самихъ Преподавателей, были причиною отсутствія въ семъ великомъ дѣлѣ того единства, безъ котораго никакая благотворная Государственная цѣль не можетъ быть вполне достигнута. Конечно не лзя было отъ Областей Восточныхъ, сопредѣльныхъ съ Азіею, требовать во всемъ того же распорядка въ ученіи, какой необходимъ для Областей Ост-Зейскихъ или для древне-Русскихъ, отъ Польши возвращенныхъ; но съ другой стороны ученіе повсюду требовало такого направленія, чтобы юноши разныхъ концовъ единого великаго Отечества могли при первой встрѣчѣ видѣть другъ въ другѣ прямыхъ, близкихъ согражданъ. Согласить мѣстныя потребности съ потребностями общими, связать твердыми узами всѣ отрасли, всѣ части народнаго образованія, предоставлено было настоящему времени, и мы — свидѣтели того, какъ свѣтлая мысль, получившая начало свое въ любви Царя къ народу, дала новое направленіе и новую могучую жизнь народному образованію съ первыхъ лѣтъ сего новаго, славнаго и благоденственнаго царствованія.

Замѣтивъ недостатокъ въ единствѣ воспитанія и ученія, необходимомъ для Государственнаго блага, Августъ

свѣтлѣйшій Монархъ повелѣлъ (14 Мая 1826) разсмотрѣть въ особомъ Комитетѣ всѣ Уставы Учебныхъ Заведеній, всѣ курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, и составить новыя единообразныя Уставы. Предначертанный мудрою волею планъ принодился въ исполненіе съ великою осмотрительностію и съ неменьшею того дѣятельностію; Государь Императоръ постоянно получалъ донесенія о движеніи сего дѣла, и въ доказательство, что никакія иныя заботы, ни даже тяжкія заботы брани, не силыны были отвлечь Державнаго вниманія отъ столь же важной заботы о благѣ будущихъ поколѣній, первый изъ сочиненныхъ Уставовъ—Уставъ Главнаго Педагогическаго Института — Высочайше подписанъ (30 Сент. 1828) среди побѣдныхъ громовъ, на кораблѣ Парижѣ, въ виду крѣпости Варны; въ слѣдъ за нимъ, въ промежуткѣ обѣихъ Турецкихъ кампаній, издавъ новый Уставъ Гимназій и Училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ (8 Дек. 1828) для четырехъ Великороссійскихъ Учебныхъ Округовъ: С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго. Первымъ Уставомъ дано прочное основаніе Отечественному приготовленію Профессоровъ и Учителей (а между тѣмъ въ видѣ временной мѣры образованъ въ Дерптѣ особый Институтъ, гдѣ лучшіе изъ Воспитанниковъ всѣхъ Университетовъ должны были совершенствоваться для Профессорскаго званія, чтобы устранивъ и на первый разъ потребность выписыванія въ Россію иностранныхъ Преподавателей); вторымъ опредѣлена единообразная система начальнаго и второстепеннаго обученія, усилено преподаваніе классическихъ языковъ, вообще же сокращено число предметовъ ученія, и вмѣсто поверхностнаго знанія многихъ, требуется осно-

вательное знаніе существенныхъ; но дозволено, по мѣрѣ нужды, учреждать въ нѣкоторыхъ Заведеніяхъ и дополнительные сверхъ общаго плана курсы; установлены званія Почетныхъ Попечителей Гимназій, чрезъ что само Дворянство приняло живое участіе въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія, и наконецъ открыта для сего сословія возможность заводить въ каждой Губерніи подъ собственнымъ наблюденіемъ Благородные Пансіоны, гдѣ оно, за умѣренную плату, даетъ нынѣ своему юношеству образованіе, вмѣсто того что прежде такое удобство было возможно почти только въ однихъ столицахъ. Въ то же время Учебныя Заведенія Витебской и Могилевской Губерніи получили въ дополненіе къ Общему Уставу особыя Правила по мѣстнымъ обстоятельствамъ (17 Генв. 1829), а потомъ и для Училищъ Закавказскихъ издано благодѣтельное Положеніе (2 Авг. 1829), по которому, кромѣ прежней Тифлисской Гимназій, предназначено открыть для пользы тамошнихъ жителей 20 Уѣздныхъ Училищъ. Въ здѣшней столицѣ Императорская Публичная Библіотека получила новый Штатъ (10 Септ. 1831), и открыто еще одно важное для ученой публики пособіе въ Румянцевскомъ Музеумѣ (28 Мал 1831). Наконецъ составлены и Высочайше утверждены Уставъ Лицея Князя Безбородко (7 Окт. 1832) и Предварительное Образованіе Московскаго Дворянскаго Института (20 Марта 1833).

Въ такомъ положеніи находилось преобразование Учебнаго Вѣдомства, когда Государю Императору благоугодно было вѣрить оное нынѣшнему Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову. Съ сего-то

времени мы начинаемъ наше пятилѣтнее обозрѣніе, которое читателямъ нашимъ должно быть понятнѣе послѣ взгляда на предшедшіе годы. Мы избрали сію точку времени особенно потому, что съ нея начинается и особенная гласность всѣхъ дѣйствій Правительства по столь драгоценной для Русскаго сердца отрасли Государственнаго Управленія. Съ сего времени ежегодно печатаются по Высочайшей волѣ всеподданныхшіе Отчеты и сообщаются публикѣ всѣ Постановленія и распоряженія касательно Ученой и Учебной части. Мѣстныя Начальства поставлены чрезъ то въ возможность знать все, что дѣлается по оной во всѣхъ Областяхъ Имперіи, а родители стали имѣть полное свѣдѣніе о всѣхъ новыхъ способахъ, предлагаемыхъ къ образованію, и успѣхами общихъ мѣръ могутъ пынѣ измѣрять будущіе успѣхи дѣтей своихъ. Но что всего важнѣе, гласностію мѣръ укрѣпляются начала, твердость которыхъ пужна и въ каждомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе въ управленіи Учебномъ, коего цѣль — приготовленіемъ юношества всѣхъ состояній въ Государствѣ къ вѣрному исполненію лежащихъ на каждомъ изъ нихъ обязанностей дѣйствовать къ прямой пользѣ Отечества въ будущей его судьбѣ. Въ чемъ же должны состоять начала нашего народнаго просвѣщенія? Отвѣтъ находимъ въ опытѣ вѣковъ и особенно въ бытописаніяхъ нашего Отечества. Духъ Русскій, здравый, высокій въ простотѣ своей, смиренный въ доблести, непоколебимый въ покорности Закону, обожаемый Царей, готовый все положить за любезное Отечество, искони возвышалъ нравственные силы его; Самодержавіе соединило расторгенные члены Государства, уврачевало язвы его, дало ему единство и упро-

чило его цѣлость въ такой огромной массѣ, которой не было въ Исторіи міра ничего подобнаго; наконецъ Вѣра, торжествующая надъ всѣми земными бѣдствіями, помогла ему устоять среди всѣхъ бурь и волненій; сохранила бытіе Россіи при напорѣ и полудикихъ ордъ языческаго Востока и полупросвѣщенныхъ полчищъ мѣтежнаго Запада; и она же, основанная въ нашемъ Отеествѣ на неизблемомъ камени Православія, служить ему вѣрнѣйшею защитою отъ того развращенія умовъ, которое гибельнѣе всѣхъ физическихъ золъ и мноплеменныхъ нашествій. На сихъ-то спасительныхъ началахъ почиваетъ и настоящее благоденствіе наше и крѣпкая надежда будущаго; они проразумѣвались во всѣхъ благихъ установленіяхъ исходившихъ отъ Высочайшей власти; и нынѣшній Министръ Народнаго Просвѣщенія, при самомъ вступленіи своемъ въ сію должность, не замедлилъ въ окружномъ предписаніи объявить ихъ по всему своему Вѣдомству. Всѣ дѣйствія Учебныхъ мѣстъ и лицъ приняли повсюду единое направленіе, и всѣ разнообразныя части Учебнаго Вѣдомства, сомкнувшись въ одну стройную систему, двинулись далѣе къ усовершенствованію своему въ соединенномъ духѣ Православія, Самодержавія и народности.

Удовлетворивъ первой и главной потребности своей, Министерство обратило вниманіе на несоразмѣрность нѣкоторыхъ Учебныхъ Округовъ, представлявшую важное неудобство въ надзорѣ за отдаленными отъ средоточія ихъ Училищами. По новому раздѣленію (30 Мая 1833) Округъ Московскій, превосходившій всѣ прочіе числомъ Учебныхъ Заведеній, умень-

шенъ двумя Губерніями; Одесскій получилъ болѣе пространства, округлости и сверхъ того исключительное предназначеніе для Новороссійскаго края, управляемаго однимъ Генералъ-Губернаторомъ, а Харьковскій, при прежнемъ числѣ Губерній, освобожденъ отъ неудобнаго завѣдыванія Училищами Губерніи Астраханской, коей, по географическому положенію, приличнѣе было войти въ составъ Казанскаго Округа, къ которому она уже и принадлежала.

Между тѣмъ составлена и дана въ руководство Попечителямъ и ихъ Помощникамъ подробная инструкция для осмотра состоящихъ въ Учебныхъ Округахъ Заведеній въ отношеніи къ учебной, нравственной, полицейской и хозяйственной части.

Здѣсь представилось Министерству обширное поприще устроенія Училищъ, коему начало положено было, какъ мы выше сказали, Самимъ Государемъ Императоромъ. Уже новый Уставъ Среднихъ и Низшихъ Учебныхъ Заведеній дѣйствовалъ въ Округахъ С. Петербургскомъ и Московскомъ. Оставалось ввести ихъ въ прочіе и сверхъ того составить Уставы для Заведеній Высшихъ. Нынѣ первые давно введены повсемѣстно въ Харьковскій, Казанскій и Одесскій Округи, въ Сибирскія Дирекціи, и отчасти въ Округи Бѣлорусскій и Кіевскій. Училища Закавказскія, по совѣщанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія съ Главноуправляющимъ тамошнимъ отдаленнымъ краемъ, получили новое Положеніе (12 Мая 1835), еще болѣе приспособленное къ мѣстнымъ его нуждамъ: въ Гимназію введено преподаваніе Россійскаго Законоуѣднія и Судопроизвод-

ства; въ Уѣздныхъ Училищахъ прибавленъ третій классъ и распространено обученіе мѣстнымъ языкамъ. Между тѣмъ Высочайше дарованы новыя, сообразныя съ общою системою народнаго образованія Уставы двумъ остальнымъ Лицеямъ: Демидовскому — въ Ярославлѣ (2 Авг. 1833), и въ послѣдствіи Ришельевскому — въ Одессѣ (29 Мая 1837). Предварительное Образованіе Московскаго Дворянскаго Института замѣнено Положеніемъ постояннымъ (6 Мая 1836).

Но самую важною изъ мѣръ взятыхъ къ улучшенію состоянія Среднихъ и Низшихъ Училищъ есть безспорно та, которая дала новыи образъ ихъ управленію и надзору. Уже давно была замѣчаема несообразность въ прежнемъ порядкѣ ихъ управленія посредствомъ Университетовъ. Съ одной стороны Профессоры отвлекались отъ прямыхъ своихъ обязанностей хозяйственными и административными дѣлами подвѣдомыхъ Университетамъ Училищъ, принуждены были и самое время лѣтняго отдыха обращать на объѣзды Дирекцій; съ другой невозможно было и требовать всего вниманія ихъ къ предметамъ порядка чуждымъ и несроднымъ настоящему ихъ званію. Съ умноженіемъ числа Училищъ неудобства такого порядка дѣлались еще болѣе ощутительны, и особенно замѣтна была медленность въ распоряженіяхъ, умножаемая формами совѣщательныхъ собраній. Новымъ Положеніемъ объ управленіи Учебными Округами (25 Іюня 1835) Университеты совершенно освободились отъ завѣдыванія Гимназіями и Училищами, которое возложено непосредственно на Попечителей Округовъ, и подъ предсѣдательствомъ ихъ учреждены,

только для важнѣйшихъ, по ихъ усмотрѣнію, дѣлъ, особенныя Совѣты. Чрезъ то Начальники Округовъ получили возможность дѣйствовать въ опредѣленныхъ границахъ прямо на Учебныя Заведенія, уменьшены вѣсташціи и соблюдена польза совѣщательнаго управленія, съ отклоненіемъ всѣхъ неудобствъ онаго. Осмотры Училищъ отнесены къ обязанности Попечителей и ихъ Помощниковъ, такъ же какъ и особыхъ Инспекторовъ Казенныхъ Училищъ, и Попечителямъ дано право употреблять иногда для такихъ осмотровъ Профессоровъ или Адъюнктовъ, наблюдая однакожъ, чтобы тѣмъ не затруднялось ихъ преподаваніе.

За симъ Министерство обратилось къ высшему изъ трудовъ своихъ — къ окончательному разсмотрѣнію проекта Общаго Университетскаго Устава, и сей проектъ удостоенъ также Высочайшаго утвержденія (26 Іюля 1835). Въ немъ Попечители, какъ главные послѣ Министра Начальники Университетовъ, сдѣланы ближайшими хозяевами сихъ Заведеній, съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ ихъ власти и обязанностей; полный Университетскій составъ раздѣленъ на три Факультета: Философскій, Юридическій и Медицинскій; распространены и умножены кафедръ, сообразно ходу Наукъ въ три послѣднія десятилѣтія; собственно Университетское судопроизводство, какъ несовмѣстное съ общимъ порядкомъ Государственнаго Управленія, отиѣнено; всѣ прочія права и преимущества подтверждены.

Но еще прежде того былъ составленъ и съ Высочайшаго разрѣшенія въ видѣ опыта приведенъ въ дѣй-

ствіе (25 Дек. 1833) проектъ Устава Университета, вновь открытаго въ древней столицѣ Руси — Кіевѣ, который еще съ 1802 года къ тому предназначался, какъ средоточію Югозападной части нашего Отечества и какъ мѣсто священное по воспоминаніямъ, ознаменованное первымъ обращеніемъ предковъ нашихъ къ Святой Вѣрѣ. Сей Университетъ, получившій названіе отъ имени Равноапостольнаго Просвѣтителя, замѣнилъ собою бывшій Волынскій Лицей и другой, предполагавшійся въ Оршѣ, вмѣсто упраздненнаго въ Вильнѣ Университета, и такимъ образомъ соединилъ въ себѣ систему высшаго учебнаго образованія для всѣхъ Западныхъ Губерній. Эта мѣра, равно какъ и общее единообразное устройство Учебной части по всему пространству Имперіи, суть доказательства одинакой заботливости Державнаго Монарха обо всѣхъ Его вѣрноподданныхъ, какъ сказано въ Указѣ 28 Февраля 1834, «да юноши, воспитываемые вездѣ въ единомъ духѣ, ко благу одинаго Отечества, къ спокойствію своихъ семействъ, къ собственному своему мирному усовершенствованію въ предѣлахъ гражданской жизни и прочному успѣху на поприщѣ Государственной службы, пользуются всѣ нераздѣльно и единою Нашею отеческою любовію.»

Между тѣмъ, въ промежуткѣ времени издачіи Уставовъ, Правительство, при неусыпномъ вниманіи къ разнымъ обстоятельствамъ въ системѣ Учебной, прилагало всѣ старанія, чтобы и частными распоряженіями облегчить тѣ способы къ пародному образованію, которые имѣлись въ виду при составленіи главныхъ Постановленій.

Къ числу отдѣльныхъ мѣръ по части Университетской принадлежать: Правила для испытанія желающихъ поступить въ Университеты (29 Генв. 1837) (здѣсь опредѣлены всѣ требуемые для сего предметы, степень познаній въ каждомъ, и необходимый для принятія въ Студенты возрастъ — не менѣе 16 лѣтъ отъ роду); Положеніе объ испытаніяхъ на ученые степени, утвержденное (28 Апрѣля 1837) въ видѣ опыта на три года, за исключеніемъ степеней Медицинскихъ, о которыхъ послѣдовало по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ особое Постановленіе (28 Декаб. 1838); Правила къ наблюденію въ случаяхъ перехода Студентовъ изъ одного Университета въ другой (3 Ноября 1837 и 27 Генв. 1838); дозволеніе принимать въ Университеты желающихъ совершенствоваться во Врачебныхъ Наукахъ (2 Генв. 1834), и вообще допускать къ слушанію лекцій служащихъ и неслужащихъ Чиновниковъ (23 Генв. 1834). При неудобствѣ имѣть за Студентами надлежащій надзоръ Инспекторамъ изъ Профессоровъ, положено опредѣлять въ С. Петербургѣ Инспектора изъ постороннихъ Чиновниковъ (5 Дек. 1833), равно и въ Москвѣ, гдѣ къ нему приданы Помощники (1 Мая 1834). Инспекторы снабжены особою, Высочайше утвержденною Инструкціею (18 Окт. 1834), по которой они поставлены въ непосредственныя отношенія къ Попечителямъ Округовъ и въ сношенія съ Ректоромъ и съ Градскою Полиціею. Въ послѣдствіи (9 Апр. и 28 Мая 1835) такіе же Инспекторы введены въ Университетахъ Казанскомъ и Харьковскомъ, и имъ дана подобная инструкція. Университетъ Дерптскій нуждался въ точнѣйшемъ опредѣленіи обязанностей Студентовъ и отношеній ихъ

къ своему Начальству. Сей недостатокъ пополненъ новыми Правилами для учащихся, введенными сначала въ видѣ временной мѣры на три года (21 Февр. 1834), а когда опытомъ оправдалась ихъ польза, удостоенными и Высочайшаго утвержденія (4 Іюня 1838). Кромѣ того для Воспитанниковъ Медицинскаго Института при Университетѣ даны въ руководство еще нѣкоторыя особія Правила (16 Сент. 1838), согласно специальному ихъ назначенію; наконецъ положено всякаго принимаемаго въ Университетъ не иначе къ тому удостоивать, какъ по предварительномъ строгомъ экзаменѣ въ достаточномъ знаніи Русскаго языка (19 Дек. 1836).

Преподаваніе сего языка, необходимаго для всѣхъ жителей Имперіи, усилено въ Губерніяхъ Ост-Зейскихъ, во всѣхъ Западныхъ, также въ Таврической, и въ Области Бессарабской: Воспитанникамъ тамошнихъ Гимназій, пріобрѣтшимъ въ немъ отличныя свѣдѣнія, предоставленъ, при окончаніи курса, 14 классъ (14 Нояб. 1833; 20 Февр. 1834; 23 Нояб. 1838), который въ Великороссійскихъ Гимназіяхъ дается за познанія въ языкѣ Греческомъ.

Вообще касательно Гимназій и Уѣздныхъ Училищахъ представлялось нужнымъ возвысить званіе Начальниковъ ихъ, изыскать способы къ усиленію обученія при возрастающемъ числѣ учениковъ, открыть входъ въ сіи Заведенія только знающимъ свое дѣло Преподавателямъ и ограничить пріемъ дѣтей въ опыты только достаточно къ тому приготовленными, усилить надзоръ за учащимися, наконецъ по возможности

даровать способы къ леченію бѣдныхъ. Съ сею цѣлію возвышенъ классъ должностей Директоровъ и Инспекторовъ Гимназій въ общемъ порядкѣ Государственной службы, предписаны правила строгаго выбора въ первую изъ сихъ должностей (8 Марта 1834), дозволено при большемъ умноженіи числа учащихся опредѣлять сверхштатныхъ Учителей съ правами штатныхъ (27 Апрѣля 1837); дано подробное наставленіе объ испытаніи кандидатовъ на мѣста Уѣздныхъ Учителей (16 и 30 Ноября 1835); введены правила для испытанія дѣтей поступающихъ въ Гимназій и Уѣздныя Училища (29 Генв. 1837), дозволено опредѣлять особыхъ Надзирателей за приходящими учениками (15 Февр. 1838) и разрѣшено имѣть при сихъ Заведеніяхъ Врачей, безъ жалованья, но на общемъ основаніи Государственной службы и съ правами Медицескихъ Чинowników (12 Мая 1836). Въ порядкѣ преподаванія Закона Божія по Уѣзднымъ Училищамъ сдѣлано необходимосе улучшеніе, согласно мнѣнію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ (18 Окт. 1836); нынѣ оно расположено такъ, чтобы даже и не докончившіе курса Ученики выносили съ собою изъ Училищъ главнѣйшія познанія въ правилахъ Вѣры и въ Исторіи Священной.

Въ обѣихъ столицахъ и принадлежащихъ къ нимъ Губерніяхъ, при значительномъ числѣ Казенныхъ Училищъ, оказывалось невозможнымъ управлять ими одному Директору Губернской Гимназій, при другихъ, прямыхъ его обязанностяхъ по Гимназій. Нынѣ въ С. Петербургѣ завѣдываніе ими поручено особому

лицу, подѣ названіемъ Директора Училищъ Губерніи (5 Дек. 1836), а въ Москвѣ та же обязанность раздѣлена между Директорами двухъ Гимназій. — Въ Сибири опредѣленіе Учителей въ Гимназіи облегчено дозволеніемъ испытывать кандидатовъ на мѣстѣ по вопросамъ, даваемымъ отъ Казанскаго Университета, и представлять въ оный на утвержденіе одинъ лишь протоколъ испытанія (21 Авг. 1834). Въ послѣдствіи Высочайше одобрены еще дѣйствительнѣйшія мѣры (9 Дек. 1835): въ Сибирскихъ Гимназіяхъ образуются Воспитанники на Казенномъ коштѣ для поступленія въ званіе Уѣздныхъ Учителей, а предназначенные изъ нихъ въ Учители Гимназіи доканчиваютъ свое образованіе на томъ же коштѣ въ Казанскомъ Университетѣ. — Въ Одесскомъ Округѣ, для той же цѣли, положено (28 Нояб. 1838) содержать 7 Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ въ Пансіонѣ при Гимназіи Риппельевскаго Лицея, сверхъ состоящихъ уже въ Пансіонахъ при Гимназіяхъ Кишиневской и Херсонской, по 5 въ каждой. — Наконецъ вообще для приготовленія въ Учители Уѣздныхъ Училищъ, учрежденъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ второй разрядъ, въ видѣ особаго Отдѣленія на 30 Воспитанниковъ (12 Дек. 1838).

Россія, простираясь надъ всею Азіею, при непрерывныхъ сношеніяхъ нашихъ съ населяющими ее народами, представляетъ и необходимость и удобство упражняться въ языкахъ Востока, и потому здѣсь хстати будетъ исчислить все, что Правительствомъ для сего сдѣлано по Учебному Вѣдомству. Общимъ Уставомъ 1835 года положена въ Университетахъ

каедрѣ Восточной Словесности, объемлющая собою языки Арабскій, Турецкій и Персидскій; въ Казанскомъ Университетѣ преподается сверхъ того Монгольскій, Татарскій и Китайскій; въ Дерптскомъ Сирийскій для слушателей Богословія; въ С. Петербургѣ читаются публичныя лекціи Санскритскаго. Въ Москвѣ подвѣдомый Министерству Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ получилъ особыя права. Въ особенности же обращено вниманіе на примѣненіе нѣкоторыхъ Училищъ Казанскаго Округа къ потребностямъ Восточныхъ уроженцевъ и къ надобности имѣть людей знающихъ тамошніе и пограничныя языки для опредѣленія не только Учителями по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и въ качествѣ должностныхъ лицъ по вѣдомству другихъ Министерствъ (Иностранныхъ Дѣлъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ). Съ сею цѣлію введено въ Первую Казанскую Гимназію преподаваніе языковъ: Арабскаго, Персидскаго, Турецкаго, Татарскаго, Монгольскаго и Китайскаго, и положено опытно обучать 14 Воспитанниковъ на Казенномъ иждивеніи (Пол. 2 Генв. 1836). Въ Астрахани, сверхъ класса Татарскаго, открытъ классъ Персидскаго. Армянскій преподается тамъ въ извѣстномъ Агабабовскомъ Училищѣ, которое недавно получило преобразование (21 Мая 1838). — Въ Одесскомъ Округѣ Ришельевскій Лицей имѣетъ кафедры языковъ Арабскаго, Турецкаго и Персидскаго; Татарскому Отдѣленію Симферопольской Гимназіи дано новое Положеніе (15 Мая 1838) и открыты Татарскіе классы въ Уѣздныхъ Училищахъ Бахчисарайскомъ и Карасубазарскомъ. — Въ Гимназіи Кавказской преподаются языки Татарскій и Армянскій, а за Кавказомъ въ

Тифлисской Гимназіи языки Грузинскій, Татарскій и Армянскій (съ 1 Сентября 1837 и Персидскій), тоже и въ тамошнихъ Уѣздныхъ Училищахъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ нуждъ. — Въ отдаленной Сибири, въ Училищѣ Нерчинскомъ, введенъ языкъ Монгольскій.

Но не одни Восточные языки, а также и прочіе, равно и Науки, не вошедшія въ планъ Общаго Училищнаго и Университетскаго Уставовъ, вводятся по мѣрѣ открываемой въ томъ надобности въ разныхъ Заведеніяхъ: что впрочемъ дозволено и самими Уставами, независимо отъ особаго Высочайшаго Повелѣнія (7 Апр. 1836), чтобы, для усовершенствованія въ Россіи земледѣлія и промышленности, заводимы были при Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ отдѣленія реальныя, а при Университетахъ публичныя лекціи Техническихъ Наукъ.

При всѣхъ попеченіяхъ о пародномъ образованіи, Правительство не могло выпустить изъ виду, что, не взирая на единство началъ, различіе потребностей разныхъ состояній должно вести къ подлежащему разграпиченію предметовъ ученія между ими, чтобы всякъ получалъ воспитаніе соотвѣтственное роду жизни своей. Благородное юношество, лучшій цвѣтъ возрастающаго поколѣнія, предназначаемое самимъ происхожденіемъ своимъ и средствами жизни къ занятію важнѣйшихъ должностей въ Государствѣ, должно было по возможности имѣть и воспитаніе высшее. Раздѣляя въ Уѣздныхъ Училищахъ, Гимназіяхъ и Университетахъ выгоды публичнаго образованія съ юношествомъ другихъ свободныхъ сословій, оно по-

лучше еще и особые способы къ воспитанію: въ Москвѣ — въ Дворянскомъ Институтѣ, въ С. Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ — въ опредѣленныхъ на то Гимназіяхъ, въ другихъ же городахъ — въ Благородныхъ Пансіонахъ, заводимыхъ не только при Гимназіяхъ, но и при нѣкоторыхъ Уѣздныхъ Училищахъ. Нынешній Министръ Народнаго Просвѣщенія съ самаго начала (16 Мая 1833) обратилъ вниманіе Окружныхъ Попечителей, Гражданскихъ Губернаторовъ и Предводителей Дворянства на столь полезное учрежденіе Высочайше утвержденнаго Устава 1828 года. Онъ тогда же объяснилъ имъ въ подробности прямую цѣль Пансіоновъ, которые должны сосредоточить въ себѣ Благородное юношество, тогда какъ другія мѣста должны остаться въ пользу прочихъ состояній, но которые при всемъ томъ не даютъ окончательнаго молодымъ людямъ образованія, а только приготовительное къ слушанію лекцій въ Университетахъ. Сіи внушенія не были безплодны. Дворянство многихъ Губерній приняло на себя обязанность устроить и содержать своимъ иждивеніемъ Благородные Пансіоны. Такимъ образомъ, кромѣ прежнихъ Пансіоновъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Харьковѣ, Саратовѣ, Тифлисѣ, вновь открыты въ теченіе пяти лѣтъ: въ Кіевѣ 2, въ Вильнѣ 2, въ обѣихъ столицахъ еще по одному, и сверхъ того по одному же во Псковѣ, Новѣгородѣ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Нижнемъ, Симбирскѣ, Воронежѣ, Пензѣ, Рязани, Калугѣ, Орлѣ, Курскѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Гроднѣ, Кишиневѣ, и уже при нѣсколькихъ (какъ выше сказано) Уѣздныхъ Училищахъ. Министрство озаботи-

лось составленіемъ для нихъ Положеній, которыя, сходствуя между собою въ общихъ чертахъ, разнятся одно отъ другаго въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, согласно съ мѣстными нуждами. Но воспитаніе, даруемое такимъ же образомъ и недостаточнымъ юношамъ, на счетъ ли Казны или на счетъ пожертвованныхъ отъ Дворянства суммъ, не должно оставаться безъ всякой пользы для тѣхъ Губерній, въ которыхъ они сами пользуются ученіемъ. Правительство, видя необходимость снабжать Губерніи Чиновниками образованными, постановило (27 Авг. 1835), чтобы воспитываемые отъ Казны оставались на службѣ въ тѣхъ же Губерніяхъ по шести лѣтъ, а воспитываемые на счетъ Дворянства по столько же лѣтъ и послѣ окончанія ими курса въ Университетахъ, если тамъ они будутъ доканчивать образованіе на счетъ тѣхъ же взносовъ. При Учебныхъ Заведеніяхъ Западныхъ Губерній положено содержать бѣдныхъ дѣтей въ Пансіонахъ на счетъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, съ обязанностію прослужить 8 лѣтъ (2 Дек. 1838).

Для доставленія служащимъ въ отдаленныхъ Областяхъ Чиновникамъ способа къ образованію дѣтей ихъ, какъ важнѣйшаго изъ условій, могущихъ располагать людей къ рѣшимости посвящать себя на постоянную въ тѣхъ мѣстахъ службу, Высочайше повелѣно (27 Мая 1835) изыскать средства къ преимущественному помѣщенію ихъ въ Казенныя Учебныя Заведенія. Министерство предположило содержать 100 таковыхъ Воспитанниковъ въ Сибири, Грузіи и на Кавказѣ; и сверхъ того образовать 16 изъ нихъ въ Казанскомъ и 4 въ Харьковскомъ Университетахъ.

Купцы, мѣщане, и самые поселяне, не лишены также приличныхъ способовъ къ своему образованію. Имъ, особенно же первымъ двумъ классамъ, предоставлено пользоваться Приходскимъ, Уѣзднымъ и Гимназическимъ ученіемъ (дѣти же Почетныхъ Гражданъ поступаютъ безпренятственно, наравнѣ съ Дворянскими, въ Университеты). Но Правительство не приписываетъ на себя обязанности учреждать на свой коштъ мѣщанскія и поселянскія Училища тамъ, гдѣ сами жители не чувствуютъ еще къ тому желанія; гдѣ же промышленность и другія причины развиваютъ въ нихъ сію потребность, тамъ, на основаніи Общаго Училищнаго Устава, разрѣшается имъ открывать Приходскія Училища, обезпечивая лишь содержаніе опытныхъ ежегоднымъ взносомъ приличныхъ суммъ, а гдѣ успѣхи просвѣщенія требуютъ учрежденія и Уѣздныхъ, тамъ Правительство само открываетъ ихъ, съ отпускомъ пужной на то суммы отъ Казны. Лицамъ крѣпостнаго состоянія дозволено обученіе въ Гимназіяхъ не иначе, какъ по увольненіи ихъ помѣщиками отъ сего состоянія; мѣщанъ же и свободныхъ поселянъ разрѣшено допускать въ Высшія Учебныя Заведенія подлѣ условіемъ увольненія ихъ отъ рекрутской и другихъ обязанностей тѣхъ обществъ, къ коимъ они принадлежатъ. Такъ не преграждается путь отличнымъ талантамъ, во всякомъ состояніи, достигать и самаго высшаго образованія.

Коснувшись Приходскихъ и Сельскихъ Училищъ, скажемъ, что были взяты особыя мѣры и къ снабженію ихъ Наставниками. Въ Бѣлорусскомъ Учебномъ Округѣ учреждена Семинарія для ихъ образованія (4 Ноября

1833), и открыта подобная Учительская Семинарія въ Эстляндіи (12 Октября 1836). Въ прочихъ Округахъ надлежало ограничиться общими Правилами объ испытаніи желающихъ поступить въ сін должности (10 Авг. 1838); облегченъ приѣмъ способныхъ къ тому лицъ изъ податнаго состоянія и изъ вольноотпущенныхъ (4 Февр. 1835). Наконецъ Высочайше разрѣшено, при увольненіи отличившихся Учителей, награждать ихъ единовременными пособиями на счетъ особаго пенсіоннаго для Приходскихъ Учителей капитала (4 Февр. 1835).

Послѣ воспитанія публичнаго обращено было все вниманіе на домашнее или частное воспитаніе, объемлющее собою разныя состоянія и оба пола. Уже Императрица Екатерина постигала весь вредъ могущій произойти отъ ученія предоставляемаго произволу людей или не знающихъ своего дѣла, или не согласующихся съ общими Государственными видами. Она первая установила надзоръ за всѣми Частными Училищами. Умноженіе ихъ требовало усугубленія и надзора за ними; наконецъ при обстоятельствахъ нашего времени оказались необходимыми мѣры осторожности касательно прибывающихъ изъ-за границы Учителей. Надлежало дать перевѣсъ общественному воспитанію предъ частнымъ, а въ частномъ или домашнемъ Отецественному предъ иноземнымъ. При обильныхъ, предлагаемыхъ отъ Правительства, способахъ къ приобрѣтенію юношествомъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, Министерство не могло колебаться въ пріостановленіи дальнѣйшаго открытія Частныхъ Заведеній въ столицахъ (4

Ноябр. 1833). Для надзора за нынѣ существующими опредѣлено (26 Дек. 1833) избирать въ С. Петербургѣ четырехъ, въ Москвѣ двухъ особыхъ Инспекторовъ, которые снабжаются пужными наставленіями. Положеніе сихъ Заведеній приведено въ совершенную извѣстность. Одни изъ нихъ, вовсе не достигавшія своей цѣли, закрыты, другія улучшены: объ отличнѣйшихъ публикуется въ газетахъ обѣихъ столицъ. Чтобы болѣе приспособить предлагаемое въ нихъ воспитаніе къ воспитанію въ Казенныхъ Заведеніяхъ, всѣ Мужескіе Пансіоны раздѣлены на три степени, соотвѣтственно кругу познаній приобретаемыхъ въ Гимназіяхъ, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищахъ; а чтобы Содержатели Частныхъ Пансіоновъ и Училищъ во всей Имперіи могли имѣть постоянно въ виду свои обязанности, Министерство собрало всѣ касающіяся до нихъ правила въ особую книжку и разослало ее повсемѣстно.

Заботливое Правительство простерло особое свое вниманіе и на воспитаніе, совершаемое въ домахъ родителей Наставниками, не имѣвшими доселѣ иныхъ правъ, кромѣ условій частнаго найма. Труды людей, въ безвѣстности подвизавшихся на семъ скромномъ поприщѣ, вызваны предъ лице всеобъемлющей власти, и для природныхъ Русскихъ, которые по болшей части привыкли предпочитать Государственную службу всякой иной, оказано важное поощреніе къ избранію столь полезнаго поприща. Такъ родилось Положеніе о Домашнихъ Наставникахъ и Учителяхъ (1 Іюля 1834), дарующее имъ права службы Госуда-

рственной и долженствующее со временемъ усилить въ частныхъ домахъ истинно-Отечественное образованіе въ замѣнъ того, которое не рѣдко приобреталось въ чуждомъ духѣ, отъ лицъ чуждыхъ нашей Вѣрѣ, Законамъ и обычаямъ.

Воспитаніе женскаго пола въ отдѣльныхъ общественныхъ Заведеніяхъ давно получило у насъ свою систему, приведенную въ цвѣтущее состояніе попеченіями незабвенной Матери Царей нашихъ, Которой имя вписано въ скрижали Исторіи на ряду съ именами важнѣйшихъ народныхъ благотворителей. Система сія величественно раскрыта въ особомъ управленіи и представляетъ намъ залогъ будущаго счастья семействъ, мирно упрочивающаго нравственное могущество наше. Надлежало распространить ее и въ Западные Области, возсоединенныя съ Россією подъ благословеннымъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ. Въ Кіевѣ уже учрежденъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Институтъ для воспитанія Благородныхъ дѣвицъ: оставалось сдѣлать то же и въ другихъ пунктахъ. Сей предметъ порученъ былъ совокупному соображенію Министра Народнаго Просвѣщенія и Генералъ-Адъютанта Князя Долгорукова, и по общему ихъ докладу Высочайше повелѣно: учредить Женскій Институтъ въ Бѣлостокѣ, помѣстивъ его въ зданіи тамошняго Императорскаго дворца, и особливо устроить по одному образцовому Частному Пансіону въ Вильнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Гроднѣ и Бѣлостокѣ, съ отпускомъ на каждый отъ Казны по 1500 р. сер. ежегодно. Въ поощреніе

усердія отличнѣйшихъ Содержательницъ прочихъ Частныхъ Дѣвичьихъ Пансіоновъ позволено испрашивать имъ пособія до 1500 р. серебр., а Пансіоны, содержаемыя Римскокатолическими монахинями, подчинены зависимости Гражданскаго Училищнаго Начальства. Въ Киевскомъ Учебномъ Округѣ, по докладу Г. Министра, должны быть устроены Частные образцовые Пансіоны въ Киевѣ, Житомирѣ, Вппницѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и Ровнѣ. Бѣлостокскій Институтъ, подобно Киевскому, принятъ подъ покровительство Государыню Императрицею; Положеніе и Штатъ его удостоены Высочайшаго утвержденія (6 Ноября 1837); нѣсколько образцовыхъ Пансіоновъ уже открыто, и они снабжены отъ Министерства особыми Положеніями.

Взглянемъ на минувшее пятилѣтіе со стороны обезпеченія дѣлателей на обширномъ полѣ Отечественнаго просвѣщенія. Въ замѣлъ прежняго содержанія дано имъ отъ щедротъ Монаршихъ новое. Нынѣ Университетскіе Профессоры получаютъ отъ 4000 до 5000, Лицейскіе 3000, Старшіе Учители Гимназій отъ 1375 до 2250, Уѣздныхъ Училищъ отъ 625 до 900, а по инымъ Губерніямъ даже до 1200 р. ассигнаціями. Въ Западномъ краѣ, тамъ гдѣ жалованье отпускается монетою, Старшіе Учители Гимназій получаютъ отъ 400 до 450 р. серебромъ, Учители Уѣздныхъ Училищъ Дворянскихъ отъ 300 до 400, а прочихъ отъ 194 до 250. И сверхъ того все Ученое сословіе приобрѣло еще нныя немаловажныя выгоды и преимущества. Положеніемъ о чинопроизводствѣ, пенсіяхъ, и пособіяхъ по Учебной части (18 Нояб. 1836),

на нихъ распространено то, что только по сему же предмету было издано для Вѣдомства Военнаго. Въ отношеніи къ производству въ чины, лица, имѣющія на то право, раздѣлены на два разряда, и пользуются правами двухъ первыхъ разрядовъ Гражданскихъ Чиновниковъ; опредѣлены сроки, по прослуженіи коихъ выходящіе въ отставку вознаграждаются единовременнымъ пособіемъ или пенсією, равными трети, двумъ третямъ или полному окладу жалованья, и 25-лѣтній срокъ, послѣ коего могутъ оставаться на службѣ, сохраняя и заслуженную пенсію сверхъ жалованья; даны соотвѣтственно тому правила для призрѣнія ихъ семействъ. Преимущества 25-лѣтней выслуги опредѣлены еще съ большею точностію въ особыхъ Высочайшихъ Повелѣніяхъ (13 Апрѣля и 23 Ноября 1837). и въ первомъ изъ нихъ положено справедливое различіе между Заслуженными Профессорами, т. е. находившимся 25 лѣтъ въ одномъ Профессорскомъ званіи, и тѣми, которые пробыли 25 лѣтъ въ разныхъ должностяхъ по Ученой части.

Служащіе въ отдаленныхъ краяхъ Имперіи, на Кавказѣ, въ Грузіи и въ Сибири, нуждались и прежде въ особенномъ ободреніи за лишеніе тѣхъ важныхъ удобствъ жизни, которыя они должны были оставлять, перемѣщаясь туда изъ внутреннихъ Областей Государства. Они не были забыты при общемъ возвышеніи выгодъ учебнаго званія и при новыхъ Правилахъ чинопроизводства по Гражданской части. Для нихъ издано новое Положеніе (12 Февр. 1836). Ихъ преимущества распространены и на Астраханскую Дирекцію (Указомъ 3 Марта 1837).

Но свѣтъ познаній, имѣя конечно основаніемъ своимъ ученіе, распространяется въ народѣ и другими средствами. Одно, и едва ли не важнѣйшее изъ такихъ средствъ, состоитъ въ чтеніи книгъ. Чтобы доставить жителямъ Губерній безденежные способы къ приобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній о Наукахъ и Искусствахъ, родилась мысль учредить въ Губернскихъ городахъ Публичныя Библіотеки. Эта мысль, принадлежавшая первоначально Адмпралу Мордвинову, удостоилась Высочайшаго одобренія и почти вездѣ принята съ усердіемъ. Его Величеству благоугодно было ввѣрить сіи новыя учрежденія главному надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія. Заводимыя добровольно приношеніями Дворянства и другихъ сословій, Публичныя Библіотеки возрастаютъ и числомъ и объемомъ, и нынѣ считается ихъ всего до 36, не только въ однихъ Губернскихъ, но и въ нѣкоторыхъ Уѣздныхъ городахъ.

Литература, плодъ нашего и иноземнаго просвѣщенія, пища народнаго ума, не можетъ и не должна ускользать отъ бдительнаго вниманія Правительства. Ежели самое просвѣщеніе, при недостаткѣ надзора, получаетъ направленіе ложное (мы видѣли Францію въ исходѣ прошедшаго столѣтія), то подобной участи ждетъ и Литература, предоставляемая на произволъ всякаго. Каждый Писатель есть безспорно полный хозяинъ своего творенія, какъ и каждый человѣкъ полный хозяинъ своихъ дѣйствій; но какъ дѣйствія въ обществѣ подлежатъ наблюденію общественной власти, которая имѣетъ право удерживать ихъ въ предѣлахъ благочинія, такъ и книги, издаваемые въ

публику, должны подвергаться наблюденію той же хранительной власти. Хотя при множествѣ Писателей всегда бываютъ и таланты отличные, умы высокіе, но много ли ихъ въ сравненіи съ массою незрѣлыхъ, или бездарныхъ, или неопытныхъ, или малосвѣдущихъ? а между тѣмъ не случается ли иногда и лучшимъ дарованіямъ увлекаться на путь порока или на стезю ложныхъ правилъ, противныхъ благу Отечества? и тогда ихъ даръ дѣлается тѣмъ опаснѣе. Не большая ли часть принимается за такъ-называемое книжное ремесло изъ расчетовъ, пишетъ и переводитъ безъ разбора, и питаетъ тѣмъ публику не только столичную, но и провинціальную, менѣе опытную, въ которой жажда чтенія умножается съ каждымъ годомъ? Мы видимъ и плоды такой многописи въ земляхъ иностранныхъ — развращеніе вкуса, равнодушіе къ Вѣрѣ, ослабленіе нравственности. Но если возвышать достоинство Литературы должно быть предоставлено избраннымъ талантамъ, то предупрежденіе злоупотребленій ея въ религіозномъ и нравственно-политическомъ смыслѣ должно безспорно относиться къ обязанностямъ предусмотрительнаго Правительства. Цензура, при новомъ ея Уставѣ, ознаменовавшемъ настоящее царствованіе, хранительница общественнаго порядка въ произведеніяхъ ума человѣческаго, слѣдственно пензѣятого ошибокъ и вліянія страстей, оберегательница самихъ Авторамъ, и особенно юныхъ, неопытныхъ, съ усиліемъ противодѣйствуетъ безнравственности, паводняющей иноземную Литературу, и хранить духъ народа Русскаго неразстѣпнымъ, готовымъ на подвиги, его достойные. Въ послѣднее пятилѣтіе состоялись нѣкоторые перемѣ-

ны по Ценсурному Вѣдомству. Званія Отдѣльных Ценсоровъ въ Минскѣ, Гроднѣ, Житомирѣ и Каменцѣ, для разсматриванія судебныхъ бумагъ, упразднены, по оказавшейся неадаптированности въ нихъ. Въ С. Петербургскомъ Ценсурномъ Комитетѣ, для усиленія наблюденія при умножающемся количествѣ выходящихъ книгъ, прибавлены еще два Ценсора. Въ Кіевѣ учрежденъ особый Ценсурный Комитетъ; въ Тифлисѣ также особая Ценсура книгъ, издаваемыхъ на Восточныхъ языкахъ (которая подчинена Главному управляющему тамошнимъ краемъ). Установлено разсматриваніе повременныхъ сочиненій двумя лицами. Изданы ко всеобщему свѣдѣнію опредѣлительныя Правила для открытія подписокъ на книги, къ обезпеченію подписчиковъ.

Переходя отъ произведеній частныхъ къ ученымъ трудамъ, совершаемымъ по обширному плану подъ покровительствомъ Верховной власти, мы должны здѣсь поименовать одинъ лишь мѣры, взятыя къ успѣшному ихъ ходу по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. Каждое изъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній получило по своему Уставу новыя средства вносить изысканія и наблюденія своихъ Профессоровъ въ общую сокровищницу познаній. Но между ими преимущественно возвышается столѣтній Храмъ Наукъ, сооруженный, по мысли Великаго Петра, Его преемницею. Сіе главное въ Имперіи ученое сословіе, припесшее столько пользы Отечеству открытіями, изслѣдованіями, путешествіями и другими трудами своихъ Членовъ, было можно сказать обновлено въ минувшее пятилѣтіе Августѣйшею десницею. Новый Уставъ

Академіи Наукъ (8 Генв. 1836) распространилъ ея способы и самый кругъ ея занятій. Между тѣмъ всѣ Музеи и Кабинеты сего Заведенія приведены въ отличное утстройство; одна лишь Обсерваторія не удовлетворяла настоящимъ требованіямъ Астрономіи, уступая и Дерптской и Гельсингфореской. Но и сей недостатокъ устраняется нынѣ повелѣніемъ Государственнаго Покровителя Наукъ: новая Обсерваторія, получившая наименованіе Главной и назначаемая быть средоточіемъ астрономическихъ занятій по всему Государству, уже сооружена вчерпѣ подлѣ столицы, на горѣ Пулковой, по указанію Его Величества. Въ данномъ ей Уставѣ сказано, что цѣль ея состоитъ не только въ производствѣ постоянныхъ наблюденій, предпринимаемыхъ вообще для успѣха Астрономіи, для географическихъ предпріятій и ученыхъ путешествій, но и для усовершенствованія въ особенности Практической Астрономіи въ приспособленіи ея къ Географіи и Мореходству. Въ ежегодныхъ лѣтописяхъ Главная Обсерваторія будетъ сообщать прочимъ Отечественнымъ и иностраннымъ Обсерваторіямъ и Астрономамъ всѣ плоды своихъ наблюденій.

Академіи Наукъ принадлежитъ честь вліянія новой жизни въ Науку Отечественной Исторіи. Ея издѣвпіемъ совершенно было Археографомъ Строевымъ то замѣчательное путешествіе, которое доставило Русскому Дѣписанію богатые матеріалы. Для изданія ихъ учреждена при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія особая Археографическая Коммиссія, которой дѣйствія распространены въ 1837 году (18 Февр.). Она издаетъ не только одни Государственно-юридическіе акты, но

и самыя Лѣтописи и вообще всѣ древніе источники Отечественнѣй Исторіи, заботится объ усовершенствованіи Русскоѣй Пумизматики, и исполняетъ всѣ порученія Министра по предметамъ отпосланнымъ къ объясненію древней жизни нашего Отечества.

Академія Наукъ постоянно печатаетъ свои труды, а съ 1836 года она издаетъ еще особый Журналъ. Казанскій Університетъ началъ издавать свои Записки съ 1835 года. То же исполнялось Московскимъ и нѣкоторыми Профессорами Дерптскаго.

Необходимѣйшимъ въ семъ родѣ предпріятіемъ Министерство признало центральное для всего вѣдомства изданіе Журнала, который съ 1803 года и выходилъ въ свѣтъ подъ разными названіями, но въ 1829 году прекратился. Онъ возобновленъ въ 1834 году; доставилъ многимъ Ученымъ и Преподавателямъ возможность сообщать Публикѣ ихъ лекціи, взгляды на состояніе Наукъ, критическія изслѣдованія равныхъ эпохъ нашей Исторіи и разныхъ выходящихъ въ Россіи твореній, и сосредоточиваетъ въ себѣ общее наблюденіе за успѣхами литературной дѣятельности. Но главная цѣль его состоитъ въ обнародованіи мѣръ, предпринимаемыхъ Правительствомъ къ успѣшному ходу Наукъ и народнаго обученія, въ сообщеніи Наставникамъ новыхъ полезныхъ методовъ и въ распространеніи свѣдѣній о возрастающемъ въ Россіи просвѣщеніи сравнительно съ ходомъ его въ иныхъ земляхъ. Въ минувшія пять лѣтъ вышло въ свѣтъ 20 томовъ сего Журнала. Наставники юношества, живущіе вблизи столицъ, равно какъ и въ глу-

ши степенъ и въ далекихъ краяхъ Имперіи, снабжаются чтеніемъ, изъ котораго могутъ видѣть, чего Правительство ожидаетъ отъ нихъ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія: не бывавъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, они могутъ какъ бы присутствовать на лекціяхъ тамошнихъ Университетовъ, знакомятся со всеми плодами Ученыхъ нашихъ сословіи; а Преподаватели Высшихъ Заведеній могутъ повѣрять свои мысли и наблюденія мыслями и наблюденіями своихъ иногородныхъ товарищей. Между тѣмъ, зная прямое во всемъ намѣреніе Правительства, Учители могутъ сообразовать съ онымъ свои дѣйствія, не имѣя пужды ни въ какомъ чуждомъ руководствѣ.

Сей краткій, но по возможности полный очеркъ дѣйствій Правительства по части народнаго просвѣщенія, должно заключить обзоромъ мѣръ, касающихся матеріальныхъ пособій, и тѣхъ скромныхъ, но важныхъ и необходимыхъ средствъ, безъ которыхъ не можетъ быть успѣха и точности въ повсемѣстномъ исполненіи высокихъ предначертаній Державной власти и соотвѣтственныхъ тому распоряженій главнаго и мѣстныхъ Начальствъ.

По части хозяйственной послѣдовали важныя улучшенія. Давно чувствуемо было все неудобство завѣдыванія такъ-называвшимся въ Западныхъ Губерніяхъ общимъ эдукационнымъ фондушемъ или капиталами, пожертвованными въ разное время на воспитаніе юношества и обезпеченными на множествѣ недвижимыхъ имѣній того края. Легкость и успѣшность Государственнаго управленія зависитъ отъ

правильнаго раздѣленія занятій между его частями; но такое завѣдываніе, совершенно чуждое существенной цѣли Учебнаго Вѣдомства, сопряжено было съ непреодолимыми препятствіями, требуя пѣпосредственнаго прісмотра и непрерывныхъ процессовъ. По всеподданнѣйшему докладу Министра всѣ сіи капиталы поступили въ Казенное Вѣдомство, а въ замѣнъ ихъ назначенъ отъ Министерства Финансовъ взносъ 200,000 руб. серебромъ въ смѣту расходовъ Министерства Просвѣщенія. Подобнымъ образомъ и общій училищный пенсіонный капиталъ, затруднявшій Министерство въ его распоряженіяхъ, переданъ въ вѣдѣніе Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобы оно уже отъ себя удовлетворяло уволенныхъ отъ службы Училищныхъ Чиновниковъ слѣдующими имъ пенсіями и единовременными пособіями. — Между тѣмъ, для составленія постояннаго источника пенсій Приходскимъ Учителямъ и семействамъ ихъ, положено собирать въ одинъ составъ всѣ вычеты изъ жалованья ихъ и хранить отдѣльно впредь до изданія особыхъ Правилъ о пенсіяхъ для сего званія. — Въ пользу Домашнихъ Наставниковъ и Учителей составленъ также отдѣльный капиталъ, предназначенный на призрѣніе ихъ въ случаѣ старости или пензлечимыхъ болѣзней. — Деньги, собираемыя съ приходящихъ учениковъ, получили (11 Дек. 1837) правильное распредѣленіе въ пособіе отличнѣйшихъ Учителей, также въ приращеніе экономическихъ суммъ Училищъ и пенсіоннаго капитала для Учителей Приходскихъ. Долговременные опыты земель иностранныхъ показываютъ, что умѣренный сборъ съ учащихся не только не останавливаетъ успѣховъ просвѣщенія, но еще при-

даетъ рвеніе учащимъ и усиливаетъ надзоръ благомыслящихъ родителей за дѣтьми, чтобы они нерадѣніемъ не сдѣлали тщетными издержекъ, употребляемыхъ на ихъ обученіе. Нынѣ плата за ученіе введена во всѣ Гимназіи и Дворянскія Училища, исключая Войско Донское и Дирекціи Сибирскія и Закавказскую, впредь до усмотрѣнія. — Наконецъ, съ Высочайшаго соизволенія, Министерство приступило къ общей мѣрѣ касательно экономическихъ суммъ всѣхъ подвѣдомыхъ ему Учебныхъ мѣстъ. Сии суммы въ однихъ Заведеніяхъ съ избыткомъ превышали ихъ потребности, въ другихъ были недостаточны къ покрытію самыхъ нужнѣйшихъ расходовъ. Будучи нынѣ собраны въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія подъ названіемъ общаго экономическаго капитала Учебныхъ Гражданскихъ Заведеній, онѣ даютъ Министерству возможность изъ процентовъ съ оного удовлетворять вездѣ главнѣйшія нужды по постройкамъ и починкамъ Училищныхъ зданій, по приобрѣтенію домовъ и учебныхъ пособій. Расходы свыше 20,000 р. представляются на Высочайшее разрѣшеніе.

Часть строительная получила въ Министерствѣ тѣ же Правила, какія для нея установлены и по другимъ Вѣдомствамъ. Предписано Учебнымъ Начальствамъ вездѣ, гдѣ окажется возможнымъ, производить постройки чрезъ Губернскія Строительныя Коммиссіи; сверхъ того испрошено дозволеніе опредѣлять въ каждый Учебный Округъ Архитекторовъ, а для построекъ огромныхъ, требующихъ многихъ лѣтъ и многосложныхъ соображеній, учреждались особыя Строительныя

Коммисіи—въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Каменцѣ, Новѣгородѣ-Сѣверскомѣ, и пр. Кромѣ Главной Обсерваторіи на Пулковой горѣ, можемъ упомянуть объ отличныхъ, вновь отстроенныхъ или со вкусомъ и удобствомъ передѣланныхъ зданіяхъ: таковы въ здѣшней столицѣ зданія для Музеевъ Академіи Наукъ и такъ-называемый домъ Двѣнадцати Коллегій, что бывъ С. Петербургскій Университетъ и Главный Педагогическій Институтъ (новое великолѣпное зданіе Императорской Публичной Библіотеки принадлежитъ предшедшему пятилѣтію); въ Москвѣ — бывшій домъ Пашкова, нынѣ часть Университета; въ Казани — Обсерваторія, Библіотека, Кабинеты, оранжерея. Въ Кіевѣ возводятся зданія для Университета Св. Владиміра.

Остается бросить взглядъ на улучшеніе дѣлопроизводства. Оно скрывается отъ обыкновеннаго наблюдателя, которому нѣтъ нужды въ томъ, что цвѣтущее состояніе его выражаетъ правильную жизнь Вѣдомства и внутреннюю силу, являемую въ быстротѣ исполнительской. Сія часть не только не уступала другимъ на пути къ усовершенствованію, но еще упреждала ихъ и подвигала. Правила Канцелярскаго порядка утверждены вездѣ частыми окружными предписаніями; точнѣйшимъ образомъ опредѣлено время срочныхъ донесеній; испрошено Высочайшее соизволеніе опредѣлять въ каждую Дирекцію особаго Бухгалтера, и къ разсѣянію всякихъ недоумѣній касательно счетоводства, всѣ Учебныя мѣста снабжены единообразными подробными наставленіями, изданными особою книжкою; Университеты, Лицеи и Дирекціи,

получили новыя опредѣлительныя формы для годовыхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ своихъ, и заключающіяся въ нихъ статистическія свѣдѣнія служатъ богатымъ матеріаломъ для обзоровъ, разновременно сообщаемыхъ публикѣ. Наконецъ въ самомъ Министерствѣ, центрѣ распорядительной дѣятельности, обязанности каждаго приобрѣли новую опредѣлительность; Канцелярія Министра и Департаментъ Народнаго Просвѣщенія получили новое Учрежденіе и новыя Штаты, вмѣстѣ съ новымъ приличнымъ для себя помѣщеніемъ; всѣ формы дѣлопроизводства приведены въ ясную систему и изданы въ видѣ ручной книжки.

Таковы были въ теченіе миноваго пятилѣтія общія и частныя дѣйствія Правительства ко благу Отечественнаго просвѣщенія, любезнаго сердцу каждаго Русскаго. Обзоръ плодовъ, пожинаемыхъ на сей богатой нивѣ, ежегодно разрабатываемой съ возрастающимъ успѣхомъ, принадлежитъ статьѣ особой.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

за Генварь мѣсяць.

1. (1 Генваря) *О новомъ Штатѣ Учебныхъ Заведеній Виленской, Гродненской и Минской Губерній и Бѣлостокской Области.*

Указъ Правительствующему Сенату.

Утвердивъ представленный Министромъ Народнаго Просвѣщенія новый Штатъ Учебныхъ Заведеній Виленской, Гродненской и Минской Губерній и Бѣлостокской Области, повелѣваемъ: 1) приводить Штатъ сей въ исполненіе постепенно, соображаясь съ представленными на то Министерству Народнаго Просвѣщенія способами; 2) содержаніе Гимназіи въ Гродно, Уѣздныхъ для Дворянъ Училищъ: въ Вилькомирѣ, Новогрудкѣ и Дрогичинѣ, также Смотрителей Приходскихъ Училищъ, на основаніи утвержденного Нами въ 20 день Ноября 1832 года доклада Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, производить изъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ въ 1832 году Римскокатолическихъ монастырей. Потребности же прочихъ исчисленныхъ въ новомъ Штатѣ Учебныхъ Заведеній удовлетворять изъ суммы 185,000 руб. серебромъ, отпускаемой ежегодно изъ Государственнаго Казначейства въ замѣнъ доходовъ съ общаго educаціоннаго фондуша, и предпозначенныхъ въ дополненіе къ оной, въ случаѣ недостатка, 15,000 руб. серебр. въ годъ, изъ общихъ Государственныхъ до-

ходовъ, отпуская впредь послѣдніе каждый годъ, независимо отъ ограниченія, сдѣланнаго по нормальнѣй смѣтѣ расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) Смотрителей Приходскихъ Училищъ отнести по должности къ X классу, по мундиру къ IX разряду; пенсіи же и единовременныя пособія какъ имъ, такъ и семействамъ ихъ, назначать по Положенію 18 Ноября 1836 года. Учителямъ Наукъ и языковъ Русскаго и Латинскаго въ четырехклассныхъ Отдѣленіяхъ Гимназій состоятъ въ X классѣ; въ отношеніи же къ пенсіямъ и мундиру предоставить имъ одинакія права съ Младшими Учителями Гимпазій. Учителей Французскаго и Нѣмецкаго языковъ какъ въ Дворянскихъ Уѣздныхъ Училищахъ, такъ и въ Отдѣленіяхъ Гимназій, отнести по должности къ XII классу; въ прочихъ же преимуществахъ сравнивать ихъ съ Учителями Наукъ въ трехклассныхъ Уѣздныхъ Училищахъ. Учителямъ Рисованія, Черченія и Чистописанія въ Дворянскихъ Училищахъ и Отдѣленіяхъ Гимпазій, состоятъ по должности въ XII классѣ, а въ прочихъ преимуществахъ наравнѣ съ Учителями сихъ предметовъ въ трехклассныхъ Уѣздныхъ Училищахъ. Надзирателямъ за учащимися въ Гимназіяхъ предоставить одинакія преимущества съ Комнатными Надзирателями въ Папсіонахъ при Гимпазіяхъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать о семъ надлежащіа распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
1 Января 1839 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Быть по сему.

1 Января 1839 года.

Ш Т А Т Ъ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВІЛЕНСКОЙ, ГРОДНЕНСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНІЙ И БѢЛОСТОКСКОЙ ОБЛАСТИ.

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубли серебр.		Общій ИТОГЪ.
	Одному.	Всего.	
I. Виленскій Дворянскій Институтъ:			
Директору.	»	1,000	
При немъ: Письмоводителю.	»	200	
Писцу.	»	80	
На канцелярскіе припасы.	»	50	
Инспектору.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: одному Грекороссійскаго, а другому Рим- скокатолическаго Исповѣданій. .	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ: 1 и 2 Русскаго языка и Словесности, 3 и 4 Латинскаго языка, 5 и 6 Математики и Физики, и 7 Исто- ріи и Статистики (*).	450	3,150	
Тремъ Младшимъ Учителямъ: 1 Нѣмецкаго, 2 Французскаго язы- ковъ и 3 Географіи и въ помощь Старшимъ Учителямъ (*).	350	1,050	
(*) То же самое раздѣленіе Наукъ существуетъ и во всѣхъ Гимназіяхъ, полагаемыхъ въ этомъ Штатѣ.			

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубл серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	»	7,660
II. ГИМНАЗИИ:			
<i>Виленская Губернская Гимназія.</i>			
Директору.	»	1,000	
Ему на разѣзды.	»	200	
При немъ: Письмоводителю.	»	200	
Двумъ Писцамъ.	80	160	
На канцелярскіе припасы.	»	70	
Инспектору.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ.	450	3,150	
Тремъ Младшимъ.	350	1,050	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
Тремъ Надзирателямъ за учащи- мися.	250	750	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	800	
И того		8,860	

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубл. серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
<i>Гимназія Виленской Губерніи въ м. Крожахъ.</i>			
Директору.	»	800	
При немъ Письмоводителю.	»	150	
На канцелярскіе расходы. .	»	50	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ. . .	400	2,800	
Одному изъ нихъ за исправленіе должности Инспектора, приба- вочнаго жалованья.	»	150	
Тремъ Младшимъ Учителямъ. .	300	900	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	6,480	
<i>Гродненская Губернская Гимназія.</i>			
Директору.	»	800	
Ему на разъѣзды.	»	200	
При немъ: Письмоводителю.	»	150	
Писцу.	»	80	
На канцелярскіе припасы. . .	»	60	
Инспектору.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ.	400	2,800	
Тремъ Младшимъ.	300	900	

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубли серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
Двумъ Надзирателямъ за учащи- мися.	200	400	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	7,520	
<i>Гимназія Гродненской Губерніи въ м. Свислочь.</i>			
Директору.	»	800	
При немъ Письмоводителю.	»	150	
На канцелярскіе припасы.	»	50	
Двумъ Закопучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ.	400	2,800	
Одному изъ нихъ за исправленіе должности Инспектора, приба- вочнаго жалованья.	»	150	
Тремъ Младшимъ Учителямъ.	300	900	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	6,480	
<i>Минская Губернская Гимназія.</i>			
Директору.	»	800	
Ему на разъѣзды.	»	200	

Предметы расходовъ.	Рубли серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
При немъ: Письмоводителю.	»	150	
Иисцу.	»	80	
На канцелярскіе припасы.	»	60	
Инспектору.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ.	400	2,800	
Тремъ Младшимъ.	300	900	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	
Двумъ Надзирателямъ за учащи- мися.	200	400	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	7,520	
<i>Бѣлостокская Областная Гимназія.</i>			
Директору.	»	800	
Ему на разъѣзды.	»	100	
При немъ Письмоводителю.	»	150	
На канцелярскія потребности.	»	60	
Инспектору.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	250	500	
Семи Старшимъ Учителямъ.	400	2,800	
Тремъ Младшимъ.	300	900	
Двумъ Младшимъ Учителямъ для отдѣленій двухъ нижнихъ клас- совъ.	300	600	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	240	

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубли серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
Двумъ Надзирателямъ за учащи- мися.	200	400	
На учебныя пособія.	»	200	
На награды ученикамъ.	»	40	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	650	
И того	»	7,940	
Всего на шесть Гимназій	»	»	44,800
III. Уѣздныя пятиклассныя для Дворянъ Училища.			
На одно :			
Штатному Смотрителю.	»	500	
Двумъ Законоучителямъ: Греко- россійскаго и Римскокатолическа- го Исповѣданій.	150	300	
Двумъ Старшимъ Учителямъ: 1 Русскаго и 2 Латинскаго язы- ковъ.	400	800	
Тремъ Младшимъ Учителямъ: 1 Математики, 2 Исторіи и Гео- графіи и 3 въ помощь вышеска- заннымъ для низшихъ классовъ.	300	900	
Двумъ Учителямъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ.	240	480	
Учителю Рисованія, Черченія и Чистописанія.	»	150	
На учебныя пособія.	»	80	
На награды ученикамъ.	»	20	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	350	
И того	»	3,580	

Предметы расходовъ.	Рубли серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
А на 17 Училищъ, по Губерніямъ: <i>Виленской въ Вильнѣ, Ковно, Вилькомиръ, Поневѣжѣ, Свенцѣанахъ, Кейданахъ и Шавляхъ; Гродненской — въ Лидѣ, Пружанахъ, Новогрудкѣ, Слонимѣ и Брестъ-Литовскомъ; Минской — въ Мозырѣ, Пинскѣ, Бобруйскѣ и Молодечно, и по Бѣлостокской Области въ Дрогичинѣ.</i>	»	»	60,860
Сверхъ того въ Кейданскомъ Уѣздномъ для Дворянъ Училищѣ, Учителю Нѣмецкаго языка, за преподаваніе Закона Божія ученикамъ Ресформатскаго и Лютеранскаго Исповѣданій, прибавочнаго жалованья.	»	»	80
IV. Осовенныя четырех-классныя Отдѣленія Гимназій.			
На одно:			
Четыремъ Учителямъ: 1 Русскаго языка, 2 Латинскаго языка, 3 Исторіи и Географіи и 4 Математики.	300	1,200	
Одному изъ нихъ за исправленіе должности Смотрителя, прибавочнаго жалованья.	»	150	
Запоучителю Римскокатолическаго Исповѣданія.	»	150	
<i>Примѣчаніе.</i> Ученики Грекороссійскаго исповѣданія обучаются Закону Божію у Заповоучителя Гимназій.			

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	Рубли серебр.		Общій итогъ.
	Одному.	Всего.	
Двумъ Учителямъ языковъ: Французскаго и Нѣмецкаго. . . .	240	480	
Учителю Рисованія, Черченія и Числосанія.	»	150	
На учебныя пособія.	»	80	
На награды ученикамъ.	»	20	
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.	»	250	
И того	»	2,480	
А на три таковыя отдѣленія Гимназій Минской, Слуцкой и Вѣлостокской.	»		7,440
V. Смотрителямъ Приходскихъ Училищъ:			
1. Въ Самогичѣ, жалованья.	»	340	
2. Въ остальной части Виленской Губерніи.	»	320	
3. Въ Минской Губерніи.	»	320	
4. Въ Гродненской Губерніи.	»	320	
Въ случаѣ пенсій для нихъ казенныхъ помѣщеній, производятся имъ квартирные деньги. . . .	60	240	
И того	»	»	1,540
Примѣчаніе. Во время разѣздовъ по дѣламъ службы, выдаются имъ прогоныя деньги на счетъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ Римскокатолическихъ монастырей.			
Всего по сему Штату	»	»	122,380

Подлинный подписалъ: *Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ.*

2. (3 Генваря) *Объ опредѣленіи при Казанскомъ Университетѣ Лектора Персидскаго языка.*

По Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: при Казанскомъ Университетѣ, сверхъ положенныхъ по Штату Лекторовъ языковъ, имѣть еще Лектора Персидскаго языка, съ жалованьемъ по 1600 руб. изъ экономическихъ суммъ Университета, и съ предоставленіемъ ему правъ и преимуществъ прочихъ Лекторовъ Университета.

3. (3 Генваря) *О сборѣ на устройство Благороднаго Пансіона при Екатеринославской Гимназіи.*

Г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: привести въ дѣйство постановленіе Дворянства Екатеринославской Губерніи о дополнительномъ сборѣ на устройство Благороднаго Пансіона при тамошней Гимназіи, съ тѣмъ, чтобы опредѣленный въ ономъ дополнительный сборъ въ теченіе 3 лѣтъ, по 15 коп. съ души помѣщичьихъ крестьянъ Екатеринославской Губерніи, произведенъ былъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, установленнымъ дополненіемъ къ 512 ст. 4 Т. Св. Зак. порядкомъ.

4. (9 Генваря) *О приѣстановленіи на одинъ годъ приѣма Студентовъ въ Университетъ Св. Владиміра.*

Указъ Правительствующему Сенату.

По представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, признавая за благо принять нижеслѣдующія мѣры по Университету Св. Владиміра, повелѣваемъ:

1) Студентамъ нынѣ находящимся въ семъ Университетѣ и подлежащимъ слѣдствію, которое производится по случаю безпорядковъ, возникшихъ въ Западныхъ Губерніяхъ, предоставить право поступить въ другіе Россійскіе Университеты, по выбору каждаго, безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени, беспорочно проведеннаго ими въ Университетѣ Св. Владиміра.

2) Тѣмъ изъ числа сихъ Студентовъ, кои не пожелаютъ перейти въ другіе Университеты, дозволить вступить въ Гражданскую службу на основаніи существующихъ правилъ, съ тѣмъ на сей разъ преимуществомъ, что при опредѣленіи въ оную сіи Студенты, при хорошихъ успѣхахъ и нравственности, удостоятся чина *дѣнадцатаго* класса, если находились въ четвертомъ курсѣ, и чина *четырнадцатаго* класса, если поступать въ службу изъ третьяго и втораго. Всѣ они, согласно съ узаконеніями, должны считаться во второмъ разрядѣ Гражданскихъ Чиновниковъ.

3) За симъ приѣстановить приѣмъ Студентовъ и чтеніе лекцій въ Университетѣ Св. Владиміра на одинъ годъ, по истеченіи коего возобновить и приѣмъ Студентовъ и Университетскіе курсы, если къ сему сроку окажется достаточное число Воспитанниковъ Гимназій, имѣющихъ исключительное право поступать въ

сей Университетъ, на основаніи утвержденного Нами распоряженія Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30-го Сентября 1837 года.

4) Бывшихъ Студентовъ Университета Св. Владиміра вторично не допускать въ оный; mogućия быть исключенія изъ сего правила должны имѣть мѣсто не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія.

5) Профессоры Ординарные и Экстраординарные, Адъюнкты и Преподаватели, по Штату положенные, сохраняютъ оклады жалованья впредь до открытія вновь преподаванія въ Университетѣ Св. Владиміра. Между тѣмъ Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣетъ распорядиться, чтобъ всѣ лица, принадлежащія къ ученому сословію, занимались приуготовленіемъ учебныхъ книгъ и руководствъ, и по усмотрѣнію Университетскаго Начальства употреблялись на пользу прочихъ Учебныхъ Заведеній, состоящихъ въ Киевскомъ Округѣ.

6) Казенныхъ Студентовъ Университета Св. Владиміра распредѣлить по удобствамъ по другимъ Университетамъ, продолжая имъ содержаніе изъ суммъ, ассигнованныхъ на оный.

7) Отпускъ суммъ, слѣдующихъ изъ Государственнаго Казначейства по росписи 1839 года на содержаніе Университета Св. Владиміра, продолжать на прежнемъ основаніи.

8) Суммы, mogućія остаться какъ отъ сего источника, такъ и отъ прочихъ, равно и отъ временнаго упраздненія нѣкоторыхъ должностей, обращать въ строительную сумму для скорѣйшаго окончанія Университетскаго зданія.

9) Всѣ дальнѣйшія распоряженія къ приведенію сихъ мѣръ въ дѣйство предоставляются Министру Народнаго Просвѣщенія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее къ исполненію сего распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
9 Января 1839 года.

5. (13 Января) *О нѣкоторыхъ правахъ Виленскому Дворянскому Институту.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволить:

1) Высшему классу Виленскаго Дворянскаго Института позволять носить при мундирѣ шпагу.

2) Преимущество, дарованное статьею 129 Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ Студентамъ, кончившимъ съ успѣхомъ курсъ, при опредѣленіи въ военную службу, распространить на тѣхъ же условіяхъ и на Воспитанниковъ Виленскаго Дворянскаго Института, кончившихъ въ семъ Заведеніи полный курсъ и отличившихся успѣхами въ Наукахъ и похвальною нравственностію.

3) Распространить на Воспитанниковъ Виленскаго Дворянскаго Института, готовящихся къ гражданской службѣ, дарованное Г. Министру Народнаго Просвѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ дозволеніе представлять отличнѣйшихъ изъ Университет-

скихъ Студентовъ къ опредѣленію въ Департаменты Министерствъ, по соглашенію съ Министрами. Само собою разумѣется, что снмъ преимуществомъ, кромѣ всѣхъ прочихъ условій, могутъ воспользоваться только тѣ изъ Воспитанниковъ, кои при окончаніи курса въ Институтѣ удостоятся получить чинъ 14 класса.

6. (17 Генваря) *О дозволеніи возвышать оклады жалованья Учителей Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Гимназіяхъ.*

Въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: оклады жалованья Учителей Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Гимназіяхъ дозволить возвышать по разрѣшенію Министра Народнаго Просвѣщенія до 1800 руб. изъ экономическихъ суммъ Гимназій и состоящихъ при нихъ Благородныхъ Пенсіоновъ, не принимая однакожь таковыхъ прибавокъ къ штатнымъ окладамъ въ соображеніе при назначеніи пенсій.

7. (31 Генваря) *О дозволеніи Свиридову, отправленному для усовершенствованія въ Медицинскихъ Наукахъ на два года за границу, остаться тамъ еще годъ.*

Государь Императоръ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: Лекарю I Отдѣленія изъ Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ Харьковскаго Университета Свиридову, отправленному для усовершенствованія въ Медицинскихъ Наукахъ на два года въ Берлинъ,

Боннѣ, Минхенѣ и Вѣну, продолжить пребываніе за границу еще на одинъ годъ, съ прежнимъ содержаніемъ по 1000 руб. серебромъ въ годъ, изъ свободныхъ остаточныхъ суммъ Университета.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И НАГРАЖДЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕННЫ.

Состоящій въ Вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Двора Его Императорскаго Величества Каммергеръ, Надворный Совѣтникъ *Князь Григорій Волконскій* — въ должность Помощника Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа (9 Генваря).

По Харьковскому Университету.

Ординарный Профессоръ *Кунцынъ* — Ректоромъ (17 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Академики Академіи Наукъ *Фусъ* и *Беръ* и Ординарные Профессоры С. Петербургскаго Университета *Плетневъ* и *Калмыковъ* — Инспекторами надъ Частными Панионами и Училищами въ С. Петербургѣ на 1839 годъ (6 Генваря).

По Московскому: Московскаго Университета Ординарный Профессоръ *Крюковъ* и Экстраординарный Профессоръ *Числевъ* — Инспекторами надъ Частными Панионами и Училищами въ Москвѣ на 1839 годъ (6 Генваря).

По Харьковскому: Статскій Совѣтникъ *Каспаръ* — Почетнымъ Попечителемъ Орловской Гимназіи (31 Генваря).

По Одесскому: Почетным Попечителями Гимназий: Екатеринославской — Коллежский Советник *Носенко*, Таганрогской — Штабс-Капитанъ *Сомовъ*, Херсонской — Коллежский Секретарь *Ромстадиусъ* и Симферопольской — Статский Советникъ *Заставский* (31 Января).

НАГРАЖДЕННЫ:

а) Орденами.

Св. Анны 2-й степени: Академикъ, Статский Советникъ *Шмидтъ* (21 Января).

Св. Станислава 3-й степени: Коллежский Ассессоръ *Шадурский* — за отличное усердіе, оказанное учрежденіемъ Конвикта для бѣдныхъ Дворянъ при Витебской Гимназіи (17 Января).

б) Подарками.

Губернский Секретарь *Менцовъ* — за выгравированіе медальоновъ, изобрѣтенныхъ Графомъ Толстымъ въ память военныхъ событій 1812, 1813, 1814 и 1815 г. (9 Января).

Профессоръ Дерптскаго Университета *Бунге* — за поднесеніе Его Величеству сочиненія своего: «Darstellung des Liv- und Estländischen Privatrechts» (14 Января).

Объявлено Монаршее благоволеніе.

Дворянству Екатеринославской Губерніи — за пожертвованіе на учрежденіе при тамошней Гимназіи Благороднаго Пансіона (28 Января).

По Высочайшему Повелѣнію Государя Императора объявлено Сенатору, Тайному Советнику *Бутур-*
Часть XXI. Отд. I.

лему, что первый томъ изданной имъ *Исторіи смутнаго времени въ Россіи* принять Его Императорскимъ Величествомъ съ признательностію, и что полезныя сочиненія его объ *Отечественной Исторіи* удостоиваются благосклоннаго Его Величества вниманія (14 Января).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

за Генварь мѣсяцъ.

1. (7 Генваря) *О преподаваніи въ Реальномъ классѣ Ларинской Гимназіи Коммерческой Арифметики и Естественной Исторіи.*

По представленію Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ открыть преподаваніе въ Реальномъ классѣ Ларинской Гимназіи Коммерческой Арифметики и Естественной Исторіи съ тѣмъ, чтобы плата Учителямъ сихъ предметовъ, всего обонихъ, тысяча пятьсотъ рублей въ годъ, производилась изъ особо вносимой на учрежденіе означеннаго отдѣльнаго курса пользующимися онымъ Пансіонерами, Полупансіонерами и вольноприходящими учениками платы, съ дополненіемъ, чего не доставать будетъ, изъ экономической суммы Гимназіи.

2. (7 Генваря) *Объ опредѣленіи Врача при Херсонской Гимназіи.*

По представленію Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе вольнопрактикующаго Лекаря Берштейна Врачемъ при Херсонской Гимназіи, согласно изъявленному имъ желанію, безъ жалованья.

2. (7 Генваря) *Объ учрежденіи Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ.*

По представленію Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, изъявивъ согласіе на учрежденіе въ Дерптѣ Ученаго Эстонскаго Общества, съ опредѣленіемъ Предсѣдателемъ оного избраннаго Учредителями Пастора Дерптскаго Эстонскаго Прихода *Генне*, утвердилъ прилагаемый при семъ Уставъ сего Общества.

У С Т А В Ъ

УЧЕНАГО ЭСТОНСКАГО ОБЩЕСТВА, ВЪ ДЕРПТѢ.

§ 1. Ученое Эстонское Общество, состоя при Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ, имѣетъ цѣлю содѣйствовать познанію древняго и настоящаго состоянія Эстонскаго народа, его языка и Литературы, равно какъ и страны имъ обитаемой.

§ 2. Для достиженія этой цѣли Общество будетъ: 1) въ засѣданіяхъ своихъ разсуждать о предметахъ, къ сей цѣли относящихся; 2) собирать письменные и другіе памятники, ведущіе къ точнѣйшему познанію Эстонскаго народа.

§ 3. Общество собирается ежемѣсячно, въ первую Среду каждаго мѣсяца. Кромѣ того въ день учрежденія Общества 18 Генваря, бываетъ въ залѣ Университета годовичное собраніе.

§ 4. Въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ Члены разсуждаютъ о предметахъ, сообразныхъ съ цѣлю Общества, показанною въ § 1; они читаютъ статьи, соотвѣтственныя сей цѣли. Въ случаѣ необходимаго

какого-нибудь объясненія или изслѣдованія, Общество большинствомъ голосовъ избираетъ Члена, который обязанъ въ первое за тѣмъ засѣданіе письменно или словесно донести о слѣдствіяхъ порученнаго ему изслѣдованія.

§ 5. Если какая статья по чему-либо признана будетъ Обществомъ за важную, то оно имѣетъ право требовать, чтобы та статья сообщена была ему письменно, вполнѣ или въ извлеченіи; она хранится въ Архивѣ Общества, а въ послѣдствіи, при случаѣ, печатается, если Авторъ изъяснитъ на то свое согласіе.

§ 6. Общество издаетъ труды свои частію отъ себя, отдѣльными тетрадами, подъ заглавіемъ: «Труды Ученаго Эстонскаго общества въ Дерптѣ», частію же печатаетъ ихъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

§ 7. Годичное собраніе Общества, 18 Генваря, открываетъ Президентъ Рѣчью или приличнымъ сему случаю Разсужденіемъ: послѣ чего Секретарь Общества читаетъ отчетъ о дѣйствіяхъ его за прошедшій годъ, о состояніи коллекціи и кассы Общества.

§ 8. По прочтеніи Отчета и по разсмотрѣніи внутреннихъ экономическихъ дѣлъ Общества, Члены приступаютъ къ обыкновеннымъ разсужденіямъ, какъ и въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ.

§ 9. Коллекція Общества будутъ состоять: 1) изъ *Эстонской библіотеки*. Общество предполагаетъ пріобрѣсти все написанное на Эстонскомъ языкѣ, равно какъ и сочиненія, относящіяся къ познанію Эстонскаго народа; 2) изъ *Эстонскаго Музея*, въ которомъ будутъ находиться всѣ прочіе памятники, служащіе къ достиженію цѣли Общества.

§ 10. Общество состоитъ изъ неопредѣленнаго числа Членовъ, которые дѣлятся на жительствоующихъ въ Дерптѣ и на иногородныхъ.

§ 11. Члены, составившіе Общество при первомъ его образованіи, почитаются учредителями; имъ предоставляется право избирать Членовъ впредь.

§ 12. Въ Члены Общества избирается только тотъ, кто имѣетъ желаніе и способность усердно способствовать цѣли Общества, изложенной въ §§ 1 и 2.

§ 13. Каждый изъ учредителей, а въ послѣдствіи и каждый ими выбранный Членъ имѣетъ право предлагать особо къ принятію въ Члены Общества. Выборъ предложеннаго производится въ первомъ за тѣмъ засѣданіи посредствомъ балотирования: какъ принятіе новаго Члена, такъ и всякое опредѣленіе Общества, рѣшается въ присутствіи по крайней мѣрѣ осьми Членовъ. Для принятія предложеннаго потребно не менѣе трехъ четвертей голосовъ присутствующихъ Членовъ.

§ 14. Каждый Членъ обязанъ по силамъ способствовать цѣли Общества, а именно: 1) сообщать результаты своихъ трудовъ по предмету, который подлежитъ изслѣдованію Общества; 2) принимать и исполнять порученія, возлагаемые на него Обществомъ; 3) стараться о приращеніи коллекцій Общества, и 4) ежегодно вносить по пятнадцати рублей ассигнаціями въ кассу Общества.

§ 15. Поелику ежемѣсячныя собранія Общества происходятъ у Членовъ, жительствоующихъ въ Дерптѣ, то они обязаны принимать оное у себя по очереди.

§ 16. Общество избираетъ ежегодно, въ день своего основанія, изъ Членовъ, жительствоующихъ въ

Дерптѣ, большинствомъ голосовъ Президента и Секретаря. Первый изъ нихъ представляется установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія.

§ 17. Президентъ назначаетъ чтеніе представляемыхъ статей и руководствуетъ совѣщанія, также хранитъ коллекціи Общества.

§ 18. Секретарь ведетъ протоколъ въ собраніяхъ и нужную переписку, хранитъ архивъ и завѣдываетъ кассою Общества.

§ 19. Суммы, хранящіяся въ кассѣ Общества, употребляются на потребные расходы, особенно на приумноженіе коллекцій онаго, на напечатаніе ученыхъ трудовъ и прочихъ сочиненій. Мелкими расходами распоряжается Секретарь самъ; но для выдачи 25 руб. асс. нужно согласіе Президента; на издержку же превышающую 50 руб. асс. требуется согласіе Общества.

§ 20. Общество имѣетъ собственную печать, которая хранится у Секретаря. Она представляетъ летящую сову съ надписью кругомъ: «печать Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ».

4. (20 Генваря) *Объ опредѣленіи третьяго Помощника Инспектора Студентовъ С. Петербургскаго Университета.*

По представленію Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе сверхъ двухъ Помощниковъ Инспектора Студентовъ С. Петербургскаго Университета, еще одного съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ.

5. (20 Января) *Объ учрежденіи при Харьковскомъ Университетѣ Практической Ветеринарной Школы.*

По представленію Помощника Попечителя Харьковскаго Учебнаго Обруга, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ открыть при Харьковскомъ Университетѣ Практическую Ветеринарную Школу для Своекоштныхъ Воспитанниковъ, въ видѣ опыта на три года, давъ оной въ руководство особое Положеніе и Штатъ.

6. (20 Января) *О взиманіи платы за ученіе съ приходящихъ учениковъ Гимназій и Дворянскихъ Уѣздныхъ Училищъ Бѣлорускаго Учебнаго Округа.*

По представленію Помощника Попечителя Бѣлорускаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на взиманіе съ начала будущаго курса платы за ученіе съ приходящихъ учениковъ Гимназій и Дворянскихъ Уѣздныхъ Училищъ Бѣлорускаго Учебнаго Округа на основаніи утвержденныхъ на сей предметъ Главнымъ Правленіемъ Училищъ 11 Декабря 1837 года Правилъ, съ слѣдующими только отъ оныхъ отступленіями.

1) Назначить плату въ Гимназіяхъ: Виленской, Крожской и Свислочской по 5 руб. сер., въ Гродненской, Бѣлостокской и Минской по 4 руб. сер., а въ Могилевской, Витебской и Динабургской по 15 руб. асс.; въ Дворянскихъ Училищахъ четырехъ Западныхъ Дирекцій по 3 руб. сер., а въ двухъ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ по 10 руб. асс. въ годъ съ cadaго ученика.

2) Выручаемую отъ сего сбора сумму въ Дирекціяхъ и отдѣльныхъ Гимназіяхъ трехъ Западныхъ

Губерній и Бѣлостокской Области обращать преимущественно на выдачу квартирныхъ денегъ Училищнымъ Чиновникамъ и на покрытіе прочихъ постоянныхъ сверхштатныхъ расходовъ; изъ остальной же за тѣмъ части сей суммы, одну половину употреблять на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и въ особенноти Русскихъ книгъ, а другую половину причислять въ составъ пенсіоннаго капитала для Учителей Приходскихъ Училищъ.

3) Для уравниенія назначаемаго сбора съ падающими на него расходами, принимать оный по чetyремъ Западнымъ Дирекціямъ въ сложности; распределеніе же общей суммы, собираемой за ученіе, на надобности каждаго Учебнаго Заведенія, и отдѣленіе за тѣмъ причитающагося въ составъ пенсіоннаго капитала количества денегъ предоставляется Начальству Округа; безъ разрѣшенія коего означенная сумма не должна быть употребляема мѣстными Училищными Начальствами.

4) Плату сію установитъ на вышеизложенномъ основаніи въ помннутыхъ Учебныхъ Заведеніяхъ въ видѣ опыта на два года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего времени представлено было Министерству о послѣдствіяхъ сей мѣры и объ измѣненіяхъ, какія на дѣлѣ окажется нужнымъ допустить въ семъ распоряженіи.

7. (26 Генваря) *О порядкѣ замышленія учрежденныхъ въ Университетахъ: С. Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ 5 казенныхъ мѣстъ учениками Бѣлорускаго Учебнаго Округа.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, находясь съ своей стороны справедливымъ учрежденныя въ

Университетахъ: С. Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ въ каждомъ 5 казенныхъ мѣстъ для учениковъ Бѣлорускаго Округа предоставить отличнѣйшимъ Воспитанникамъ изъ оканчивающихъ ежегодно курсъ въ Гимназіяхъ Бѣлорускаго Округа, предложилъ Помощнику Попечителя сего Округа принять за правило помѣщать на опыта въ теченіе каждаго года вообще не болѣе пяти человѣкъ, пока не наполнится ими весь комплектъ 20 человѣкъ: послѣ чего уже будутъ замѣщаемы открывающіяся ваканціи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И УВОЛЬНЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕННЫ:

По Вѣдомству Императорской Академіи Наукъ.

Воспитанникъ Императорской Академіи Наукъ **Фусъ Младшій** — Помощникомъ Астронома при Астрономической Главной Обсерваторіи, съ производствомъ ему штатнаго содержанія и съ прекращеніемъ производимагося отъ Академіи оклада (27 Генваря).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: Отставной Полковникъ **Фицтумъ** — Инспекторомъ Студентовъ (31 Генваря).

По Московскому: Студенты Главнаго Педагогическаго Института **Спасскій** и **Лешковъ** — Адъюнктами, первый по кафедрѣ Физики и Физической Географіи, а послѣдній по Юридическому Факультету (26 Генваря).

По Харьковскому: Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора **Дьяченко** утвержденъ въ сей должности по кафедрѣ Прикладной Математики (7

Генваря); Студентъ Главнаго Педагогическаго Института *Лукашовичъ* — Адъюнктомъ по кафедрѣ Римской Словесности и Древностей (26 Генваря).

По Главному Педагогическому Институту.

Смирновъ 3-й — Смотрителемъ Втораго Разряда сего Института, съ порученіемъ ему преподаванія Исторіи и Россійской Словесности въ предварительномъ курсѣ Института (12 Генваря): Студентъ сего Института *Меншиковъ* — Адъюнктомъ Латинской Словесности (20 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Коллежскій Регистраторъ *Кривошъ* (12 Генваря) и Капитанъ-Лейтенантъ *Головинъ* (20 Генваря) — Почетными Смотрителями Уѣзныхъ Училищъ, первый Бѣлевскаго, а послѣдній Буйскаго.

По Казанскому: Отставной Гвардіи Штабсъ-Ротмистръ *Теренинъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Казанскаго Уѣзнаго Училища (7 Генваря).

По Харьковскому: Коллежскій Секретарь *Безродный* и Губернскій Секретарь *Серебряковъ* — Почетными Смотрителями Уѣзныхъ Училищъ, первый (20 Генваря) Кременчугскаго, а послѣдній (31 Генваря) Кизлярскаго.

УВОЛЕНЫ:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Надворный Совѣтникъ Князь *Волконскій* — отъ должности Чинаовника особыхъ порученій, по случаю назначенія его въ должность Помощника Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа (20 Генваря); 9 класса *Албрехтъ* — отъ должности Помощника Бухгалтера и Контролера, по прошенію (28 Генваря).

По С. Петербургскому Университету.

Коллежскій Совѣтникъ *Филипповъ* — отъ должности Инспектора Студентовъ, для опредѣленія, по желанію его, на службу по Учебному Вѣдомству въ Царство Польское (14 Генваря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Отставной Штабсъ-Капитанъ *Шушкинъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Рыбинскаго Уѣзднаго Училища (20 Генваря).

По Казанскому: Почетный Смотритель Симбирскаго Уѣзднаго Училища *Малаевъ* — отъ сей должности (31 Генваря).

По Харьковскому: Почетный Смотритель Орловскаго Уѣзднаго Училища Титулярный Совѣтникъ *Передельскій* — вовсе отъ службы, по прошенію, съ дозволеніемъ ему носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный (7 Генваря).

Объявлена благодарность Г. Министра.

Помощнику Попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, Статскому Совѣтнику *Груберу* — за подробный и удовлетворительный осмотръ Учебныхъ Заведеній Бѣлорусскаго Округа (20 Генваря).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1839.

М А Р Т Ъ.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1859 ГОДЪ.

ОТД. I. Дѣйствія Правительства. — 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

ОТД. II. Словесность, Науки и Художества. — Статьи по части Религій, Философій, Законовѣдѣнія, Нравоученія, Педагогики, Исторіи, Литературы, Отечественнаго языка, и другихъ общепользныхъ Знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

ОТД. III. Извѣстія о вѣ Отечественныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.

ОТД. IV. Извѣстія о вѣ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ. — Тутъ же и донесенія пребывающихъ за границею Русскихъ Воспитанниковъ о вѣ успѣхахъ ихъ занятій при иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ Заведеніяхъ.

ОТД. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда же относится и Біографія людей, содѣйствовавшихъ успѣху Наукъ и гражданственности.

ОТД. VI. Обзорѣніе книгъ и журналовъ.

ОТД. VII. Новости и Смѣсь касаются открываемыхъ древностей, новѣйшихъ изобрѣтеній, отличныхъ произведеній Художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ Академій и Ученыхъ Обществъ, разныхъ событій имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и проч.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Кромѣ сего издаются особыя къ Журналу

ПРИВЪВЛЕНІЯ:

1. Оффиціально-учебныя.
2. Литературныя.
3. Библіографическія
4. Труды Воспитанниковъ Учебныхъ Заведеній.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

за Февраль мѣсяцъ.

8. (7 Февраля) *Объ уступкѣ Университету Св. Владиміра одной десятины земли изъ принадлежащаго Кіевскому Софійскому собору мѣста.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ принадлежащаго Кіевскому Софійскому собору мѣста на Западномъ берегу рѣки Лыбеди, уступить Университету Св. Владиміра одну десятину земли безвѣдно, подъ постройку Университетской Обсерваторіи.

9. (14 Февраля) *Объ учрежденіи при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія должности Помощника Экзекутора.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: вновь учрежденную при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія должность Помощника Экзекутора, съ производствомъ ему жалованья, въ сравненіи съ Младшимъ Помощникомъ Столначалъ.

ника, по 1000 руб. и столовыхъ по 200 руб. въ годъ изъ Хозяйственной суммы Департамента, отнести къ X классу, а по мундиру и по пенсіи къ IX разряду.

19. (21 Февраля) О содержаніи Приходскаго Училища въ городъ Коль.

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: потребныя на содержаніе въ городѣ Коль, Архангельской Губерніи, Приходскаго Училища 1450 руб. въ годъ производить изъ Государственнаго Казначейства.

Въ томъ же мѣсяцѣ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И НАГРАЖДЕНІЯ.

Въ томъ же мѣсяцѣ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

По Харьковскому Университету.

Въ томъ же мѣсяцѣ.

По Ученымъ Округамъ.

По Московскому: Коллежскій Советникъ Родикъ.

Почетный Попечитель Рязанской Гимназіи.

По Казанскому: Гвардіи Штабъ-Ротмистръ Герасимъ и Поручикъ Давыдовъ — Почетными Попечителями

Въ томъ же мѣсяцѣ.

Гимназій, первый Казанскій, а послѣдній Уфимской (28 Февраля).

НАГРАЖДЕНЫ:

а) **Орденами**

Св. Владимира 4-й степени: Профессоръ Берлинскаго Университета, Докторъ Медицины *Геккеръ* (26 Февраля).

Св. Анны 3-й степени: Ординарный Профессоръ Харьковскаго Университета, Докторъ Медицины *Ванцетти* — въ награду отлично-усердной службы его и успѣшнаго произведенія хирургическихъ экскурсій въ округахъ Новороссійскаго военнаго поселенія (4 Февраля).

б) **Чинами**
Коллежскаго Секретаря, Исправляющій должность Правителя Канцеляріи Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа *Дзюбинъ* и Помощникъ Столоначальника той же Канцеляріи *де-Роберти* — за отличія по службѣ (21 Февраля).

с) **Подаркомъ.**

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Татищевъ* — за поднесеніе Государю Императору перваго тома издаваемого имъ *Всеобщаго Французско-Русскаго Словаря* (13 Февраля).

д) **Серебрянымъ кресткомъ.**

Якутской Области Олекминскаго улуса Голова, изъ инородцевъ *Малышевъ* (7 Февраля).

с) Медалями.

Ишмискій 2-й гильдіи купецъ Черняковскій, Астраханскій 2-й гильдіи купецъ Солодовниковъ и проживающій въ Астрахани Баденскій подданный Швейцера — золотыми медалями съ надписью за полезное, для ношенія на шеѣ, первый на Владимірской; второй на Александровской и послѣдній на Аннинской лентѣ, — за пожертвованія въ пользу Училищъ и Публичныхъ Библіотекъ (7 Февраля).

Объявлено Монаршее благоволеніе.

Почетному Смотрителю Богородскаго Уезднаго Училища, Камеръ-Юнкору Двора Е. И. В., Коллежскому Ассессору Князю Голицыну — за пожертвованія въ пользу Учебныхъ Заведеній (7 Февраля); Г. Арицыбашеву — за составленное имъ *Повѣствованіе о Россіи* и Московскому Обществу Исторій и Древностей Россійскихъ — за наданіе сего повѣствованія и *Русскаго Историческаго Словаря* (13 Февраля); Статскому Совѣтнику Эдварду — за поднесеніе Его Величеству 3-й части изданнаго имъ ученаго путешествія по Каспійскому морю и Кавказскимъ горамъ (24 Февраля).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

за Февраль мѣсяцъ.

8. (15 Февраля) *О введеніи преподаванія Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Уѣздныхъ Училищахъ Моршанскомъ, Ливенскомъ, Елецкомъ и Мценскомъ.*

По представленію Помощника Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Уѣздныхъ Училищахъ: Моршанскомъ, Ливенскомъ, Елецкомъ и Мценскомъ преподаваніе Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ.

9. (28 Февраля) *Исчисленіе ежегодныхъ расходовъ на содержаніе Приходскаго Училища Арзамасской Губерніи въ городѣ Кошъ.*

На жалованье Учителю. 600 руб.

Законоучителю. 200 —

На бібліотеку и классныя потребности. 50 —

На ремонтъ училищной мебели. 20 —

На наемъ дома. 200 —

На отопленіе, освѣщеніе и чистоту. 200 —

На наемъ сторожа. 180 —

Итого: 1450 руб.

Подписаль: Министръ Народнаго Просвѣщенія: Сергій
Уваровъ.

10. (28 Февраля) *Объ учрежденіи при Гимназіяхъ Ришельевскаго Лицея класса Гимнастики.*

По представленію Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ: **опредѣлить** (14.1) **Воспитанниковъ** Пансіона при Гимназіи Ришельевскаго Лицея классъ Гимнастики съ производствомъ Учителю оного отъ 900 до 1000 рублей въ годъ, изъ остаточной отъ содержанія Воспитанниковъ суммы.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И УВОЛЬНЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕННЫ:
По *Департаменту Народнаго Просвѣщенія*

Помощникомъ 10-го класса *Люттеръ* (10.1) Помощникомъ Вуксалтера и Контролера (10.1) Корреспондента Археографической Комиссіи, Коллежскій Ассессоръ *Ца-вель* *Отросовъ* — Членомъ сей Комиссіи (23.1); отставной Коллежскій Секретарь *Машиневъ* — Помощникомъ Экзекутора (24.1).

По *Университетамъ*.

По С. Петербургскому: Докторъ Философіи *Порошинъ* — Экстраординарнымъ Профессоромъ по кафедрѣ Политической Экономіи и Статистики (15 Февраля).

Св. Владиміра: Обыкновенные Профессоры *Богородскій* и *Даниловскій*, первый Проректоромъ Университета,

а, послѣдній Деканомъ Юридическаго Факультета. (2 Февраля).

По Казанскому: Экстраординарный Профессоръ Общей Терапіи, Фармакологіи, Фармаціи, Рецептуры и ученія о минеральныхъ водахъ, Докторъ Медицины *Протодокторъ* — Ординарнымъ Профессоромъ по сей кафедрѣ (9 Февраля).

По Харьковскому: Докторъ Словесныхъ Наукъ *Якимовъ* — Экстраординарнымъ Профессоромъ по кафедрѣ Россійской Словесности и Исторіи Россійской Литературы (9 Февраля).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Отставной Подпоручикъ *Мининъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Ярославскаго Уезднаго Училища (2 Февраля).

По Кіевскому: Гражданинъ *Ильинъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Острожскаго Уезднаго для Дворянъ Училища (15 Февраля).

По Харьковскому: Коллежскій Регистраторъ *Калантаровъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Георгіевскаго Уезднаго Училища (15 Февраля).

УВОЛЕНЫ:

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Коллежскій Совѣтникъ *Ярославовъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Клинскаго Уезднаго Училища, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундиръ, присвоенный званію Почетныхъ Смотрителей Училищъ (15 Февраля).

72 ОТД. I. — МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По Каванскому: Почетный Смотритель Яранскаго Уезднаго Училища *Зальскій* — отъ сей должности, — за болѣзнію (2 Февраля).

По Харьковскому: Коллежскій Ассессоръ *Будинскій* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Кирсановскаго Уезднаго Училища, по прошенію (24 Февраля).

Изъявлена признательность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Почетному Смотрителю Кадниковскаго Уезднаго Училища, Камеръ-Юнкеру *Волоцкому* — за пожертвованіе въ пользу сего Училища дома и снабженіе Училища всею необходимою мебелью (2 Февраля); Малору *Шабельскому* — за ежегодное жертвованіе по 1000 руб. на содержаніе одного или двухъ Писчеберевъ въ одномъ изъ Таганрогскихъ Учебныхъ Заведеній (23 Февраля).

Объявлена благодарность Г. Министра.

Штатнымъ Смотрителямъ Уездныхъ Училищъ: Ишимскаго *Лазунову* и Курганскаго *Каренину*, и Учителямъ Уездныхъ Училищъ: Тобольскаго *Абрамосу*, Ишимскаго *Столбову* и Курганскаго *Худякову* за усердное пріавленіе ими должностей (24 Февраля).

ТАГАНРОГЪ

1880 года

Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.
Секретарь: *В. В. В.*
Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.
Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.

Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.
Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.
Въ Таганрогѣ, 1880 года, 14 Февраля.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ (*).

Одиннадцать Апостоловъ, съ Матерію Господа и прочими благочестивыми Учениками, всё вкупѣ, не превышая числомъ ста двадцати, составляли въ горницѣ Сіонской, зародышъ той Церкви, которую, по словамъ Христовымъ, не могутъ одолѣть и врата адовы. Они ожидали, въ непрестанной молитвѣ, сошествіа на нихъ обѣтованнаго Утѣшителя, Духа истины, отъ Отца исходящаго и Сыномъ посылаемаго, который долженъ былъ наставить ихъ на всякую правду, вспомнить имъ всё словеса Христовы и сдѣлать робкихъ

(*) Редакція съ признательностію пожимаетъ доставленный ей отрывокъ изъ Исторіи Новозавѣтной Церкви, сочиненной Писателемъ, извѣстнымъ нашей публикѣ своими краснорѣчивыми твореніями, посвященными Вѣрѣ.

рыбарей ловцами челоѣковъ , Учителями Вселенной. Но еще до сошествія Св. Духа, Апостолы восполнили первобытное число свое двѣнадцати, сопричисливъ къ себѣ, по жребію, одного изъ двухъ избранныхъ между Учениками , Матеія, который заступилъ мѣсто предателя Іуды Искаріотскаго. Таковы были имена всѣхъ Апостоловъ : Петръ , первенствовавшій между ими, хотя былъ равенъ всѣмъ по достоинству, и братъ его Андрей Первозванный; Іаковъ и Іоаннъ, возлюбленный Господу, сыны Зеведеевы, дѣти грома по силѣ своего духа; Филиппъ и Ѳома, увѣровавшій воскресенію прикосновеніемъ къ язвамъ Христовымъ ; Варооломей и Маттеій, изъ мытарей Евангелистъ ; Іаковъ Алмеевъ младшій и Симоуъ Зилотъ изъ Капы Галилейской, и Іуда, братъ Іаковлевъ, и новозбранный Маттеій. Не было между ими мудрыхъ по плоти, не было благородныхъ и сильныхъ. Всѣ они еще недавно бѣжали отъ страха , когда былъ преданъ ихъ Божественный Учитель и троекратно отрекся отъ Него Петръ , и не хотѣлъ вѣрить Воскресшему Ѳома; однакоже имъ надлежало проповѣдать Его Вселенной ; они должны были предстать предъ лице Князей языческихъ и за слово истины терпѣть узы, мученія и смерть: ибо не другое что-либо обѣщалъ имъ Господь, посылая ихъ какъ агнцевъ среди волковъ. Но, по словамъ Апостола Павла, исполненіе коихъ мы видимъ нынѣ, безумное міра избралъ Богъ , чтобы посрамить мудрое, и немощное міра, дабы посрамить сильное, и незнатное, уничиженное и какъ бы не сущее избралъ Богъ, чтобы упразднить сущее тогда царство тмы языческой словомъ о Крестѣ, который для погибающихъ есть безуміе, а для спасаемыхъ сила Божія: ибо

безумное Божіе мудрѣе челоѣковъ и немощное Божіе крѣпче челоѣковъ.

И вотъ въ пятидесятый день по воскресеніи Христовомъ и Пасхѣ, памятный Евреямъ, какъ день закона, даннаго въ буряхъ Моисею на огненномъ Синаѣ, снисшелъ среди шума и бурнаго дыханія Духъ Святый на Учениковъ Христовыхъ, въ видѣ огненныхъ языковъ, и они внезапно заговорили всѣми языками, для облегченія имъ дѣла проповѣди. — Ужаснулись Іудеи, отсюду собравшіеся въ Іерусалимъ на праздникъ, и объясняя себѣ чувственно явленіе духовное, почли ихъ исполненными вина; но Петръ, вставъ посреди народа, сказалъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ, что сіе изліяніе Духа есть только исполненіе древнихъ пророчествъ, возвѣстившихъ спасеніе всякому, кто призоветъ имя Господне. Онъ засвидѣтельствовалъ устами Давида петицу воскресенія Христова, и Иисуса, недавно распятаго Евреями, смѣло провозгласилъ Господомъ и Христомъ, сѣдющимъ одесную Бога и излившимъ на нихъ Духа Святаго. Три тысячи челоѣкъ умилились сею первою проповѣдью Апостольскою и спросили единодушно, что имъ дѣлать? «Покайтесь» отвѣчалъ Петръ — «и да крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа, для оставленія грѣховъ, и получите даръ Св. Духа.»

Такимъ образомъ первоначальное обращеніе къ Богу, чрезъ Таинство *покаянія*, необходимо было для примиренія съ Нимъ чрезъ Таинство *крещенія*, и для полученія даровъ небесныхъ — третьимъ Таинствомъ *помазанія духовнаго*.

Вѣрующіе же всѣ были вмѣстѣ и имѣли все общее, и продавая имѣнія и всекую собственность,

раздѣляли ихъ , смотря по нуждѣ каждаго. Всякій день они собирались единодушно на молитву и преломленіе хлѣба , т. е. на Божественную вечерю Христову , и сію таинственную пищу принимали съ веселіемъ и въ простотѣ сердца , восхваляя Бога и постоянно пребывая въ ученіи Апостоловъ и взаимномъ общеніи и любви. Сами же были любимы всѣмъ народомъ , и Господь ежедневно присоединялъ спасаемыхъ къ Церкви Своей , ибо страхъ былъ на всякой душѣ и много чудесъ дѣлали Апостолы въ Іерусалимѣ.

Вскорѣ исполнилось надъ ними слово Господне о гоненіяхъ за свидѣтельство истины. Однажды Петръ и Іоаннъ , при входѣ въ притворъ Соломонова храма , исцѣлили хромого отъ рожденія. «Сребра и золота нѣтъ у меня» — сказалъ первый просящему у нихъ милостыни — «но даю, что имѣю, во имя Іисуса Христа Назаря : встань и ходи.» Ужасъ объялъ стекшійся народъ , Апостолъ же обратилъ изумленіе въ вѣру , объявивъ , «что не своею силою укрѣпилъ недужнаго, но вѣрою въ Сына Божія, отъ котораго еще недавно отреклись Іудеи и продали Его смерти , но Онъ воскресъ и есть тотъ самый, кого предвозвѣстили Моисей и Пророки.» Пять тысячъ изъ народа покаялись на сію вторую проповѣдь Петрову , но священники Іудейскіе, со стражею храма, наложили руки на Апостоловъ и требовали отъ нихъ отвѣта : «какою силою сотворили чудо?»

Подобно какъ предъ народомъ , и предъ убійцами Господа не убоился свидѣтельствовать Петръ , что исцѣлилъ хромого, именемъ распятаго и воскресшаго Іисуса, Который есть камень, отвергнутый зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла , и что безъ него нѣтъ

никакого спасенія.» Смутились Первосвященники, вида исцѣлennаго предъ собою, ничево не могли сказать вопреки смѣлому слову Апостоловъ, а только съ угрозами запретили имъ говорить о имени Иисусовомъ. Но Петръ и Іоаннъ отвѣчали: «Судите сами, справедливо ли слушать васъ болѣе, нежели Бога; мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали.»

Апостолы, возвратясь къ братіямъ, рассказали имъ бывшее съ ними въ храмѣ, и всѣ, единоподушно возвысивъ молебный голосъ къ Богу, вспомнили слова Давида о сильныхъ земли, которые соберутся вкупѣ на Господа и на Христа его, и о тщетномъ шатаіи народовъ. Они молили Господа даровать рабамъ своимъ дерзновеніе распространять слово его, вопреки всѣхъ угрозъ, и творить чудеса именемъ Иисуса.—Внезапно, по ихъ молитвѣ, мѣсто, гдѣ было собраніе, поколебалось, и всѣ исполнились Духа Святаго и продолжали отважно проповѣдывать Слово Божіе, которое дѣйствовало, уже при самомъ началѣ, съ такою неодолимою силою, что никакая человѣческая мудрость не могла противостать ему, и число вѣрныхъ росло непрестанно.

У многочисленнаго же общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и никто не называлъ своимъ что-либо изъ своего имѣнія, но все почиталось у нихъ общимъ. Такая любовь взаимно связывала всѣхъ, и не было между ними никого бѣднаго: ибо всѣ владѣльцы селъ или домовъ продавали ихъ и полагали цѣну къ ногамъ Апостоловъ, которые раздѣляли каждому, кто въ чемъ имѣлъ нужду.—Такова была первоначальная чистота Церкви Іерусалимской. Руками же Апостоловъ дѣлались многія зна-

менія, возбуждавшія Вѣру народа, и даже тѣмъ Петрова исцѣляла болящихъ, выносившихъ на стогны града.

Молвою о чудесахъ вторично подвиглись Первосвященники и наложили руки уже на всѣхъ Апостоловъ; но Ангелъ Господень освободилъ ихъ ночью изъ темницы, и велѣлъ идти опять проповѣдывать глаголы жизни въ храмъ. Тогда еще болѣе смутились Архiereи Іудейскіе и, призвавъ Апостоловъ, спрашивали: «Зачѣмъ проповѣдью своею хотятъ навлечь на нихъ кровь Іисусову?» Они же смѣло возразили, что надлежитъ болѣе повиноваться Богу, нежели людямъ.

Сердце рвалось у Христовыхъ убійцъ, убить и его послѣдователей; но мудрѣйшій изъ всего сонмища, Гамалиилъ, внушилъ мѣры благоразумной кротости. Напомнивъ имъ о двухъ оболъстителяхъ, Февдѣ и Іудѣ, еще недавно увлекшихъ за собою множество народа и скоро подвергшихся казни, онъ совѣтовалъ оставить въ покоѣ Апостоловъ: «ибо ежели дѣло ихъ человеческое, то оно само собою рушится; если же Божіе, то люди не могутъ его рушить, а только сдѣлаются противниками Богу.» Совѣтъ мудраго былъ принятъ, однакоже Апостоловъ отпустили не иначе, какъ съ биеніемъ и угрозами; но они вышли отъ лица собора, радуясь, что сподобились безчестія за имя Христова, и всякій день, въ храмъ и по домамъ, не преставали благовѣствовать о Господѣ Іисусѣ.

Число вѣрныхъ умножилось до такой степени, что даже, отъ недостатка рукъ, при служеніи убогимъ, произошелъ ропотъ между новообращенными Іудеями и Эллинами. Тогда двѣнадцать Апостоловъ, находя неприличнымъ оставлять проповѣдь Слова для служе-

нія трапезѣ, предложили всему обществу избрать для сего семь мужей благоговѣйныхъ, и съ молитвами возложивъ на нихъ руки, посвятили въ новое званіе **Діаконовъ**. Имена ихъ были: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никапоръ, Тимоѣй, Парменъ и Николай Антіохійскій. Здѣсь впервые является въ Церкви Христовой сія низшая степень Священства, сообщаемая чрезъ Таинство *рукоположенія*, которое въ сіе время совершалось самими Апостолами, а въ послѣдствіи передано ими Епископамъ.

Старшій изъ Діаконовъ, Стефанъ, исполненный Вѣры, дѣлалъ великія знаменія въ народѣ, и одолевая словомъ истины всѣ словопренія Іудейскія, возбудилъ зависть ревнителѣй Ветхаго Завета, называемыхъ Зилотами, которые обвинили его въ богохульствѣ и повлекли на сожніще.

Тамъ лице его просвѣтилось, какъ лице Ангела, и пространно изложилъ онъ, предъ Синадріономъ, начало Завета Божія съ Авраамомъ и прочими Патріархами, законъ, данный отъ Бога Моисею и поддерживаемый Пророками, дабы привести народъ Израильскій къ познанію истины, и горько обличилъ жестоковѣрныхъ, всегда упорствовавшихъ противъ Духа Святаго, которые, умертвивъ всѣхъ Пророковъ, убили наконецъ и предвозвѣщennaго имъ Праведника. Исполненный Духа Святаго, Стефанъ, возрѣвъ на небо, воскликнулъ: «Вижу небеса отверзтыя и Сына челоувѣческаго, стоящаго одесную Бога!» Воспумѣлъ яростію сонмъ и съ воплемъ повлекъ Архидіакона, чтобы виѣ града побить его камнями; онъ же, преклонивъ колѣна, молился за убійцъ своихъ, и кровь его, воіявшая къ небу подобно Авелевой, была пер-

вою мученическую кровію, проліянною за свидѣтельство имени Христова.

Какъ благодатный дождь, она плодотворна была для Церкви; гоненія, оттолѣ возникшія на Учениковъ Христовыхъ, разсыяли ихъ по всей Іудеѣ, Галилеѣ и еще далѣе: ибо они, по словамъ Господа, должны были свидѣтельствовать о Немъ до предѣловъ земли. Одни только Апостолы остались въ Іерусалимѣ, въ основаніе матери всѣхъ Церквей, отъ коей проливался Божественный свѣтъ по Вселенной (*). Устами второго Діакона, Филиппа, слово истины проникло прежде всего въ Самарію, какъ ближайшую по Вѣрѣ къ Іудеямъ; Самаряне, отвергая пророчества, принимали только пять книгъ Моисеевыхъ, но тѣмъ не менѣе ожидали Мессіи, и потому легко увѣровали въ Іисуса. Многіе крестились и вмѣстѣ съ ними нѣкто Симонъ Волхвъ, уважаемый отъ народа по своимъ необыкновеннымъ дѣйствіямъ; скоро однако обнаружился нечистый ихъ источникъ.

Апостолы, съ радостию услыша въ Іерусалимѣ о крещеніи сосѣдней Самаріи, послали отъ своего сонма Петра и Іоанна, чтобы утвердить въ Вѣрѣ новообращенныхъ, помазаніемъ Духа Святаго, чрезъ возложеніе рукъ, и запечатлѣть такимъ образомъ первое Таинство крещенія Божественными дарованіями, чрезъ второе

(*) По древнему преданію, засвидѣтельствованному Св. Златоустомъ, она уже была вѣрена исключительно одному изъ Апостоловъ, и Іаковъ, называемый братомъ Господа, какъ рожденный отъ перваго брака нимаго отца Его Іосифа, рукоположенъ былъ въ первые Епископы Св. граду санимъ Спасителямъ, когда воскресшій явился ему отдѣльно отъ прочихъ Учениковъ Своихъ (Корин. XIV, ст. 5).

Таинство помазанія и утвержденія. Тогда Симонъ Волхвъ приступилъ къ Апостоламъ и дерзнулъ предложить имъ сребро для приобрѣтенія силы сообщать Св. Духа. Но Петръ отвѣтствовалъ святотатцу: «да погибнетъ съ тобою сребро твое, ибо ты помыслилъ сребромъ приобрѣсти себѣ даръ Божій.» Хотя Симонъ принесъ покаяніе предъ Апостолами, въ тяжкомъ грѣхѣ своемъ, но такъ ужасно было его покушеніе, что хульное имя Симона сохранилось на вѣки въ святотатной куплѣ и продажѣ даровъ Духа Святаго. Въ Священствѣ и прочихъ Таинствахъ и донынѣ не разрѣшилася клятва Апостола на подобныхъ святотатцахъ. Не очистилось и зараженное сердце самого Симона: ибо онъ сдѣлался въ послѣдствіи начальникомъ первой ереси, возмущившей Христіанство, выдавая себя, силою волхвованій, за Бога. Такъ сродны между собою ересь и святотатство!

Другая чудная проповѣдь предстояла Филиппу.— Ангелъ велѣлъ ему идти къ Полудно, на пустынную дорогу отъ Іерусалима къ Газѣ: ибо благодать Божія коснулась сердца евнуха, Вельможи Египетской Царицы Кандакія, и чрезъ него должна была просвѣтитися Египція. Принадлежавшій къ числу такъ называемыхъ прозелитовъ, то есть приверженцевъ Закона Еврейскаго, которые весьма умножились съ тѣхъ поръ, какъ плѣненіе Вавилонское разсѣяло Іудеевъ по всѣмъ странамъ, евнухъ возвращался съ поклоненія изъ Іерусалима, и сидя въ колесницѣ, читалъ темное для него мѣсто Пророка Исаи о страданіяхъ Господа: «Какъ овца воденъ Онъ на закланіе, безгласенъ какъ агнецъ предъ стригушимъ; въ уничиженіи совершился судъ Его, родъ же Его кто изъяснить, хотя возьмется отъ

земли жизнь Его?» Внезапно приступилъ къ колесницѣ Филиппъ и спросилъ евнуха: «разумѣешь ли читаемое?» Вельможа со смиреніемъ предложилъ ему взойти въ колесницу, чтобы изъяснить слова Писанія, и Святый мужъ разрѣшилъ уму его тайны пророческія, событіемъ страданій Иисусовыхъ. Не много надобно времени и словъ, когда правое сердце расположено къ Вѣрѣ. Босѣдовали путники, колесница текла; на пути встрѣтился имъ источникъ; съ Евангельскою простотою спросилъ евнухъ: «се вода; что препятствуетъ мнѣ креститься?» «Можешь» — отвѣчалъ Филиппъ — «если вѣруешь отъ всего сердца.» «Вѣрую, возразилъ Евюплянине, что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій!» Достаточно было сего чистаго исповѣданія: оба сошли на воду и едва совершилъ крещеніе Филиппъ, какъ Духъ Святый ниспослъ на евнуха, и радуясь о спасеніи своемъ, продолжалъ онъ путь, не видя болѣе таинственнаго своего Учителя, взятаго Ангеломъ.

Славнѣйшее изъ всѣхъ обращеній, какія когда-либо видѣла Церковь, должно было совершенно утѣшить ее въ утратѣ Стефановой: избранный сосудъ благодати, окропленный его кровію, готовился ей въ лицѣ гонителя Савла. Юноша, отъ колѣна Воніамипова, воспитанный при ногахъ мудраго Гамалиила, во всей правдѣ законной, Савлъ равновалъ съ Первосвященниками Іудейскими противъ имени Христова, не по злему умыслу, но въ простотѣ сердца, не вѣдаваго истины. Онъ стерегъ одежды побывавшихъ Стефана, одобряя убійство; онъ терзалъ Церковь; входя въ дома вѣрныхъ, извлекалъ женъ и мужей, чтобы ввергать ихъ въ темницу, и еще недовольный, дыша

угрозами на Учениковъ Господнихъ , испросилъ себѣ письма къ Синагогѣ Дамасской , дабы и оттолѣ привести узниковъ въ Іерусалимъ; но самъ Господь ожидалъ его на пути.

У вратъ Дамаска, внезапный свѣтъ осіялъ Савла; онъ палъ на землю и услышалъ Божественный голосъ : «Савлъ, Савлъ, что меня гонишь?»—«Кто ты, Господи?» воскликнулъ пораженный. — «Я Іисусъ, Котораго ты гонишь» — отвѣтствовалъ тотъ же голосъ — «трудно идти тебѣ противъ острія!» Съ ужасомъ спросилъ трепещущій гонителя : «Господи, что повелишь мнѣ дѣлать?» — «Встань и иди въ городъ, и сказано будетъ, что тебѣ дѣлать,» провѣщалъ ему гонимый. Въ оцѣпенѣніи стояли шедшіе съ Савломъ, слыша только звуки голоса, но никого не видя; всталъ и низверженный вождь ихъ, уже Апостоломъ, съ открытыми глазами, ничего не видя; ослабшаго привели за руку въ Дамаскъ — цѣль его грознаго для Христіанъ странствія; и тамъ еще три дни онъ не ѣлъ, не пилъ и не видѣлъ.

Но за него провидѣлъ ученикъ Христовъ Ананія, которому повелѣлъ Господь идти просвѣтити Савла, не страшась его гоненій: ибо сосудъ сей избранъ былъ, чтобы пронести имя Божіе къ Царямъ и народамъ и много за него пострадать. Появился Ананія, возложилъ руки на Савла, и внезапно, какъ бы чѣкая чешуя отпала отъ глазъ его: онъ крестился и сталъ проповѣдывать въ Синагогахъ Іисуса Сыномъ Божіимъ.

Изумились слышавшіе имя Христова въ устахъ жестокаго его гонителя, и вѣрные сперва подозрѣвали Савла; но онъ спасся ночью, спущенный въ кошницѣ со стѣны города, и бѣжалъ въ Аравію, потомъ опять

возвратился въ Дамаскъ, отважился и въ Иерусалимъ, гдѣ одинъ изъ Учениковъ, Варнава, представилъ его Апостоламъ, рассказавъ чудное обращеніе; однакоже замыслы мстительныхъ Иудеевъ на жизнь Савлову заставили его на время удалиться въ свое отечество, Тарсъ.

Таковы были дивныя пути Провидѣнія къ распространенію Церкви Христовой; самъ Апостолъ непрестанно сближалъ Иудеевъ и язычниковъ въ ихъ невѣріи, собственнымъ обращеніемъ, рассказывая на сомнищахъ и излагая въ своихъ Посланіяхъ, какъ прежде жестоко опустошалъ онъ Церковь, болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, будучи ревнителемъ отеческихъ преданій, и какъ получилъ откровеніе не отъ чело-
вѣковъ, но отъ Бога, Который открылъ ему Сына Своего, чтобы проповѣдать Его язычникамъ.

ПРЕДѢЛАХЪ НОРМАНИИ

и

НАЗВАНІИ НОРМАНОВЪ И РУССОВЪ.

Если спросить у нашего древняго Нестора, какіе народы обитали въ самой Сѣверной части Европы во время основанія Россійскаго Государства, то найдемъ у него слѣдующій отвѣтъ: «Въ Афетовѣ же части сѣдитъ Русь (1) и Чюдъ, Меря, *Мурома*, Весь, Мордва, Заволоцкая Чудъ, Пермь, Печера, Ямъ, Угра, Литва, Зимгола, Корсь и Ситгола»; а нѣсколько ниже: «Афетово бо когѣно то: Варязи (то есть) Свин, *Мурмане (Норманы)*, Гти (Готы), Русь (2), Агляне, Галичане, Волохи, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Венедицы, Фрягове, которые присѣдять къ Полуденю и сосѣдять со племенемъ Хамовымъ» (3).

Здѣсь первый разъ у Отечественнаго Писателя встрѣчается названіе *Нормановъ*, принадлежащихъ къ

(1) Шлецеръ поставилъ здѣсь названіе *Русь* въ скобкахъ, но безъ всякаго критическаго основанія: въ этомъ мѣстѣ оно значится во всѣхъ спискахъ Нестора. Шлецеромъ *Несторъ*, I, стр. 39.

(2) Названіе Русь не во всѣхъ спискахъ Нестора упоминается въ этомъ мѣстѣ.

(3) Шлецеромъ *Несторъ*, I, стр. 24—28.

племени Варяговъ. Замѣтимъ, что Варяги, или Варяго-Руссы (1), какъ извѣстно, въ 862 году образовали поселенія въ Россіи и покорили ее, и что Норманы *Русь*, какъ видно изъ сообщенныхъ недавно свидѣній о рукописи Ахмеда-эль-Катеба, еще до завоеванія Россіи, въ 843 или 844 году разграбили Севилу (2).

Это любопытное мѣсто рукописи Ахмеда-эль-Катеба, доказывая распространеніе владычества Руси на Западъ Европы, свидѣтельствуетъ о древнемъ существованіи Нормановъ-*Русь*, или Руссовъ. Сообщая объ этомъ открытіи публикѣ, нашъ ученый Академикъ Г. Френъ изъясняется съ осторожностію такъ: «Слѣдовательно тѣ Норманы, или по крайней мѣрѣ часть тѣхъ Нормановъ, которые нѣкогда въ IX и X столѣтіяхъ занимали Францію, Англію, Испанію и проч., были тамъ извѣстны подъ именемъ Руссовъ; объ этомъ слышалъ, вѣроятно, нашъ Авторъ, если не въ самой Испаніи, то въ Западной Африкѣ; и мы узнаемъ это отъ современнаго, безпристрастнаго и въ высшей степени прозаическаго Арабскаго Писателя! Такое свидѣтельство заслуживаетъ полное уваженіе.»

Раздѣляя ученое мнѣніе достойнаго Археолога, успѣвшаго извлечь изъ недоступныхъ доселѣ рудниковъ Востока драгоцѣнные матеріалы для нашей Исторіи, я занялся изслѣдованіемъ ближайшихъ соотношеній упомянутыхъ Руссовъ и написалъ о нихъ статью, ко-

(1) Несторъ, подъ 862 годомъ.

(2) См. статью: Френа, въ *Bulletin Scientifique* T. IV, № 9 — 10, стр. 139; Саволева, въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* T. XVIII, № 6, стр. 514 и слѣд.

торая равномѣрно помѣщена была въ Bulletin Scientifique (1).

При этомъ случаѣ мнѣ показалось важнымъ поступить на неизвѣстное еще поприще и изслѣдовать предѣлы Нормановъ, чтобы такимъ образомъ опредѣлить точнѣе мѣсто колыбели Русскаго племени. Уже Эйнгардъ (Einhard) въ своихъ лѣтописяхъ (2) говоритъ: *Dani siquidem et Sueones, quos Nordmannos vocamus*, и Шлѣцеръ въ объясненіи Несторовыхъ Мурмановъ (одинъ только списокъ Полет. 2, имѣлъ вмѣсто этого слова — *Мурманисти*) признаеть Нормановъ вообще Датчанами и Свевами (*Dani et Sueones*), хотя впрочемъ полагаетъ, что у Нестора, который отдѣляетъ также Свеевъ, Готевъ и Англичъ отъ Нормановъ, подъ этимъ названіемъ надобно понимать Норвежцевъ. «Здѣсь» — говоритъ онъ — «понимаются преимущественно Норвежцы, которые еще при Несторѣ считались важнѣйшимъ изъ всѣхъ Скандинавскихъ народовъ. Буквы М и N весьма легко сливаются и замѣняются одна другою; напримѣръ: *mespilus* пѣзъ Греческаго *mespola*; *Mikul* по Венгерски вмѣсто *Nicolaus*, *Guilielmi Gemeticensis hist. Murmannorum*. На языкѣ Пякне-Бретонскомъ Норманы называются Орманами. *Pelletiers Dict. pag. 7.*»

Еще болѣе доказательствъ о значительномъ распространеніи поколѣнія Нормановъ почерпнуть можно изъ превосходныхъ замѣчаній Круга на вышеупомяну-

(1) Т. IV. № 16. Она сообщена будетъ читателямъ Ж. М. Н. П. въ слѣдующей книжкѣ.

(2) Einh. Vita Car. Magni; Pertz Monum. German. II, стр. 449.

тую статью (1). Не смотря на все то, я нашелъ въ Франконскихъ лѣтописяхъ много мѣстъ, указывающихъ довольно опредѣлительно границы Норманскаго Края, и удостовѣряющихъ по крайней мѣрѣ рѣшительно, что собственно такъ называемая Данія и Швеція не принадлежали къ Норманіи.

Это даетъ поводъ заключить, что Норманія въ различные времена имѣла различное значеніе, чему впрочемъ въ Исторіи весьма часто встрѣчаются примѣры. Такъ Европу, за исключеніемъ Пелопонеса и Сѣверной Греціи, называли сначала Вiotією и Элладою (2); подъ именемъ Африки понимали одну лишь страну, прилегающую къ Каррагену; Америку указывали только въ Сѣверной части Южной Америки, а Азією называли небольшую полосу Малой Азіи по берегамъ Эгейскаго моря. Равнымъ образомъ и въ Европѣ наименованія нѣкоторыхъ Государствъ и народовъ употреблялись то въ тѣсномъ, то въ обширномъ значеніи слова. Германія получила Французское названіе *Allernagne* отъ Аллемановъ, обитавшихъ по верхнему Рейну, а Россія и прилегающая къ ней Польша, гдѣ, по указанію Геродота, находился отдѣльный народъ Скивовъ, названы были позднѣйшими Греческими и Римскими Писателями общимъ именемъ Великой Скиіи (*Magna Scythia*).

Занимаясь ближайшимъ изслѣдованіемъ этого предмета, я утвердился еще болѣе въ моемъ мнѣніи; и такъ какъ эта часть Исторіи представляетъ еще нѣкоторые затрудненія, чего и ожидать должно

(1) *Bulletin Scientifique*, IV, № 9, 10, стр. 142, 143.

(2) См. мое сочиненіе *Hellas*, стр. 534 второй части.

было по отдаленности времени, то я рѣшился изложить здѣсь результаты моихъ изысканій.

Это казалось мнѣ необходимымъ потому, что Шлецеръ полагаетъ, будто бы Франконскіе Лѣтописцы вовсе не обозначали поселеній Нормановъ (1); что Дешингъ въ сочиненіи своемъ о морскихъ предпріятіяхъ Нормановъ (2) не обращаетъ никакого вниманія на эти поселенія, и что ни Симонди (3), ни Канефигъ (4), не заботились объ опредѣленіи границъ древней Норманіи.

Въ новѣйшее время, въ Даніи составилось Ученое Общество, имѣющее цѣлю сохранить и изслѣдовать памятники своихъ родоначальниковъ; равнымъ образомъ и въ Нормандіи подобное же Общество усердно занимается изслѣдованіемъ различій между памятниками Норманскими и древними Кельтійскими. Дѣлаемые этими Обществами открытія сообщаются въ Ученыхъ Запискахъ (5). Не должно ли это, для занимающихся въ Россіи Исторіею и Древностями, служить сильнымъ побужденіемъ къ изслѣдованію съ

(1) «Ихъ называли вообще Норманнами, не различая, откуда каждая толпа въ особенности происходитъ—изъ Швеціи ли, Норвегіи, Даніи или Ютландіи.» Schlözer, Nest. I, 1, стр. 186.

(2) Hist. des expéditions maritimes des Normands etc. par Depping, Paris, 1826.

(3) Histoire des Français.

(4) Essai sur les invasions maritimes des Normands dans les Gaules, Paris, 1823.

(5) Датское Общество, подъ дирекціею Секретаря своего, ученаго Профес. Раппа, издаетъ свои изслѣдованія въ журналѣ и лѣтописяхъ. Отъ Французскаго Общества издаются: Mémoires de la Société des antiquaires de Normandie. Caen et Paris 1825, T. I, part. 1 et 2, avec un atlas.

точностію предѣловъ древней Норманн , и сличенію открываемыхъ по сей части древностей съ древностями Норманскаго происхожденія, находимыми въ Россіи?

Исслѣдованія подобнаго рода, по Высочайшему распоряженію, производятся уже въ Остзейскихъ Губерніяхъ и представляютъ довольно важные результаты: ибо они удостовѣряютъ, что вообще древности, находимыя здѣсь и въ Скандинавіи, имѣютъ между собою несомнѣнное сходство. Но эти результаты будутъ еще вѣрнѣе, когда можно будетъ опредѣлить съ точностію, на какія именно страны или мѣста Скандинавіи подобно при этихъ изслѣдованіяхъ обращать особенное вниманіе.

Если сравнить свѣдѣнія Древнихъ о странахъ глубокаго Сѣвера съ нынѣшними, то не лзя не удостовѣриться, что Греки и Римляне знали о нихъ весьма не много: чему впрочемъ не подобно и удивляться, потому что къ нимъ вѣроятно рѣдко заходили мореходцы, которые подобно Пифеасу (Pytheas) Марсельскому были бы въ состояніи сообщить Ученымъ и мореплавателямъ своего времени удовлетворительныя свѣдѣнія о сихъ отдаленныхъ странахъ. У Греческихъ Писателей, Пифеаса, Тимея Сицилійскаго (Timaeus Siculus) и Ксенофонта Лампсакскаго, имена Thule, Baltia, Basilia, Abalus перемѣшаны между собою, и изъ нихъ остались только теперь названія Большаго и Малаго Бельта и Балтійскаго моря. На Остзейскомъ морѣ древніе не проникли даже до оконечныхъ береговъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, и принимали всю эту страну за островъ. Такое мнѣніе сохранилось даже до пятнадцатаго столѣтія Христіанскаго лѣтоисчисленія.

Кажется, что частое посѣщеніе литарныхъ береговъ, нашествія Кимбровъ и Тевтоновъ, и собственные походы въ Германію до береговъ Эльбы и далѣе, дали Римлянамъ случай ознакомиться ближе съ народами, обитавшими на этомъ мнимомъ островѣ. Тацитъ (1) называетъ ихъ *Suiones*, изъ его описанія видно, что они раздѣлялись на нѣсколько Государствъ (*Suionum civitates*); впрочемъ опъ описываетъ ихъ въ тѣхъ самыхъ чертахъ, подъ которыми мы узнаемъ въ послѣдствіи Варяговъ: именно, что они состоятъ подъ управленіемъ одного верховнаго Царя (*unus imperitat*), имѣютъ небольшіе корабли или суда, въ которыхъ корма не отличалась ничѣмъ отъ носа, и всегда готовы идти въ море, входя въ устье рѣкъ и приставая вездѣ безъ затрудненія (2),

Полуостровъ Ютландію занимали тогда Кимбры, обезпленные походами, которые они предпринимали прежде вмѣстѣ съ Тевтонами противъ Римскихъ владѣній (3). Они дали Ютландіи названіе Кимврійскаго полуострова (*Cimbrica Chersonesus*). Этимъ именемъ называетъ ее и Птоломей, различавшій уже въ Скагдиनावіи нѣсколько отдѣльныхъ народовъ. Опъ упоми-

(1) Tacit. Germ. Cap. 44.

(2) «Praeter viros atque classibus valent, forma navium eo differt, quod utrimque prora paratam semper appulsui frontem agit, nec velis ministrantur, nec remos in ordinem lateribus adjungunt, solum ut in quibusdam fluminum et mutabile ut reposcit hinc vel illinc remigium». Tacit. — Гиринъ (Higin) называетъ эти суда «hiproras».

(3) Tacit. de M. Germ. Eundem Germaniae situm proximo Oceano Cimbri tenent parva nura civitas sed gloria ingens, veterisque famae late vestigia manent utraque ripa castra, ac spatia, quorum ambitu nunc quoque metallaris molem manusque gentis, et tam magni exercitus fidem.

насть о Норвегiи и Швеціи, большомъ островѣ Скандiн; Зеландiи и Фіюніи, другомъ небольшомъ островѣ между Швеціею и Ютландіею (вѣроятно Аландскомъ), и о трехъ Скандiйскихъ островахъ (1). Впрочемъ обѣ части Скандiи онъ причисляетъ къ Великой Германіи (*Germania magna*). Названіе Скандiи, которое составилось теперь въ первый разъ, произошло вѣроятно отъ того, что Римляне, ознакомившись напередъ съ Южнымъ берегомъ Швеціи, который называется *Schonen* или *Skanen*, распространили это названіе и на неизвѣстную имъ еще Сѣверную часть этого края. Птоломей, какъ выше сказано, называетъ Ютландію полуостровомъ Кимврiйскимъ. По его мнѣнію, на Югѣ отъ него, въ самомъ перешейкѣ, обитали Саксонцы, а далѣе къ Сѣверу: *Sigulones*, *Sabalingii*, *Cobandi*, *Chali*, *Phundusii*, *Charudes*; въ самой же Сѣверной сторонѣ онъ находитъ еще остатки Кимвровъ. Напротивъ того въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Тацита значатся *Suiones*, у него помѣщены: *Chaedini*, *Phaouae*, *Phigaesi* (*Wa-gaesi*), *Gutae* (Готы въ Готландiи), *Dauciones* и *Leuconi* (2). Послѣдніе называются у Плинія (вѣроятно въ обширнѣйшемъ значеніи) *Hilleviones*, и имъ даетъ онъ 500 селъ и мѣстечекъ (3).

Въ Среднихъ вѣкахъ мы находимъ въ Южной Ютландiи отрасль Англовъ (*Angeln*), которая, принадлежа къ большому Средней Германіи народу Свевовъ, прежде, въ Птоломеевы времена, поселена была на берегахъ Эльбы около Магдебурга (4); но эти

(1) Ptolem. Geogr. II, cap. 4.

(2) Ptol. въ вышеприв. мѣстѣ.

(3) Plin. Hist. Nat. IV, 13.

(4) Ptolem. въ прив. выше мѣстѣ.

Англы, по крайней мѣрѣ болѣею частію, оставили Ютландію, и соединясь съ сосѣдями своими Саксонцами, съ 449 года, покорили Англію и основали тамъ Англо-Саксонское владѣніе (гептархію).

Такимъ образомъ жители Южной Ютландіи, которая находится теперь въ безжизненномъ, такъ сказать, 'положеніи и не имѣетъ никакого значенія въ политическихъ дѣлахъ Европы, являются намъ уже второй разъ въ видѣ великихъ завоевателей; о существованіи же здѣсь столь могущественнаго некогда народа Англовъ, теперь напоминаетъ только небольшая полоса земли между Шлезвигомъ и Фленсбургомъ, заключающая въ себѣ вдоль и поперекъ около четырехъ миль (1). Если обратимъ вниманіе на превосходныя гавани: Шлезвигъ (славный у древнихъ *Naetum*) и Фленсбургъ, лежащія въ заливѣ, замедшемъ далеко въ твердую землю; на удобства морскаго сообщенія, доставляемое впаденіемъ рѣкъ: Эйдера въ Нѣмецкое или Сѣверное море, и Шлепъ въ Венетинскій заливъ или Остзейское море; если замѣтимъ, что уже сказали и Тацитъ, какъ легко было защитить Кимбрійскій полуостровъ отъ натиска врывающихся съ Южной стороны народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединиться со свѣдущими въ мореплаваніи и всегда готовыми къ морской войнѣ Свеонами (*Suio-*

(1) Провинція *Angeln*, потерявшая теперь даже свое названіе, между Шлезвигомъ и Фленсбургомъ, подчинена частію Фленсбургскому, частію Готторпскому Анту. Къ Готторпскому принадлежатъ: *Strukstorpharde* (со Шлезвигомъ) и *Schlyesharde*, при устьѣ Шлеи. Къ Фленсбургскому: *Huibyharde*, *Newharde* и приходъ *Gellingon*, который лежитъ у самаго Балтійскаго моря.

нес) въ собственпо такъ называемой Скандинавіи: то не лзя не согласиться въ томъ, что обитавшій здѣсь народъ могъ сдѣлаться весьма страшнымъ какъ на Восточномъ, такъ и на Западномъ морѣ, особенно же для народовъ, поселенныхъ по берегамъ моря и рѣкъ. И дѣйствительно, читаемъ у Сидонія Аполлинарія (Sidonius Apollinaris), что Саксонцы уже прежде, отправясь на своихъ небольшихъ судахъ къ берегамъ Галліи, опустошили ихъ ужаснымъ образомъ (1).

Соединясь съ этими Саксонцами, обитавшими къ Югу отъ Эйдера (Egidora), Англы оставили страны Южной Ютландіи, между тѣмъ какъ Готы, по увѣренію Юрианда, выступивъ изъ Скандинавіи подъ предводительствомъ Филимера (вѣроятно еще ранѣе), проходили мѣста, занимаемыя нынѣ Россіею, и поселились по Дунаю подъ именемъ Восточныхъ и За-

(1) Онъ описываетъ весьма живо ихъ образъ войны. Кн. VIII, г. 6. «У нихъ каждый гребецъ кажется разбойникомъ; они все вдругъ приказываютъ, повинуются, учатъ и учатся грабить. Этотъ врагъ превосходитъ всехъ прочихъ жестокостію. Онъ нападаетъ неожиданно, ускользаетъ подъ глазами, презираетъ тѣхъ, которые ему противятся и повергаетъ на землю неосторожныхъ. Если онъ преслѣдуетъ непріятеля, то навѣрно дѣлаетъ плѣнныхъ; его же въ побѣдѣ никто не догонитъ. Кораблекрушенію для него не страшно, напротивъ того оно служитъ для него упражненіемъ; онъ не только знакомъ, но и сдруженъ съ опасностями, радуясь бурѣ и подводнымъ камнямъ. Впрочемъ, прежде возвращенія въ отечество, они приносятъ въ жертву десятого плѣнника, избравъ жертвы по жребію. Ихъ корабли, у Сидонія называются *muoragones* (т. е. *miniūragones*; Исидоръ же, Orig. XIX, cap. I, называетъ ихъ *Cogabī* (корзины, по Русски корабль): это, говоритъ онъ, малое судно (*parva scapha*), сплетенное изъ лозы и обтянутое невыдѣланною кожей. Эти суда употреблялись Германцами, но чрезвычайной легкости ихъ, для разбоя по берегамъ моря и по озерамъ (*paludibus*).

надныхъ Готѣвъ. Отселѣ они наводили трепетъ на Восточную и Западную Римскую Имперію (1); иногда же, въ видѣ союзниковъ (2) Восточныхъ Римлянъ, защищали Имперію отъ набѣговъ другихъ варварскихъ народовъ, въ особенности съ того времени, какъ Максиминъ Оракіенъ (3), родомъ Готѣъ, вступилъ на Римскій Престолъ. Отселѣ также Готѣскій Царь Эрманарихъ завоевалъ всю Сѣверную страну до самаго Остзейскаго моря. Иорнадъ сравниваетъ сего Государя съ Александромъ Великимъ и называетъ его подданными почти всѣ народы, упоминаемые въ послѣдствіи при основаніи Государства Варяго-Руссовъ (4).

Съ другой стороны, видимъ также, что Готѣы, Gothi, Gutae или Witae, соединились съ покорителями Англіи, Англами и Саксонцами (5). Отъ нихъ Ютландія получила свое названіе; область же Angeln оставалась нѣкоторое время безъ обитателей (6).

Въ послѣдствіи времени страны, занимаемыя прежде Англами, и вся Ютландія, завоеваны и покорены были Датчанами, которыхъ называли то Dani,

(1) Iornandes De rebus Geticis. Cap. 4 и с. 24.

(2) Iornandes, cap. 26, о Варягахъ—Руссахъ.

(3) Synnachus у Iornanda с. 23 говоритъ о Максиминѣ Оракіенѣ: Maximinus ab exercitu factus est imperator, ex infimis parentibus in Thracia natus a patre Gotho nomine Mecca, matre Alana, quae Alaba dicebatur.

(4) Iornandes, cap. 23.

(5) Beda Venerab. I. 15. Advenerunt autem de tribus Germaniae populis fortioribus, Saxonibus, Anglis, Vitis.

(6) Это явствуетъ какъ изъ Беды, loc. cit. «Anglia ab eo tempore usque ad hunc diem manere deserta intra provincias Vitarum et Saxonum perhibetur,» такъ и изъ того, что говоритъ Otho о временахъ Альфреда Великаго: «hanc regionem incoluerunt Angli priusquam hic (т. е. вѣ. Британію) venerunt.»

то Дасі, то наконецъ послѣ временъ Карла Великаго именемъ *Danaï*, дабы сохранить въ немъ древнее классическое наименованіе.

Датчане являются въ первый разъ въ Исторіи (слѣдую Скандинавскимъ Сагамъ) между V и VI столѣтіемъ, въ трехъ различныхъ мѣстахъ, именно: 1) въ Южной Россіи, гдѣ находилась Большая Свеонія, *Magna Sujonía*, отечество Одина, подъ названіемъ Дарданъ, *Dardani* (1). Это названіе древнихъ Троянъ присвоили имъ потому, что въ Среднемъ вѣкѣ часто старались замѣнять новыя, мало извѣстныя имена древними, славными въ Исторіи названіями. Отсюда Одинъ предпринялъ свой походъ, и какъ повѣствуютъ Сѣверныя Саги, занялъ на дорогѣ Гардарыку, *Gardaríki* (Новгородъ), и слѣдую далѣе сухимъ путемъ, покорилъ Саксонцевъ, а послѣ уже, съ сыновьями Ингомъ и Скіюльдомъ (*Ingo* и *Skiold*), основалъ Королевство Датское сперва въ Одензе, потомъ въ Летрѣ (*Lethra*), и Шведское, въ Упсалѣ (2). Отъ

(1) См. мою статью: «О древнѣйшемъ существованіи Русскихъ въ Россіи и Византіи», напечатанную въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1838. Т. XVI, № 3, стр. 490 и проч. «*Nec non juxta regionem Maeotida est patria maxima quae dicitur Dardania*», т. е. около Восторскаго Государства. Равнымъ образомъ въ преданіи, именуемомъ *Ynglinga Saga*, Донъ (Тагансъ) течетъ посреди Большой Свеоніи, *Magna Sujonía*. Означенное мѣсто находится въ сочиненіи безымяннаго Равенскаго Географа, IV. 4.

(2) *Konunga-Sögur* въ *Heimskringla*, Cap. 2. *Ynglinga-Saga*, Cap. 8. «Онъ пошелъ напередъ въ Гардарыку, а послѣ на Югъ въ Саксонію; у него было много сыновей; онъ присвоивалъ себѣ чужія Государства и ставилъ надъ ними своихъ сыновей Правителями. Послѣ того онъ отправился на Сѣверъ къ морю, и избралъ себѣ жилище на островѣ, который называется теперь *Odins-ey*»

Инга (Inge или Ingui) Короли Швеціи назывались, какъ извѣстно, Инглингерами, а Датскіе отъ Скіольда Скіольдингерами.

Вторую отрасль Датчанъ на Сѣверѣ составляютъ Датчане, состоявшіе подъ управленіемъ Скіольдингскихъ Государей. Географъ Равенскій (Анонимъ) въ IV книгѣ въ 17 главѣ упоминаетъ о нихъ, полагая, что *Данія* лежитъ къ Сѣверу отъ земель, расположенныхъ по Эльбѣ (1). Это и есть, безъ сомнѣнія, собственно такъ называемая Данія съ полуостровомъ Ютландіею, которая съ давняго уже времени покорена была Датчанами. По мнѣнію Торфея (Torfaeus), здѣсь около того же времени, т. е. тотчасъ по выходѣ Англовъ, между 450 — 470 годами, царствовалъ Дашъ II, отъ котораго страна, называвшаяся прежде Готландіею, или Reit и Eya-Gotland (2), приняла

въ Фіоніи.ъ Скіольдъ (Torfaeus Hist. Norvegiae I, p. 4), Одинъ сынъ, царствовалъ въ Лестрѣ, что въ Danaveldi. Объ Yngwi или Королѣ Шведскомъ, см. Ynglinga Saga, cap. 12. Баснословный Saxo (стр. 77) выводитъ названіе Даніи отъ какого-то стараго Короля Дана.

- (1) Confinalis praenominatae Daniae (Saxoniae) est patria quae nominatur Dania, quae antiquitus et ipsae Daniae pertinere dicebatur, quae patria, ut ait Marcus mirus Gothorum Philosophus, doctissimos quidem profert homines, et audaces, sed non ita veloces, ut sunt Dani, qui juxta Dina fluvium (Anon. Rav. IV. 17). Далѣе слѣдуетъ Cap. XVIII, гдѣ patria quae dicitur Albis полагается къ Югу (ad partem meridianam).
- (2) Reit-Gotland есть Ютландія; Eya Gothland — островъ Готландъ или собственная Данія. Около этого времени, по завоеваніи Ютландіи, Датскій Король Ring назвалъ себя въ первый разъ Dana Konung. Прежніе Короли назывались только Drosten (Господами). Heimskringla v. Peringskiold, p. 20.

общее названіе Данин или Dana-Rige (1). Можетъ быть, самое названіе Данин подало новодѣ выдумать имя втораго Царя Дана; Саксонъ Грамматикъ говоритъ даже о трехъ Данахъ (2)

Третіе отдѣленіе Датчанъ, какъ видно изъ сбивчиваго, но замѣчательнаго извѣстія Равенскаго Анонима, поселено было по берегамъ рѣки Dīna (Двины) (3), и по близости Финновъ (4).

Я знаю очень хорошо, что Лейбницъ и за нимъ Масковъ (Masow) принимали эту рѣку Dīna за Эйдеръ; но такое предположеніе не имѣетъ никакого основанія: ибо кромѣ ихъ ни одинъ Писатель не называетъ рѣки Dīna Эйдеромъ. Напротивъ того, упомянутый Равенскій Анонимъ явно различаетъ Датчанъ, смежныхъ съ Финнами по рѣкѣ Dīna, отъ другихъ Датчанъ, которые были пограничными соседями Саксонцевъ (5). Ошибочное мнѣніе Лейбница и Маскова произошло отъ того, что они не могли по-

(1) Gobhardi, Hist. Danin, стр. 337. 1. г.

(2) Saxo, Hist. Dan. p. 96 и 98.

(3) Онъ говоритъ именно (IV, 17), что Даны, обитавшіе по близости Саксонцевъ, были «non sic veloces ut sunt Dani qui juxta Dīna fluvium» (не такъ быстры, какъ Датчане, находящіеся на рѣкѣ Dīna).

(4) Item juxta ipsos Serdefannos litus Oceani, est patria, quae dicitur Dania, quae patria, ut ait suprascriptus Aithanaridus et Eldavaldus et Marcomirus, Gothorum philosophi, super omnes nationes velocissimos profert homines — Quam Dūnium plurima transeunt flumina, inter caetera quae dicitur Lina (Dīna) quae in Oceano ingreditur. Anon. Raven. IV, Cap. 13.

(5) Leibnitz Specimen meditationum de origine gentium, in Miscellaneis Berolinensibus I. 1. p. 29. — Masow Geschichte der Deutschen Leipz. 1726. Ч. I, стр. 203.

пять, откуда взялись Датчане далеко на Сѣверо-Востокъ надъ Двиною, что однакожь объяснить не трудно, если Сѣверныя Саги и древнія Датскія лѣтописи заслуживаютъ хотя малѣйшее довѣріе: ибо въ нихъ читаемъ, что Датчане въ походахъ своихъ проникли нѣкогда въ нынѣшнюю Ливляндію, Курляндію и Эстляндію (1) и что Скандинавы вообще находились безпрерывно въ связяхъ даже съ внутренними и Южными странами Россіи (2). Конечно, весьма легко однимъ почеркомъ пера уничтожить все извѣстія, сообщаемыя Сѣверными Сагами и лѣтописями; но теперь прошло уже время такой Критики, которая основывалась на одномъ лишь затрудненіи согласить Сѣверныя преданія съ достовѣрными показаніями Западныхъ Писателей. Теперь требуется отъ Историка, чтобы онъ, начертывая Исторію народовъ, руководствовался возможною разборчивостію и пользовался всеми, предоставленными ему источниками.

(1) Такъ говорится о Гаддингѣ (Haddingus), вѣнцѣ Датскаго Короля Сигиолда, Petri Olai Chron. стр. 79. «Deinde orientalia regna debellavit et sibi subiecit»; а его преемникъ Тролло «regem Curetum vicit». Laugenbeck Script. T. I, p. 79. Оба похода предпринимались были (Cranz Dania 1, 6.) около 130 года послѣ Рождества Христова.

(2) Schwedger, вѣнцѣ Ynge, возвращаясь на первоначальную родину Царей Скандинавскихъ, Magna Suijonia, проходилъ черезъ Россію «et plurimos ibi cognatione sibi junctos ibidem reperit». Heims-kringla, p. 14. Тамъ же образно говорить и Торпандъ, «Датчане, происходящіе отъ покоренія Готгоовъ, выѣхали Воруловъ», (которые помѣщаются обыкновенно жителями Воруландіи, въ Эстляндіи): Dani, qui inter omnes Scanziae nationes nomen sibi ab nimiam proceritatem affectant praecipuum. Iorn. Cap. 3, de reb. Get.

Съ 576 года (1), Датчане послѣдней отрасли сдѣлались извѣстными и на Западѣ Европы, играя ту же роль, какъ прежде Англы и Саксонцы на берегахъ Франціи и Англіи. О нихъ упоминаетъ прежде всѣхъ Западный лѣтописецъ Григорій Турскій (2).

Датчане, подъ предводительствомъ своего Короля, котораго Григорій Турскій (Gregorius Turonensis) называетъ Cochilaichus, поплыли мимо береговъ Фризій и Саксоніи, вошли въ рѣку Маасъ, и ограбивъ землю Атуаріевъ, Attuagier, что нынѣ провинція Гельдернъ, хотѣли удалиться съ добычею и плѣнными; но *Theudebert*, сынъ Короля той страны (Австразіи), Теодорика, настигъ наѣздниковъ и убилъ ихъ Царя. Шлецеръ (3) полагаетъ, что съ того времени имя Датчанъ не попадаетъ болѣе въ Исторіи; однакожь мы встрѣчаемъ его еще разъ въ царствованіе Сигберта, Sigebert (между 562 и 574 годами), гдѣ именно говорится, что Датчане нападали опять на тѣ же страны Австразіи вмѣстѣ съ Саксонцами, и что вождь

(1) Masow. I с. и другіе, а именно: Pagiut ad. а. 517, относила это къ 517 году.

(2) Gregori Turon. 3, 3. His ita gestis Dani cum rege suo nomine Cochilaicho, exercitu navali per mare, Gallias appetunt. Egressique ad terras, pagum unum de regno Theodorici devastant atque captivant, oneratisque navibus, tum de captivis quam de reliquis, reverti ad patriam, cupiunt. Sed rex eorum in litus residebat, donec naves altum mare comprehenderent, ipse deinceps secuturus. Quod cum Theodorico nunciatum fuisset, quod scilicet regio ejus fuerit ab extraneis devastata, Teodobertum, filium suum, in illas partes cum valido exercitu ac magno armorum apparatu direxit. Qui, interfecto rege, hostes navali praelio superatos opprimit, omnemque rapinam terras restituit.

(3) Schlözer, Nestor I. 1. Стр. 155.

(Herzog) Сигберта, Lirus, разбилъ ихъ наголову (1). Но послѣ того, имя Датчанъ дѣйствительно исчезаетъ и они начинаютъ уже появляться въ Средней и Западной Европѣ подъ названіемъ Нормановъ, и принимаются здѣсь въ столь обширномъ значеніи, что кажется будто имъ границъ опредѣлить не возможно. Мы удостовѣримся однакожь въ противномъ.

Датчане, какъ выше сказано, были извѣстны Иорнанду подъ ихъ собственнымъ именемъ; Равенскій Географъ отличаетъ ихъ рѣшительно отъ Нормановъ, потому что сіи послѣдніе занимали ту часть Даніи, которая лежитъ надъ Двиною, Dina (2).

Такимъ образомъ мы можемъ уже опредѣлить положеніе различныхъ Сѣверныхъ народовъ; а именно: въ Швеціи видимъ Тацитовыхъ Свеоновъ (Sujones), которые, согласно Сѣвернымъ Сагамъ, вышли изъ Magna Sujonia, что на Дону, основали Датское Государство, и въ обширнѣйшемъ значеніи обнимали Данію и Швецію; далѣе Датчанъ, обитавшихъ на Датскихъ островахъ, а въ послѣдствіи и въ Ютландіи, которую они покорили по удаленіи оттуда Англовъ;

(1) Venantius Fortunatus Libr. VIII, Cap. 5, говоритъ о Герцогѣ Лунгѣ:

Quae tibi sit virtus, cum prosperitate superna
Saxonis et Dani gens cito victa probat.

(2) Упомянутая (Cap. XIII, Lib. IV.) о Даніи, которая лежитъ близъ Океана, по сохвѣству Флиновъ, онъ говоритъ: Quae Dania modo Nordmannorum dicitur patria (т. е. terra). Quam Daniam plurima transeunt flumina, inter caetera, quae dicitur Lina, quae in Oceano immergitur. Я упомянулъ выше, что послѣ, при описаніи другой Даніи, онъ называетъ эту рѣку Dina, почему полагать можно, что въ первомъ мѣстѣ должна быть оплошка. Означенная вторая Данія граничила съ Саксоніею.

и наконецъ Нормановъ надъ рѣкою Дина (Двиною), гдѣ, какъ видно изъ Датскихъ и Сѣверныхъ Сагъ и лѣтописей, Датчане искони поселились. Эти Норманы очевидно не могли называть сами себя Норманами (т. е. жителями Сѣвера); но этимъ именемъ называли ихъ Германскіе народы, расположенные болѣе къ Югу.

Надобно полагать, что Датчане начали смѣшиваться съ Германскими народами преимущественно на полуостровѣ Ютландіи, гдѣ искони слагались между прочими народами воинственный племена Германцевъ, Кимбры и Англы. Можно даже сказать положительно, что не всѣ Кимбры оставили свои поселенія, когда ихъ народъ, наводившій ужасъ на все Римское Государство около двадцати лѣтъ, былъ наконецъ разбитъ Маріемъ и Силлою: ибо и Тацитъ упоминаетъ о нихъ, какъ о небольшомъ Государствѣ (*parva civitas*) на Сѣверномъ берегу Океана (1), и Птоломей, какъ выше сказано, помѣщаетъ ихъ глубоко на Сѣверѣ Ютландіи или Кимврійскаго Херсонеса, и наконецъ Маркіанъ Гераклійскій свидѣтельству-етъ, что великій Кимврійскій полуостровъ (*κίμβριον χερσονήσος μεγίστη*), ограничиваемый землею Саксонцевъ около Эльбы, наполненъ разными Германскими племенами (2).

(1) «*Proximi Oceano*». Tacit. Germ. 37.

(2) *Marcianus Heracleota Periplus*, p. 82, 83. *Αὐτὴν δὲ τὴν Χίρσον-νησον ἔθνη πλείστα (κίτοιαι)*. Что народы были Германскаго происхожденія, видно изъ того, что Маркіанъ причисляетъ ихъ къ Великой Германіи. См. *Geogr. Graeci vet. Script. ed. Hudson. Vol. I. Оксф. 1698, стр. 81.*

Последнему изъ нихъ, который писалъ Исторію вскорѣ послѣ Птолемея, въ концѣ II столѣтія, полуостровъ былъ хорошо извѣстенъ, потому что онъ означать даже тщательно всѣ изгибы береговъ стадіями для употребленія мореплавателей; между тѣмъ, подобно Птолемею, онъ отдѣляетъ также этотъ полуостровъ, какъ отъ трехъ небольшихъ острововъ, такъ и отъ большого острова Скандін (1).

И такъ не лзя не положить, что различные народы нынѣшней Югландіи — Германскаго происхожденія; что они, по завоеваніи полуострова, слились съ Датчанами и Готами, и что изъ этого образовался отдѣльный народъ, похожій на Датчанъ, но не настоящій Датскій, такъ какъ въ немъ было болѣе Германской примѣси, нежели въ народахъ, населяющихъ острова Даніи.

Этотъ смѣшанный Германо-Датскій народъ, въ VIII и IX столѣтіяхъ, Германцы называли также Норманами, *Nordmanni*, потому что онъ находился въ отношеніи къ нимъ на Сѣверѣ; по его можно было называть и Датскимъ, если смотрѣть на него, какъ на народъ, принадлежащій къ Датчанамъ. При семъ не надобно упускать изъ виду, что Саксонцы по ту сторону Эльбы всегда считались ихъ сосѣдями.

Явное доказательство тому, что имя Нормановъ замѣстовано было отъ мѣстности, встрѣчаемъ у Лопгобарда Лиутпранда, *Liutprand* (2), который въ 946 и

(1) *Marcianus Heracl.* — 'Απ'ἀνατολῶν δὲ τῆς Χερσονήσου κίνται γῆσοι δ'αὶ καλούμεναι Σκαρδιαι. τρεῖς μὲν μικραί, μία δὲ μεγίστη καὶ ἀνατολικωτάτη καλεῖται δὲ ἰδίως καὶ αὕτη Σκαρδιὰ.

(2) *Liutpr. Hist. et Legatio ad Nicephorum Phocam lib. V. Cap. 6.*

968 годахъ по Р. Х. находился при Византийскомъ Дворѣ въ качествѣ Посланника Германскаго Императора Оттона I. Онъ говоритъ: «Russios quos alio nomine nos Nortmannos appellamus», и также: «gens quam à qualitate corporis Graeci vocant Russos, nos vero à positione loci vocamus Nortmannos» (1). Еще одно обстоятельство подкрѣпляетъ мое мнѣніе, а именно, что Норманы, нападавшіе на Англію для грабежей и завоеваній, были называемы не *Nordmannen*, а *Ostmannen*, *Eusterlingen*, *Austmend* (2), отъ слова *Osten*, Востокъ, потому что приходили отъ Востока. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ равномѣрно самое выраженіе слова *Nordmannen*, имѣющее очевидно Нѣмецкую форму, подобно именамъ *Marcoman* и *Allemannen*. При томъ же надобно замѣтить, что это названіе у Франковъ и Германцевъ выражалось даже иногда различно, хотя безъ нарушенія значенія слова. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ Карла Великаго, 780 года, изъ коей между прочимъ видно, что уже тогда многіе изъ Нормановъ были крещены въ Оргеймъ, *Orheim*, за рѣкою Обасго, они названы *Nordleute* (3), и то же самое выраженіе *Nordleudi* встрѣчается въ лѣтописяхъ

(1) Кругъ доказалъ превосходно (*Bulletin Scientifique*, T. IV, № 9 и 10, стр. 146), что слово *nos* относится не къ Византийцамъ, а къ Германцамъ; см. также въ статьѣ Савельева, въ Ж. М. В. Н. XVIII, стр. 518.

(2) *Dopping Hist. des expédit. maritimes des Normands*, I. Chap. 98. Schlözer, *Nestor*. I. 1. Cap. 156. Torfaeus *Hist. Norw.* II. Cap. 502. Waraci *Diss. de Hibernia*, cap. 24. Норманецъ Thorer называется въ *Particula de Groenlandi* «Austmandr» (*Ostmannus*). *Antiquitates Americanae* ed. Rafn. Kjöbenhavn, 1837, стр. 47.

(3) *Böhmer regesta Carol.* Стр. 12.

(*Annales Lobienses*) за тотъ же годъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, Карлъ Великій называетъ ихъ *Nordostrani*: ибо когда, какъ говоритъ Сепъ-Гальскій монахъ, *Monachus Sangallensis* (1), въ 782 году, *Nortmanni exploratores* явились на берегахъ Галліи, называемой *Gallia Narbonensis*, и были принимаемы тамъ за Евреѣвъ, Африканцевъ или Британскихъ купцевъ, то Карлъ Великій объявилъ своимъ подданнымъ, что корабли наполнены не товарами, а самыми звѣрскими врагами (*sed hostibus fetae sunt ascergimīs*), почему всѣ бросились на корабли преслѣдовать бѣгущихъ уже Нормановъ. Самъ Карлъ всталъ изъ-за стола, прислонился къ окну, обращенному на Востокъ, плакалъ долго горькими слезами, и сказалъ наконецъ окружавшимъ его рыцарямъ: «*Scitis, o fideles mei, quid tantopere ploraverim? Non hoc, ait, timeo, quod isti nugae et nihili mihi aliquod nocere praevalcant; sed nimirum contristor, quod me vivente ausi sunt litus istud attingere, et maximo dolore torqueor, quia praevideo, quanta mala posteris meis, et eorum sunt facturi subjectis. Quod ne adhuc fiat, Christi Domini nostri tutela prohibeat, et gladius vester in sanguine Nordostranorum duratus absistat*» etc. (2). Имя *Nordostrani* употреблено, безъ сомнѣнія, здѣсь потому, что люди, лившіеся тогда въ видѣ морскихъ разбойниковъ, были жителями страны, называемой нынѣ *Nordstrand* и принадлежавшей къ округу *Husum*. Карлъ Великій долженъ

(1) *Carolus iterum ingreditur Saxoniam et Vinidorum seu et Frisonum et Nordleudorum multitudo credidit. Ann. Lob. Pertz. Mon. Germ. med. aevi II. стр. 198.*

(2) *Mon. Sangall. Gesta Caroli. Lib. II. Cap. 14. Pertz II. 768.*

былъ познакомиться съ ними со стороны моря, ранѣе 784 года (1), когда поручалъ Святому Лиутгеру (Liutger) обратить въ Христіанскую Вѣру Саксонскій островъ Fesetes-Land, Гелголандъ. Лиутгеръ хотѣлъ отправиться оттуда къ Норманамъ для обращенія ихъ въ Христіанство; но Карлъ не изъявилъ на то своего согласія (2). Демпингъ удивляется этому обстоятельству (3), а я думаю, что оно достаточно объясняется тѣмъ, что предпринимать такое обращеніе Нормановъ, которые являются уже здѣсь подъ названіемъ *Nortmanni*, Карлъ Великій признавалъ тогда опаснымъ (4). Надобно было прежде укоренить Христіанскую Вѣру у Саксонцевъ, а послѣ уже думать о воинственныхъ Норманахъ. Судя по выраженіямъ Эйнгарда, въ Описаніи жизни Карла Великаго: «*Dani siquidem et Sueones, quos Nortmannos vocamus*», можно бы полагать, что названіе *Nortmanni* объемлетъ всю Скандинавію (5). Разсмотримъ однакожь ближе это мѣсто. Эйнгардъ объясняетъ тутъ причины войны противъ народа

(1) Что это случилось до 783 года, видно изъ того, что тогда Виттекинда еще окрещенъ не былъ. Справ. vita St. Liutgeri 1, 19, у Перца, стр. 414.

(2) (Liutgerus) fuit autem cupidus anxie, gratia docendi Nortmannos adire, sed rex Carolus nullatenus assensum praebeuit. Vita 8. Liutgeri II. 6. Pertz, какъ выше сказано.

(3) Dipping I. c. стр. 103.

(4) А именно уже около 782 года, когда Карлъ Великій, «ubi Lippia consurgit» (нынѣшнее Lippspringe), созвалъ Сѣмъ. Туда пришли съ Саксономъ кромѣ Виттекинда. Далѣе сказано: «Etiam illic convenerant Nortmanni missi Sigifridi regis, id est Halptani, cum sociis suis». Ann. Laur. Einhardi. Pertz. I. 162, 163. Въ Einhardi. Ann. Fuld. Pertz. I, стр. 349, Sigifridъ (Сигфридъ) называется rex Danorum.

(5) Einh. Vita. Caroli. M. Pertz. II. стр. 449.

Вилыи и описываетъ морской заливъ , проникающій по направленію отъ Западнаго моря на Востокъ, въ глубь твердой земли на неизвѣстное пространство; а послѣ того о прибрежныхъ жителяхъ говоритъ: «*Dani siquidem et Sveones, quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent.*» Я перевожу это такъ: «Датчане и тѣ *Sveones*, которыхъ мы называемъ *Норманами*, обитаютъ на Сѣверномъ берегу (Ютландіи) и на всѣхъ островахъ этого залива». А что имя *Свеоновъ (Sveones)* служило общимъ наименованіемъ для всѣхъ этихъ народовъ, такъ какъ они вели свое происхожденіе изъ Великой Свеоніи, это было уже показано выше. Въ основательности этого объясненія удостовѣрлетъ самъ же Эйпгардъ, который тогда присовокупляетъ: «*Ultimum [Caroli] contra Nortmannos qui Dani vocantur bellum susceptum est*» (1), а послѣ того онъ называетъ именемъ *Nortmanni* тѣ народы, которые въ концѣ царствованія Карла Великаго производили грабежи въ Фрисландіи и на островахъ, лежащихъ по близости Германіи (2). По эти грабители были именно жители Ютландіи, подъ предводительствомъ Князей своихъ Зигфрида и Готфрида (*Siegfried, Gottfried*) (3): слѣдовательно, не Датчане собственно такъ называемые, а еще менѣе Шведы.

Въ пользу мнѣнія , что всѣ Сѣверные народы (Датчане , Шведы и Норвежцы) во время Людовика

(1) Einhardi vita Carol. M. Pertz. II. стр. 480.

(2) Тамъ же, стр. 482.

(3) Einhard. Ann. ad. ann. 810. Pertz. I. стр. 384. Einhar. Ann. Fuld. ad a. 810. Pertz. I. p. 386.

Благочестиваго назывались общимъ именемъ *Nortmani*, приводятъ еще другое мѣсто изъ современнаго Людовика Писателя, по имени Эрмольда (*Ermoldus Nigellus*), который говоритъ: «*Hi populi Nort quoque francisco dicuntur nomine manni*».

Это мѣсто находится въ знаменитомъ стихотвореніи, и которое Эрмольдъ сочинилъ по случаю крещенія Ютландскаго Князя Геріольда въ 826 году въ Ингельгеймѣ (1), послѣ отправленія въ Норманію Архіепископа Эбо (*Ebo*) для проповѣданія Христіанской Вѣры (2). Но здѣсь опять идетъ рѣчь о тѣхъ Датчанахъ, которые находились подъ управленіемъ преемниковъ Готрика и Гальфдана (*Gottrik, Halfdan*), къ которымъ принадлежалъ также и Геріольдъ. Эрмольдъ говоритъ только слѣдующее (v. 11):

«*Hi populi porro veteri cognomine Dani
Ante vocabantur et vocitantur adhuc,
Nort-quoque francisco dicuntur nomine manni,
Veloces, agiles, armigerique nimis,
Ipse quidem populus late pernotus habetur
Lintre dapes quaerit, incolitatque mare;
Pulcher adest facie vultuque statuquo decorus
Unde genus Francis adforo fama refert.*»

Слѣдовательно, здѣсь опять идетъ рѣчь о тѣхъ только Датчанахъ, которые обитали въ Ютландіи, а не въ собственномъ Королевствѣ Даніи и Швеціи, которое обращено было въ Христіанство Ансгаріемъ гораздо позже.

(1) *Ermoldus Nigellus Lib. IV. v. 13. Pertz. II. стр. 501. Carmen in honorem Hludovici Augusti.*

(2) *Nigellus IV. v. 317. Ebo dudum Nordmanica rura.*

Не спору, что первое мѣсто, приведенное изъ Эйнгарда о жизни Карла Великаго, можно также понимать и въ томъ смыслѣ, какъ его объясняютъ Кругъ и Шлецеръ. Но если въ замѣчаніяхъ моихъ я рѣшился отступить въ этомъ предметѣ отъ мнѣнія нашего заслуженнаго Круга, то надѣюсь доказать мое предположеніе слѣдующими историческими фактами, въ которыхъ идетъ дѣло о границахъ Норманн, или въ конхъ Датчане и Шведы отдѣляются еще рѣшительнѣе отъ Нормановъ.

Норманы, *Northmanni*, отдѣляются совершенно отъ Датчанъ и Шведовъ въ томъ мѣстѣ, которое Кругъ приводитъ изъ Англо-Саксонца Этельверда (*Ethelwerd*) на стр. 833 (1): «*Aquilonales increduli, viz. Dani, Northmanni quoque et Sueui*». Здѣсь надобно понимать смѣшенный народъ, составленный изъ Датчанъ и изъ племенъ Германскихъ, Кимврійскихъ, Англьскихъ и другихъ, который, будучи особымъ народомъ, отдѣлился отъ Датчанъ и Шведовъ: ибо покоренная Датчанами Ютландія уже въ VIII столѣтіи, подъ управленіемъ Рагнара Лодброка (*Ragnar Lodbrock*) считалась второстепеннымъ, т. е. подчиненнымъ другому верховному Царю, Государствомъ (2).

Родъ этихъ Царей Ютландіи, или только Южной ея части, какъ полагаетъ Гебгарди, которые царствовали при Карлѣ Великомъ, раздѣляется по Франконскимъ лѣтописямъ, до временъ Норманскихъ Князей Зигфрида

(1) Kруг, *Bulletin Scient.* I. c. p. 143.

(2) Такой Царь въ правленіе Рагнара Лодброка называется *Huitserk*. Онъ владѣлъ Ютландіею или Рейдготландіею, и нападалъ на Остѣйскіе берега и Нортумберландію. *Gebhard. Gesch. Dänemarks.* Стр. 378.

и Годофрида, на двѣ отрасли, а именно: находимъ прежде всего Царя Геріольда I, дѣда того Анула (Anulo), о которомъ упоминается подъ 812 годомъ (1); послѣ того Гальфдана (Halptanus), отца Зигфрида, Анулова брата, въ 784 году (2). Равнымъ образомъ Горма (Gormo), Геріольдова сына (3), и Готрика или Годофрида, Гормова сына (4), съ титуломъ *Rex Normannorum* (5) или *Danorum* (6). Наконецъ видимъ въ различныхъ мѣстахъ Франкоускихъ лѣтописей, сыновей Гальфдановыхъ: Зигфрида, Гемминга, Ануло, Геріольда (II), Регинфрида и Рюрика (Rorik), и читаемъ описанія ихъ военныхъ походовъ и споровъ о послѣдствіи съ сыновьями Готрика, которые упоминаются обыкновенно подъ однимъ общимъ именемъ Годофридовыхъ сыновей. Далѣе, подъ 810 годомъ, говорится о Годофридовомъ братѣ Регинальдѣ и сынѣ Геммингѣ, равно какъ и о двухъ сыновьяхъ Геріольда Второго: Годофридѣ и Родульфѣ. Такимъ образомъ можно составить слѣдующую поколѣнную роспись Царей Норманскихъ:

(1) Einhardi Annales ad ann. 812. Pertz. I. Стр. 20.

(2) Nortmanni missi Sigifridi regis, id est Halptani. Annales Laurenses ad ann. 782. Pertz. I. Стр. 162, 163.

(3) Saxo Grammat. VIII, 6. Франкоускіе лѣтописцы о немъ не упоминаютъ.

(4) Saxo Grammatic., тамъ же.

(5) Chron. Moiss. ad ann. 808. Monachus Sangall. Gesta Karoli. Pertz. II. 756.

(6) Mahar. Ann. ad an. 808. Pertz. I. Стр. 195.

Heriold I.	Gorm.	Godofried.	{	Годофридовы сыновья.
		N. N. братъ Годофридовъ.	{	Reginald. Hemming.
	Halfdan.	Siegfried.		
		Hemming.		
		Anulo.		
		Heriold II.	{	Godfried. Rodulf.
		Reginfried.		
		Roricus.		

Это краткое и отчасти не подкрѣпленное еще доказательствами обозрѣніе важѣйшихъ лицъ Ютландскаго или Норманскаго Царскаго рода, на первый случай полагаемъ достаточнымъ. Земли, подлежавшія ихъ владѣнію, назывались *Nortmannia*, и составляли часть Датскаго Королевства. Это видно изъ лѣтописи Эйнгарда, который говоритъ, что въ 777 году, «*Widichindus (убѣждалъ) ad Sigifridem regem Danorum partibus Nordmanniae*» (1).

Южная граница опредѣляется яснѣе тѣмъ, что сказано о Царѣ Нормановъ Годофридѣ при описаніи происшествій 808 года: «*Limitem regni sui, qui Saxoniam respicit, vallo munire constituit eo modo, ut ab orientali maris sinu, quem illi Ostersalt dicunt, usque ad occidentalem oceanum tota Aegidiorae fluminis aquilonalem ripam munimentum valli praetexerat, una tantum*

(1) Einhardi Annal. Laur. ed. an. 777.

prota dimissa, per quam carrae et equites emitti et recipi potuissent» (1).

Съ этой стороны, какъ видно, Норманія гранила съ землею Саксонцевъ, лежавшею по ту сторону Эльбы, и у которыхъ Герцогомъ былъ Витекинъ; на этой землѣ поселены были вмѣстѣ съ Саксонцами и другіе народы, изъ числа коихъ жители округовъ Hosingau и Rosengau въ 803 году переведены были Карломъ Великимъ въ другое мѣсто за то, что они безпрестанно соединялись съ Норманами; землю же ихъ Карлъ подарилъ Оботритамъ (2), которыхъ дѣйствительно находимъ здѣсь въ послѣдствіи пограничными жителями Норманіи (3). Въ 809 году Готфридъ (Годофридъ) приобрѣлъ опять вліяніе на саксонскихъ Саксонцевъ и на Эраска (Thrasco), Царя или Герцога Оботритовъ, и между тѣмъ какъ онъ самъ грозилъ войною Карлу Великому, Эраско съ помощію Саксонцевъ завладѣлъ землею Вильцовъ и Смелдинговъ (4), расположенною по берегамъ Эльбы. Карлъ Ве-

(1) Einhardi Ann. ad an. 808. Это не что иное, какъ знаменитое Dannewirk, между Шлезвигомъ и Гусумомъ, гдѣ морскія бухты и озера, пріюща славя съ моремъ, сближаются между собою на три Нѣмецкія милл. Гегбарди почитаетъ этотъ валъ плотною насыпью на Сѣверномъ берегу рѣки Эйзера; но въ такомъ случаѣ спрашивается: кто сдѣлалъ Сѣверный валъ, который проходитъ посреди той страны у Шлезвига?

(2) Ann. Moiss. ad an. 803. Part. II. Стр. 258.

(3) Einhardi Ann. ad an. 809. Эти Оботриты сдѣлались тогда пограничными съ сосѣдами на Остзейскомъ морѣ, а Саксонцы со стороны Сѣвернаго моря.

(4) Землю Смелдинговъ, бывшую надъ Эльбою, и о которой нигдѣ болѣе не упоминается, я почитаю Дитмарсеномъ, гдѣ былъ главный городъ Мельдоръ (Mildindorp).

ликий, пайдя нужнымъ защитить Саксонию отъ нападеній Нормановъ, основалъ тогда первую Франконскую крѣпость въ Голштейнѣ, Esesfeld (Itzehö) надъ рѣкою Штёръ (Stör) (1); небольшою замкомъ, castellum Nuobouki (2), въ послѣдствіи Гамбургъ, существовалъ уже прежде. Карлъ Великій покорилъ опять возмущившіеся народы и поручилъ надзоръ за пограничными областями нѣкоторымъ Графамъ (comitibus) (3). Около того же времени упоминается о мѣстечкѣ Bodenfliet, которое находилось на границѣ Норманіи и Франконской Саксоніи надъ Эйлеромъ (4), но теперь не существуетъ. Оно избрано было Годофридомъ для мирныхъ переговоровъ съ Карломъ Великимъ, «juxta terminos regni sui trans Albim». Удивительно, что Христиани въ своей Исторіи Герцогствъ Шлезвигскаго и Голштейнскаго, впрочемъ довольно подробной, описывая это время, не упоминаетъ даже имени Норманнъ, и тѣмъ еще менѣе заботится объ опредѣленіи границъ ея.

По убіеніи надменнаго Годофрида, (который въ 810 году грозилъ еще Карлу Великому нападеніемъ на собственную его столицу Ахенъ (Aachen), и ко-

(1) Einh. Ann. ad an. 809. Civitas Esesfeld cum praesidio Francorum.

(2) Einh. Ann. I. Стр. 107. Другіе принимаютъ Nuobouki за Boltzenbourg.

(3) Графъ Эгбертъ воздвигнулъ Itzehöh, другіе Саксонскіе Графы помогали ему. Einh. An. ad an. 809. Вѣроятно, лѣтъ земли Смельднговъ образовались новыя Графства: Дитмарсенъ надъ Штуромъ (Sthur), Stormаръ съ Itzehöh и Гамбургомъ (какъ полагаетъ Адамъ Бременскій), и собственная Holsatia, Oldsaxia или Holstein, который въ послѣдствіи въ обширнѣйшемъ смыслѣ заключаетъ въ себя Stormаръ и Dithmarsen.

(4) Pertz, Mon. I, стр. 107.

торый соединился съ Вильцами, взялъ дѣйствительно замокъ Гамбургъ, сдѣлалъ высадку на берега Фрисландіи и разбилъ на голову Императорскія войска (1); Норманскимъ Государствомъ завладѣлъ Гемминъ, племянникъ Годофрида: Съ этого времени Норманія, простиравшаяся прежде до Даневирка (Danewirk), получила границею рѣку Эйдеръ (2), хотя впрочемъ Норманы почитали все пространство между Даневиркомъ и Эйдеромъ своею собственностію. Потомъ Исторія называетъ нѣсколькихъ Царей Норманскихъ, покорившихся Карлу Великому: «Singuli pro devotione sua aurum et argentum et pro sempiterna subjectione gladios suos dirigerent» (3). Это были вѣрно сыновья Гальфдана (Halfdan), который царствовалъ прежде общо съ Годофридомъ. Послѣ наступившей скорѣ смерти Гемминга (812 года по Р. Х.), они рѣшились защищать оружіемъ свои права на престолъ Норманскій противъ домогательствъ Годофридова внука, Зигфрида. Ануло, сынъ Гальфдана, и Зигфридъ пали въ рѣшительномъ сраженіи; но сторона Анула одержала побѣду, почему меньшіе братья, Геріольдъ II и Регинфридъ, овладѣли Государствомъ (4), допустивъ къ соучастію въ правленіи и брата своего Гемминга, который, какъ кажется, былъ заложникомъ у Карла Великаго, но получилъ позволеніе возвратиться на родину. Въ скоромъ времени они были опять вытѣснены сыновьями Годофрида, но съ помощію Карла Великаго, незадолго

(1) Einh. Ann. Fuld. ad an. 810.

(2) Einh. Fuld. Ann. ad an. 811. Adam Brem. Hist. Eccles. L. 1. c. 13.

(3) Mon. Sangal. Gesta Caroli. Lib. II. cap. 18. Pertz II. стр. 761.

(4) Einhardi Annales ad annum 812.

до кончины сего Государя, получили свои владѣнія (1) обратно. Означенные сыновья Годофрида у Франконскихъ лѣтописцевъ не упоминаются именемъ; но это были вѣроятно: Олавъ (2), Герукъ (Эрикъ I) (3), а можетъ быть еще и Рагнаръ (*princeps et dux Nortmannorum*), который въ 845 году съ Рюрикомъ нападалъ на Францію и опустошалъ ее (4).

Эти сыновья Годофрида находились до того времени внѣ отечества, у Сисоновъ (*Susones*) — доказательство, что Свеоны не принадлежали тогда къ Норманамъ.

Я прохожу молчаніемъ дальнѣйшую борьбу Норманскихъ Государей, въ продолженіе которой Франки, подъ предводительствомъ Людовика Благочестиваго, находились постоянно на сторонѣ Гальфданова потомства, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ того, въ 823 году, Геріольдъ II позволялъ Реймскому Архіепископу Эбо проповѣдать Евангеліе въ Норманіи (5), а въ 826 году и самъ съ братомъ своимъ Рюрикомъ (6) и съ многими благородными Датчанами принялъ въ Ингельгеймѣ торжественно Святое крещеніе.

(1) *Postea venerunt filii Godofridi cum exercitu expulseruntque Herwaldum, et Regenfridum atque Amingum de regno ipsorum. Omnes ubique in Karli Velikomu, но нѣмъ отосланы были обратно «cum adjutorio.» Chron. Moiss. Pertz II. стр. 259.*

(2) *Filius Gotrici, Rex Danor. Saxo Grammat. IX. 1.*

(3) *Filius Godofridi. Einhardi Ann. ad an. 827.*

(4) *Ann. Bertin. ad an. 845. Ann. Peth. cod. a. Chron. Tontanell. cod. anno. Herm. Contract. ibid.*

(5) *Einhardi Annal. ad ann. 822.*

(6) *Adam Bremensis II. cap. 15. Адамъ Бременскій именно говоритъ «cum fratre»; но даетъ этому брату имя Норикъ. Это вѣроятно опечатка, ибо у Геріольда не было брата Горника, а былъ братъ Рюрикъ, котораго и называютъ въ послѣдствіи вмѣстѣ съ нимъ.*

При этомъ случаѣ владѣнія Норманскихъ Государей, исповѣдывавшихъ Христіанскую Вѣру, получили значительное приращеніе. Людовикъ Благочестивый далъ имъ почти весь Сѣверный берегъ Германіи и Голландію до устья рѣки Валь (Wahl). При самомъ крещеніи онъ уже подарилъ Геріольду, какъ крестнику своему, Рустрингенъ (Rustringen) (1), Графство, состоявшее въ Фрисландіи, нынѣшнемъ Герцогствѣ Ольденбургскомъ (2), дабы онъ могъ тамъ найти для себя и своихъ безопасное убѣжище, если Норманы возненавидятъ его, какъ Христіанина: причемъ однакъ Людовикъ имѣлъ вѣроятно въ виду и то, чтобы на обыкновенныхъ пристаняхъ, образуемыхъ устьями рѣкъ: Эмсъ (Ems), Ягде (Jahde) и Везера (Weser), получить самому защиту противъ языческихъ Нормановъ. Равнымъ образомъ Геріольду пожаловано было помѣстное владѣніе (beneficium) по ту сторону Эльбы (3), (вѣроятно Дитмарсенъ (Ditmarsen), при устьѣ Эльбы), гдѣ онъ также съ Норманами Христіанской Вѣры долженъ былъ служить оплотомъ для Франконскаго Государства. Эрмольдъ полагаетъ что, кромѣ главнаго владѣнія, Геріольдъ получилъ еще «et loca vinifera, multimodosque dapes» (4). Эту стра-

(1) Herioldus, multis muneribus ab imperatore donatus, per Fresiam qua venerat via reversus est, in qua provincia unus comitatus, qui Hriustri vocatur, eidem datus est, ut in eum se cum suis, si necessitas exigeret, recipere potuisset. Einhard. ad an. 826.

(2) Неправильно полагаютъ иногда этотъ Comitatus Rhiustri между Везеромъ и Эльбою.

(3) Beneficium trans-Albiam. Adamus Bremensis.

(4) Ermoldi Nigelli Lib. IV. v. 613.

ну, производящую виноградъ, можно только искать надъ Рейномъ; но гдѣ? — неизвѣстно (1).

Геріольдовъ братъ Рюрикъ (*Roric*) получилъ въ то же время часть Фрисландіи, — неизвѣстно какую (2). Въ послѣдствіи оказывается, что третій братъ Геріольда, Геммингъ, имѣлъ въ своемъ владѣніи Вальхернъ (*Walchern*), ибо онъ былъ тамъ убитъ, въ 837 году, когда отрядъ Нормановъ, державшихся еще вѣроятно язычества, напалъ на него, захвативъ даже Дорептадтъ (*Dorestadt*), одинъ изъ знаменитѣйшихъ торговыхъ городовъ Среднихъ вѣковъ, а Фрисландцы взбунтовались (3). Слѣдствіемъ перехода Норманскихъ Государей въ Христіанскую Вѣру было то, что Геріольдъ въ 827 году вытѣсненъ былъ дѣйствительно сыновьями Годофрида (4), и сохранилъ только тѣ владѣнія, которыя получилъ отъ Людовика Благочестиваго. То же самое случилось и съ Рюрикомъ, который при возстаніи Фрисландцевъ въ 836 году отправилъ посланниковъ къ Императору въ Вормсъ, съ увѣреніемъ въ своей преданности (5). Около того

(1) Depping l. c. стр. 109, говорить: «L'Empereur lui assigna des terres entre le Rhin et le Moselle. Il paraît qu'il lui donna plus tard Dorestadt et la Rustringue dans le pays d'Oldenbourg. Son frère Hemming eut l'île Walchern, et son second frère Roric le pays de Kennemer. Все это едва ли можетъ быть, и вовсе несправедливо, или по крайней мѣрѣ не обращено вовсе вниманія на время этихъ пожалованій.

(2) Adam. Bremen. II. 15.

(3) Prud. Treccensis Ann. ad an. 837. Rudolfi Fuld. Ann. Portz I. C. 361.

(4) Einhard. Ann. ad an. 827. Interea reges Danorum, filii videlicet Godofridi, Herioldum de consortio regni ejicientes Nordmannorum finibus excedere compulerunt.

(5) Prudent. Treccensis Annales h. a.

же времени Императоръ уступилъ какъ видно Геріольду и Рюрику городъ Дорештадтъ, которымъ они владѣли до смерти Людовика Благочестиваго (1). Въ 838 году Рюрикъ требовалъ, въ награду за сохраненіе вѣрности, всей Фрисландіи и земли мятежныхъ Оботритовъ, на что однакожь Людовикъ не согласился (2). Когда, послѣ смерти Людовика Благочестиваго, между его сыновьями произошли несогласія, то Геріольдъ присоединился къ Лотару I, который пожаловалъ ему за то Вальхернъ (3). Напротивъ того Рюрикъ впалъ у Лотара въ подозрѣніе, бѣжалъ въ Германію къ Людовику, и остался тамъ нѣсколько лѣтъ между Саксонцами на границѣ Нормановъ (4), безъ сомнѣнія, въ помѣстныхъ владѣніяхъ (*beneficia*), полученныхъ прежде Геріольдомъ. Здѣсь собравъ значительное войско изъ Датчанъ или Нормановъ, онъ началъ опять грабить приморскія области (5). За тѣмъ слѣдуютъ: въ 843 году нападеніе Нормановъ на Нантъ (*Nantes*) (6) и въ 844 вторженіе Нормановъ - Росъ (*Normannen-Rhos*) въ Испанію (въ Севиллу) и въ Португаллію, о которомъ Арабскіе Писатели сообщаютъ столь любопытныя донесенія. Далѣе, въ 845 году, слѣдуетъ нападеніе на Фрисландію

(1) Roruk qui tempore Hludovici cum fratre Herioldo vicum Dorestadum beneficii iure possedit. Ann. Fuldenses ad. a. 830.

(2) Prudent. Trecentis Ann. a. 838. Pertz I. 432.

(3) Prud. Trecentis Ann. 841. Pertz. I. стр. 436.

(4) Ann. Fuld. ad an. 830.

(5) Roruc cum per aliquot annos inter Saxones, qui confines sunt Nordmannis, mansitaret, collecta Danigenarum non modica manu, coepit piraticam exercere. Ann. Fuld. l. c.

(6) Chron. Aquit. Pertz II. Grp. 263. Chron. Moise. ad an. 843.

и Саксонію, и опустошеніе Гамбурга (1). Здѣсь говорится, что Рюрикъ вошелъ самъ въ Эльбу съ 600 кораблями (2). Въ томъ же году видимъ, что Царь Рюрикъ предводительствуетъ языческою арміею, опустошавшею Францію, и что при появлении моровой язвы, вспомнивъ Христіанскую Вѣру, онъ постился въ теченіе четырнадцати дней съ цѣлымъ своимъ войскомъ (3). Въ 846 году Норманы забираютъ всю Фрисландію (4), и сожигаютъ Дорештадтъ (5), а въ 847 году занимаютъ еще разъ Дорештадтъ и островъ Батавовъ, и оставляютъ ихъ за собою (6).

Въ 848 году, измѣною Евреевъ, городъ Бордо достается имъ въ руки (7). Около года спустя послѣ того, Франконскіе лѣтописцы не приводятъ никакихъ новыхъ нападеній, а потомъ является опять на сцену *Rorich rex Nortmannorum*, который грабитъ Фрисландію, островъ Батавовъ (*Betuve*) и другія земли надъ Рейномъ и рѣкою Валь (*Wahl*), по смерти брата своего Геріольда принуждаетъ Лотара уступить ему Дорештадтъ и другія Графства. Послѣдній походъ онъ предпринималъ обще съ Геріольдовымъ сыномъ *Годфридомъ*, который послѣ того вошелъ еще въ Сену и принудилъ Французскаго Короля отвести ему землю

(1) Frähn, Bulletin Scientif. IV. 9. 10.

(2) Ann. Fuld. pars II. Pertz II. стр. 367. Duchesne Script. rer. Franc. T. II. стр. 312.

(3) Ann. Xantenses ad a. 845.

(4) Nortmanni Frisiam adeuntes, recepto pro libito consue, pugnando quoque victores effecti, provincia potiuntur. Chron. de gestis Norm. ap. Du Chesne ad. a. 846.

(5) Ann. Xantenses ad annum 846.

(6) Ann. Bertin. ad ann. 847.

(7) Ann. Bertin. ad h. a.

для жительства (Normandie) и принять его самого къ себѣ въ товарищи, «in societatem regni accipere» (1).

Во всѣхъ этихъ нападеніяхъ на Лотарово Государство, Рюрикъ игралъ главную роль, какъ то видно и изъ вышеприведеннаго мѣста *Ruod. annales Fuld. ad an. 850*, гдѣ сказано: «Rorik collecta Danigenarum non modica manu coepit (т. е. съ 803 г.) piraticam exercere et loca regni Hlotharii septentrionalia oceani litoribus contigua vastare».

Теперь онъ владѣлъ Государствомъ — «ea conditione, ut tributis caeterisque negotiis ad regis aerarium pertinentibus fideliter inserviret et piraticis Danorum incursionibus obviando resisteret».

Такимъ образомъ Рюрикъ завоевалъ всю Фрисландію, состоявшую изъ Западной Фрисландіи, въ Голландіи, Восточной Фрисландіи падъ рѣкою Эмсъ, Рустрипгена, въ Герцогствѣ Ольденбургскомъ, части Фрисландіи между устьями Везера и Эльбы (Wurste Friesland), и Сѣверной Фрисландіи между Эльбою и Эйдеромъ. Къ тому онъ получилъ еще Дорештадтъ и другія Графства, и вѣроятно завоеванныя острова Вальхернъ и Батавовъ. Послѣ того онъ возвратился въ Ютландію, и съ согласія своего верховнаго Государя Эрика (Erik) принялъ ее въ свое владѣніе отъ Эйдера до самаго моря (857) (2). Приобрѣтеніе Ютландіи открыло могущественному Владѣтелю свобод-

(1) *Ruod. Fuldens. Annal. ad an. 850*. Бароній полагаетъ въ своихъ лѣтописяхъ, что Карлъ Лысый уже уступилъ тогда сѣвѣнъ Норманамъ Нормандію, но *Pag. Crit. ad Bar. Ann. III*, стр. 613, утверждаетъ противополож. и относитъ эту уступку къ царствованію Карла Слабоумнаго, 912.

(2) *Ruod. Fuldenses Annales ad annum 857*.

пый входъ въ Остзейское море, почему вскорѣ началъ онъ вторгаться въ приморскія владѣнія Россіи. Первое вторженіе послѣдовало ранѣе 859 года: ибо въ этомъ году, какъ сказано у Нестора, Варяги, собиратели дани, были изгнаны изъ Россіи (1); другое, болѣе значительное вторженіе учинено въ 862 году. Тогда самъ Рюрикъ, съ братьями Сянеусомъ и Труворомъ (о коихъ впрочемъ Франконскіе лѣтописцы не упоминаютъ), пошелъ въ Новгородъ, Изборскъ и Бѣлоозеро, взявъ съ собою всѣхъ Руссовъ (всю Русь) для водворенія ихъ на тѣхъ земляхъ (2). Въ 863 году видимъ опять Рюрика во Франконскихъ его владѣніяхъ (3), гдѣ однимъ лишь своимъ именемъ и безъ сраженія онъ заставляеть удалиться изъ устьевъ Рейна вторгнувшихся туда Нормановъ. Въ 864 году онъ является опять въ Россіи единодержавнымъ (4). Въ 866 году, во время похода Оскольда и Дира на Византію (5), Рюрикъ былъ еще въ Россіи; по въ 867 году, Несторъ не говоритъ о немъ ни слова, такъ что не поспѣло было бы, какимъ образомъ составились Княжества Новгородское и Кіевское, еслибъ мы не читали у Гипкмара Ремскаго, что около этого времени Рюрикъ возвращался въ свои Франконскіи владѣнія для укрощенія мятежа нѣкоторой части

(1) Несторъ подъ 859 г.

(2) Несторъ, 862 г.

(3) *Hincmar Rem. Ann. ad ann. 863.*

(4) Несторъ подъ 864.

(5) Несторъ подъ 866. Въ этомъ году, при описаніи экспедиціи Норманновъ въ Англію, упоминается о Царѣ Нигерѣ или Нигарѣ: это былъ вѣроятно сынъ Рюрика Игорь (называемый у Византійцевъ также *Inger*). *Pag. Critica III, стр. 647.*

своихъ подданныхъ, а именно Конкинговъ, Conkingen (1). Послѣ того Рюрикъ является еще разъ съ племянникомъ своимъ Родульфомъ въ Пиндерлапахъ, съ засвидѣтельствомъ вѣрности своей Карлу Лысому (2). Но тутъ видимъ его дѣйтельнымъ въ послѣдній разъ: онъ умираетъ въ Россіи въ 879 году (3), а племянникъ его Годофредъ получаетъ отъ Карла Толстаго принадлежавшія ему владѣнія — «*Frisiam aliosque honores, quos Roricus habuerat*» (4).

Изъ этого историческаго обозрѣнія довольно ясно видѣть можно, какія именно слѣдуетъ опредѣлить границы Норманіи съ Южной стороны во время основанія Россійскаго Государства.

Царство Нормановъ или Норманія ограничивалась рѣкою Эйдеръ и къ Юго-Востоку Оботритами, отъ Юго-Запада Саксонцами, которые уже при Людовикѣ Благочестивомъ имѣли здѣсь границу, называемую *Nortmannicus limes* (5) или *marga Nortmannica* (6). Сѣверные предѣлы Норманскаго Государства

(1) Hinc. Rem. ad annum 867. «*Incolae, qui novo nomine Conkingi dicuntur, propterea его изъ Фризій (Frisia)*».

(2) Hincmar. Rem. подъ 873 годомъ.

(3) Несторъ, 879 г.

(4) Hincmar Remensis ad ann. 882. Въ *Annales Fuldenses*, называютъ это: *Comitatus et beneficia quae Rorich Nordmannus, Francorum regibus fidelis in Kinnin habuerat*. Кажется, что этотъ *Kennemerland* былъ послѣднимъ мѣстомъ его пребыванія. *Annales Vedastini ad annum 882*, говорятъ: «*Godafridus vero rex ad eum exiit. Cui Imperator regnum Frisonum, quod olim Roricus Dannes tenuerat, dedit, conjugemque addidit Gislam, filiam Hlotarii regis*. Это было счастливое воцѣленіе при Гаслахъ».

(5) Einhard. ad annum 817.

(6) Einh. ad ann. 825.

должно полагать тамъ, гдѣ прекращается владычество Нормановъ, и именно въ Южной Норвегіи. Этою границею будетъ Westfolden, который, какъ говоритъ Эйнгардъ (1) является послѣднимъ изъ владѣній съ *Sjæra*, «*regio ultima regni eorum contra aquilonem*». Отъ этого Вестфольдена, и отнюдь не отъ другой какой-либо части Норвегіи, часто выводится названіе Вестфольдинговъ, Westfoldinger (2), присвоенное Норманскимъ морскимъ разбойникамъ.

Изъ острововъ, лежащихъ около Ютландіи, кажется ни одинъ не принадлежалъ къ Норманіи: ибо если уже въ Птоломеевы времена три большіе острова, лежащіе близъ Западныхъ береговъ: Sylt, Föhr и Amrum, называемые у древнихъ *Insulae Saxorum*, принадлежали Саксонцамъ (3), то мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что они были въ послѣдствіи оставлены Саксонцами. Островъ Гелголандъ, называвшійся *Fesetisland*, въ царствованіе Карла Великаго не былъ собственностію Норманіи и Даліи, «*in confinio Fresorum atque Danorum*» (4). Это явствуетъ изъ вышеприведенныхъ поясненій, гдѣ сказано, что по обращеніи жителей сего острова въ Христіанскую Вѣру, Карлъ Великій не дозволилъ Св. Лудгеру итти проповѣдать оную *Норманамъ* (5). Что касается

(1) Einhard. Ann. ad ann. 813.

(2) Напримѣръ въ 843 г., гдѣ *Chronicon Nortmannorum* называетъ разорителей Нанга Вестфольдингами, а *Chronicon Moissiae* Норманамъ.

(3) Ptolomaeus Geogr. lib. II. cap. 11.

(4) Vita S. Luidgeri. Cap 19. Pertz. II, стр. 410.

(5) Vita Luidgeri I. c. Pertz. II, стр. 414.

до Восточныхъ острововъ, они принадлежали всё къ собственной Даніи, и ни одинъ изъ Писателей того времени не говоритъ, чтобы который-либо изъ нихъ сдѣлался собственностію Нормановъ.

Но если мы пожелаемъ изслѣдовать, какъ далеко проникло до 872 года имя Нормановъ (мы говоримъ о людяхъ, а не о Государствѣ), то конечно получимъ совсѣмъ другіе результаты: ибо изъ вышесказаннаго видно, что съ владѣніями Геріольда и Рюрика имя Нормановъ распространилось по всѣмъ приморскимъ странамъ Германіи и Нидерландовъ отъ Эйзера до рѣки Валь, а посредствомъ Рюрикова племянника Годофреда даже до Нормандіи.

Это обширѣйшее распространеніе владычества Нормановъ объясняетъ только то, почему у Нестора къ Варягамъ причисляются: Готы (Юты), Русь, Англы (Англи), Галичане (Галлы), Волохи, Римляне, Иѣмцы (Германцы, напр. Саксонцы), Корлязи (Каролингскіе Фрапки) (1), Венедицы (Венды, Оботриты) и Фрягове (Фризы) (2). Всѣ эти народы были дѣйствительно подчинены если не всегда, то долгое время, Норманскимъ Государямъ, въ особенности Рюрику, или по крайней мѣрѣ были тѣсно соединены съ ними какъ въ военное, такъ и въ мирное время, почему и могли быть причисляемы къ Варягамъ. Но что такое были Варяго-Русь или Нормано-Русь?

Изъ Нестора видимъ, что они, подобно Англамъ и Готамъ въ Ютландіи, составляли часть Варяговъ; а какъ Несторъ помѣщаетъ ихъ между упомянутыми

(1) См. о томъ Круга Bull. Scient. IV, № 9 и 10, стр. 146.

(2) Несторъ въ предисловіи къ лѣтописи.

двумя народами (т. е. Англами и Готами), то можно полагать вѣроятнымъ, что они обитали между Англами и Готами. Въ другомъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи, гдѣ описывается прибытіе Руссовъ въ Россію, видимъ, что жители Новгорода и Чудской Земли, гдѣ Датчане уже давно поселены были надъ Двиною, посылали къ Руссамъ за море, и что Рюрикъ и его братья взяли съ собою всѣхъ Руссовъ (1) и заняли Сѣверовосточныя земли, въ слѣдствіе чего Новгородская область получила отъ нихъ названіе Русь. Посему можно догадываться, что не все Норманы въ Ютландіи назывались именемъ Руссовъ, а только нѣкоторая часть изъ нихъ; притомъ же исторически доказано, что Византійцы называли ихъ Росъ, *Rhos*, и что въ 839 году они сами присвоивали себѣ названіе *Rhos*, а не *Rus* (1). Изъ Византійскаго Писателя Кодиша видно также, что Руссы говорили языкомъ Англовъ (2). Далѣе должно замѣтить, что если они въ 844 году въ большомъ числѣ грабили Севинду (3), а также въ большомъ же числѣ приплыли въ Чудскую Землю, Новгородъ и т. д.: то не лзя но предположить, что они имѣли значительный флотъ и обитали непосредственно при морѣ, въ такой странѣ, гдѣ находились хорошія гавани. Наконецъ въ царствованіе Карла Великаго мы встрѣчаемъ на границѣ Нормановъ об-

(1) И пошла собѣ всю Русь. *Несторъ*, 862 г.

(2) *Prudentii Trecenti. Ann. Bertin. ad ann. 839.*

(3) *Codinus*, p. 90.

(4) Френъ, въ *Bull. Scientif.* IV, 9 — 10, и Савельевъ, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* Т. XVІІІ, № 6, по Ахисдъ-эль-Катебу, который писалъ около 889 года.

ласть Розенгау (Rosengau), которой жители переведены были за Эльбу (ultra Albiam), на земли, принадлежавшія Франкамъ (около Бремена). Эта область не принадлежала къ землѣ Саксонцевъ за-Эльбскихъ, ибо въ *Annales Moissiacenses* (1), при описаніи переселенія Розенгауцевъ, сказано: «*nec non et illos Saxones qui ultra Albiam erant transduxit foras, et divisit eos in regnum suum ubi voluit*» (2).

Такимъ образомъ область Розенгау ограничивается страною, лежащею надъ Остзейскимъ моремъ и источниками Эйдера, и должна была имѣть предѣлами: съ Юга — землю Оботритовъ, которые получили въ послѣдствіи Розенгаускія владѣнія до самаго Эйдера, а съ Сѣвера — Англовъ и Южное устье Шлеи. Но какъ эта земля распространяется не только до Эйдера, который былъ пограничною рѣкою Норманнн въ царствованіе Карла Великаго, но и за Эйдеръ, ибо къ ней причислялись принадлежащія къ Готторпскому Амту Уѣзды: *Bärgeharde*, *Dänischen Walde* и лежащій непосредственно при устьѣ Шлеи Амтъ *Schwanzen*: то Карлъ Великій могъ переселять жителей только изъ Южной стороны земли Розеновъ; жители же Сѣверной стороны остались непосредственными сосѣдями Англовъ, а по покореніи сихъ послѣднихъ Норманами—Нормановъ. Эта страна заключала въ себѣ всѣ средства, способныя образовать дѣятель-

(1) *Ann. Moiss.* Pertz II. 238 ad an. 804.

(2) Позднѣйшіе Розенгауцы жили при рѣкѣ *Oste* въ Бременскомъ Епископствѣ. Теперь эта страна называется *das alte Land*. См. Фалкенштейна въ *Martinlere Lex. geogr.* в. I. *Rosogau*. Гостингауцы (*Hostinganer*) переселены вѣхствъ съ ними, и отъ нихъ, можетъ быть, рѣка *Oste* получила свое названіе.

ныхъ мореходцевъ: рѣку Эйдеръ, по теченію коей можно было выходить въ Сѣверное море; на Остзейскомъ морѣ: Christians-Hafen, гавань Eckenförder, и текущую на пространствѣ многихъ миль заливо-образную рѣку Шлей, съ древнею знаменитою гаванью Англовъ: *Naethum*, именуемою во времена Нормановъ: *Niestorp*, а теперь Шлезвигомъ.

Если заняться отыскиваніемъ названій, которыя впрочемъ часто обманываютъ: то пойдемъ въ Южной сторонѣ, которая Карломъ Великимъ была очищена отъ Розеновъ, на Западномъ берегу Западнаго моря: *Rosee*, далѣе къ Востоку въ Провствѣ *Preetze*: *Rosenfelde* и *Rusdolf*; къ Сѣверу же, въ той части, откуда Варяги-Русь могли послѣдовать за Рюрикомъ: *Wittensee*, котораго названіе встрѣчаемъ въ Россіи подъ именемъ Бѣлозера; *Riesburg*, недалеко отъ Шлен, и близъ устья ея, *Dörpt*. Селѣ послѣдній напоминаетъ подобное же названіе города Дерпта въ Лифляндіи, который укрѣпленъ былъ Ярославомъ, и послѣ Русское названіе Юрьева. Дерптъ на Эстскомъ языкѣ назывался *Tartolin*, что означаетъ, по объясненію одного знатока сего языка, «городъ, оставленный Богомъ» (1). Всѣ опыты изъяснить происхожденіе названія *Dograt* остались безуспѣшными (2). Русскій *Dörpt* въ Ютландіи могъ бы легче объяснить оное.

(1) *Tarato-lin*, по объясненію Доктора Фельмана (*Fühlman*), означаетъ городъ, гдѣ не поклонились болѣе богу Эстовъ *Tara*.

(2) Объясненіе, выводимое отъ *Tar* или *Der better* («тамъ лучше») и отъ названія *Tartarenstadt*, по моему мнѣнію, не имѣютъ никакого историческаго основанія.

Если подвинуть землю Россовъ (Ros) еще далѣе на Сѣверъ, то найдемъ даже въ собственныхъ владѣнiяхъ Англовъ въ Schlyesharde, на лѣвомъ берегу устья Шлен, противъ *Дерпта*: Roest, равнымъ образомъ Flensburg (alt Welenseborch), который напоминаетъ Лифляндское Veliende (Феллипъ) (1). Повыше, при Arengader Fiord, лежитъ Arengade (открытый рейдъ), который напоминаетъ Лифляндскiй Ascheraden (корабельный рейдъ) надъ Двиною, гдѣ въ 1837 году, при наводненiи открыто большое множество Скандинавскихъ древностей, Датскихъ, Англосаксонскихъ, Византийскихъ и Арабскихъ монетъ. Этотъ городъ существовалъ еще до прибытiя сюда Нѣмцевъ (2). Недалеко оттуда къ Западу находимъ опять Riezholst и такое указанiе сходственныхъ названiй (встрѣчаемыхъ и въ древней Ютландiи и въ Россiи) можно бы продолжать и далѣе, еслибъ оно было необходимо въ дѣлѣ, доказанномъ уже путемъ историческимъ.

(1) Welenseborch получило свое названiе, по показанiю Данкверта (Danckwerth), отъ Weel (вода), и оно столько же идетъ къ Фленсбургу, лежащему при Flensburger Wick и славному своею торговлею, и сколько къ Veliende или Vellin, которое не имѣетъ Восточнаго значенiя, а лежитъ въ странѣ обильной водою отъ стремящихся къ Weetziern потоковъ и при небольшомъ озерѣ. О происхожденiи имени Flensburg см. Hormanid. Dan. et Norv. descript. pag. 836 и Möller Isag. ad Histor. Cimbricam, p. 8.

(2) Ascherade существовало уже въ 1203 году. Жители, бывшiе тогда еще язычниками, назывались Ливами; но между Ливами было вездѣ много иностранцевъ, какъ то видно изъ собственныхъ именъ, приводимыхъ Гейнрихомъ Латышемъ (Heinrich d. Letten): по мнѣнiю сего послѣдняго, въ Ascheraden былъ castrum, и жители плавали въ кораблѣхъ по Двицѣ и хотѣли съ помощiю оныхъ взять Ригу. Gruber. Orig. Liv. ad ann. 1203.

Положимъ, что это сходство названій случайно: тѣмъ не менѣе не лзя не согласиться, что здѣсь именно была отыскиваемая область Розенгау (Rozengau), Норманская родина *Руссовъ* или *Руссовъ*.

Не получили ли отъ Нормановъ свои названія *Рустрингенъ* (1), находящаяся въ нынѣшнемъ Герцогствѣ Ольденбургскомъ, и *Рослагенъ* (2), на Восточномъ берегу Швеціи, которыя принимались доселѣ за первоначальную родину Руссовъ, а можетъ быть еще и Roesnilde, на островѣ Зеландіи? Не знаю, но почитаю это возможнымъ: ибо во времена Людовика Благочестиваго Норманы, въ княженіе Геріольда и Рюрика, именно имѣли въ своемъ владѣніи *pagus Rhicestri*, почему имя ихъ могло быть присвоено Графству Рустрингенъ; что касается до Рослагена, то, въ 852 году, Норманы находились съ нимъ въ связи, ибо изгнанный Царь Апульд (3) уговорилъ ихъ возвратить его на Царство и уступилъ имъ за то городъ Бирку (Birca), при какомъ случаѣ, какъ я доказалъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (4), Русскіе вторгнулись въ первый разъ въ Повогородскія владѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ дошли даже до Константинополя (5).

(1) Hollmann: Rustringen, первоначальная родина Русскихъ.

(2) Это небольшой округъ между Упсалою и Остзейскими моремъ, противъ острова Аландъ, съ городами Öregrund, Norfolgo и Osthämmer. Городъ Бирка лежалъ тутъ же вблизи. Но онъ не былъ никогда отдѣльною областію.

(3) Это былъ вѣрно Царикъ, *regulus*, между тѣмъ какъ главнымъ Царемъ Швеціи былъ Björn (Bern). Rembert vita Ansgarii. Cap. 19. Pertz II. 702, 703.

(4) О происхожденіи Рюрика, Ж. М. II. Пр. 1836, Генварь, стр. 63.

(5) О древнѣйшемъ существованіи Руссовъ въ Россіи и Византіи, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Т. XVII, 1838, № 3, стр. 490.

Можетъ быть, Руссы, сблизившись съ Шведскимъ Царемъ Ануномъ, поступили и въ Швецію такимъ же образомъ, какъ поступали съ давняго времени въ Германіи и Франціи, а именно заняли Упландскіе берега, которые и получили отъ нихъ названіе Рослагена.

Съ поселеніемъ Руссовъ на Шведскихъ берегахъ, вблизи богатаго торговаго города Бирки, система торговли сего воинственнаго народа могла уже получить надлежащее развитіе, обнимая не только Востокъ и Западъ Европы, но даже Азію и Африку. Сердце исполнискаго Норманскаго гѣла было въ древнемъ Гетумѣ (Haethum) или Шлезвигѣ, гдѣ вѣроятно находилась столица Государей (1).

Древній Asciburgum, на Рейнѣ, Царница Западной торговли Дорештадтъ (называемый теперь Wyk to Dorstede) образовалъ первую руку Сѣвернаго колосса и распространялъ предметы обширной торговли во Франціи и Германіи. Лѣвую руку составлялъ Рослагенъ и Бирка, гдѣ «было множество богатыхъ торговцевъ и изобиліе всѣхъ благъ міра и денежныхъ сокровищъ».

(1) Ad Brem. de situ Daniae, на стр. 36 говорить: «Ex portu Sleaswig naves emitti solent in Slavoniam, vel in Suediam, vel in Samland et usque in Graeciam,» и на стр. 19: «Si per mare navi ingrederis ab Sleaswig vel Aldenburg ut pervenias Iuminom, et ab ipsa urbe vela tendens, 43 die ascendes ad Ostragard Rusziao cujus metropolis est Chive (Kiew) aemula sceptri Constantino-politani, clarissimum decus Graeciae.» Тамъ уже во времена Людовика Благочестиваго находились богатые купцы, какъ то видно изъ Ramberti Vita Anagarii. Pagi Critica III, 627. Pertz II, 709. Ubi ex omni parte conventus flobat negotiatorum Ecclesiam ibi fabricare permisit (Horicus rex).

впнцѣ» (1) и въ послѣдствіи, по основаніи Новагорода и Кіева, соперника Царяграда, эти берега, столь способные для торговли, были потеряны; но они сдѣлались для Нормановъ уже тогда менѣе важными, ибо ихъ мѣсто заступили Повгородъ, Изборскъ, Бѣлоозеро и Кіевъ.

Изъ сего видно, что и Рослагенскіе берега могли быть прежде занимаемы Руссами; но прямыхъ тому доказательствъ не имѣется, ибо изъ того что Шведы называются Финнами *Ruotsi laiset*, т. е. гребцами, нельзя еще заключить, что всѣ Шведы были Русскіе.

Теперь остается объяснить еще одно мѣсто, которое вопреки истинѣ доказываетъ, кажется, будто Шведы и Русскіе составляютъ одинъ народъ. Оно встрѣчается въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, сочиненныхъ Треценскимъ Епископомъ Пруденціемъ (*Annales Bertinians II, auctore Prudentio, Trecentensi episcopo*), гдѣ сказано (2): «Прибыли Греческіе послы отъ Императора Теофила (въ 839 г.) и были приняты Императоромъ въ Ингельгеймѣ съ большими почестями. *Misit etiam cum iis quosdam, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant, quos rex illorum Chacanus*

(1) *Birca, quod ibi multa essent negotiatores, divites et abundantia boni atque pecunia thesaurorum multa. Remberti Vita Ansgarii. Cap. 19.* Дорештадтскіе купцы занимались Восточною торговлею въ Шлезвигѣ, какъ видно изъ Рембертовой *Vita Ansg. cap. 24: Multi namque ibi antea erant Christiani, qui vel in Dorestado vel in Hammaburg baptisati fuerant, quorum quidam primores ipsius vici habebantur et gaudebant facultatem sibi datam Christianitatem suam observandi. Factum est gaudium magnum ita, ut negotiatores tam hinc quam ex Dorestado locum ipsum libere expeterent, etc.*

(2) *Pertz I, pag. 434.*

vocabulo ad se amicitiae causa direxerat, petens per epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentis immanissimas habuerant, quibus eos ne forte periculum inciderent, redire voluit. Quorum adventus causam Imperator diligentius investigans comperit eos esse gentis *Sueonum* exploratores potius regni illius nostrique, quam amicitiae petitores ratus, pene se eo usque retinendus iudicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter nec ne pervenerint. Idque Theophilo per memoratos legatos suos intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter susceperit, ac si fideles invenirentur et facultas absque eorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos, sin alias una cum missis nostris, ad ejus praesentiam dirigendos, ipse decernendo efficeret».

Вотъ это любопытное мѣсто, указывающее съ достовѣрностію первое появленіе *Россовъ*, (*Rhos*), въ Германіи. По важности его содержанія я выписалъ оное въ цѣлости. Изъ этого мѣста видно :

1) Что Руссы, *Rhos*, которыхъ спустя нѣсколько лѣтъ (844) находимъ у Ахмеда-эль-Катеба въ видѣ Нормановъ, проходили уже чрезъ нынѣшнее Россійское Государство, вѣроятно обыкновеннымъ водянымъ путемъ по Двинѣ или Невѣ и Днѣпру, до Византии, съ тѣмъ, чтобы войти въ ближайшія сношенія съ Императоромъ Теофиломъ, но не рѣшались возвращаться по той же дорогѣ «потому, что дикіе народы дѣлали путь опаснымъ».

Послѣднее обстоятельство не должно намъ казаться страшнымъ, ибо въ это самое время дикіе Печенѣги нагрянули съ Востока и побудили мирныхъ Хазаровъ въ Южной Россіи построить для защиты противъ ихъ набѣговъ крѣпость Саркелъ или Бѣлую Вѣжу. Не смотря на то, Печенѣги нападали съ тѣхъ норъ часто на Хазарскія земли и наконецъ въ исходѣ IX столѣтія заняли въ свое владѣніе всѣ земли Хазаровъ и Аваровъ, къ Сѣверу отъ Чернаго моря и Дуная до границъ нынѣшняго Венгерскаго Королевства.

2) Изъ этого мѣста видно также, что Императоръ Людовикъ Благочестивый долженъ былъ знать этихъ *Россовъ*, *Rhos*, когда почиталъ возможнымъ осведомиться, приходили ли они съ мирными намѣреніями, или же въ видѣ переметчиковъ. Онъ могъ узнать это отъ перешедшаго недавно въ Христіанскую Вѣру Норманскаго Царя Геріольда, съ которымъ находился въ тѣсной связи, и которому пожаловалъ, въ видѣ подарка крестнику, Рустрингенъ и другія земли.

3) Болѣе причинило затрудненія показаніе этихъ *Россовъ*, что они были *ex gente Sueonum* и что ихъ Царь назывался *Chasanius*. Выраженіе, что они были изъ отрасли *Свеоновъ*, можно было примѣнить къ *Рослагену* въ Швеціи: почему и начали искать въ Швеціи Царя по имени Гакона, котораго однако же не нашли. Посему пришла естественно другая мысль, а именно, что *Chasanius* не есть собственное имя, а означаетъ въ устахъ Византійцевъ, которые имѣли часто дѣла съ Ханами Сѣверныхъ народовъ, не что иное, какъ достоинство или званіе, выражаемое у Скандинавовъ словомъ *Koning*, Князь.

Однакоже Руссы именно сказали, что ихъ Царь (Rex) называется Chacanus (1).

Жаль, что Франконскіе Лѣтописцы не упоминають, тѣмъ это дѣло кончилось. Мы не видимъ, чтобы Людовикъ Благочестивый отсылалъ ихъ въ отечество, какъ fideles (людей вѣрныхъ), почему мнѣ казалось бы, что онъ призналъ ихъ переметчиками, exploratores, и не отсылалъ на родину (2). Однакоже молчаніе Лѣтописцевъ можетъ равновѣрно означать и то, что они были дѣйствительно отправлены обратно, и въ такомъ случаѣ оставалось бы только изслѣдовать, какая находится связь между Свеноми, Руссами и Гакапомъ. — Новѣйшія изслѣдованія мои о Вестфолдингскомъ Царскомъ поколѣніи въ Южной Норвегіи, которое я призналъ уже прежде принадлежащимъ къ Норманамъ, навели меня на слѣдъ, который не мѣшало бы любителямъ Древностей и Исторіи розыскать подробнѣе.

(1) Г. Савельевъ полагаетъ, что имя Chacanus, которое давали Руссы своему Государю, по сказанію Бертинскихъ лѣтописей, могло быть собственнымъ именемъ Hakon, Haagen, Haquin, которое носили многіе Короли Норвежскіе. Правда, первый извѣстный Король сего имени царствовалъ въ 915 году; но это нисколько не доказываетъ, чтобы имя сіе не существовало ранѣе, тѣмъ болѣе, что оно весьма часто встрѣчается въ Скандинавскихъ Сагахъ. Лѣтописецъ, по мнѣнію Г. Савельева, поставилъ вмѣсто сего имени слово Chacanus, которое было титуломъ Царей Хазарскихъ, потому, что это имя было извѣстно и Грекамъ и Западнымъ народамъ. Мы увидимъ дажѣ, что въ это время дѣйствительно существовалъ Ярлъ, по имени Гакомъ.

(2) См. Bulletin Scientifique, T. IV. № 16, въ разсужденіи моемъ объ отношеніяхъ Руссовъ, завоевавшихъ Севиллу, которое также помѣщено будетъ въ слѣдующей книжкѣ Ж. М. Н. П.

Въ этомъ поколѣніи Норманскихъ Царей я нахожу Царя Гогни, Ногні, котораго имя могло быть исковеркано Франконскими Лѣтописцами подобно имени Годофреда, называемаго ими Дотрикомъ и Гудредомъ. Этотъ Гогни жилъ около того же времени, и какъ храбрый воинъ и властолюбивый Государь, былъ предметомъ пѣсней стараго Тіодольфа (Tiodolf), изъ котораго Snorre Sturleson заимствовалъ преимущественно свою Ynglinga-Saga.

Гогни и братъ его Фроди (Frodi) княжили въ Гейдмаркѣ, Тоттѣ, Гадаландѣ, Вермаландѣ и Вингульмаркѣ или Упландѣ, и были сыновьями Эйштейна, котораго отецъ, называвшійся равномерно Эйштейномъ, (Eysteinn), первый завоевалъ Вестфольденъ на Южной оконечности Норвегіи (1). Этотъ Эйштейнъ былъ внукомъ Олофа Третельги (Olof Trätelga) (2), который послѣ паденія Ингιάльда Ильреде (Ingjald Ilræde), оставилъ Швецію и основалъ новое Государство въ Вермеландѣ. Это новое Государство Шведскихъ Королей, переселившихся въ Норвегію, мало по малу увеличилось завоеваніями и умноженіемъ фамиліи до такой степени, что Гаральдъ Гарфагъ (Harald Harfagr), незадолго до своей смерти, которую полагаютъ обыкновенно въ 933, завоевалъ всю Норвегію. Однакожъ такое завоеваніе стоило десятилѣтнихъ трудовъ (3) и борьбы (873—883), и потому названіе Норманскаго Государ-

(1) *Heimskringla*, ed. Wachter I. стр. 151, 152, 153 и 155.

(2) Тамъ же, стр. 114. См. Olof Trätelga 118, стр. 121. Eysteinn Halfdan, Hultbeins-Sohn; стр. 133, 142, 153, объ Эйштейнѣ, Эйштейновомъ сынѣ.

(3) *Heimskringla*, ed. Wachter I, стр. 150.

ства едва тогда могло распространиться на всю Норвегію, когда уже Россійское Государство было основано.

Упомянутые братья Гогни и Фроди, сыновья Эйиштейна, хотѣли воспользоваться, по смерти Гальдада Чернаго, малолѣтствомъ сына его Гаральда (1), и завоевавъ главное Царство Вестфольдъ, приобрѣсть и верховное владычество. Однакожъ оба поплатились жизнью, а Гаральдъ или, лучше сказать, дядя его со стороны матери, Гуторнъ (Guthorn), завоевалъ ихъ собственные земли (2).

Такимъ образомъ царствованіе Гогни (съ 863) (3) занимаетъ значительное время, и мы видимъ, что онъ принадлежалъ къ поколѣнію Вестфольденскихъ Владѣтелей, къ которому причисляли также и Рюриковъ родъ: слѣдовательно, онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которыхъ Франконскіе Лѣтописцы называли Норманами, и могъ отправить посольство къ Византійскому Императору. А какъ онъ происходилъ отъ рода Шведскаго Короля Ингιάльда Ильреда (Ingiald Itraede), то и легко объясняется, почему сказано о Послахъ, что они *ex gente Sueonum*. Къ тому

(1) Какъ обыкновенно полагаютъ въ 863, когда, какъ пишетъ Snugri Sturleson, ему было 10 лѣтъ. *Heimskringla*, ed. Wachter I, стр. 150.

(2) *Heimskringla*, ed. Wachter I, стр. 150.

(3) По многимъ изслѣдованіямъ относительно хронологіи сего времени, (при чемъ нужно необходимо сравнивать между собою Франконскихъ, Византійскихъ и Скандинавскихъ Лѣтописцевъ) конечно время вступленія Гогни на Престолъ надобно полагать ранѣе, но не ранѣе того времени, когда Руссы (Rhos) появились въ Германіи (839); однакожъ здѣсь не мѣсто разсматривать подробно эти хронологическія соотношенія, почему я и остаюсь пока при общепринятомъ мнѣніи.

же всѣ Скандинавскіе Государи, ведущіе родъ свой отъ Одина, причислялись къ народу Свеоновъ (Suioni), потому что Одинъ прибылъ въ Скандинавію изъ Великой Свеоніи (Magna Suionia).

Я не выдаю моего объясненія относительно упоминаемаго Фрайконскими Лѣтописцами Посольства Русскихъ за единственно возможное; со временемъ узнаемъ новыя факты, и будущія изслѣдованія могутъ въ этомъ отношеніи открыть еще болѣе (1). Полагаю однакожь, что оно послужитъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы не всѣ доказательства мои относительно границъ Нормано-Вестфольденскаго Государства, къ которому принадлежали также и Россы, могли быть отвергаемы.

Въ послѣдствіи имя Нормановъ могло распространиться еще болѣе, частію по случаю завоеванія Норвегіи Вестфольденскимъ Царемъ Гаральдомъ Гарфагеромъ (Harald Harfager 873—883) (2), частію же

(1) Я обращаю при семъ случаѣ вниманіе на одного Владѣтеля, Ирла (Jarl), этого времени, который именно назывался Гаконъ. Онъ былъ сыномъ Гріогарта (Griogart) и Владѣтелемъ въ Ирлі (Irion). Во время завоеванія Вестфольденскимъ Царемъ Гаральдомъ Гарфагеромъ Норвегіи, въ сраженіи при Трандгеймъ (Thrandheim), гдѣ восемь Князей были разбиты, онъ приводилъ къ нему на помощь большое войско. *Helmskringla Wachter*, стр. 162. Послѣ того онъ получилъ управленіе (Yfirsoen) въ Трандгеймъ. *Helmskringla Wachter*, стр. 226. Сыновъ его Энгфридъ воспитывалъ сыновей Царя Гальфдана Чернаго и Зигрѣда (Sigtröd) и сопутствовалъ отцу, погибшему въ Норвежской войнѣ (873) въ званіи Трандгеймскаго Владѣтеля. *Helmskringla W.* стр. 176 и 236. Время здѣсь подходитъ; но этотъ Гаконъ не былъ Царь, а только Владѣтель (Jarl).

(2) Онъ называлъ себя послѣ того Единначальникомъ (Einvaldr) въ Норегъ (Noreg, т. е. Норвегіи). *Helmskringla Wachter I*, стр. 192.

дѣйствительнымъ переселеніемъ Нормановъ изъ Норманіи какъ въ Норвегію (Noregъ, Noreg, у Скандинавовъ называется Норманія) (1) т. е. въ Сѣверную часть нынѣшней Швеціи, Емталандію и Гелзингяландію (lämtaland, Helsingia-Land) (2), такъ и на острова Западнаго, или нынѣшняго Сѣвернаго моря, особенно же на острова Hialha-Land, что нынѣ Шетландскіе (3), и въ Шотландію, куда они (Норманы) принуждены были бѣжать, когда Гаральдъ, рѣшившись укротить ихъ разбои, предпринялъ большую экспедицію противъ острововъ Шетландскихъ и Гебридскихъ. Тамъ Норманы основали свои жилища, и подъ предводительствомъ Торгильсона и Фроди (Thorgilson, Frodi), завоевали Дублинъ (4). Фроди лишился здѣсь жизни отъ даннаго ему яда.

Князья Вестфольденскаго рода, нехотѣвшіе подчиняться верховной власти Гаральда, объявлены были незаконными (utlag) (5). Они принуждены были оставить

(1) Noreg или Nörki. Heimskringla Wachter I, стр. 113, 128 и пр. При завоеваніи Гаральдомъ Норвегіи «многіе Датчане и Норманы» бѣжали изъ Государства, I, стр. 193. Heimskring.

(2) Heimskringla Wachter, стр. 193. Судя по этому мѣсту, тамъ жили уже прежде Норманы временемъ.

(3) Тамъ же. Объ Исландіи, Фарейскихъ, Оркнейскихъ и Зудрейскихъ, или Гебридскихъ островахъ, не говорится, что выходцы изъ Норвега были Норманы; ихъ называли только «сильными изъ Норвега». Вахтеръ въ примѣчаніяхъ своихъ на Heimskringla недостаточно различаетъ этихъ Нормановъ (а по моему мнѣнію и неправильно).

(4) Heimskringla Wachter, стр. 227. Торгильсонъ есть вѣроятно сынъ упоминаемаго у Англическихъ Лѣтописцевъ Торговія, который еще въ началѣ IX вѣка съ нѣкоторыми Норманами поселился въ Ирландіи.

(5) Heimskringla I, стр. 193, 202.

свое отечество, но сохранили названіе Нормановъ. Къ числу этихъ Князей надобно отнести Ролла (Rollo), или Грольфа (Hrolf), Рёгнвальдова сына (Rögnwald) (1), который былъ внукомъ Олафа (2) и правнукомъ Гудранда или Готрика (3). Онъ подвергнулся этой участи за то, что послѣ похода, предпринятаго противъ Аустурвега (Austurweg), Эстляндіи, бросился грабить приморскія берега Вика (Wik) въ Норвегіи (4). Грольфъ или Ролло отправился въ Валландію (Францію), и присвоивъ себѣ тамъ княжеское владѣніе, поселилъ въ немъ Нормановъ, почему тотъ край и былъ названъ Нормандіею (5). По Франконскимъ лѣтописцамъ это было въ 912 году (6).

Такимъ образомъ, въ теченіе IX и въ началѣ X столѣтій, могущественные Норманы распространились какъ здѣсь, такъ и въ Англіи и на другихъ островахъ

(1) *Heimskringla* Wachter I, стр. 201.

(2) Тамъ же, стр. 130.

(3) Тамъ же.

(4) *Athangerdi Rolfutlaga of allen Noreg*. Гаральдъ лишилъ его защиты законовъ во всей Норвегіи. Тамъ же, стр. 202.

(5) Тамъ же, стр. 203.

(6) Othereus, между 871 — 901, Норманскій мореходецъ, который въ царствованіе Альфреда Великаго сочинилъ описаніе путешествія по Сѣверу, называетъ Halogoland, откуда былъ родомъ самъ Отеръ: Nordmannorum locum maxime septentrionalem, и знаетъ Нормановъ, перешедшихъ въ Jämtaland и Gelsingeland, какъ Nordmannos transmontanos. Ютландію онъ называетъ Gotland; Норвегію вообще: Nortwaeg, Дانیю—Denemeark, а Зеландію (Sjilende) Walstan. Другой Сочинитель путешествія въ царствованіе Альфреда, не упоминаетъ вовсе Нормановъ, однакожъ называетъ Шведовъ Swon. *Langenbeck Scriptt. rerum danicarum*, II, стр. 106 и 123.

Сѣверитго моря. Но съ основаніемъ великаго Норвежскаго Государства имя Норманскаго Царства исчезаетъ, а Кимврійскій полуостровъ — гиѣздо, такъ сказать, Нормановъ — называвшійся прежде у Скандинавовъ Iotland (1), получаетъ названіе Ютландіи, хотя впрочемъ самое имя *Нормановъ* еще не было забыто и дѣйствительно по отбытіи Рюрика въ Россію, не видно болѣе въ Ютландіи второстепенныхъ Царей, и Гормъ Старый управлялъ Ютландіею и Даніею совокупно до 936 года. Рюриковъ племянникъ Родульфъ былъ убитъ еще при жизни Рюрика въ 873 г. (2), а другой его племянникъ и братъ Родульда Годофридъ, Геріольдовъ сынъ, (который принудилъ въ 882 г. Карла Толстаго предоставить ему Рюриковы владѣнія), былъ равномерно умерщвленъ Франками измѣннически за то, что хотѣлъ отложиться отъ нихъ (3). Когда же, по убіеніи Годофрида, Зигфридъ, внукъ Ютландскаго Царя Горика (Эрикъ I) и правнукъ Готрика, сохранявшій всегда вѣрность къ Франконскому Государству (4), прибѣгнулъ къ оружію, и въ томъ же году

- (1) Такъ Гаральдъ Клакъ, Геріольдъ Младшій у Франконскихъ Лѣтописцевъ, а братъ Рюрика въ *Helmskringla* (Wachtler, стр. 142) называются Царями Ютландіи для различія отъ Даніи, между тѣмъ какъ Гормъ Старый называется Царемъ Датской Державы (*Daneweldi*), а Эрикъ Царемъ Шведской Державы (*Konungr Suioweldi*). *Helmskringl.* I, стр. 156.
- (2) *Interea Rodulphus Nortmannus, qui multa mala in regno Caroli excercuerat in regno Hludovici cum quingentis complicitibus suis occisus est. Hincmar. Remens. ad an. 873.*
- (3) *Hic etiam Godofridus Danus, quia disponebat suam immutare fidem, atte Gerulfi sui fidelis, ab Heinricho duce interficitur. Ann. Vedast. ad ann. 885.*
- (4) *Sigfridus nepos Horici, Danus christianus, regi Francorum fidelis. Ann. Vedastini ad annum 884.*

осадили Парижъ; то и онъ также убитъ былъ въ Фрисландіи въ 887 году (1). Преемникъ Зигфрида въ званіи предводителя Норманскаго войска, (былъ ли онъ также гех Nortmannogum, того не говорится), продолжалъ осаду Парижа и содѣйствовалъ тѣмъ къ сверженію съ Престола Карла Толстаго, допустившаго опустошать Государство безнаказанно (2). Продолжая свои грабежи, онъ отправился въ Англію; но тамъ побѣжденъ былъ Королемъ Алфредомъ Великимъ, который усмирить и всѣхъ прочихъ Датчанъ или Нормановъ и Фризовъ. Въ Исторіи упоминается еще о двухъ Царяхъ Норманскихъ *Зигфридъ* и *Годофридъ*, которыхъ происхожденія я не знаю; они побѣждены были повозбращнымъ Королемъ Германіи Арнульфомъ въ 891 году, и убиты (3).

Это послѣдніе Норманскіе Цари, о которыхъ упоминаютъ Франконскіе Лѣтописцы. Владѣли ли они еще и Ютландіею послѣ смерти Рюрика, — въ этомъ я сомнѣваюсь.

Въ послѣдствіи времени мы находимъ еще одного предводителя Нормановъ, *dux Nortmannogum*, по имени *Гунедел* (*Hunedeus*), который въ 896 году,

(1) Ann. Vedast. ad an. 887. Кажется, что его убили сами Норманы за то, что онъ за выкупъ [redemptio] отказался отъ завоеванія Парижа; послѣ его смерти опять начали осаду.

(2) Annales Vedastini ad annum 887.

(3) Ann. Fulden. ad an. 891. Pertz I. стр. 407, in eo proelio caesi sunt duo reges eorum, Sigfridus scilicet et Godofridus. Не были ли это сыновья Гаральда Гаррагра: Зигтригъ и Грудрѣтъ [Sygtrygg, Grudröd], изъ коихъ одинъ въ раздѣлъ Норвегіи, при жизни Гаральда, получилъ Вестфолландъ, а другой съ многими братьями взялъ во владѣніе Ringarini, и проч.

пользуясь смятеніями Франціи, производилъ грабежи на ея земляхъ, и бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ Карломъ Простодушнымъ (*le Simple*), согласился принять Христіанскую Вѣру, — и сверхъ того, упомянутого выше *Ролла* или Роберта, получившаго Нормандію въ видѣ Французскаго леннаго владѣнія.

Такимъ образомъ, въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка, Ютландія, т. е. древняя Норманія, лишилась большею частію своихъ храбрыхъ жителей, и княжескій родъ Рюриковъ процвѣталъ только на Востокѣ въ Россіи, на Западѣ въ Нормандіи, и на Сѣверѣ въ Норвегіи.

Поэтому не надобно удивляться, что въ 931 году по Р. Х. Германскій Императоръ Гейнрихъ I захватилъ въ свое владѣніе всю Южную Ютландію, и въ 972 году Оттонъ Великій могъ проникнуть до самаго Лимфіорда (*Limfiörd*) и принудить Царя Гаральда II, Владѣтеля Даніи, принять Крещеніе. Этельвердъ (*Aethelwerd*), писавшій Исторію около 950 года, подобно Отеру (*Other*), называетъ жителей Ютландіи Гіотами (*Giotas*) (1); однакожь у Адама Бременскаго (1057 года) они еще разъ показываются Норманами, хотя можетъ быть онъ подѣ этимъ именемъ понималъ Норвежцевъ, паслѣдовавшихъ названіе Нормановъ. Впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Этельвердъ различаетъ также Нормановъ отъ Датчанъ, Готѣовъ и Свеоновъ (*Sujones*) (2).

(1) *Anglia vetus sita est inter Saxones et Giotas habens oppidum capitale, quod sermone Saxonico Sleswib, secundum Danos, Hailthij dicitur. Torfaei Septentrionales antiquit. p. 86, 88, 93.*

(2) *A parte aquilonari revertentibus ad ostium Báltici freti primi occurrunt Nortmanni, deinde Scanía [Schonen] prominet regio*

Тѣ же результаты представляеть и дипломатическая Исторія этихъ Сѣверныхъ странъ, которая впрочемъ восходитъ не далеко и въ которой самое имя Нормановъ нѣсколько искажается.

Такъ напримѣръ въ Папскихъ буллахъ ихъ называютъ всегда, неизвѣстно почему — *Norveni*, а эти буллы составляютъ главное основаніе дипломатической Исторіи того края, такъ какъ вся дипломатика состояла въ переговорахъ съ Епископами и Архіепископами о введеніи туда Христіанской Вѣры.

1) Первая, дошедшая до насъ булла, издана Папою Пасхалиемъ (*Paschalis*) (1). Въ ней сказано, что извѣстный уже намъ Реймскій Архіепископъ Эбо займется обращеніемъ въ Вѣру нѣкоторыхъ Сѣверныхъ народовъ, *aquilonis quasdam gentes* (2): подъ этимъ наименованіемъ должно понимать Нормановъ, *Nortmanni* или *Nordliudi*, которые въ царствованіе Гегіольда II были дѣйствительно наставлены въ Вѣру Епископомъ Эбо.

2) Изъ ближайшей по времени и сохранившейся еще грамоты объ учрежденіи Епископства, данной Императоромъ Людовикомъ па имя Гамбургскаго Архіепископа Ангарія (3), видно, что тогда народы различаемы были точнѣе: ибо тутъ предписано обращать:

Danorum, et supra eam teneo limite Gotat [Западная и Восточная Готландія] *habitant usque ad Bircam. Postea longas terrarum spatii regnant Sijones usque ad terram seminarum etc.*

(1) Время не означено, но какъ Пасхалій былъ Папою между 817 и 824 годами, то булла относится вѣрно къ тѣмъ годамъ.

(2) *Lillegren Swenskt Diplomatorium*, стр. 1.

(3) 834. Тамъ же, стр. 3.

«*gentes aquilonaribus in partibus, videlicet Danorum, Sijonorum, и (какъ въ Бременскомъ экземплярѣ значится) Norvenorum terrae (aliis Tarriae) Gronlandon, Halligalandon, Islandon, Scridovindon et omnium septentrionalium et orientalium nationum*». Лилиегренъ (Liliegren) почитаетъ послѣднее припискою, сдѣланною въ началѣ X вѣка (1), и полагаетъ, что подъ названіемъ *Danes* должно также считать встрѣчаемыхъ у Лѣтописцевъ Нормановъ.

3) Въ буллѣ Папы Григорія, 835 года, утверждающей Архіепископство Ансгарія, Ансгаріи называется *primus Nordalbingorum Archiepiscopus*, и тутъ встрѣчается та же самая приписка, почему Лилиегренъ и поставилъ ее въ скобкахъ (2); а сверхъ того присовокуплено: «*Slavorum nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quosumque modo nominatorum*». Посему Архіепископство называлось собственно Нортальбингскимъ, и отселѣ, особенно посредствомъ извѣстнаго торговаго города Гетума или Шлезвига, всего лучше можно было дѣйствовать какъ на глубокой Сѣверъ, такъ и на отдаленный Востокъ.

4) Съ достовѣрностію можно сказать, что названія *Norvenorum*, вмѣстѣ съ названіями: *Vimodiorum, Nordalbingorum, Danorum et-Sueonum* встрѣчается въ первый разъ въ буллѣ Папы Сергія, издавннй въ Апрѣлѣ 846 г. Это документъ неподдѣльный. Изъ посольства, отправленнаго за годъ до того Норманскимъ Царемъ

(1) Если это приписка, то ее вѣроятно сдѣлали послѣ раздѣленія Норвежскаго Государства, когда всѣ эти земли были заняты.

(2) Liliegren's Swenskt Diplomatorium I, стр. 7. Здѣсь конечно не сказано, что пространство Гамбургской Епархіи не обозначено въ другихъ экземплярахъ.

Орикомъ I къ Нѣмецкому Королю Людовику, относительно возобновленія мира (1), и изъ основанія чрезъ годъ послѣ того двухъ первыхъ церквей въ Ютландіи, а именно въ Шлезвигѣ и Риннерѣ (2) объясняется, почему Папа старался включить *Норвеговъ* въ Епархію Гамбургскаго Архіепископа.

5) Но когда Гормъ Старый подавилъ опять Христіанскую Вѣру въ Ютландіи, то въ буллѣ Папы Николая I, 888 года, Норвеиы (*Norveni*) уже не были упомянуты, и сказано только: *gentes Sueonum sive Danorum, nec non Slavorum* (3).

6) Въ 913 году, вмѣсто *Норвеговъ* встрѣчаемъ имя *Норвежцевъ* (*Norvegii*), подъ которымъ должно понимать собственно такъ называемыхъ Норвежцевъ, покоренныхъ Гаральдомъ Гарфагромъ. Рядомъ съ ними помѣщены: *Свеоны, Датчане, Скридевины, Исландія и Гренландія*, такъ какъ по завоеванія Норвегіи и тѣ отдаленные острова сдѣлались извѣстны и поступили въ общее владѣніе (4).

(1) *Rex Oricus ad Ludovicum, regem Germanorum legatos pacis gratia destinat, captivitatem abolvere, thesaurosque paratos pro viribus restituere.* Ann. Bertin ad an. 848.

(2) *Cypræus Annales Episcoporum Sleavicensium*, стр. 19. Helmold, р. 1, сар. 5.

(3) *Lillegren* I. с. стр. 11.

(4) Булла Папы Іоанна X, 29 Октяб. 913. Въ ней онъ подчиняетъ Гамбургскому Архіепископу Епископовъ *in omnibus gentibus Sueonum seu Danorum, Norvegotum, Islad, Scridevinum, Grodlandon, et universarum septentrionalium nationum*, *Lillegr. I. с. стр. 13.* Это имя *Norvegi* и *Norvegia* при именахъ Свеоновъ и Датчанъ повторяется и въ буллѣ Папы Виктора 1085 года. *Lillegren* I. с. стр. 37.

7) Съ другой стороны Ютландія, древняя Норманія, превращается теперь въ часть Даниа, и мало упоминается; народы же называются въ совокупности: *gentes Sueorum sive Danorum, nec non in illis partibus Slavorum, usque ad fluvium Egidre*. Изъ этого видно, что Датчане простирались до самаго Эйдера, откуда начиналось владѣніе Славянъ (1).

8) Наконецъ имѣемъ еще одинъ руническій документъ, опредѣляющій границы между Швеціею и Даніею (954 г.) и утвержденный Папою Аганиномъ (Agarpetus) (2). Въ немъ встрѣчается названіе: *Dan-taurk*, ᚳᛦᚢᚾᚢᚱᚰᚴᚰ гдѣ царствовалъ Свенъ Фингускиегъ (SvenFinguskiaeg). Король Шведскій Эмундъ (Emunder) называется Королемъ Упсальскимъ ᚢᚱᚱᛦᚱᚲᚰ ᚠᚱᛖᚾᚱᚱᚲᚰ Kunuggi Ubsalum, а его Государство Suerik; Король же Норвегіи пишется словами: Norrigz Konug. Въ числѣ 12 Депутатовъ изъ различныхъ провинцій Даніи и Швеціи, былъ и Ютландскій. Пана, коему это имя могло быть еще неизвѣстнымъ, перевелъ оное въ этомъ любопытномъ межевомъ документѣ по Латыни словомъ Jutia Cimbrica (3). Кромѣ этого являются еще Послы отъ провинцій: Suerini, Ostirgotlandi; Westingotlandi, Fündalandi, Friedrundi, Helsinglandi, Westрманlandi, Sudрманlandi, Scanve, Hallandi, Sialandi, и Fuin (Fyen), которые, для опредѣленія границы, положили шесть камней на ближе означенныхъ мѣстахъ.

(1) Грам. Папы Иоанна XV, 988 года.

(2) Lilliegren Diplomator. Sued. exp. 28.

(8) Lillegten стр. 28.

Мнѣ кажется, я доказалъ достаточно:

1) что присвоивать имя Нормановъ IX столѣтія всѣмъ безъ различія Сѣвернымъ народамъ, неправильно;

2) что это имя первоначально обнимало только Ютландію и Южную часть Норвегіи, Вестфольденъ; но со временемъ при новыхъ поселеніяхъ Нормановъ, особенно же по завоеваніи Норвегіи (873—883), распространилось въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и по многимъ островамъ Сѣвернаго моря;

3) но что собственно такъ называемая Норманія никогда не простиралась далѣе рѣки Эйзера до Южныхъ береговъ Норвегіи, гдѣ оказывалось Вестфольденское Царство до временъ Гаральда Гартагра; по пресѣченіи же оставшагося въ первоначальномъ своемъ мѣстопробываніи Рюрикова рода, (891) имя Норманіи исчезло совершенно и уступило мѣсто названію Ютландіи (Jottland) или Ютландіи, и *Jutia Cimbricae*; а жителей древней Норманіи на употребительномъ по церковнымъ дѣламъ Латинскомъ языкѣ съ 846 года до X вѣка называли Норвенами (*Norveni*);

4) что имя Нормандіи явилось вновь во Франціи не ранѣе какъ 912 году;

5) что часть Норманіи, состоявшей въ Ютландіи, заключала въ себѣ землю Руссовъ, или Руси, а именно отъ источниковъ Эйзера до Остѣ-Зейскаго моря по границамъ и даже внутри границъ древней Англіи (*Anglen*), почему Руссы (*Rhos*) говорили языкомъ Англо-Норманскимъ;

6) что собственно такъ называемая Норвегія называлась сначала *Nörig* или *Noriki*; въ послѣдствіи

же, въ X вѣкѣ, начали называть ее Норвегією, а ея жителей Норвежцами (Norgewi);

7) что въ Несторовомъ исчисленіи народовъ, принадлежащихъ къ Варягамъ, *Норманы* или *Мурманы* означаютъ Нормановъ Ютландіи, Русь — Югозападную часть Ютландіи; Англыне—Ютландскихъ Англовъ а Готи — Ютландцевъ (Gioten, или Jüten).

Если изложенныя мною изысканія заслужатъ одобреніе Ученыхъ, то, опираясь уже на твердыя основанія, точнѣйшее изслѣдованіе древностей можетъ открыть весьма любопытныя историческіе факты, какъ относительно памятниковъ Русскихъ и Норманскихъ (Nestorussica, Nestorordmannica), коихъ поприще намъ теперь извѣстно опредѣлительнѣе, такъ и относительно законовъ, нравовъ и обычаевъ, Религій и языка, которыхъ слѣды у Руссовъ доселѣ сохранились.

Я уже занялся изслѣдованіемъ нравовъ и обычаевъ, и съ удивленіемъ нашолъ въ нихъ поясненія на многія темныя мѣста Нестора и его продолжателя; въ скоромъ времени, — если труды мои удостоятся одобренія Мужа, объемлющаго дѣлательною ревностію весь ученый кругъ огромнаго Россійскаго Государства — я представлю о томъ особую статью. Сравпваніе собственно такъ называемыхъ древностей требуетъ глубокаго анатомическаго взгляда. Можетъ быть, предполагаемая къ изданію Королевскимъ Обществомъ Древностей въ Копенгагенѣ, Monumenta Rossica сообщать намъ болѣе любопытнаго, нежели сколько можно было найти въ періодическихъ его сочиненіяхъ, къ сожалѣнію слишкомъ бѣдныхъ чертежами.

Желаемъ, чтобы настоящій трудъ нашъ способствовалъ по крайней мѣрѣ къ обращенію возможнаго вниманія на обстоятельства, къ сему предмету относящіяся.

Ординарный Профессоръ Дерптскаго Университета

Ф. Р. КРУЖЕ.

СЛАВЯНСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ,

НА КОТОРОМЪ ПРИСЯГАЛИ КОРОЛИ ФРАНЦУЗСКІЕ
ПРИ СВОЕМЪ КОРОНОВАНІИ (*).

Не много найдется рукописей, о которыхъ было бы столько разнородныхъ и совершенно противорѣчащихъ мнѣній, сколько находимъ мы ихъ о Славянскомъ Евангеліи, на коемъ присягали Короли Французскіе при коронованіи своемъ. Разногласія первѣйшихъ Ученыхъ на поприщѣ Славянской Филологіи тѣмъ болѣе удивительны, что она касается не одного какого-нибудь отдѣльнаго пункта, напримѣръ времени, къ коему относится рукопись, но и самаго содержанія, формы, языка, и письма ея. Отъ чего же произошли эти разногласія? Отъ того, что Ученые, никогда не видавъ рукописи и знавъ о ней только по свидѣтельству двухъ, трехъ путешественниковъ, незнакомыхъ съ Славянскимъ языкомъ, строили гипотезы, вдавались въ предположенія, и непременно хотѣли, чтобы рукопись, удостоившаяся служить при коронованіи Королей Французскихъ, принадлежала къ глубочайшей древности; увлеченные этою мыслию, нѣкоторые Филологи говорили, разумѣется,

(*) Изъ приготовляемаго къ печати сочиненія: «Описанію памятниковъ Славяно-Русской Литературы, хранящихся въ Шумбахскихъ Библіотекахъ Франціи и Германіи».

безъ всякихъ доказательствъ, что рукопись Реймская писана самимъ Меѳодіемъ! Новый примѣръ, какъ опасно доказывать то, на что нѣтъ доказательствъ!

Какъ бы то ни было, однакожь весьма любопытно обозрѣть разнородныя мнѣнія Ученыхъ о Реймскомъ Евангеліи, которое, съ конца прошедшаго вѣка, считалось погибшимъ во время Революціи, между тѣмъ, какъ оно преспокойно лежало въ Реймской Городской Библіотекѣ! Въ порядкѣ времени, прежде всѣхъ является мнѣніе Альтера. Описывая, въ своихъ *Miscellaneen*, Славянскій переводъ Хронографа Митрополита Дороея, хранящійся въ Вѣнскомъ монастырѣ *der Schotten*, Альтеръ обращаетъ особенное вниманіе на извѣстіе Греческаго Лѣтописца о расхищеніи сокровищъ Софійскаго собора въ Константинополѣ, когда въ 1204 году Крестоносцы овладѣли Цареградомъ, и Балдуинъ, Графъ Фландрскій, провозглашенъ былъ Императоромъ. Въ числѣ сокровищъ разграбленнаго собора, Лѣтописецъ упоминаетъ о множествѣ драгоценныхъ книгъ и рукописей, на различныхъ языкахъ, расхищенныхъ Французами и Венеціанами. Это извѣстіе подало Альтеру поводъ къ предположенію, что знаменитое Евангеліе, на которомъ присягали Французскіе Короли при коронованіи своемъ, было въ это время, т. е. въ 1204 году, привезено во Францію (1). Альтеръ не соглашался съ показаніемъ Англійскаго путешественника Томаса Фордъ Гилля (*Ford Hill*), который въ 1789 году посѣтилъ Вѣнскую Библіотеку и утверждалъ, что Реймская рукопись, недавно имъ видѣнная, писана по Глаголитски. Чтобы

(1) *Philologisch-kritische Miscellaneen*, Wien, 1799, стр. 242—244.

удостовериться въ словахъ Англіійскаго путешественника, Дурихъ показалъ ему Глаголитскую азбуку: Томасъ Фордъ Гилль подтвердилъ свое показаніе, говоря, что рукопись Реймсская писана именно этими буквами. Не смотря на то, Альтеръ не соглашался съ нимъ, доказывая, что рукопись эта должна быть Кирилловская. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія онъ приводилъ слѣдующее обстоятельство: Петръ Великій, проѣзжалъ чрезъ Реймсъ въ 1717 году, и говорилъ, что рукопись писана по Славянски: изъ этого слѣдуетъ, замѣчаетъ Альтеръ, что рукопись писана была Кирилловскими буквами, потому что Глаголитскія были неизвѣстны Петру Великому. Но Альтеръ ошибался: оба свидѣтели были совершенно согласны въ своихъ показаніяхъ. Петръ Великій, какъ мы увидимъ ниже, говорилъ только объ одной первой части Реймской рукописи, т. е. Кирилловской. Англіійскій путешественникъ, какъ видно, по свидѣтельству Добровскаго (1), изъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Дуриха, утверждалъ, что рукопись писана не только Глаголитскими, но также и Кирилловскими буквами.

Книга Альтера, въ которой изложено было это мнѣніе, обратила на себя вниманіе Сильвестра де-Саси, помѣстившаго разборъ ея въ одномъ повременномъ Французскомъ изданіи (2). Ученый Оріенталистъ, по изъявленному Альтеромъ желанію, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Славянской рукописи отъ К. Пезарье и К. Энграна (Engrand), бывшихъ хранителями въ Городской Реймской Библіотекѣ. По ихъ показанію,

(1) *Slawin*, стр. 278—279.

(2) *Magazin encyclopedique*, redigé par A. L. Millin, за 1799 годъ, Т. VI, стр. 458—459.

рукопись эта была писана въ два столбца, на двухъ языкахъ: Славянскомъ и Греческомъ. Основываясь на словахъ этихъ двухъ Ученыхъ, Сильвестръ де-Саси писалъ: «Этотъ драгоценный памятникъ исчезъ въ тѣ дни варварства, когда нестерпимый фанатизмъ неvěжества, скрывавшагося подъ личиною Философіи, воздвигалъ себѣ престолъ на развалинахъ Наукъ и нравственности. По всѣмъ вѣроятностямъ, рукопись эта сдѣлалась добычею пламени, вмѣстѣ съ импозитомъ драгоценностей, религіозныхъ и художественныхъ, извлеченныхъ изъ ризницы Реймсскаго Собора и брошенныхъ на костеръ.....» Это ложное извѣстіе повторялось въ ученомъ мірѣ безъ дальнѣйшихъ справокъ; конечно, оно было такъ вѣроятно, и вѣроятность эта подкрѣплялась еще показаніемъ двухъ Реймскихъ Библіотечарей, что нѣтъ возможности обвинять тѣхъ, которые повѣрили этому извѣстію и повторили его (1). Однакоже, издавное Г-мъ Жерюзэ (Geruzé), въ 1817 году, Описаніе города Реймса, должно было разсѣять эти слухи; онъ положительно говоритъ, что Славянское Евангеліе хранится въ Реймской Библіотекѣ (2).

(1) Эйхгорнъ повторилъ это мнѣніе въ своей Bibliothek der bibl. Litteratur, T. X, стр. 530; Альтеръ въ Beitrag zur practischen Diplomantik für Slaven, Wien, 1801, стр. 151—154; Добровскийъ въ Institutiones linguae Slavicae, стр. XIV. Кенпелъ, въ Библиографическихъ листкахъ, говоритъ: «Въ Реймсѣ можетъ быть найдутся еще люди, издавшіе Славянское, какъ говорятъ, Евангеліе, на коемъ при коронаціи присягали Французскіе Короли (№ 35, 1826 года)». Объ утратѣ Евангелія писалъ и Шафарикъ въ своей Gesch. der Slav. Sprache und Literatur, 1826, стр. 131.

(2) Description historique et statistique de la ville de Reims, par Geruzé, 1817, T. I, стр. 318: «On y remarquoit (въ ризницѣ собора) le calice d'Innocent, un évangile en esclavon que le Cardinal

Добровскій, еще въ 1821 году считавшій это Евангеліе добычею пламени (1), не принималъ мнѣнія Альтера. Понятно, отъ чего онъ не соглашался съ Альтеромъ. Добровскій ни какъ не хотѣлъ признать древности Глаголитской письменности, всѣми силами стараясь доказывать, что она могла начаться много много съ 1222 года, и до 1248 находилась въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ (2). Зная изъ показанія Форда Гилля, что Реймское Евангеліе писано частію Кирилловскими, частію Глаголитскими буквами, онъ не могъ принять мнѣнія Альтера, по коему эта Глаголитско-Кирилловская рукопись уже въ 1204 году перевезена была во Францію, слѣдовательно почти за двадцать лѣтъ до того времени, которое Добровскій считалъ началомъ Глаголитской письменности. Это обстоятельство заставило его придумать другую гипотезу, а именно, что рукопись подарена была, между 1250 и 1270 годами Королю Французскому Лудовику Святому Сербскою Владѣтельницею Еленою, которую нѣкоторые Писатели почитаютъ его дочерью (3). «Если этотъ драгоценный памятникъ, о потери коего нельзя довольно сожалѣть, присланъ былъ во Францію Сербскою Владѣтельницею Еленою»—говоритъ Добровскій—«то весьма понятно, почему рукопись писана Ки-

de Lorraine portoit comme une relique et qui est à la bibliothèque ».

(1) *Evangelia Slavonica lingua exarata religiose Remis servata, quae reges Galliae coronandi praestando iurjurandum tangere solebant, furor tumultuantium, pro dolor! igni tradidit*». См. *Instit. linguae Slavicae*, стр. XIV.

(2) *Dobrowsky's Glagolitica*, 2 Ausgabe von Hanka, стр. 24.

(3) *Ego me Slavin*, стр. 69—70, и 275—279.

риловскими и Глаголитскими буквами. Первые употреблялись Сербамъ, послѣдніе Далматами, и частію также Римско-Католическими Босніяками. Такъ какъ Елена была послѣдовательницею Латинской Церкви, то нѣтъ ничего естественнѣе, что Глаголиты (1), только въ 1248 году получившіе позволеніе отправлять литургію на Славянскомъ языкѣ по Римскимъ обрядамъ, захотѣли свой Славянскій текстъ, исправленный по Вульгатѣ, начертать вмѣстѣ съ Кирилловскими буквами, также и Глаголитскими».

Знаменитый Славянскій Филологъ нашего времени, Копитаръ, въ изданной имъ въ началѣ 1836 года *Glagolita Clozianus*, называетъ мнѣнія Добровскаго и Альтера простыми предположеніями, и говоритъ, что стольже справедливо можно допустить, что Реймская рукопись, сгорѣвшая во время смутеній 1792 года, была написана самимъ Святѣмъ Меѳодіемъ и отправлена въ Римъ «ad confundendos Slavicae linguae calumniatores». Какимъ же образомъ попала она оттуда въ Реймсъ — неизвѣстно. Какъ бы то ни было, замѣчаетъ Копитаръ, нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Реймскаго Собора не стало бы употреблять при столь торжественномъ обрядѣ рукописи поной и современной, имѣя у себя такъ много другихъ несравненно болѣе древнихъ, и болѣе украшенныхъ. Чтожъ касается до содержанія рукописи, то Копитаръ говоритъ, что она заключала въ себѣ Четвероевангеліе на Славянскомъ языкѣ, писанное Кирил-

(1) Подъ Глаголитами разумѣются Священники въ Далмаціи, отправляющіе богослуженіе по Римскому обряду, но по Славянскимъ книгамъ. См. Dobrowsky's *Glagolitica*, стр. 9.

ловскими и Глаголитскими буквами (1). Изъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, видно, что Копитаръ съ вѣроятностію полагалъ появленіе во Франціи рукописи, извѣстной подъ именемъ *Texte du Sacre*, въ то время, когда Анна, дочь Ярослава, прибыла во Францію для бракосочетанія съ Королемъ Генрихомъ I-мъ (2), — событіе, принадлежащее у насъ еще къ числу недоказанныхъ.

Въ то время, когда Копитаръ появленіемъ своей *Glagolita* подтверждалъ неосновательныя слухи о гибели Реймской рукописи, у насъ уже было извѣстно что рукопись эта осталась невредима. Дѣятельный и любознательный бібліотекарь Городской Би-

(1) *Clamat codex deinde Evangeliorum vetustissimus Remensis ecclesiae, quem olim Galliae reges inaugurandi praeabant iurantes, id est Texte du sacre dictus, complexusque quatuor Evangelia Slavica lingua, caractere utroque, cum cyrilliano tum glagolitico, conscripta. Remense illud cimelium (heu civili Gallorum 1792 tumultu cum aliis ei furori invidis combustum), Alterus putabat 1204 o praeda captae Constantinopolos in Galliam reportatum, Dobrovius contra ex dono Helenae Serbiae reginae circa a. 1250; e pura puta conjectura uterque. Eodem fere jure quis dicat, fuisse codicem a S. Methodio adornatum Romamque destinatum ad confuendos «Slavicae linguae calumniatores»; delatum postea nescio quo casu Remos. Ponamus enim allatum seu 1204 seu 1250, equis credet, Capitulum Remensis ecclesiae codicem recentem et coevum tam solemnī usui destinasse, cum tot aliis antiquioribus abundaret. См. Glagolita Clozianus, стр. X.*

(2) См. статью «Die Kirchenbücher der Russen», помещенную въ *Oestreichische Zeitschrift für Geschichte- und Staatskunde*, herausgegeben von Kaltenback, Wien, 1830 года, № 80 — 88, и другую статью: «Das wiederentdeckte Krönungsevangeliem von Rheims» въ *Blätter für litterarische Unterhaltung*, 1838 года, № 84 и 85.

бліотеки Реймса, Г. Лудовикъ Парисъ, издавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ переводъ Русскихъ лѣтописей на Французскомъ языкѣ, возымѣлъ счастливую мысль—извлечь изъ мрака неизвѣстности письменный памятникъ, служившій нѣкогда при столь торжественномъ обрядѣ. Онъ привезъ его въ Парижъ въ намѣреніи показать тамошнимъ Ученымъ, и въ это время одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, доставъ снимокъ съ первой страницы Реймской рукописи, посѣвшилъ сообщить о томъ въ Петербургъ. (1).

Въ Маѣ 1836 года, Г. Парисъ получилъ два письма отъ двухъ Парижскихъ книгопродавцевъ, Тешенера и Дебюра: оба просили Г. Париса сообщить имъ нѣкоторые свѣдѣнія о Реймской рукописи—одинъ для Консула нашего Г. Лабенскаго, другой для Копитара. Г. Парисъ не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ помѣстилъ два весьма важныя извѣстія о Реймской рукописи: мы приведемъ ихъ ниже. О важности рукописи, Г. Парисъ говоритъ: «Это небольшое

(1) «Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ» (Д. С. С. Тургеневъ) «досталъ списокъ съ первой страницы древняго Славянскаго Евангелія, писаннаго на пергаментѣ, двумя азбуками: Кирилловскою и Глаголитскою. Надъ сими Евангеліемъ присягали въ Реймсѣ Французскіе Короли во время коронованія своего, думая, что оно древнее Греческое. Пятръ Великій, въ проѣздъ свой черезъ Реймсъ, осматривая соборныя рѣдкости, призналъ его Славянскимъ. Добровскій и другіе считали эту рукопись ватерливною. Часть ея, писанная Глаголитскими буквами, есть продолженіе Кирилловской, и кажется новѣе, хотя обѣ обѣ въ одномъ переплетѣ, съ котораго во время Революціи, содранны драгоцѣнные камни, золото и серебро.» См. Журналъ Мин. Нар. Просв., за 1836 годъ, мѣсяцъ Генварь, стр. 229.

in-4, писанное на пергаменѣ, въ два столбца, на 47 листахъ или 94 страницахъ. Рукопись заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно отличныя части: одна на чисто Славянскомъ языкѣ, на 16 листахъ, какъ кажется безъ начала и конца; другая, служащая продолженіемъ первой, не имѣющая перерывовъ, какъ говорятъ, писана на языкѣ Иллирійскомъ. Заглавныя буквы Славянской части раскрашены и имѣютъ украшенія въ Византійскомъ вкусѣ; заглавныя же буквы Иллирійской части неукрашены виньетами, съ изображеніемъ цвѣтовъ или лицъ, раскрашенными и покрытыми золотомъ; но работа во всемъ этомъ весьма груба. Я показывалъ эту рукопись хранителямъ манускриптовъ въ Королевской Библіотекѣ: мнѣнія ихъ объ ея древности были разногласны; изъ сказаннаго ими слѣдуетъ заключить, что первая часть ея не старѣе XIII вѣка, чтожь касается до второй, то они почитаютъ ее еще новѣе. Евангеліе это, до Революціи, хранилось въ ризницѣ собора; оно было украшено драгоценными камнями и богатыми золотыми застѣжками: все это было содрано въ 1793 году (1)» Далѣе, Г. Парисъ упоминаетъ о различныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ объ этомъ Евангеліи, то есть, какъ одни полагали, что оно было писано самимъ Меѳодіемъ въ IX вѣкѣ; другіе, что оно подарено Анною, дочерью Ярославъ, Рогеру, Епископу Шалонскому, который принесть его въ даръ Реймскому собору, и наконецъ, что оно найдено было Французами въ библіотекѣ Св.

(1) См. въ Chronique de Champagne статью, подъ заглавіемъ: Monument Slavon sur lequel les rois de France prêtèrent serment à leur Sacre, Геварская книжка 1837 года, стр. 40—52.

Иеронима, во время взятія Константинополя, въ 1204 году, и Императоромъ Балдуиномъ прислано въ подарокъ Вильгельму Бѣлорукому, Архіепископу Реймскому Несравненно любопытнѣе напечатанные Г. Парисомъ, въ той же статьѣ, два документа, хотя не совсѣмъ вѣрные, однакоже замѣчательные потому, что они показываютъ, какое понятіе имѣли Французы въ прошломъ столѣтіи о Реймской рукописи. Первый изъ нихъ заключается въ припискѣ, приложенной къ манускрипту, слѣдующаго содержанія:

«Рукопись эта подарена Реймскому собору Кардиналомъ Лотарингскимъ, въ 1554 году. Преданіе гласитъ, что она принадлежала сокровищницѣ Константинопольской и была увезена изъ библіотеки Св. Иеронима. Первая часть рукописи писана буквами Сербскими, называемыми по имени Св. Кирилла, на языкѣ Восточномъ (!), для употребленія Калугеровъ; вторая Иллирійскими буквами, называемыми по имени Св. Иеронима, на языкѣ Индійскомъ или Эскавонскомъ (!) — Царскій Вице-Канцлеръ, проѣзжая чрезъ Реймсъ, 17го Іюня 1717 года, очень бѣгло читалъ первую часть, равно какъ и двое господъ, съ нимъ бывшихъ: они говорили, что языкъ рукописи былъ ихъ природный. Чтожъ касается до второй части, то они не могли прочесть ее. — Въ день коронованія Короли присягали на этой рукописи, украшенной многими мощами, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе древняго обыкновенія, упоминаемаго Историками, присягать на Евангеліяхъ, или на мощахъ и другихъ символахъ Религіи». Подъ припискою тою же рукою: «de la main de Perseval, écrivain et vigneron à Sacy, en 1782».

Другой документъ, нечаянно найденный Г. Парисомъ въ одной рукописи прошедшаго столѣтія (*Pièces diverses sur Reims*), заключаетъ въ себѣ замѣчанія о Евангеліи, хранящемся въ церкви Реймской Богоматери:

«Книга эта въ четвертую долю листа, толщиною въ палецъ, переплетена въ красный сафьянъ; снаружи, съ одной стороны, изукрашена большими драгоценными камнями. Она состоитъ изъ двухъ частей, писанныхъ различными почерками. Листы этой книги писаны иностранными и весьма древними буквами, такъ что никто не могъ прочесть ее и сказать, на какомъ языкѣ она писана; но она всегда слыла за книгу, содержащую въ себѣ Евангеліе.

«И дѣйствительно, Посланникъ Царя во Франціи, отправляясь черезъ Реймсъ, 18 Іюня 1726 года, на Ахенскія воды, осматривалъ, вмѣстѣ съ своимъ Секретаремъ ризницу Реймской церкви: они читали съ большою легкостію первую часть этой книги, въ присутствіи Господъ Канониковъ и Капелановъ собора.

«Они говорили, что эта книга содержитъ въ себѣ мѣста изъ Евангелій, писанныя по Славянски, самымъ древнимъ письмомъ, на ихъ природномъ языкѣ; эти отдѣльныя мѣста расположены въ видѣ Минен (*martyrologe*).

«Они говорили, что цифра на первой страницѣ книги означаетъ на ихъ языкѣ 19, и что слѣдовательно въ началѣ книги недостаетъ 18 страницъ; что на 1-мъ листѣ находится заглавіе 5 главы Евангелія отъ Матфея.

«Чтожь касается до второй части книги, писанной другими буквами, то они ничего не могли сказать о ней; но полагали, что эта часть писана на Илирійскомъ языкѣ, близкомъ къ Славянскому, и что эти буквы одиѣ изъ древнѣйшихъ.

«Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Посланикъ вышелъ изъ церкви, Гг. Лежёнъ и Реньо (Regnault), Капоники, присутствованіе при чтеніи книги, отправляясь съ нею въ гостиницу Мулине, гдѣ остановился Посланикъ: они спросили Секретаря. Ихъ ввели въ комнату; Секретаря не было дома. Имъ показали не большую книжку, въ переплетѣ, лежащую на столѣ; они раскрыли ее и догадались, что это молитвенникъ, буквы коего были совершенно сходны съ буквами первой части книги, хранившейся въ Реймскомъ соборѣ: они сличили обѣ книги. Капоники Реньо, послѣ обѣда, пришелъ еще разъ къ Секретарю и просилъ его прочесть первую страницу книги и продиктовать по Французски. Секретарь охотно согласился, Г. Реньо написалъ слѣдующее и передалъ мнѣ въ такомъ видѣ:

«19 страница. Всѣ были изумлены, говоря: кто Тотъ, Кого слушаютъ море и вѣтры?

«Того же мѣсяца, 20 Октября: память Св. Нестора и Капелины. Евангеліе 2-го сего мѣсяца.

«Того же мѣсяца: память Св. Киріака, Патріарха, и мученика Зиповія, Евангеліе 3-го Сентября.

«Перваго числа мѣсяца Ноября: память Св. Козмы и Даміана, безсребренниковъ. Евангеліе отъ Матвея, 18 глава: Въ то время, Іисусъ Христосъ, при-

зававъ учениковъ своихъ , далъ имъ власть изгонять злыхъ духовъ и лечить всѣ болѣзни и пр. (1)»

Эти замѣчанія весьма важны для Реймской рукописи; они доказываютъ ея достовѣрность. Если бы не сохранился переводъ перваго ея столбца , то чѣмъ бы можно было доказать , что нынѣ хранящаяся въ Реймсѣ Славянская рукопись , есть именно та , на которой присягали Короли Французскіе ? Чтожъ касается до обстоятельства , кто прочелъ рукопись , Петръ ли Великій въ 1717 году , или Посланникъ Царскій въ 1726 году , то очень вѣроятно , что оба видѣли и читали ее. Могъ ли Петръ , осматривавшій всѣ достопримѣчательности Реймса , оставить безъ вниманія столь любопытный предметъ ? Впрочемъ , весьма удивительно , что у насъ въ Россіи вовсе не было извѣстно , о томъ , что Петръ видѣлъ эту рукопись въ Реймсѣ : во всѣхъ нашихъ источникахъ нѣтъ ни слова объ этомъ обстоятельстве , между тѣмъ какъ Петръ Великій не могъ не рассказать , по возвращеніи своемъ , о Славянской рукописи , служившей для такого торжественнаго употребленія (2). Странно также , что Пиганіоль де ла Форсъ , въ своемъ путешествіи по Франціи , упоминая о Евангеліи , ни слова не говоритъ о Петрѣ , хотя въ слѣдъ за тѣмъ рассказываетъ весьма любопытный анекдотъ , случившійся съ нимъ въ Реймсѣ (3).

(1) Ibid, стр. 43—45.

(2) Я перерылъ все , что только есть замѣчательнаго у насъ о Петрѣ Великомъ и пребываніи его во Франціи : Голиковъ , Туманскій , Ософавъ Прокоповичъ , Щербатовъ — всѣ молчатъ объ этомъ обстоятельстве . Тоже Бергманъ , Осолози , и др.

(3) Nouveau voyage de la France, par Piganiol de la Force, T. II, стр. 232—233.

Какъ ни любопытны были свѣдѣнія, сообщенныя Г. Парисомъ, по любители Славянскихъ древностей все еще не имѣли точнаго понятія о Реймской рукописи. Г. Лабепскій и Копитаръ, чрезъ посредство книгопродавца Дебюра, въ одно и то же время, просили Г. Париса доставить имъ снимокъ съ первой страницы Евангелія. Просьба ихъ была удовлетворена. Г. Лабепскій въ Июлѣ 1836 года, сообщилъ Г. Парису, въ переводѣ, письмо нашего Священника при Парижскомъ Посольствѣ о переданномъ ему снимкѣ. Въ этомъ письмѣ, Авторъ переводитъ доставленное *fac-simile*, и потомъ задаетъ себѣ два вопроса: 1) къ какому роду книгъ принадлежитъ листокъ этого снимка, и 2) къ какому вѣку относится онъ? На первый Авторъ отвѣчаетъ такъ: «Въ Греческой Церкви, въ каждый день года празднуется память какого-нибудь событія или лица, замѣчательнаго въ Христіанствѣ. Во время обѣдни читается та часть Евангелія, которая относится къ Празднику. Отрывокъ, имѣ присланный (т. е. *fac simile* первой страницы рукописи) принадлежитъ къ книгѣ, заключающей въ себѣ указаніе Праздниковъ и Евангелій, которыя должны читаться за обѣдней въ тѣ дни. Это указаніе очевидно не полное, потому что за 27 Октября непосредственно должно слѣдовать не 30 число, за которымъ 31 также опущено. Въ Русскихъ церковныхъ книгахъ мы этого не встрѣчаемъ. У насъ подобное указаніе помещается въ концѣ Евангелія, при календаряхъ (*calendriers*), и кромѣ того, оно всегда бываетъ полное, безъ пропусковъ въ числахъ, и заключаетъ въ себѣ одни только указанія на главы и стихи Евангелиста, безъ самаго текста, который находится въ до-

ставленномъ мнѣ отрывкѣ: у Грековъ подобнаго рода книга называется Указаніемъ Евангелій (*Designation des Evangiles*)».

Второй вопросъ разрѣшаетъ Авторъ слѣдующимъ образомъ: «Если бы у насъ подъ рукою были Библіографическіе листы Кепцена (*Kerppenoff*), Славянскія воспоминанія Строева (1) и Іоаннъ Экзархъ Болгарскій Качеповскаго (2), три изданія, наполненные (?) снимками, то по сравненію буквъ мы могли бы опредѣлить приблизительно время, къ коему относится рукопись. За неимѣніемъ этихъ палеографическихъ средствъ, я сдѣлаю слѣдующія замѣчанія: 1) въ рукописи употребляется буква юсь (последняя на первой строкѣ), почти (1) не встрѣчающаяся въ печатныхъ книгахъ, особенно Московскихъ; 2) Славянскій переводъ Евангелія не схожъ съ тѣмъ, который въ употребленіи въ Русской Церкви, хотя послѣдній довольно древнѣе. Книгопечатаніе было введено въ Славянскихъ земляхъ около второй половины XV вѣка, и въ это время исправленіе книгъ было окончено, изъ чего слѣдуетъ, что манускриптъ безъ сомнѣнія древнѣе XV вѣка (3). Сверхъ того, должно прибавить, что онъ писанъ полууставомъ, у Славянъ Юго-Западныхъ. Это предположеніе основывается на формѣ

(1) Братъ мой никогда не писалъ подобнаго сочиненія; вѣроятно Авторъ хотѣлъ сказать: Палеографическіе снимки, изданіе Строевымъ въ каталогъ Гр. Толстаго.

(2) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, какъ извѣстно, изданъ Калайдовичемъ; Качеповскій писалъ только разборъ Калайдовичева труда, въ Вѣстникѣ Европы.

(3) Мы оставляемъ безъ поправокъ всѣ ошибки Автора: онѣ такъ очевидны, что не требуютъ опроверженій.

буквы *зѣло*, доселѣ употребляемой Южными Славянами; на несумѣніи переписчика отличать *ы* отъ *ѣ*, *зѣло* отъ *сѣ* (à distinguer Ierui de Iere, Zielo de Iere): на различіи перевода Евангелій, доселѣ замѣчаемомъ у Уніатовъ, на выраженіи *Какось есть*, и пр. (1)».

Снимокъ съ Реймской рукописи, какъ мы уже сказали выше, доставленъ былъ и Конитару. Въ Нолбрѣ 1836 года напечатана была статья: Die Kirchenbücher der Russen, и въ припискѣ къ ней говорится, что Реймсская рукопись отыскана, что она заключаетъ въ себѣ отрывокъ Синаксаря, писаннаго Кирилловскими и Глаголитскими буквами; и наконецъ что обѣ части рукописи, т. е. и Кирилловская и Глаголитская, не старѣе XIV вѣка (2). Позднѣе, уже въ Февралѣ 1838 года, мнѣніе Конитара было напечатано въ другой Нѣмецкой газетѣ (3).

Обозрѣвъ различныя мнѣнія Писателей прошедшаго и lyingущаго столѣтія о Реймской рукописи, мы можемъ, изъ всего этого хаоса противорѣчій и

(1) Chronique de Champagne, 1836 годъ, кн. I, стр. 48—49.

(2) «Nachschrift. Der Rheimscher Texte du Sacro ist seither wieder entdeckt worden; zwar des kostbaren Einbandes beraubt, doch der Text selbst so, wie er sonst war. Aber die beiden Schriftarten stehen einander nicht als eine Dupla gegenüber, sondern ein Cyrillisches und ein Glagolitisches Synaxar-Fragment sind nur in eins gebunden; und weder der Cyrillische noch der Glagolitische Bestandtheil ist älter, als höchstens aus dem XIV Jahrhundert. Um so höher stehen also unser Glagolita Clozianus und das noch unedirte vaticanische Evangelium.» См. Oestreichische Zeitschrift für Geschichte-und Staatskunde, 1836, № 88, стр. 350.

(3) См. Blätter für litterarische Unterhaltung, 1838, № 34 и 35.

предположений, вывести одно заключеніе: послѣднимъ результатомъ всего писаннаго о рукописи, на которой присягали Короли Французскіе при коронованіи своемъ, было слѣдующее: *Рукопись Реймсская есть не что иное, какъ отрывокъ Синаксаря, писаннаго Кирилловскими и Глаголитскими буквами и относящагося къ XIV вѣку.*

Въ бытность мою во Франціи, въ Іюлѣ 1837 года, отправился я въ Реймсъ, желая видѣть знаменитую рукопись. Благодаря услужливости Г. Лудовика Париса, бібліотекаря Городской Реймской Библіотеки, я успѣлъ, въ короткое пребываніе свое въ Реймсѣ, осмотрѣть рукопись, о которой столько писали, и не смотря на то имѣли самое превратное понятіе. Представляю здѣсь краткое описаніе ея, и снимокъ съ обѣихъ текстовъ: Кирилловскаго и Глаголитскаго.

Рукопись эта извѣстна во Франціи подъ именемъ le Texte du Sacre, писана въ четвертую долю листа, на пергаменѣ, въ два столбца, и означена въ каталогахъ Городской Библіотеки подъ знакомъ A²/. Она заключаетъ въ себѣ 47 листовъ; на первыхъ 16 находится текстъ Кирилловскій, а на остальныхъ 31-мъ Глаголитскій.

Первая часть рукописи, т. е. Кирилловская, есть не что иное, какъ отрывокъ изъ Болгарскаго Евангелія, писаннаго полууставомъ, а именно 18 и 19 тетради, состоящія каждая изъ восьми листовъ. Начало рукописи утрачено; она начинается слѣдующими словами: «велика члѣвци же чѣдишася глаголюще: какъ-како-есть яко и вътрѣи и море послоуша его». Далѣе слѣдуетъ указаніе Евангелій, читаемыхъ 27 и 30

Октябри. Слѣдовательно, въ началѣ рукописи недостаетъ не 17 листовъ, какъ полагали прежде, но 17 тетрадей, т. е. 136 листовъ, на которыхъ находились между прочимъ, Евангелія всего Сентября и Октября до 27 числа. За указаніями на Евангелія 27 и 30 Октября, слѣдуютъ мѣсяцы Ноябрь, Декабрь, Генварь, Февраль. Рукопись кончается началомъ Марта; послѣднія слова ея суть: «вечеру же бывшѣ глагола господинъ винограда къ строи.....» Слѣдовательно въ концѣ рукописи недостаетъ мѣсяцевъ Марта, Апрѣля, Мая, Іюня, Іюля и Августа.

Евангелія расположены не по Евангелистамъ, но по днямъ, начиная отъ перваго числа мѣсяца и до послѣдняго. Однакоже не всѣ дни сряду означены. Для примѣра приведу Февраль мѣсяцъ: въ немъ находятся Евангелія только на числа 1, 2, 3, 11, 13, 23 и 24. То же должно замѣтить и о другихъ мѣсяцахъ. На прилагаемомъ при семъ снимкѣ, за указаніемъ на Евангеліе, чтомое 27 Октября, слѣдуетъ не 28 и 29 числа, но 30, за 30-мъ же слѣдуетъ прямо Ноябрь мѣсяцъ.

Заглавные буквы разрисованы скудно; послѣ каждого мѣсяца слѣдуетъ украшеніе въ родѣ того, какое видно на снимкѣ передъ началомъ Ноября мѣсяца. Постоянныхъ правилъ въ правописаніи не соблюдается. Одно и то же слово, на одной и той же страницѣ, пишется черезъ юсъ и черезъ ю. Въ буквѣ и иногда сохраняется древняя ея форма (и), иногда же новая (и). Звукъ у выражается и чрезъ оу и чрезъ простое у. Буква ѣ замѣняетъ ѣ, о, е, наприм. къ (къ), пришьѣ (пришедъ), тыгда (тогда). Буква ѣ встрѣчается весьма часто. Изъ знаковъ препинанія

переписчику известны только точка и двосточіе; точка ставится имъ вверху, посреди и внизу строки.

Формы буквъ и языка и смѣшеніе древняго правописанія съ новымъ показываютъ, что Кирилловскій текстъ Реймской рукописи не есть древній: по признакамъ палеографическимъ и филологическимъ, я отношу его къ концу XIV или къ началу XV вѣка. Въ древней рукописи XII или XIII столѣтія не можетъ быть фразы, подобной той, которая слѣдуетъ за Евангеліемъ отъ Матѳея, читаемаго въ 1 день Ноября, на память Козмы и Даміана: «Подобаетьже вѣдѣти яко яже предѣля сълоучитъя прѣже шестааго дѣне ноямбрия мѣсца. то чытеться еѹа о богатѣмъ Лазори».

Что же касается до второй части рукописи, т. е. Глаголитской, я не могу распространиться о ней: въ то время, какъ я былъ въ Реймсѣ, Глаголитская письменность мнѣ была вовсе неизвѣстна. Только черезъ годъ послѣ того занялся я ею въ Вѣнѣ, гдѣ находится много Глаголитскихъ рукописей, и извѣстный знатокъ Глаголитской Литературы Копитаръ, которому знаменитый Гриммъ назначаетъ первое мѣсто между современными Славянскими Филологами (1). Въ бытность мою въ Реймсѣ, я не могъ даже опредѣлить, на какомъ языкѣ писана вторая часть рукописи, и спрашиваю, не на Восточномъ ли какомъ-нибудь (2)? Теперь я могу представить чи-

(1) «... allen heutigen Slavisten vorgeht.» См. Göttinger gelehrte Anzeigen, 1836, стр. 324.

(2) См. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1837 годъ, Т. XVI, стр. 414, и письмо мое къ Г. Нарису, помещенное въ Chronique de Chambragne, на 1836 годъ, Сентябрная книжка, стр. 204—206.

тателямъ только снимокъ со втораго столбца первой страницы Глаголитскаго текста. Вотъ его содержаніе:

«тоста пода клижикѣ. корѹна ^ѣѣри. ѣко насаждѣниѣ ѣ
горѣ либавице. сада сѣбѣ бѣ Ѡвста сконха. и ѣ немѣ
хѣо. сѣба его ѣ ѣ црѣви хѣи.

«Ѡ аѣи (ѣ о)но брѣме рѣѣ ѣса уѣикма сконма. ни-
ктоже вжигаетъ сѣѣанка и поставлетъ и подъ спѣдома
на на сѣѣѣици. да вхѣдице ѣ дома видетъ сѣѣ. сѣѣанка
(Ев. отъ Луки, 11, 33)»

Первыя три строки я не могъ найти въ Евангеліи; не заимствованы ли они изъ Псалмовъ, или какой-нибудь Богослужебной книги? Въ такомъ случаѣ окажется, что только первая часть Реймской рукописи есть Евангеліе, и что вторая вовсе не служить продолженіемъ первой, какъ нѣкогда полагали. Впрочемъ, объ этомъ ничего положительнаго сказать нельзя до тѣхъ поръ, пока Глаголитская часть рукописи не будетъ описана человѣкомъ, знающимъ дѣло.

Ознакомивъ читателей съ содержаніемъ Реймской рукописи и показавъ время, къ которому она должна быть отнесена, полагаю необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы, представляющіеся сами собою: когда эта Славянская рукопись зашла въ Реймсъ; какимъ образомъ досталась ей честь быть употребляемою при коронаціи Королей Французскихъ, и наконецъ, кто именно изъ нихъ присягалъ на ней?

Само собою разумѣется, что рукопись конца XIV или начала XV вѣка не могла быть ни писана Меодіемъ въ IX вѣкѣ, ни привезена во Францію Анною, дочерью Ярослава, въ половинѣ XI столѣтія; ни Им-

ператоромъ Балдуиномъ, въ началѣ XIII вѣка, при взятіи Константинополя, и наконецъ, ни Еленю Сербскою въ 1250 — 1270 годахъ, какъ полагали различные Ученые. Всѣ эти гипотезы разрушаются сами собою, не требуя никакихъ опроверженій. Такимъ образомъ, для рѣшенія вопроса о времени, въ которое появилась эта рукопись во Франціи, должно прибѣгнуть къ другимъ соображеніямъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало извѣстій о ней, оставленныхъ очевидцами. Доселѣ считавшееся древнѣйшимъ, принадлежитъ Пиганіолу де ла Форсу. Въ описаніи Франціи, изданномъ имъ въ 1718 году, рассказывая о сокровищахъ, хранившихся въ ризницѣ Реймсскаго собора, онъ упоминаетъ, между прочимъ, о книгѣ, которую Кардиналъ Лотарингскій, въ торжественныхъ процессіяхъ, носилъ на шеѣ, какъ святыню; книга эта писана была старинными Славянскими буквами, весьма хорошо сохранившимися (1). Но я нашелъ извѣстіе гораздо древнѣе этого. Марло (Grand-Prieur de l'Abbaye de St. Nicaise), жившій въ Реймсѣ, при описаніи ризницы Реймсскаго собора (Majoris ecclesiae Remensis gazophylacium), изданномъ имъ въ 1679 году, говоритъ: «въ той же ризницѣ хранится сосудъ Св. Ригоберта и Евангеліе, писанное Индійскими бук-

(1) «un livre que le Cardinal de Lorraine portoit sur son estomach comme une relique dans les processions et les cérémonies, et qui est en vieux caractères esclavons très bien conservés.» См. Nouvelle description de la France, par Piganiol de la Force. 1718, T. III, стр. 203—204. Тоже самое повторилъ онъ потомъ и въ своемъ Nouveau voyage de France, Paris, 1780, T. II, стр. 228.

вами (1)». Въ приведенной выше припискѣ Персеваля, мы видѣли, что Глаголитскій текстъ почитался писаннымъ на Индійскомъ или Экславонскомъ языкѣ. Слова Марло напечатаны на полѣ книги, въ видѣ замѣчанія къ тексту, въ которомъ описывалась ризница собора 1211 года. Слѣдовательно, изъ нихъ мы можемъ заключить достоверно, что въ началѣ XIII столѣтія не было Славянской рукописи въ хранилищѣ Реймсскаго Собора. Удивительно, что нѣтъ ни слова слова о Texte du Sacre въ Voyage littéraire de deux Benedictins de la Congregation de St. Maur, изд. въ 1717 году: путешественники довольно подробно описываютъ Реймскій соборъ, и упоминаютъ даже о соборной библіотекѣ и двухъ манускриптахъ, въ ней хранящихся (2). То же молчаніе у Кокота (Cocquault), упоминающаго о другихъ манускриптахъ, подаренныхъ въ разныя времена Реймскимъ библіотекамъ (3). Что говорятъ Бюшянгъ о Реймской рукописи, то почти не заслуживаетъ вниманія (4). Въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ 1797 года упоминается о письмахъ

(1) «In eodem sacrario servatur vas S. Rigoberti et liber evangeliorum Indico caractere scriptus.» См. Metropolis Remensis Historia, sive supplementum Frodoardi, studio et labore Dom. Marlot, 1679, T. II, стр. 476.

(2) Ч. II, стр. 79.

(3) Table chronologique extraite sur l'histoire de l'église, ville, et province de Reims, par Cocquault, 1050 года.

(4) Das Evangeliumbuch, auf welches die Könige den Eid ablegen und welches auswendig, mit Goldblech überzogen, auch mit ungeschliffenen Edelstein besetzt ist, soll in Slavischer Sprache geschrieben.» См. cro Neue Erdbeschreibung, 1769, T. II, стр. 430.

Мейера, напечатанныхъ около 1785 или 86 года, въ которыхъ Авторъ говоритъ о Реймскомъ Евангеліи, писанномъ на Славянскомъ языкѣ (1). Но писемъ Мейера я ни какъ не могъ найти здѣсь (2).

При такой скудости извѣстій, должно обратиться къ показанію Персеваля, утверждающаго въ своей припискѣ, что Славянское Евангеліе подарено было Реймскому собору Кардиналомъ Лотарингскимъ въ 1554 году. Но откуда взялъ его Кардиналъ Лотарингскій? Г. Парисъ говоритъ, что Евангеліе было прислано въ даръ Кардиналу отъ Константинопольскаго Патріарха (3). Но на чемъ основать свое показаніе Г. Парисъ — неизвѣстно. Копитаръ полагаетъ, что Кардиналъ Лотарингскій получилъ Славянскую рукопись отъ какого-нибудь Далматскаго Францисканскаго миссіонера (4). Оба предположенія вѣроятны, но все это — предположенія. Къ нимъ можно присоеди- нить еще третіе. Въ 1547 году, Кардиналъ Лотарингскій, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію Генриха II, Короля Французскаго, былъ посланъ имъ, по церковнымъ дѣламъ, въ Римъ, къ Папѣ Павлу III (5). Не въ это ли путешествіе досталъ онъ Славянскую рукопись? Но и это опять предположеніе! Довѣрно только то, что Реймская рукопись появилась во Франціи во время Архіепископства Кардинала Лотарингскаго, т. е. меж-

(1) Allgemeiner litterarischer Anzeiger, 1797 года, № LXXIII, стр. 752.

(2) Meier's Briefe aus der Hauptstadt und dem Innern Frankreichs.

(3) Chronique de Champagne, 1837, T. I, стр. 43.

(4) Blätter für litterarische Unterhaltung, 1838, № 35.

(5) Le grand dictionnaire historique de Moreri, T. I, стр. 71.

ду 1445 и 1574 годами. Откуда получить ее Кардиналъ, этого опредѣлить съ *достоверностію* не лзя, по недостатку свидѣній.

Какимъ образомъ досталась Славянскому Евангелію честь быть употребляемою при коронаціи Королей Французскихъ? Въ чинѣ коронованія Французскихъ Королей, совершавшемся въ Реймсѣ, издавна соблюдался слѣдующій обрядъ: Архіепископъ Реймскій, отъ имени всѣхъ Епископовъ Франціи, вопрошалъ новаго Короля, согласенъ ли онъ оставить въ неприкосновенности каждому Епископу и Церкви, ему вѣренной, всѣ прежнія привилегіи, права и законы, и хочетъ ли онъ защищать Епископовъ и Церкви такъ, какъ слѣдуетъ защищать ихъ Королю въ своемъ Государствѣ? Король отвѣчалъ, что онъ согласенъ и обѣщаетъ сохранять всѣ привилегіи и права Епископовъ и Церквей, давать мудрые законы и судъ правый, и защищать, по праву и справедливости, Епископовъ и Церкви такъ, какъ слѣдуетъ Королю въ своемъ Государствѣ. Послѣ того, Епископы Лаона и Бове приподнимаютъ Короля съ его сѣдалища, и спрашиваютъ народъ, желаетъ ли онъ имѣть его своимъ Королемъ? Получивъ согласіе народа, они подводятъ Короля къ Архіепископу Реймскому, который подноситъ Его Величеству Евангеліе. Положивъ на него руку, Король присягаетъ въ сохраненіи мира и спокойствія Церкви, въ уничтоженіи всякой несправедливости, въ соблюденіи правосудія и въ готовности изгнать изъ своихъ владѣній еретиковъ, осужденныхъ Церковію (1). Со временъ Кар-

(1) См. Theatre d'honneur et de magnificence préparé au Sacre des Roys, par Dom Guillaume Marlot, 1643, стр. 644—647.

динала Лотарингскаго, при этомъ торжественномъ обрядѣ, стали употреблять Славянскую рукопись, толщиною не болѣе какъ въ палець, писанную за сто или полтораста лѣтъ до того, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, и наконецъ на языкѣ, вовсе неизвѣстномъ Французамъ. Почему удостоилась она такой чести? Само собою разумѣется, не потому, что она писана по Славянски, или что Французы считали ее древнею; но единственно по мощамъ, которыя на ней находились и внушали къ ней столь большое благоговѣніе Кардинала Лотаринскаго, носившаго эту рукопись на шеѣ въ торжественныхъ процессіяхъ. Вотъ единственная причина, которую можно принять при разрѣшеніи вопроса: почему Французскіе Короли присягали на Славянской рукописи при коронованіи своемъ.

Наконецъ, любопытно бы было знать, кто именно изъ Королей Французскихъ присягалъ на этой рукописи? Просмотрѣвъ самыя подробныя описанія коронацій, я нигдѣ не могъ найти свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Марло, подробно описывая коронованіе Лудовика XIII, говоритъ о присягѣ его на Евангеліи, которое Король почтительно поцѣловалъ (1); но что это было за Евангеліе—объ этомъ ни слова. Пиганиоль съ такою же подробностью рассказываетъ о коронованіи Лудовика XIV и о присягѣ его на Евангеліи (2); но опять ни слова о самомъ Евангеліи. То же молчаніе и у Гodefroy (3). Зная достовѣрно, что

(1) Ibid., стр. 577.

(2) Nouvelle description de la France, въ главѣ Du Sacre du roy. T. I, стр. 58.

(3) Le cérémonial françois, par Theodore Godefroy, conseiller du Rq. en des conseils, à Paris, 1649.

Славянская рукопись употреблялась при коронованіи Королей Французскихъ со временъ Кардинала Лотарингскаго и до самой Революціи, можно исчислить, не смотря на этотъ недостатокъ извѣстій, Королей, присягавшихъ на Реймской рукописи. Если допустить, что она стала употребляться въ чинѣ коронованія съ 1554 года, когда подарилъ ее Кардиналъ Лотарингскій Реймскому собору, какъ свидѣтельствуесть Персеваль, то на ней присягали: въ 1559 году Францискъ II, въ 1561 Карлъ IX, сынъ Екатерины Медичи, въ 1575 братъ его Генрихъ III, въ 1589 Генрихъ IV, въ 1610 Лудовикъ XIII, въ 1654 году Лудовикъ XIV, и наконецъ послѣдніе два Лудовика XV и XVI. Французская Революція положила конецъ присягѣ Королей на Славянской рукописи, и лишила ее всѣхъ прежнихъ украшеній: мощей, драгоценныхъ камней, золотыхъ богатыхъ застежекъ. Съ тѣхъ поръ она хранится въ Городской Библіотекѣ Реймса: только скважины на красномъ кожаномъ переплетѣ напоминаютъ объ украшеніяхъ, нѣкогда бывшихъ на ней.

СЕРГІЙ СТРОЕВЪ.

КОНЧЕЗЕРСКІЯ МАРЦІАЛЬНЫЯ ВОДЫ

И НАХОДЯЩІЯСЯ ПРИ НИХЪ ДРЕВНОСТИ.

Спустя столѣтіе послѣ кончины Великаго Петра, для насъ уже должны быть священны даже малѣйшіе слѣды его животворнаго пребыванія въ разныхъ мѣстахъ, которыя отъ того получаютъ въ глазахъ потомства историческую важность, будучи соединены съ именемъ Великаго Монарха.

По сей причинѣ читатели, безъ сомнѣнія, съ любопытствомъ прочтутъ описаніе Кончезерскихъ минеральныхъ водъ, памятныхъ пребываніемъ при нихъ Петра, который ими пользовался, и которыхъ воспоминаніе тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнно, что Онъ получилъ отъ нихъ облегченіе, и въ особой грамотѣ, выданной послѣ того, приглашалъ своихъ подданныхъ пользоваться ими равномѣрно. Кончезерскія марціальныя воды находятся въ осьми верстахъ отъ Кончезерскаго чугунолитейнаго завода, а отъ Губернскаго города Петрозаводска въ пятидесяти верстахъ, подъ 63 градусомъ Сѣверной Широты и 55 Восточной Долготы.

Мѣстоположеніе этихъ водъ живописно, хотя нѣсколько мрачно. Оно составляетъ продолженіе долины, которая заключаетъ въ себѣ извѣстное по своимъ бѣлымъ пескамъ озеро Гобъ. Отъ Сѣвернаго

конца Гоба марціальный родникъ отстоитъ не болѣе одной версты.

Горы, покрытыя сосною и березою, возвышаются довольно круто съ обѣихъ сторонъ долины, и достигаютъ значительной высоты: въ низменной между ими срединѣ, гдѣ растетъ по большей части рѣдкій березовый лѣсъ, паходятся желѣзная и купоросная руды, бывшія доселѣ предметамъ разработки.

Главный минеральный источникъ находится почти у подошвы горы, продолженіе которой составляетъ Западный берегъ Гобъ-озера.

Названіе «марціальныхъ» водъ показываетъ, что онѣ содержатъ въ себѣ желѣзо; химическіе опыты открыли въ нихъ и другія металлическія частицы въ соединеніи съ сѣркою кислотою.

Окрестности этихъ мѣстъ въ геогностическомъ отношеніи съ точностію не изслѣдованы, но мѣстныя наблюденія надъ горами открываютъ двѣ породы — діоритъ и брекчійовидную породу, которой основаніе мѣстами составляетъ афанитъ, или измѣненный діоритъ. Породы сіи, близъ минеральныхъ водъ, покрыты толщами наносовъ, состоящихъ изъ глины, ила и валуновъ древнихъ породъ.

Разработка желѣзистой земли, содержащей въ себѣ купоросъ, не даетъ точнаго понятія о происхожденіи его; но куски горнокаменныхъ породъ съ признаками разложеннаго желѣзнаго колчедана, которые попадаются въ рудѣ, заставляютъ думать, что свойство руды и самыхъ марціальныхъ водъ происходитъ отъ разложенія колчедана, находящагося въ близълежащихъ формаціяхъ.

Относительно первоначальнаго открытія марціальных водъ, изъ собственноручной грамоты, данной Императоромъ Петромъ I Кончезерскаго завода молотовому работнику Рябеву отъ 22 Марта 1720 года, видно, что Рябевъ первый испыталъ на себѣ дѣйствіе водъ, или по крайней мѣрѣ первый о томъ объявилъ.

Объявленіе это показалось столь важнымъ Государю, что Великій собственноручною грамотою, данною на его имя, 22 Мая 1720 года, освободилъ Рябева съ домомъ и землею отъ работъ и податей. Мастерской Рябевъ пользовался водами въ 1714 году; но чугунная доска съ надписью, существующая и нынѣ при источникѣ, свидѣтельствуетъ, что марціальныя воды открыты для пользы Государовой и всенародной въ 1716 году Полковникомъ де Гинакомъ, бывшимъ тогда Олонецкимъ Комендантомъ и Командиромъ Петровскихъ заводовъ.

Самъ Петръ Великій нѣсколько разъ посѣщалъ Кончезерскія марціальныя воды, лечился ими и получалъ отъ недуговъ облегченіе, о чемъ удостовѣряетъ собственными словами (1): «Мы сами съ Своею Фамиліею и многихъ знатныхъ персонъ, присутствіемъ и употребленіемъ оныхъ водъ, всю пользу получили, и могу сказать, что паче другихъ водъ, которыя мы двои, а именно Пирамонтскія и Шладдавскія, употребляли, отъ сихъ пользу получали».

Когда же отъ невѣжества или небреженія воды не стали приносить желаемой пользы, Государь Императоръ повелѣлъ обнародовать именныя списки

(1) Указъ 1719 года.

тѣмъ людямъ , которые исцѣлились отъ употребленія водъ , и составить правила «доктурскія, какъ оныя воды употреблять и какой порядокъ въ житіи и во употребленіи пищи и питья содержать, «дабы невѣдѣніемъ, вмѣсто пользы, паче траты здоровью кто не принесъ , и тѣмъ бы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразумженія простыхъ людей не воспріялъ».

Правила сіи достойны особеннаго вниманія по простотѣ , подробности и, безъ сомнѣнія, по дѣйствительности своей (1).

Для пребыванія Императора съ Фамиліею на марціальныхъ водахъ, построены были четыре деревянные дворца: одинъ, для самого Государя, стоялъ близъ родника, другіе, для Императрицы и для Царицы Прасковьи Федоровны, и дворецъ лѣтній, стояли на горѣ позади перваго. Изъ сихъ дворцовъ сохранились только истлѣвшія развалины того , въ коемъ жила Царица, а другихъ и слѣдовъ не осталось.

Недалеко отъ развалинъ дворца находятся двѣ березы необыкновенной величины, не менѣ десяти сажень вышины , а въ поперечникѣ у земли до полутора аршина. По преданію, онѣ посажены были Собственными руками Августѣйшей Четы. Деревья эти понынѣ въ цвѣтущемъ состояніи.

Любопытнѣйшій памятникъ Царскаго пребыванія въ сей дикой пустынѣ составляетъ деревянная перковь, съ образами живописи въ родѣ Италіанской, во имя Первоверховнаго Апостола Петра, находящаяся на горѣ, къ Западу близъ минеральнаго источника.

(1) Указъ 1719 и правила при ономъ.

Храмъ сей построенъ былъ, по Указу Его Величества, въ 1721 году, а церковная къ оному утварь перевезена съ Олонецкой верфи, и опредѣлены одинъ Священникъ, дьячекъ, пономарь и просвирия, коимъ назначено было хлѣбное и денежное жалованье, потому что пахотной земли и приходскихъ дворовъ при церкви не состояло.

По выѣздѣ Царской Фамиліи и упраздненіи Дворцевъ, церковь оставалась въ родѣ приходской, для чиновниковъ и мастеровыхъ Кончезерскаго и купороснаго заводовъ, отъ конхъ и выдавалось жалованье Священно- и церковно-служителямъ.

Она существовала болѣе ста лѣтъ, но наконецъ пришла въ столь ветхое положеніе, что значительное исправленіе сдѣлалось необходимымъ и, съ разрѣшенія Епархіальнаго и Горнаго Начальствъ, въ 1831 году она приведена въ совершенную исправность, безъ всякаго измѣненія какъ паружнаго, такъ и внутренняго вида и украшенія. Торжественное освященіе ея совершено было 20 Марта 1832 года. Достопамятностію въ сей церкви могутъ служить сохранившіяся въ ней отъ временъ ея сооруженія иконостасъ, иконы, утварь, лампы и Священническія ризы.

Нынѣ, при марціальныхъ водахъ, селеніе, въ простонародѣ называемое *Дворецъ* или *у Дворца*, заключаетъ въ себѣ только дома Священнослужителей и одну крестьянскую избу.

Окольные жители и до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, употребляютъ съ пользою марціальныя воды.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ЭПОПЕЙ

У ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вѣка проходятъ за вѣками, тысячелѣтія смѣняются тысячелѣтіями. Человѣчество отъ самой колыбели растеть, движется, кипитъ разнообразною жизнію. Изъ отдѣльныхъ семей составляются поколѣнія, изъ поколѣній народы. Чувство самохраненія сближаетъ слабыхъ и соединяетъ ихъ въ Государственное тѣло: Царства рождаются, возвышаются, упадаютъ; на развалинахъ ихъ зиждутся другія, и, по примѣру первыхъ, уступаютъ мѣсто новымъ народамъ. Пріятно услаждать взоры яркою картиною Всемирной Исторіи, назидательно обнимать мыслію ходъ человѣчества отъ первыхъ опытовъ удовлетворить физическимъ нуждамъ до высшихъ проявленій вѣющаго самосознанія. — Назидательно? Но кто открылъ законы, которыми руководствуется родъ человѣчскій въ различныхъ его дѣйствіяхъ? Кто разгадалъ гармонію въ этихъ смѣшанныхъ звукахъ торжества и плача,

Часть XXI. Отд. II.

8

которыми онъ оглашаетъ міръ? Кто указалъ симметрію въ этихъ дивныхъ узорахъ, испещряющихъ ткань судьбы его?—Назидательно?... Но гдѣ тотъ мудрецъ, который воспользовался уроками предшествующихъ столѣтій; гдѣ тотъ ясновидящій, который изъ соображенія прошедшаго съ настоящимъ предсказалъ бы судьбу будущаго?—Астрономъ, по вычисленіямъ своей Науки, разоблачилъ тайны неба и несмѣтныхъ міровъ, катящихся по его пространствамъ; Естествоиспытатель и Врачъ открыли силы Природы и подчинили ихъ своему могуществу, на пользу общественную; Законовѣдецъ постановилъ правила жизни и взаимныхъ отношеній людей, и ловитъ всякое мимолетное обстоятельство, чтобы умножить запасъ практической мудрости. Что же сдѣлалъ Историкъ? гдѣ плоды его неусыпныхъ разысканій, его глубокихъ наблюденій? Миѣ скажутъ, что ежедневныя изслѣдованія увеличиваютъ кругъ историческихъ свѣдѣній; что историческая Критика отличаетъ ложь отъ истины; что прагматизмъ старается разгадать причины и слѣдствія великихъ переворотовъ, изобразившихъ поверхность Земнаго Шара. Правда; но сопровождаются ли всѣ эти усилія желанными успѣхами? Сколько еще пробѣловъ въ такъ-называемыхъ Всеобщихъ Исторіяхъ? Сколько народовъ, которыхъ значеніе въ историческомъ мірѣ остается еще неопредѣленнымъ, или которые по видимому не вложили ни одной идеи въ общую сокровищницу идей человѣчества? и всегда ли обнаженная истина стоитъ роскошныхъ прикрасъ младенческой фантазіи? Всегда ли раскрытіе причинъ и слѣдствій однихъ событій примѣнимо къ событіямъ послѣдующимъ?

Что же дѣлать Историкъ?

Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, обратимся къ изслѣдованію природы человѣка и обществъ человѣческихъ.

Человѣкъ живетъ двойкою жизнію: жизнію внутреннею и внѣшнею. И та и другая имѣетъ свои проявленія; и та и другая подлежитъ важнымъ обязанностямъ и строгой отвѣтственности предъ Міроправителемъ и человѣчествомъ. Если Христіанство, дѣйствуя на улучшеніе человѣка, съ такою подробностію наложило правила внутренней жизни, состоящія въ высшемъ нравственномъ и умственномъ усовершенствованіи своей природы, не менѣе того, предписавъ неограниченную любовь къ ближнимъ, оно указало и высокія обязанности ко всему человѣчеству, обязанности, предписывающія ему жить въ обществѣ съ своими сочеловѣками и прививать имъ усвоенное себѣ совершенство. Такимъ образомъ каждая мысль, каждое дѣйствіе человѣка, есть отвѣтъ на тотъ важный вопросъ: какъ исполняетъ онъ двоякое назначеніе, ему предписанное? Что сказано о человѣкѣ въ отдѣльности, то должно сказать и о цѣлыхъ обществахъ, о цѣлыхъ народахъ, взятыхъ какъ единицы. Для народа, такъ какъ и для человѣка, недостаточно жить изолированною умственною жизнію, вращаться въ тѣсномъ кругу ежедневныхъ, такъ сказать, домашнихъ занятій. Высшій законъ повелѣваетъ ему вступать въ дѣятельныя сношенія съ своими сосѣдями, заимствовать и передавать взаимныя открытія и изобрѣтенія, производить благодѣтельную мѣну познаній, обобщаться идеями, дѣйствовать на усовершенствованіе всего человѣчества, и — Исторія его есть разрѣшеніе проб-

лемы, въ какой степени онъ выполняетъ велѣнія этого закона.

Но такъ какъ виѣшнее истекаетъ изъ внутренняго, такъ какъ каждое дѣйствіе есть необходимое слѣдствіе предшествовавшей идеи: то, желая опредѣлить достоинство дѣйствій, мы должны отыскать и идею, руководившую ими. Приговоръ нашъ будетъ ошибоченъ, если мы о человѣкѣ или народѣ будемъ судить только по наружному проявленію ихъ дѣяній: слѣдуетъ раскрыть тайныя побужденія, произведшія эти дѣянія, потому что дѣйствія бываютъ временны; самые народы гибнутъ; одна только идея переживаетъ вѣка.

Вотъ почему я полагаю высшею цѣлію Исторіи: умѣть вникнуть въ сокровенныя побужденія, желанія, мысли и чувствованія народовъ, подвести виѣшнія явленія подъ внутренніе законы ума, опредѣлить психическій характеръ націи, извлечь изъ всего этого идею, выполненную ею въ Исторіи человѣчества — создать *высшій философскій синтезъ*. И сколько важныхъ результатовъ мы можемъ ожидать отъ подобныхъ изслѣдованій! Мы поймемъ тогда и неподвижную организацію Китая и вѣчное раболѣпство Индіи; мы поймемъ, отъ чего духъ древнихъ Элліновъ, не истощившись ни подъ игомъ Римлянъ, ни подъ насильственной системою правленія Византіи, ни подъ иноплемennымъ владычествомъ Оттомановъ, снова воспрянулъ въ наши времена для возстановленія утраченной независимости; мы поймемъ и явленіе Реформаціи, и испанскую 40-лѣтнюю борьбу Голландіи противъ могущественнаго деспотизма Филиппа II, и раздробленіе Германіи и бурную жизнь

новыхъ Республикъ Новаго Свѣта. И если наконецъ мы всѣ эти частные результаты подведемъ подъ общіе итоги, панижемъ ихъ, такъ сказать, на одну нить, составимъ одну непрерывную цѣпь изъ различныхъ идей, выраженныхъ и выполненныхъ различными народами — сколько новыхъ приобрѣтеній для Исторіи человѣчества!

Но какъ достигнуть этой цѣли; гдѣ средства, гдѣ пособія, предоставленныя намъ для такого вышшаго возрѣпія на дѣянія человѣчества? Всеобщая Исторія обыкновенно ограничивается открытіемъ вѣдшихъ судебъ народовъ; и Нумизматика, Геральдика, Генеалогія, Дипломатика открываютъ ей несомнѣныя услуги при изслѣдованіяхъ частныхъ событій, при поясненіи темныхъ фактовъ въ быту отдѣльныхъ лицъ. Но раскрытіе внутренней жизни народовъ требуетъ руководителя, болѣе могущаго. Мы сказали, что всякое дѣйствіе есть необходимое слѣдствіе предшествовавшей идеи; а какъ идея выражается словомъ, то *Исторія Литературы*, какъ сводъ идей, высказанныхъ извѣстнымъ народомъ, или въ извѣстный вѣкъ, представляется сама собою. Она является неизмѣнною спутницею, вѣрною союзницею, самою надежною руководительницею ея въ стремленіи опредѣлить постепенный ходъ идей человѣчества отъ начала творенія до настоящаго момента, и угадать дальнѣйшее развитіе ихъ въ будущемъ. Но если мы такъ взыскательны были къ Исторіку, то справедливость требуетъ, чтобы и обязанности Литератора, слѣдшаго историческую постепенность идей, выраженныхъ словомъ, были опредѣлены нами съ неменьшею строгостію. Если Гражданская Исторія, ограничивающаяся простымъ

изложеніемъ фактовъ, едва заслуживаетъ названіе Науки: то еще менѣе оно принадлежитъ Исторіи Литературы, занимающейся однимъ исчисленіемъ письменныхъ памятниковъ народа. И такъ, чтобы дать ей почетное мѣсто въ кругу высшихъ теоретическихъ познаній, необходимо указать цѣль, къ которой она должна стремиться, и эта цѣль не затруднитъ насъ. Разлагая самое наименованіе Исторіи Литературы, мы найдемъ два существенныя ея назначенія, этическое и историческое. Первое состоитъ въ достиженіи двухъ основъ Метафизики: добра и прекраснаго; второе домогается третьей: истины. Въ первомъ отношеніи, къ ней можно примѣнить все то, что Шиллеръ говоритъ о Трагическомъ Искусствѣ въ частности; она дѣйствуетъ на улучшеніе нравственнаго состоянія человека и является служительницей Религіи, помощницей Законовъ и общественнаго устройства. Тогда какъ Религія предписываетъ правила добра и представляетъ гибельныя слѣдствія зла въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ, Литература, руководствуясь ею, воскрешаетъ помощію фантазіи примѣры доблести, давно погасшіе въ памяти людей, и заранѣе предъ глазами читателей и зрителей, караетъ преступника, покоящагося въ нѣдрахъ земли до трубы Страшнаго Суда. Когда законы нѣмѣютъ предъ звуками злата, и страхъ предъ мощными связуетъ уста и руки правосудія, тогда Литература беретъ мечъ и вѣсы, и призываетъ преступника предъ свое судилище. Но какъ часто она дѣйствуетъ еще глубже и назидательнѣе, наказуя слабости, прощаемыя законами; осмѣивая глупости, столь часто наносящія болѣе зла обществу, нежели самые пороки. Она, подѣ влияніемъ Вѣры и правды, есть школа практической мудрости, пу-

теводительница въ гражданской жизни, непреложный ключъ къ сокровеннѣйшимъ пружинамъ души чело-вѣческой; она научаетъ избѣгать невѣждъ и обольстителей, предвидѣть непостоянную игру судьбы, и иногда, разрушеніемъ самыхъ обдуманыхъ плановъ, подтверждаетъ тайныя мечты о будущемъ, и даетъ подслушать торжественную минуту смерти. Она уничтожаетъ силу предрасудковъ, разливаетъ свѣтъ просвѣщенія на низшій классъ народа, внушаетъ спасительную терпимость Вѣръ, доставляетъ отдохновеніе утомленному отъ трудовъ, спасаетъ Ученаго отъ педантизма, и можетъ со временемъ произвести еще много благодѣтельныхъ улучшеній — дать направленіе общественному воспитанію, обуздать политическія партіи: однимъ словомъ научить человѣка быть человекомъ (*).

Въ послѣднемъ отношеніи, Исторія Литературы особенно важна для Бытописателя народовъ: она объясняетъ дѣйствія мысли и слова, какъ главнѣйшихъ двигателей рода чело-вѣческаго, влияетъ въ развитіе современнаго духа и народной жизни посредствомъ Искусства и Науки, слѣдитъ за ходомъ общественнаго образованія, и указуя особенности въ каждомъ народѣ, его психическій характеръ, способствуетъ къ опредѣленію идеи, выраженной и выполненной имъ во Всемирной Исторіи, и раскрываетъ внутреннюю связь между духовными усиліями чело-вѣчества въ стремленіи его къ высшему своему назначенію.

Пусть краткій историческій разборъ главнѣйшихъ героическихъ и религіозныхъ Эпопей древняго и по-

(*) Schillers prosaische Schriften. T. IV pg. 3. sqq. Leipz. 1802, 8°.

ваго міра укажетъ намъ, до какой степени возможно примѣненіе нашихъ требованій къ философскому изслѣдованію Исторіи.

Каждый народъ, подобно человѣку, въ частности, имѣетъ свои возрасты, свои степени развитія. Еще не достигши внутренняго самосознанія, предаваясь наслажденіямъ настоящимъ, не заботясь о будущемъ, онъ съ младенческимъ простодушіемъ изливаетъ порывы своей фантазіи, преимущественно въ Поэзіи Религіозной и Лирической. Чувствуя себя укрѣпленнымъ въ силахъ физическихъ и нравственныхъ, онъ начинаетъ дѣйствовать, вступаетъ въ многоразличные сношенія съ сосѣдственными племенами, домогается мѣста на сценѣ политической жизни, и свои подвиги, свои гордые требованія высказываетъ въ Поэзіи Эпической. Мужескій возрастъ ведетъ за собою новыя разнообразныя отношенія: машина общественнаго устройства становится многосложнѣе; притязанія на господство вспыхиваютъ сильнѣе и сталкиваются въ кровавыхъ бояхъ, и вотъ предъ нами развивается искусственная ткань Драмы со всѣми своими видоизмѣненіями, со всѣми хитросплетеніями—результатами дробной гражданской жизни. На старости, живя воспоминаніями протекшей славы, удрученный сознаніемъ настоящаго безсилія, народъ съ грустію передаетъ свои наставленія грядущему потомству и высказываетъ себя въ Поэзіи Дидактической.

Такимъ образомъ Драма, выраженіе высшаго развитія народной жизни, занимаетъ первое мѣсто въ Исторіи Литературы, какъ въ отношеніи эстетическомъ, такъ и въ отношеніи историческомъ. Но не менѣе назидательна основательная оцѣнка Эпопеи, какъ

одного изъ важнѣйшихъ умственныхъ созданій въ Литературѣ, какъ проявленіе первыхъ смѣлыхъ попытокъ состязаться на поприщѣ Всемирной Исторіи, какъ отголосокъ внутреннихъ ощущеній народа, еще полного надеждъ, еще проникнутаго твердою вѣрою въ могущество своихъ силъ, въ свое высокое назначеніе.

Начнемъ съ Востока. На берегахъ Инда и Гангеса, на Югъ отъ Тибетскихъ горъ, въ странѣ, которую Природа лелѣетъ съ любовію матери, являются древнѣйшіе отпрыски гражданственности. Еще во времена до-историческія, когда многіе народы Азій владели жизнь въ грубомъ невѣжествѣ, *Индія* имѣла уже свои храмы, своихъ жрецовъ, свои мистеріи; уже религіозныя секты дробились до безконечности, какъ лучи солнца; уже мудрые законы управляли милліонами людей, и разнообразныя глубокія познанія привлекали чужеземцевъ. Уже за 1200 (?) лѣтъ до Р. Х. Виса собралъ изъ древнихъ устныхъ преданій четыре Веды, сводъ всей религіозной системы Индійцевъ. Слѣдовательно, еще гораздо древнѣе этого періода, общественная жизнь уже была устроена между ими, еще гораздо прежде отвлеченныя понятія обращались въ народъ, и письменное искусство было извѣстно его представителямъ. Можно полагать съ достовѣрностію, что и Религіозная и Лирическая Поэзія существовали гораздо ранѣе собранія Ведъ, потому что тотъ же Виса является собирателемъ уже второй великой Эпопеи Индійцевъ, Махабараты,—доказательство, что народъ уже вступилъ въ юношескій возрастъ гражданской жизни.

Но обратимся къ своему предмету, къ разбору двухъ главныхъ Эпопей Индійцевъ — *Рамаяны* и *Махабараты*. Сочинителемъ первой признанъ *Вальмики*, изобрѣтатель Поэтического Искусства, жившій за 1200 (?) лѣтъ до Р. Х. Она описываетъ седьмое воплощеніе Вишну въ лицѣ Рамы, первороднаго сына Дасхараты, Царя Аіудійскаго, и излагаетъ его различныя странствованія въ сообществѣ съ возлюбленною Ситою и братомъ своимъ Лаксменою, его уединеніе въ лѣсу, великодушное отреченіе отъ Престола, подвиги противъ исполина Раваны, Царя Ланкского, побѣду, возведеніе на Престолъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Баратою, и начало Золотого Вѣка. Эта Поэма, заключающая въ себѣ 24,030 слогъ или двустипхій, послужила основаніемъ многимъ другимъ эническимъ стихотвореніямъ, между которыми всѣхъ замѣчательнѣе *Рагуванса*, соч. Калидасы (около 65 л. до Р. Х.), описывающая проклятіе, произнесенное надъ Царемъ Дасхаратою однимъ изъ кающихся пустынниковъ за неумышленное убіеніе его сына, и осуждавшее Царя на горестную, безотрадную старость. Вторая большая Эпопея: *Махабарата* (Великая война или Великій Царь Индіи), собранная, по преданію, *Віасою* (собратель) около 1200 лѣтъ до Р. Х., воспѣваетъ въ 2400 слогахъ междоусобную войну между двумя племенами Курусами и Пандусами, оспаривающими другъ у друга наслѣдіе Престола, и отличающимися, первые упорствомъ и крамолами, а послѣдніе — всевозможными достоинствами. Тая въ себѣ зародышъ къ богатой аллегоріи борьбы между пороками и добродѣтелями, и представляя удивительное разнообразіе картинъ и положеній, *Махабарата*, подобно *Рамаянѣ*, подала поводъ ко мно-

гимъ прекраснымъ эпизодамъ, содержащимъ въ себѣ до 100,000 слокъ. Между ими мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ. *Налусъ*, заключающая въ себѣ повѣсть о Налусѣ и вѣрпой его спутницѣ Дамаянтѣ, повѣсть, рассказанную мудрымъ Вригадаевою Царю Юдигитирѣ, осужденному на 12-лѣтнее уединеніе, приобрѣла наибольшую народность, и, по отзыву Шлегеля (*), превосходитъ всѣ извѣстныя стихотворенія патосомъ и эпосомъ, увлекательною силою страстей, возвышенностію и пѣжностію чувствованій. *Индралокаманамъ*, отличающаюся роскошью картинъ, описываетъ путешествіе одного изъ сыновей Папдусовыхъ на небо Индры (бога сферы небесной), его покаяніе, принятіе имъ оружія изъ рукъ хранителей міра и твердость противъ искушеній нимфы. Продолженіе этого эпизода содержитъ описаніе небесной обители Индры, гдѣ нѣтъ ни холода, ни жара, ни пыли, ни палящаго зноя, ни горя, ни бѣдствій, гдѣ вездѣ блаженное, вѣчное довольство. *Бавадгита* (божественное пѣснопѣніе) излагаетъ, по случаю предстоящей битвы между родственными племенами, философическій разговоръ между Арджуною, сыномъ Папдусовымъ, и Кришною, о неизмѣнности единого вѣчнаго Существа и о ничтожествѣ всѣхъ прочихъ явленій. Сверхъ этихъ эпизодовъ достойны вниманія: *Жалоба Брамина*, обреченнаго къ пожранію исполнномъ Бакюю, и освобожденнаго Билою; *рассказъ о двухъ братьяхъ*, лишенныхъ Престола и жизни за женщину, и *сказаніе о Потопѣ*.

Я считаю излишнимъ входить въ подробнѣйшее изложеніе этихъ Эпоей и критическую оцѣнку ихъ

(*) Ind. Bibl. I, pag. 98.

эстетическаго достоинства: кто равнодушенъ къ дѣлу Литературы, тотъ вѣрно прочиталъ ихъ по мѣрѣ предоставленныхъ ему средствъ, а кто прочиталъ, тотъ вѣрно сохранилъ въ душѣ своей воспоминаніе впечатлѣній, произведенныхъ роскошными цвѣтами Индійской Поэзіи. Вѣрный предположенной себѣ цѣли, я постараюсь только передать въ краткомъ очеркѣ главнѣйшія стихи жизни Индійцевъ, истекающія отъ внимательнаго изслѣдованія ихъ произведеній, и, посредствомъ ихъ, опредѣлять главный характеръ народа и идеи, выполненную имъ во всемірной Исторіи.

Во-первыхъ развиваются передъ нами въ удивительной полнотѣ, въ роскошной картинѣ всѣ религіозныя и философическія понятія Индійцевъ. Здѣсь раскрывается ихъ гадательное вѣрованіе въ тройственнаго Бога, Его участіе въ судьбахъ людей, и олицетвореніе невидимыхъ силъ Природы, въ видѣ подчиненныхъ божествъ и духовъ, и догматы многосложной религіозной системы; здѣсь предлагаются и обязанности, предписанныя Вѣрою, и уроки мудрости, и правила семейной и общественной жизни. Трудно пайти въ прочихъ народахъ произведенія, которыя были бы написаны по такому исполинскому плану, которыя заключали бы въ себѣ такое изобиліе матеріаловъ. Почти все ученіе четырехъ Ведъ объ откровенной мудрости; съ ихъ молитвами, нравственными наставленіями и священными обрядами, многія Теогоніи и Космогоніи, изложенныя въ Пуранѣ, повторяются и у многихъ другихъ народовъ съ изумительною точностію, въ чудной гармоніи съ основными богослужебными и догматическими книгами Индійцевъ. Рамаѣпа, описывая седьмое воплощеніе Вишну въ лицѣ

Рамы, и Махабарата, воспѣвая ученіе божественнаго Кришну, этого отраженія верховнаго Вишну, представляютъ въ сокращеніи все вѣроученіе Вишнуизма. Въ необъятномъ разнообразіи формъ и образовъ, фактовъ и описаній, мы находимъ идею божественнаго Провидѣнія, жертвующаго собою для правильнаго, необходимаго развитія всего творенія, принимающаго на себя различные образы человѣка, чудовища, героя и пастуха, чтобъ освободить адъшній міръ, это олицетвореніе Божества, эту преходящую форму цѣлаго, отъ вліянія зла, готоваго разразиться надъ нимъ. Здѣсь же, между ужасными катастрофами первобытныхъ временъ, въ кровавыхъ битвахъ исполиновъ, этихъ органовъ злаго начала, мы видимъ уже и корень другаго вѣроученія, Шиваизма, которое, боготворя бога-разрушителя, предоставляетъ свободу гибельнымъ порывамъ страсти, произвело варварскіе обряды, сладострастные празднества и непристойныя картины, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ глубокой древности чуднымъ образомъ слилось съ ученіемъ Вишну. Здѣсь же, въ уединенныхъ занятіяхъ Браминовъ, въ ихъ созерцательной жизни, мы открываемъ сѣмена поклоненія Брамѣ, этой творческой силѣ Браминовъ, этому Духу, оживляющему матерію, этому всеобщему я, Царю Природы, высшей волѣ, душѣ вселенной, отцу боговъ, Владыкѣ всѣхъ существъ, оракулу судьбы,—прославляемому Ведами и законами Мену еще во мракѣ временъ (1). Не стану входить въ разсматриваніе тѣхъ примѣненій и гипотезъ, къ которымъ подала поводъ

(1) Creuzer, Religions de l'antiquité. T. I, p. I, pg. 199—242, 611—625.

аналогія между вѣроученіями древнихъ Гиндусовъ и Египтянъ, между Олимпомъ Грековъ и вершинами горы Меру въ Рамаянѣ, амвровіей Юпитера и амритой Индійскихъ боговъ, Индрой и Зевесомъ, Кришной и Аполлономъ, Рамой и Діонисіемъ или Геркулесомъ. Не стану изслѣдывать отношеній между Философіей Индійцевъ и умозрѣніями Пинеагора, Сократа, Платона, и Пиррона, между баснословными воплощеніями Вишну и истиннымъ Откровеніемъ Христіанства. Не берусь опредѣлить причину сходства между жертвоприношеніями коней въ Индіи (въ началѣ Рамаяны) и Скандинавіи; между исполинами Рамаяны и Нибелунговъ; между Индійскими Писахами (1) и Вампирами Европы. Достаточно указать на всѣ эти предметы, чтобы постигнуть всю важность историческаго изученія Эпопей Индійскихъ, чтобы понять ихъ обширное вліяніе на гражданскую организацію, Философію и Поэзію древняго и новаго міра, чтобы убѣдиться, сколь много они могутъ содѣйствовать къ раскрытію идей, выраженныхъ человѣчествомъ.

Не меньшее достоинство Эпопеевъ Индійцевъ придаетъ во-вторыхъ рѣзкое изображеніе *героической жизни*. Общая характеристика схвачена вѣрно и удачно. То же явленіе исполиновъ, противоборствующихъ обществу порядку и благимъ намѣреніямъ воли боговъ, та же борьба добра и зла, то же неизмѣримое лѣтосчисленіе, какія мы находимъ въ стихотвореніяхъ другихъ народовъ, встрѣчаются и здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ юношеской фантазіи, и удивительнымъ образомъ согласуются съ бурною жизнію народовъ, крѣп-

(1) Рамаян. I, отд. 26, гл. 19.

кихъ душою и тѣломъ, съ неукротимостію нравовъ, еще неумягченныя продолжительною цивилизаціей и съ теоретическимъ воззрѣніемъ, какое мы себѣ составляемъ о первыхъ попыткахъ человѣчества къ осѣдлой гражданской жизни. Не лѣзя исторически опредѣлять существованіе лицъ, упоминаемыхъ въ Рамаяніи и Махабара-тѣ, лицъ, жившихъ вѣроятно въ отдаленномъ туманѣ временъ, и возросшихъ до исполинской высоты по обратному закону Оптоки; по крайней мѣрѣ насъ поражаетъ точность въ названіи нѣкоторыхъ мѣстъ, пережившихъ сокрушительную силу вѣковъ. Такъ Ланка есть нынѣшній Цейлонъ; такъ Алодія, столица Рамы, доселѣ видна въ развалинахъ подъ искаженнымъ именемъ Ауде, въ Сѣверной Индіи на правомъ берегу Гангеса, неподалеку отъ Фейзабада, и славится воинственностію своихъ жителей. Но замѣчательная черта въ Эпопеяхъ Индійцевъ, отличающая ихъ отъ подобныхъ стихотвореній другихъ народовъ, есть относительно-тѣсная рама ихъ героической жизни. Греки Гомера пересѣкали синія волны Архипелага, чтобъ искать приключеній и славы подъ стѣнами Трои; Эней Виргиліевъ блуждалъ по отдаленнымъ морямъ, прежде нежели основалъ колонию на берегахъ Тибра; Крестоносцы Тасса и спутники Васко де-Гамы, воспѣтые Камоэнсомъ, постигали чуждые народы и другія части Свѣта, покорствуя чувству Религіи и духу открытій. Но герои Рамаяны и Махабараты, хотя и проходятъ огромныя пространства, по все возвращаются въ сравнительно-тѣсныхъ предѣлахъ своего отечества. Индія казалась имъ цѣлымъ міромъ, и въ гордомъ сознаніи своего превосходства, или по врожденной имъ робости, они не хотѣли знать о сосѣдственныхъ народахъ, чужда-

лись сношеній съ иноплемениками. Съ видомъ покровительства или по неволѣ они дозволили чужестранцамъ входъ въ свои владѣнія для торговыхъ цѣлей; но сами не вывозили своихъ товаровъ, не признавали необходимости заимствовать постороннія открытія и изобрѣтенія на поприщѣ гражданственности; и этотъ характеръ отчужденности, замѣтный въ древнихъ Эпопеяхъ, постоянно высказываетъ себя и въ послѣдствіи, подъ владычествомъ Магометанъ, подъ игомъ Великаго Могола, подъ управленіемъ Англіи.

Въ-третьихъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя характеръ домашней жизни, переданный намъ обѣими Эпопеями, и состоящій преимущественно въ нѣгѣ и наклонности къ уединенной созерцательной жизни. Природа, Религія и Государственный составъ, кажется, согласились, чтобы произвести это направленіе, которое не часто повторяется во Всемірной Исторіи. Съ одной стороны полуденный климатъ, благодарность почвы, обиліе плодовъ, роскошь естественныхъ произведеній, въ особенности царства растительнаго, величіе рѣкъ, пересѣкающихъ равнины Индіи, палящій зной и мрачность лѣсовъ, погружали Индійца въ сладкую лѣнь, призывали его къ мирному отчужденію, и воспламеняли воображеніе. Съ другой стороны его Религія, вѣроятно обязанная той же Природѣ своимъ аскетическимъ направленіемъ, требовала самоотверженія, строгихъ подвиговъ и уединенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не воспрещала и чувственныхъ наслажденій. Такъ Рама, воплощенный Вишну, удаляясь въ священные дебри лѣсовъ, и раздѣляя свою жизнь между молитвой и благотвореніемъ, нигдѣ однакожь

произвольно не разлучается съ своею супругой Сптою. Такъ во всякомъ почти эпизодѣ Рамаяны и Махабараты любовь играетъ важнѣйшую роль, и можетъ быть самая отвлеченность Религін, недоступной простому народу и даже скрываемой отъ него, превосходя кругъ его понятій, отдавая его на жертву чувственности. Наконецъ Государственный составъ Индіи, истекшій изъ Религін, еще болѣе подтверждаетъ этотъ характеръ. Раздѣленіе жителей на четыре (главныя) касты, невозможность высвободиться изъ своего сословія и перейти на важнѣйшую гражданскую степенъ, раздѣленіе жатвы, какъ общаго достоянія, между разными чинами въ опредѣленной мѣрѣ, хотя и могли произвести нѣкоторое механическое совершенство; но не въ состояніи были возбудить народную дѣятельность, раждали праздность и безпечность.

И такъ вотъ главнѣйшіе элементы Индійской жизни, открывающіеся намъ при внимательномъ разсмотрѣніи древнихъ Эпопей. Прочія творенія ихъ Литературы являютъ намъ то же направленіе; только исполненны Рамаяны и Махабараты мало по малу исчезаютъ съ гибелью героическаго міра, съ опредѣлительностію дѣйствительной жизни; а любовь къ картинамъ Природы и склонность къ уединенной, относительной жизни выказываются ярче и сильнѣе въ позднѣйшихъ произведеніяхъ лирическихъ и драматическихъ. Какимъ же именемъ назовемъ мы психическій характеръ Индійцевъ, какъ опредѣлимъ идею, выполненную ими въ лопѣ человѣчества?

Фр. Шлегель (1), подводя способности души

(1) Phil. de l'histoire T. I. pag. 175 — 196.

нашей подъ четыре главныя категоріи: разумъ (raison), воображеніе, умъ (entendement) и волю, стараемся примѣнить къ нимъ четыре главные народа Древности. Правильная организація Китая, говоритъ онъ, выказываетъ перевѣсъ здраваго разсудка въ дѣлахъ Религій; Философія и Литература Индійцевъ основаны на преобладаніи воображенія; сціентифическое образованіе Египтянъ есть плодъ ума теоретическаго; стремленіе Евреевъ къ моральному совершенству истекло изъ внутренней силы воли. Сколь ни остроумнымъ можетъ казаться съ перваго взгляда такое распредѣленіе, но мы не можемъ вполне съ нимъ согласиться. На чемъ, во первыхъ, основано это дѣленіе нашихъ способностей? Мы въ душѣ человѣческой отличаемъ двѣ стороны, мыслящую и нравственную. Къ первой относимъ память, воображеніе и разумъ, и этому разуму придаемъ три степени — смыслъ, разсудокъ и умъ; а нравственную сторону выражаемъ волей, соединяя притомъ душу съ тѣломъ посредствомъ внутренняго чувства. Для чего же теперь въ дѣленіи Г. Шлегеля опущены смыслъ, память и внутреннее чувство? Или онъ считалъ ихъ ничтожными, или не находилъ для ихъ выраженія соотвѣствующихъ народовъ въ Древности? Погрѣшность, которая является необходимымъ слѣдствіемъ нашей страсти къ теоріямъ, нашихъ возрѣлѣій а priori, когда еще не собрана достаточная масса опытовъ и наблюденій! Далѣе, почему Шлегель Китайцамъ приписываетъ предпочтительно разумъ, Индійцамъ — воображеніе, Египтянамъ — умъ, а Евреямъ — волю? Практическое совершенство Китайской организаціи рѣшило, въ отношеніи разсудка, приговоръ его въ пользу Китайцевъ. Но не та же ли

почти организація видна и въ Индіи, и въ Египтѣ; не замѣчаемъ ли мы во всѣхъ этихъ народахъ почти одинаковое раздѣленіе на касты, одинаковое разложеніе богатствъ народныхъ, одинаковыя узаконенія въ въ подробностяхъ гражданской жизни? Воображеніе, дѣйствительно, преимущественно принадлежитъ Индійцамъ; но почему привилегія на умъ предоставлена Египтянамъ? Успѣхи въ Наукахъ почти въ равной степени замѣтны у Египтянъ, и у Индійцевъ, и у Арамейцевъ, и даже многое съ болышею вѣроятностію можно приписать Халдеямъ, которымъ вовсе нѣтъ мѣста въ распредѣленіи Шлегеля; да если жрецамъ Индіи и удалось превзойти въ нѣкоторыхъ отрасляхъ познаній своихъ собратій на берегахъ Тибра и Евфрата, то не уже ли это дастъ имъ исключительное право на названіе народа умнаго? Евреи, продолжаетъ Шлегель, отличаются силою воли, проявляющейсѣ въ ихъ стремленіи къ моральному совершенству. Но Евреи были путеводимы непосредственнымъ Промысломъ Всевышняго; Вожди и Пророки никогда не преставали руководствовать народъ своими увѣщаніями, наставленіями, угрозами и обѣтами лучезарной будущности; и не смотря на то, сколько отклоненій отъ истиннаго пути Вѣры и добродѣтели! Не выше ли, въ отношеніи воли, стоятъ даже Персы, которые безъ путеводной звѣзды Откровенія сохраняли довольно чистое духовное вѣрованіе и не измѣняли ему во все продолженіе долговременнаго политическаго существованія? Шлегель не скрываетъ этихъ обстоятельствъ, но помѣщаетъ ихъ въ тѣни, чтобъ не затемнить своей идеи, — неотразимое слѣдствіе сильной привязанности къ системѣ, заранѣе предпачертанной. — Наконецъ подѣ

какія категоріи мы, по методѣ Шлегеля, помѣстимъ прочіе народы Древности: Халдеевъ, Финикіянъ, Грековъ, Римлянъ и др.? какое мѣсто укажемъ новымъ поколѣніямъ, явившимся на горизонтѣ Исторіи? или въ природѣ ихъ пѣтъ такихъ способностей, которыя бы ихъ отличали отъ своихъ предшественниковъ; или орбита, пазначенная человѣчеству для достиженія совершенства, уже пройдена первобытными четырьмя народами, и только повторяется теперь съ различными видоизмѣненіями?

И такъ, не увлекаясь возрѣніемъ великаго мыслителя Германія, мы отстранимъ на время всякія теоріи въ опредѣленіи характера народовъ вообще, и Индійцевъ въ частности, въ опредѣленіи внутренней и внѣшней жизни ихъ, въ опредѣленіи идеи, ими выполненной для человѣчества. Пусть всякій народъ говоритъ самъ за себя. И если результаты жизни всѣхъ поколѣній будутъ собраны, гармонія составитса сама собою, и путь, которымъ человѣчество плетъ къ предназначенной ему цѣли моральнаго и умственнаго совершенства, обозначится вѣрно, безъ насильственныхъ системъ, безъ преждевременныхъ теорій. Такимъ образомъ, выводя правильное заключеніе изъ всего нами изложеннаго, мы убѣдимся, что *мечтательность* составляетъ отличительный характеръ внутренней жизни древнихъ Гиндусовъ, и что эта мечтательность, породивши фантастическія созданія въ Литературѣ, разлилась во внѣшней жизни, въ Исторіи — *отчужденностью*.

И таковъ долженствовалъ быть первый шагъ челоѣчества изъ колыбеля на поприще Всемірной Исторіи; по таково ли его назначеніе? Челоѣчество, еще робкое, въ лицѣ Индійца, искало уединенія, и весьма естественно; но не уже ли ему остановиться на томъ? не должно ли съ большею основательностію примѣнить къ нему великое изрѣченіе Творца: *не добро быти челоѣчку одному?* — Такъ! общежитіе есть тотъ краеугольный камень, на которомъ основалось великое зданіе его высокаго совершенства, и вотъ между всѣми народами древности, Греки всѣхъ опредѣлительнѣе выполняютъ это велѣніе Природы. Но не хочу предупреждать результатовъ; перейду лучше къ изслѣдованію великихъ Эпопей Эллады, и этимъ путемъ, мною избраннымъ, постараюсь развить вторую идею, заключающуюся въ Исторіи челоѣчества.

Мы видѣли въ краткомъ очеркѣ главныхъ религіозныхъ основаній, содержащихся въ Рамаянѣ и Махабаратѣ. Юный, любознательный умъ Индійца, боготворя тайныя силы Природы, облакалъ ихъ въ фантастическія формы, составлялъ образы, символы — аллегоріи и мифы, и наконецъ создалъ себѣ цѣлый міръ разумнѣй и отвлеченнѣй. И по чудному стеченію обстоятельствъ, мы находимъ почти всѣ тѣ же вѣрованія, тѣ же представленія, тѣ же познанія и у другихъ народовъ древняго міра — Китайцевъ, Персовъ, Арамейцевъ, Египтянъ и Финикійцъ. Отъ чего же это? Туземныя ли племена Индійцевъ, вытѣсненные своими соотечественниками, оставленные безъ руководителя или бравшія себѣ въ совѣтники путешественниковъ-животныхъ, вывели плоды приобрѣтенныхъ ими свѣдѣній и разсѣяли ихъ по обшир-

нымъ равнинамъ Азіи? или дерзновенные пришельцы, проникнувъ въ святилища храмовъ, исхитили ихъ тайнства? или умъ человѣческій, покорствуя однимъ и тѣмъ же законамъ, одному и тому же вдохновенію Природы, въ различныхъ полосахъ Земнаго Шара, составлялъ себѣ одинакія понятія объ Естествѣ, первоначальныхъ стихіяхъ, тайныхъ силахъ и явленіяхъ, и выражалъ ихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ? — Исторія молчитъ объ этомъ важномъ событіи; догадки различны и противорѣчивы. По моему мнѣнію, всѣ три пути дружно вели народы къ тождественному развитію идей человѣчества. И вотъ этими путями мы неожиданно, въ глубокой древности, въ Ликіи, Фригіи, Самоѳракіи, между ущеліями Кавказа, встрѣчаемъ также слѣды устроенной организаціи, многосложной Миеологіи и дѣятельной практической жизни. Но и въ этомъ убѣжищѣ золотое руно образованія не утѣлось отъ остальныхъ народовъ. Около 1500 лѣтъ до Р. Х. Сѣверъ Греціи, Фракіи, Фессаліи и Віотіи отозвались на всеобщій призывъ человѣчества; они повторили торжественные гимны Природѣ, воспѣваемые Азіей и Африкой; они раскрыли святилища души своей для поклоненія всеобщей Силѣ, правящей Вселенною, и направленіе своихъ внутреннихъ чувствованій, созерцаній и вѣрованій вручили Бардамъ, Поэтамъ-прорицателямъ.

Но періодъ дѣтскаго простодушнаго вѣрованія, любящаго таинственное, періодъ Орфическій миновалъ скоро. Врата храма, въ которомъ воспитался Грекъ, отверзались, и онъ, съ юношескимъ порывомъ, съ вооруженною рукою вышелъ оттуда, чтобъ проложить себѣ путь къ земной Исторіи. Враждующія племена

нуждались не въ совѣтахъ жреца, но въ сильной рукѣ воина; природная любознательность и дальшія путешествія искали опытности практической, а не отвлеченностей таинственнаго богослуженія; даже и сношенія между единоплеменниками требовали недремлющаго вниманія. Здѣсь начало героической жизни Грековъ; здѣсь начало Эпопей. Между тѣмъ какъ циклическіе Поэты и Рapsоды воспѣвали гимны для торжественныхъ обрядовъ, описывали дѣянія героевъ Древности, чудеса отдаленныхъ странъ, походъ Аргонавтовъ, и обнимали всѣ событія неба и земли, начиная отъ Урана до Улисса,—надъ всѣми съ небесною силою возвысился Гомеръ или Омиръ, старикъ-младенецъ, слѣпецъ-очевидецъ великихъ событій современнаго міра, безродный скиталецъ, котораго рожденіе приписывали себѣ семь городовъ Древности,—загадочный гѣвецъ, которому отказывали въ пристанищѣ, и съ восторгомъ рукоплескали въ цѣлой Греціи,—чудный миѣъ, котораго существованіе оспориваютъ Критики и котораго ставятъ образцемъ всѣхъ Писателей, всѣхъ вѣковъ. Не стану входить въ изслѣдованіе о сомнительной жизни Поэта: предъ нами его *Иліада* и *Одиссея*; не стану разбирать его эстетическихъ достоинствъ и поэтическихъ красотъ, не стану говорить объ *ἀριστεία* и *κόσμος*, о взаимномъ равновѣсіи частей и цѣлаго, о глубокомъ познаніи человѣческой природы, о ясности ума художническаго, силѣ и легкости языка, удивительной плавности гекзаметра: что я тутъ скажу новаго? — Пусть указаніе нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ, заключающихся въ *Иліадѣ* и *Одиссееѣ*, займетъ наше вниманіе.

Въ древней Греціи, какъ въ фокусѣ, слились всѣ лучи различныхъ, противоположныхъ и сходныхъ Религій древняго міра. Пеласги, неразгадавшее народонаселеніе, предшествовавшее Эллинамъ, держались древняго вѣрованія, выведеннаго изъ Самоэракіи. Другія преданія указуютъ на Скиѣю, какъ на разсадникъ нѣкоторыхъ изобрѣтеній и свѣдѣній, доставшихся Грекамъ. Богатые мифы о Прометѣѣ возводятъ насъ къ горамъ Кавказскимъ; но большая часть историческихъ розысканій доказываютъ, что Египетъ, Финикія, Персія и преимущественно Индія имѣли величайшее вліяніе на начало Религій и Мифологій Греческой. Первобытный характеръ ихъ состоялъ изъ символовъ и аллегорій. Съ душою, открытою всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшняго и внутренняго міра, Греки боготворили свѣтила, вѣтры, металлы, явленія неба и перевороты земли; включали въ кругъ своихъ вѣрованій божества и полубожества прочихъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ олицетворяли и обожали отлеченные предметы. Но съ водвореніемъ Эллиновъ этотъ характеръ мало по малу измѣнился. Тогда какъ въ мрачныхъ дебряхъ Индіи, подъ тѣнію акацій-набековъ, баобабовъ, ровесниковъ міра, основалась умозрительная Религія, облеченная въ фантастическіе образы, Эллины подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ, среди привѣтливой Флоры, следили таинственное покрывало съ глубокаго смысла мифовъ, (мифовъ открытаго уже въ позднѣйшія времена), и олицетворяли ихъ въ прекраснѣйшемъ образѣ человѣка. Тогда какъ Индійцы, отчужденные отъ прочаго міра, охотно подчинялись подъ иго жрецовъ своихъ, племена Греческія, благопріятствуемыя Природою, близостію разстояній, мно-

жествомъ и удобствомъ своихъ гаваней, искали взаимныхъ сношеній, то дружескихъ, то враждебныхъ, и исхитивъ скиптръ власти у жрецовъ Сикіонъ и Аргоса, вручили его Царямъ и воинамъ. И это время всеобщаго отраженія, этотъ переходъ отъ періода религіознаго къ героическому, этотъ антропоморфизмъ боговъ изображаются вдохновенною кистію Гомера. Но это еще не все: мы видимъ, что съ одной стороны могущественный геній Греціи уже одержалъ верхъ надъ мудростію Востока, и пародіи пѣвцы, ишедшіе изъ нѣдръ народа, противостояли жрецамъ, знакомые съ ихъ таинствами, но враждебные имъ по духу и обстоятельствамъ внѣшней жизни (1); что съ другой стороны однакожь эти таинства скрывались еще въ мистеріяхъ храмовъ, до тѣхъ поръ, пока съ потерей политической независимости и преобладаніемъ учености они снова были отысканы и введены во всеобщее употребленіе. Далѣе мы открываемъ разныя подробности о Религіи Грековъ, о безсмертіи боговъ, поддерживаемомъ амврозіей, амритой Индійской, объ ихъ величій (2), быстротѣ (3), красотѣ (4), и лучезарности (5), о сладостной ихъ жизни, пирахъ и совѣтахъ. Мы узнаемъ о таинственномъ богослуженіи Вакха (6) и глубокомъ мнѣіи, заключающемся въ стихахъ объ Эрехееі, воспитанникѣ Минервы и сынѣ земли (7). Мы получаемъ современ-

(1) Это доказывается неуваженіемъ къ жрецамъ Калхасу въ Илиадѣ, и Лодаву въ Одиссѣи (III, 107).

(2) Ил. XXI, 405. — (3) Ил. IV, 75. Од. V, 51.

(4) Ил. III, 396. Од. XVI, 158. — (5) Ил. IV, 75. — (6) Ил. VI, 732—130.

(7) Ил. II, 546, псх. I, 396.

ныя познанія о теченіи свѣтилъ, о Гіадахъ и Плеадахъ, объ Оріонѣ, Сиріусѣ, Арктурѣ и Большой Медвѣдицѣ (1); начальныя понятія объ Астрономіи, о мѣстопребываніи, качествахъ и участи почившихъ душъ (2). Однимъ словомъ, Гомеръ — богатый, величественный потокъ древнихъ мнѳовъ и вѣрованій, разливающійся надъ всѣми вѣками и народами Запада, напоющій и оплодотворяющій ихъ.

Относительно изображенія героической жизни, Эпопеи Гомеровы представляютъ гораздо обширѣйшее поле, нежели Эпопеи Индійцевъ. Тогда какъ тѣ вращаются въ опредѣленномъ кругу своего отечества, эти смѣло переходятъ за тѣсныя рамы Поэмъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, и переносятъ вась въ далекія страны, знакомятъ съ чуждыми обычаями. Тогда какъ тѣ постоянно занимаются однимъ народомъ, эти описываютъ стеченіе различныхъ племенъ и Царей Греческихъ для одной общей цѣли, ихъ соединенныя усилія для поддержанія народнои славы и удовлетворенія оскорбленному самолюбію одного пзъ вождей ихъ. Тогда какъ Индійскія Эпопеи излагаютъ полную біографію воплощеннаго бога, или междоусобную войну между родственными поколѣніями; здѣсь воспѣвается только одинъ эпизодъ изъ жизни Улисса и одинъ только глѣвъ славнаго героя, который способствовалъ и препятствовалъ успѣху народнаго предпріятія; и между тѣмъ этотъ эпизодъ со всѣми своими подробностями, этотъ глѣвъ, облагороженный и умягченный, со всѣми подчиненными страстями, можетъ наполнить собою цѣ-

(1) Ил. VIII, 496; V, 8; XXI, 28.

(2) Ch. Creuzer *Religions de l'antiquité*. Т. II, pg. 253—288.

лое столѣтіе историческихъ событій. Я говорю: гнѣвъ облагороженный и смягченный, потому что чувство общечеловѣчности и человѣколюбія проявляется у Гомера даже въ самыхъ рѣзкихъ кровопролитныхъ сценахъ героевъ; чудовищные образы Востока замѣнены прекрасными формами, и среди чувствованій патріотизма и народности, человекъ никогда не теряется у него изъ виду. Чтобъ обезсмертить Ахиллеса, Поэтъ не жертвуетъ ему Гекторомъ; напротивъ онъ украшаетъ его всѣми добродѣтелями, возвышаетъ интересъ къ нему изображеніемъ трогательной семейной группы старца-отца, супруги и сына; онъ оплакиваетъ въ немъ смерть человека, и на могилѣ его платитъ ему слезою состраданія. Такимъ образомъ онъ старается знакомить народы съ влеченіями Природы, расположить сердца ихъ къ гражданскимъ и домашнимъ добродѣтелямъ, умножить дружбу примѣромъ Ахиллеса и Патрокла, согрѣть души отцовъ повѣствованіемъ о добротѣ Пріамовой, упрочить супружескую пѣжность по образцу Гектора и Андромахи (1).

Какъ Поэтъ-Историкъ, онъ раскрываетъ многіе древніе факты, или вовсе умалчиваемые позднѣйшими Историками, или объясняемые ими неудовлетворительно. Таковы указанія: на Авантовъ, поколѣніе Арабскаго происхожденія, судя по развѣвающимся власамъ ихъ (2); на жительство трехъ племенъ: Ахейя, Критя и Кидоня на островѣ Критѣ, и Пеласговъ въ сосѣдствѣ Килпкійцевъ Троадскихъ (3), на сродство

(1) См. *Rio Histoire de l'esprit humain dans l'antiquité. Paris, 1829. T. I, pg. 171—176.*

(2) *Ил. II, 842.* — (3) *Од. XIX, 178. Ил. II, 840.*

двухъ Пеласгическихъ племенъ: Пеонійцевъ Стримона съ Пеонійцами Аксія, пришедшими на помощь къ Троянцамъ (1); на вражду между Куритами и Этолянами въ Калидонѣ (2); на раннее существованіе Іонянъ еще до Троянскаго похода подъ именемъ Іаоновъ (3), на союзъ Карійцевъ и Критянъ (4), на бѣгство Центавровъ къ Энкамъ (5) и пребываніе Менелая въ Финикіи (6). Таковы разныя географическія свѣдѣнія: о городѣ Перкотѣ, около Абидоса, основанномъ Пеласгами (7), о Греѣ въ Віотіи (8), о плодородіи Лариссы (9), о 7 городахъ въ окрестности Пилоса, принадлежавшихъ Агамемнону (10), о древней Фтіотидѣ (11), о городѣ Зелія, находившемся во власти Троянцевъ (12), о малоизвѣстности Дельфъ во время Гомера (13), о Миконѣ, одномъ изъ острововъ Цикладскихъ (14) и т. п. Что я говорю? Не видимъ ли мы въ Эпопеяхъ Гомера полную картину общественнаго и семейнаго устройства: образованіе Элліпскихъ областей изъ союзовъ племенъ (15), рожденіе рабства (16), законы гостепріимства (17), права владѣтелей (18) и Князей (19), опредѣленіе предѣловъ власти посредствомъ старцевъ и благородныхъ (20), учрежденіе и неприкосновенность

(1) Ил. II, 832.

(2) Ил. IX, 525.—(3) Ил. XIII, 683.—(4) Ил. IX, 664.—(5) Ил. II, 743.

(6) Од. IV, 81.—(7) Ил. II, 832.—(8) Ил. II, 498.—(9) Ил. II, 841.

(10) Ил. IX, 149.—(11) Ил. II, 681.—(12) Ил. II, 824; XXI, 87.

(13) Ил. II, 519.

(14) Од. IV, 499. См. Raoul-Rochette, Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. Tomes I—IV. Paris, 1815. in-8°.

(15) Ил. II, 302, 303.—(16) Од. I, 308, 430; XV, 482. Ил. IX, 149.

(17) Од. IV, 28.—(18) Ил. XXIV, 398.—(19) Од. VI, 34. Ил. XX, 216.

(20) Ил. III, 146. Од. VII, 98.

посольствъ (1), представленіе Князьямъ подарковъ (2), значительнѣйшей части добычи и драгоценностей (3), брачное отношеніе (4), обязанности отцевъ (5) и дѣтей (6), исполненіе правосудія (7) и современное состояніе Воспитаннаго Искусства (8).

Наконецъ какъ Поэтъ-правовисатель, Гомеръ яркими красками живописуетъ черты домашней жизни, начинавшейся у Грековъ и сѣдственныхныхъ племенъ. Семейственныя картины въ чертогахъ Пріама и Пенелопы, характеръ взаимныхъ бесѣдъ и пиршествъ, доказываютъ уже значительные успѣхи на пути къ гражданственности, знакомятъ съ условіями общежитія и учтивости, и заключаютъ въ себѣ сѣмена той общественной жизни, которая развилась и усовершенствовалась въ Аѣинахъ, и съ такою силою во времена Перикла и Алкивиада приковала гражданъ къ площади и кафедрѣ народной. Какъ человѣкъ, воспитанный съ младенчества въ кругу сверстниковъ разныхъ сословій, характеровъ и привычекъ, уже рано подчиняется правиламъ общежитія, научается умѣрять свои требованія, и примѣняться къ чуждымъ наклонностямъ, для собственной пользы, такъ и Греки, между которыми Іоняне отличались своей легкостію и игривостію, Доряне суровою важностію, Эоляне пламенными порывами, Аѣиняне аттицизмомъ, уже въ раннія времена, не

(1) Ил. I, 334; VII, 274; XI, 344.

(2) Ил. I, 161; II, 237. — (3) Ил. XVIII, 290; XXIV, 381.

(4) Ил. XXI, 460. Од. III, 381, 481. — (5) Ил. IX, 394.

(6) Ил. IV, 478. — (7) Од. XIX, 109. Ил. XVI, 387.

(8) Во многихъ мѣстахъ. См. Wachsmuth's Hellenische Alterthumskunde. Th. I. Abth. 1, 2, II. Abth. 1, Halle, 1826, 1829. in-8°.

смотря на кровавыя вспышки, научились соединять свои силы, когда призывало ихъ отечество и общественное благо.

И такъ *общественность* — вотъ господствующій характеръ Грековъ. Она, удаливъ изъ религіозной ихъ Поэзіи исполнинскіе, чудовищные образы и таинственный смыслъ Восточныхъ міеовъ, низвела боговъ съ недоступной высоты на землю, чтобъ содѣлать ихъ участниками своихъ собственныхъ желаній, своихъ житейскихъ выгодъ, и учредила религіозныя игры и празднества; она въ Литературѣ и Искусствахъ разлила этотъ вѣрный вкусъ, это чувство изящнаго, эту грацію и гармонию между частями и цѣлыми, которые преобладаютъ не только въ Эпосахъ Гомера, но и въ Лирикѣ Анакреона и Пиндара, въ Драмахъ Эсхила и Софокла, въ рѣчахъ Исократа и Демосѣена; она въ Государственныхъ учрежденіяхъ произвела различныя видоизмѣненія Демократіи и Олигархіи, Амфиктіоновъ Судъ, Ахайскій и Этолійскій союзы, и она наконецъ въ исторической жизни выразилась *общественностію* (association).

Такъ! общественность — вотъ идея, выполненная Греками въ Исторіи человѣчества. Фр. Шлегель, опредѣляя характеръ Грековъ, называетъ Искусство ихъ божественнымъ, Науку натуральною, Государственное устройство рациональнымъ. Предѣлы и цѣль этого Разсужденія не позволяютъ мнѣ входить въ разсмотрѣніе и опроверженіе этой характеристики, которая, вѣроятно, основана на трехъ великихъ категоріяхъ: Богъ, Природа и человѣкъ. Но что же такое другіе народы древняго міра: Китайцы, Персы, Арамеи, Египтяне, Финикіяне, Малоазійцы? Не уже ли, скажутъ

мнѣ, жизнь ихъ не обозначалась ни одной характеристической чертою? не уже ли бытіе ихъ прошло по міру, какъ глухой звукъ въ безвоздушномъ, сжатомъ пространствѣ, безъ отголоска, не понятное современникамъ, бесполезное потомству? *Suam cuique*; одному дано много, другому множайше! Конечно, существованіе этихъ народовъ необходимо во всеобщемъ ходѣ чловѣчества, потому что въ Природѣ и Исторіи нѣтъ ничего излишняго; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Природѣ и Исторіи нѣтъ также и скачковъ. Принимая въ соображеніе, что они по большей части заимствовали свои понятія изъ рудниковъ Индійскихъ, и больше или меньше развивали ихъ, я считаю ихъ пиями, связующими два разбросанные конца древняго міра, необходимыми переходами отъ Востока на Западъ, отъ неподвижности къ подвижности, и приготовленіями ко второму акту въ великой Драмѣ Всемірной Исторіи.

И между тѣмъ предъ нами поднимается занавѣсъ третьяго акта..... Вѣщій Гомеръ! ты списалъ намъ гибель соперницы Греціи; но ты не предвидѣлъ, что изъ развалинъ Трои выйдетъ змѣя и чрезъ восемь столѣтій смертельно ужалятъ твою Грецію. Бѣглому Энею суждено быть родоначальникомъ двухъ близнецовъ Лвицума. Не смѣйся, Амулій! надъ дерзостію твоихъ впуковъ: они сыны Градива, они вскормлены волчицею. Не пренебрегайте, народы, бѣдною колоніею, огражденною узкимъ рвомъ: кто началъ братоубійствомъ, тотъ кончитъ только порабоженіемъ Вселенной. И вотъ народы Италіи, одинъ за другимъ, преклоняютъ выю подъ иго *Римлянъ*, и Бреннъ обращается

въ бѣгство, и Пирръ возвращается въ свое отечество, раздраженный неудачею, довольный своимъ спасеніемъ. И вотъ уже Римскій серпъ жнеть золотыя класы Сициліи, и Карагенскій флагъ преклоняется предъ Римскимъ знаменемъ, и горы Лузитаніи оглашаются побѣдными кликами Римскихъ легионовъ. Гдѣ предѣлы твоему могуществу боготворимый, вѣчный Римъ? Персей приковавъ къ твоей побѣдной колесницѣ, Антиохъ усмиренъ; Коринѣвъ взятъ, и Митридатъ гибнетъ въ объятіяхъ вѣроломнаго друга. Но между тѣмъ внутренніе раздоры тревожатъ твое спокойствіе: Гракхи, Силла, Марій и Циппа попеременно проливаютъ кровь граждавъ, на стогнахъ и въ циркахъ Римскихъ. Первый триумвиратъ продолжаетъ начатое; второй довершаетъ. Цесарь переходитъ чрезъ Рубиконъ Римской свободы, и Августъ сооружаетъ желѣзный тропь на обломкахъ изнеможенной Республики; міръ съ трепетомъ покоряется могуществу единого, и съ радостію благословляетъ плоды Самодержавія. Но чѣмъ же ты выкупилъ потоки крови, которыми паводилъ вселенную? чѣмъ заслужилъ власть, предначертанную тебѣ въ скрижаляхъ вѣчнаго Закона?.... Посмотримъ.

На Сѣверъ отъ Рима, загадочная Этрурія, съ своими 12 областями и 12 колоціями на берегахъ рѣки По и въ Кампаніи, искони славилась значительною степенью образованности, таинственнымъ богослуженіемъ, заимствованнымъ вѣроятно отъ Пеласговъ и ранними догматами, перешедшими изъ Индіи, Персіи, Египта и Самоеракіи. Въ средней Италіи Умбрійцы сходствовали съ Этрурцами въ нравахъ, языкѣ, письмѣ, познаніяхъ и Религіи; Геркулесъ, по преда-

нію народному, смягчилъ жестокіе обычаи Сабинянъ; Латины еще въ туманѣ временъ выказываютъ смѣсь вѣрованій Этрурскихъ, Пеласгическихъ и Эллинскихъ, съ раннимъ политическимъ устройствомъ, наклономъ къ земледѣлію, утонченіемъ правовъ, практическими познаніями и чувствомъ народности. Наконецъ, на Югѣ Великая Греція, которая по видимому готовилась затмить успѣхъ своей матери, представляетъ многосложное политическое тѣло, съ отвлеченными воззрѣніями на Природу и дивнымъ примѣненіемъ ихъ къ гражданской организаціи. Что же слѣлалъ Римляне? Поглощая, одинъ за другимъ, сосѣдственные народы Италіи, старались ли они усвоить себѣ ихъ разнообразныя познанія, ихъ отвлеченныя вѣрованія; старались ли очистить ихъ въ горнилѣ здраваго пропидательнаго сужденія, и возвысить до идеальнаго совершенства, сколько возможно уму, непросвѣщенному свѣтомъ Откровенія? Съ одной стороны, дѣйствительно Римляне довольно долгое время съ силою мышцъ соединяли въ себѣ силу духа, имъ врожденнаго; довольно долгое время, храня въ душѣ своей простоту, важность и религіозность, завѣщанные имъ Латинами, они противостояли заманчивымъ картинамъ Іонической Эпопей, и, украшаясь патріархальною преданностію къ земледѣльческимъ занятіямъ, не подкупными, хотя и грубыми, гражданскими добродѣтелями, избѣгали роскоши и разврата, воцарившихся въ Эладѣ. Но съ другой стороны, первый шагъ ихъ въ Грецію былъ и первымъ шагомъ къ нравственному упадку: непреоборимое владычество Греческой Миеологии, образованной Эпическими Поэтами, разлилось и по Италіи: чувственное, человѣческое величіе бли-

статеднаго Олимпа одержало верхъ надъ древними, важными вѣрованіями и глубокимъ религіознымъ чувствомъ Римлянъ; элементъ поэтическій вытѣснилъ элементъ мистическій. И тогда-то на почвѣ Римской впервые являются слабые зародыши Литературы. Не лзя опредѣлительно сказать, возвысились ли бы Римляне когда-либо до самобытной Литературы, судя по тѣмъ грубымъ напѣвамъ (1), которые окружали колыбель ихъ существованія; или чуждые самобытнаго умственнаго развитія, они непремѣнно нуждались въ высшихъ образцахъ предшественниковъ, чтобъ вписать и свое имя въ Исторіи ума человѣческаго? Какъ бы то ни было; но первобытные начатки Поэзіи погибли безъ плодовъ, безъ послѣдствій; даже и отечественныя представленія (*comoediae togatae*) не сохранились въ потомствѣ. Все, что пережило разрушительную силу вѣковъ, носить на себѣ типъ чужеземный, проникнуто духомъ подражанія. И вотъ почему вмѣсто того естественнаго хода Поэзіи, который мы показали выше, и который повторяется всѣми народами, предоставленнымъ собственному развитію, Римская Поэзія образуется совершенно неправильнымъ путемъ. Вмѣсто того, чтобъ первыя силы духа попытаться въ Лирической Поэзіи, чтобъ перейти потомъ на поприще Героической Эпопеи и наконецъ развиться въ Драмѣ, Римляне безъ всякой постепенности перемѣшали всѣ роды Поэзіи, подражали всѣмъ Писателямъ, безъ разбора ихъ характера, направленія и времени жизни, и представили копіи, которыя, удивляя своею вѣрностію, отличаются отъ своихъ образцовъ

(1) *Fabulae Atellanae, exodia, axamenta.*

развѣ только меньшею яркостію колорита, большею важностію стиля. И вотъ почему Эпопея, произведеніе юношеской фантазіи народовъ, у Римлянъ является въ возрастъ мужескій, въ цвѣтушій вѣкъ Августовъ. Не буду говорить о риемованныхъ лѣтописяхъ Эниія, грубыхъ по языку и погибшихъ въ быстромъ потокѣ времени. Наше вниманіе въ особенности должна занять Эпопея *Виргилія*.

Сравпвая *Энеиду Виргилія* съ Поэмами Гомера, мы видимъ, что первая почти нложена по плану Одиссеи. Дѣйствіе начинается съ середины; предшествующие обстоятельства помѣщены въ разсказѣ; картины, подобія, аллегоріи и эпизоды перешли въ текстъ подражателя, украшенные новою граціею и новою свѣжестію, но лишенные нѣскольکو жесткаго характера Гомера. У эпического Цѣвца Эллады болѣе крѣпости, у Виргилія болѣе соразмѣрности; у того воображеніе смѣлѣе, живѣе, порывистѣе, у этого вкусъ чище и образованнѣе. Ф. Г. Энггофъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ показалъ всѣ мѣста, заимствованные нашимъ Поэтомъ у образца своего; Гейне и другіе Критики возстановили вѣрность текста и опредѣлили литературное достоинство его произведенія. Но что прибавилъ Виргилій къ дивной картинѣ міеологическаго міра, нарисованной его предшественникомъ, и какіо новые факты развилъ онъ въ лѣтописяхъ первобытныхъ вѣрованій, этомъ живомъ свидѣлѣ постепеннаго хода мышленія человѣчества? Раскрылъ ли онъ элементы героической жизни, на которыхъ въ послѣдствіи основалось могучее зданіе политическаго устройства Римлянъ? Опредѣлилъ ли онъ характеръ семейнаго быта родоначальниковъ Рима, тотъ характеръ,

который въ первые вѣка Республики выразился въ прекрасныхъ чертахъ самоотверженія, справедливости, воздержанія и любви къ отечеству, и въ послѣдствіи унизился до постыдной роскоши, кровожадности и н скотской ненасытности? Вотъ вопросы, которые представляются при историческомъ воззрѣніи на Эпопею Марона, и которые по большей части рѣшаются отрицательно.

Мы видѣли уже, что Римляне ознакомились съ просвѣщенными народами Малой Азіи и Греціи, переняли отъ нихъ все свое чувственное вѣроученіе, утративъ первоначальное таинственное вѣрованіе Этрусковъ. Но не послѣдовало ли это заимствование уже въ то время, когда Римляне, какъ мужи, а не какъ юноши, вступили на сцену политическаго міра? Не слѣдовало ли по-сему Виргилію, если онъ взялся быть Пѣвцомъ старины, изобразить первобытныя вѣрованія тогдашнихъ народовъ Италіи, перенести своихъ читателей въ святилища туземныхъ мистерій, подобно творцамъ Рамаины и Махабараты, и не увлекаться позднѣйшими роскошными представленіями Эллиновъ? Напротивъ того, мы находимъ у Виргилія одинъ почти повторенія тѣхъ божествъ, которыя уже воспѣты Гомеромъ, и кругъ нашихъ попятій о Религіяхъ древняго міра не дополняется, не расширяется Энеидою. Правда, кое-гдѣ мы встрѣчаемъ намеки на божества Италійскія, какъ-то на Януса (1), на Тибръ (2), и др.; но это неполныя отрывки изъ огромной, таинственной книги, переданные въ чуждой одеждѣ, при-

(1) Кн. VII, 610—623.

(2) Кн. VIII, 31 и слѣд.

порвоенные къ чуждымъ понятіямъ. То же должно сказать и объ изображеніи героической жизни. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица и второстепенныхъ героев описаны въ чертахъ столь общихъ, что ихъ можно примѣнить къ любому народу, къ любому вѣку. Перемѣните названія, и родоначальникъ Рима, и Царь Латинъ, и повелитель Рутуловъ, и Эвандръ Аркадскій, и тиранъ Мезенцій пигдѣ не выкажутъ своей національности. Тогда какъ исполины Индіи рѣзко отличаются отъ всѣхъ фантастическихъ созданій другихъ народовъ, даже Титановъ Греціи; тогда какъ герои Гомера носятъ отпечатокъ, имъ однимъ свойственный, хотя нѣсколько жесткій: Эней съ своими спутниками и непріятелями говорятъ языкомъ образованныхъ обществъ, и въ самомъ проявленіи страстей удерживаютъ порывы, столь естественные въ юношескомъ возрастѣ народовъ: только Дидона и Амата составляютъ исключеніе изъ этого правила. Еще менѣе поясненій даетъ намъ Виргилій о семейномъ бытѣ древнихъ Латинцевъ, ни одной черты внутренней жизни, ни одного намека о ихъ характерѣ и домашнихъ занятіяхъ.

Такимъ образомъ историческое значеніе Эпопеи Виргиліевой представляется намъ въ довольно тускломъ свѣтѣ. Она является прекрасною копіею съ прекрасѣйшаго оригинала; она соединяетъ въ себѣ множество достоинствъ, какъ произведеніе искусственное; но никогда не можетъ сравниться съ величественнымъ потокомъ Эпопеи Греческой, излившимся изъ богатаго, чистаго, еще дѣйствительнаго источника народной жизни. Она — умелъшительное зеркало, выглаженное и вычищенное; а та — величественное море, въ которомъ

отражаются и горятъ свѣтила героическаго міра, въ природной, дивной красѣ своей.

Но вотъ еще нѣкоторые обстоятельства, которыя не должны ускользнуть отъ вниманія Историка, желающаго изъ характера Эпопеи раскрыть психическій характеръ народа. Греки, какъ мы выше показали, любили сводить боговъ на землю и заставляли ихъ принимать участіе въ житейскихъ дѣлахъ своихъ; Римляне, принявъ тотъ же обычай въ религіозныхъ обрядахъ и стихотвореніяхъ, часто однакожь смертныхъ возводили на степень божествъ и преимущественно предоставляли эту почесть Царямъ, распространившимъ предѣлы владѣній или упрочившимъ внутреннюю безопасность (какъ-то Ромулу, Нумъ Помпилию, Цесарю, Августу и друг.). Общежительность Грековъ желала увеличить кругъ своихъ наслажденій въ сообществѣ съ богами; по надменный Римлянинъ, считавшій самъ себя богомъ на землѣ, хотѣлъ занять мѣсто и въ совѣтѣ боговъ небесныхъ, и по гордому сознанію своего могущества, смѣло припималъ божескія почести отъ подобныхъ себѣ. Вотъ почему и Виргилій, исчисляя главнѣйшихъ потомковъ Энея въ Тартарѣ (1) изъ угожденія духу народному, придаетъ названіе боговъ Ромулу, Цесарю и Августу. И этотъ эпизодъ, одинъ изъ лучшихъ въ цѣлой Энеидѣ, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на единственную черту въ характерѣ Римлянъ. Далѣе, Иліада воспѣваетъ стеченіе вождей Греческихъ подъ стѣпами Трои и общія ихъ усилія въ дѣлѣ народной славы; Энеида описываетъ водвореніе въ Италіи Энея, родоначальника Рима. Неза-

(1) Въ Кн. VI.

мѣтно ли въ самомъ выборѣ предмета, различіе того духа, которымъ обладали оба Пѣвца классической Древности? Тамъ—общественность, здѣсь національная гордость, которая и основаніе Римскаго Государства и владычество его надъ міромъ считала непосредственнымъ дѣломъ боговъ. Тамъ ограниченіе настоящимъ; здѣсь далекое прозрѣніе въ будущее и раскрытіе высокихъ судебъ Римской Имперіи. Наконецъ вспомнимъ горестныя изліянія чувствъ Ахиллеса надъ окровавленнымъ трупомъ Патрокла, и сравнимъ состояніе Энея при разстаніи его съ Дидою, обрекающею на преждевременную кончину. Какой пламень, какая горячая дружба съ одной стороны и какая холодность съ другой! Не видимъ ли мы въ одномъ этомъ обстоятельстве разительную противоположность между характеромъ двухъ главнѣйшихъ націй древняго міра. Душа Грека, съ его общежительными добродѣтелями, была открыта всѣмъ впечатлѣніямъ дружбы, всѣмъ внушеніямъ любви; Римлянинъ, напротивъ того, подавляя порывы страсти, соразмѣрлялъ каждый шагъ съ царскою предусмотрительностію и побуждалъ влеченія сердца и человечества, чтобъ совершать подвиги, къ которымъ казалось призывало его высшее назначеніе.

Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость поэтическимъ достоинствамъ Виргилія, мы не можемъ отказать ему и въ нѣкоторой степени исторической значительности, въ нѣкоторомъ правѣ на нашу благодарность, которую онъ заслужилъ раскрытіемъ главнаго элемента народнаго характера, и этотъ элементъ, судя по тремъ историческимъ намекамъ, состоитъ въ особенной силѣ духа, которая во всѣхъ важнѣйшихъ

литературныхъ произведеніяхъ Римлянъ выказалась энергіей, стоицизмомъ и строгою соразмѣрностію; которая въ Законодательствѣ произвела практическое совершенство, изумляющее и руководствующае даже позднихъ потомковъ, и которая, побѣждая всѣ враждебныя отношенія виѣшней жизни, повела за собою — *владычество надъ древнимъ міромъ*.

Почти все то же, болѣе или менѣе можно примѣнить и къ другимъ Эпическимъ Поэтамъ Римскимъ: Овидію, описавшему всю Мифологию древнихъ, начиная отъ хаоса до Августа, Лукану, оплакавшему утрату Римской независимости въ Поэмѣ *Pharsalia*, Силлію Италику, изложившему въ стихахъ Вторую Пуническую войну, Стацию, Автору двухъ напыщенныхъ Поэмъ: *Эвгиды* и *Ахиллены*; Валерію Флакку, воспѣвшему походъ Аргонавтовъ; Клавдіану, воскресившему въ памяти современниковъ похищеніе Прозерпины. Почти то же должно сказать и о Греческихъ Эпическихъ Поэтахъ: Аполлоніи Родійскомъ, пѣвцѣ похода Аргонавтовъ; Квинтѣ Смирискѣмъ, старавшемся дополнить Гомера; Ноніѣ Панополискѣмъ, избравшемъ себя предметомъ похода Вакха въ Индію; Трифіодорѣ Ликопольскѣмъ, сочинившемъ малую Поэму о взятіи Трона, и др. Всѣ они безъ исключенія подвержены тѣмъ же недостаткамъ, какіе замѣтны въ *Виргиліи*, не соединяя въ себѣ однакожь его достоинствъ, его звучнаго стиха, его изящнаго выраженія. Отчужденные отъ героическаго міра, они недостатокъ живой созерцательности сляли въ замѣнить результатами глубокой учености и впадали въ напыщенность и пафосъ, или же избирая предметы историческіе, становились сухи, когда строго придерживались вѣрности

событій, или искажали истину, когда украшали ее вымыслами Поэзии. Вотъ почему Геронческія Эпопеи, написанныя уже по минованіи геронческаго вѣка, и Поэмы Историческія, кажутся мнѣ произведеніями не естественными, неудачными, невыполняющими своего назначенія. Я думаю и убѣжденъ, что при самобытномъ, независимомъ развитіи, младенческое состояніе народовъ можетъ быть изображено только въ поэтической Религіи или религіозной Поэзіи; что юношескій возрастъ выражается исключительно Геронческою Эпопеею, и что въ мужескій періодъ — которому предоставлены прочія отрасли Литературы: Исторія, Драма, Краснорѣчіе, Философія, и за тѣмъ рядъ остальныхъ познаній теоретическихъ и практическихъ — первые два рода Поэзіи обрабатываются всегда слабо и безуспѣшно.

Лишь изрѣдка, сквозь туманъ напыщенности, сквозь завѣсу подражательности, проглядываютъ ясныя лучи истины, освѣщающіе изгибы народности, тайныя пружины, приводящія въ движеніе огромныя машины политическихъ тѣлъ. Я не войду въ спеціальное разсмотрѣніе каждой изъ Поэмъ, мною исчисленныхъ: такой трудъ выходитъ изъ границъ, какія я предположилъ себѣ. Но спрошу, согласуется ли характеръ исторической жизни Римлянъ, который я обозначилъ владычествомъ, съ теоретическимъ возрѣніемъ на постепенный ходъ человѣчества? Дѣйствительно, если робкое человѣчество, какъ я сказалъ выше, въ лицѣ Индійца, предавалось отчужденности; если потомъ, оглядѣвшись въ Природѣ, ознакомившись мало по малу между собою, оно искало общественности въ лицѣ Эллиновъ; не естественно ли, что, окрѣпнувъ силами,

оно стало домогаться владычества, въ лицѣ Римлянъ. Кареегеняне, Македоняне и прочія Царства, возникшія на развалинахъ Александровой Монархіи, суть предвѣстники этой идеи, суть приготовленія къ третьему акту Всемирной Исторіи, точно такъ, какъ Персы, Египтяне, Финикіяне суть приготовленія ко второму. Пустыня, Аѳинская площадь и Капитолій — вотъ три великія ступени въ лѣтвицѣ древняго міра. Чтожь такое *Евреи*? какую мысль выражаютъ они во Всемирной Исторіи, не подходя ни подъ одну изъ показанныхъ нами категорій? Евреи — это внутреннее сознаніе, это совѣсть, которая, притаивъ въ хранилищѣ души человечества, долго наблюдала оттуда за событіями міра, и тогда, когда этотъ міръ достигъ повидимому высшаго развитія силъ и не умѣя владѣть собою, готовъ былъ низринуться въ бездну, самымъ имъ изрытую, — вдругъ воспрянула изъ мнимой дремоты, и устами Спасителя сказала ему: *смирись и будешь спасенъ!*

И міръ смирился; но не вдругъ. Народы, утратившіе изъ виду путеводную звѣзду Откровенія, вступили на высшую степень самобытнаго развитія, и не могли идти далѣе. Силы ихъ оставили. Политическое могущество Рима, не находя себѣ противодѣйствія извнѣ, начало терзать само себя; умъ блуждалъ между противорѣчащихъ системъ, между невѣрія, суевѣрія и изувѣрства; народная нравственность гибла безъ надежнаго руководителя. Тогда ужасъ овладѣлъ сердцами, и предъ человечествомъ разверзлась пропасть, которой дна не лзя измѣрить,

открывались бѣдствія, которыхъ не лзя исчислить. Необходимо было событіе чрезвычайное, посредничество безпредѣльной Благости, чтобъ отвратить предстоящую гибель, и звѣзда спасенія возсіяла на Востокѣ и озарила гибнущій міръ. Провидѣніе, предоставивъ человечество его произволу, хотѣло дать великій урокъ міру, до какой степени совершенства онъ можетъ достигнуть собственными усиліями и чѣмъ эти усилія должны кончиться; и тогда когда онъ уже былъ на краю гибели, оно послѣшило къ нему на помощь, на спасеніе; оно послало къ нему—Христіанство. Какую же препону противопоставило Христіанство невольному быстрому напору человечества къ конечному паденію? *Нашествіе Варваровъ*. Пусть ограниченный умъ, въ этихъ опустошительныхъ набѣгахъ, въ этихъ кровопролитныхъ бояхъ, видитъ обратное стремленіе человечества къ первобытной дикости; высшее возрѣніе научаеъ насъ противному. Оскудѣвшая почва Римской Имперіи долженствовала быть удобрепа костями и кровію, чтобъ произрастить свѣжее древо Христіанства; ветхое зданіе долженствовало быть разрушено, чтобъ на обломкахъ его соорудился дивный храмъ истинной Религіи. И вотъ изъ лѣсовъ Сѣверной Европы, изъ степей Средней Азіи, нахлынули Варвары, крѣпкіе тѣломъ, младенцы по духу. И этимъ-то младенцамъ Провидѣніе открыло великія истины Христіанства, которыя утаило отъ премудрыхъ и разумныхъ; въ ихъ сердца посѣяло оно прекрасныя сѣмена, которыя должны были дать обильную жатву въ будущія столѣтія; чрезъ нихъ предпріяло оно святое дѣло возрожденія міра. Такимъ образомъ возобновленное человечество начало новое бытіе, снова пошло по всѣмъ возрастамъ жи-

ни. Правда (1), что одна и та же эпоха не можетъ рождаться два раза; что ходъ ума человѣческаго не останавливается; что онъ не повторитъ одного и того же по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ; я совершенно увѣренъ, что идея, разъ выполненная какимъ либо народомъ въ Исторіи человѣчества, не гибнетъ, не требуетъ и не терпитъ повторенія, прививается и завѣщается въ петлѣнное наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ: такъ мечтательность Индійцевъ передала младенчеству Грекамъ всѣ свои мистеріи и познанія, плодъ возмужалаго созерцапія; такъ и Римляне вступили на поприще жизни уже съ общежительностію, приготовленною для нихъ Греками. Но тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ намъ согласиться, что Средніе вѣка представляютъ совершенное возрожденіе человѣчества, и являютъ опять послѣдовательные возрасты жизни: младенчество, юность и мужество, или иначе вѣкъ религіозный, рыцарскій и политическій. Различіе состоитъ только въ томъ, что тамъ, въ Древности, будучи предоставлено своей собственной Природѣ, человѣчество развивалось самобытно, безъ руководителя, по возможности, сообразно врожденнымъ способностямъ; а здѣсь, послѣ паденія Западной Римской Имперіи, оно, не отстраняя вліянія и собственной природы, шло по тѣмъ же возрастамъ уже ближайшими путями, подъ руководствомъ Откровенія и еще классической Древности. Такимъ образомъ новыя народы, храня въ душѣ своей врожденный, самостоятельный духъ, имѣютъ то преимущество предъ древними, что, избѣгнувъ пагубной одно-

(1) Villemain, Cours de Littérature française. Littérature du moyen Age. Paris, 1830. 8°. Tome 1, page 368.

сторонней мечтательности Индійцевъ съ ихъ отчужденностію, они вступили на поприще Всемирной Исторіи съ идеями, переданными имъ отъ Грековъ и Римлянъ, съ общественностію и могуществомъ; и эти идеи оплодотворили, облагородили посредствомъ Христіанства. И такъ три главные элемента господствуютъ въ существованіи новыхъ народовъ: *самобытный характеръ*, являющійся въ каждомъ изъ нихъ съ особыми отличіями и оттѣнками, зависящими отъ климата и мѣста рожденія; *Христіанство*, болѣе или менѣе приближающееся къ Православію первобытной Церкви, въ большей или меньшей зависимости отъ Духовной власти; и *Древность*, обнаруживающая больше или меньше вліянія на ходъ образованія. И эти элементы, сопроникаясь между собою, рѣзко выражаются въ литературныхъ произведеніяхъ народовъ, и руководствуютъ ихъ на поприщѣ политической жизни.

Разсмотримъ главнѣйшія Эпопеи новыхъ народовъ, образовавшихся послѣ паденія Западной Римской Имперіи, и попытаемся изъ опредѣленія характера и историческаго значенія этихъ Эпопей, опредѣлить и характеръ и историческое значеніе самыхъ народовъ на горизонтѣ Европы и въ развитіи человѣчества.

Первый взглядъ нашъ естественно падаетъ на *Италію*. Въсплывше древнихъ Этрусскихъ преданій, открывшая потомъ гостепріимное лоно свѣтлымъ Божествамъ Греціи, она теперь должна была испытать новый переворотъ и сдѣлаться средоточіемъ и столицею Христіанства. Отразившая съ такимъ успѣхомъ Бренна, прогнавшая Кимвровъ и Тевтоковъ при начинающихся междоусобіяхъ, она теперь должна была претерпѣть

всѣ бѣдствія мноплеменныхъ нашествій, когда пови-
димому всего болѣе распространила свое политическое
владычество. Такова воля Провидѣнія. Но, храня въ
душѣ своей воспоминанія прежняго величія, сродни-
вшись съ изящными образами Греческой Мифологіи,
усвоивши себѣ плоды долговременной образованности,
она не могла и не хотѣла потерять все, что составляло
достохвальное достояніе ея отъ прежнихъ вѣковъ, и
умѣла привить своимъ побѣдителямъ много собствен-
ныхъ наклонностей и воззрѣній, слиться съ ними и
явить новую цивилизацію, не уступающую прежней въ
исторической важности. Среди столкновеній противо-
положныхъ стихій, среди борьбы Ломбардскихъ го-
родовъ между собою и съ Германцами, подъ возра-
стающимъ могуществомъ Царской власти, послѣ пре-
обладанія Богословской Литературы, являются нако-
нецъ плоды самобытнаго Италіанскаго духа, соеди-
няющаго пластическое направленіе съ идеальностію
Христіанскаго міра. Покорствуя общему закону При-
роды, первые отпрыски новой Литературы являются
въ родѣ лирическомъ, состоящемъ въ ближайшей ана-
логіи съ Поэзіей Провансальской, и введенномъ Тру-
бадурами; и послѣ этихъ приуготовительныхъ трудовъ,
съ колоссальною силою надъ всѣми Пѣвцами Италіи
возвышается Флорентинецъ *Данте-Алигieri* (въ XIII
ст.). Гвельфъ по происхожденію, Гибелинъ по мщенію,
пламенный Пѣвецъ земной любви, онъ, испытавъ всю
глубину вражды и ненависти, терзающихъ человѣче-
ство, всю тщету мірскихъ наслажденій, вперилъ умъ
свой въ изученіе Древности, посвятилъ сердце свое
прославленію Небесной благодати, и это тройственное
направленіе — мірское, классическое и Христіанское,

высказываетъ намъ въ своей *Божественной Комедіи*, Божественной по названію, предмету и достоинству, Божественной въ трехъ своихъ отдѣленіяхъ: адѣ, чистилищѣ и раѣ.

Ни одно изъ послѣдовавшихъ произведеній Среднихъ и Новыхъ временъ не являютъ намъ въ такой поразительной, общей картинѣ весь бытъ и характеръ тогдашняго періода. Мы говорили, что съ паденіемъ Западной Римской Исторіи, возрожденный міръ возоповилъ тѣ же возрасты жизни, какъ и міръ древній, мы упомянули, что вѣкъ героическій, юпошескій, слѣдующій за вѣкомъ религіознымъ, выражая себя въ Эпопее, заключаетъ въ себѣ признаки прошедшаго младенчества и будущей возмужалости; мы старались доказать, что характеръ новыхъ временъ состоитъ въ тройственномъ проявленіи самобытнаго характера, древности и Христіанства; и всѣ эти мысли совершенно подтверждаются Божественною Комедіею. Здѣсь слѣды предшествующаго классическаго образованія; здѣсь весь міръ Христіанскій съ повѣрьями Запада; здѣсь весь современный бытъ, раскрывающій и политическіе вопросы, и природу, и нравственное состояніе вѣка.

Страшнымъ покажется съ перваго взгляда, какимъ образомъ при томъ планѣ, который предположилъ себѣ Цѣвецъ Тосканскій, могли войти предметы изъ древняго міра. Но видно таково было вліяніе могущественнаго Рима, что и сквозь таинственную завѣсу Христіанства, сквозь враждебные ряды сѣверныхъ страстей, онъ проникъ въ души новорожденныхъ поколѣній и положилъ на нихъ отпечатокъ неизгладимый, вѣчный. Только этимъ можно объяснить предпочтительную любовь къ Древнимъ, которая господству-

еть въ каждомъ почти произведеніи новыхъ временъ и которая такъ рѣзко отразилась и въ нашемъ Данте. Виргилій въ особенности пользуется уваженіемъ Поэтовъ: онъ встрѣчается и въ варварскихъ хроникахъ Среднихъ вѣковъ, онъ является и волшебникомъ и пророкомъ Мессіи, онъ же, великій образецъ Данте, выводятъ его изъ обширной пустыни въ обителн ада, и руководствуетъ по мрачному жилищу тѣпей. Но это не одно лице языческой Древности, выставляемое въ Божественной Комедіи: тутъ, въ преддверіи ада, вы встрѣчаете и державнаго Гомера, и обильнаго Овидія, и возвышеннаго Лукана, тутъ въ устахъ Луцифера на равнѣ съ Іудею Искаріотскимъ вы видите безмолвное страданіе Брута и Кассія, неумѣстныхъ защитниковъ Римской Республики; тутъ въ преддверіи чистилища вы находите Катона, достойнаго стража этого мѣста испытанія. На равнѣ съ великими мужами Древности, которымъ Поэтъ такъ охотно посвящаетъ прекрасные цвѣты нѣжнаго воспоминанія, вы замѣчаете и слѣды схоластицизма, которые еще рѣже выражаются въ его сочиненіяхъ.

Но все это обито кроткимъ духомъ Христіанства, которое внушило Поэту и великую мысль къ его созданію и опредѣлило вѣщную раму его Поэмѣ. Отъ начала до самаго конца все одушевлено идеею Религіи, которая оплодотворяетъ его фантазію и составляютъ краски изображенію частныхъ явленій. И чистые Ангелы и Святые орудія творческаго Промысла на землѣ, все обрисовано благоговѣйною кистію Поэта, и обрисовано живо и характерически. Не лзя утверждать, чтобы вездѣ господствовала высокая, отвлеченная мораль, завѣщанная намъ Откровеніемъ, но

не лзя этого и требовать въ тогдашнее время. Поэтъ, дитя своего времени, органъ своего народа, мыслитъ какъ мыслила цѣлая масса, и только этимъ путемъ вознесся на степень Поэта національнаго. Вотъ почему, раздѣляя понятіе Римскокатолическаго міра, онъ съ такою подробностію описываетъ состояніе чистилища; вотъ почему, увлеченный чувственнымъ направленіемъ вѣка, онъ и самыя добродѣтели и проявленія Божіей благодати олицетворяетъ въ видѣ женщинъ: Беатрисы, Люціи и др. Наконецъ и Богословская ученость его времени наложила печать свою на созданіе Поэта и выманила у него явленіе Франциска и Доминика, и описаніе разстройства Церкви и его причинъ. Но надъ всѣми этими частными чертами всѣхъ сильнѣе преобладаетъ обильное воображеніе Данте, излившееся въ роскошныхъ аллегоріяхъ. Таковы четыре ручья въ аду, отвѣчающіе постепенному потоку человѣческихъ побужденій—безгорестной жизни, слезамъ, ненависти и страсти; такова гора покаянія въ чистилищѣ; таковы четыре путеводныя звѣзды добродѣтелей — благоразуміе, умѣренность, справедливость и постоянство; таковы три ступени, ведущія сквозь врата исправленія къ порогу ученія Христова: сожалѣніе о грѣхахъ, сознаніе и вѣдшее покаяніе; таковъ наконецъ постепенный переходъ его отъ планеты къ планетѣ—символъ нравственнаго возвышенія къ высшему познанію любви и блаженству.

Съ тѣмъ же дивнымъ творчествомъ Данте живописуетъ и современное состояніе вѣка. Папы и Императоры, Кардиналы и Князья, Рыцари и Ученые, города и народы, все входитъ въ исполнскій планъ его созданія. Здѣсь онъ даетъ просторъ и своей

любви и ненависти и оплакиваетъ междоусобныя войны, раздражающія Италію; здѣсь, разрѣшая великую задачу Среднихъ вѣковъ, онъ высказываетъ мысли свои о Духовенствѣ и Имперіи, изливаетъ мечты свои о добродѣтельномъ представителѣ Церкви и могучемъ Самодержцѣ, и обнаруживаетъ желаніе гибели врагамъ и единство власти въ лицѣ одного Повелителя; здѣсь наконецъ, воскрешая въ памяти злочастную судьбу Уголина и другихъ политическихъ страдальцевъ своего времени, онъ любитъ отдохнуть на пестрыхъ свѣжихъ красотахъ Природы и трогательныхъ картинахъ семейной жизни.

Вотъ главные черты, заключающіяся въ Божественной Комедіи, этой дивной Энциклопедіи Среднихъ вѣковъ. Какимъ же именемъ мы опредѣлимъ характеръ этого созданія? Черты древности не должны насъ останавливать: они наслѣдіе предшествовавшихъ столѣтій, привитое, но не врожденное духу тогдашняго времени. Политическіе намеки, вырвавшіеся изъ души Поэта, также не могутъ составить сущности Комедіи, будучи произведены временемъ. Религія преимущественно привлекаетъ наше вниманіе, и вотъ почему *религіозность* является мнѣ господствующимъ характеромъ Данте, и притомъ *религіозность, облеченная въ роскошныя чувственныя формы*.

Но подтверждается ли этотъ характеръ другими Эпопеями, которыми такъ богаты Италіяны въ блистательный вѣкъ своей Литературы? Это мы рассмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

Адъюнктъ-Профессоръ Казанскаго Университета

К. Фойгтъ.

ОБЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ РУССОВЪ,
ВТОРГНУВШИХСЯ ВЪ 844 ГОДУ ВЪ ИСПАНІЮ И ОПУ-
СТОШАВШИХЪ СЕВІЛЛУ, И О СВЯЗЯХЪ ИХЪ
СЪ РОССІЕЮ.

Въ высшей степени любопытно сообщенное Г. Френомъ изъ Арабскаго Писателя Ахмедъ-аль-Катеба извѣстіе (*), что называемые у Арабскихъ Историковъ Магами (*Маджусъ*) или язычниками племена, кои въ 844-мъ году завоевана и опустошена была Севилла, собственно были Руссы, потому что Ахмедъ-аль-Катебъ упоминаетъ о Норманахъ слѣдующимъ образомъ: «Невѣрные, именуемые Руссами», и т. д.

Этимъ важнымъ открытіемъ проявляется то, что Руссы дѣйствительно суть Норманы, принявшіе еще до 862 года названіе Руссовъ. Оно подтверждаетъ достоверность нашего Нестора касательно приглашенія Варяго-Руссовъ въ Россію; показываетъ необходимость въ послѣдствіи представлять себѣ Руссовъ, встрѣчае-

(*) Это извѣстіе сообщено было и читателямъ Журн. Мин. Нар. Просв., въ статьѣ Г. Савельева «Новый доводъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Руссовъ», Т. XVIII, № 6, Іюль.

мыхъ въ Россіи, какъ народъ, являющійся даже въ другихъ земляхъ завоевателемъ, и приводитъ въ связь съ Россіею то племя Норманское, которое именно тогда предпринимало повсюду эти походы.

Подробно изыскивая, какія земли Скандинавскаго Королевства носятъ частное названіе Норманіи, мы найдемъ, что это собственно Ютландія и Южный берегъ противоположной Норвегіи.

Сперва являются Норманы въ 780-мъ году въ Лѣтописяхъ Лобіенскихъ, какъ Нордлейды (Сѣверные люди), возлѣ Фризовъ и Винидовъ. По письменному свидѣтельству Карла Великаго 780 года (*Böhmger Reg. Carol. M., I. 12*) многіе изъ сихъ Сѣверныхъ людей и Барденгауевъ приняли крещеніе. Также находимъ мы некрещенныхъ Нормановъ подъ именемъ Нордстрановъ въ одномъ походѣ въ Средиземномъ морѣ, опустошавшими Галлію Нарбонскую. Они почитались Евреями, Африканцами или Британскими купцами; однакожь Карлъ Великій узналъ въ нихъ Нормановъ-враговъ, и уже предвидѣлъ несчастья, кои пѣкогда должна была Франція претерпѣть отъ нападеній сего дикаго племени (*Monach. Sangallens. Gesta Caroli II, 14*).

Названіе Норманіи относительно странъ, Норманами обитаемыхъ, встрѣчается уже прежде въ 777-мъ году, когда *Vidichindus ad Sigfridum, regem Danorum, partibus Nortmanniae confugium fecit* (1). *Einhardi Ann. Laur. ad a. 777*. Отсюда явствуетъ, что Норманія собственно была часть Датскаго Королевства, и имен-

(1) «Видихиндъ искалъ убѣжища у Зигфрида, Короля Датскаго въ странахъ Норманіи».

но та, которая граничила съ землею Виттехинда, называемаго *Alborum et Saxonorum rex* (1) (*Chron. Andegar. ad a. 784*). Это *regnum Normannorum* (2), прилежащее на Югѣ къ рѣкѣ Эйдеру, занимало и во времена Готфрида или Готтрика часть Оботритской земли; однако *Gotfried Normannorum rex* (3) (*Chron. Moiss. ad a. 808*), называвшійся также *Dannorum rex* (4) (*Einhardi Annalis ad a. 808*), приказалъ *limitem regni sui, qui Saxoniam respicit, vallo munire eo modo, ut ab orientali maris sinu, quem illi Osterfalt dicunt, usque ad occidentalem oceanum totam Aegidorae fluminis aquilonalem ripam munimentum valli praetexeret, una tantum porta demissa, per quam carra et equites emitti et recipi potuissent* (5) (*Einhardi Annales 808*). Здѣсь такъ подробно описана Южная граница Норманіи, что ни мало невозможно сомнѣваться въ томъ, какъ далеко простиралась эта страна.

Завоеванія, которыя Готтрикъ, по сказанію Эгингарда, *adeo inflatus, ut sibi totam Germaniae potestatem promitteret* (6), въ особенности съ 810 года предпринималъ, или желалъ предпринять, увеличи-

(1) «Королевъ Альбовъ и Саксонцевъ».

(2) «Королевство Норманское».

(3) «Готфридъ, Король Норманскій».

(4) «Королевъ Датскій».

(5) «Укрѣпить валомъ предѣлы своего Королевства, простирающіеся до Саксоніи, такъ чтобы весь Сѣверный берегъ рѣки Эйдоры отъ Восточнаго морскаго залива, называемаго имъ Остерфалтомъ, до Западнаго Океана покрывался оградой, оставляя одно только отверстіе, чрезъ которое возможно было выпускать и принимать толпы и всадниковъ».

(6) «До такой степени надменный, что обѣщалъ себѣ владѣть всєю Германією».

ли, безъ сомнѣнія, господство его и величіе, по не объемъ собственнаго Королевства Норманскаго: ибо сіи племена сдѣлались только данниками или раздѣлены были между особенными Князьями изъ рода Готтрикова.

На Сѣверѣ Норманія не простиралась далѣ Южной границы Норвегій: ибо въ Лѣтописи Эгипгарда, подъ 815 годомъ, мы читаемъ о послѣдникахъ Готтрика слѣдующее: *eo tempore domi non erant, sed ad Westfoldam cum exercitus profecti, quae regio ultima eorum regni contra aquilonem Britanniae summitatem respicit, cujus princeps ac populus iis subiici recusabant. Quibus perdomitis cum revertissent, et fratrem, ab imperatore missum (Amigium) recepissent, filii Godofredi regis et ex primoribus Danorum haud pauci, qui jam dudum, relicta patria apud Sueones exsulabant, comparatis undecunque copiis, bellum iis intulerunt, et confluentibus ad se passim ex omni Danorum terra, popularium turmis, commisso cum iis proelio etiam regno non multo labore eos repulerunt (1).*

Изъясненіе сего извѣстія не можетъ безъ дальнѣйшаго историческаго развитія быть здѣсь наложено.

(1) «Тогда изъ не было въ отечественной землѣ; они отправлялись съ войскомъ въ Вестфольдъ, страну, составляющую предѣлъ ихъ Царства и лежащую къ Сѣверу отъ Британіи, коей Владѣтель и народъ не хотѣли поддаться подъ ихъ начальство. По ихъ покореніи возвратясь въ отечество, они приняли брата Императора (т. е. Амиги), посланнаго имъ, а сыновья Годфридовы и многіе изъ числа первыхъ Датчанъ, кои уже давно оставивъ свою родину, жили какъ изгнанники въ Швеціи, собравъ, откуда могли, войска, напали на нихъ, и, будучи поддерживаемы народными отрядами, пѣтъ всей Давніи къ нимъ стекавшимся, дали сраженіе и безъ большаго затрудненія изгнали ихъ даже изъ Государства».

По тутъ важенъ вопросъ о границѣ Норманіи. Изъ вышеприведеннаго ясно видѣть можно, что ни собственно Сѣверная Норвегія, ни сосѣдственная Швеція, ни собственная Данія, не причислялись тогда (въ 813 году) къ Норманіи. Совершенно сходно говорить также о томъ *Regionis chron. ad a. 813*. Вотъ почему учрежденъ Людовикомъ Благочестивымъ *pagmannicus limes* (1). *Einhardi Ann. ad a. 817*. Онъ называется также *marcha Northmannorum* (2).

Къ этому Норманскому Княжескому роду принадлежали также Геріольдъ и братъ его Рорикъ, кон въ 826 году (вѣроятно оба, а первый несомнѣнно), приняли крещеніе въ Ингелгеймѣ и получили Рустрингенъ, равно какъ и ленъ по ту сторону Эльбы. По словамъ Тегана, отдана имъ была «*magna pars Fresonum, ut in eum comitatum se cum suis, si necessitas exigeret, recipere potuissent*» (3). *Eginhard. ad a. 826. Vita Ilud. apud Pertz. II. S. 629. Nigillus IV. a. 287, etc. Ad. Brem. II, 15*. Какимъ образомъ Рюрикъ входитъ въ связь съ этимъ Княжескимъ Домомъ, подвергнувшимся раздорамъ частию отъ принятія Христіанской Вѣры, а частию за наслѣдство, и опять отдѣляясь отъ него стремится къ особннымъ своимъ дѣламъ, это я уже объяснялъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Генварь 1836 года, стр. 43.

За этими битвами воинственныхъ Норманновъ, частию между собою, , частию со всѣми прибрежными

(1) «Предѣлъ Норманскій».

(2) «Межа Норманская».

(3) «Великая часть Фризозъ, чтобы они, въ случаѣ необходимости, вышли съ своими, могли вступить въ это сообщество».

народами Европы, можно слѣдить въ лѣтописяхъ Франкскихъ съ году на годъ. Всѣ Писатели тогдашняго времени занимались изображеніемъ этихъ происшествій. Въ продолженіе раздоровъ Лудовика Благочестиваго и его сыновей, они имѣли самый удобный случай ежегодно обогащать себя сокровищами, накопленными въ церквахъ и монастыряхъ Франціи, похищеніемъ людей, коихъ они въ послѣдствіи продавали какъ рабовъ,—случай зажигать и опустошать города, лежащіе при рѣкахъ сколько-нибудь судоходныхъ.

Тѣмъ болѣе странно было мнѣ, что я при пересмотрѣ всѣхъ Франкскихъ лѣтописей никакого не нашелъ извѣстія ни о ихъ грабежахъ подъ 844 годомъ, ни о томъ, что Лудовикъ Германскій, безъ участія въ ссорахъ, которое они обыкновенно принимали, былъ въ состояніи покорить Оботритовъ, умертвить Царя Гостомысла и соединить съ Германією часть Славянскихъ земель, съ нею сопредѣльныхъ. Этимъ спокойствіемъ Германія и Франція обязаны были Испанскому походу Норманно-Руссовъ, кои, по повѣствованію Арабскихъ Писателей, такъ же опустошали Севиллу, какъ за годъ передъ тѣмъ городъ Нантъ (*Chron. Moiss. ad ann. 843. Chron. Normannorum ad ann. 845. Chron. Nantense ad ann. 845*); въ 845 году Парижъ, Фрисландію, Гамбургъ, Бордо (*Ann. Bert. h. a. Metenses h. a. Sith. h. a. Vita Anscarii. Fertz. II. S. 700. Chron. Normannor. h. a. Gesta Normann. in Fr. h. a. Annales Fuldi. II. h. a. Annales Xantenses h. a.*). Въ послѣдствіи вторично беспокоили они въ 846, 847, 849, 850 годахъ Германію, Францію, Англію, Фрисландію; даже въ 852 году сперва Швецію, потомъ

предѣлы нынѣшней Россіи (in finibus Slavorum) (1). Рюрикъ играетъ во многихъ изъ этихъ походовъ главную роль. Онъ находится въ числѣ Нормановъ, бывшихъ въ 845 году во Франціи, гдѣ, при появленіи въ войскѣ болѣзни, 14 дней постится какъ Христіанинъ (Annales Xantenses. Pertz II. S. 223). Онъ предводительствуетъ Норманнами при завоеваніи Фрисландіи въ 750 году, острова Батавовъ, города Дурестата и т. д., и принуждаетъ Лотаря II пожаловать ему Дорестатъ et alios comitatus (2) въ ленное владѣніе. (Fragment. Chron. Fontanellensis ad a. 850. Annales Bertini ad h. a. Ruod. Annal. Fuldi ad h. a.).

Въ годахъ 851 и 852 невозможно доказать участія, которое принималъ Рюрикъ въ походахъ Норманскихъ къ берегамъ Сѣвернаго моря и Рейна, въ Англію, Руанъ, Бордо, въ Швецію и Россію. Однако это, очевидно, были тѣ же Норманны, кои во всѣ прежніе годы соединяли особенную цѣль съ военными своими предпріятіями. Рюрикъ, вѣроятно, установилъ порядокъ въ пріобрѣтенномъ имъ ленномъ владѣніи отъ рѣки Шельды до Эйдера, приготовлялся къ новымъ походамъ, чтобы завладѣть и собственно-Норманскою Ютландіею: что ему и удалось въ 857 году. Въ семъ послѣднемъ году повѣствуется: Rorik Nordmannus, qui praeerat, Dorestato cum consensu domini sui Hlotarii regis, classem duxit in fines Danorum et consentiente Horico (Erich) Danorum rege partem regni, quae est inter mare et Egidoram, cum sociis possedit (3).

(1) «Въ предѣлахъ Славянскихъ».

(2) «И другіе соимы».

(3) «Который начальствовалъ надъ городомъ Дорестатомъ съ согласія влѣстителя своего Хлотарія Короля, привелъ флотъ

Rudolphi Fuld. ann. ad a. 857). И такъ онъ получилъ въ числѣ Германскихъ своихъ владѣній всю Норманію или Ютландію. Тогда открылось ему и Балтійское море; онъ воспользовался этимъ, чтобы обложить данью берега его. Въ 862 году призванный многими племенами нынѣшней Россіи (кажется, преимущественно для защищенія отъ оборонительной или мирной платы или отъ часто такъ-называемаго Франкскими Лѣтописцами *locagio*, т. е. повинностей, состоящихъ въ разныхъ жизненныхъ припасахъ), чтобы основать особенное правленіе. Онъ не имѣлъ намѣренія укрѣпить тамъ навсегда мѣста своего жительства. Въ 863 году мы находимъ Рюрика опять въ Германіи, гдѣ онъ вторично изгоняетъ вторгшихся Нормановъ изъ странъ при-Рейнскихъ; въ 864 онъ опять является въ Россіи, гдѣ по словамъ Нестора (*Nestor, ad a. 864*) онъ одинъ держитъ бразды правленія. Въ 867 мы вторично встречаемъ его въ Германіи и Голландіи, гдѣ часть подвластныхъ ему народовъ возстала противъ него, и гдѣ онъ заключаетъ мирный договоръ съ Людовикомъ II (*Hincmar. Rem. ad. h. a.*). Потомъ является онъ еще разъ въ 873 году, примиряется съ Карломъ Лысымъ въ Утрехтѣ (*Hincmar Rem. ad. an. 873*). Съ того времени исчезаетъ онъ даже изъ Германскихъ Лѣтописцевъ; умираетъ, по сказанію Нестора, въ 879 году въ Россіи. Въ 852 году повѣствуется у Лѣтописцевъ Франкскихъ, что Норманны, осведомясь о смерти Людовика II, вторгнулись опять во Францію и

въ предѣлы Датскіе и съ дозволенія Горики (Эрика), Короля Датскаго, завладѣлъ частью Государства между моремъ и рѣкою Эггидорою».

принудили Карла III заключить съ собою миръ. «Itaque Godofredus, rex Normannorum, Christianus effectus et ab imperatore de sacro fonte suscipitur. Filiam quoque Lotharii uxorem accipit Gislam et totam terram Frisonum in dotem et sic a finibus regni cum suis discessit (1). Gottfr. Vöbirt. Chron. Pars XVII ad a. 884.

Это *tota terra Fresonum* (вся земля Фризская) состоящая изъ Западной Фрисландіи въ Голландіи, изъ Восточной Фрисландіи около рѣки Эмса, изъ Густрингской Фрисландіи въ нынѣшнемъ Ольденбургѣ и Іеверѣ, между Эльбою и Эйдеромъ, была также во владѣніи Рюрика. Посему выражается Пертъ въ Лѣтописяхъ Фульдскихъ (въ II части, стр. 396, 397.) слѣдующимъ образомъ: *Godofridum de fonte baptismatis levavit et quem maximum inimicum et hostem regni sui habuerat, consortem regni constituit. Nam comitatus et beneficia, quae Rorick Nortmannus, francorum regibus fidelis, in Kinnin habuerat, eidem hosti suisque hominibus ad inhabitandum delegavit et, quod majoris est criminis, a quo obsides accipere et tributa exigere debuit, huic pravorum usus consilio; contra consuetudinem parentum suorum regum scilicet Francorum, tributa solvere non erubuit. Nam thesaurum ecclesiarum, qui propter metuum hostium absconditus fuerat, abstulit et auri purissimi et argenti libras 2412 iisdem dedit inimicis. Nordmanni vero de thesauro et numero captivorum 200 naves onustas miserunt in patriam, ipsi in*

(1) «И такъ Годофредъ, Король Норманскій, сдѣлавшись Христіаниномъ, воспринимается отъ Святой купѣли Императоромъ, женится на дочери Лотаря, Гизлѣ, и получаетъ всю землю Фризскую въ приданое; потомъ удаляется вмѣстѣ съ своими отъ предѣловъ его Государства».

loco tuto se continentes, iterum tempus opportunum praedandi opperiuntur (1). Въ самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ послѣ сего извѣстie: Normanni, portum, qui frisica lingua (Deventer) nominatur, ubi sanctus Liebonnus requiescit, plurimis interfectis, succenderunt. Ann. Fuld. Pertz I. S. 396. 39. (2).

Но этотъ Готфридъ былъ племянникомъ Рюрику, который, судя по Лѣтописямъ Франкскимъ, не имѣлъ дѣтей. Только Несторъ упоминаетъ о сынѣ Рюриковомъ, именно объ Игорѣ, послѣдовавшемъ за нимъ въ Россію. Готфридъ былъ сынъ старшаго брата Геріольда, обладавшаго нѣскольکو времени Сѣвернымъ берегомъ Германіи и Голландіи, и потому въ нѣкоторомъ отношеніи, не безъ всякаго права требовалъ Готфридъ отъ Карла III того, что этотъ уступилъ ему принужденно.

(1) «Онъ былъ при крещеніи воспріимникомъ Готерада; сдѣлавъ того, котораго почиталъ высочайшимъ врагомъ своего Государства, соучастникомъ своего владычества: онъ отвелъ для жительства ему и людямъ его владѣнія и помѣстья, коими обладалъ Рорикъ Норманскій, вѣрный Французскому Королю, въ Книжнѣ, и, что служить доказательствомъ великаго преступленія, онъ не стыдился по совѣту недостойныхъ, противъ обыкновенія родителей своихъ, т. е. Королей Франкскихъ, платить тому дань, отъ котораго долженъ былъ взять заложниковъ и требовать подати. Онъ вынесъ сокровища церковныя, спрятанныя отъ боязни враговъ, и далъ тѣмъ же врагамъ 2412 фунтовъ чистѣйшаго золота и серебра. Норманы, нагруживъ сокровищами и плѣнниками 200 кораблей, отправили ихъ въ отечественную землю; сами же, укрѣпясь въ безопасномъ мѣстѣ, ожидаютъ благоприятнаго случая къ грабежамъ».

(2) «Норманы, убивъ множество людей, зажгли пристань, называвшую на Фризскомъ языкѣ *Десектеролл*, гдѣ покоится Святый Либонній».

Упомянутый Рюрикъ кажется мнѣ звѣномъ, связующимъ Руссовъ Севильскихъ съ Руссами Новгорода и Кіева. Если спросить: не уже ли этотъ Рюрикъ, Король Норманскій въ Ютландіи, тотъ же самый, о которомъ Несторъ говоритъ, что онъ призванъ изъ Варяго-Русскихъ странъ въ Россію? то и я также въ правѣ спросить: не уже ли Руссы, опустошавшіе Севиллу, одно племя съ Руссами Нестора? Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ одни имена и современность. Ни одинъ не говоритъ, чтобы Гермапо-Скандинавскій Рюрикъ основалъ Россію; но ни одинъ также не говоритъ, чтобы вторгшіеся въ Севиллу были основатели Россіи. По моему мнѣнію, безразсудно требовать отъ Писателей IX вѣка Всемірной Исторіи. Каждый изъ нихъ замѣчалъ событія своей страны, ни мало не заботясь о томъ, что герой, явившійся въ его близости, показывается и въ другихъ земляхъ (1). Въ такомъ случаѣ старались о томъ другіе Писатели, чтобы подвиги, имъ же въ другихъ краяхъ совершенныя, не были преданы забвенію: эту заслугу оказалъ намъ Несторъ, такъ что онъ и Франкскіе Лѣтописцы взаимно пополняютъ другъ друга.

Болѣе подробное, съ года на годъ переходящее, изъ источниковъ почерпнутое описаніе подвиговъ, родомъ Рюриковымъ совершенныхъ, оставляю себѣ на будущее время, если Несторъ Русской Исторіи нашего времени, который по всей вѣроятности, осно-

(1) Также рѣдко доставляютъ намъ эти Лѣтописцы полныя родословныя. Кто въ нихъ этого ищетъ, тотъ, значитъ, не знакомъ съ Писателями, изъ которыхъ хочеть почерпнуть такіа извѣстія. Потому и не упоминается ничего у Франкскихъ Лѣтописцевъ о Сигесуѣ и Труворѣ, если они въ самомъ дѣлѣ были братья Рюриковы.

вательнымъ изысканіемъ Франкскихъ и Византійскихъ
Лѣтописей то же , что и я , или еще и болѣе меня
нашелъ , не покажетъ послѣдствій своихъ наблюденій,
ожидаемыхъ Россіею.

Ординарный Проф. Дерптскаго Университета

ФР. КРУЗЕ.

ИЗУСТНЫЯ ПРЕДАНІЯ

•

НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ.

Въ шестой книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за протекшій годъ (1) помѣстилъ я три небольшіе отрывка изъ разсказовъ столѣтняго Казака Никиты Коржа о Запорожскомъ народѣ.

Полагая, что этотъ предметъ обратилъ на себя вниманіе любителей Отечественнаго Бытописанія, я рѣшился представить еще нѣсколько, довольно оригинальныхъ очерковъ, заимствованныхъ изъ того же источника. Въ нихъ изыскатель увидитъ внутренній бытъ въ отношеніи судопроизводства, законовъ и обычаевъ Запорожскаго народа, теперь почти забытаго, но нѣкогда обращавшаго на себя вниманіе Правительствъ, путешественниковъ и Ученыхъ. Да и въ наше время, кому не любопытно бросить бѣглый взглядъ на этотъ разгульный, почти дикій, но всегда грубый образецъ рыцарскаго общества, основаннаго не на Вѣрѣ, подобно Крестоносцамъ или Храмовымъ Рыцарямъ, но на страсти къ войнѣ, буйной и опас-

(1) Т. XVIII, стр. 487 — 513.

ной жизни, и грабежу. Подобно рыцарямъ, Запорожцы дѣлали обѣтъ безбрачія [castitatis (?)], послушанія Кошевому Атаману (obedientiae) и бѣдности, убожества (paupertatis): въ Сѣчи никто не имѣлъ собственности, а хотя и были *Паны*, обогатившіеся торговлею или войною, но все ихъ имущество, какъ безбрачныхъ, считалось собственностію общины Запорожской. Владѣльцы земель и жепатые уходили изъ Сѣчи и селились въ степи. Наконецъ, подобно рыцарямъ, они вели вѣчную борьбу съ Мусульманами — Турками и Татарами, хотя по страсти къ разбоямъ и грабежу, нападали иногда на Христіанскія (Русскія и Польскія) границы, что случалось и съ Меченосцами и съ другими, имъ подобными, вооруженными рыцарскими братствами.

Какъ ни предосудительны были дѣйствія Запорожцы, но нельзя не согласиться, что войско это, находясь, безъ помощи Правительства, въ вѣчной враждѣ съ сосѣдними могущественными Государствами: Россіею, Польшею, Турціею, даже съ своею метрополіею — Гетманщиною (Украиною), было одинаково, начиная съ XVI столѣтія по вторую половину XVIII, лучшимъ оплотомъ противъ Турокъ, и еще болѣе противъ Татаръ Нагайскихъ (1) и Крымскихъ: ибо только Запорожцы, на своихъ небольшихъ и певидныхъ коняхъ, могли вести эту трудную, настоя-

(1) Нагайскія Орды: *Буджакокая*, *Джамбуймуцкая*, *Едисанская* и *Едишкульская*, кочевали тогда въ нижней Бессарабіи или Буджакѣ, въ Очаковской области и въ степяхъ Сѣвернаго Крыма. Буджакская Орда называлась еще *Былгородскою* (т. е. Аккерманскою) и *Очаковскою*, отъ сосѣдства ихъ кочевья съ этими крѣпостями.

ную Скифскую войну, въ степяхъ безводныхъ, безграницныхъ и беззащитныхъ. Въ чемъ не могли успѣвать ни большіе отряды Россійской Арміи, ни хоругви (дворянскіе полки) Польскихъ Вельможей, или Дворянъ-помѣщиковъ изъ сосѣднихъ Русскихъ Воеводствъ (Волини и Подолья), того почти всегда достигали Запорожскія ватаги. Онѣ-то держали въ страхѣ четыре Нагайскія Орды Крымскаго Хана и Пашей-Комендантовъ Черноморскихъ, Днѣстровскихъ или Дунайскихъ крѣпостей.

Служба Запорожцевъ, т. е. Казаковъ, отдѣлившихся отъ Гетманщины или Малороссійскаго войска, была полезна для спокойствія и Россіи и Польши. Нерѣдко, въ царствованіе Королей Сигизмундовъ, Баторія (1), Іоанна Казимира, Польское Правительство, кромѣ земель, дарованныхъ имъ на Украинѣ, выдавало имъ *кварти* (жалованье), посылало въ даръ деньги, оружіе и военныя почести — чины, знамена, булаты. Въ нашихъ лѣтописяхъ находимъ похвальныя грамоты, данныя Царями (2) за вѣрную службу «храбраго войска Запорожскаго Низоваго», на ряду съ строгими Указами и порученіями доброму

(1) «Король Стефанъ Баторій учредилъ въ 1571 году родъ постоянного войска изъ Казаковъ (Запорожскихъ), давъ имъ нѣкоторыя преимущества, право избрать Гетмана, которому далъ замокъ Трехтемпровъ на Днѣпрѣ для жительства.» *Wagi Hist. Xięstw. Król. Polskiego, 1767.*

(2) Грамотою 1670 года Іюля 28 предается забвенію воѣ ихъ (Запорожцевъ) безчи́нства, Деняиъ Многогрѣшныиъ признанъ Кошевыиъ Атаманоу Низоваго войска, которому пожалованы также двѣ пушки и порохъ. См. *Полное Собр. Зак. Т. I;* см. также *Хронолог. Обзор. Истории Повороос. края, часть I, стр. 13 и 14.*

сосѣду, Великому Гетману Малороссійскому, объ укрощеніи буйствъ этого неугомоннаго народа. Папы и Императоры Нѣмецкіе посылали имъ знамена, оружіе и подарки, подѣ предлогомъ награды «за защиту Христіанства отъ ея враговъ, Турокъ и Татаръ», а чаще, для возмущенія ихъ противъ Польши или Россіи (1). Но случилось, что Казаки за деньги или изъ мщенія переходили на сторону Хана Крымскаго, и тогда Татары, называвшіе ихъ *Иванами*, весьма цѣнили службу этого войска, равнаго имъ въ быстротѣ, грабежахъ, паѣздахъ и храбрости.

Наконецъ съ той поры, какъ жестокое съ ними обхожденіе Польскаго Правительства, особенно въ дѣлахъ религіозныхъ, заставило Казаковъ Малороссійскихъ и Низовыхъ перейти на сторону Православной, единовѣрной съ ними Россіи, они всегда были передовою стражею на той умственной, такъ сказать, границѣ, которую многими трактатами проводили по степи между Россіею и Турціею. Только бѣзчинства 1770-хъ годовъ заставили великую Монархію, устроивавшую вновь заведенное поселеніе въ степи Новороссійской, избавить край отъ столь вреднаго сосѣдства. Она рѣшилась уничтожить это общество, со введеніемъ на границѣ гусарскихъ и пикинерныхъ поселенныхъ полковъ совершенно уже не нужное.

Теперь вся Исторія Запорожцевъ есть уже преданіе, поэзія Исторіи, потому что сами они о себѣ

(1) У многихъ частныхъ лицъ и въ Покровской церкви въ Никополѣ (Екатеринославской Губерніи) и видѣлъ серебряные кубки съ медалями Нѣмецкихъ Императоровъ, драгоценные перламутровые и черепашковые налож, подаренные Папами; образа изъ Ливанскаго недръ, и проч.

ничего не писали, а Историки руководствовались или свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Малороссійскихъ архивовъ, не входящихъ въ подробности о частицѣ ихъ народа, или разказами иностранцевъ, которые во всемъ, что только касается до Исторіи Славянскихъ народовъ, имѣютъ самыя ложныя и неосновательныя свѣдѣнія. Если столь трудно собрать Исторію ихъ политическаго существованія, то тѣмъ болѣе никто не могъ описывать внутренняго ихъ быта, потому что у Запорожцевъ не было ни друзей, ни союзниковъ; путешественникъ не могъ у нихъ пользоваться ни чьимъ покровительствомъ, и слѣдовательно, ни кто не могъ присмотрѣться къ домашней ихъ *худобѣ*. Только сами Запорожцы могли писать и разказывать съ участіемъ о своемъ народѣ, иногда хвастливо, но все-же оригинально. Если въ Европѣ съ такимъ любопытствомъ читаютъ бредни путешественниковъ о дикаряхъ Сѣверной Америки или островитянахъ Австраліи, то какъ же намъ, Русскимъ, не прочесть со вниманіемъ нѣсколько страницъ разказа послѣдняго, быть можетъ, представителя этого чуднаго воинственнаго народа?....

ОТРЫВОКЪ IV.

Законы и права (гражданскіе) Запорожцевъ (1).

«Права и законы Запорожскіе, по которымъ они судили и рѣшили тяжбыя дѣла, суть слѣдующія.

(1) Право, по Малороссійски, то же, что и законы; оно взято съ Польскаго языка (право).

Во всѣхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, по знатнымъ селеніямъ устроены были *Паланки*, родъ Уѣздныхъ или Земскихъ Судовъ; въ этихъ Паланкахъ поставлялись по выбору три Члена, и назывались Судьями или Панами, именно: Полковникъ, Есаулъ и Писарь (1); къ нимъ въ помощь опредѣляемы были отъ Сѣчи три Подпанка изъ Казаковъ, которые, какъ и всѣ Члены, по трехлѣтнемъ служеніи перемѣнялись, а на мѣста ихъ поставлялись другіе. Такой обычай заведенъ во всѣхъ Паланкахъ.

«Когда случались тяжёбныя дѣла,—примѣрно сказать, когда два Казака промежъ собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству *шкоду* сдѣлають, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно, или другую какую-нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ примириться,—то оба они, купивши на базарѣ по калачу, идутъ *позываться* (2) въ Паланку, къ которой принадлежатъ, и положивши калачи на сырню (3), становятся возлѣ порога, кланяются низехонько Судьямъ, оба разомъ, и говорятъ: «кланяемся, папове, хлибомъ и силою!» Когда Судьи начнутъ ихъ спрашивать: «якѣ ваше дѣло, паны молодцы?» тогда обиженный прежде отвѣчаетъ, указывая на своего товарища: «отъ папове! якѣ наше дѣло; отцей мѣне обидывъ, остилко - то *шкоды* мыни своимъ скотомъ зробывъ, и не хоче, мыни уп-

(1) Въ Польшѣ и еще болѣе въ Малороссіи, Писарь исправлялъ должность Секретаря, вѣроятно потому, что въ древнія времена Дворяне, Члены Судовъ, были безграмотны.

(2) *Позываться*, съ Польскаго *розовъ*, значить *позывъ*, приглашеніе, зовъ въ судъ.

(3) *На сырню* значить «на столъ».

латыть и поповнить що слидуе, да шнашь сипа и за выбой хлиба». Судьи обращаются къ обидѣвшему: «Ну, братчику! говори, чи правда то, що товарищ на тебя кѣже?» На что обидчикъ отвѣчаетъ: «та щоже, панове, то все правда, що я шкоду сдѣлавъ моѣму сосиду и не отрекаюсь, но не могу ёму удовольствие дати за тѣмъ що вишь лишне отъ менѣ требуе, а шкоды не мае стильки». Выслушавъ его, Паланка посылала Подпанковъ и нѣсколькихъ постороннихъ верховыхъ Казаковъ для освѣдѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, если жалоба оказывалась справедлива, Судьи говорили обидчику: «Ну щожъ ты, братчику, согласенъ чи заплатити шкоду своѣму сосиду, чи нѣ?» Обидчикъ иногда опять кланялся Судьямъ и возражалъ: «та щожъ, панство, лишне вишь изъ менѣ требуе, я не маю сѣго платити, въ воли вашей».... Судья долго обѣ стороны уговариваетъ примириться, и если тяжущіеся согласны, то Паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ; если же обидчикъ поупрямится и не примирится въ Паланкѣ, то ихъ отсылають въ Сѣчь. Тогда обѣ стороны, уходя, кланяются Судьямъ и говорятъ: «прощайте, панство!» а Судьи имъ отвѣчаютъ: «ступайте съ Богомъ!»

«Когда тяжущіеся прійдутъ въ Сѣчь, то другъ друга спрашиваютъ: «а въ чій же курень, по переду (прежде) идемъ?» Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: «ходимъ! брѣте, до нашего курѣня». — «Ну, добре, ходимъ и до вашего курѣня», отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень (1), являются оба къ Ата-

(1) О куреняхъ, смотри отрывки I и VI «Наустныхъ преданій о Поворосійскомъ краѣ».

ману и говорятъ ему: «здоровъ, батьку!» — «Здоровы були, паны молодцы» — отвѣчаетъ Атаманъ — «сидайте». — «Та ни, батьку, ніколы сидить, мы дило къ тоби маемъ». — «Ну говорите, якѣ ваше дило?» — спрашиваетъ Атаманъ; и тогда обиженный рассказываетъ все происшествіе и свою обиду, и какъ они судились въ Паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика: «якого винъ (онъ) куриня?» и узнавъ, закричитъ на хлопцівъ (прислужниковъ): «пидите лишинъ до того-то куриня Атамана, да попросите ёго до мене». Когда тотъ Атаманъ явится и усядется, то первый Атаманъ его спрашиваетъ: «чи се вашего куриня Казакъ?» — Второй Атаманъ дѣлаетъ тотъ же вопросъ Казаку, на что онъ отвѣчаетъ: «Такъ батьку, вашего куриня». Послѣ сего дѣло опять рассказываетъ, и Атаманы говорятъ другъ другу: «ну що, брате, будемъ робить съ сими Казаками?» Второй Атаманъ обращается опять къ Казакамъ: «такъ васъ уже, братчики, и Паланка судыла». — «Судыла, батьку!» — отвѣчаютъ они, и низко кланяются. Атаманы уговариваютъ тяжущихся: «помыритесь, братенки, удовольствуйте здися одинъ другаго, да и не мордуйте (не затрудняйте) Начавства (Начальства)». Когда же обидчикъ отвѣчаетъ: «то щожъ, батьки, колы винъ лишне требуе зъ мене»; то Атаманы, видя его упрямство, говорятъ обомъ Казакамъ: «ну теперъ вже, братеньки, сходимъ вси четверо до Судьи, що ще скаже Судья?» — «Добре» — отвѣчаютъ Казаки — «обождыте же батьки; пидемъ мы на базаръ, да купимъ калачи!» Такимъ образомъ всѣ четверо отправляются къ Войсковому Судѣ; сперва входятъ Атаманы, и поклонившись говорятъ: «здоровы булы, пане добродію».

Судья отвѣчаетъ: «здоровы и вы, Панове Атаманы! прощу сидать». Потомъ являются тяжущіеся Казаки, кланяются Судьѣ, кладутъ калачи на сырню, и говорятъ: «кланяемся вамъ, добродію, хлебомъ да силой». — «Спасыбо, паны молодцы, за хлѣбъ и за спль», — отвѣчаетъ Судья, и обратясь къ Атаманамъ, спрашиваетъ: «що се у васъ за Казаки? яке діло мають?» Одинъ изъ Атамановъ рассказываетъ подробно все діло, рѣшеніе Паланки и ихъ собственное. Тогда Судья обращается къ обидчику: «такъ якъ же ты, братчику, рѣшився съ симъ Казакомъ? когда уже васъ судыла и Паланка и Атаманы, и я присуждаю обиженного подовольствовать, и ты не хочешь того зробиць зъ упрямства, даромъ що со всихъ сторонъ виновать.» — Но случается, что обидчикъ не согласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ то же, что и прежде: «та щожъ, добродію, колы винъ лышне требуе!» — «Такъ ты не согласенъ, братчику?» — «Пи, добродію». — «Ну теперь же вы, Панове Атаманы, идітѣ съ ними до Кошеваго, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ — рѣшеніе; ступайте съ Богомъ, панове Атаманы; а вы братци, забирайте съ собою и свій хлѣбъ съ сырня». — «Да пи, добродію, мы соби купымъ на базари.» — «Забирайте, забирайте» — съ гнѣвомъ повторлетъ Судья — «и не держите Атамановъ, бо имъ не одно діло ваше».

«Наконецъ взявъ свои калачи, Казаки съ Атаманами идутъ въ курень Кошеваго; всѣ кланяются, приговаривая: «здоровы булы, вельможный Панѣ!» Казаки, положивъ калачи, присовокупляютъ: «кланяемся, вельможный Папе, хлебомъ и силой,» и оставаясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются, на

что Кошевой отвѣчаетъ: «здоровы, Паны Атаманы; спасибо, молодцы, за хлѣбъ за силу, а що се, Папове Атаманы, у васъ за Казаки?» Атаманы опять подробно рассказываютъ все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: «Ну якъ же ты, братику, думаешь рѣшиться съ симъ Казакомъ? Васъ рѣшала Паланка, васъ рѣшали Атаманы, васъ рѣшилъ и Судья вѣйсковый, и теперь дѣло дошло и до мене. И я, разслушавшись, признаю, що Паланка рѣшила дѣло ваше дѣбрѣ, которое и я утверждаю, и нахожу тебе во всемъ виновнымъ; такъ щожъ уже ты мыни скажешь? Согласенъ ты обиженного подовольствовать?» — «Ни, вельможный Пане, требуйте мыни». . . . Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: «такъ ты, братчику, не согласенъ?» — «Такъ, вельможный Пане, не согласенъ, у воли вашей,» отвѣчаетъ Казакъ, низко ему кланяясь. — «Ну добре,» вставая и выходя изъ куреня, говоритъ Кошевой. Атаманы и Казаки дѣлають то же, и кланяясь говорятъ ему: «прощай, вельможный Пане!» — «Прощайте, Паны молодцы, прощайте, да и насъ не забывайте,» говоритъ наконецъ Кошевой, и вышедъ на дворъ сзываетъ свою дворню: «сторожи! кнѣвъ (палокъ)!» Слуги бѣгутъ и несутъ кнѣ оберемками (связками). Тогда Вельможный скажетъ: «пу лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и Панывъ шануваты.» — «Помылуй, вельможный Пане», возопіетъ тогда Казакъ не своимъ голосомъ. — «Ни, братыку, нема уже помилованья, коли ты такіи упрямый. Казаки! на рукахъ и на ногахъ сидайте; сторожа! быйте ёго добре кѣями, щобъ знавъ по чѣмъ кидать лиха! (чего стоитъ ковшъ зла).» — Все

время, когда кін начнутъ между собою разговаривать и по ту и по другую сторону, виновный Казакъ все молчитъ, да слухаетъ, что скажутъ (1). И когда виновнаго уже добре употчиваютъ, т. е. 50 или 100 кінвъ дадутъ, тогда Кошевой крикнетъ: «годи» (полно)!» Сторожа, поднявши кін свои на плеча, стоятъ какъ солдаты съ ружьями на часахъ; но Казаки еще удерживаютъ виновнаго, сидя у него на рукахъ и на ногахъ, и дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Кошевой опять обращается къ виновному: «послухай, братчикъ, якъ тебѣ Палапка рѣшила и сколько обиженный требуе, заплати ему безпремѣнно; да сѣйчасъ заплати, при моихъ очахъ.» Тогда виновный отвѣчаетъ: «чую (слышу), вельможный Пана! чую, и готовъ все исполнить, що прикажешь.»—«А що оце тебе выбылы, то споси здоровъ, щобъ ти не дуже мудровавъ и не упрямывся; а може тиби ище прибавить кінвъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ просить: «о, помилуй, помилуй, вельможный Пана! буде съ мене и сѣго, до вику не буду протывиться, буду шановаты (уважать) панство!» Тогда наконецъ Кошевой *узгаується* (2), и скажетъ Казакамъ и сторожамъ: «ну буде, вставайте, и Козака на волю пускайте, а кін подальше ховайте». Такимъ образомъ кончается рѣшеніе дѣла и судьба обидчика, безо всякаго судопроизводства на бумагѣ; если виновный имѣетъ при себѣ деньги, то тотчасъ

(1) Мы списали со всевозможною точностію слова повѣствователя, съ Казачьимъ краснорѣчіемъ описывающаго это наказаніе: его риторическія фигуры такъ забавны, что мы не рѣшились измѣнить или выпустить ихъ.

(2) *Угаується*, съ Польскаго *rozmować się*, «удерживаться, переставать сердиться».

же платити обиженному сколько слѣдуетъ; если же не имѣть, то Кошевой призываетъ Атамана обидчика куреня, который обыкновенно тутъ же при экзекуціи присутствуетъ, и говоритъ ему: «Ну, Пане Атамане, принеси заразъ деньги изъ своего куреня и подовоцтвуй обиженнаго, а ты съ нимъ послѣ вѣдайся, какъ хочешь». Разумѣется Атаманы не бывали въ убыткѣ.

«Вотъ каковы были у насъ, по Запорожскимъ обычаямъ, судъ и расправа, и хотя бы сумма была на тысячу или десять тысячъ рублей, тяжба все равно въ одну недѣлю рѣшалась, и не нужно было волокаться по Судамъ!»

ОТРЫВОКЪ V.

О наказаніяхъ преступниковъ.

Коржъ, оканчивая рассказы о судопроизводствѣ, Запорожскомъ, говоритъ такъ; «такимъ же образомъ рѣшался судъ и о важныхъ преступленіяхъ, какъ-то: о воровствѣ, грабежѣ, убійствахъ и прочихъ беззаконныхъ дѣлахъ». Послѣ сего онъ высчитывалъ всѣ роды наказаній, употребляемыхъ по обычаямъ Запорожскаго народа.

«Всѣ Казаки Запорожскіе принадлежали, какъ мы уже говорили, къ Сѣчевымъ куренямъ и во всякомъ было по тысячѣ и болѣе человекъ. Какъ было прозваніе куреня, такъ именовались и ему подвѣдомые Казаки, не только въ Сѣчи пребывающіе и находящіеся безотлучно на службѣ, но и тѣ, которые сидѣли зимовниками на степи. Изъ этихъ Казаковъ большая

часть были холостые, которые жили въ Сѣчи и имевались тамъ *сиромами*; они несли постоянную службу и только въ свободное время занимались рыбною и звѣрною ловлею; лишь весьма рѣдкіе, и то имѣвшие достатокъ, обрабатывали землю и имѣли свою *челядь*, т. е. прислужниковъ. Другая часть, меньшая, были женаты, и не жили въ Сѣчи, а въ заведенныхъ зимовникахъ, гдѣ занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ (1) и иногда даже торговлею. Всѣ безъ исключенія Казаки, семейные и *сиромы*, исполняли повинности, *до курши* и *до Сичи* (Сѣчи) отпослѣіся, какъ-то: караулы, кордоны, крѣпостные работы, и главное, въ случаѣ нужды, военную службу въ полѣ, на коняхъ.

«Изъ этихъ семейныхъ зимовниковыхъ Казаковъ мало было преступниковъ; болѣе холостые, *сиромы*, подвергались сей участи: ибо «*що у лмы на рыбаля-платъ* (2), или на охотѣ заработаютъ, то все то чрезъ «*ныяство скоро и прогайнують* (промотаютъ)». Видя уже послѣ, что печѣмъ опохмѣлиться и печѣмъ поживиться, они неизбежно пускались въ распутство, отвагу и самовольство. «А воля и отвага, по пословицѣ: или медъ пѣе или кандалы тре». Когда уже *сиромы* доходила до такого состоянія, то пускалась, большими шайками, на добычу и начинала красть, грабить и убивать. По окончаніи наѣздовъ уже возвращались въ Сѣчь и дѣлятся добромъ: часть

(1) Къ этимъ-то семействамъ Запорожцамъ уходили крестьяне изъ Польши и Россіи; да и Запорожцы равными обѣщаніями часто ихъ къ тому возбуждали.

(2) У *Лмы на рыбаляхъ*, т. е. въ Турціи, на устьяхъ Дуѣпра и Буга, въ лиманахъ на рыбныхъ промыслахъ.

на Казаковъ, часть на ватажковъ (1) и часть на курень. По сему-то самому видно, что и нѣкоторые Куренные Атаманы дѣлали имъ поблажку: ибо не всякій ватажокъ, самовольно собравши шайку, тайно ходилъ на добычу, но почти всегда съ вѣдома Атамана, который, отпуская ихъ, говаривалъ ватажникамъ: «ну, братчику, гляды жъ, щобъ ты якого Козакъ «не утратывъ; то тоди уже и до куреня не вертайся». Это значило: крадь, да концы ховай! На что обыкновенно ватажокъ, надѣясь на свое *характерство*, отвѣчалъ: «ни, батьку; будутъ вси цилы».

«Такъ эта сирота до такой степени шалостей доходила, такіе дѣлала разбои, грабительства и неистовства, что не хорошо говорить, да трудно и на бумагу положить. Объ этомъ доходили вѣсти не только до Сѣчи, но и до столицы (Петербурга или прежде Москвы), чрезъ что и самая Сѣчь уничтожена! Тогда если преступника поймутъ въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, то судъ имъ коротокъ и не долго съ ними возятся по Судамъ; вдругъ рѣшаютъ дѣло и наказываютъ въ Сѣчи или по Паланкамъ, казнятъ смертію или отсылаютъ на *Сибирь*. Кромѣ того за воровство или грабежъ, если они доказаны, а виновный достатка не имѣетъ, обиженного удовлетворялъ курень.

«Казни смертныя были слѣдующія:

«*Шибиницы* (съ Польскаго *szubienica*, «висѣлица»). Онѣ были устроены въ разныхъ мѣстахъ при большихъ *шляхахъ* (столбовыхъ дорогахъ), почти во всякой Паланкѣ.

(1) Смотря отрывокъ III.

«Вторая казнь была *острая палъ* (козъ), или столбъ деревянный вышиною въ 6 аршинъ и больше, а на верху пали бытъ воткнутъ желѣзный шпиль, тоже острый въ 2 аршина вышиною.

«Третья казнь *ків*: они не очень толсты и похожи на бичи у цѣповъ, которымъ хлѣбъ молотятъ, дубовые или изъ другого крѣпкаго дерева. Преступника привязываютъ или приковываютъ къ столбу въ Сѣни, или въ Паламкахъ на площади; вокругъ него ставятъ разные напитки: водку, медъ, пиво и брагу, много калачей и тутъ же пѣскольکو связокъ кивъ. Послѣ сего принуждаютъ осужденнаго ѣсть и пить. Наконецъ всякій Козакъ беретъ кивъ, и выпивъ *корякъ* (черпило, чарку) горѣлки или меду, долженъ ударить преступника приговаривая: «отъ тоби, щобъ ты не кравъ «я не разбивавъ; мы вси за тебѣ цилымъ курнемъ «платылы». Такимъ образомъ несчастнаго бьютъ пока не убьютъ до смерти.

«За всѣми этими штрафами и наказаніями» — говоритъ Коржъ — «въ бытность Калнижа Кошевымъ разбой прекратились и злая воля Запорожцевъ смирилась, о чемъ и я довольно помню».

ОТРЫВОКЪ VI.

О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ.

Читатели легко могли замѣтить, что хотя здѣсь тщательно списывались всѣ рассказы Коржа, въ его духѣ и выраженіяхъ, но для избѣжанія монотонности, все, что онъ по обыкновению Украинцевъ, повторялъ слишкомъ часто, съ прикрасою восклицаній разнаго рода

на Малороссійскомъ языкѣ, все то мною опущено. За то его истинно-Казацкія выраженія, пословицы и похвалыбы (которыя впрочемъ несутъ печать современности, какъ то удалось намъ повѣрить потомъ на мѣстѣ), списываемъ мы со всею археографическою точностію. Здѣсь слѣдуетъ самая любопытная часть его разсказа.

«Обычаи Запорожскіе чудны! поступки хитры! и рѣчи и вымыслы остры, и большею частью на критику похожи!» говорить Коржъ.

1. Одежда и вооруженіе.

«Всѣ вообще Запорожцы голову и бороду брили; на головѣ оставляли только небольшой пучъ волосъ, чубъ или *хохолъ*, отъ чего и всѣ Малороссіане отъ своихъ собратьевъ, Москвичей, названы *Хохлами*. Этотъ чубъ иногда былъ такъ великъ, что закрывалъ его лице; въ такомъ случаѣ его закручивали какъ косу, и закидывали за ухо; такой чубъ назывался *оселедецъ* (не отъ слова ли «сельдь»?). Усы всѣ носили, чернили ихъ и завивали вверхъ, и тѣмъ они были длиннѣе, тѣмъ большею считались красотою удалаго Казака, поставлявшаго въ нихъ свою славу и честолюбіе.

«Одѣяніе у Запорожцевъ, когда они были на службѣ и во время войны, было у всѣхъ одинаково и одноцвѣтно; а именно: *каптанъ* (кафтанъ; это была куртка); *черкеска съ вылетами* (съ закидными рукавами), шаровары *саѣтовы*, т. е. изъ Англійскаго сукна свѣтлыхъ цвѣтовъ, по-Польски именуемаго *zajeta*; *чоботы*—*сапожцы*, т. е. красные изъ Русскаго сафьяна

сапоги; поясъ *шалевой*, т. е. шелковый, и *кабардинка*, круглая, вокругъ на крестъ (крестообразно) обложена позументомъ. Для пенастья, особенно въ походахъ, посилацъ они шерстяную косматую бурку. Кабардинка значить шапка, отъ Нагайскаго слова: кабарда — дикій звѣрь, который водится около рѣкъ, по великимъ лѣсамъ и можетъ жить на сушѣ и на водѣ, питается раками, плодится, и берлогу имѣетъ въ землѣ, подъ корчами лѣсовыхъ деревьевъ. Такихъ звѣрей было множество на Великомъ Лугѣ (1) во время Запорожья, да и нынѣ встрѣчаются они изрѣдка впизъ близъ Днѣпра. Они совершенно съ виду похожи на кошку, но гораздо толще и длиннѣе, ноги имѣютъ короткія, при концѣ широкія и съ полотенцами (перепонками), какъ у гусей, хвостъ чрезвычайно длиненъ и пушистъ, равно и вся кожа; шерстью, молодой звѣрь весь сѣрой, старій черноватъ на подобіе курицы. Этотъ звѣрокъ назывался у Запорожцевъ *виднихю* или *выдрою* (*loutre*) и кожа его была въ великой модѣ, особенно для шапокъ, не только у Запорожцевъ, но даже у Лиховъ (Поляковъ) и Жидовъ. У Запорожцевъ такъ она вошла въ обычай, что шапку, хотя бы она сшита была изъ самаго простаго сукна, или кожи, всегда называли кабардинкою. Описанный нарядъ былъ военный; по если Запорожцы одѣвались парадно, шли въ церковь или въ гости, а также и въ большіе праздники, тогда они «справляли» (шили) себѣ платье по достатку,

(1) *Великій Лугъ*, острова, покрытые лѣсомъ и камышемъ, составленные рукавами Днѣпра, повдальскѣ отъ Никополя; тамъ были большіе зливовники, особенно для звѣролововъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что эти Луга были зародышемъ Запорожья, потому что удалцы между Казаками называли себя *Лугарями*.

часто весьма богатое, дорогое и разноцвѣтное, а вмѣсто черкески носили широкіе *жураны* (кафтаны) на Польскій образецъ.

«Запорожскіе Казаки не знали вовсе экипажей, и всегда ѣздили верхомъ, тѣмъ болѣе въ военное время, въ отрядахъ и посылкахъ. На лошадахъ, сѣдла бывали дорогіе съ раскрашенными чапраками и со всею Казацкою сбруею. Она была слѣдующая: съ переди сѣдла пришиты были два *кубура*, т. е. чехлы кожаные для пистолетовъ, съзади въ торокахъ увязана бурка и прочій самонужнѣйшій припасъ; со всякимъ было ратище (копье), сабля и 4 пистолета, 2 въ кубурахъ, а 2 за поясомъ. На груди же вмѣсто лялдунокъ, вокругъ Казака обвить широкій *чересъ* или патронтажъ, наполненный въ два и три ряда запасными патронами, съ порохомъ и пулями. Ружей же и пушекъ Казаки верховые съ собою не имѣли, а употребляли они ихъ тогда, когда ходили на лодкахъ по морю и дѣлали подъ непріятельскими городами вылазку (1). Тогда и верховые Казаки спѣшивались и соединялись съ лодочнымъ воинствомъ и давали ему пособіе.

2. Обычаи и образъ жизни.

«При свиданіи или посѣщеніи другъ друга, обычаи у Запорожцевъ то же были мудреные. Вотъ вамъ примѣры. Когда Казакъ одинъ или цѣлою гурьбою пойдетъ къ кому-либо въ гости, или по дорогѣ, за-

(1) Въ Лѣтописяхъ встрѣчаемъ наѣзды вооруженныхъ Казачьихъ шайкъ на Бѣлгородъ Татарскій (Ажорнахъ) на Калію и даже Румелійскіе берега Чернаго моря.

видѣвъ въ степи зимовникъ, захочетъ побывать у кого-нибудь, то прїѣзжій, вѣхавъ на дворъ и сидя еще на лошади, кричитъ: «пугу! пугу, пугу!» (здоровъ ли?). На это Казакъ, хозяинъ куреня или зимовника, спрашиваетъ въ окошко вопросительнымъ тономъ: «пугу, пугу?» а тотъ отвѣчаетъ: «Казакъ съ лугу.» Хозяинъ говоритъ тогда: «повишайте тамъ де и наши» — (что значить: привяжите коней у ясель) — «и просимъ до хаты» (избы)! Это былъ условный языкъ между Казаками, чтобы различать своихъ отъ чужеземцевъ. Тогда хозяйскіе хлопцы (слуги) выбѣгали изъ зимовника на встрѣчу гостямъ, принимали ихъ лошадей и стерегли до отъѣзда. Гость, войдя въ избу, молился образамъ, и поклонившись хозяину, говорилъ: «Отаманъ, товариство (общество) ваши головы.» (1) Хозяинъ взаимно кланялся и отвѣчалъ: «ваши головы, ваши головы! прошу папы молодци сидаты.» Тутъ начиналось угощеніе и попойка: медъ, вино и горѣлка, а у богатыхъ и *варенуха* (родъ паливки), лились цѣлою рѣкою. Варенуха варилась изъ водки съ медомъ, приностями и сушеными фруктами. Этотъ напитокъ былъ у Запорожцевъ въ большой

(1) Запорожцы были, можно сказать, въ вѣчной войнѣ не только съ Турками и Татарами, но и съ Россією, Польшею и даже съ Гетманщиною, гдѣ крестьяне говорили языкомъ Запорожцевъ. Отъ того я полагаю, что этотъ условный языкъ (*argot*) былъ изобрѣтенъ для безопасности отъ печальныхъ нападеній; слово: *ваши головы*, вѣрнѣе значило, что они поручаютъ свои головы святому гостепріимнаго крова; а слово: *товариство* съ Польскаго слова *towarzystwo*, «общество», изображало со стороны прїѣзжаго требованіе на права Запорожскаго общества. Впрочемъ это одно предположеніе, котораго Коржъ не успѣлъ растолковать нѣтъ.

чести; считалось особопнымъ угощеніемъ, когда чарой горѣлки поподчиваютъ Казака. Подгулявши и наговорившись, хозяинъ зоветъ *кухаря* (повара) и приказываетъ ему громогласно варить для гостей обѣдъ или *вечерю* (ужинъ) слѣдующимъ образомъ: «вари братчику *тетерю* до воды и меду, или до масла, до молока *'тетерю*.» Тетеря была родъ кулеша изъ ржаной муки, и Казаки любили ее чрезвычайно. Когда, погулявши нѣсколько дней, прїѣзжіе вздумаютъ ѣхать обратно, то говорятъ хозяину: «спасибо, батьку, за хлѣбъ и за силъ, пора намъ уже по куренямъ разѣѣжаться, до домовки. Просимъ батьку и до «насъ, колы ласка? Оставайтесь здоропы!» Хозяинъ на то отвѣчаетъ: «Прощайте и выбачайте (извините)! «Чимъ богаты, тимъ и рады.» Гостямъ слуги подводили лошадей накормленныхъ, напоенныхъ и осѣдланныхъ. Этотъ обычай сохранялся у Запорожцевъ свѣто не только въ отношеніи къ прїятелямъ, но даже и къ незнакомымъ.

«Всякій Казакъ, особенно простолюдинъ, напри-мѣръ *табунщикъ*, *скотаръ* или *чабанъ* (т. е. пасуный лошадей, рогатый скотъ и овецъ), носилъ ременный (кожаный) поясъ, и черезъ плечо навѣшивали ременный же *гаманъ* (сумку), украшенный стальными или серебряными пуговицами, пряжками и блестками; въ немъ хранились кресало, кремь и трутъ; къ поясу привязана была *швайка* (запасъ для шитья) и *ложечникъ*. Первая была нужна для починки лошадиной сбруи, а вторая для храненія деревянной ложки, безъ которой ни одинъ Казакъ ходить не могъ, не заслуживъ славы нерадиваго и неисправнаго пастуха. Вотъ примѣръ. Если чабанъ (пастухъ) вздумаетъ пой-

ти, или поѣхать изъ своего въ чужой *кошъ*, и пришедши туда найдетъ хозяевъ за обѣдомъ или за ужиномъ, то говоритъ: «хлѣбъ та силъ, паны молодцы!» Тѣ отвѣчаютъ шутя: «іинмо (ѣдимъ) да свѣй, а ты у порога постый». — Ни, братцы, давайте и мѣни мѣсто», возражаетъ гость; выпинаетъ тотчасъ же свою ложку и садится за столъ. Чабаны-хозяева восклицаютъ: «отъ Казакъ догадливый; вечеряй, братчику! вечеряй»; даютъ ему лучшее мѣсто и принимаютъ какъ собрата. Если же случится противное, то такого Казака называютъ *олухомъ*. Кромѣ каши и тетери, они еще приготавливали *милай* или мамалыгу — тѣсто изъ проса или кукурузы, которую ѣли безъ соли, но съ соленымъ сыромъ; а иногда съ *пастрамою* (мелко рубленною бараниною). Кромѣ хлѣба дѣлали еще коржи, называемые *зазребани*, отъ того что тѣсто клали въ вытопленную печьку и *зазребали* (засыпали) пепломъ и горячими угольями.

«Надобно еще сказать, что такое *кошъ*: Во время Запорожья, до атакванія Сѣчи, никогда на степи не было суровой зимы и никто ея не запомнить (1); а потому стада зиму и лѣто кочевали въ степи; для холодныхъ же ночей и противъ степныхъ вѣтровъ чабаны и скотари имѣли *коши*, или покрайней мѣрѣ *котыи*. Кошъ — это родъ шалаша изъ войлоковъ, поставленный на двухъ колесахъ, чтобы можно было

(1) Запорожскіе Казаки и выпѣвшие ихъ потомки, Восточные Новороссіяне, твердо увѣрены, что зима въ степь пришла изъ Россіи вмѣстѣ съ *Москалями*, т. е. съ Русскими войсками. Хотя часто стада ихъ, оставленные въ степи, погибали, какъ напримѣръ 1764 году; но они это не считали дѣйствиельствомъ зимы, а *портуною* (фортуною), посланіемъ судьбы.

въ случаѣ нужды перевозить его съ мѣста на мѣсто. Въ кошѣ была *кабица* (очажокъ) для огня, гдѣ пастухи сушились, грѣлись и варили пишу для себя и для собакъ. Котыга — это возъ, похожій на Татарскую арбу на четырехъ колесахъ, перевозимый волами, въ которомъ сохранялась вся пастушья аммуниція, съѣстные припасы, дрова и вода. Лишь только чабаны прикочуютъ къ какому-нибудь пастбищу, то немедленно учреждаютъ свой кошъ или котыгу, которые и служатъ имъ жилищемъ на весь годъ, какъ Нагайцамъ или Калмыкамъ».

Замѣчательно, что даже въ наше время (1823 — 1838) нѣкоторые пастухи стадъ Новороссійскихъ, чабаны или табушники, особенно потомки Молдаванъ или Казаковъ, живутъ почти такъ, какъ описываетъ ихъ Коржъ, и ихъ легко можно отличить отъ крестьянъ по ихъ одеждѣ, неопрятности и совершенной почти дикости. Никакое образованіе до нихъ еще не достигало, не смотря на сближеніе съ Нѣмецкими колонистами, которые теперь преимущественно употребляются въ степи для присмотра и устройства стадъ, особенно мериносовъ.

3. Прозвища.

Извѣстно, что большая часть Запорожскаго общества составила изъ Украинскихъ Казаковъ, отправленныхъ Польскими Королями на стражу границы у Днѣпра, между Кременчугомъ и устьемъ его при Лиманѣ. Но такъ какъ вся Русская, Малороссійская, или даже Польская граница въ степи была проведена на удачу, а не урочищами обозначена, то Запорожцы всѣ окрестности пороговъ, отъ Верхнеднѣпров-

ска до Никополя (Никитина перевоза) заселить своими куренями, считали своею собственностію; равно и всякій уголь въ степи, запятый хуторомъ, зимовникомъ или селомъ, приписывали къ Сѣчевому куреню, и подчиняли власти Кошеваго. Но кромѣ этихъ основателей войска, стекалось къ нему со всѣхъ сторонъ, много другихъ *бурлаковъ*, *бѣглецовъ* изъ разныхъ областей Россіи, Польши и Молдавіи, по доброй волѣ или по причинѣ преступленій оставлявшихъ свое отечество, и которые принявъ одежду Запорожцевъ и вступивъ въ ихъ службу, уже навсегда тамъ оставались. Итъ сомнѣнія, что при вступленіи ихъ въ войско, старшины Запорожскіе испытывали новобранцевъ, соблюдали нѣкоторые обряды, и быть можетъ требовали перемѣны имени. На послѣдній обрядъ многіе Казаки могли часто соглашаться, потому что это спасало ихъ отъ гоненій за прежнія вины, еслибъ кто-либо вздумалъ вмѣшиваться въ дѣла войска. Отъ этого обстоятельства, мы полагаемъ, произошли эти довольно странныя имена, встрѣчаемыя въ лѣтописяхъ Украинскихъ. Имена Мазепы, Наливайки, Подковы, Многогрѣшнаго, Лизогуба, Сологуба, Палѣя, и многія другія, вѣроятно, даны по народному обычаю, какъ присловіе или прозвище. Мы основываемся на томъ, что всѣ они имѣютъ свое буквальное значеніе; да и примѣры такого обычая находимъ въ Исторіи не только Славянской, но и Западно-Европейской. Нѣкоторое доказательство этому, быть можетъ неважному для Исторіи матеріалу, даетъ намъ и Коржъ, рассказывая дѣло по-своему. Вотъ слова его:

«Казаки Запорожскіе и особливо Сѣчовики, по

вольности Запорожскаго духа и веселаго беззаботнаго характера, имѣли такую привычку къ насмѣшкамъ, что отъ всякаго, малѣйшаго случая, поступка, походки или *калѣцтва* (недостатка тѣлеснаго), немедленно давали ему прозвище, которое уже при немъ и оставалось навсегда. Кто отъ неосторожности спалить, т. е. сожжётъ курень или зимовникъ, того называютъ Палиемъ; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь преимущественно надъ водою, тому даютъ имя Паливоды. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или привычки, тотъ Горбачъ, а если кто тощъ, блѣденъ и высокъ, то будетъ именоваться Гныда (*verghine*). Если кто противъ обычая Запорожскаго не любитъ тетеры или мамалыги, а отъ роскоши варитъ себѣ кашу, того назовутъ Кашкою или Кашоваромъ. Казакъ очень малаго росту именовался въ насмѣшку Махина (машвина, т. е. огромный кусокъ чего-либо), а большаго росту получалъ прозвище Малюты. Если кто не смотря на проворство, приличное bravому Казаку, скользилъ и падалъ, тотъ назывался Слизькій (съ Польск. *ślizki*, «скользкій»); неуклюжихъ звали Черепахою, и проч. Отъ такихъ случаевъ и мой родной отецъ, котораго настоящая фамилія была Ждаганъ, прозванъ былъ Тараномъ (т. е. круглымъ шестомъ, которымъ Казаки били конопляное масло); равнымъ образомъ и я получилъ по той же причинѣ названіе Коржа (т. е. пшеничной или гречневой круглой и сухой лепешки). Я съ молодыхъ лѣтъ былъ очень проворенъ и рѣзвъ, но однажды, ѣдучи изъ Новыхъ Кайдакъ въ Сѣчь (нынѣ село Покровское) и проѣзжая мимо высокой могилы (кургана), которую звали

Чертюмлыкомъ (вѣроятно на рѣчкѣ того же имени), мы взбѣжали на нее и побѣгавъ нѣсколько минутъ, стали спускаться. Товарищи пошли по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти прямо; но такъ какъ курганъ былъ очень крутъ, а трава совершенно сухая, то я оступился, упалъ, и покотился внизъ, какъ кубарь или коржъ. «Коржомъ свалывся», закричали Казаки, и съ того дня всѣ звали меня Никита по прозванію Коржъ. Мой крестный отецъ (Куренный Атаманъ), узнавъ объ этомъ сказалъ: «нехай буде и «Коржъ, бо и мене прозвали Качаловымъ, т. е. Качалю, за одну качалку (катокъ), зробленную (сдѣланную) мною въ Сѣчи; що будешъ робыты, колы «тутъ такая поведенція. — Терпы хлопче (прибавилъ «онъ, обращаясь ко мнѣ), Казакомъ будешъ; а изъ «Казака попадешъ и въ Атаманы; съ посьмиху» (отъ «шутки) и люды бувають».

Замѣтимъ еще, что эти прозвища дѣлались какъ-бы фамильными именами, и войско знало тѣхъ, кому они даны были только подъ этими названіями, которыхъ грамотными употреблялись и на письмѣ.

4. *Слѣчь и Куренн.*

«Теперь скажемъ нѣсколько словъ о порядкахъ и обычаяхъ, употреблявшихся въ Сѣчи и по куреплямъ, которыхъ какъ мы сказали уже, (1) было

(1) См. отрывокъ первой. Въ немъ поминенованы были куренн, по разсказу Коржа; но такъ какъ онъ сознается, что всѣхъ ихъ не помнитъ, то мы рѣшились назвать ихъ еще разъ и въ томъ порядкѣ, какъ они были сданы Генералу Текелію въ Іюні 1778 года. Вотъ онъ: 1) Левушкинскій, 2) Пластуновскій, 3)

около сорока (именно 38) и всё помѣщались въ Сѣчи. Курени Сѣчевыя не походили на обыкновенныя пастушья шалаши, но дѣлались изъ рубленнаго и рѣзаннаго лѣсу, потому что Великій Лугъ имъ изобиловалъ, Курени были такъ обширны, что болѣе 600 Казаковъ могло вмѣщаться въ каждомъ; они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ, и имѣли видъ залы. Вокругъ, подлѣ стѣнъ, до самыхъ дверей, стояли столы, а кругомъ столовъ узкія скамьи. Первое мѣсто было подлѣ иконами, которыхъ въ Сѣчи было много и очень дорогихъ; передъ ними стояли богатыя паникадила и навѣшивались лампы, которыя въ большіе праздники зажигались. Печи для приготовления хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался и кухарь (поварь), а въ курени бывали только *грубы* (печки), болѣею частію изразцовыя. Когда обѣдъ былъ приготовленъ и пора для трапезы наступала, кухари наливали пищу въ деревянные ваганы (чашки) и ставили ихъ на *сырно* (по столу), а рыбу на *стябло* (на возвышеніи), стараясь,

Дядьковский, 4) Брюховоцкій, 5) Ведмедскій, 6) Платыринскій, 7) Пашковскій, 8) Кушовскій, 9) Кислюковскій, 10) Иваиовскій, 11) Конелевскій, 12) Сергіевскій, 13) Доисскій, 14) Крыловскій, 15) Кацевскій, 16) Батуриискій, 17) Поповичевскій, 18) Валоринскій, 19) Незаймаиовскій, 20) Ирклевскій, 21) Щербиновскій, 22) Татаровскій, 23) Шкуренискій, 24) Куренинскій, 25) Роговскій, 26) Корсунскій, 27) Каниболотскій, 28) Уманскій, 29) Деревяииковскій, 30) Стебляисскій Нижній, 31) Стебляисскій Верхній, 32) Шереловскій, 33) Переясловскій, 34) Полтавскій, 35) Мышаеиовскій, 36) Миньскій, 37) Тимошевскій, 38) Величковскій. Сѣчь была родъ обширнаго села, окованнаго валомъ и рвомъ, и укрѣпленнаго частоколомъ, т. е. острыми и тодестыми сваями. Курень въ просторѣчій значитъ шалаши съ отверстіемъ для дыму (курева).

чтобы она головою была къ Атаману. Вокругъ вагановъ ставили въ большихъ деревянныхъ конвахъ, горѣлку, медъ, пиво и брагу; а на конвахъ вѣшали деревянные же коряки (черпала), которые по Казачьей назывались *Михайлики*, и исправляли должность рюмокъ. Когда всѣ Казаки соберутся въ куренѣ, тогда Атаманъ, помолвившись, садится подъ образами, и всѣ Казаки безъ различія вокругъ столовъ. Послѣ обѣда, Казаки, помолвившись, кланялись Атаману, потомъ другъ другу, и наконецъ кухарю, приговаривая: «спасыбо, братчику, що *нагодувавъ* (накормилъ) *Казакѡвъ*». Наконецъ Атаманъ и всѣ Казаки клали по копѣйкѣ въ *карнавку* (кружку) и расходились по своимъ угламъ. Изъ этой карнавочной суммы поваръ покупалъ на базарѣ нужные припасы для стола. Въ Сѣчи трапезы готовились три раза въ день, всегда одинаково; заготавливали ихъ не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ *казанахъ* (котлахъ), на *кабицѣ* (очагѣ), а не въ печахъ.

«Сѣчевые Казаки, кромѣ военной службы, занимались страстно звѣриною охотою: ибо въ Великомъ Лугѣ, по причинѣ непроходимыхъ густыхъ лѣсовъ, и частыхъ камышей около озеръ и лимановъ, производимыхъ Днѣпромъ, водилось множество дикихъ звѣрей, какъ то: оленей, козъ, дикихъ свай и лисицъ, а на степи, множество волковъ, зайцевъ и пр. Кожи этихъ животныхъ были важнымъ предметомъ торговли, и за покупкою ихъ прїѣзжали промышленники изъ Малороссіи и Польши на Сѣчевые ярмонки. Рыбныя ловли у Запорожцевъ на Днѣпрѣ, въ Лиманахъ, Бугѣ, и другихъ, въ нихъ втекающихъ рѣчкахъ были весьма изобильны, и Казаки большими партіями

отправлялись на Кинбурнскую Косу, на *Тендеру* (островъ Тендра) и на Тилигулъ, (т. е. побережье Чернаго моря, въ Очаковской области, гдѣ рѣка Тилигулъ втекаетъ въ море своимъ Диманомъ). Количество ловимой ими рыбы было такъ велико, что не только все Запорожье ею обогащалось, но даже и Польша, Гетманщина и прочіе (окрестныя) жители ею довольствовались.»

Кстати можно здѣсь замѣтить, что О. Вырвичъ, Савицкій, Пейсонель и другіе Писатели, говоря о торговлѣ съ Турціею, упоминаютъ, что въ Очаковѣ производилась общіная торговля съ Запорожскими Казаками, привозившими туда волчьи, лисьи и заячьи шкуры, медъ, масло коровье, хлѣбъ разнаго рода, свижную и сушеную рыбу, икру и прочее, и что они съ жадностію покупали оружіе, шелковые разноцвѣтные ткани, бисеръ, сѣдла, сафьяны и другія, для ихъ украшенія служащія товары, Турецкіе и Польскіе.

5. Церкви, Церковные обряды.

Слѣдующая здѣсь статья еще нигдѣ не была описываема, и потому заслуживаетъ особенное вниманіе. До сихъ поръ Запорожцевъ считали скопищемъ разбойниковъ почти дикими, безъ Вѣры и законовъ. Объ уваженіи ихъ къ своимъ правамъ и обычаямъ (т. е. своему кодексу естественному), уже сказано выше; любопытно видѣть теперь ихъ особенное благоговѣніе къ Церкви, хотя во время наѣздовъ, часто и церкви, особенно Римскокатолическія, подвергались ихъ грабежу. Уваженіе Запорожцевъ къ Православію было столь велико, что всякій пришлецъ, адептъ или кан-

дидать въ Запорожцы, какого бы Исповѣданія онѣ ни былъ, долженъ былъ дѣлаться сыномъ Русской Вѣры. Кіевская Лавра почиталась ими величайшею святынею.

«Наконецъ» — говоритъ Коржъ — «слѣдуетъ объяснить еще то, что между Запорожскими обычаями были и благочестивые обряды. Между ними было много пажобныхъ Казаковъ, которые подъ старость прилѣплялись къ Церкви, украшали храмы богатыми иконами, сосудами, свѣтильниками. Многія Русскія важныя церкви не имѣли столь богатой ризницы, какъ Сѣчевыя: потому что Запорожцы, обогатившіеся добычею и многочисленными стадами и холостые, умирая, за упокой души часто отписывали все имущество церквамъ и монастырю, который былъ въ той же Сѣчи, падъ самою рѣчкою Подпильною. Въ монастырѣ всегда былъ Настоятель и двѣнадцать Монаховъ, которые отправляли цѣлый годъ всѣ положенныя службы. Настоятели часто присылались изъ Кіевской Лавры, а чаще въ ней посвящали Запорожскихъ монаховъ. Настоятель же, въ Сѣчи, постригалъ изъ Запорожцевъ въ монахи и опредѣлялъ Священниковъ въ церкви по папанкамъ и селамъ Запорожскимъ. Это было легко сдѣлать: ибо въ Запорожѣ много случалось грамотныхъ, не только изъ поповичей, которые проходили въ своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ всѣ Науки, но и изъ образованныхъ дѣтей изъ Панаискаго поколѣнія, которые, равно какъ и первые, учившъ какое-нибудь преступленіе и, страшась наказанія, уходили въ Сѣчь.

Монастырь назывался еще и *городкомъ*, т. е. укрѣпленіемъ: ибо противъ набѣговъ неприятельскихъ

былъ укрѣпленъ высокимъ вѣдомъ и вооруженъ пушками, да сверхъ того со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣкою Подпильнею. Въ городѣ жилъ Кошевой и многіе Запорожскіе Паны (старшіе чиповники). Съ одной только стороны былъ устроенъ въѣздъ чрезъ огромную башню, гдѣ стояло много Казаковъ. Церкви монастырскія и сѣчевая (Покровская) были деревянныя безъ ограды. При послѣдней находилась большая и высокая колокольня съ четырьмя окнами, въ которыхъ стояли пушки, какъ для защиты противу враговъ; такъ и для стрѣльбы въ большія Церковныя или войсковыя торжества, особенно въ день Пасхи, Богоявленія, храмовый и другіе праздники. Во время водоосвященія (6 Генваря), Казаки со всѣхъ куреней сѣчевыхъ и изъ ближайшихъ Паланокъ и зимовниковъ, копные и пѣшіе, во всемъ вооруженіи, въ лучшихъ нарядахъ, покуренно собирались вокругъ церкви, всякій отрядъ, съ своими знаменами; артиллерія Казачья была тутъ же. Всѣ стояли безъ шапокъ на площади во время Литургіи. По окончаніи ея, Настоятель монастыря, какъ главное Духовное лице, впереди съ крестомъ, за нимъ всѣ монахи и священники попарно, съ иконами и свѣчами, шли къ рѣкѣ на Іорданъ. Все Запорожское войско, тихимъ шагомъ покуренно съ знаменами слѣдовало за ними, и располагалось по берегу рѣки. Когда Настоятель погружалъ крестъ въ воду, то всѣ пушки и всѣ вооруженные ружьями Казаки палили трикратно; а по окончаніи церемоніи—говорилъ Коржъ—«еще долго, сколько кому угодно стрѣляютъ, такъ что всѣхъ зрителей «покроетъ дымомъ, какъ тмою, и наконецъ всѣ «расходились по домамъ, въ Сѣчь или по зимовня-«камъ».

Въ разказахъ Коржа еще говорится о путешествіи Императрицы Екатерины II въ Новороссійскій край и объ основаніи Ею города Екатеринославля (второго), на мѣстѣ селенія Половицы, и въ немъ церкви; но повѣствованіе его списано такъ невѣрно, что въ немъ уже трудно отыскать простоту истинно-казацкаго разказа, и потому этихъ вовсе не-любопытныхъ подробностей мы не помѣщаемъ. Желаетъ отъ души, чтобы представленные выше шесть отрывковъ прочтены были съ тѣмъ любопытствомъ, котораго они вполне заслуживаютъ по своему содержанию, и чтобы со временемъ они послужили поводомъ къ отысканію другихъ, болѣе важныхъ, но равно достовѣрныхъ и оригинальныхъ матеріаловъ для Отечественной Исторіи.

Быть можетъ, для многихъ будетъ любопытно узнать, гдѣ теперь остатки Запорожскаго народа, послѣ его преобразованія въ 1775 году, т. е. послѣ уничтоженія его военнаго товарищества?

Земли Войска Запорожскаго вошли первоначально въ составъ первой Новороссійской Губерніи, и потомъ Екатеринославскаго Намѣстничества. Теперь они составляютъ Екатеринославскій, Новомосковскій, часть Верхнедніпровскаго и Александровскій уѣзды Екатеринославской Губерніи, и также Херсонскій и часть Ольвѣопольскаго уѣзда въ Херсонской Губерніи. Запорожцы же сами частію остались въ здѣшнемъ краѣ, частію поселены были въ землѣ Черноморскаго Войска; часть ушла-было въ Буджакъ и составляла Усть-Дунайское Казачье войско, нынѣ поселенное въ Аккерманскомъ уѣздѣ; остальная часть, наконецъ, извѣстная подъ названіемъ Некрасовцевъ, жила долгое

время въ Турціи (Болгаріи), но подъ начальствомъ
своего Кошеваго Атамана Гладкаго возвратилась послѣ
Адріаноупольскаго мира въ нѣдра своего первобытнаго
Отечества и составляетъ теперь Азовское Казачье
Войско.

А. СКАДЬКОВСКИЙ.

Одесса,

30 Ноября 1838.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ЭПОПЕЙ

У ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Первое мѣсто послѣ Данте занимаетъ *Аріосто*. Вникая въ характеръ его *Неистоваго Орланда*, не лзя не сознаться, что идея Религіи играетъ въ немъ роль, уже весьма подчиненную. Герои Мавровъ окружены тѣмъ же блескомъ, какъ и рыцари Христіанскіе, и даже о самомъ Христіанствѣ мелькаютъ намеки, весьма не обильные; лишь изрѣдка выводятся на сцену Ангелы высшаго міра, да и то мимоходомъ, безъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ соперничающихъ рыцарей. За то картины любви и чувственныхъ наслажденій разлиты по всему творенію. Ангелика, Альтипа, Браманта, Изабелла связываютъ нить различныхъ приключеній, и тогда когда рыцари временъ Карла Великаго борются, побѣждаютъ и погибаютъ, онѣ умягчаютъ дикій колоритъ героическихъ распрей, и придаютъ всей Поэмѣ характеръ болѣе нѣжный и сентиментальный. Такимъ образомъ *Аріостъ*, мнѣ кажется, развила одну сторону всесторонней *Комедіи Данте*,

и въ этомъ отношеніи является его дополнителемъ, его комментаторомъ.

Ктожь довершилъ другіе элементы, заключающіеся во всеобъемлющемъ Данте? Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка. Джіамбатиста Чинціо Жиральди написалъ мифологическую Эпопею «Геркулесъ»; Людовико Дольче обработалъ Иліаду и Энеиду; Луиджи Танцилло воспѣлъ въ духовной Эпопее слезы Св. Апостола Петра.

Но всѣхъ выше въ художественномъ отношеніи и всѣхъ ближе къ великому Пѣвцу загробнаго міра — *Торквато Тассо, Пѣвецъ Освобожденнаго Іерусалима.*

Слѣдую по стопамъ дивнаго предшественника, онъ раскрылъ въ своей Поэмѣ всѣ тѣ же стихіи, какія преобладаютъ въ Комедіи Данте: Древность, Христіанство и современный характеръ народовъ — рыцарскій, фантастическій и чувственный. Но съ какою разницею? Я говорилъ уже, что Древность не можетъ войти въ разсмотрѣніе при оцѣнкѣ историческаго значенія Эпопей: она — *conditio sine qua non*, она необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ вѣковъ, какъ *сегодня* есть слѣдствіе *вчера*; она типъ, который стирается съ теченіемъ времени, и мало по малу уступаетъ патиску послѣдующихъ событій. Но вотъ уже въ Тассѣ эта сторона по прошествіи трехъ столѣтій обнаруживаетъ гораздо менѣе вліянія, нежели у его учителя. Въ немъ господствуютъ преимущественно могучій, свѣжій духъ Христіанства, вдохновеніе рыцарства, волшебные образы невидимаго міра, и потребность чувственныхъ картинъ, которая такъ свойственна пылкой юношеской крови народовъ. Но и здѣсь мы должны устранить то, что собственно составляетъ принадлежность Эпопеемъ, отъ того, что слу-

жить отпечаткомъ времени. Описаніе битвъ и явленіе чудеснаго такъ тѣсно связаны съ существомъ Героическихъ Поэмъ, что мы, при нашемъ способѣ зрѣнія, можемъ приписать имъ только второстепенную важность. Для насъ гораздо назидательнѣе обратить вниманіе на самую тему, на тѣ картины, которыми Поэтъ украшаетъ ее. Въ первомъ отношеніи онъ представляетъ намъ идею Религій, которая руководствуетъ народы къ смѣлымъ подвигамъ, переноситъ ихъ въ непріятельскій станъ Сарациновъ, и внушаетъ имъ дерзкую и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивую мысль водрузить мечъ и крестъ на Гробъ Спасителя. Въ послѣднемъ онъ рисуетъ намъ роскошные голы Армиды, обольщеніе любви и нѣги, и покорствуя тайному инстинкту, платитъ дань природѣ и возрасту.

И такъ, не увлекаясь дальнѣйшими доказательствами, не вдаваясь въ подробности, которыя такъ заманчивы въ пѣвцѣ Іерусалима, не входя съ разбирательство сладострастнаго Марино, обезсмертившаго себя своимъ Адописомъ, мы можемъ заключить, кажется, съ достовѣрностію, что идея его Поэмы въ главныхъ чертахъ сходна съ идеею Данте, и что всѣ Эпопеи Италіянцевъ, взятая въ совокупности, выражаютъ *религіозность, облеченную въ роскошныя формы и соединенную съ наклоностію къ плъкъ и чувственныя наслажденія*. Странное сочетаніе, которое, состоя изъ двухъ противоположныхъ, но въ то же время огненныхъ субстанцій, ускорило съ одной стороны ранній пѣвгъ Италіянской Литературы, а съ другой спалило юный плодъ, не давши ему достигнуть полной зрѣлости.

И этотъ характеръ, высказанный Поэтами XIII, XIV и XV вѣковъ, повторяющійся и въ большей части ихъ драматическихъ произведеній, составляетъ также отличительную черту самихъ Италіянцевъ. Посмотрите на толпы этого народа, который тѣснится у вратъ церкви Св. Петра, который съ такою поэтической набожностію повергается ницъ предъ Божественными изображеніями Корреджіо и Рафаэля, который чрезъ часъ съ неистовымъ веселіемъ бѣгаетъ по стогнамъ Рима, празднуя свой шумный карнавалъ, и вдругъ удалясь подъ тѣнь густыхъ черешень, предается сладостному *far niente*. Здѣсь вся его жизнь, здѣсь вся его Исторія. Не по чувству ли мнимо-религіозному онъ съ такою ненавистію преслѣдовалъ Гибелиновъ, которые, возставая противъ Папъ, мнимо посягали и на самую Религію? Не изъ любви ли къ безпечной нѣгѣ, наслажденіямъ и роскошной жизни, онъ дробился на многія отдѣльныя области, не заботясь о средоточіи своихъ силъ, о единствѣ, единственномъ источникѣ политическаго могущества?

Между тѣмъ какъ внутреннія распри и вѣншія войны раздирали плодородныя области Италіи, *Пиринейскій полуостровъ* представляетъ зрѣлище не болѣе утѣшительное. Четыре слоя разнороднаго народонаселенія, произведенные наводненіями иноплеменныхъ, долгое время не могли мирно расположиться между собою. Владычество Римлянъ, начавшееся Сципіономъ Африканскимъ, сгладило слѣды первобытныхъ жителей; вторженіе Готеовъ и Вандаловъ, менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе разрушило плоды долговременной цив-

визація, и поражение при Хересѣ большую часть *Испаніи* передало въ руки Мусульманамъ. Тогда бурная жизнь двухъ могучихъ и свѣжихъ народовъ закипѣла страстями. Ни нравственное сходство, ни общія понятія о рыцарской чести, ни блескъ Кордуанскаго просвѣщенія, не могли помирить два племени, враждебныя по духу Вѣроисповѣданій. Религіозный энтузіазмъ воспламенилъ сердца героевъ и возжегъ битву на жизнь и смерть. Но среди крови и пожаровъ, чувствуешь иногда вѣяніе болѣе кроткаго духа классическаго Рима, чувствуешь близость тѣней Помпонія Мелы и Колумеллы, обонхъ Сенеки и Марціала, Лукана и Квинтиліана.

И въ этотъ періодъ противоборствующихъ стпхій; въ XI столѣтіи, впервые разнеслась по Испаніи *Поэма о Сидѣ-бойцѣ*. Руководимый чувствомъ религіозности, онъ съ какимъ-то гордымъ смпреніемъ переноситъ всѣ униженія, наносимыя ему Королемъ, ссылку и разлуку съ семействомъ и идетъ противъ невѣрныхъ, чтобъ пріобрѣсти Валенцію подъ власть своего отечества. Таково первое отдѣленіе этой народной Эпопеи. Второе содержитъ въ себѣ примиреніе героя съ Королемъ, созваніе Кортесовъ и удовлетвореніе, полученное Сидомъ отъ неблагодарныхъ злѣевъ. Благодарный рыцарскій характеръ народа и возвышенныя правила Христіанства просвѣчиваютъ въ цѣломъ твореніи; нѣтъ ни одного признака рождающагося вліянія древности. ни одного намека, который бы выказалъ проявленіе классической учености. Вотъ почему *Поэма о Сидѣ* съ такою быстротою разлилась по Испаніи и сдѣлалась народнымъ достояніемъ всякаго жителя. Подражанія не преминули явиться. Въ

особенности въ XIV столѣтіи *Исторія о Фердинандѣ Гонзалесѣ*, основателѣ Кастильскаго величія, воспѣваетъ, по образцу Поэмы о Сидѣ, дивные подвиги и побѣды прославленнаго героя противъ враговъ Христіанства.

На равнѣ съ этими Эпосеями явились *легенды*, которыя, изъ угожденія духу народному, дополняли то, что не могло входить въ составъ рыцарскихъ стихотвореній, но тѣмъ не менѣе оковывало сердца и воспламеняло воображеніе. Такова, между прочимъ, легенда о *Св. Милланѣ де ла Коллола*, Пресвитерѣ въ Берцео, который, то живи въ пустынномъ уединеніи, то переселяясь въ городъ изъ послушанія къ Духовнымъ властямъ, проводитъ дни и ночи въ благочестивыхъ занятіяхъ, творить чудеса, исцѣляетъ немощныхъ, и даже 300 лѣтъ послѣ кончины, призванный на помощь Кастиліянами въ битвѣ съ Маврами, истребляетъ войско вѣрныхъ. Я не говорю здѣсь о Поэмѣ *Лоренца Сегуры*, описывающей въ фантастической одеждѣ дѣянія Александра Великаго; умалчиваю о другихъ подобныхъ ей стихотвореніяхъ, которыя представляются мнѣ ученическими упражненіями, пародіями, писанными подѣ диктовку Древности; не могу распространяться также о прекрасной во многихъ отношеніяхъ *Аракуанѣ Эрцилловой*, потому что высказалъ уже свое мнѣніе объ историческихъ Поэмахъ вообще. Мнѣ кажется достаточнымъ выкинуть въ приведенныя мною эпическія созданія Испанцевъ, Поэму о Сидѣ и легенды, чтобъ раскрыть самобытный характеръ народа, состоящій преимущественно въ *религиозности*, съ *примѣсью рыцарскаго энтузіазма*.

Но отъ чего образовался этотъ характеръ? Отъ того ли, что поселившіеся Варвары, едва основавшіе осядлость въ новомъ отечествѣ, тотчасъ должны были бороться противъ сильнаго врага своей Религіи и независимости, выкупить кровію каждый вершокъ занятой ими земли, и подъ опасеніемъ лишиться навсегда своего крова и искать убѣжища въ чуждыхъ странахъ, не могли и не смѣли ни на минуту упадать духомъ? или отъ того, что отрѣзанные Природою отъ прочей Европы, они не могли раздѣлится съ нею успѣхи гражданственности и подчинить Готическіе нравы кроткому вліянію просвѣщенія? И то и другое; но первое сильнѣе. Такъ, не видимъ ли мы даже въ XVI и слѣдующихъ столѣтіяхъ, когда Испанія явилась одною изъ господствующихъ націй Свѣта, не ученицею, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наставницею Европы, то же преобладаніе религіозности и благородной отваги? Не видимъ ли въ самомъ Сервантесѣ, который такъ остроумно осмѣлялъ анахронистическія нецѣлности выродившагося рыцарства, черты того же благороднаго стремленія, въ особенноти въ его Персилѣ и Сигисмундѣ, то же благочестивое уваженіе къ правамъ и святости Церкви, ту же душевную жажду къ спасительному Риму? Не замѣчаемъ ли то же направленіе въ Лопе де Вега, когда онъ соперничаетъ съ Тассо въ своемъ Покореніи Іерусалимѣ, или вводитъ священныя дѣйствія и жизни Святыхъ въ своихъ Божественныхъ Комедіяхъ? Не находимъ ли подтвержденія этому характеру и въ самомъ Кальдеронѣ, который при всей многосторонности своего гения, при глубокомъ изученіи древнихъ образцовъ, при всей поклонности къ героическимъ сказаніямъ, при всей народности,

не забываетъ и Духовныхъ Драмъ и легендъ о Святыхъ. Раскроемъ любую главу изъ Политической Исторіи Испанцевъ: среди потоковъ крови, которыми они наводнили Новый Свѣтъ, среди тысячи цѣней, которыми обременили бѣдныхъ сыновъ Природы, посланныхъ въ рудники Америки, среди нетерпимости и корыстолюбія, не руководствовала ихъ та же религіозность, хотя и ложно понятая; не одушевляло ли ихъ то же рыцарство, хотя и дурно примѣненное къ дѣлу? Не дышитъ ли каждая страница ихъ лѣтописей тою же непоколебимою преданностію Вѣрѣ отцевъ своихъ, тѣмъ же рыцарскимъ самоотверженіемъ, которыя отличали ихъ еще въ семи-вѣковыхъ битвахъ съ Маврами и съ возобновленной силою воспрянули въ испанской борьбѣ съ исполиномъ XIX столѣтія?

По стопамъ Испанцевъ, пошли *Португалцы*. Воспитанные въ лонѣ Испаніи, съ языкомъ близкимъ къ мягкому нарѣчію Галичанъ, съ характеромъ, образовавшимся подъ вліяніемъ своей матери, — Португалія вскорѣ вступила на поприще Литературы, самобытно, самоувѣренно. Какъ гордый юноша, чувствующій собственныя силы и не желающій быть обязаннымъ своей славой, славѣ предковъ, пролагаетъ себѣ новый путь къ побѣдѣ: такъ и она искала опасности не на материкѣ Европы, но на зыбкой стихіи морей, и проникала въ сыпучія степи Африки, чтобъ въ отдаленныхъ частяхъ Свѣта водрузить троемъ своего величія, основать владычество своей Религіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ младшее поколѣніе невольно умягчаетъ дикіе нравы старшаго, по согласному закону Природы

и Христіанства, который водворяетъ человѣколюбіе на мѣсто дикаго варварства: такъ и Португальцы во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ воодушевлены большею кротостію нравовъ, нежели ихъ предшественники, и даже среди побѣдныхъ торжествъ выказываютъ грустное расположение духа, сочувствіе человѣка и Христіанина.

По достиженіи высшаго блеска на сценѣ политической жизни, послѣ попытокъ Лиризма, является *Камоэнсъ*, творецъ *Лузіады*. Подвиги перваго героя націи воспламенили перваго пѣвца ея. Возбужденная великостію предпріятія Васко де Гамы, взлелѣянная подъ свѣтлымъ небомъ отчизны, воспитанная роскошью древней Миеологіи и чудесами Восточнаго міра, наконецъ оплодотворенная глубокимъ чувствомъ религіозности, — фантазія его излилась обильнымъ потокомъ въ звучныхъ стихахъ и издала Поэму, которая споритъ съ лучшими произведеніями древнихъ и новыхъ временъ. Не упрекайте священноі тѣни Поэта въ томъ, что, подлежа господствующему духу воспитанія, онъ миеологическія божества смѣшалъ въ своемъ твореніи съ предвѣчнымъ Богомъ Христіанства; что, не соразмѣрля порывовъ воображенія, онъ слилъ понятія Апостольской Церкви съ олицетвореніями стихій, съ красками чувственной Вѣры Грековъ и обрядами Магометанской Религіи: онъ былъ человѣкъ и сынъ своего вѣка. Лучше удивляйтесь богатству творческаго ума, который всѣ элементы современнаго міра, всѣ понятія, волновавшія юное, не остепенѣвшееся общество Европы, соединилъ въ одномъ великомъ созданіи, и представилъ памятникъ, который вѣрнѣ сухихъ хроникъ выражаетъ бытіе народовъ и раскрываетъ идеи, руководившія ими. Но если, съ одной стороны, *Лузіада*

заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ же почти черты Португальскаго характера, какія мы уже видѣли въ Испанцахъ, ту же религіозность, тотъ же рыцарскій духъ, и еще большее уваженіе древности: то съ другой не лъзя не отличить и нѣкоторой особенности, которая исключительно принадлежитъ ему одному. Это чувство грусти, не оставляющее Португальца среди торжествъ и кликовъ побѣды. Вспомните трогательное прощаніе спутниковъ Гамы съ матерями и супругами (1), плачевную казнь Инесы, которая, любивши и бывъ любимою, препятствовала соединенію Кастиліи и Португаліи (2); возобновите въ вашей памяти предсказаніе огромнаго привидѣнія, которое рассказываетъ изумленному Гамѣ несчастную судьбу двухъ скитальцевъ, брошенныхъ кораблекрушеніемъ на пустынные берега Африки (3), и вникните въ ходъ Поэмы, которая дышитъ этимъ уныніемъ—слѣдствіемъ горестей, перенесенныхъ Поэтомъ, и предчувствіемъ будущихъ бѣдствій, долженствовавшихъ поразить его отечество; и эта черта представится господствующею во всемъ твореніи и въ самомъ характерѣ Португальцевъ.

Для подтвержденія этой мысли взглянемъ на прочія Эпопеи этого народа. Сколько патетическихкихъ мѣстъ въ *Поэмѣ Кортес-Реала*, описывающей странствованія Сепульведы, его кораблекрушеніе, спасеніе на берегу Африки, гоненія отъ туземцевъ, и голодную смерть его супруги Ліаноры и дѣтей! Какою трогательною кистию онъ изображаетъ состояніе отца, когда онъ, не считая самъ себя достойнымъ просить помощи

(1) Пѣснь IV.

(2) Пѣснь III.

(3) Пѣснь V.

Всевышняго, возносить дѣтей своихъ къ небу, и надеется, что молитва невинности будетъ услышана! Съ какимъ участіемъ воспѣваетъ онъ послѣднія усилія умирающей матери сохранить жизнь себѣ и младенцамъ, и заставляетъ сойти завистливыхъ доселѣ боговъ, чтобы начертать на ея могилѣ слова состраданія и примиренія! И это не случайные эпизоды. Та же грустная религіозность видна въ *Элегіадѣ Перейры Брандана*, воспѣвающей Алкасоръ-Кабирскую битву; она же проникаетъ всю Поэму *Квебеда*, описывающую покореніе трехъ могущественныхъ Государствъ Африканскихъ при Алфонсѣ Африканскомъ. Прочтите приготовленія къ отплытію, плачь отца, которому предсказана гибель его сына, эпизодъ о плѣнѣ Фернанда, горестъ Зефиры, нашедшей трупъ своего возлюбленнаго, и предсмертную встрѣчу Карвало съ своимъ сыномъ. Или пробѣгите въ *Улиссѣ Перейры-де-Кастро* заклинанія Каликсы, умоляющей о возвращеніи Улисса, и кончину ея въ волнахъ Тага. Или вспомните въ *Поэмѣ Са-э-Менезеса* — покореніе Малаки, страданія долговременнаго плѣна Виеги, и встрѣчу Сузы и Глауры послѣ горькой разлуки. Не хочу скрывать, что во всѣхъ этихъ произведеніяхъ (кромѣ послѣдняго), Миеологія Грековъ выказываетъ могучее вліяніе, не хочу умолчать также, что въ нихъ встрѣчаются и роскошныя описанія садовъ, заимствованныя изъ Освобожденнаго Іерусалима Тасса; но не льзя и не согласиться, что преобладаніе понятій Христіанства, планъ самыхъ созданій, основанный всегда на идеѣ распространенія истины Вѣры, и частыя обращенія не вѣрныхъ опредѣляютъ первымъ элементомъ Поэмъ Португальскихъ и самаго народа — религіозность; а за

тѣмъ меланхолія, разлитая по всѣмъ этимъ произведеніямъ, заставляетъ насъ признать вторымъ элементомъ — *грусть*.

Можетъ быть и этотъ самый характеръ, преобладающій въ народѣ, и родившій въ немъ перевѣсъ челоуколюбія предъ другими морскими Державами, похитилъ у него вскорѣ скиптръ первенства въ политическомъ мірѣ и ограничилъ власть его въ другихъ частяхъ Свѣта.

Такимъ образомъ *разлиозность*, по моему мнѣнію, составляетъ главный общій характеръ трехъ народовъ Южной Европы; съ тѣмъ различіемъ, что у *Италіянцевъ* она сопровождается *наклонностію къ роскоши и нль*, у *Испанцевъ* — *рыцарскимъ энтузіазмомъ*, у *Португальцевъ* — *грустью*. Живя преимущественно сердцемъ, они, какъ драгоценное наслѣдіе, хранили Святое ученіе Спасителя міра, и давали ему первое мѣсто въ душѣ своей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, платя необходимую дань національному характеру, сопровождали его второстепенными проявленіями: нѣгой, восторженностію и уныніемъ.

Посмотримъ на народы Сѣверной и Средней половъ Европы, и постараемся тѣмъ же путемъ развитъ ихъ характеръ и значеніе въ мірѣ историческомъ.

Еще до начала Христіанской Эры, первыя сѣмена цивилизаціи были привезены Римлянами въ *Великобританію, Шотландію и Ирландію*. Но если на Сѣверѣ грубая кора, покрывавшая души островитянъ, не хотѣла принять благодѣтельные нововведенія Рима, то на Югѣ, непрерывныя политическія бури, развѣ-

вали сѣмена гражданственности, не укоренившіяся на песчаной почвѣ Англіи. Нужно было пройти многимъ столѣтіямъ, чтобы волненіе различныхъ народонаселеній успокоилось въ надлежащихъ предѣлахъ; нужны были примѣры прочихъ странъ Западной Европы, чтобы водворить чистѣйшій вкусъ и любовь къ безкорыстнымъ занятіямъ Литературою. Но странное дѣло! тѣ же волненія обуревали и прочія страны, образовавшіяся на развалинахъ Римской Имперіи, тѣ же столкновенія враждебныхъ стихій господствовали и на Аппенинскомъ и на Пиринейскомъ полуостровахъ, и въ Германіи и во Франціи; но между тѣмъ они тамъ послужили ко благу народовъ, они возбудили ихъ умственную дѣятельность въ великихъ Эпопеяхъ, и оставили назидательные памятники минувшихъ временъ. Разсмотрѣніе этого вопроса ведетъ къ важному замѣчанію, на который кажется еще не было обращено вниманія. По моему мнѣнію, для произведенія героической Поэмы недостаточно одной великой національной борьбы; для этого нужно, чтобы въ этой борьбѣ коренное народонаселеніе одержало верхъ надъ враждебными усиліями чужестранцевъ; нужно, чтобы воспоминанія прошедшихъ битвъ льстили народной гордости, а не обнажали ихъ униженія; необходимо, чтобы туземный духъ непремѣнно остался побѣдителемъ надъ вліяніемъ элемента, насильно привитаго извнѣ. И этого именно не доставало въ Англіи. Послѣ непрочнаго владычества Римлянъ, древніе Кельтическіе обитатели Британіи были побѣждены Англосаксами; за ними слѣдовали Датчане, за Датчанами — Норманы. И въ каждомъ изъ этихъ нашествій побѣда оставалась на сторонѣ пришельцевъ; въ каждомъ пе-

реворотѣ врожденный духъ народа былъ преслѣдуемъ, гонимъ съ неимовѣрною жестокостію. Вотъ почему первые отпрыски настоящей Литературы являются только тогда, когда посредствомъ Нормановъ изъ смѣшенія двухъ элементовъ, Англосаксонскаго и Французскаго, образовался новый языкъ и новый народъ Англійскій. Чаусеръ открываетъ рядъ народныхъ Писателей на этомъ поприщѣ обновленной Литературы; но если одинъ изъ его преемниковъ Лидіатъ (около 1430), покорствуя общему закону, и пытался въ Поэзій Эпической, то попытка его была неудачна, потому что вѣкъ героическій давно миновался и не могъ льстить воображенію вѣка, уже свыкшагося съ законами общественного устройства.

Мы указуемъ на *Оссіана*. Конечно, если бъ его Поэма дѣйствительно существовала въ первоначальномъ видѣ, она была бы выраженіемъ героической эпохи Шотландіи и Ирландіи. Но доселѣ задача о подлинности этихъ стихотвореній остается нерѣшеною; доселѣ труды частныхъ лицъ и старанія Ученыхъ Обществъ не могли отыскать оригинала на Галльскомъ нарѣчій; доселѣ даже неизвѣстно, какую войну воспѣваютъ они — съ Римлянами ли въ первые вѣки Христіанской Эры, или съ Норманнами въ IX или X столѣтіяхъ. Вильменъ, считая ихъ поддѣльными, видитъ въ нихъ усиліе литературнаго возрожденія чрезъ подражаніе древнимъ формамъ; Розенкранцъ признаетъ ихъ подлинность въ произвольной, небрежной обработкѣ. Мы кажется, чтобы примирить противорѣчащія мнѣнія, слѣдуетъ принять, что дѣйствительно между Сѣверными горцами Шотландіи образовалось довольно количество народныхъ Пѣсень; что эти Пѣсни относи-

лись къ различнымъ временамъ, и что Макферсонъ, собравъ ихъ, составилъ изъ нихъ одно цѣлое, дополнилъ собственнымъ вдохновеніемъ, глубокимъ изученіемъ Еврейской, Греческой и отечественной Литературы, и издалъ въ настоящемъ видѣ. Трудно бы было предположить сохраненіе такой огромной цѣпи Поэмъ, чрезъ 8 или даже 17 столѣтій безъ малѣйшаго искаженія въ народѣ, не имѣвшемъ письменности; еще труднѣе объяснить недостатокъ всякой Религіи, совершенное молчаніе о Друидахъ, Бардахъ, объ Югѣ и Христіанствѣ. Розенкранцъ, желая устранить это возраженіе, говоритъ, что Оссіанъ, былъ печальнымъ отголоскомъ гаснущаго народа, послѣднимъ исчезающимъ призракомъ древняго погибшаго вѣрованія, при не твердомъ еще водвореніи Христіанства; но такое бытіе въ народѣ есть бытіе страдательное: какимъ же образомъ въ это время могла родиться Эпопея обширная и во многихъ отношеніяхъ совершенная? Миѣ кажется, что намъ надобно ограничиться тѣмъ заключеніемъ, чтобъ признать стихотворенія Оссіановы систематическимъ собраніемъ народныхъ пѣсень Шотландіи, гирляндой отечественныхъ и чужеземныхъ цвѣтовъ, связанныхъ искусною рукою; удачною попыткою возобновить въ памяти классическаго вѣка давно забытыя вдохновенія древнихъ національных Поэтовъ. И смотря съ этой точки зрѣнія, они очень вѣрно изображаютъ характеръ Сѣверныхъ горцевъ, характеръ грустный и мрачный; но не ищите важныхъ историческихъ результатовъ въ такомъ твореніи, въ которомъ даже не лзя доискаться, о какихъ непріятеляхъ оно упоминаетъ: о Римлянахъ или Норманахъ.

Такимъ образомъ намъ остается рассмотретьъ един-

ственную почти религіозную Эпопею Англичанъ — *Потерянный рай Мильтона*. Поэтическія качества этого первокласснаго Поэта Англіи признаны въ мірѣ литературномъ: намъ должно обратить вниманіе на историческія его достоинства; но и здѣсь, какъ въ Оссіанѣ, эта сторона не обѣщаетъ богатой жатвы. Можно ли ожидать современныхъ указаній въ религіозной Поэмѣ, воспѣвающей первоначальное грѣхопаденіе человѣка и изгнаніе его изъ блаженной обители рая. Одному исполинскому, безграничному воображенію Данте было предоставлено это преимущество, изобразить въ религіозной Эпопеей политическій бытъ своего вѣка; да и то не иначе, какъ съ многократнымъ нарушеніемъ естественности и правилъ образованнаго вкуса. Мильтонъ, съ большею отчетливостію, избѣгнулъ погрѣшностей своего предшественника и пожертвовалъ историческимъ интересомъ. За то религіозное чувство выражается у него чище, важнѣе; здѣсь нѣтъ несообразнаго смѣшенія древней Мифологіи съ идеями Христіанства; здѣсь не встрѣтите роскошныхъ напоминаній чувственной любви, ни увѣковѣченія своей вражды и ненависти; хотя и Мильтонъ, платя дань своему вѣку, заставляетъ сатану дѣйствовать пушками. Но если религіозность, какъ непреложное наслѣдіе, доставшееся въ удѣлъ всему Христіанскому міру, является господствующимъ элементомъ Эпопеи Мильтоновой: то какія второстепенныя черты просвѣчиваютъ въ нашемъ Поэтѣ, какія свѣдѣнія сообщаетъ онъ намъ, чтобъ раскрыть частный духъ тогдашняго вѣка и общій характеръ народа? Въ первомъ отношеніи не трудно усмотрѣть стремленіе Мильтона доказать Христіанскія истины метафизическими тонкостями — стре-

мленіе, которое обуяло ученые умы XVII вѣка; но общій народный характеръ сокрытъ гораздо глубже, гораздо тщательнѣе, и требуетъ не малыхъ усилій, чтобъ высвободиться, такъ сказать, изъ оболочки поэтическихъ прикрасъ и Богословскихъ воззрѣній. Только прилежное, внимательное изученіе всей Эпопеи можетъ доставить нѣсколько поясненій. Такъ въ самомъ началѣ (кн. I, ст. 20), Мильтонъ высказываетъ цѣль и пользу своего творенія—*доказать вѣрный промыслъ, и въ очахъ людей оправдать пути Божіи*. Никогда ни одна Эпопея доселѣ не поставляла себѣ опредѣленной цѣли. Мильтонъ первый далъ ей направленіе дидактическое, онъ первый имѣлъ въ виду полезность, и вѣроятно дѣйствовалъ по побужденію духа народнаго, который вездѣ ищетъ пользы и выгоды. Авторъ одной статьи о Мильтонѣ (1) справедливо замѣчаетъ въ немъ сатирическое направленіе, которое не рѣдко вырывается, можетъ быть, и противъ собственной воли Поэта: такъ Адамъ (2) встрѣчаетъ Архангела Рафаила *безъ всякой прислуги*. Наконецъ Расинъ въ своемъ переводѣ Мильтона (3) съ неменьшею основательностію замѣтилъ матеріалистическій духъ его: въ особенности въ концѣ V-й книги, въ бесѣдѣ между Ангеломъ и Адамомъ, мы съ удивленіемъ читаемъ длинную тираду о возможности Ангеловъ вкушать земную пищу, о постепенномъ разжиженіи ея до жизненнаго духа, о дарованіи ею жизни, чувства, воображенія и ума, о пищѣ пла-

(1) Charaktere der vornehmsten Dichter aller Nationen, Bd. VII. Stück I. pg. 183 — 183. Leipzig, 1803, in-8.

(2) Въ кн. V ст. 351.

(3) Le paradis perdu de Milton, traduction nouvelle par M. Racine. Tome I. Discours, pg. CIII. Paris 1738, 8°.

нетъ, о первобытной матеріи; дагѣ еще страннѣе слышать изъ устъ его о непреклонной необходимости и неизбѣжномъ рокѣ. Такимъ образомъ, устранивъ все, что не опредѣляетъ историческаго значенія Потеряннаго Рая, вымыслы фантазіи—принадлежность Поэзии, религіозность—общій удѣлъ Христіанскаго міра, ученія разсужденія—дань XVII вѣку, мы открываемъ въ Мильтонѣ еще другіе элементы: *утилитарность*, *юморъ* и *материализмъ*, которые, проглядывая въ его созданіи, должны быть признаны необходимымъ отраженіемъ духа народнаго.

И дѣйствительно, таковъ характеръ Англичанъ. Смотри на всѣ предметы съ практической стороны, видя вездѣ перевѣсъ матеріи надъ духомъ, и встрѣчая самыя превратности судьбы съ улыбкой насмѣшки, они и въ политической жизни берутся за вещи положительно, и стремленія другихъ народовъ къ наслажденіямъ, къ славѣ, къ отвлеченнымъ теоріямъ, награждаютъ не рѣдко сатирою.

Умалчивая о другой Эпопее Мильтона, Возвращенномъ Раѣ, и другихъ Эпическихъ стихотвореніяхъ Англичанъ, менѣе важныхъ въ Исторіи Литературы, обратимся теперь къ Скандинавамъ и ихъ братьямъ—Германцамъ.

На самомъ Сѣверѣ, на предѣлахъ населеннаго міра, между крайней оконечности Европы и Восточнымъ берегомъ Америки, видѣтъ уединенный островъ, образовавшійся изъ вулканическихъ изверженій, напитаемый лавою, покрытый кратерами и ледниками, это—*Исландія*. Сюда-то въ IX столѣтіи по Р. Х. вытѣ-

снепная различными переворотами и возрастающимъ могуществомъ Короля Гаральда, переселилась лучшая часть народа, вѣрная древнимъ обычаямъ своихъ предковъ, и образовала особое аристократическое управленіе, которое долгое время умѣло противостоять всѣмъ притязаніямъ чужеземныхъ властителей (1). Сюда-то, вмѣстѣ съ отважными переселенцами, перешли также и религіозныя ихъ вѣрованія, порожденныя мрачнымъ небомъ Скандинавіи, и поэтическія воспоминанія — останки счастливѣйшихъ временъ, и историческія преданія — плодъ вѣковой политической жизни. Здѣсь-то, въ XI столѣтіи, впервые явилась *Древняя Эдда*, дивная пародная Эпопея Скандинавовъ, сводъ всѣхъ мифологическихъ, гномическихъ и героическихъ попятій, собранная Исландцемъ *Семундомъ* и раздѣленная на нѣсколько отдѣльныхъ пѣсней.

Какъ Рамаяна Индійцевъ представляеть воплощеннаго бога, претерпѣвающаго для людей различныя бѣдствія; какъ Иліада Гомера воспѣваетъ могучаго Ахиллеса, обреченнаго на преждевременную гибель: такъ и здѣсь, въ древней Эддѣ, мы видимъ жизнеописаніе героя Сигурда, потомка Одинова, осужденнаго на непрерывную борьбу съ враждебною судьбою и раннюю смерть отъ руки измѣнника. Здѣсь предъ нашими глазами протянута вся нить дивныхъ приключеній его; его побѣда надъ дракономъ, приобрѣтеніе гибельнаго сокровища, его вторженіе въ очарованный замокъ Брунгильды, невольная измѣна давной клятвѣ, встрѣча и союзъ съ Нифлунгами, Гунаромъ и Гогни, бракъ съ сестрою ихъ Гудруною, за

(1) См. Эгиллову Сагу.

тѣмъ бракъ Гупара съ Брунгильдою, взаимный раздоръ въ семействѣ, вѣроломное умерщвление Сигурда, самоубійство Брунгильды, вторичный бракъ Гудруны съ Аттилою, Царемъ Гунскимъ и кровавая катастрофа, оканчивающая всю Поэму. Но кромѣ героическаго повѣствованія, какое обиліе историческихъ указаній скрываются въ религіозныхъ пѣсняхъ древней Эдды. Здѣсь (въ Волуспѣ) вы видите очеркъ всего вѣрованія Скандинавовъ, происхожденіе боговъ и вселенной, различныя фазы ихъ бытія, трагическое разрушеніе міра и блаженное возрожденіе Природы; здѣсь (въ Гава-Малѣ) вы находите богатое сокровище практической мудрости, заповѣданной Однимъ, съ высокими правилами общежитія и многими чистыми понятіями о нравственности, какъ будто заимствованными у Христіанъ; здѣсь (въ Ригсъ-Малѣ), подъ таинственнымъ странствованіемъ Рига, одного изъ древнихъ Асовъ, вы читаете аллегорическое происхожденіе трехъ главныхъ сословій: рабовъ, свободныхъ и благородныхъ, или трехъ первобытныхъ поколѣній—туземцевъ, Готевъ и Асовъ. Здѣсь, въ различныхъ пѣсняхъ вы встрѣчаете неоцѣненные указанія на всю вообще Космологію Сѣверную, на ихъ волшебныя руны, и даже на частныя обстоятельства домашней жизни. Не лзя воздержаться отъ удивленія, когда, сравнивая божества Скандинавовъ съ божествами Индійцевъ, Египтянъ и Грековъ, мы встрѣчаемъ много одинаковыхъ представленій о Творцѣ, Вселенной и человѣкѣ; или когда, взвѣшивая различныя мнѣнія Ученыхъ о глубокомъ смыслѣ мифовъ, обнимаемъ взорами всю важность и обширность Сѣверной Мифологіи. Такъ нѣкоторые принимали героевъ и боговъ Эдды

за историческія лица, отличившіяся своими благодѣ-
 ланіями для рода человѣческаго; или за цѣлыя народы,
 нѣкогда дѣйствовавшіе на горизонтѣ міра и пред-
 ставленные единицами; другіе считали ихъ олицетво-
 реніемъ поразительныхъ явленій природы и перемѣнъ
 небесныхъ тѣлъ; иныя наконецъ видѣли въ нихъ
 замысловатыя аллегоріи понятій и чувствованій чело-
 вѣка и даже всего хода Всемирной Исторіи. Трудно
 согласиться съ двумя послѣдними системами въ осо-
 бенности, когда поставимъ въ параллель глубокое невѣ-
 жественное состояніе древнихъ Сѣверныхъ народовъ
 съ тѣми открытіями въ области Астрономіи, Физики
 и Философіи, которыя сдѣланы только въ новѣйшія
 времена и которыхъ знаніе непременно должно пред-
 полагать въ Скандинавахъ при такомъ отвлеченномъ
 толкованіи ихъ мифовъ. Нѣсколько ближе къ истинѣ
 подходитъ первое, чисто-историческое мнѣніе; но и
 здѣсь не лзя отстранять содѣйствія фантастической
 Поэзіи и нравственной Философіи, облеченныхъ въ
 печальныя, мрачныя образы. Такъ, по моему мнѣнію,
 въ Исторіи Сигурда не достаточно видѣть символиче-
 ское изображеніе золота, текущаго въ нѣкоторыхъ
 странахъ Европы и Азіи, или воплощеніе Одина по-
 добно Кришнѣ и Рамѣ (1). Мнѣ кажется, что осно-
 ваніемъ Эпопей служила нравственная мысль о бѣд-
 ствіяхъ, сопряженныхъ съ открытіемъ золота, о не-
 вольномъ часто подчиненіи себя слабостямъ природы,
 о вѣчной борьбѣ добра со зломъ и неизбѣжномъ воздая-
 ніи за преступленія, и что за тѣмъ къ этой нравствен-

(1) Ampère, Sigurd, tradition épique selon l'Edda et la Niobelungs;
 въ Revue des deux mondes. 1832, 1. Août. pag. 339 — 340.

пой идеѣ присовокупилось въ послѣдствіи воспомина-
 ніе ужасныхъ переворотовъ, которые, овладѣвши воо-
 браженіемъ и чувствомъ національной гордости, воз-
 росли до исполинской высоты и облекли первоначаль-
 ную мысль въ одежду великой народнои Эпопеи. Та-
 кимъ образомъ ткань, образовавшаяся изъ наблюденій
 нравственнаго міра, покрылась съ теченіемъ времени
 волнистыми нитями историческихъ преданій. И если,
 съ одной стороны, трудно допустить участіе Аттилы,
 Царя Гуннского, въ домашнихъ распряхъ героевъ
 Скандинавскихъ, то съ другой не мудрено, что сто-
 устая молва, разнося вѣсть о битвѣ небесномъ даже
 до льдистыхъ горъ Исландіи, хотѣла сохранить въ
 памяти людей это явленіе, сливши его съ отечествен-
 ными преданіями. Такъ и дѣянія Александра Маке-
 донскаго сдѣлались любимымъ средоточіемъ многихъ
 поэтическихъ вымысловъ, начиная отъ береговъ Гал-
 геса до устья Тага,—средоточіемъ, къ которому отно-
 сили многіе великіе подвиги даже и позднѣйшаго
 времени. Какъ бы то ни было, не лзя отрицать,
 какихъ важныхъ результатовъ можно ожидать еще
 отъ внимательнаго изслѣдованія древней Эдды и срав-
 ненія ея съ другими самобытными, умственными тво-
 реніями Древнихъ и Среднихъ временъ. Раскрытіе
 постепеннаго развитія ума человѣческаго, таинствен-
 ная связь между Индусами и Сѣверомъ Европы, Ис-
 торія Асовъ, Религія древнихъ Германскихъ поколѣ-
 ній, понятія о загробной будущности, — вотъ какія
 вопросы могутъ быть еще рѣшены при глубокомъ,
 многотрудиномъ разборѣ этой Эпопеи, — и взоры наши
 съ довѣренностію обращаются къ Королевскому Ко-
 пенгагенскому Обществу Сѣверныхъ древностей.

Не такъ трудно опредѣленіе общаго характера древней Эдды и народа, котораго бытъ она воспѣвала. Здѣсь нѣтъ стеченія противоположныхъ элементовъ, встрѣчаемыхъ въ Литературѣ Южной Европы: лучи Христіанства еще не проникли въ эту страну, оторванную отъ образованнаго міра; древность еще не наложила своєї повелительной руки, и слѣдовательно нѣтъ надобности въ тщательной сортировкѣ; здѣсь одна ненасилованная Природа, одно чистое проявленіе самобытнаго характера; и этотъ характеръ, разлитый по всему творенію, отражающійся въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, состоитъ въ *узости*, естественномъ слѣдствіи печальной Природы, окружавшей Скандинавовъ. Ихъ Поэзія не горитъ яркими цвѣтами Юга, не изливается въ роскошныхъ берегахъ: она упирается въ небо огромными льдистыми скалами и давитъ васъ сумракомъ непроницаемыхъ тумановъ.

Я не войду въ разсмотрѣніе ни позднѣйшей Эдды, ни поэтическихъ Сагъ. Первая, собранная въ XIII столѣтіи Снорромъ Стурлессономъ и представляющая, по большей части, извлеченія изъ древней въ видѣ образцевъ слога, можетъ быть названа скорѣе руководствомъ къ Поэзіи, нежели Эпопеей; а послѣдняя, сколь ни важны по сущности и изложенію, ближе подходятъ къ области Исторіи. Я ограничусь здѣсь однимъ замѣчаніемъ, что въ нихъ замѣтна та же мрачность, только разсѣянная нѣсколько знакомствомъ Скандинавовъ съ Ганзою, и отраднымъ свѣтомъ водворяющагося Христіанства. Перейду къ изслѣдованію судьбы древней Эдды въ другомъ народѣ, въ другомъ вѣкѣ — въ Литературѣ Германцевъ.

Германія, по особенному положенію въ Европѣ, уже искони составляла мѣсто сборища различныхъ племенъ, готовившихся громить Римскую Имперію; и служила просторнымъ распутиемъ для прочихъ народовъ, выходивъ изъ Сѣверной и Средней Азіи. И если другія Южныя страны, можетъ быть, не менѣе подвергались нашествіямъ Варваровъ: за то духъ Христіанства и древней цивилизаціи могъ гораздо скорѣе стереть съ нихъ природный типъ, наложенный вѣками; тогда какъ Германія, болѣе удаленная отъ средоточій древняго міра, гораздо долѣе удерживала врожденный характеръ, и слѣдовательно не могла не представить болѣе времени и свободы образованію народныхъ Эпопей.

Такимъ образомъ, послѣ нѣкоторыхъ религіозно-лирическихъ опытовъ, на языкѣ Латинскомъ, послѣ Хроники Санктъ-Гальскаго Монаха, явившейся въ IX столѣтіи и описавшей гигантскіе и въ то же время Гомерическіе подвиги Карла Великаго, разнеслись по Германіи Пѣсни о *Нибелунгахъ*, которыя хотя и собраны не прежде XII столѣтія, но вѣроятно уже гораздо ранѣе обращались въ народѣ. Не лзя не видѣть, что эта Эпопея составлена совершенно по образцу древней Эдды, съ нѣкоторыми измѣненіями въ именахъ, мѣстахъ и происшествіяхъ. Такъ вмѣсто Сигурда здѣсь является Сигфридъ, вмѣсто Нифлунговъ — Нибелунги (Бургундцы), вмѣсто Гунара и его брата Гогни — Гунтеръ и его сподвижникъ Гагенъ, вмѣсто Гудруны — Хримхильда; такъ вмѣсто того, что въ Эддѣ Аттила мститъ за смерть Сигурда и Брунгильды, здѣсь сама вдова Сигфрида, Хримхильда, вопреки желанію Этцеля (Аттилы), отмщаетъ братьямъ

за убійство перваго ея мужа. Миеологическая часть Эдды пренебрежена въ Поэмѣ Германцевъ; сцена перенесена на Рейнъ; историческія лица то искажены, какъ напримѣръ Аттила, представленный слабымъ вождемъ надъ огромною Имперіей, то вставлены неумѣстно безъ хронологическаго вѣроятія, какъ Маркграфъ Ридигеръ, жившій уже въ IX столѣтіи. Но для насъ важнѣе различіе характера, замѣчнаго въ двухъ аналогическихъ произведеніяхъ. Эдда — Поэма совершенно языческа; нравы, которыя она изображаетъ — нравы Сѣвера и отчасти Востока, нравы то грубые и мрачныя, то фантастическіе. Сигурдъ понимаетъ языкъ птицъ, коснувшись губами крови драконовою, и Брунгильда, лишивъ сама себя жизни, приказываетъ сжечь себя вмѣстѣ съ рабынями. Въ Нибелунгахъ, другое дѣло: здѣсь уже замѣтенъ зародышъ Христіанства и рыцарства; не смотря на многія черты древняго варварства, среди борьбы язычества и Вѣры, Спасительной, встрѣчаются идеи, чувствованія и картины болѣе человѣческія, устрояются турниры, проглядываютъ начала утонченной вѣжливости, и исполинское тѣло героя уже облечено въ щегольскую броню рыцаря. Тогда какъ въ Эддѣ невольный трепетъ овладѣваетъ нами при чтеніи, отчаяніи Брунгильды, узнавшей о гибели своего супруга; въ Нибелунгахъ — Хримхильда объята грустью тихою и нѣжною, до тѣхъ поръ, пока съ прошествіемъ 10 лѣтъ она не созрѣла до дикаго, безчеловѣчнаго и обдуманнаго мщенія. При первомъ свиданіи ея съ Сигфридомъ замѣтна даже певинная, трогательная пеловкость, какъ говоритъ Амперъ; въ изображеніи ихъ любви просвѣчиваютъ кротость и нѣжность, врожденныя душѣ

Нѣмца, и въ подробностяхъ семейной жизни господствуетъ очаровательный міръ и неподдѣльное счастье.

Другой кругъ героическихъ сказаній Нѣмцевъ обращается около *Дитриха* или *Теодорика Готескаго*. Въ сопровожденіи своего вѣрнаго наставника Гильдебранда, по одержаніи многократныхъ побѣдъ надъ исполинами и драконами, онъ спасается бѣгствомъ отъ своего дяди Германарика, и подъ защитою Аттилы возвращаетъ себѣ отцовскій престолъ. Съ одной стороны, эти сказанія, основанныя на Исторіи, дышатъ языческимъ звѣрствомъ, жаждой крови; но съ другой, нѣкоторыя части, какъ-то встрѣча Гильдебранда съ сыномъ, Гадубрандомъ, отличаются естественностію и простотою, отголосками душевной искренности, и важнымъ спокойствіемъ даже среди изліяній горести и негодованія.

Еще отраднѣйшія черты являются въ *Гудрунъ* (или *Хаудрунъ*), которая, обѣщавши руку Гертвигу Зеландскому, увезена Гартмутомъ Орманскимъ, терпѣваетъ у него разныя униженія и наконецъ спасена Гертвигомъ и братомъ своимъ Ортвейномъ. Едва тучи собираются надъ горизонтомъ, какъ онъ снова проясняется. Какими трогательными красками описанъ домашній бытъ у Гагена, дѣда героини; съ какою безмолвною грустью покоряется она всѣмъ оскорбленіямъ въ чуждомъ жилищѣ; съ какою истинною изображены жизнь моряковъ, красоты Природы и удовольствія сельской жизни.

Между тѣмъ рыцарскій вѣкъ достигъ полного развитія. Крестовые походы, эта борьба между вар-

варствомъ и цивилизаціей, между физической силою и силой ума, преобразили Правительства, разрушили мощные замки Бароновъ и непогрѣшимость Духовенства, излили на народъ плоды просвѣщенія и развили страсть къ славѣ, склонность къ романтическимъ приключеніямъ и уваженіе къ нѣжному полу. Но въ то время, когда любовь въ странахъ Южной Европы искала чувственныхъ наслажденій и удовольствія самолюбію, когда для достиженія этой цѣли она старалась дѣйствовать на воображеніе избранныхъ дамъ пышными разсказами о свершенныхъ подвигахъ, успѣхахъ въ турнирахъ и дворахъ любви (courts d'amour, Minnehöfe); Германцы, вѣрные мечтательному, созерцательному характеру, и болѣе искреннему, болѣе глубокому чувству, проникавшему ихъ, не увлекались суетною славюю, внѣшнимъ блескомъ, и питали любовь въ тайныхъ изгибахъ души своей, не довѣряя, не разглашая ея. И вотъ главное различіе между пѣснями Трубадуровъ и *Миннезэнгеровъ*. Тогда какъ тѣ руководились легкою Философіей, будто завѣщанной имъ Анакреономъ и Горациемъ; послѣдніе, болѣе идеализированные Христіанствомъ, возносили мысли свои въ горнія и налагали характеръ болѣе важный, болѣе умозрительный на свои пѣснопѣнія. Такимъ въ вѣкъ Гогенштауфеновъ является Генрихъ Вельдекъ, въ своей Энеидѣ, когда оставивъ путь, начертанный Виргиліемъ, онъ самобытно идеальными красками рисуетъ любовь Лавиніи, сестры Турновой, къ герою Поэмы. Такowymi въ Вартбургской поэтической войнѣ выступаютъ Генрихъ Офтердингенъ, пѣвецъ Леопольда, Герцога Австрійскаго, и Вальтеръ Фогельвейде, преданный религіознымъ обязанностямъ, проникнутый величіемъ

и въ то же время кротостию и простотою. Таковы и подражатели чужеземныхъ преданій: Гартманъ фонъ деръ Ауэ, который въ своемъ Иваниѣ или Рыцарѣ со львомъ, заимствованномъ изъ сказапія объ Артурѣ, выказываетъ душевную теплоту и обдуманность; Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, который въ Титурелѣ и Парсивалѣ, Поэмахъ, занятыхъ изъ преданій о Св. Граалѣ, переходитъ въ область мистическаго: Готфридъ Страсбургскій, затемняющій своего предшественника глубокостию мыслей, искренностию чувства и блескомъ картинъ.

Время шло. Изнимогающее рыцарство мало по малу уступало мѣсто возрастающему могуществу средняго сословія; міръ идеальный, блѣднѣя, началъ скрываться отъ распространяющагося вліянія дѣйствительности; пѣвцы любви умолкли, и Поэзія, удалившись въ мастерскія городскихъ общинъ, излилась разсудительными стихами изъ устъ пѣвцовъ-ремесленниковъ — *Мейстерзингеровъ*. Нѣтъ ни прежняго жара, ни прежней чувствительности: холодное размышленіе заняло ихъ мѣсто; нѣтъ прежней свободы: таблатура замѣнила ее; не видно рыцарской угодливости: она вытѣснена мѣщанскою грубостию и простотою, пасмѣшками надъ высшимъ Дворянствомъ и Духовенствомъ. *Рейнеке Лиса*, *Брактовъ корабль мунцевъ* и *Пляска мертвецовъ* ѣдкими сарказмами изобразили безнравственность вѣка и негодованіе людей благомыслящихъ. Но если, съ другой стороны, духъ Сатиры, овладѣвши умами Германцевъ съ XIII столѣтія, поражалъ одинакимъ бичемъ всѣ слои общества, если здравое сужденіе, возмущенное при видѣ безпорядковъ

внутренняго устройства, требовало перемѣны важной, рѣшительной; то съ другой стороны не лѣзя не признать неприкосновеннаго владычества *религіозной Поэзіи*, которая господствовала въ духовныхъ пѣсняхъ XIV, XV и XVI вѣковъ, принимала тонъ часто меланхолическій, и уже въ тѣ времена старалась изобразить Бога — высшимъ абсолютомъ. И здѣсь мы находимъ разрѣшеніе великой проблемы, волновавшей всѣ умы и совѣсти въ Среднихъ вѣкахъ; здѣсь находимъ пружину того переворота, который по истеченіи одного столѣтія измѣнилъ всѣ фазы политическаго быта Европы и въ продолженіе 30 лѣтъ обагрѣлъ Германію кровію гражданъ. Вѣрованія, мысли и чувствованія многихъ слились въ одинъ голосъ, и этотъ голосъ, исшедшій изъ уединенной келліи Виттембергскаго монастыря, прокатившись по горизонту Европы, взволновалъ умы. Но страшное дѣло! казалось бы, что реформа должна была отразиться въ мірѣ литературномъ произведеніями новыми, гениальными; и между тѣмъ горькая посредственность замѣтна во всѣхъ опытахъ, глубокая умственная летаргія сопровождала величайшія событія политическаго міра. Видно, бранный шумъ оружія заглушалъ скромные напѣвы Поэтовъ; видно глубокія язвы, нанесенныя междоусобіями, повергли Литературу на одръ изнеможенія, или уstraшенное воображеніе Ученыхъ долгое время не могло опомниться отъ грохота обрушающихся городовъ, отъ потоковъ крови и зарева пожаровъ. По крайней мѣрѣ, усыпленіе овладѣло умами, и благородныя усидія Оппица, Готтпеда и Бодмера долгое время оставались безъ смѣлыхъ послѣдователей, пока наконецъ Виландъ,

Лессингъ и Клопштокъ, какъ представители элементовъ Французскаго, Англійскаго и отечественнаго, открыли новую эпоху въ Литературѣ, и явились зарей, предвозвѣстницей того прекраснаго полудня, когда два лучезарныя свѣтила — Гёте и Шпллеръ освѣтили горизонтъ идеальной Германіи.

Вникнемъ въ духъ *Мессіады Клопштоковой*. По лѣзя требовать отъ Эпопеи, чисто религіозной, ни важныхъ историческихъ указаній, ни раскрытія героической жизни, ни картинъ домашняго быта народа; но за то нигдѣ съ такою истинною не отражается духовный характеръ Писателя и націи, которой онъ принадлежитъ. Также обвиняли Клопштока въ недостатокъ движенія, въ преобладаніи мистицизма и излишнемъ многословіи; упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ мало свободы давалъ воображенію и слишкомъ много жертвовалъ уму. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно подлежитъ этимъ пареканіямъ, какъ Поэтъ Эпическій, но какъ Поэтъ, вознамѣрившійся разрѣшить высшую религіозную тему, которая только можетъ существовать, онъ, безъ сомнѣнія, правъ предъ глазами Критики и предъ лицомъ самой Религіи. Не исказилъ ли бы онъ Божественнаго спокойствія Спасителя, украсивши чистѣйшую жизнь Его вымыслами фантазіи, или не затемнилъ ли бы онъ небесные подвиги Его, если бы подчиненнымъ лицамъ придалъ рѣзкія страсти человѣческія? Не естественно ли онъ вдавался въ область мистицизма, желая разгадать и изобразить довѣчныя предначертанія Бога, и не могли достигнуть такой высокой простоты, которая доступна только духу, непосредственно руководимому свыше?

Не по необходимости ли онъ подвергся многословію, чтобы успѣть въ трудныхъ оттѣнкахъ различныхъ характеровъ лицъ невидимаго міра, и не потому ли онъ прибѣгнулъ къ пособію ума, когда излишніе порывы воображенія могли низвести идеальный міръ до песообразныхъ картинъ чувственности и вовлечь его въ ошибки Данте и Мильтона? За то всѣ критики единогласно признають въ Пѣвцѣ Мессіи вѣрное эстетическое чувство, святое религіозное вдохновеніе, которымъ проникнута вся душа, вся жизнь его, глубокая чувствительность и признательность къ великому дѣлу Искушенія, и здравый обширный умъ который при всей отвлеченности не измѣнилъ ни одной истины Евангелія. Вспомните чистую, цѣломудренную любовь Сидли и Семиды: не та ли эта любовь, которая намъ завѣщена Евангеліемъ? Прочтите тѣ краснорѣчивыя страницы, гдѣ Поэтъ старается раскрыть пути, избранные Провидѣніемъ для спасенія человѣчества, или объяснить необходимость зла для возвышенія самаго добра: не то ли это воззрѣніе, которое долженъ имѣть всякій Христіанинъ о высокомъ своемъ назначеніи и о мѣрѣ искушеній, возвышающихъ, укрѣпляющихъ добродѣтель? Такъ Клоппштокъ является намъ первымъ религіозно-эпическимъ Поэтомъ въ отношеніи духовномъ и главною пружиною благотельной реакціи противъ разливающегося вліянія Энциклопедистовъ въ Германіи. Но въ то же время не видимъ ли въ немъ и вѣрныйшій отпечатокъ народнаго характера, характера съ одной стороны чувствительнаго, съ другой стороны умозрительнаго.

Можетъ быть скажутъ, что первыя грубыя Эпопеи не выражаютъ этого характера. Напротивъ, если

мы пробѣжимъ всѣ Эпическія стихотворенія Германцевъ отъ первыхъ проявленій цивилизаціи до конечнаго ихъ сліянія въ Мессіадѣ, мы вездѣ усмотримъ согласное, постепенное развитіе этого духа: такъ и Нибелунги, и Книга героевъ, и Поэма о Гундрунѣ, среди кровавыхъ раздоровъ, среди жестокости и варварства, дани времени, вездѣ представляютъ типъ чувствительности и простосердечія; а изъ соединенія этихъ двухъ противоположныхъ стихій образовалась умоизобразительность въ Мейстерзеигерахъ и достигла самаго отраднаго совершенства въ Мессіадѣ.

Я съ намѣреніемъ заключаю Западную Европу *Французами*. По странному стеченію обстоятельствъ, ни одна нація не представляетъ въ себѣ такого дивнаго вліянія различныхъ элементовъ, господствовавшихъ въ прочихъ странахъ. Древніе Кельты исчезли съ лица земли; гордые Римляне, поселившись въ плодосныхъ равнинахъ Галліи, насадили въ ней многолиственное древо просвѣщенія; но по общему закону Природы это древо должно было иссохнуть. Тогда благотворные лучи Христіанства согрѣли изнеможенную почву, и различные народы Германскаго происхожденія, Франки, Бургундцы и Норманы, явились туда, чтобъ принести свѣжія сѣмена и приготовить обильную жатву въ будущности. Колоссальная Имперія Карла Великаго, раскинувшись отъ горъ Пиринейскихъ до горъ Карпатскихъ и отъ береговъ моря Балтійскаго до престола Св. Петра, еще болѣе сблизила

разныя племена, связанныя отнынѣ единствомъ власти и удивленіемъ къ великому возстановителю Западной Римской Монархіи. И хотя его владычество, пасиальственное, скоро преходящее, утратило свою всеобщность при слабыхъ преемникахъ; но вскорѣ Крестовые походы снова соединили подъ одно знамя многочисленныя толпы изъ разбросанныхъ странъ Европы, и привили имъ много новыхъ общихъ понятій, рожденныхъ на плодотворномъ грунтѣ Востока. Такимъ образомъ древній Римъ съ своимъ законодательнымъ классицизмомъ, Христіанство съ длиннымъ рядомъ благодѣтельныхъ нововведеній, Германцы съ рапшимъ зародышемъ идеальности, Сѣверъ съ своею мрачностію, Востокъ съ пышными картинами, стеклись вмѣстѣ, чтобы произвести дивную, невиданную амальгаму во Франціи. Послѣдуемъ за проявленіемъ этихъ элементовъ въ различныхъ Эпопеяхъ Среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Троянская война, походы Александра Великаго, превращенія Овидіевы не переставали занимать умы Французовъ, воспитанныхъ въ классическихъ Школахъ Марселя, Бордо и Тулузы. Древняя Мифологія Грековъ и Римлянъ, не смотря уже на прочное водвореніе Вѣры Спасителя, на преобладаніе Германскихъ правовъ въ XII столѣтіи, отразилась въ Англо-Норманскомъ Труверѣ Сентъ-Морѣ, въ Ламбертѣ-ли-Кортѣ и Филиппѣ Витри.

Но болѣе вліянія, конечно, должна была обпаружить Святая Вѣра въ Божественнаго Искуителя. Не исчисляя огромнаго количества Писателей въ родѣ религіозно-эпическомъ, я ограничусь наименованіемъ

Англо-Норманскаго Поэта Шардри, творца Варлаама и Иосафата. Излагая предметъ, заимствованный по преданію отъ Іоанна Дамаскина, описуя картины изъ Индійской Природы, эта Эпопея преимущественно проникнута духомъ Христіанской Религіи. Здѣсь не найдете чувственныхъ картинъ Данте, ни порывистыхъ страстей Нибелунговъ; вездѣ господствуетъ высокое презрѣніе къ временнымъ благамъ и горестямъ человѣческой жизни (1). Вообще же жизнь Богоматери, эпизоды изъ дѣяній Святыхъ и подвиги рыцарей на пользу человечества, безпромежточно занимали воображеніе Французскихъ Поэтовъ въ Средніе вѣка и достаточно доказывали, что и здѣсь, какъ у прочихъ народовъ Европы, религіозность составляла одну изъ господствующихъ чертъ въ характерѣ Французовъ.

Но видно такова слабость нашей природы, что ни высокіе обѣты Христіанства въ будущей жизни, ни самое убѣжденіе въ нихъ не могутъ совершенно утишить бурное кипѣніе страстей; и вотъ между Французами, вѣкъ Карла Великаго овладѣлъ воображеніемъ послѣдовавшихъ столѣтій и огласилъ воздухъ восторженными отголосками Поэтовъ. Борьба Императора съ Вассалами, войны между Христіанами и Сарацинами образовали собою непрерывную цѣпь пѣснопѣній, въ которыхъ кроткая Берта, упорный и вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный Рейнальдъ (четвертый изъ сыновей Аймоновыхъ), мудрый и прихотливый волшебникъ Можисъ (Maugis, Malegis, Madelgis), Роландъ, съ другомъ своимъ Оливье, — за тѣмъ Фіерабрасъ, воюющій

(1) См. Rosenkranz Geschichte der Poesie. Th. II, pg. 45; 509.

съ Испанскими героями и въ послѣдствіи обратившіеся къ Христіанству, Ожье Датчанинъ и другіе рыцари попеременно приковываютъ наше вниманіе. Это кругъ Эпоей Франко-Кароллингскихъ. Доселѣ извѣстно одно почти содержаніе этихъ произведеній, но самое достоинство ихъ, за недостаткомъ обнародованныхъ подлинниковъ, остается еще неопредѣленнымъ; показывая съ одной стороны чрезвычайную сбивчивость историческихъ указаній, они съ другой не даютъ еще возможности открыть въ точности характеристическія черты древнихъ Французовъ. Мнѣ кажется, что главнымъ основаніемъ ихъ служить геройскій духъ, заимствованный у Германцевъ, только въ меньшихъ размѣрахъ, съ примѣсю Испанскаго самоотверженія и примѣтною склонностію къ рыцарской вѣжливости, которая вѣроятно образовалась изъ сліянія Германской чувствительности съ Италіанскою чувственностію.

Если мы обратимся къ другимъ кругамъ Эпическихъ твореній Французовъ, замѣшательство наше возрастаетъ еще болѣе. Норманскія сказанія, къ которымъ относится римованная хроника Роберта Васа или Гиссе, воспѣвающая Исторію Нормановъ, дѣянія Ролла, походы Вильгельма, Ричарда и первобытное происхожденіе этого племени, отзываются какимъ-то мрачнымъ расположеніемъ души, остаткомъ Сѣвернаго духа; а народный Романъ о Робертѣ-Дьяволѣ и его сынѣ Ришарѣ Безстрашномъ, присовокупляютъ къ тому еще иногда странную иронію, внушающую ужасъ и негодованіе.

Бретонскій эпическій кругъ заимствованъ изъ Англіи; но будучи обязанъ своимъ началомъ Валлійскимъ

Бардамъ, онъ въ то же время облекъ свои пѣснопѣнія въ мистерическую одежду Христіанства, таинственныя аллегоріи, и развилъ въ нихъ элементъ Германскій — служеніе женскому полу, вѣрность къ Царю, воинскія игры и блестящія празднества; таковы преданія объ Артурѣ и кругломъ столѣ. Но сюда какъ бы въ дополненіе относятся и сказанія о Св. Граалѣ и его хранителяхъ — Персивалѣ и Логенгрипѣ; и эти сказанія, носившіяся по всей Европѣ и соединенныя уже въ послѣдствіи, также не могутъ похвалиться исключительно происхожденіемъ Французскимъ. Первое вывезено изъ Востока и получило дальнѣйшее образованіе въ Испаніи, второе — въ Анжу, третье — въ Бельгіи.

Когда вѣкъ героическій потухалъ во Франціи, фантастическіе образы мало по малу отступили предъ возрастающимъ вліяніемъ дѣйствительности; испанская жизнь раздробилась на частныя гражданскія отношенія, и великія Эпопеи въ десять и двѣнадцать тысячъ стиховъ преобразились въ повѣсти и вымыслы (*contes et fabliaux*). Тогда разлічныя стихіи, изъ которыхъ состояли прежнія Поэмы, выказались яснѣе; иногда эти повѣсти удерживали предшествовавшій характеръ фантастическій; иногда онѣ переходили въ область чувственнаго, иногда принимали тонъ поучительный. Но странное дѣло: между тѣмъ какъ большая часть разсказовъ была заимствована изъ Востока, Греціи или Испаніи, языкъ, на которомъ они излагались, былъ обыкновенно Латинскій; таковы образцовыя повѣствованія Снитипы, *Disciplina clericalis* и другія, и точно такимъ же образомъ, какъ въ Германіи Мейстерзенгеры, были предшественниками

сатирическихъ произведеній, и здѣсь повѣсти и вымыслы приготовили появленіе Романа о Лисѣ и направленія чисто умозрительнаго. Подобно сему и на Югѣ Трубадуры Провансальскіе, послѣ церковныхъ легендъ, послѣ восторженныхъ пѣсень любви, родившихъ ихъ съ Поэтами безоблачной Италіи, усвоили себѣ тонъ элегическій, важный, ученый, пока наконецъ Поэзія, съ разрушеніемъ феодальнаго правленія, не находя себѣ пищи извнѣ, стала искать себѣ пріюта подъ защитою Парижскаго Двора.

Съ возрожденіемъ Наукъ во Франціи, ученый падаптизмъ, считая себя тождественнымъ древнему классическому величію, излился въ литературныхъ произведеніяхъ, и отразился въ Эпонеяхъ этого періода: въ Франсіадѣ — Ронсара, Кловисѣ — Демарѣ, въ Орлеанской Дѣвѣ — Шапелена, въ Аларихѣ — Скудери, въ Святомъ Людовикѣ — Лемуана. Я не буду останавливаться на этихъ твореніяхъ, которыя при большихъ или меньшихъ достоинствахъ, болѣе или менѣе могутъ назваться подражаніями Римлянамъ; и хотя мы въ нѣкоторыхъ видимъ иногда довольно удачное стремленіе поддѣлаться подъ древній національный тонъ, но или отдаленность описываемаго времени, или мопотонная торжественность съ папыщенными метафорами, не доставили имъ народности и почетнаго мѣста въ Исторіи Литературы. Почти то же, должно сказать о Телемакѣ Фепелона, который при всемъ художественномъ совершенствѣ, сбиваясь на тонъ дидактическій, низводя дѣйствующія лица до аллегорическихъ представленій, и чрезъ то лишая ихъ свободной поэтической жизни, выходитъ изъ круга Эпоней горонческихъ и народныхъ.

Наконецъ Генріадъ Вольтера удалось достигнуть того идеала, котораго тщетно домогались Ропсартъ, Шапеленъ и Лемуанъ, и къ которому такъ близко уже подходилъ Фенедонъ; но это не высокій абсолютный идеалъ, который равно доступенъ всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ—это идеалъ по понятіямъ Французовъ XVIII столѣтія. Не ищите здѣсь живой, свободной фантазіи первобытныхъ столѣтій; не ищите могущества древнихъ вѣрованій, возвышенности чувствованій, разнообразія и силы характеровъ: это не героическая Эпопея, какъ Илиада, или Нибелунги, это не Энциклопедія цѣлаго вѣка, какъ Божественная Комедія Данте, это и не религіозная Поэма, какъ Потерянный Рай и Мессіада: это прекрасная картина, написанная мастерскою кистію, хорошо обдуманная въ частностяхъ, доказывающая гибкость и многосторонность таланта и прилѣжное изученіе предшествовавшихъ трудовъ. Вольтеръ, этотъ универсальный талантъ, который съ такимъ успѣхомъ отличался во всѣхъ родахъ Поэзіи, Краснорѣчія, Исторіи и Философіи, Вольтеръ, имѣя предъ собою теорію Искусства и древніе образцы, положилъ основаніе своей Поэмѣ религіозное, воздвигъ на немъ зданіе, долженствовавшее напоминать времена драгоцѣнныя сердцу его соотечественниковъ, ввелъ въ этотъ храмъ историческія лица, дѣйствія самолюбія народа, украсилъ его аллегорическими вымыслами, заимствованными изъ древнихъ вѣковъ, и составилъ Эпопею правильную, краснорѣчивую, почти изящную (*élégante*), но въ сущности холодную, чуждую жизни и энергіи. Отъ чего же? отъ того, что ни вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, ни вѣкъ, который онъ воспѣвалъ, не заключали въ себѣ элементовъ героиче-

скихъ; отъ того, что умъ его не былъ проникнутъ тѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ, которое одно только убѣждаетъ, душа его не была напитана тою магическою силою, которая одна только потрясаетъ души современниковъ.

Этимъ замѣчаніемъ я оканчиваю разборъ Гепіады и Эпопей Французскихъ. Какое же общее сужденіе произнесемъ мы обо всѣхъ этихъ многочисленныхъ произведеніяхъ, которыхъ я не упомянулъ и половины? Какая господствующая отличительная черта открывается намъ при сравненіи ихъ характера съ Эпопеями другихъ народовъ? Не лъзя не видѣть, что и здѣсь Христіанство проникло въ созданія Литературы, въ фазы внутренней жизни; но рѣзкаго разграниченія съ другими націями Европы я не пахожу. Первые попытки въ Эпическомъ родѣ были подражаніями Древнимъ; Карловингскія Эпопеи напитаны духомъ Германскимъ, съ замѣтнымъ вліяніемъ характеровъ Испанскаго и Италіянскаго; Норманскія принадлежатъ Французамъ обще съ Англичанами; Бретонскія доказываютъ происхожденіе Восточное, Испанское и Бельгійское, пѣсни Трубадуровъ, повѣсти и вымыслы, принимаемая постепенно тонъ фантастическій, чувственный, септиментальный, умозрительный и сатирический, доказываютъ сродство со всѣми сосѣдственными народами; а произведенія трехъ послѣднихъ столѣтій стараются снова воскресить классическій міръ Грековъ и Римлянъ, въ изящной формѣ отечественной. Такимъ образомъ я полагаю, что эта усвойчивость (*arrprogiation*), принимавшая, обрабатывавшая и потомъ возвращавшая прочимъ сосѣдямъ безъ разбора то виѣшніе предметы Литературы, то ихъ внутреннее направле-

іе, составляетъ господствующую черту Французовъ, и что этотъ характеръ, принаровленный къ успѣхамъ въ теоретическихъ и практическихъ познаніяхъ, примѣненный къ политическимъ Западной Европы, достигъ въ нихъ до преобладающей универсальности.

Позже исчисленныхъ нами народовъ Западной Европы, на сцену политической жизни выступаютъ Русскіе. Прошло восемь столѣтій послѣ Р. Х. пока разрозненныя племена Славянскія, выждавъ бурный натискъ народовъ изъ Средней и Сѣверной Азіи, могли съ большею безопастью соединиться въ одно Государственное тѣло. Но раскинутыя на огромномъ пространствѣ отъ береговъ моря Варяжскаго до устья Дуная, и отъ Вислы до вратъ Кавказскихъ, принимая Правителей отъ Сѣвера и Вѣру отъ Юга, естественно ли, чтобъ они не приняли себѣ много элементовъ, принадлежащихъ сосѣдямъ. Тогда какъ Франція соединила въ себѣ всѣ различныя направленія народовъ Западной Европы; здѣсь, въ древней Россіи, ушныіе Скандинавовъ, роскошное воображеніе Востока и религіозность Византіи, слились какъ въ чудномъ фокусѣ и образовали подобную многосторонность, звѣно, связующее Европу съ Азіею. Посмотрите на древнія вѣрованія Славянъ. Не явно ли понятія о Бѣлбогѣ и Чернобогѣ доказываютъ знакомство съ Ормуздомъ и Ариманомъ Персовъ? Не изъ роскошной ли Греціи перешли прочія божества Славянскія, облекшись въ туманный покровъ Скандинавскаго Сѣвера? Вспомните преданія о богатыряхъ. Иногда какъ будто чувствуешь себя перенесеннымъ въ исполненскія Царства Каюморса, Кайкобада и Джем-

шида; иногда думаешь осязать могущественное величіе героевъ древней Эдды и Нибелунговъ; то вдругъ видишь себя окруженнымъ блистательнымъ Дворомъ Карла Великаго. И точно! Не лъзя не пожалѣть, что всѣ эти важныя преданія, отъ малоупотребительности ли писъма, или равнодушія къ нимъ людей грамотныхъ, не сохранились въ потомствѣ. Какъ знать, можетъ быть они представляли бы собою въ общности такой же кругъ, какъ Эпопеи Карловингскія, какъ Эдда или книга героевъ. Но крайней мѣрѣ внимательное изслѣдованіе этихъ сказаній открываетъ намъ всѣ тѣ же зародыши релігіозной и героической жизни, какіе заключаются въ древнихъ Эпопеяхъ Западныхъ сосѣдей, тѣ же намеки на внутренній характеръ, составившійся изъ сліянія многихъ окружающихъ стихій. Такъ, съ одной стороны мы находимъ здѣсь разоблаченную, вѣру въ низшія божества, какъ въ Эддѣ Скандинавской; мы удивляемся великимъ подвигамъ древнихъ исполиновъ Россіи, этихъ выходцевъ изъ Индіи и Персіи, окованныхъ въ рыцарскую броню Германцевъ; мы увлекаемся великолѣпіемъ Двора ласковаго Князя Владиміра, который, самъ не принимая участія въ борьбахъ богатырей, служилъ имъ однакожь мѣстомъ сборища, какъ Дворъ Карла Великаго; мы постигаемъ наконецъ этотъ могучій Славянскій духъ, который будучи проникнутъ мрачностью Сѣвера, любитъ подчасъ отдыхать на роскошныхъ картинахъ Азіи и облекаться въ Восточную иносказательность. И странное стеченіе обстоятельствъ! какъ рыцари Карла Великаго, этого идола древней Франціи, стекались изъ разныхъ странъ и вступали въ кровавыя распри съ иноплеменниками; какъ преданія Скандинавовъ и Германцевъ,

не дорожа строгою хронологіей, сосредоточивались около Аттилы Гуннскаго: такъ точно и богатыри вѣка Владимірова не принадлежатъ одной Россіи; воображеніе народа свело въ одинъ кругъ и Королевичей Польши или Литвы, и богатырей Татарскихъ, и сказанія Византіи и Италіи.

Но обратимся къ первой настоящей Эпической Поэмѣ Русскихъ — къ *Слову о полку Игоревѣ*. Уже два столѣтія, какъ Христіанство разлило благотворныя лучи по дальнимъ предѣламъ Русскаго Царства; общественная жизнь приняла новыя многосложныя видоизмѣненія; сношенія съ чужеземцами на Западѣ, Югѣ, Сѣверѣ и Востокѣ учащаются; просвѣщеніе распространяется по всѣмъ сословіямъ. И вотъ неизвѣстный пѣвецъ XII столѣтія воспѣваетъ славные подвиги Удѣльнаго Князя Новгорода Сѣверскаго, Игоря Святославича, его походъ въ страну Половецкую. Ни обширностію плана, ни количествомъ эпизодовъ, ни поэтическою правильностію, это стихотвореніе не можетъ сравниться съ извѣстными Эпосами Древнихъ и Среднихъ вѣковъ. Но тѣмъ не менѣе, смотрите, какое обиліе матеріаловъ для любителя старины. Первый результатъ, которымъ даритъ насъ пѣвецъ Игоря, есть подвorenіе Христіанства. Не ищите еще глубокой религіозности; нѣтъ ни одного воззванія къ Божественному блюстителю судебъ земныхъ, ни одной молитвы, излившейся изъ пѣдръ души; но уже гордость народная чувствуетъ превосходство своего ученія и съ презрѣніемъ отзывается объ иноплеменникахъ, поганныхъ Половцахъ; уже Вѣра въ высшее предопредѣленіе высказывается устами Баяна; и Богъ указываетъ обратный путь Игорю въ Русскую

землю, чрезъ Боричевъ къ Св. Богородицѣ Пирогощей. Вмѣстѣ съ тѣмъ древнее язычество влечитъ только блѣдное существованіе. Дажбогъ, Стрибогъ и Велесъ, единственныя божества, упоминаемыя въ Пѣснѣхъ объ Игорѣ; да и то больше какъ поэтическія украшенія, нежели какъ дѣйствительныя орудія высшихъ началъ добраго и злаго. Нѣтъ ни слова о Перунѣ — громовержцѣ Славянъ, о Свѣтовидѣ — жизненной силѣ, о волшебницахъ—странныхъ созданіяхъ младенчествующей фантазіи; за то вѣра въ полетъ птицъ, въ таинственныя предзнаменованія неба и природы является еще во всемъ своемъ могуществѣ. Гораздо удовлетворительнѣе изображеніе современной Исторіи. Свойства жившихъ въ то время Князей, ихъ отношенія къ Великому Князю, ихъ дѣянія и бѣдственная картина раздоровъ между родомъ Олега и Мономаха нарисованы вѣрною, мастерскою кистью; Полководцы Половецкіе наименованы съ поменьшею точностью. Но здѣсь Пѣвецъ Игоря является только дополнителемъ Лѣтописца. Сколько такихъ намековъ, которые требуютъ еще тщательныхъ розысканій Историка: кто такой Троянъ, упоминаемый четыре раза въ Пѣснѣхъ о полку Игоревѣ? кто такой Бугъ, воспѣваемый Готскими дѣвами? кто Уримъ, стенившій подъ саблями Половецкими? дѣйствительно ли Изяславъ, сынъ Васильковъ, погибъ въ бранѣ съ врагами? и кто такія наконецъ разныя незнакомыя намъ племена, вспомоществовавшія Ярославу: Могулы, Татраны, Шелбиры, Топчаги, Ревуги и Ольберы? Далѣе, сколько еще пищи предстоитъ разыскателю языка и древностей Русскихъ? сколько новыхъ поясненій найдетъ онъ въ различныхъ словахъ, употребляемыхъ Пѣвцомъ Игоря? сколько родства между

различными нарѣчіями, начиная отъ береговъ Вислы по всему Югу Россіи до предѣловъ Азовскаго моря? Для насъ важнѣе проникнуть въ народный духъ, преобладающій въ Словѣ объ ополченіи Игоря; и въ этомъ отношеніи не лѣзя не признать дружнаго сліянiя двухъ господствующихъ элементовъ: Восточнаго и Сѣвернаго. Прочтите всю Поэму отъ перваго стиха до послѣдняго: поэтическіе вымыслы смѣшались одинъ другимъ; картины Природы олицетворяются точно такъ же, какъ и нравственныя явленія жизни; подобія испещряютъ ткань цѣлой Пѣсни; и нѣкоторые обороты явно происходятъ Восточнаго (1). Но и духъ мрачнаго Сѣвера отразился съ немалымъ силою. Конечно это уже не та суровость, которая видна въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ, которая отражается въ рѣчахъ Святослава: она уже смягчена Христіанствомъ, она замѣнена уныніемъ. Такъ Святославъ горюетъ о мнимой гибели Игоря и Всеволода; такъ Ярославна, пораженная горемъ, обременяетъ упреками и Дунай, и вѣтеръ, и славный Днѣпръ, и свѣтлое солнце; такъ и въ самомъ веселіи Русскихъ о возвращеніи Игоря замѣтна какая-то грусть, глубоко вѣзавшаяся въ душу народа и не стираемая однимъ радостнымъ событіемъ.

Почти тотъ же характеръ отсвѣчиваетъ и въ *повѣсти о нашествіи Мамай*, сочиненной Софроніемъ, Священникомъ Рязанскимъ. Протекло три столѣтія послѣ высокаго пѣвца Игоря. Удѣльные распри все

(1) Напр. *крычатъ тѣлѣмъ полукоши, рци лебеди распущени*.

Здѣсь *рци* совершенно отвѣчаетъ Персидскому обороту: *کر* (zu, говорю), очень употребительному между Поэтами.

болѣе и болѣе раздирали Россію; грозное владычество иноплемениковъ поработило обширную страну, уже славную, уже готовую сравниться съ просвѣщеннымъ Западомъ, и что же?—крѣпкій духъ, неотъемлемое наслѣдіе древнихъ Славянъ, выдержалъ бремя бѣдствій, непосланныхъ свыше; онъ ждалъ только благопріятнаго момента, чтобъ выпрыгнуть изъ долговременной дремоты, и вотъ побѣдная труба Донскаго огласила предѣлы Русскаго Царства, возобновила древнее мужество Славянъ, воскресила вѣру въ счастливѣйшую будущность, и отозвались въ душѣ народнаго Поэта XV столѣтія. Правда! не лѣзя не признать въ Софроніи вліянія трехвѣковаго рабства; воображеніе, притупленное долговременными бѣдствіями, утратило нѣсколько прежней своей силы, своего высренняго полета, въ сравненіи съ пѣвцами Игоря; но главные элементы народности сохранились безъ большихъ измѣненій. И здѣсь тотъ же вой звѣрей, тѣ же крики хищныхъ птицъ, тѣ же плески гусей и лебедей окружаютъ враждебныя войска, какъ предвѣстники грозы лемингской; тѣ же картины Природы, тѣ же подобія проглядываютъ сквозь историческій разсказъ; та же грусть изливается изъ устъ Великой Княгини Евдокіи, какъ и Княгини Ярославны; то же упыніе овладѣваетъ душою Дмитрія при печальномъ предсказаніи Волища, какое объяло Святослава при извѣстіи о гибели Русскихъ и плѣнѣ двухъ братьевъ Князей. Но если эти черты, въ особенности элементъ Восточный, являются уже въ меньшемъ размѣрѣ: за то Христіанство выражается гораздо опредѣлительнѣе, рѣзче. Какою трогательнымъ благочестіемъ проникнута молитва Евдокіи; какое твердое упованіе на помощь Всевыш-

него видно въ стремленіи воинствъ на подчипа певѣрныхъ; съ какою вѣрою принято свѣтлое видѣніе, предвѣщающее пораженіе Мамай и готовящее лучезарныя вѣнцы побѣдителямъ.

Прошло еще три вѣка, полныя важныхъ событій на поприщѣ Исторіи и въ дѣлѣ просвѣщенія. Востокъ проявился и тучи потянулись на Западъ. Монголы, опасные враги политической независимости Русскихъ, были замѣнены Поляками, угрожавшими умственнымъ рабствомъ. Благословенный Домъ Романовыхъ залечилъ раны, нанесенныя гибельнымъ междоцарствіемъ и возвелъ Россію на высшую степень величія и славы; но схоластическое вліяніе Кіевской Академіи и успѣхи Европейскаго классицизма еще долго господствовали въ Россіи. И въ сей-то періодъ Русской Литературы явились Ломоносовъ, сочинитель неоконченной Петріады, и Херасковъ, пѣвецъ Владиміра и Іоанна. Что сказать объ этихъ Эпопеяхъ, чуждыхъ цвѣтамъ, пересаженныхъ на Русскую почву и лишенныхъ здѣсь природной свѣжести и жизни? *Петріада* снова подтверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, которое я высказалъ уже объ историческихъ Поэмахъ вообще, а *Россиада* и *Владиміръ* скроены по мѣркѣ Генріады, которой Авторъ, кажется, подражалъ предпочтительно. Прекрасно переносится мыслями къ временамъ давно минувшимъ, вспоминать чудесные подвиги, совершенные доблестными предками за честь и спасеніе Отечества; прекрасно внимать вдохновенному разсказу о дѣйствіяхъ Откровенія, руководящаго человечество по мрачнымъ путямъ земной жизни; но необходимо, чтобъ повѣствователь самъ былъ проникнутъ истинною того, что предлагаетъ другимъ; необходимо,

чтобъ слушатели его видѣли въ немъ глубокое убѣжденіе и несомнѣнную вѣру въ предначертаніе Промысла. И паходимъ ли мы это въ Генріадѣ и ея подражаніяхъ? Правда, Христіанская религіозность служитъ основаніемъ всѣмъ симъ созданіямъ, и мнѣ нѣтъ надобности входить въ изслѣдованіе истины чувствованій почившихъ Поэтовъ; но не видна ли искусственность въ описаніи Херасковымъ старинныхъ временъ Владиміра и покоренія Казани? не замѣтно ли въ немъ вліяніе пасыльственнаго просвѣщенія, когда онъ божества Славянскія смѣшиваетъ съ Греческими, и украшаетъ ихъ принадлежностями, которыхъ они не имѣли; когда онъ понятія Мусульманъ измѣняетъ сообразно потребностямъ избраннаго имъ плана, и придаетъ имъ въ помощь холодныя олицетворенія страстей, въ которыя никогда не вѣровалъ народъ, не вѣровалъ самъ Поэтъ, не вѣруетъ читатель. Вотъ почему, еще повторю, необходимо, чтобъ Поэтъ Эпическій самъ жилъ не долго спустя послѣ вѣка героическаго, который онъ воспѣваетъ; необходимо, чтобы описуя повѣрья народныя, онъ раздѣлялъ ихъ въ душѣ своей, и такимъ образомъ симпатически дѣйствовалъ на потомковъ. Таковы Вальмики, Віаса, Гомеръ, неизвѣстные творцы Эддъ и Нибелунговъ; но не таковъ Херасковъ. По эти самые недостатки, оуждаемые безпристрастнымъ критикомъ, важны для Литератора-Историка, который видитъ въ нихъ господствующій духъ времени, напитанный, не смотря на Христіанскую религіозность, Европейскимъ классицизмомъ, привившимся къ намъ съ Запада.

И такъ, въ наши времена, отдѣленные огромнымъ числомъ лѣтъ отъ восторженныхъ порывовъ юноше-

скаго вѣка, возможна только изъ важныхъ Поэмъ одна Эпопея чисто-религіозная, потому что Религія никогда не старѣется. И точно, послѣ вѣковаго владычества Западно-Классической Литературы, сбросивъ съ себя иго чуждыхъ понятій, воспрянувъ новою жизнію, мы въ недавнее время видѣли появленіе новой Поэмы, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ нашего вѣка—*Міроздаіа*, Г. Соколовскаго. Здѣсь религіозность не затемняется несообразными представленіями изъ міра языческаго: она горитъ неподдѣльнымъ блескомъ святой истины; и что еще? не нарушая единства, вмѣщаетъ въ себя, въ прекрасной соразмѣрности, въ рѣдкой гармоніи, удивительное разнообразіе тоновъ и положеній, и выражаетъ всѣ почти главные характеры народовъ Западной Европы: чувственность Италіянцевъ безъ постыднаго сладострастія, грусть Португальцевъ и умозрительность Германцевъ, облекая все это, то въ роскошныя картины Востока, то въ мрачное покрывало Сѣвера.

И въ этомъ-то я полагаю господствующій характеръ народа Русскаго, что онъ съ одной стороны, отличаясь непоколебимою привязанностію къ *Христіанству*, за вѣщанному ему великими сподвижниками Вѣры, а съ другой соединяя Европу съ Азіей, умѣлъ сочетать въ удобопріимчивой, просторной душѣ своей главныя направленія Запада и Востока; явить, подлѣ усвойчивости Французовъ особую правильность и равновѣсіе, счастливую *соразмѣрность и стройность* (*régularisation*), и притомъ явить ихъ какъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, такъ и въ исполненіи шествіи своемъ по театру Всемірной Исторіи.

И такъ — сведемъ въ одинъ результатъ всѣ характеры Европейскаго міра — Христіанство, вотъ идея, выполняемая Европой, подъ руководствомъ Откровенія, въ Исторіи человѣчества; вотъ четвертая ступень въ лѣтвицѣ общаго усовершенствованія. Конечно, чтобъ выполнить важныя обязанности, налагаемыя Христіанствомъ, чтобъ достигнуть высокаго совершенства, намъ предписаннаго, не достаточно силъ одного человѣка, недостаточно частныхъ направленій одного какого-либо народа.

Провидѣніе, распредѣливъ разноклиматность въ Природѣ и повелѣвъ ей дѣйствовать различными путями на способности и характеры народовъ, хотѣло, чтобъ каждый изъ нихъ, по мѣрѣ данныхъ ему свойствъ, стремился къ указанной ему цѣли; чтобъ каждый вложилъ лепту своихъ заслугъ въ общую сокровищницу обязанностей, возложенныхъ на цѣлое человѣчество; чтобъ потомъ всѣ они въ совокупности произвели благодѣтельный размѣнъ тѣхъ совершенствъ, какія каждый въ отдѣльности прибрѣлъ за себя. Провидѣніе, разрѣшая наслажденіе изящнымъ, не оуждала энгузіазма, одобряя стремленіе къ практическому благосостоянію и умозрительной жизни, дозволило нѣкоторымъ народамъ, подлѣ общей идеи Христіанства, помогать которой либо изъ этихъ отраслей, съ тѣмъ чтобъ современемъ онѣ слились въ одну отрадную общность. Правда, цѣль еще далека; не намъ дожить до ея исполненія; по крайней мѣрѣ, назидательно знать ее, потому что только знаніе ведетъ къ исполненію.

Можетъ быть спросятъ меня: въ чемъ же состоитъ значеніе прочихъ народовъ Востока и Новаго Свѣта?

Мнѣ кажется, что первые составляютъ такой же переходъ къ Христіанскому міру, какъ Малоазійскія Царства составляли переходъ отъ Индійцевъ къ Грекамъ, какъ Македоняне и Карфагеняне — служили приготовленіями къ владычеству Римлянъ. Но судьба Америки еще впереди. Бэрне въ своихъ запискахъ очень остроумно замѣтилъ, что можетъ быть человѣчеству суждено провести свое дѣтство въ Азіи, юность въ Европѣ, возмужать въ Америкѣ, состарѣться въ Африкѣ. Но не съ такою ли же основательностію можно предположить, что каждой части Свѣта особо предоставлено прожить всѣ четыре возраста жизни? Какъ знать, если человѣчество не исполнитъ въ Европѣ своего высокаго назначенія, можетъ быть Провидѣнію угодно будетъ перенести средоточіе Исторіи въ Америку; и она, открывая поприще съ идеями, наслѣдованными отъ Европы и Азіи, явитъ опять младенческій и юношескій, мужескій и старческій возрасты, родитъ новый героическій вѣкъ, новую Литературу, которыхъ проявленія мы не въ состояніи предвидѣть, которыхъ свойства не можемъ разгадать. *Судьбы народовъ — въ руцѣ Божіей.*

Адъюнктъ-Профессоръ Казанскаго Университета

К. ФОНТЪ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ОПЫТНУЮ ПСИХОЛОГІЮ.

Во всѣ времена съ большею или меньшею ясностію понимали, что въ безконечномъ ряду предметовъ человѣческаго наблюденія нѣтъ ни одного благороднѣе и достойнѣе, и въ то же время ни одного темнѣе и таинственнѣе, какъ самъ человѣкъ. Хотя величественное зданіе неба и дивное теченіе звѣздъ прежде всего обратили на себя вниманіе мыслящаго духа, и хотя Астрономія, какъ свидѣтельствуєтъ Исторія, была первымъ шагомъ къ изученію Природы; но тѣмъ болѣе совершенствовались Естественныя Науки, и вмѣстѣ съ понятіемъ объ огромности массъ, пространствъ и чиселъ, первоначально поразившихъ духъ человѣческій, пробуждалось въ немъ сознаніе и о другомъ величій, о величій чудной гармоніи *жизни*, тѣмъ болѣе самое разсматриваніе Природы отъ крайней периферіи возвращалось къ своему средоточію. Особенно въ два послѣднія столѣтія Естественныя Науки, быстро переходя отъ одного открытія къ другому, непрерывно торжествовали свои успѣхи. Но всякій Естествоиспытатель, для котораго Наука, кромѣ возможнаго ея приложенія къ удобствамъ жизни, имѣетъ другое высшее значеніе,

тѣмъ сильнѣе долженъ былъ чувствовать, что все, имъ почерпнутое изъ опыта и съ трудомъ подведенное подъ законы, есть только приуготовленіе, аналогія и отрывочное пособіе къ рѣшенію высшей задачи, къ которой, какъ къ общему центру тяжести, стремится всякое разсматриваніе Природы. Разгадать и постигнуть *человѣка*, вѣнецъ земнаго творенія, есть и будетъ важнѣйшею задачею для опытныхъ Наукъ даже и тогда, когда мы устранимъ нравственныя и всякія другія цѣли, достиженіе которыхъ зависитъ отъ взгляда на сущность человѣческой жизни. При новѣйшемъ состояніи Естественныхъ Наукъ гораздо сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовали, что въ разрѣшеніи этой загадки заключается вмѣстѣ и окончательный приговоръ позволеннаго человѣку знанія о жизни Вселенной. И такъ, если бы даже не было другихъ болѣе важныхъ и болѣе сильныхъ побужденій къ симъ изслѣдованіямъ, одно это уже достаточно заставить насъ, не страшась никакихъ усилій, рѣшиться мало по малу извѣдать и измѣрить испытующимъ взоромъ и сію неизвѣстную область нашего опыта.

Но этотъ микрокосмъ, или малый міръ, какъ обыкновенно и весьма справедливо называютъ *человѣка*, заключаетъ въ себѣ столь противоположныя явленія, что самыя средства и способы постиженія ихъ должны быть совершенно различны; а потому съ давнихъ временъ, въ нераздѣльномъ по видимому существѣ *человѣка*, принуждены были допустить двойственную природу. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ тѣло *человѣка*, со всѣми совершающимися въ немъ процессами, дыханіемъ, пищевареніемъ, отдѣленіями, обращеніемъ соковъ, движеніями мускуловъ и т. д., какъ нѣчто

пространственное, поражаетъ внѣшнія чувства, взору наблюдателя представляется другой рядъ не менѣе разнообразныхъ явленій, каковы: мышленіе, познаваніе, чувствованіе и хотѣніе. Сін послѣдній, не наполняя собою никакого пространства, слѣдуютъ одно за другимъ во времени, и недоступны ни для глаза, ни для уха, и ни для какого внѣшняго чувства, постигаются только непосредственнымъ сознаніемъ. Эта двойственная жизнь, явленія коей, совершающіяся въ пространствѣ, называются *органическими* или *физическими*, а совершающіяся только во времени, *духовными* или *психическими*, естественно, должна была содѣлаться предметомъ двухъ особенныхъ Наукъ, *Соматологіи* или *Физиологіи* (*) чловѣка, и *Психологіи*. Обѣ онѣ отличны одна отъ другой, но по принципѣ тѣсной связи между предметами каждой изъ нихъ, естественно, не могутъ быть совершенно изучены каждая въ отдѣльности. Скорѣе онѣ суть только составныя стихіи одного высшаго цѣлаго, одной Науки, основанной на ихъ соединеніи — *Антропологіи*, или ученія о чловѣкѣ.

Неоспоримо, что Физиологія есть Наука опытная; она содержитъ въ себѣ только извѣданныя наблюденіемъ явленія органической жизни, и основанныя на нихъ выводы. При всемъ томъ, она имѣетъ притязанія на очевидность и на всеобщее припятіе своего ученія, въ чемъ конечно не лзя ей отказать, если только она дѣйствительно основана на опытѣ, и если опытъ вообще имѣетъ какое-либо значеніе. На ряду

(*) Мы принимаемъ здѣсь Физиологію въ обширѣйшемъ значеніи, въ которомъ она объемлетъ собою также вспомогательныя Науки, Аветомію и Органическую Химию.

съ сею Наукою является Психологія, цѣль которой объяснить духовныя явленія, точно такъ же, какъ цѣль Физиологіи разобратъ жизнь органическую. Подобно сей послѣдней, Психологія не ищетъ другаго преимущества, кромѣ того, чтобы признали ее Наукою опытною. Называя себя опытною Психологіею, она симъ ограниченіемъ даетъ понять, что есть еще другая умозрительная, метафизическая точка зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на жизнь души, подобно какъ и опытное изученіе Природы предполагаетъ другое умозрительное, или метафизическое.

По этимъ двумъ совершенно различнымъ, въ насъ совершающимся процессамъ, органическому и духовному, весьма естественно предположить два соотвѣтствующія имъ начала, и слѣдовательно, кромѣ видимаго тѣла, допустить невидимый духъ — основаніе и опору явленій духовныхъ, какъ почти всегда и предполагали. Впрочемъ надобно признаться, что эта двойственность началъ, въ нашей опытной Наукѣ не можетъ быть представлена ошутительнымъ образомъ: ибо духъ самъ по себѣ непостижимъ для нашихъ чувствъ: только различныя его состоянія и дѣйствія суть предметъ доступный нашему внутреннему опыту. Съ другой стороны этому предположенію двойственности началъ (бытіе которыхъ должна доказать Метафизика) не лзя отказать по крайней мѣрѣ въ проблематическомъ достоинствѣ, тѣмъ болѣе, что противоположное ему мнѣніе, будто духовная жизнь въ человѣкѣ есть только слѣдствіе высшаго и совершеннѣйшаго развитія его организма, въ предѣлахъ нашей опытной Науки, также есть гипотеза, и при томъ такая, которая, какъ въ послѣдствіи откроется само собою въ

нашихъ изслѣдованіяхъ, уже на поприщѣ опыта оказывается недостаточною, а предѣ высшимъ мышленіемъ является совершенно нецѣпюю. Впрочемъ, съ какой бы стороны ни смотрѣли на духовную жизнь челоуѣка, признають ли ее только высшимъ цвѣтомъ органической жизни, или отраженіемъ другаго, отличнаго отъ нея самостоятельнаго начала, наша Наука, ограничивающаяся предѣлами опыта, ровно ничего отъ этого не можетъ ни приобрѣсть, ни потерять: потому что дѣйствительность внутреннихъ явленій одинаково признають какъ матеріалисты, такъ и спиритуалисты, и споръ о началѣ сихъ явленій, раздѣляющій ихъ на партіи, не подлежитъ суду Наукъ опытныхъ, ни Психологій, ни Физіологій. Мы просимъ только матеріалиста, чтобъ намъ позволено было явленія, не подлежащія внѣшнимъ чувствамъ и постигаемыя только непосредственнымъ сознаніемъ, обозначать пока особеннымъ именемъ *духовныхъ* явленій: въ замѣнъ чего, съ своей стороны, позволяемъ ему подѣ словомъ *душа* или *духъ*, подѣ коимъ мы разумѣемъ начало этихъ явленій, представлять или мозгъ или нервный эфиръ, или что ему угодно.

И такъ наша Психологія должна быть также чисто-опытною Наукою, и, какъ опытная Наука, она должна пользоваться тѣми же средствами, должна быть построена по тѣмъ же самымъ правиламъ и по той же методѣ, какъ и всѣ Науки сего рода. Это построеніе, сообразно содержанію нашей Науки, ближайшимъ образомъ заключается въ томъ, чтобы Психологъ сколько возможно точнѣе наблюдалъ и описывалъ всѣ дѣйствія и состоянія духа, сравнивалъ и разбиралъ ихъ; изслѣдывалъ ихъ внутреннее взаимное

отношеніе, равно какъ и значеніе каждаго изъ нихъ въ кругу духовной жизни; наконецъ, основываясь на ихъ внутреннемъ сходствѣ, подводилъ ихъ подъ возможно меньшее число классовъ и основныхъ способностей, и отыскивалъ правила и законы, по которымъ всѣ сіи явленія совершаются въ дѣйствительности.

Наука опытная не можетъ принимать за точку исхода *ничто*, или, по пынѣшему модному выраженію, развиваться изъ себя самой, безъ всякаго даннаго основанія, какъ иногда создающее умозрѣніе покушалось дѣлать въ Философiи; напротивъ, она должна въ своихъ изысканіяхъ опираться на какомъ-нибудь данномъ элементѣ познанія. И вся сущность ея собственно въ томъ только и состоитъ, чтобы къ этому данному элементу приискать всѣ остальные, долженствующіе, по непреложнымъ требованіямъ нашего мышленія, быть съ нимъ въ связи. Физиологъ, открывъ какой-нибудь доселѣ неизвѣстный сосудъ въ тѣлѣ, не довольствуется несомнѣнностію его существованія, но этимъ побуждается только къ дальнѣйшему изслѣдованію того, въ чемъ собственно состоитъ его отправление, какъ и при какихъ содѣйствующихъ причинахъ онъ совершаетъ его, и какое назначеніе его въ цѣломъ составѣ организма. И если его изслѣдованія удовлетворительно отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы (что впрочемъ случается весьма рѣдко), то онъ увѣренъ, что задача его рѣшена окончательно. Почти то же самое должно быть и въ Психологiи, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что здѣсь данный элементъ, съ котораго начинается изслѣдованіе прочихъ, всегда одинаковъ, тогда какъ Физиологъ можетъ принимать то одинъ, то другой за первый или за точку исхода къ даль-

нѣйшимъ изслѣдованіямъ. Ибо въ психологическомъ наблюденіи постоянною точкою исхода всегда бываетъ какое-либо состояніе или какаѣ-либо дѣятельность духа. Психологъ старается опредѣлить родъ ихъ и образъ (природу и законъ), ихъ происхожденіе отъ ближайшихъ причинъ, связь съ прочими дѣйствіями, и наконецъ ихъ назначеніе въ совокупной жизни духовнаго организма.

Но почему, ни Психологъ, ни Физіологъ, не довольствуются однимъ тѣмъ элементомъ, который они замѣтили? Почему, открывъ одинъ, они стараются отыскать другой и третій, о существованіи которыхъ еще ничего не знаютъ, а между тѣмъ предполагаютъ ихъ какъ нѣчто несомнѣнное? Откуда эта мысль о необходимомъ совокупленіи многихъ элементовъ, какъ составныхъ частей одного и того же явленія? Откуда наконецъ то убѣжденіе, сопровождающее наблюдателя на пути изслѣдованія, что тамъ, гдѣ есть одинъ элементъ, необходимо должны быть и извѣстные другіе?

Здѣсь не мѣсто изслѣдывать, какимъ образомъ являються въ человѣкѣ подобныя основныя положенія и руководственныя начала, каковы напр. «всякое явленіе (измѣненіе) есть дѣйствіе; какъ дѣйствіе оно имѣетъ достаточную причину, изъ которой оно необходимо слѣдуетъ, имѣетъ цѣль, т. е. само содѣйствуетъ къ произведенію другаго явленія», и т. д. Мы не намѣрены также изъяснять здѣсь происхожденіе и дѣйствительность самыхъ понятій причины, дѣйствія, начала дѣйствованія (силы) закона, необходимости, цѣли и т. д. — аксіомы ли то и основныя понятія здраваго смысла, какъ многіе думаютъ, или, какъ утверждаютъ другіе, врожденныя, или апріорическія

истины, категоріи, формы мышленія, или что другое. Мы объ этомъ не споримъ; но вотъ что замѣчательно: объ этихъ понятіяхъ не лѣзя съ увѣренностію сказать, что мы приобрѣли ихъ точно такъ же, какъ приобретаемъ другія понятія; совершенно не зависитъ отъ нашего произвола, въ извѣстномъ случаѣ, имѣть эти мысли, или не имѣть ихъ, и мы были бы въ болѣшомъ затрудненіи, если бы отъ насъ потребовали доказать всеобщность и необходимость того или другаго изъ сихъ положеній въ такой мѣрѣ, въ какой предполагаемъ ихъ истинность. Между тѣмъ именно это основныя положенія и первоначальныя мысли дѣлаютъ возможною всякую опытную Науку: ибо если бы человѣкъ началъ свои наблюденія надъ какимъ-либо явленіемъ безъ сихъ мыслей, то кромѣ перваго, по болѣшей части случайно представляющагося элемента, не открылъ бы никакого другаго: потому что, не чувствуя недостатка своихъ познаній, не простираетъ бы далѣе и своихъ изслѣдованій. Безъ этихъ мыслей опытъ нашъ никогда не могъ бы сдѣлаться связнымъ цѣлымъ, *Наукою*: это было бы какое-то пестрое совокупленіе современныхъ, или преемственныхъ явленій, которыя не имѣли бы никакого между собою соотношенія, никакой связи, и которыя наконецъ, теряя въ своемъ разединеніи смыслъ и значеніе, едва ли бы заслуживали труда наблюдателя. И такъ всякая опытная Наука вырастаетъ только изъ плодотворныхъ сѣмянъ этихъ, такъ называемыхъ метафизическихъ понятій и истинъ; и если бы мы усомнились въ дѣйствительности сихъ послѣднихъ, то лишились бы главнаго основанія всякаго опыта. Но подобное сомнѣніе никогда не вкрадывалось въ Науки опытныя. Не за-

ботаясь о почвѣ, на которой прозябають, онѣ становятся величественнымъ древомъ, подъ тѣнію коего всякій покоится съ наслажденіемъ, и вкушаетъ плоды его, ни мало не сомнѣваясь въ ихъ годности или пользѣ. Такимъ образомъ, если Психологія не болѣе имѣетъ притязанія на очевидность, какъ и всякая другая опытная Наука, то отъ нея также не лѣзя требовать, чтобы она приняла на себя трудъ раскрыть и утвердить сіи основныя начала, коихъ истина во всѣхъ другихъ опытныхъ Наукахъ тайно предполагается. Но сему наша Психологія, принеся должную дань царицѣ всѣхъ Наукъ, Метафизикѣ, и признавъ ея владычество, безпрепятственно выступитъ въ путь свой, и будетъ продолжать его, не обращая вниманія на какія умозрительныя возраженія.

Впрочемъ намъ не безызвѣстно, почему именно отъ Психологіи требуютъ того, чего не требуютъ ни отъ какой другой опытной Науки. Причина тому, что въ ней часто опытное и умозрительное составляли одно цѣлое, и это странное смѣшеніе нерѣдко было выдаваемо за самую Философію. Это мы находимъ даже и теперь въ философскихъ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ образованнѣйшихъ націй, для коихъ всякое умозрѣніе, безъ непосредственнаго опытнаго основанія, есть праздная игра мыслей. Конечно это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что всякая Философія должна начинать съ дѣйствительнаго, и относиться къ нему же; но должно, если подъ словомъ философствованіе будутъ разумѣть не что иное, какъ умствованіе о каждомъ проходящемъ явленіи порознь. Само собою разумѣется, что наша Психологія не простираетъ своихъ притязаній до того, чтобы за-

мѣнить собою Философію. Мы считаемъ ее важною предуготовительною Наукою къ Философіи, даже необходимымъ введеніемъ въ оную; но возвышать ее посредствомъ какихъ-либо умозрѣній до степени самой Философіи, есть такое предпріятіе, на которое отважится только тотъ, кому господствующее направленіе мыслей или предразсудки времени и націи препятствуютъ составить себѣ вѣрное понятіе о существѣ Философіи. И такъ мы вовсе не намѣрены своею Психологіею похищать что-нибудь у Философіи, или замѣнить послѣднюю первую. Напротивъ, главнѣйшее наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы представить Психологію свободною отъ всякаго умозрѣнія, какъ простую опытную Науку. Отъ Философіи же мы заимствуемъ для нея только тѣ основныя понятія и положенія, коими, безъ малѣйшаго нареканія, пользуется всякая опытная Наука и безъ которыхъ, какъ мы выше сказали, невозможна никакая Наука. Цѣль, для которой мы стараемся отдѣлить опытное отъ умозрительнаго, ближайшимъ образомъ заключается, если можно такъ выразиться, въ искупленіи Психологіи, т. е. въ томъ, чтобы эту важную и занимательную Науку сдѣлать наконецъ независимою отъ прихотей и судьбы эфемерныхъ философскихъ системъ, которыя всегда обращались съ нею по произволу и перѣдко совершенно ее искажали. Мы не сомнѣваемся, что это искупленіе доставитъ ей блестящій успѣхъ, и сію надежду нашу основываемъ на совершенно подобномъ событіи, которое представляетъ намъ Исторія развитія Физики. Психологія по своимъ первымъ наукообразнымъ начаткамъ есть одна изъ древнѣйшихъ Наукъ, какъ легко можно догадываться уже по самой ея

важности; казалось, она быстро должна была подвигаться еще въ тѣ времена, когда именно Физика находилась въ совершенномъ младенествѣ. Это раннее превосходство Психологіи ясно открывается уже изъ сравненія столь много до сихъ поръ еще уважаемаго сочиненія Аристотеля о душѣ съ физическими сочиненіями того же Автора. И между тѣмъ сей знаменитый мужъ, отецъ опытныхъ Наукъ, въ обоихъ отношеніяхъ есть полный представитель современнаго образованія своего народа. Но потомъ Психологія въ продолженіе многихъ столѣтій оставалась безъ всякаго приращенія, такъ что въ новѣйшія времена даже Физиологія, сестра ея, можетъ быть превзошла ее въ богатствѣ истинъ точно изложенныхъ и неоспоримыхъ, равно какъ и въ стройномъ соединеніи своихъ матеріаловъ. Разбирая причины этой странной безуспѣшности Психологіи, мы находимъ, что между многими другими, о которыхъ послѣ скажемъ подробнѣе, важнѣйшая заключалась въ примѣшеніи къ Психологіи такихъ элементовъ, которые ей чужды и по содержанию и по назначенію. Съ одной стороны часто теряется она въ физиологическихъ изслѣдованіяхъ, переходитъ въ чуждый для нея міръ *тѣлесныхъ движеній*, и, опираясь на мнимомъ сходствѣ явленій міра *вещественнаго* съ *духовными*, нерѣдко дѣлаетъ странныя заключенія о послѣднихъ. Съ другой стороны, забывая свой характеръ Науки опытной, она часто вводитъ въ свою область такіе вопросы и изслѣдованія, которые принадлежатъ только чистому умозрѣнію, или относятся къ области Вѣры. Подобные вопросы суть: о состояніи душъ до соединенія ихъ съ тѣлами, о состояніи ихъ по смерти, о соединеніи съ тѣломъ,

о сущности и возможности свободы воли, и многіе другіе симъ подобныя, на которые опытъ не можетъ дать никакого дальнѣйшаго объясненія. Первый изъ сихъ упрековъ, можно сдѣлать преимущественно Врачамъ и Физиологамъ, а второй собственно такъ называемымъ Философамъ. Какъ много, отъ такой нечистой примѣси догадочнаго къ несомнѣнному, теряетъ Наука въ прочности и довѣренности, это ясно доказываютъ намъ маловажныя относительныя успѣхи Психологін. Въ то время, какъ въ ней какая-нибудь блестящая гипотеза, мгновенно ослѣпившая взоръ, подобно фейерверку, дѣлала опутительнѣе послѣдовавшій за нею мракъ, Физика, постоянно вѣрная строгой методѣ наблюденія, шла впередъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ. По возможности устраняя все умозрительное и гипотетическое, она только собирала факты, и удостоверяясь въ нихъ частымъ повтореніемъ наблюденія и опытовъ, позволяла себѣ выводить изъ сихъ многихъ вѣрныхъ случаевъ заключенія, и такимъ образомъ посредствомъ наведенія и аналогіи отъ познанія частнаго доходила до открытія общаго, до законовъ и причинъ. Физикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ теперь не заботится о томъ, будутъ ли существовать наблюдаемыя имъ явленія и тогда, когда бы не было познающаго ихъ существа, не было духа, ихъ приѣмлющаго; онъ не спрашиваетъ, сотворена ли матерія, или предвѣчна, и какъ вообще возможны сотвореніе, или измѣненіе вещей; онъ не мучится надъ доказательствами возможности движенія и надъ отыскиваніемъ послѣднихъ причинъ онаго. Для него довольно, что онъ чувствами познаетъ существованіе матеріи, и примѣчаетъ разнообразныя движенія и измѣненія ея,

чтобы со всею равностію приступить къ отысканію ихъ ближайшихъ причинъ и законовъ; а вопросы, превышающіе опытъ, охотно уступаетъ умозрѣнію, и если чего не достаесть для глубокости его Науки, то онъ по крайней мѣрѣ утѣшается вѣрностію того, что знаетъ. При этой скромности притязаній, Физика мало по малу возрасла въ древо цвѣтущее и глубоко пустившее корни свои, которое теперь начало приносить прекраснѣйшіе плоды, тогда какъ прежде въ продолженіе многихъ столѣтій оно питало своими соками только тунесядныя растенія умозрительной тонкости, а само оставалось сухимъ и безплоднымъ.

Восемдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ и въ Психологіи, утомясь наконецъ безпрестанною мнѣною гипотезъ, вмѣсто замысловатыхъ предположеній о жизни души начали требовать испытанныхъ и вѣрныхъ фактовъ, чтобы получить какое-нибудь прочное основаніе къ дальнѣйшему построенію этой Науки. Но какъ ни драгоценны и какъ ни превосходны были нѣкоторые изъ опытовъ, коими Психологія съ того времени начала гордиться, все-же она не могла совершенно освободиться отъ крѣпкихъ цѣпей, въ которыхъ умозрѣніе такъ долго ее держало. Количество сочиненій, въ конхъ она является Наукою чисто-опытною, весьма ограничено. Духъ глубокаго умозрѣнія, со времени Канта оживляющій Нѣмецкую Философію, возбудилъ и освѣжилъ всю область мышленія, и мы охотно и съ благодарностію признаемъ благотѣльное вліяніе его на Науки. Но, вмѣстѣ съ скромнымъ умозрѣніемъ, вкралось въ нихъ и злоупотребленіе болѣе высокоумное нежели когда-либо и даже иногда доходящее до странности. Страсть къ созданію системъ, перешедшая

въ нѣкоторый родъ манинъ, и неуваженіе, съ которымъ Философы, все строящіе аргюмѣнты, смотрѣли на все опытное, нанесли значительный вредъ нашей Наукѣ, равно какъ и многимъ другимъ. Психологическіе факты, искаженные и обезображенные, часто должны были служить основаніемъ или опорой какому либо прежде уже принятому Философскому ученію, или должны были подчиняться какому-нибудь схематизму, начертанію для нихъ аргюмѣнтовъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ, коимъ руководствовались въ примѣненіи этихъ фактовъ къ опредѣленной системѣ, былъ произволъ, въ слѣдствіе коего, не смотря на давнишнее употребленіе всѣмъ извѣстныхъ словъ, каковы напримѣръ чувство и чувствованіе, умъ и разумъ, и тому подобныхъ, соединяли съ ними новыя и неслыханныя значенія, такъ что одна Школа не понимала другой; каждый мыслитель, почитавшій себя оригинальнымъ, не могъ согласиться съ другимъ, имѣвшимъ подобныя же притязанія: потому что каждый изъ нихъ соединялъ съ однимъ и тѣмъ же словомъ разныя значенія. Дѣло дошло до того, что шутка, будто Психологическая терминологія есть возобновленіе Вавилонскаго смѣшенія языковъ, сдѣлалась наконецъ печальною истиною. Предоставляемъ собственному размышленію нашихъ читателей рѣшить, могла ли Наука, требующая значительныхъ пополненій, и по своему опытному характеру находящаяся въ столь тѣсной связи съ давно утвержденнымъ языкомъ, при такомъ обработываніи, сдѣлать успѣхи, какихъ можно было ожидать отъ ея нескудной Литературы, и отъ славы мущей, находящихся въ числѣ ея обработывателей.

Чисто-опытное содержаніе, которымъ бы мы желали ограичить нашу Науку, указываетъ уже на источникъ, изъ коего она почерпаетъ свои матеріалы, т. е. своя отдѣльные свѣдѣнія. Единственный источникъ для нея есть наблюденіе духовной жизни въ насъ самихъ и въ другихъ людяхъ. Очевидно, что это наблюденіе должно быть начато съ насъ самихъ: ибо духовная жизнь другихъ людей открывается намъ только при помощи тѣлесныхъ знаковъ, или тѣлодвиженій, преимущественно же посредствомъ словъ и дѣйствій. Всѣ эти внѣшнія явленія, какъ выраженія извѣстнаго внутренняго состоянія, какъ дѣйствія и отраженія внутренней дѣятельности, безъ собственнаго внутренняго опыта были бы непонятными знаками чего-то неизвѣстнаго, чего мы не могли бы представить ни при какомъ описаніи, или объясненіи. Какъ въ Природѣ внѣшней свойства вещей, бѣлизна, благовопія, сладость и проч., могутъ быть поняты только непосредственнымъ воспріятіемъ чувствъ, и для чловѣка неизмѣющаго случая знакомиться съ ними, или для того, кто лишенъ необходимаго къ тому органа, напрасно всякое описаніе: такъ точно соотвѣтствующія симъ матеріальнымъ свойствамъ качества духа, т. е. состоянія и дѣйствія онаго, познаются только непосредственнымъ опытомъ, и столь же мало могутъ быть представлены помощію однихъ отвлеченныхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, какія представленія могли бы возбудить въ насъ слова: сознаніе, чувствованіе, Вѣра, сомнѣніе, пріятное, любовь, благоговѣніе, воодушевленіе и т. д., если бы мы не понимали ихъ знанія изъ нашей собственной внутренней жизни, или

по крайней мѣрѣ не находились когда-либо въ состояніи совершенно тому подобномъ.

Но безмѣнное богатство формъ, въ которыхъ сила духовная возвышаетъ о бытіи своемъ, столь же мало можетъ быть исчерпано въ жизни одного человека, какъ и вся полнота жизни органической въ какомъ-либо одномъ растеніи или одномъ животномъ. Естественный испытатель, объемля своимъ вниманіемъ цѣлый родъ растеній, долѣе и охотнѣе останавливается на благороднѣйшихъ и совершеннѣйшихъ единицахъ оного, какъ высшемъ и яснѣйшемъ проявленіи типа, который имѣла въ виду творческая сила Природы. Точно такъ поступаетъ и наблюдатель жизни духовной: онъ не исключаетъ изъ круга своего наблюденія никакого возраста и пола, никакой степени образованія, даже грубыхъ дѣтей Природы; но занимательнѣйшимъ и назидательнѣйшимъ предметомъ для него останется только человекъ развитый и облагороженный воспитаніемъ и еще болѣе тотъ любимецъ неба, на челѣ котораго оно положило печать высшаго предназначенія. Сей послѣдній, какъ глубокое разумѣніе, какъ гений Искусства, или какъ великій характеръ, возвышающійся надъ толпою, какъ совершеннѣйшій образецъ челоуѣчества, какъ высшая потенція духовной силы, даетъ намъ возможность глубже проникнуть въ таинственную сущность челоуѣческой природы, и представляетъ въ явственнѣйшихъ чертахъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть человекъ. Слѣдовательно наблюденіе другихъ людей есть столь же необходимое пособіе къ дальнѣйшему развитію нашей Науки, какъ и наблюденіе самого себя.

Но время и пространство налагаютъ слишкомъ обременительныя оковы на наше собственное наблюденіе; взглядъ нашъ едва простирается за предѣлы самыхъ близкихъ, окружающихъ насъ предметовъ. Въ замѣнъ того вся Исторія развитія человѣчества въ отношеніи къ образованію религіозному и умственному, въ отношеніи къ Искусствамъ, жизни общественной, Законодательству и т. д. для Психолога есть богатая сокровищница матеріаловъ. Путешествія, мемуары, біографіи, даже образцовыя драматическія произведенія и Романы, могутъ составлять для него также немаловажный запасъ: ибо сіи послѣдніе тогда только и заслуживаютъ имя образцовыхъ твореній, когда они изображаютъ жизнь духовную во всей ея истинѣ, и посредствомъ рѣчи и дѣйствій открываютъ вѣншему взорѣнію то, что происходитъ въ сокровенной глубинѣ челоѣческаго духа, часто для него самаго непостижимое. Безъ сомнѣнія благоразумное употребленіе всѣхъ сихъ матеріаловъ необходимо предполагаетъ предварительную строгую критику, пробный камень которой опять есть нашъ собственный опытъ. Но кто по собственному опыту знаетъ, какъ трудно дѣлать чистые опыты, т. е. не примѣшивать въ свои наблюденія никакихъ подлежательныхъ мнѣній, догадокъ, поспѣшныхъ заключеній и другихъ произвольныхъ прибавленій, тотъ еще болѣе будетъ подвергать строгому и обдуманному исканію всякій чужой опытъ, чтобы отдѣлать драгоцѣнный металлъ отъ негодной смѣси.

Намъ можетъ быть скажутъ, что духовная жизнь въ каждомъ челоѣкѣ столь же индивидуальна, какъ и органическая, и что, если не совершенно невозможно, то по крайней мѣрѣ весьма трудно, посредствомъ за-

ключений, основанных на собственном внутреннем опыте, объяснить и постигнуть явления духовной жизни других людей. На это мы можем дать слѣдующій отвѣтъ. Психологія, какъ и всякая другая Наука, имѣетъ дѣло не съ индивидуальнымъ, но съ общимъ. Предметъ ея не описаніе и разъясненіе духовной жизни одного какого-либо лица, во всѣхъ ея состояніяхъ и развитіяхъ, но духовная жизнь человѣка вообще, т. е. однородное и общее во внутреннемъ состояніи всѣхъ существъ, называемыхъ людьми. Что во всѣхъ людяхъ дѣйствительно есть нѣчто общее этого рода, за сіе, кажется, ручается намъ уже общее понятіе *человѣкъ*, подъ которымъ мы разумѣемъ всѣхъ людей, какъ одинаковый родъ. И если они въ самомъ дѣлѣ составляютъ особенный родъ существъ, въ чемъ не лзя и сомнѣваться, то конечно основаніе сего заключается не въ одномъ сходствѣ ихъ тѣлеснаго организма, но также въ сходствѣ ихъ внутреннихъ способностей и силъ, въ сходствѣ духовныхъ направленій, состояній и дѣятельностей, посредствомъ коихъ обнаруживается первоначальная человѣческая природа въ разныхъ недѣлимыхъ. Съ этимъ сходствомъ духовной жизни весьма совмѣстны различія степеней или отношеній и вообще всѣ индивидуальныя видоизмѣненія, точно такъ же, какъ съ общимъ типомъ человѣческаго образа сходно индивидуальное образованіе чертъ лица каждаго недѣлимаго. Слѣдовательно, кто напримѣръ испыталъ самъ радость или гнѣвъ, тотъ легко можетъ понять и въ другихъ обнаруженіе этихъ чувствъ, сколько бы они ни были разнообразны въ каждомъ *человѣкѣ*. Конечно есть такія состоянія духа, которыя мы можемъ наблюдать только въ другихъ, и для

которыхъ мы, хотя они въ строгомъ смыслѣ не могутъ называться индивидуальными, не имѣемъ никакого положительнаго масштаба въ себѣ самихъ; напримѣръ лунатизмъ, магнетическое ясновидѣніе, отчаяніе, сумасшествіе и многія другія болѣзненныя состоянія. Очевидно, здѣсь остается намъ прибѣгать только къ заключеніямъ по аналогіи, и опираться болѣе или менѣе на отдаленныхъ сходствахъ. Эти неправильныя явленія въ духовной жизни, хотя и привлекаютъ на себя вниманіе своею необыкновенностію и странностію, и возбуждаютъ охоту къ удовлетворительному ихъ описанію и объясненію; при всемъ томъ на нихъ должно смотрѣть, какъ на второстепенный предметъ нашей Науки, главная цѣль которой, безъ сомнѣнія, есть изслѣдованіе *нормальной* жизни духа во всѣхъ ея различныхъ направленіяхъ и дѣйствіяхъ. Ожиданія нѣкоторыхъ Психологовъ, именно посредствомъ наблюденія чрезмѣрно раздраженныхъ и болѣзненныхъ явленій достигнуть важнѣйшихъ открытій въ духовной жизни, намъ кажутся слишкомъ отважными. Только успѣшное изученіе правильной жизни человѣка съ обѣихъ ея сторонъ можетъ разрѣшить намъ загадку возможности даже такихъ отступленій. Но какъ мало мы еще знакомы съ условіями здоровой духовной жизни, это ясно доказывается жаркими преніями о самомъ понятіи *духовной болѣзни*.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ, что Психологія, предметъ которой, какъ благороднѣйшій и важнѣйшій, возвышается надъ всѣмъ чувственнымъ, при столь близкихъ и столь богатыхъ источникахъ, такъ далеко отстала въ своемъ образованіи отъ многихъ другихъ менѣе важныхъ Наукъ. Но

трудности особеннаго рода, которыя мы теперь намѣрены изложить и на которыя частію мы уже указали выше, объяснять намъ медленный ходъ Психологіи, и заставляютъ насъ гораздо снисходительнѣе смотрѣть на различныя заблужденія и очевидныя неаѣппости, въ кои впадали даже отличные умы, занимавшіеся этою Наукою.

И въ самомъ дѣлѣ, наблюденіе внѣшней Природы по большей части не требуетъ непомѣрнаго напряженія ума; оно часто даже составляетъ столь пріятное занятіе, что едва ли есть какое-либо другое изученіе, которое бы имѣло столько прелести и занимательности даже для юнoшества. Наблюденіе внутренней жизни напротивъ утомительно, а для непрigотовленнаго оно становится мукою. Чтобы со вниманіемъ разсматривать внутреннюю жизнь, и съ успѣхомъ заниматься наблюденіемъ ея, для этого необходимо требуется извѣстная зрѣлость ума. Милліоны людей умираютъ, не составивъ себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ внутреннемъ механизмѣ силъ, которымъ они пользовались ежедневно и ежечасно въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ. Но какъ ни страннымъ кажется этотъ фактъ, при всемъ томъ весьма легко объяснить его.

Духовная жизнь наша въ этомъ земномъ бытіи скована условіями органической жизни тѣла, и для своего обнаруженія требуетъ уже извѣстной степени развитія и образованія тѣлесныхъ органовъ. Въ новорожденномъ дитяти она погружена какъ бы въ нѣкоторое усыпленіе, или, говоря образно, она есть только зародышъ, ожидающій своего развитія и возрастанія отъ содѣйствія внѣшней Природы. Дитя от-

дается этой внѣшней Природѣ; созерцая ее, оно пріобрѣтаетъ и упрочиваетъ свои познанія, ищетъ и находитъ въ ней первыя наслажденія, и отъ нея же получаетъ первыя болѣзненные впечатлѣнія. И такъ внѣшній міръ, какъ источникъ удовлетворенія нашихъ необходимыхъ тѣлесныхъ потребностей, какъ раздаятель нашихъ первыхъ радостей и страданій, исключительно овладѣваетъ еще въ дѣтствѣ нашимъ вниманіемъ, а безпрестанное съ нимъ обращеніе до такой степени утверждаетъ насъ въ этомъ одностороннемъ направленіи, что мы почитаемъ себя совершенно знакомыми съ тѣлеснымъ міромъ, и самыя таинственныя и неизяснимыя его явленія только потому принимаемъ за извѣстныя, что они каждодневно представляются нашимъ чувствамъ! Наконецъ, когда мы, достигнувъ большей зрѣлости духа, обращаемся ко внутреннему міру, чтобъ изслѣдовать тѣ чудесныя силы, посредствомъ коихъ мы познаемъ внѣшній міръ и дѣйствуемъ на него: то это новое направленіе нашего вниманія, въ слѣдствіе его привычки къ тѣлесному, бываетъ для насъ чрезвычайно трудно. Наше вниманіе невольно всегда устремляется на предметъ нашего мышленія, нашего желанія, нашей радости, нашего гнѣва и т. д., а не на чистую дѣятельность нашего духа въ мышленіи и желаніи, въ чувствѣ радости или гнѣва. И чѣмъ живѣе сердечныя движенія и страсти человѣка, то есть, чѣмъ замѣчательнѣе мгновенія духовной жизни, тѣмъ менѣе въ немъ расположенія и обдуманности, необходимыхъ для того, чтобы быть хорошимъ наблюдателемъ самого себя. Безъ сомнѣнія воспоминаніе о бывшихъ состояніяхъ и даже иногда намѣренное возбужденіе оныхъ могутъ служить нѣкоторою за-

иѣною; но отпечатокъ рѣдко достигаетъ свѣжести и полноты живой дѣйствительности.

Особенная трудность внутренняго наблюденія заключается еще въ той неимовѣрной быстротѣ, съ каковою пролетаетъ большая часть состояній духа, едва оставляя наблюдателю время потребное для того, чтобы обратить на нихъ свое вниманіе, схватить ихъ какъ бы на лету и притомъ вѣрно. Нѣтъ ни одного мгновенія внутренней жизни совершенно подобнаго другому; образы и мысли безпрестанно толпятся, и потребна великая власть надъ собою, чтобы хотя на короткое время удержать стремленіе этого неудержимаго потока. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть попробуетъ. хотя на одну минуту, остановить какую-нибудь мысль въ ея разединеніи, такъ чтобы другія мысли, невольно стремящіяся со всѣхъ сторонъ, не отвлекали его вниманія отъ добровольно имъ самимъ избраннаго пункта. Къ этому еще прибавьте необходимое раздвоеніе нашей силы, потому что дѣятельность духа въ одно и то же время есть и предметъ наблюденія и субъектъ наблюдающій. Опытъ повсюду открываетъ намъ, что наблюденіе какого-либо внутренняго состоянія бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе въ немъ самодѣятельности, и что напротивъ страдательныя состоянія духа—самыя доступныя для наблюденія. Всякій согласится, что гораздо легче наблюдать низшіе роды своихъ чувствованій, нежели свое мышленіе. Опытъ также научаетъ, что всякая духовная дѣятельность, которую мы силою напряженнаго вниманія хотимъ принять за предметъ наблюденія, отъ того самаго или совершенно прекращается, или примѣтно ослабѣваетъ. Давно также замѣчено, что чувствованія, всего менѣе зависящія отъ нашего

произвола, напр. тѣлесныя болѣзни, при сосредоточеніи на нихъ нашего вниманія, на нѣкоторое время смягчаются и ослабляются, хотя послѣ, можетъ быть, еще съ большою силою начинаютъ свирѣпствовать. — Вѣроятно всякій охотно согласится съ тѣмъ, что мечты воображенія, не рѣдко возмущающія чистоту внѣшняго наблюденія, еще легче и чаще заступаютъ мѣсто дѣйствительныхъ воспріятій внутренняго чувства, и представляютъ намъ тогда нашъ внутренній бытъ совсѣмъ не таковымъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Въ послѣдствіи мы скажемъ подробнѣе объ этомъ предметѣ, потому что здѣсь скрывается источникъ всякой мечтательности и ложной мистики. Но есть въ насъ особенная область, изслѣдованіе которой, кромѣ означенныхъ препятствій, затрудняется еще нашимъ самолюбіемъ. Это область воли и тѣхъ дѣйствій, которыя непосредственно съ нею связаны, — однимъ словомъ, практическая область нашей духовной жизни, на которую именно указывали Древніе, когда извѣстное *γυνῶσι σαυτοῦ* (познай самого себя) выдавали за главное условіе и главную цѣль истинной мудрости. Психологическое наблюденіе, которое мы дѣлаемъ для обогащенія Науки, сливается здѣсь нѣкоторымъ образомъ съ нравственнымъ самоиспытаніемъ и раздѣляется съ нимъ почти всѣ препятствія, предстоящія на пути сему послѣднему. Человѣкъ не охотно рѣшается открыть свое внутреннее даже самому себѣ и отдать отчетъ себѣ въ своихъ истинныхъ побужденіяхъ и намѣреніяхъ. Слабыя и порочныя наклонности нашего собственнаго я приписываются обыкновенно общей человѣческой природѣ, или, по крайней мѣрѣ, представляются намъ въ смягчающемъ свѣтѣ самолюбія, какъ

нѣчто незначительное и случайное, и въ подкупленномъ умѣ нашемъ находятъ всегда усерднаго себѣ защитника. Съ другой стороны мы весьма склонны малѣйшее добро вѣнчать себѣ въ величайшую заслугу, и ослѣпленные самоугодливостію въ нашихъ рѣшеніяхъ находимъ такіа побужденія, которыя не имѣютъ съ ними ни какой связи. И такъ, если уже такъ трудно въ собственной внутренней оцѣнкѣ произнести о самомъ себѣ справедливый приговоръ, то не гораздо ли труднѣе понять человѣка вообще въ этомъ отношеніи таинимъ, наковъ онъ дѣйствительно есть, чѣмъ-то среднимъ между животнымъ неразумнымъ и ангеломъ. По сему ни сколько не удивительно, что Психологи такъ рѣдко здѣсь попадаютъ на истинную средину, и что между тѣмъ какъ одинъ всѣ поступки человѣка приписываетъ единственно своекорыстію, другой увѣряетъ, что въ самой Природѣ человѣка нѣтъ никакого зла и что только превратность воспитанія и общественныхъ учрежденій порождаютъ всякое нравственное зло.

Правда, къ фактамъ внутренняго опыта не лзя примѣнять Математики, но это не можетъ назваться препятствіемъ къ образованію Психологіи, потому что эта Наука, какъ показываютъ неудачныя попытки, по своей природѣ не подлежитъ никакимъ вычисленіямъ. Но во всякомъ случаѣ это уже недостатокъ, который кладетъ на нее печать какой-то неопредѣленности и неясности, однимъ словомъ кажущагося несовершенства и ставитъ ее ниже Науки о внѣшней Природѣ. Извѣстно, что въ сей послѣдней законы могутъ быть точно опредѣлены математическими формулами, и что всякая часть внѣшняго опыта уже дѣй-

ствительно и навсегда приобрѣтена для Науки, коль скоро удалось опредѣлить ее или по числу или по степени. Это мы видимъ въ теоріяхъ тяжести, свѣта, звука и даже въ послѣднее время въ Химіи. Конечно не лзя отвергнуть, что наша духовная дѣятельность всегда имѣетъ извѣстную степень напряженности, т. е. наши представленія, чувствованія, пожеланія и т. д. бываютъ иногда сильнѣе, иногда слабѣе, и что эта живость въ каждомъ особенномъ случаѣ имѣетъ опредѣленную мѣру; но этимъ знаніемъ мы мало приобрѣтаемъ, потому что намъ не достаетъ постоянной, основной мѣры, не достаетъ единицы, по которой бы можно опредѣлять степени напряженности дѣйствій, представляющихся опыту.

Разборъ духовныхъ фактовъ долженъ быть уже потому гораздо труднѣе, что элементы, изъ которыхъ состоятъ они, не суть что-либо протяженное, что для удобнѣйшаго разсматриванія можно бы было разлагать, подлѣполагать, или, для опыта, разнообразно соединять. Здѣсь напротивъ всякое произведеніе этихъ элементовъ есть единица, въ которой дѣйствуетъ цѣлый духъ, или если угодно, совокупность духовныхъ способностей, впрочемъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя Наука до сихъ поръ еще весьма мало успѣла раскрыть. Если присоедините къ тому различныя внѣшнія причины, которыя хотя тайное, но несомнѣнное имѣютъ вліяніе на жизнь духовную, какъ напр. воспитаніе, привычку, полъ, возрастъ, темпераментъ, образъ жизни, климатъ и т. д., то не лзя будетъ не согласиться, что ни одна изъ опытныхъ Наукъ не сопряжена съ столь многими и столь великими трудностями, какъ Психологія.

Но при наблюденіи человѣка, кромѣ исчисленныхъ нами трудностей встрѣчается еще новая трудность, именно та, что мы рѣдко имѣемъ случай наблюдать его въ состояніи естественной непринужденности, и потому рѣдко можемъ сдѣлать справедливое о немъ заключеніе изъ его проявленія, т. е. изъ тѣлодвиженій, разговоровъ и поступковъ. Ибо если человѣкъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, то онъ или терится, и противъ воли показываетъ себя во внѣшности не такимъ, каковъ онъ внутренно; или, если онъ имѣетъ довольно власти надъ собою, чтобы во внѣшности обнаружить только то, что ему заблагоразсудится, то онъ притворяется. Искусство притворяться возрастаетъ вмѣстѣ съ образованіемъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ владѣетъ собственною жизнію, тѣмъ слабѣе становится связь между внутреннимъ и внѣшнимъ, и тѣмъ ошибочнѣе заключеніе отъ послѣдняго къ первому.

Но можетъ быть ни одно изъ названныхъ препятствій не останавливало такъ сильно успѣховъ нашей Науки, какъ односторонняя привязанность къ міру тѣлесному, причины которой мы уже выше показали. Раннія и могущественныя впечатлѣнія внѣшняго міра должны были совершенно заслонить отъ насъ жизнь духовную, и на долго лишить ее нашего вниманія; если наконецъ и обращенъ былъ взоръ на этотъ предметъ, то, въ слѣдствіе привязанности къ тѣлесному, ничто не могло быть естественнѣе, какъ омытъ — принять тѣлесное за мѣрило явленій духовныхъ, такъ какъ съ существомъ тѣлеснаго думали быть коротко знакомыми. А потому подъ духомъ представляли нѣкоторой родъ утонченнаго эфирнаго

вещества (*пнеўма, spiritus,*) и думали, что поняли его дѣйствія, когда нашли вѣкоторую аналогію между нимъ и матерією. Первымъ слѣдствіемъ сего было то, что вся почти психологическая терминологія заимствована изъ области міра тѣлеснаго, его движеній и измѣненій, какъ показываютъ слѣдующія выраженія: представлять, воображать, понимать, принимать, взвѣшивать, заключать, привязанность, наклонность, и безчисленное множество другихъ. Такъ' какъ мы довольно ясно понимаемъ духовныя дѣйствія и слѣдствія, обозначаемыя сими выраженіями, то образный этотъ языкъ для насъ почти потерялъ свое неудобство и обманчивость. Но во время младенчества Науки, эти выраженія должны были породить безчисленное множество двусмысленностей и заблужденій, которыя, вмѣстѣ съ языкомъ перешедши и къ послѣдующимъ поколѣніямъ, постоянно давали поводъ къ возобновленію прежнихъ опытовъ подчинить духовныя явленія законамъ міра физическаго. Сочиненія какого-нибудь Гоббеса, Гартлея, Пристлея, Ламетри и другихъ, ясно показываютъ намъ, чѣмъ сдѣлалась и вообще чѣмъ могла сдѣлаться Психологія при такомъ направленіи.

Объявляя себя явными противниками сего направленія, мы надѣемся, что насъ не будутъ укорять въ томъ, будто мы еще прежде построенія Науки о душѣ, рѣшаемъ уже несомнѣннымъ образомъ то, чѣмъ она не есть; именно, что душа не есть матерія. Мы встаемъ только противъ того, что многіе къ объясненію духовной жизни приступаютъ уже съ тѣмъ предразсудкомъ и намѣреніемъ, чтобы въ явленіяхъ ея не находить ничего кромѣ движеній и преобразо-

ваній матеріи. Мы требуемъ только, чтобы отвѣтъ на вопросъ о существѣ души не былъ вносимъ въ психологическія изслѣдованія уже готовымъ, но чтобы безпристрастно наблюдали духовныя явленія, и если потребуетъ того ихъ собственная природа, подводили ихъ подъ особенные законы и особенныя начала. Конечно человѣкъ въ своемъ непосредственномъ сознаніи самъ себѣ является существомъ единственнымъ, нераздѣльнымъ, и только, разсматриваемая сквозь призму размысленія о себѣ, жизнь его разлагается на жизнь двойственную, на *внутреннюю*, только временную, и на *внѣшнюю*, пространственную. Неоспоримо, что отправленія той и другой жизни находятся въ столь тѣсной связи между собою, что жизнь внутренняя пробуждается долго спустя послѣ начатія самостоятельности жизни физической; что всѣ внутренніе процессы условливаются внѣшними, или при содѣйствіи ихъ совершаются, и съ разрѣшеніемъ организма исчезаетъ *для опыта* бытіе жизни внутренней. Но, не смотря на эту видимую тождественность, съ древнихъ временъ явленія внутреннія, временныя, приписывали какому-то особенному, отъ матеріальнаго тѣла отличному началу, названному *душею* или *духомъ*, и слѣдовательно въ лицѣ человѣка видѣли, если не сложение (потому, что это механическое понятіе вообще при органическихъ существахъ едва ли имѣетъ приложение), то по крайней мѣрѣ таинственное соединеніе двухъ разнородныхъ естествъ. Съ этимъ убѣжденіемъ въ истинной двойственности соединенныхъ въ насъ началъ и въ непреходимости того изъ нихъ, которому приличествуетъ самосознающее мышленіе и хотѣніе, связуются всѣ наши драгоцѣннѣйшія выгоды и наде-

жды. Религія освящаетъ это наше вѣрованіе и дѣлаетъ его общимъ достояніемъ какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ. И отъ Науки можно требовать того, чтобы она при своихъ средствахъ утвердила и оправдала это убѣжденіе. И такъ, ежели Философія, опираясь на психологическихъ изслѣдованій, берется привести доказательства духовности души, то въ этомъ предпріятіи не видно еще ни недовѣрчивости къ непреложности Божественнаго Откровенія, ни достаточнаго повода къ тому упреку, будто это значить снова приниматься за вопросъ давно рѣшенный. Кто признаетъ авторитетъ Божественнаго Слова, тотъ въ строгомъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи можетъ видѣть только или новое наукообразное подтвержденіе того, во что онъ уже вѣритъ, и тогда Философія будетъ лишь представлять ему во всемъ блескѣ Откровеніе и утверждать его вѣру въ оное; или онъ увидитъ, что разумъ человѣческій, хотя можетъ довести его до высшаго правдоподобія въ этомъ важномъ убѣжденіи, но не въ силахъ доставить ему несомнѣнности, и тогда съ болѣе искреннею благодарностію онъ приметъ благодѣяніе непреложнаго ученія. Но для того, кто думаетъ довѣряться только собственному человѣческому знанію, вопросъ о бытіи духа и о существѣ его отнюдь не есть еще давно рѣшенный. И еслибъ даже онъ былъ рѣшенъ Наукою, при всемъ томъ необходимо самому вступить въ тотъ путь изслѣдованія и испытанія, по коему дошли до такого рѣшенія.

Впрочемъ этимъ вопросомъ о Природѣ и о существѣ духа, о его самостоятельности и совершенномъ отличіи отъ матеріи, наша опытная Психологія, какъ мы уже выше упомянули, совершенно не думаетъ

заниматься: ибо содержаніе ея, факты внутренней жизни и законы оной, если только они вѣрно изслѣдованы наблюденіемъ, при какомъ угодно предположеніи о производящемъ началѣ, остаются всегда одни и тѣ же. Но результаты нашихъ психологическихъ изслѣдованій безъ сомнѣнія имѣютъ важнѣйшее посредственное вліяніе на рѣшеніе Философами вышеприведеннаго вопроса. Ибо умозрѣніе, сколько бы оно ни напрягалось, точкою исхода и основаніемъ своего окончательнаго рѣшенія, всегда будетъ имѣть то, что мы знаемъ изъ опыта о внутренней жизни. Бытіе души, какъ существа особеннаго, отличнаго отъ тѣла, не можетъ быть постигнуто непосредственно; можно только заключить о немъ, какъ вообще заключаемъ отъ дѣйствія къ причинѣ. Данные, на коихъ мы основываемъ наше заключеніе, суть именно то, что опытомъ познаемъ о внутренней жизни, т. е. особенный характеръ дѣйствій и особенные законы, по коимъ они происходятъ; основаніе нашего заключенія есть противоположность между внутреннею и внѣшнею жизнью, хотя онѣ и тѣснѣйшимъ образомъ соединены между собою. Въ своемъ мѣстѣ, въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы увидимъ, что по устройству нашей Природы намъ не возможно посредствомъ чистаго или апріорическаго мышленія познать бытіе ни одного существа; что о существѣ вообще мы можемъ судить только чрезъ приложеніе предикатовъ, или лучше, о бытіи существъ и ихъ различіи мы знаемъ только изъ ихъ свойствъ, или заключаемъ о немъ изъ ихъ дѣйствій, какъ о необходимо предполагаемой причинѣ. И такъ, если мы при руководствѣ опыта отыскиваемъ и распредѣляемъ по классамъ внутреннія дѣйствія, опредѣ-

даемъ ихъ отношенія между собою и къ совокупности вѣтвей жизни, наконецъ стараемся открыть законы, коимъ они подчинены: то весь нашъ трудъ клонится только къ тому, чтобы доставить Философіи вѣрные послышки, изъ коихъ бы она могла вывести духовность и самостоятельность нашей души, если только возможно, въ строгихъ доказательствахъ. И такъ, чтобы не превратить совершенно естественнаго хода Науки, мы на время оставляемъ подлежательныя убѣжденія и уже прежде рѣшенныя мнѣнія о Природѣ души: потому что къ наукообразному убѣженію, цѣли нашего труда, ведутъ только психологическія изслѣдованія. Пусть смотрятъ, если угодно на допущенное нами особенное духовное начало, здѣсь въ этомъ мѣстѣ, какъ на *гипотезу*, ожидающую своего подтвержденія отъ Философіи; впрочемъ не должно забывать, что право на это наше предположеніе даетъ намъ не только Христіанская Религія, и повсюду господствующія вѣрованія; но даже (что можетъ быть не менѣе важно въ глазахъ нашихъ противниковъ) самыя правила строгаго естествоиспытанія побуждаютъ насъ къ этому предположенію. Ибо ежели сіи правила требуютъ, чтобы существенно различныя явленія были также подведены подъ различныя начала, то весь вопросъ будетъ состоять только въ томъ, существенно ли отличается мышленіе отъ хожденія, хотѣніе отъ пицеваренія и т. д., вообще все только временное отъ пространнаго; и безъ сомнѣнія, каждый безпристрастный мыслитель, приступая къ точнѣйшему изслѣдованію человѣческой жизни, скорѣе согласится предположить два начала, нежели удовольствуется однимъ. И если бы было иначе, то какъ объяснить

тотъ общезвѣстный фактъ, что матеріализмъ ни въ какое время не могъ возвыситься до всеобщаго признанія, и что напротивъ спиритуалистическій взглядъ на человѣка почти всегда оставался господствующимъ? Впрочемъ къ чести нашего вѣка мы можемъ прибавить, что теперь между истинно образованными людьми едва ли найдутся матеріалисты въ строгомъ смыслѣ сего слова. Наконецъ перестали, кажется, считать жизнь духовную тождественною съ органическимъ процессомъ тѣла, и тѣлесныя условія проявленія духовной жизни принимать за самую жизнь духа. Человѣческій организмъ отселѣ будетъ разсматриваться только какъ посредникъ, при содѣйствіи коего два различные міра, духовный и матеріальный, вступаютъ во взаимодѣйствіе, и въ которомъ они таинственнымъ образомъ соприкасаются одинъ другому, хотя мы и не можемъ строго опредѣлить линію, отдѣляющую область того и другаго. И такъ смѣемъ надѣяться, что неосновательное пристрастіе къ матеріальнымъ объясненіямъ, которое столь значительно останавливало нашу Науку въ ея развитіи, по крайней мѣрѣ впередъ не будетъ препятствовать ея успѣхамъ.

Утвердивъ такимъ образомъ понятіе и объемъ нашей Науки, указать на ея источники и методу, и обративъ вниманіе на необыкновенныя трудности, препятствующія ея счастливому развитію, намъ остается только сказать еще что-нибудь о мѣстѣ, которое, по нашему мнѣнію, причисляется опытной Психологіи въ области Наукъ, и о пользѣ, которую неминуемо должно принести ревностное изученіе сей Науки.

Правда, что касается пользы какой-либо Науки, то, если только это слово принимать въ обыкновен-

номъ матеріальномъ смыслѣ, вопросъ о ней будетъ очень подчиненный; и кто при изслѣдованіи истины рассчитываетъ, какую выгоду она принесетъ ему, тотъ еще далекъ отъ той высокой точки зрѣнія, которая принадлежитъ усердному почитателю истины. Сей послѣдній глубоко чувствуетъ, что познаніе истины, точно такъ же, какъ и дѣланіе добра, есть безусловное благо, и само по себѣ уже добро по нашему стремленію; что напротивъ временныя выгоды, доставляемыя какою-либо Наукою, совершенно ничтожны въ сравненіи съ неизмѣримою, вѣчною пользою, которую само Провидѣніе соединило съ познаніемъ истины. Ибо, по законамъ его вѣчной мудрости, каждый шагъ челоука на пути къ высшему совершенству зависитъ отъ познанія истины, и владычество истины или заблужденій рѣшаетъ ходъ и судьбу нашего рода, поскольку они суть намъ собственное твореніе.

Разсматриваемая съ этой высокой точки зрѣнія, наша Наука является уже во всей своей важности. Духъ есть средоточіе, изъ коего, въ видѣ множества лучей, истекають различныя Науки и Искусства; онѣ суть его твореніе, произведеніе его большей или меньшей энергіи и болѣе или менѣе законной дѣятельности и образованія оной. И такъ Наука, которая открываетъ намъ Природу нашихъ духовныхъ способностей, изслѣдываетъ законы ихъ дѣйствованія и помогаетъ намъ выводить изъ этого знанія правила, по которымъ каждая изъ нихъ можетъ быть доведена до высшаго образованія и совершенства,—такая Наука, казалось, должна бы быть точкою исхода и основаніемъ всякаго высшаго умственнаго стремленія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли тотъ сдѣлать хорошее употребленіе

изъ какого-нибудь орудія (всѣ наши духовныя силы суть таковыя орудія, если станемъ разсматривать ихъ въ отношеніи къ ихъ произведеніямъ), кто знаетъ дѣйствіе его только изъ нѣкотораго поверхностнаго опыта, будучи совершенно незнакомъ съ внутреннимъ устройствомъ и условіями надежной и совершенной его дѣятельности. Какъ можетъ онъ съ твердою увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ приступить къ дѣлу, когда не знаетъ, достаточно ли для предположенной цѣли средство, находящееся въ его распоряженіи. Не будетъ ли онъ часто напрасно тратить время и силы на возможное, или даже не удалится ли отъ возможной цѣли потому, что пойдетъ по надлежащимъ путемъ?

Таково отношеніе опытной Психологіи къ Наукамъ вообще; по гораздо ближе и тѣснѣе связь ея съ Философіею. Впрочемъ трудно общепонятнымъ образомъ означить эту связь безъ предварительнаго знакомства съ самою Философіею, тѣмъ болѣе, что Психологія должна только приуготовлять насъ къ изученію Философіи и вводить въ оную. Мы попытаемся однакожь опредѣлить взаимное отношеніе этихъ Наукъ по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ; объясненіе же того, что по необходимости должно въ этомъ случаѣ казаться тайнымъ для незнакомыхъ съ Философіею, мы отложимъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій. Отъ Платона до Гегеля господствующій взглядъ на Философію былъ тотъ, что она по идѣ (ибо въ дѣйствительности мы видимъ только тщетныя попытки приблизиться къ ней) есть тѣсно связанная, сама въ себѣ гармоническая система такихъ истинъ, которыя открылъ человѣкъ не наблюденіемъ и опытомъ,

но которыя или прирѣждены его духу, или, по какой-то внутренней необходимости, производятся его самодѣятельностію. Мысли, содержащія въ себѣ такія истины, называли чистыми или *апріорическими* и ихъ отличительный характеръ поставляли въ ихъ *всеобщности* и *необходимости*. Что касается до содержанія этой системы, то его полагали въ рѣшеніи всеобъемлющихъ вопросовъ: *откуда* произошло все существующее; *какъ* и *какимъ образомъ* оно поддерживается; *для чего* наконецъ все это существуетъ? Отсюда-то родилось обыкновенное опредѣленіе Философій, что она есть *Наука о безусловномъ*, Царица всѣхъ Наукъ: потому что она объемлетъ познающее и познаваемое, и то и другое доводитъ до ихъ крайнихъ началъ.

Хотя мы вполнѣ раздѣляемъ то убѣжденіе, что дѣйствительно есть мысли, невольно возникающія изъ глубины нашего духа; что онѣ связаны между собою по необходимому закону, и развиваются однѣ изъ другихъ, но съ другой стороны мы не менѣе убѣждены и въ томъ, что при однихъ тѣхъ мысляхъ, безъ помощи опыта, никогда не можетъ быть разрѣшена многообъемлющая задача Философій. Мы удовлетворительно покажемъ въ нашихъ излѣдованіяхъ, что всѣ эти истины, которыя по справедливости могутъ причисляться къ *апріорическимъ*, суть не иное что, какъ законы и формы нашей духовной жизни въ различныхъ ея направленіяхъ, и что мы съ ними и чрезъ нихъ только не познаемъ никакого дѣйствительнаго, конкретнаго существа. Правда, мы можемъ, какъ показываетъ Исторія идеализма, изъ этихъ чистыхъ понятій и положеній создать весьма искусную систему; но обнять дѣйствительность посредствомъ

ихъ однихъ, безъ помощи опыта, было всегда дѣломъ невозможнымъ. Такая система всегда останется одною самозданныю мечтою, совершенно чуждою міра объективнаго; она только тамъ будетъ представлять нѣкоторую тѣнь дѣйствительности и кажушіяся точки соприкосновенія съ нею, гдѣ Философъ, съ сознаніемъ или безъ сознанія, обманывая себя и другихъ, вноситъ познанное опытомъ въ свое апріорическое, идеальное построеніе. Впрочемъ утверждать вмѣстѣ съ идеалистомъ, что человѣкъ можетъ развивать изъ себя самого, по существующимъ въ немъ законамъ необходимости, всю систему бытія, значить то же, что предполагать, будто онъ самъ есть существо безусловное, творецъ міра, или по крайней мѣрѣ носить въ себѣ всю полноту Божественныхъ идей о мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ это верхъ надменной надменности! Если бы все въ мірѣ существовало по необходимому мысленному построенію идеалиста, то гдѣ бы тогда были движеніе, жизнь и свобода, повсюду истекающія предъ глазами, какъ бы изъ неисчерпаемаго источника? Очевидно, тогда не было бы никакого происхожденія одного предмета отъ другаго, не только никакого первоначальнаго міра—творенія; вообще не было бы никакого происшествія и никакой *Истории*, но одно *мертвое бытіе*, и желѣзная необходимость непонятной судьбы держало бы бытіе сіе въ тяжкихъ оковахъ неизмѣняемости. Но время уже произнесло приговоръ свой надъ этимъ столь же неутѣшительнымъ какъ и надменнымъ ученіемъ. Мы вполне постигаемъ отрицательную важность, которую оно должно имѣть для будущаго направленія умовъ. Раціонализмъ, доведенный въ наше время до крайнихъ своихъ послѣдствій, будетъ служить для

всѣхъ временъ будущихъ какъ бы предостерегательнымъ памятникомъ, напоминающимъ, какъ мало значить умозрѣніе само по себѣ въ познаніи дѣйствительности. Онъ будетъ показывать, что тѣмъ даровитѣе умъ, безусловно увлекающійся его приманками и тѣмъ значительнѣе высота, которой онъ, казалось, достигъ посредствомъ своего чистаго мышленія, тѣмъ ощутительнѣе его жалкое паденіе. Ежели гдѣ-нибудь, то особенно въ философскихъ умозрѣніяхъ справедливо то, что отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ.

И для насъ Философія есть также Наука о безусловномъ, система законченнаго знанія, *повтореніе Божественныхъ мыслей о сотвореніи, сохраненіи и управленіи міра*; но въ то же время мы видимъ въ ней средоточіе, въ которомъ всѣ прочія Науки соединяютъ свои повсюду разбросанные лучи. Мы не осмѣливаемся строить изъ однихъ апріорическихъ мыслей нашу мировую систему; напротивъ эти общія и необходимыя опредѣленія мышленія, эти законы нашего духа, при познаніи бытія дѣйствительнаго, въ нашихъ глазахъ суть не иное что, какъ пустыя формы, которыя получаютъ положительное содержаніе только отъ наблюденія и опыта. И мы полагаемъ, что одно изъ самыхъ важныхъ запятій Философіи должно состоять въ томъ, чтобы довести насъ до яснаго сознанія формъ и законовъ, свойственныхъ нашему духу; но не думаемъ, что этимъ однимъ знаніемъ мы удовлетворяемъ высокимъ требованіямъ Философіи и рѣшаемъ ея задачи. Напротивъ, съ нимъ мы только приступаемъ къ міру и его Исторіи, и посредствомъ ревностнаго изученія его, наблюденіемъ и опытами, наведеніемъ и аналогіею, короче всѣми средствами мыслящаго раз-

смагиванія, мы изъ него вынуждаемъ отвѣты, которые должны составить содержаніе Философій. Конечно при такихъ пріемахъ изслѣдованія наше ученіе не можетъ хвалиться тѣмъ, что оно образуетъ Философію изъ одного куска, — похвала, которою такъ превозносится идеализмъ; мы довольствуемся убѣжденіемъ, что это ученіе, какъ и всякое познаніе дѣйствительнаго есть внутреннее взаимно-проникновеніе двухъ элементовъ, апріорическаго и опытнаго. Для построенія Философій въ такомъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, очевидно недостаточна кратковременная жизнь одного какого-нибудь человѣка; не только одинъ какой-либо Философъ, но даже цѣлый народъ не доводитъ ее до окончательнаго заключенія: законченная система Философій есть безконечная задача для рода человѣческаго на безконечное время — короче, она есть идеалъ образованія человѣческаго разумія вообще.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ нашихъ читателей, уже знакомый съ ходомъ Философій, изъ вышесказаннаго заключить, что мы нѣкоторымъ образомъ возвращаемъ Философію опять на точку зрѣнія Канта. Замѣчаніе это будетъ справедливо въ томъ отношеніи, что мы всему апріорическому придаемъ только формальную цѣнность, а содержанія нашего знанія ожидаемъ отъ опыта. Но онъ ошибется, если подумаетъ, что мы, вмѣстѣ съ Кантомъ, познаніемъ апріорическаго уже оканчиваемъ всю Философію и соглашаемся съ утвержденіемъ сего Философа, будто за предѣлами чувственнаго нѣтъ для человѣка теоретическаго знанія, а всякое познаніе выше чувственнаго имѣетъ реальность только какъ требованіе практическаго разума. Нѣтъ! мы полагаемъ, что есть опытъ, который Кантомъ,

къ большому вреду его ученія, былъ оставленъ безъ вниманія, но который далеко уводитъ насъ за предѣлы простаго чувственнаго знанія; есть сохраненное Исторіею высшее наставленіе, которое во всякое время помогало человѣческой слабости при познаніи вышечувственнаго. Мы разумѣемъ здѣсь чрезвычайное Божественное наставленіе, которое по преимуществу называемъ мы *Откровеніемъ*; это сверхъестественныя учрежденія и дѣйствія, посредствомъ коихъ Богу угодно было человѣка со времени его сотворенія и паденія привлекать къ Себѣ и содѣйствовать не только его просвѣщенію, но и спасенію. И ежели справедливо то, что Исторія точно такъ же, какъ духъ и Природа, есть проявленіе безусловнаго — Божества, то какимъ образомъ, посредствомъ дерзновенной критики хотѣтъ у нея отнять и обратить въ область сказаній и мисовъ ту именно часть, которая составляетъ самое внутреннее ея ядро, ея жизненное начало, — ту часть, которая какъ неизмѣняемый элементъ, подобно непрерываемой нити, тянется чрезъ всѣ перевороты вѣковъ и народовъ, и которая одна могла доставить твердость и значеніе, свѣтъ и жизнь цѣлой Исторіи. Философія, пренебрегающая этотъ важнѣйшій и существеннѣйшій источникъ *высшаго* опыта, какъ чуждый для нея, конечно видитъ себя принужденною къ тому жалкому, уничижающему признанію, что она, Наука о безусловномъ, знаетъ только то, что для человѣка нѣтъ никакого познанія вышечувственнаго — признанію, которое, выражаясь другими словами, значитъ что *Философія отрицаетъ свою собственную возможность*.

Впрочемъ какъ бы ни смотрѣли на Философію: будетъ ли она, по послѣднему взгляду, принимать

къ себѣ элементъ опыта вообще, и въ особенности тотъ высокій, доставленный намъ Откровеніемъ опытъ, или будетъ она, въ строгомъ смыслѣ, строящая аргіогі: рационализмъ, противоположный всему опытному и историческому, особенно Откровенію, — все однакожъ отношеніе ея къ опытной Психологіи въ томъ и другомъ случаѣ всегда есть болѣе или менѣе зависимое, какъ мы для краткости покажемъ это въ немногихъ самыхъ общихъ чертахъ.

Не одинъ разъ уже спрашивали, и вѣроятно будутъ спрашивать: дѣйствительно ли Философія есть реальная Наука, т. е. точно ли она въ состояніи удовлетворить потребности истиной, естественно развивающейся изъ непрерывныхъ успѣховъ человѣческаго образованія, или она только умственная роскошь и бесполезная трата времени? На это мы можемъ отвѣчать не иначе, какъ слѣдуя вмѣстѣ со Психологомъ за натуральнымъ развитіемъ человѣка до той эпохи, когда философскія задачи невольно начинаютъ возникать въ духѣ его; только прислушиваясь къ голосу нашего сознанія, т. е. посредствомъ внутренняго опыта, мы убѣждаемся въ томъ, что задачи, рѣшеніе коихъ беретъ на себя Философія, имѣютъ высочайшую важность для всякаго конечнаго разумнаго существа. И какимъ образомъ безъ Психологіи думаютъ дойти до познанія чистыхъ опредѣленій мышленія, формъ и законовъ, которыя духу нашему присущи отъ начала, какъ его разумная Природа? Далѣе, если бы кто-нибудь, по примѣру идеалистовъ, изъ однихъ этихъ чистыхъ мыслей захотѣлъ соиздать свою міровую систему, то откуда бы онъ взялъ отдѣльный необходимый для того матеріалъ? Конечно не извнѣ: потому

что его должны составлять мысли чуждыя области опыта, чистыя, апіорическія мысли, которыя рождаются въ насъ по какой-то внутренней необходимости, или по непремѣнному закону какого-то внутреннего самодвиженія мышленія. И такъ здѣсь не остается другого источника кромѣ внутреннего опыта, кромѣ непосредственнаго сознанія, что мы такъ мыслимъ, и должны мыслить: ибо надобно же имѣть сознаніе объ этихъ мысляхъ: иначе нельзя объ нихъ и говорить, а тѣмъ менѣе построить изъ нихъ учебную систему. Но, возразить намъ идеалистъ, опытное сознаніе доставляетъ только особенныя и случайныя познанія, между тѣмъ какъ философскія познанія должны быть всѣ безъ исключенія, общія и необходимыя. Съ этимъ мы совершенно согласны; но замѣтимъ только, что вообще не могло бы быть никакихъ познаній кромѣ опытныхъ, если бы всякое апіорическое познаніе уже отъ того теряло свой чистый характеръ, что мы по внутреннему опыту сознаемъ въ себѣ присутствіе этого познанія. Ибо тогда и всѣ логическія и математическія истины, которымъ всякій готовъ приписать другое происхожденіе, должны бы были называться эмпирическими познаніями. Простое рѣшеніе этого затрудненія заключается въ томъ, что есть и должно быть также эмпирическое знаніе для нашихъ апіорическихъ познаній. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ.

Всякое непосредственное, временное сознаніе чего-либо имѣетъ всегда какой-либо индивидуальный предметъ; въ этомъ смыслѣ оно должно быть названо случайнымъ, потому что зависитъ отъ вѣшняго возбужденія. Но это индивидуальное познаніе есть какъ

бы только измѣняющаяся скорлупа неизмѣннаго, заключеннаго въ ней ядра: это есть индивидуализированное, воплощенное выраженіе чего-то общаго, сокрытаго отъ необразованнаго сознанія. Наше зрѣніе, наприимѣръ, въ каждомъ особенномъ случаѣ есть только приложеніе, или обособленное, овеществленное выраженіе общихъ законовъ Оптики, и для того, чтобы видѣть, мы вовсе не нуждаемся въ сознаніи сихъ законовъ; даже намъ совершенно не нужно знать, что существуютъ такіе законы. Точно такъ и всякая наша мысль есть обособленное выраженіе общихъ законовъ мышленія, хотя мы для того, чтобы мыслить, вовсе не имѣемъ нужды знать, есть ли въ насъ такіе законы. Но способность человѣка быть не только дѣятельнымъ, но и сознать родъ и образъ своей дѣятельности, побуждаетъ его разсуждать о своемъ мышленіи, равно какъ и о своемъ зрѣніи, и отыскивать, что это за общее (законъ, правило, форма), которое лежитъ въ основаніи особеннаго. Какимъ образомъ это изслѣдованіе совершается относительно зрѣнія, мы это предполагаемъ уже извѣстнымъ изъ Оптики. Что же касается мышленія и познанія, то объясненіе того и другаго принадлежитъ такъ называемому философскому умозрѣнію, которое впрочемъ также встрѣчаетъ здѣсь величайшія трудности, потому что произволъ имѣетъ значительное вліяніе на мышленіе, и мы, хотя конечно съ утратою истины, можемъ также мыслить противъ законовъ мышленія. Посредствомъ такого-то размышленія о своемъ собственномъ опытномъ мышленіи, а иначе, человѣкъ дошелъ до познанія логическихъ законовъ мышленія. Такъ, напр. законъ противорѣчія очевидно сначала представился сознанію

человѣка не въ голомъ его отвлеченіи и общности, столь же мало, какъ это мы замѣчаемъ у дѣтей; но не смотря на то, онъ, подобно дитяти, какъ бы по инстинкту избѣгалъ противорѣчій. Напротивъ первый, какъ скоро онъ началъ разсуждать о томъ, почему невозможно ему какую-либо вещь почитать въ одно и то же время круглою и некруглою, бѣлою и небѣлою и т. д., былъ уже на пути къ открытію въ этомъ особенномъ опытномъ познаніи какой-нибудь общей, заключенной въ немъ истины, или, если угодно такъ сказать, былъ близокъ къ ясному сознанію оной. То же самое встрѣчается и при метафизическихъ такъ называемыхъ законахъ мышленія. Человѣкъ могъ въ тысячѣ случаевъ, при замѣченныхъ имъ измѣненіяхъ, размышлять о чемъ-то, ихъ производящемъ, и отыскивать это производящее начало, прежде нежели дошелъ онъ посредствомъ размышленія, что эта мысль принадлежитъ къ устройству его Природы, и что онъ разумнымъ образомъ не можетъ иначе мыслить. Человѣкъ необразованный обнаруживаетъ въ своихъ словахъ и поступкахъ вездѣ, гдѣ только представляется къ тому случай, что онъ такъ же хорошо, какъ и мы, знаетъ, что всякая перемѣна имѣетъ причину; но онъ не сознаетъ только этого своего апріорическаго познанія въ его всеобщности и необходимости, или, лучше, не отдѣляетъ общей истины отъ особеннаго случая, въ которомъ она представляется его сознанію, какъ бы овеществленную. Напротивъ мы о законѣ причинности отвлеченномъ и представленномъ въ чистотѣ посредствомъ умозрѣнія также имѣемъ эмпирическое сознаніе, хотя и не можемъ утверждать, что это познаніе есть простое, опытное

познаніе. И такъ человѣкъ философски образованный отличается отъ необразованнаго въ отношеніи сихъ такъ называемыхъ чистыхъ познаній отнюдь не большимъ объемомъ или богатствомъ ихъ, но единственно формою и ясностію, въ каковой онѣ у него находятся.

То, что мы сказали здѣсь о необходимости Психологіи для отысканія и опредѣленія апріорическихъ познаній въ отношеніи истиннаго, касается также и тѣхъ разумныхъ познаній, коихъ предметъ есть *добро, справедливое и прекрасное*. Никогда бы Философіи не могло притти на мысль составить Науку о добромъ, справедливомъ и прекрасномъ, если бы психологическое самонаблюденіе не доказало ей, что начало ихъ, ихъ основная мѣра — *идеи*, какъ обыкновенно называютъ ихъ, дѣйствительно обитаютъ въ нашемъ духѣ; что онѣ нераздѣльны съ нашею разумностію. Только внутренній опытъ могъ научить насъ, что сіи понятія отнюдь не составлены произвольно; что напротивъ они, точно такъ же какъ и понятіе истины, въ нашемъ разумѣ имѣютъ постоянное неизмѣняемое мѣрило. Но сіи присущіе намъ законы истиннаго, добраго, справедливаго и прекраснаго, и первоначально обнаруживающіеся въ произвольныхъ чувствованіяхъ, выразить общепригоднымъ образомъ; представить ихъ въ систематическомъ порядкѣ и полнотѣ вмѣстѣ съ другими туда относящимися истинами, и показать ихъ гармонию въ единствѣ разума, въ чемъ состоитъ ихъ единственно возможное оправданіе — все это не есть уже дѣло Эмпирической Психологіи, но Философіи, которая, очевидно, получаетъ отъ внутренняго опыта такое содержаніе своего ученія.

Мы слишкомъ бы углубились въ содержаніе самой нашей Науки, которой представляемъ здѣсь только введеніе, если бы вздумали показать ту высокую важность, которую психологическія изслѣдованія имѣютъ какъ относительно утвержденія нашего религіознаго вѣрованія, такъ и касательно открытія истинныхъ началъ всей общественной жизни. Но не излишне кажется намъ по крайней мѣрѣ намекнуть здѣсь на то, что это суть также предметы Философіи; при разсматриваніи коихъ никогда столько не уклонялись отъ истины, какъ тогда, когда, оставляя внутренній опытъ, жили и думали только въ матеріальной виѣшности, или предавались надменному, но пустому рационализму, который, презирая все фактическое, изъ отвлеченныхъ понятій созидалъ отношеніе человѣка къ Богу и къ своимъ ближнимъ.

Конечно, если бы сама Философія была осуждена трудиться только внутри Школъ надъ опредѣленіемъ, раздробленіемъ и воссоединеніемъ произвольно созданныхъ понятій, бесплодныхъ и бесполезныхъ, какъ для умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣческаго рода, такъ и для улучшенія и благоустройства дѣйствительной жизни, то и Психологія, какъ Наука, служащая введеніемъ въ Философію, много бы потеряла вѣсу и значенія. Но Философія, по внутреннему своему существу, назначена для того, чтобы конечному духу съ высочайшей точки зрѣнія, какая только возможна для него здѣсь на землѣ, доставить возможность созерцать вѣчныя выгоды человечества въ невозмущаемомъ свѣтѣ истины. Сверхъ того, какъ сосредоточенное разумѣніе своего времени, какъ общее сознаніе оного, при постоянномъ указаніи на эти не-

измѣняемая выгоды, она должна дать понять современникамъ какъ ихъ богатство, такъ и бѣдность, ихъ успѣхи и безуспѣшность, ихъ благоразумныя и неосновательныя начинанія. Посему и та Наука, безъ которой Философія есть только мечта воображенія, именно Наука о внутреннемъ человѣкѣ, безъ всякаго сомнѣнія, должна имѣть высокое значеніе и достоинство.

Впрочемъ и въ отдѣльности отъ всякой Философіи не трудно понять вліяніе нашей Науки на жизнь дѣйствительную, если только захотимъ вникнуть въ ея тѣсную связь съ воспитаніемъ и образованіемъ человѣка. Очевидно, человѣкъ рожденъ для жизни съ подобными собою: только въ обществѣ и при содѣйствіи другихъ онъ можетъ возвыситься надъ міромъ животныхъ и неразумныхъ: ибо только возбужденный вліяніемъ чуждаго разума пробуждается въ немъ его собственный, который въ противномъ случаѣ далеко опереженный чувственностію былъ бы заглушенъ въ самомъ своемъ зародышѣ. И такъ человѣкъ дѣлается человекомъ въ собственномъ или благородномъ смыслѣ, только посредствомъ воспитанія, которое онъ получаетъ, и это такъ справедливо, что во всѣ времена всѣ народы, чѣмъ были образованнѣе и добродѣтельнѣе, тѣмъ выше цѣнили его. Воспитаніе имѣетъ цѣлю, съ одной стороны развить всѣ находящіеся въ человѣкѣ силы и способности посредствомъ согласнаго съ Природою упражненія, и довести ихъ до возможно большей дѣйственности и образованія; съ другой стороны поставить человѣка въ возможность противостоять могуществу чувственности, и держать ее въ разумныхъ границахъ, предохранить раскрывающійся духъ отъ вліянія господствующихъ заблужденій; тщательно на-

блюдать надъ сочетаніями мыслей и привычками, которыми подчинена духовная жизнь прежде развитія самостоятельныхъ силъ, и наконецъ расположить умъ и сердце еще въ пѣжной юности къ истинному и доброму. Кто же можетъ начертать намъ благоразумный, согласный съ человѣческою природою планъ, для достиженія столь высокой цѣли? кто наконецъ будетъ въ состояніи, преимущественно предъ всѣми, примѣнить этотъ общій планъ къ потребностямъ данныхъ индивидуальностей, и выполнить его? Безъ сомнѣнія только тотъ, кто знаетъ человѣка не съ одной только виѣшней стороны, поверхностно, изъ každодневнаго обращенія; кто поставилъ себѣ одною изъ главныхъ задачъ жизни, посредствомъ ревностнаго изслѣдованія пропикать глубже въ таинственный мракъ человѣческой природы; кто знаетъ законы и періоды развитія духовныхъ силъ, и посредствомъ размышленія о ходѣ своего собственнаго духовнаго совершенствованія, познакомился съ средствами не только просвѣтить умъ своего питомца и обогатить его познаніями, но равномерно и согрѣвать его сердце: однимъ словомъ, только Психологъ можетъ вполне удовлетворить призванію воспитателя.

Далѣе теоретическое знаніе человѣческой природы по крайней мѣрѣ есть полезный пріуготовительный моментъ къ жизни общественной какъ въ низшихъ, такъ преимущественно въ высшихъ ея сферахъ. И да не думаютъ, что изученіе Исторіи само по себѣ одно можетъ вполне вознаградить недостатокъ психологическаго познанія о человѣкѣ; нѣтъ! безъ сего познанія всякая Исторія есть только мертвая, не понятная картина, безъ единства и связи; только знаніе приу-

жизнь и побуждений, составляющих основание событий, дастъ намъ ключъ къ ихъ уразумѣнію; а сн побужденія суть мнѣнія, чувствованія, страсти, пожеланія и стремленія человека, конхъ природу старается открыть намъ Психологія.

Въ подтвержденіе признаваемой нами важности психологическаго изученія мы могли бы еще указать на то вліяніе, какое справедливыя или ложныя понятія о духовной жизни должны имѣть на духъ Уголовнаго Законодательства вообще, и въ особенности на приговоръ судьи касательно степени вѣняемости преступленій. Мы могли бы указать также на то, что учитель Религін и практической нравственности, равно какъ и Ораторъ, только въ этой Наукѣ почерпаютъ тайну дѣйствовать согласно съ цѣлію на умъ и сердце людей; что Поэтъ, Актеръ, Живописецъ и вообще всякій Художникъ только посредствомъ знанія психологическихъ законовъ, удерживаются отъ уклоненій въ неестественное, химерическое и странное; что Психіатрія, одно изъ важнѣйшихъ Искусствъ, коимъ мы обязаны повѣйшему времени, по своей природѣ большею частию основывается на опытныхъ началахъ нашей Науки, и что кромѣ собственныхъ искаженій, или недуговъ духовной жизни, Врачъ не рѣдко видитъ себя принужденнымъ, по причинѣ тѣсной связи души съ тѣломъ, искать корня тѣлесныхъ болѣзней въ жизни духовной, и врачевать ихъ психическими средствами. Но простираясь далѣе въ объясненія столь очевидныхъ отношеній Психологін ко всѣмъ направленіямъ нашей дѣятельности, мы могли бы много сказать такого, что само собою представляется каждому размышляющему. Почему и хотимъ

прибавить только одно еще; но это одно кажется намъ уже столь само по себѣ важнымъ, что для одного его только мы смѣемъ предложить изученіе Психологіи каждому образованному человѣку, какъ необходимую потребность.

Если все вообще наше земное существованіе имѣетъ свое значеніе и свою цѣну единственно только по отношенію своему къ жизни будущей, вѣчной, то безъ сомнѣнія и наше знаніе тѣмъ благороднѣе и драгоцѣннѣе, тѣмъ болѣе возвышаетъ оно духъ нашъ надъ тлѣнностію и ничтожествомъ жизни чувственной, тѣмъ болѣе ведетъ оно къ созерцанію нашего вѣчнаго назначенія, наполняетъ сердце наше удивленіемъ, любовію и благоговѣніемъ къ Богу, и утверждаетъ насъ въ той радостной увѣренности, что Вселѣгій Богъ, создавшій человѣка, украсилъ его дарами своими предъ всѣми земными твореніями, избралъ его своимъ подобіемъ, своимъ любимцемъ. Безъ сомнѣнія, сердце наше невольно возвышается, когда мы вѣдѣмъ съ Астрономами посясть по безконечному пространству неба, перелетая съ одной звѣзды на другую, и нигдѣ не находя предѣловъ величественному міроздаванію, погружаемся наконецъ утомленный взоръ нашъ въ неизмѣримое море свѣта, коего каждая капля есть солнце. Но предъ Богомъ нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго: ибо масштабъ Его безконечность, и малѣйшее насѣкомое, едва примѣтное для вооруженнаго глаза, не менѣе возвыщаетъ всемогущество и мудрость Творца, какъ и его безчисленные міры. Но что значатъ въ сравненіи съ человѣкомъ всѣ эти красоты и чудеса? Не человѣкъ ли отваживается повторить за Творцемъ своимъ безконечную мысль сотворенія? Не до-

статочно ли ему едва мерцающих лучей свѣта, достигающих до его ока отъ необъятной эфирной высоты, чтобы опредѣлить положеніе, теченіе и величину мировыхъ тѣлъ, какъ будто бы онъ самъ участвовалъ въ совѣтѣ при ихъ сотвореніи? — Чья изобрѣтательная сила постигаетъ тайну превращать каплю воды въ море, гдѣ представляется дивное зрѣлище новаго животнаго царства, полнаго жизни и гармоніи? И хотя все твореніе, открытое нашему взору, все какъ великое, такъ и малое, есть зеркало всеуправляющаго могущества и мудрости, но несомнѣнно то, что въ одномъ только человѣкѣ проявилась внутреннійшая сущность Божества, его святость и всеобъемлющая любовь. Человѣкъ созданъ по образу Божию, говоритъ Св. Писаніе, и радостный трепетъ и благодарное самочувствіе проникають нашу душу, когда мы, отыскивая слѣды Божественнаго, открываемъ въ себѣ несомнѣнныя способности къ вѣчному бытію и дѣйствованію; мрачный туманъ матеріализма исчезаетъ предъ взоромъ наблюдателя, проникающимъ въ глубь творенія, и вѣра въ достоинство человѣческой природы и ея вѣчное назначеніе, основывавшаяся прежде на высомъ Откровеніи, теперь находитъ опору еще и въ собственномъ сознаніи. Но съ другой стороны, ежели человѣкъ упоенный жадностію въ чувствѣ своего достоинства и силы, возмечталъ бы свое собственное я, напрымѣръ какъ индивидуализованный всемірный духъ, возвыситъ до Божественнаго самодовольствія (*), то одинъ строгій взглядъ на мрачную сторону его природы напомнитъ ему не только о его конечности и

(*) Какъ то мы видимъ въ возмѣшенъ Пантагоны.

ограниченности, но вмѣстѣ и о его слишкомъ не Божеской слабости и о его глубокомъ униженіи. Тогда, пристыженный и униженный, пойметъ онъ, что въ теченіе времени сдѣлалось съ этою человѣческою природою, посящую въ себѣ зародыши столь великихъ преимуществъ и столь обширныхъ замысловъ, и какъ разительно нарушено равновѣсіе ея элементовъ. И хотя это печальное открытіе не доведетъ его до того, чтобы онъ, отчаявшись въ собственной силѣ, отказался отъ своего разума, какъ отъ ложнаго свѣта, и не заботясь уже о своемъ исправленіи, сталъ только сѣтовать о своей испорченности, по крайней мѣрѣ онъ не можетъ не чувствовать необходимой потребности высшаго свѣта Искушенія и укрѣпленія. Тогда и самая Вѣра, которая побуждаетъ человѣка съ живомъ благодарностію принимать высокое благодѣяніе, дарованное намъ Спасителемъ, самая Вѣра, говоримъ, будетъ тѣмъ тверже и плодотворнѣе, чѣмъ истиннѣе была оцѣнена настоящая природа человѣка.

И такъ паша Паука, отъ поверхностнаго изученія коей произошли вольнодумство и безвѣріе, при основательномъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи, можетъ быть болѣе всѣхъ другихъ Наукъ служить къ тому, чтобы представить Христіанство въ полномъ блескѣ славы, и благотворнымъ лучамъ его открытія входить даже въ сердца тѣхъ, которые въ гордости знанія до сихъ поръ смотрѣли на Вѣру, какъ на посохъ немошняго.

Ординарный Профессоръ С. Петербургскаго Университета

ФИНШЕРЪ.

ЗАТМѢНІЯ, по ПОНЯТІЯМЪ ДРЕВНИХЪ (*).

Никто, конечно, не будетъ удивляться, что Геродотъ и его современники, имѣя самыя страшныя понятія о солнцѣ и его движеніяхъ, не знали настоящихъ причинъ затмѣній. Историки Математическихъ Наукъ и Астрономіи, приводя нѣкоторые доказательства новѣжества Грековъ относительно этого предмета, даже въ ближайшімъ къ намъ эпохи изъвляли свое изумленіе и даже сомнѣвались въ фактѣ; они не знали, какимъ образомъ согласить состояніе у нихъ положительныхъ знаній съ такимъ несовершенствомъ теорій. Это происходило, мнѣ кажется, отъ того, что они не приняли на себя труда разсмотрѣть эти факты въ связи ихъ съ общими идеями, господствовавшими тогда у Грековъ, съ прогрессивнымъ у нихъ распространеніемъ знаній, и не обратили достаточно внима-

(*) Этотъ любопытный трактатъ составляетъ часть обширнаго сочиненія о Космографіи и Географіи народовъ древняго міра, которымъ занимается теперь знаменитый Французскій Археологъ, Г. Лестронъ. Мы заимствовали его изъ *Journal des Savants*, juillet 1838.

нія на трудности, которыя представляютъ затмѣнія солнца и луны наблюдателямъ.

1. О трудностяхъ, какія представляло Древнимъ наблюдениѣ затмѣній.

Ученому надлежитъ остерегаться, при разсчитываніи этого предмета, чтобы не судить о немъ по идеямъ и въ духѣ новѣйшихъ народовъ; надобно перенестись въ тотъ самый вѣкъ, къ которому тѣ понятія принадлежатъ, и разсмотрѣть причины заблужденій, заключавшихся столько же въ предразсудкахъ язычества, сколько и въ несовершенствѣ познаній.

Почему удивляться, что Древніе не составили полной теоріи ни въ одной отрасли Наукъ Физическихъ, — теоріи, которая бы основывалась на рядѣ непрерывныхъ наблюдений и направлена была къ одной цѣли: такая система, кажущаяся намъ самою простою, представляла имъ трудности почти не разрешимыя.

Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе объясненія затмѣній, — феномена, имѣющаго мѣсто только въ сизигіяхъ, — заслоненіемъ одного небснаго тѣла другимъ? Однакожь, не зная наклоненія лунной орбиты и узловаго движенія, не возможно понять, почему затмѣнія происходятъ только въ нѣкоторыхъ сизигіяхъ, а не во всѣхъ. А эти два условія не принадлежатъ къ числу познаній, которыя легко можно приобрѣсти: потребно было много времени, чтобы вывести ихъ изъ наблюдений. По этой именно причинѣ Философы, Греческіе съ трудомъ вѣрили, что луна есть тѣло непрозрачное, и составляли столь страп-

ныя гипотезы для объясненія затмѣній, не желая покинуть любимыя свои идеи.

Тѣ даже, которые умѣли приобрести эти два понятія, и принимали, что луна не имѣетъ собственнаго свѣта, должныствовали встрѣтить важныя пренятствія при объясненіи двухъ родовъ затмѣній. Какъ могли они объяснить себѣ горизонтальныя затмѣнія, когда обѣ звѣзды въ то же время находятся на горизонтѣ? Это явленіе не лзя уже объяснить гипотезою междуположенія (*interpolation*), развѣ только зная законы атмосферической рефракціи. Но рефракція была неизвѣстна Древнимъ до Птолемея. Даже этотъ Астрономъ не говоритъ о ней ни слова въ своей *Альмагестѣ*: ни въ одномъ мѣстѣ этого великаго творенія не видно, чтобы онъ сомнѣвался въ томъ, что данное положеніе звѣздъ можетъ разниться отъ ихъ истиннаго положенія, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ зенита; между тѣмъ, какъ это познаніе столь важно въ Астрономіи, что онъ не могъ бы опустить его. Только въ своей *Оптикѣ* говоритъ онъ объ этомъ, и то не въ подробности: что заставляетъ думать, что это явленіе сдѣлалось ему извѣстнымъ уже послѣ сочиненія *Альмагесты* (1).

Послѣ этого мы не будемъ уже удивляться тому, что Плиній не могъ понять, какимъ образомъ можетъ затмѣваться луна, когда двѣ звѣзды находятся на горизонтѣ, и что онъ считаетъ этотъ фактъ необычайнымъ, почти чудомъ, котораго онъ знаетъ только одинъ примѣръ (2).

(1) Delambre, *Histoire de l'astronomie ancienne*, II, 364; Alexandre Humboldt, *Voyage, partie astronomique, introduction*, p. LXIX, LXX.

(2) Plin. *Hist. Nat.* II, 13, p. 80, §. Hard. — *Mirum et qualem ra-*

Птоломей же не говоритъ о томъ ни слова въ длинной главѣ, которую онъ посвящаетъ теоріи лунныхъ затмѣній. Конечно, онъ не могъ того не знать, потому что это явленіе, для лунныхъ затмѣній, повторяется въ каждый лунный періодъ; но такое явленіе не соглашалось съ его теоріею, и онъ, вѣроятно, считъ лучше вовсе о немъ не упоминать. Такъ поступали и прочіе Астрономы. Клеоменъ, писавшій спустя столѣтіе послѣ Птолемея, увѣряетъ, что до его времени ни одинъ изъ Математиковъ или Философовъ, Египетскихъ, Халдейскихъ и другихъ, не упоминаетъ въ своихъ каталогахъ о подобныхъ затмѣніяхъ, хотя они приводятъ значительное число затмѣній полныхъ и частныхъ (1). Тотъ же Писатель увѣряетъ, что еще въ его время многіе не принимали системы междоположенія звѣздъ (interpolation), а противопоставляли ему фактъ затмѣній горизонтальныхъ (2). Но будучи самъ поставленъ въ затрудненіе объясненіемъ этого явленія, онъ сомнѣвается сперва въ дѣйствительности факта, и почти готовъ вѣрить, вмѣстѣ съ другими, что его нарочно выдумали для терзанія бѣдныхъ Астрономовъ (3); но наконецъ осмѣливается предположить,

done... *Semel jam acciderit, ut in occasu luna deficeret, utroque super terram conspicuo sidere.*

- (1) Πολλῶν γὰρ ἐκλείψεων σελήνιακῶν φερετημένον, καὶ τελείων, καὶ ἀπὸ μέρους, καὶ ἀναγεγραμμένων πασῶν οὐδεὶς τοιαύτην ἐκλείψιν μέχρι γε τοῦ καθ' ἡμᾶς βίου ἱστορεῖται ἀναγεγραφῶς, οὐ Χалδαῖος, οὐχ Αἰγύπτιος, οὐχ ἕτερος μαθηματικὸς καὶ φιλόσοφος, ἀλλὰ πλάσμα τὸ λεγόμενόν ἐστι. *Cycl. Theor. II, 6, p. 123, Balf. — 147, Balf.*

(2) *Ibid. p. 121, Balf. — 147, Balf.*

- (3) Ἀλλὰ πρῶτον μὲν ἀπατητῶν λέγοντας, ὅτι πῖπλασαι ὁ λόγος ὑπὸ τινῶν βουλομένων ἀπορίαν ἐμποῖησαι τοῖς περὶ

принимая дѣйствительность факта, что причина его можетъ находиться въ какомъ-нибудь свойствѣ воздуха, и что это явленіе можетъ имѣть аналогію съ тѣмъ, которое мы замѣчаемъ, когда опустимъ кольцо на дно сосуда: оно закрывается отъ насъ краями сосуда, если онъ пустъ; но дѣлается видимымъ, если сосудъ наполнимъ водою (1). Это истинное объясненіе мы находимъ еще яснѣе выраженнымъ у Секста Эмпирика (2). Но какъ шло это медленно, и какъ мало распространена еще была идея атмосферической рефракціи! Примѣры эти показываютъ, какъ трудно было Древнимъ, относительно лунныхъ затмѣній, составить себѣ теорію, которая бы удовлетворяла всѣмъ требованіямъ и могла быть принята безъ опроверженія.

Относительно затмѣній солнечныхъ представлялись затрудненія другого рода: во-первыхъ ихъ рѣдкость въ сравненіи съ лунными, и потомъ апомалія ихъ появленія. Не зная параллакса земли, невозможно, дѣйствительно, понять, почему затмѣнія солнца не происходятъ столь же часто, какъ лунныя; и замѣтимъ притомъ, что для Древнихъ они казались еще рѣже, по причинѣ трудности наблюдать ихъ. Когда не знаете напередъ момента ихъ явленія, то можете ихъ совсѣмъ не замѣтить, — развѣ только, если они столь значительны, что чувствительно уменьшаютъ массу солнечнаго свѣта. И притомъ, столько протекло времени, прежде нежели Древніе начали приписывать затмѣнія центру земли, а не ея поверхности: для то-

ταῦτα καταγινόμενοις τῶν ἀστρολόγων καὶ φιλοσόφων, p. 123, Balf. — 147. Bake.

(1) Id. p. 124, Balf. — 149. Bake.

(2) Sext. Empir. Adv. astrolog. 82, p. 351.

го нужно было имъ опредѣлить ея форму и имѣть хотя приблизительныя понятія о ея величинѣ; но это узнали они уже весьма поздно. Мы увидимъ далѣе, что именно эта рѣдкость солнечныхъ затмѣній сравнительно съ лунными, и ихъ аномалія, были источникомъ почти всѣхъ лунныхъ теорій, составленныхъ древними Философами объ этомъ предметѣ.

И такъ, и тѣ и другія затмѣнія представляли Древнимъ особенныя трудности, долгое время неразрѣшимыя, и притомъ такого рода, что тѣ, которые имѣли истинное понятіе о затмѣніяхъ луны, не могли приложить ихъ къ солнцу. Эти предварительныя разсужденія, почерпнутыя въ одно и то же время и изъ природы вещей и изъ Исторіи, показываютъ намъ точку, отъ которой нужно отправляться для вѣрнаго обсужденія фактовъ, относящихся къ этому любопытному предмету. Мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію ихъ, и начнемъ народными предразсудками Древнихъ; потомъ уже разсмотримъ ученыя мнѣнія, которыя такіе же предразсудки.

2. *О народныхъ мнѣніяхъ, господствовавшихъ у Древнихъ, относительно затмѣній.*

Разительный феноменъ затмѣній приписывался первыми наблюдателями случайному и пассивному перемѣщенію и даже временному разрушенію звѣзды. Къ такимъ объясненіямъ принадлежитъ выраженіе Гомера, относительно солнечнаго затмѣнія — *Ἥλιος δὲ οὐρανῷ ἐξαιόλωλε* (1), что буквально значитъ: sol

(1) *Odyss.* T, 387.

de coelo regit. Смыслъ, придаваемый Поэтомъ выраженію — οὐρανοῦ ἐξ ἀπόλλωλε, поясняется двумя другими мѣстами (1).'

Такъ какъ, во время затмѣній, звѣзды, по общепринятому мнѣнію, умирали или временно оставляли небо, то явленія эти возбуждали чрезвычайный страхъ. Въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ Плутархъ приводитъ древнихъ Поэтовъ, Мимнерна, Кидіаса, Архилоха, Стезихора и Пиндара, которые, по случаю затмѣній, изъявляютъ свою горестъ о томъ, что свѣтозарныя звѣзды похищаются съ неба (2). Отрывокъ Пиндара, на который здѣсь намекается, сохраненъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ (3), а изъ другихъ Поэтовъ отрывки потеряны. И такъ между VII и V столѣтіемъ до Р. Х., относительно затмѣній солнца и луны, господствовало мнѣніе, будто эти свѣтила исчезаютъ, *похищаются* (κλεπτόμενοι), съ неба: этою идеей пользовались стихотворцы, и она была всеобщимъ предразсудкомъ. Это подтверждаютъ еще слова Плинія (4), которыя напоминаютъ приведенные нами стихи Пиндара и Стезихора.

(1) Illad. X, 290: Νῦν δὲ δὴ ἐξ ἀπόλλωλε δόμων κυμήλια καλὰ; также Z, 60: Ἄμα πάντες ἴλιον ἐξαπολλοίαιο.

(2) Εἰ δὲ μὴ Θεῶν ἡμῖν οὗτος τὸν Μιμνερμον ἐτάξει καὶ τὸν Ἀρχιλόχον, πρὸς δὲ τούτοις τὸν Στεσίχωρον, καὶ τὸν Πινδαρον, ἐν ταῖς ἐκλείψεσιν ὀλοφυρομένους, τὸν φανερώτατον ΚΛΕΙΠΤΟΜΕΝΟΝ.... φάσκοντας. De fac. in orbe lunae, p. 931, T. IX, p. 680 B.

(3) De admir. vi dict. Demosth. p. 167, 18 Sylb. — Böckh, ad Pind. fragm. 78, p. 600. Поэтъ означаетъ солнечное затмѣніе словами: αὐτρον ὑπέρτατον ἐν ἀμέρᾳ κλεπτόμενον.

(4) ... In defectibus scelera aut mortem aliquam siderum pavent,

Перемѣщеніе или временное разрушеніе звѣзды приписывались или особенной волѣ боговъ, или магическимъ дѣйствіямъ, имѣвшимъ силу и потушить свѣтило и низвести его на землю. Тессалійскія волшебницы преимущественно подозрѣваемы были въ этомъ зловредномъ вліяніи на луну.

Тидеманъ (1) полагаетъ, что этотъ предразсудокъ относится ко временамъ Александра; но такое неутѣное вѣрованіе едва ли могло родиться и утвердиться въ эпоху, когда Знанія столько усовершенствовались: напротивъ того, оно должно быть весьма рано укоренилось въ умахъ народа, когда могло противостоять такимъ успѣхамъ Науки. Оно удержалось тогда только какъ воспоминаніе, которымъ пользовалось воображеніе Поэтовъ. Я думаю, что этотъ предразсудокъ столь же древенъ, какъ и вѣра въ некромантію и магію Медей и Цирцей.

Уже въ «Облакахъ» Аристофана, Стрепсиадъ, объясняя Сократу придуманное имъ средство не платить долговъ, говоритъ, что онъ предполагаетъ завести у себя Тессалійскую колдунью (2), которая будетъ для него низводить луну въ его коробку, и такимъ образомъ онъ будетъ въ состояніи назначать по своей волѣ срокъ мѣсяцу. Платонъ, въ своемъ Горгіи (3), дѣлаетъ намекъ на этотъ всеобщій предразсудокъ. Эти два примѣра показываютъ, что уже въ V вѣкѣ, такое мнѣніе о затмѣніяхъ только подавало поводъ

quo in metu fuisse Stesichori et Pindari vatium sublimia ora palam est deliquit solis. XI, 12, p. 78, 79. Hard.

(1) Tiedemann De art. magic. origine etc. p. 44.

(2) *Φαρμακίδα*..... *Θεπτάλην*. Nub. V, 748.

(3) *τὰς τὴν σελήνην καθαιρούσας τὰς Θειτάλιδας*. § 68, p. 513, a.

къ примѣненіямъ и поэтическимъ сравненіямъ. Можно привести еще много другихъ мѣстъ въ пользу нашего мнѣнія. Такъ, напримѣръ, Плутархъ ищетъ мифическаго начала этого предразсудка, и приписываетъ его Аглаоникѣ или Аганикѣ, дочери Θεσσαλίου Γεγετορα (1): это уже доказываетъ его древность. Схολіастъ Аполлоній Родосскій, очень ученый Грамматикъ, который приводитъ множество сочиненій, теперь утраченныхъ, представляетъ намъ его также весьма древнимъ. «Аполлоній» — говоритъ онъ (2) — «приводитъ мнѣ или басню о волшебницахъ (*φάρμακίδες*), которыя низводили луну. Нѣкоторыя называли солнечныя и лунныя затмѣнія *нисхожденіемъ боговъ* (*καθαιρέσεις τῶν θεῶν*)... Потому, до времени Демокрита, многіе называли затмѣнія *καθαιρέσεις*.» Въ другомъ мѣстѣ (3) тотъ же Схολіастъ говоритъ: «прежде думали, что во время затмѣній луна нисходила: вотъ почему Древніе и называли затмѣнія *καθαιρέσεις*.» Эти указанія тѣмъ болѣе достойны вниманія, что дѣйствительно слово *ἐκλείψις* не весьма древнее въ Греческомъ языкѣ: Геродотъ еще не знаетъ его. Между всѣми Греческими Писателями Фукидидъ впервые приводитъ его (4), и съ этого времени перифразы, которыя до того употреблялись для означенія этого явленія, вездѣ замѣняются новымъ словомъ. Эпоха Демокрита находится между этими двумя Историками, и потому вѣроятно, что онъ первый употребилъ этотъ терминъ, изгнавъ слово *καθαιρέσεις*. Это вѣро-

(1) Plutarch. Conjug. praeccept. p. 145. — De def. orac. p. 417,

(2) Ad III, 833.

(3) Ad IV, 89.

(4) I, 23.

ятно и хотѣлъ выразить приведенный нами Схолиастъ, говоря, что древнее слово *καθαρσις* употреблялось до времени Демокрита: слово *καθαίρειν*, какъ Латинскія *deducere*, *deripere*, *detrahere*, именно означаетъ «низведеніе» луны (1), и потому самое употребленіе этого слова уже свидѣтельствуесть о древности выражаемаго имъ понятія.

По всей вѣроятности, еслибъ творенія Поэтовъ, упоминаемыхъ Плиніемъ, дошли до насъ, то мы отыскали бы въ нихъ и другія черты этого народнаго предразсудка. Менандръ воспользовался имъ въ своей «Фессалинкѣ» (2); другіе Поэты древности также часто приводятъ его (3).

Отъ этого предразсудка происходило обыкновеніе, производить большой шумъ во время затмѣній, или ударяя въ металлическіе сосуды или заставляя лаять собакъ, для того, чтобы магическія слова не могли дойти до звѣзды и не произвели на нее зловреднаго дѣйствія, или чтобы страшный звѣрь не могъ пожрать ее. Это обыкновеніе основано было на идеѣ, что звѣзда такое же одушевленное существо какъ и другія. Видно эта идея свойственна вообще человѣку, потому что мы находимъ то же самое обыкновеніе въ Индіи, въ

(1) Употреблялись также слова — *κατάγειν*, *κατασπῆν*, *ἐκσorbῆν*, *ἐκσρούειν*, но весьма рѣдко.

(2) ... *Fabulam, complexam ambages seminarum detrahentium lunam.* Plin. XXX, 2. — Ср. Meineke, ad Menandr. et Philem. reliq. p. 76.

(3) *Sosiphan*, ap. Schol. Apoll. Rhod. III, 533. — Anthol. Adesp. 113. — Virg. Ecl. VIII, 69. — Tibull. I, 2, 32. — Horat. Epod. V, 46; XVII, 73. — Lucan. VI, 500. — Martial, IX, 30. — Sib. Italic. VIII, 500. — Claudian, in Ruf. I, 147.

Китаѣ, у Арабовъ, у дикарей Сѣверной Америки, у Перуанцевъ, Карамбовъ и другихъ народовъ.

Этотъ предразсудокъ, который былъ такъ распространенъ между Греками и Римлянами (1), сохранился и въ ближайшія къ намъ эпохи. Плутархъ говоритъ, что онъ былъ въ силѣ въ его время (2), и дѣйствительно, въ правленіе Тиберія, воицы Панноніи употребили это средство, когда затмѣніе наступило внезапно среди ихъ мятежа (3). Изъ гомилій Св. Максима, Епископа Туринскаго, видимъ, что даже Христіане не чужды были этого предразсудка, въ V столѣтіи (4).

Мнѣніе древнихъ Грековъ относительно причины затмѣній состояло, слѣдовательно, въ томъ, будто бы звѣзда въ это время покидала небо или въ слѣдствіе воли боговъ или по вліянію магін.

Геродотъ, относительно собственнаго движенія солнца, раздѣлялъ предразсудки народныя. Весьма естественно, что и касательно затмѣній онъ не имѣлъ болѣе основательнаго мнѣнія.

Этотъ Историкъ четыре раза упоминаетъ о солнечныхъ затмѣніяхъ, и употребляемая имъ выраженія

(1) Plin. II, 12.... et in luna veneranda arguente mortalitate et obdrepitu dissono auxiliante. — Plut. De facie in orbe lunae, p. 944. В. Т. IX, p. 631, Reisk. *Διὸ καὶ προτὶν ἐν ταῖς ἐκλείψεσιν ΕΙΣΘΑΖΙΝ Οἱ ΠΛΕΙΣΤΟΙ*. — Schol. Theocrit. Idyll. II, 36.

(2) Plut. Paul. Aemil. § 17: *Τῶν δὲ Ρωμαίων, ὡσπερ ἐστὶ νουμισμένην, χαλκοῦ τε πατάγοις ἀνακαλουμένων, τό φῶς αὐτῆς.* — Tit. Liv. XXVI, 8. Qualis [aeris crepitus] in defectu lunae, silentii nocte, sicut SOLET. — Cp. Javen. VI, 443, ibique Rupert.

(3) Tacit. Annal. I, 38.

(4) S. Maxim. Homil. p. 703, c. Paris, 1618.

показываютъ, что ему неизвѣстно было слово *ἔκλειψις* и настоящая причина этихъ явленій. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ просто: *солнце потемнѣло на небѣ* (1); два другія относятся къ затмѣнію, предсказанному Фалесомъ, и это явленіе выражено тамъ словами: *день сдѣлался ночью* (2); наконецъ, въ четвертомъ, онъ употребляетъ слѣдующее замѣчательное выраженіе: «солнце, покинувъ мѣсто, занимаемое имъ на небѣ, сдѣлалось невидимо, хотя не было никакого облака и погода стояла ясная (3).»

Весселингъ признается, что не понимаетъ этого выраженія; но оно весьма понятно, когда мы будемъ имѣть въ виду мнѣніе Грековъ, которое оно такъ ясно выражаетъ.

Невозможно узнать, что думалъ объ этомъ предметѣ Фукидидъ: слово «затмѣніе» (*ἔκλειψος*), которое онъ употребляетъ, еще ничего не говоритъ въ его пользу. Что онъ, впрочемъ, не зналъ еще, естественности этого явленія, видно изъ того, что исчисляя зло, претерпѣнное Греціею въ продолженіе Пелопоннесской войны, онъ говоритъ: никогда не было столько городовъ разрушенныхъ и разоренныхъ, никогда не было пролито столько крови, не было чувствуемо столько ужасныхъ землетрясеній; и потомъ, исчисливъ засухи, голодъ и повальные болѣзни, прибавляетъ: «никогда, сколько помнятъ люди, не происходило

(1) Herodot. IX, 10: *Ὁ ἥλιος ἀφανίσθη ἐν τῷ οὐρανῷ.*

(2) I, 74, 103: *Νύξ ἢ ἡμέρα γίνεται.*

(3) *Ὁ ἥλιος ἐκλείπων τὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἰδρην, ἀφανὴς ἦν, οὐ τοι ἐκινεφίλων ἰόντων, αἰθρίας τε μάλαστα.* VII, 37.

столько затмѣній солнца (1)»; — значить, что онъ видѣлъ въ затмѣніяхъ не естественное и необходимое событіе въ Природѣ, а бичъ небеснаго гнѣва, котораго появленіе боги могли повторять по своей волѣ для устрашенія человѣчества, предвѣщая ему тѣмъ новыя напасти.

Изъ другого мѣста (2) видно, что этотъ Историкъ не только не вѣдалъ причины солнечныхъ затмѣній, но еще не былъ увѣренъ и въ томъ, что такое явленіе происходитъ только во время противоположенія свѣтилъ. Послѣ этого намъ не можетъ казаться удивительнымъ, что около того же времени, при жизни Сократа, въ Македоніи, при Царскомъ дворѣ, считали солнечныя затмѣнія знаками небеснаго гнѣва: Цари запирались въ своемъ дворцѣ, и остригали волосы своимъ дѣтямъ въ знакъ горести (3). Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 375 году, затмѣніе солнца повергло въ ужасъ не только армію Фиванскую, но и цѣлый Сенатъ въ Фивахъ (4). Но естественно, что отъ Фиванцевъ, никогда не славившихся своимъ образованіемъ (5), менѣе можно требовать отчетливости въ предразсудкахъ, нежели отъ умнаго и мыслящаго Фукидида, который былъ еще притомъ ученикомъ Анаксагора (6).

(1) Thucyd. I, 23: *ἴλλου τε ἐκλείψει, αἱ πικρότεραι παρὰ τὰ ἐκ τοῦ πρὶν χρόνου μνημονεύμενα ξυνέβησαν.*

(2) II, 28. Онъ говоритъ о новолуніи: «это единственное время, когда, кажется, можетъ происходить это явленіе», — *ὥσπερ καὶ μόνον δοκεῖ εἶναι γίγνεσθαι δυνατόν.*

(3) Senec. de benef. VI, 6, 3.

(4) Plutarch. in Pelopid. 3. 31.

(5) Strab. IX, p. 401.

(6) Antyllus ap. Marcell. Vit. Thucydid. § 22.

Надобно замѣтить, что Оукидидъ говорить только о солнечныхъ затмѣніяхъ, а не упоминаетъ о лунныхъ, которыя между тѣмъ должны были случаться гораздо чаще въ тотъ же періодъ времени. Очевидно, что затмѣнія луны онъ не считалъ предвѣстниками или знаками гнѣва небеснаго: онъ не приводитъ ихъ въ числѣ тѣхъ «бичей», которые онъ вычисливаетъ. И здѣсь видимъ первый примѣръ различія, которое полагали Древніе между двумя родами затмѣній: Солнечныя не были для нихъ явленіями необходимыми, естественными; но о лунныхъ уже начинали имѣть болѣе вѣрныя понятія. Если Оукидидъ не увѣренъ въ томъ, что первыя имѣютъ мѣсто только въ новолуніе, онъ по крайней мѣрѣ знаетъ, что вторыя случаются только въ соединеніи свѣтилъ (1). Это для него явленіе естественное; о которомъ онъ и не заботится. И потому также Діонъ, во время своей экспедиціи въ Сицилію (2), не устрасился случившагося въ то время луннаго затмѣнія, потому что уже зналъ его физическую причину. Но познаніе этой причины не было еще такъ распространено, чтобы явленіе это не возбуждало страха въ умахъ суевѣрныхъ. Такимъ образомъ затмѣніе 27 Августа 413 года устрасило Аѳинитъ, выступавшихъ изъ Сиракузъ (3). Ужасъ овладѣлъ слабымъ и суевѣрнымъ Пикіасомъ, который, вѣря болѣе ворожеямъ нежели разуму, остался ждать возвращенія полнолунія; но то было уже поздно, и войско его было разбито.

(1) VІІ, 50: *ἡ σελήνη ἐκλείπει ἐνέγγωνι τῆς Ἀραστῆρος οὐρα.*

(2) Pintarch. in Nic. c. 24.

(3) Thucyd. Plutarch. l. 1.

Спустя столѣтіе, Александръ, воспитанникъ Аристотеля, хотя по всей вѣроятности бывшій выше народныхъ предразсудковъ, долженъ былъ покориться имъ изъ благоразумія, во время луннаго затмѣнія, имѣвшаго мѣсто за одиннадцать дней до Арабельской битвы. Онъ совершилъ жертвоприпошеніе Лунѣ, Солнцу и Землѣ, божествамъ, которыя, по словамъ Арріана (1), были виною затмѣнія. Онъ сошѣтывался съ коддуномъ Аристандромъ, который предсказалъ, что въ томъ мѣсяцѣ произойдетъ великая битва: въ этомъ коддуъ не могъ ошибиться, потому что Греки перешли уже Тигръ, и двѣ враждобныя арміи стояли въ виду другъ друга. Предсказывая же побѣду, онъ обращалъ противъ Варваровъ ихъ собственный предразсудокъ, который впрочемъ не былъ безвѣстенъ и Грекамъ: уже съ давнихъ временъ они знали изъ Геродота, что Персы считали затмѣнія луны горестнымъ для себя и благопріятнымъ для ихъ враговъ предвѣстникомъ (2). Жертвоприпошеніе Лунѣ, Солнцу и Землѣ показываетъ, что Александръ зналъ истинную причину затмѣнія; но какъ она не соответствовала понятіямъ массы народа, то онъ употребилъ религіозный обрядъ для умиловленія свѣтила. Полтора столѣтія послѣ Александра, во время битвы между Персеемъ и Павломъ-Эмилиемъ, лунное затмѣніе 21 Іюня 178 года поразило ужасомъ обѣ арміи (3). Къ

(1) *Ἐδου τῇ τε σελήνῃ καὶ τῷ ἡλίῳ καὶ τῇ γῇ, ὅτι οὗ τὸ ἔργον τοῦτο λόγος εἶναι κατέχευ.* Arrian. Anab. III, VII, 9.

(2) Herod. VII, 37. — Ср. Q. Curt. IV, X, 6.

(3) Polyb. XXIX, VI, 8. — Liv. XLIV, 37. — Plut. in Aemil. 17. — Q. Curt. I, 16, 47.

счастію Римлянъ, военный трибунъ Сулпицій Галлъ, опытный въ Астрономіи, предсказалъ имъ наканунѣ появленіе затмѣнія и объяснилъ его причину, что уменьшило ихъ страхъ и увѣрило въ побѣдѣ. Это показываетъ, что и до Иппарха можно было предсказывать, по крайней мѣрѣ за день, имѣющее быть затмѣніе.

Страшно, что въ Македонской арміи не нашлось ни одного человѣка, который бы оказалъ ей такую же услугу. Уроки и творенія Аристотеля имѣли, слѣдовательно, слабое вліяніе въ Македоніи, и просвѣщеніе Греціи съ трудомъ туда проникло.

Народъ, который въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры, производилъ шумъ удара въ мѣдные сосуды во время затмѣній, продолжалъ смотрѣть съ ужасомъ на это явленіе. Діонъ Кассій рассказываетъ, что Императоръ Клавдій, предвидя, что солнечное затмѣніе должно было случиться въ день его рожденія, счелъ необходимымъ, для предотвращенія зловѣщихъ толковъ, которые событіе могло произвести въ народѣ, объявить заранѣе появленіе его, съ объясненіемъ естественныхъ тому причинъ (1).

Разсмотримъ, послѣ этого, какія мнѣнія составляли себѣ Философы касательно природы и причинъ сихъ феноменовъ. Хотя облеченныя въ ученыя формы, они были часто не основательнѣе престопадныхъ.

(1) Dio Cassius, LX, 26.

3. *Философскія и ученыя мнѣнія Грековъ касательно затмѣній.*

Мы видѣли, что Геродотъ полагаетъ, будто бы, во время затмѣнія солнца, свѣтило временно покидаетъ мѣсто, имъ занимаемое на внутренней сторонѣ тверди небесной.

Эта идея, какъ намъ она ни кажется странною, не страннѣе однакожъ мнѣнія Анаксимандра, ученика Фалесова. Онъ полагаетъ, будто бы солнце и луна суть тѣла, наполненныя огненною матеріею, которая истекаетъ изъ нихъ черезъ круглое отверстіе, и что затмѣнія происходятъ въ то время, когда это отверстіе вдругъ закрывается (1). Очевидно, что онъ, подобно Геродоту и простому народу, изъ такого явленія выводилъ множество предсказаній (2). Такъ какъ гипотеза его, подобно простонародному объясненію, не показывала настоящей причины явленія, то необходимо было допустить, что какая-нибудь высшая сила сдвигивала звѣзду съ мѣста или закрывала отверстіе.

То же самое можно сказать и о гипотезахъ другихъ Философовъ. Парменидъ и Антисѣенъ почи-

(1) Schleiermacher, Ueber Anaximandros, въ Abhandlungen der Königl. preussischer Academie, 1803—1813, pp. 119, 120.—Schaubach, Geschichte der Astronomie, p. 162—164.

(2) Бальм (въ своей Histoire de l'astronomie ancienne p. 199) не полагаетъ, что таково было мнѣніе Анаксимандра, потому что учитель его, Фалесъ, уже зналъ истинную причину затмѣній. Но это-то и удивительно.

тали луноу тѣломъ самосвѣтящимся (1), Демокритъ (2) принималъ ее за такое же огненное тѣло, какъ солнце. Изъ этого видно, что никому изъ нихъ не была известна истинная причина затмѣній. Ксенофонтъ почиталъ всѣ звѣзды воспламененными облаками, которыя погашаются вечеромъ и утромъ снова зажигаются; такимъ же образомъ онъ объяснялъ и затмѣнія (3). Диогенъ Аполлонійскій, ученикъ Анаксимена и современникъ Анаксагора или, по мнѣнію другихъ, ученикъ послѣдняго (4), объяснялъ это явленіе своею теоріею тепла и холода: онъ думалъ, что затмѣніе солнца происходитъ тогда, когда холодъ, взявъ верхъ надъ тепломъ, гасилъ это свѣтило (5). Гераклитъ, и послѣ Эпикуръ, думали, что солнце и луна имѣютъ одну сторону выпуклую, а другую вогнутую (6): изъ нихъ одна темная, а другая свѣтящаяся; и что затмѣніе происходитъ, когда эти свѣтила обращаются къ намъ своею темною стороною.

Мнѣніе Оукидида, которое мы привели выше, позволяетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы Периклу, какъ то думали Цицеронъ (7) и Плутархъ (8), известна была истинная причина солнечныхъ затмѣній. Цицеронъ говоритъ, что Периклъ почерпнулъ это свѣдѣніе изъ уроковъ Анаксагора, (который не сооб-

(1) Pseudo-Plutarch. De plac. philosoph. II, 23, 1.

(2) Stob. Ecl. phys. I, 27, 531—534. — Pseudo-Plut. II, 25, 2.

(3) Id. I, 24, 3.

(4) Bulhe, Lehrbuch der Gesch. der Philos. I, 221.—Schleiermacher, Ueber Diog. von Apollon. p. 91.

(5) Pseudo-Plut. Plac. phil. II, 23, 2.—Cf. Corsini Dissert. p. XXVII.

(6) Id. II, 28, 2.

(7) De republica, I, 16.

(8) In Pericle, § 35.

шалъ его Оукидиду: по крайней мѣрѣ Оукидидъ не зналъ этого), а это даетъ намъ поводъ подозрѣвать, былъ ли Анаксагоръ выше другихъ, какъ то полагаютъ эти Писатели.

По свидѣтельству Платона, Анаксагоръ думалъ, что луна есть земля (1); что она заимствуетъ свѣтъ свой отъ солнца (2) и даже, какъ говоритъ Плутархъ, онъ первый объяснилъ фазы луны (3); хотя неизвѣстно впрочемъ, какими причинами онъ приписывалъ ихъ. Объясненіе это не было; вѣроятно, удовлетворительно, потому что (какъ говоритъ Теофрастъ) онъ полагалъ, что нѣкоторыя подлунныя тѣла становились иногда между луною и землею (4). Это сходно съ мнѣніемъ Пифагорейцевъ, которое мы рассмотримъ ниже. Онъ говорилъ, что луна есть такое же воспламененное тѣло, какъ солнце и другія свѣтила (5). Такое противорѣчіе, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того, что Анаксагоръ думалъ, что луна, кромѣ свѣта, который она заимствуетъ отъ солнца, имѣетъ еще свой собственный свѣтъ, но слабый, похожій на свѣтъ угля до половины зажженного (*αἰ-δρακῶδες*), и что этотъ свѣтъ показывается во время затмѣній (6). Такимъ образомъ Анаксагоръ соглашалъ такое мнѣніе о лунѣ съ своею общаю теоріею о природѣ свѣтилъ, которыя, по его понятію, въ слѣдствіе

(1) *Apolog. Socrat.* p. 26. d. — *Tatian, contra gentes*, p. 45.

(2) *Cratyl.* p. 409. a.

(3) *In. Nic.* § 23. id. — *Cf. Orig. phil.* § 8.

(4) *Theophr. ap. Stob.* I, 27, p. 560.

(5) *Pseudo-Plutarch. Plac. philosoph.* II, 23, 3. — *Stob. Ecl. phys.* I, 27, p. 550. — *Heeren*, 10.

(6) *Olympiod. in Arist. Meteor.* p. 15, b.

быстраго своего вращательнаго движенія, должны находиться въ раскаленномъ состояніи.

Но это мнѣніе далеко еще отъ истинной причины солнечныхъ затмѣній, о которыхъ онъ не болѣе зналъ, чѣмъ Оукидядъ и современные ему Философы.

Мнѣніе Гераклитовъ и Эпикуровъ было распространяемо въ Греціи, во времена Александра, Халдейцемъ Берозомъ, между тѣмъ, какъ многія Школы приняли съ тѣхъ поръ мнѣніе о сферичности земли, и другія основныя понятія болѣе вѣрной теоріи Космографіи. Подобно Гераклиту и Эпикуру, Берозъ утверждалъ, что луна вогнута съ одной стороны и выпукла съ другой; что одна сторона ея свѣтящаяся, другая темная, и что затмѣніе происходитъ въ то время, когда это свѣтило, въ слѣдствіе своего обращенія, поворачивается къ намъ темною стороною (1). По Діодору (2), Халдейцы приписывали лунныя затмѣнія междоположенію земли. Но и полагая, что этотъ Историкъ не сдѣлалъ здѣсь ошибки, все же должно признать, что Халдейцы не знали, что это междоположеніе было совершенно естественнымъ слѣдствіемъ обращенія луны, потому что, по сказанію того же Діодора Сицилійскаго (3), солнечныя и лунныя затмѣнія почитались у нихъ благопріятными или гибельными предсказаніями, подобно землетрясеніямъ и появленіямъ кометъ. Слѣдовательно, Халдейцы относи-

(1) Vitruv. Archit. IX, 4. — Pseudo-Plut. Plac. philos. II, 20, 1. —

Клеомахъ (Cycl. theor. II, 4, p. 106, Balf. — 122, Bake) говоритъ просто, что Берозъ предполагаетъ, что одна сторона луны свѣтлая, другая темная.

(2) II, 31.

(3) II, 30.

тельно этихъ познаній, находились въ такомъ же состояніи, какъ Греки во времена Фукидида. Намъ извѣстно изъ Страбона (1), что Халдейцы были раздѣлены на множество сектъ, которыя разнствовали въ своихъ мнѣніяхъ до такой степени, что даже не соглашались между собою въ истинности Астрологій или Генеалогій, Халдейской Науки гаданій по преимуществу. Этимъ можно объяснить противорѣчащія сказанія Древнихъ о мнѣніи Халдейцевъ, и въ особенности разность между тѣмъ мнѣніемъ, которое Витрувій, Клеомедъ и даже-Плутархъ приписываютъ Берозу, и мнѣніемъ Халдейцевъ, которое приводитъ Діодоръ. Если даже предположить, что то было частное мнѣніе одного человѣка, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ заключить, что Халдейская Космографія была весьма несовершенна, когда Астрономъ, какимъ былъ Берозъ, могъ принять столь странное мнѣніе.

Что мнѣніе Бероза было не его собственное, видно еще и изъ того, что, по сказанію того же Діодора, Халдейцы, которые могли предсказывать лунныя затмѣнія, «весьма худо объясняли солнечныя затмѣнія, и не смѣли предсказывать ихъ съ точностію и означать время ихъ возвращенія» (2). Изъ этого замѣчательнаго мѣста слѣдуетъ, что если Халдейцы и знали лунный періодъ (3) и пользовались имъ для предсказанія съ

(1) Strabo, XVI, p. 739.

(2) *Περὶ δὲ τῆς κατὰ τὸν ἥλιον ἐκλείψεος ἀσθενεστάτος ἀποδείξεις φέροντες, οὐτάλοιως προλέγειν, οὐδ' ἀκριβῶς περιγράφειν τοὺς χρόνους.* II, 31.

(3) Ideler, Untersuchungen über die astronom. Beobachtungen, p. 154. — Ueber die Sternkunde der Chald. p. 18, 19. — Handbuch der mathem. und techn. Chronol. I, 208, 209.

достаточною точностію возвращенія лунныхъ затмѣній, то они не думали, что его можно примѣнить и къ затмѣніямъ солнечнымъ, потому что эти затмѣнія казались имъ, такъ же какъ и Грекамъ, весьма неправильными. Это одно уже доказываетъ, что они были весьма далеки отъ мысли — относить ихъ къ центру земли: и въ самомъ дѣлѣ, какъ же могли они имѣть эту мысль, когда они полагали, подобно Гераклиту и Эпикуру, что земля такъ же вогнута, какъ луна. Діодоръ говоритъ, что Халдейцы худо объясняли солнечныя затмѣнія; это уже показываетъ, что истинная причина ихъ была имъ столь же извѣстна, какъ Грекамъ: потому-то они и почитали затмѣнія предвѣстниками будущаго. То же самое должно сказать и о Магахъ, ихъ сосѣдяхъ. По свидѣтельству Діодора, Халдейцы почитали землю *пустою и вогнутою* (*κοιλὴ καὶ σκαφοειδής*) и приводили многія достаточныя причины (*πολλὰς καὶ πιθανὰς ἀποδείξεις*) для подтвержденія этого мнѣнія (1). Но мы видѣли уже, говоря о мнѣніи Гераклита и Эпикура, доказательство тому, что есть связь между этой идеею о формѣ земли и причиною, которой эти Философы, такъ же какъ и Берозъ, приписывали затмѣнія луны (свѣтила, которое они представляли себѣ также пустымъ и вогнутымъ). Вѣроятно они заимствовали мнѣніе свое отъ Халдей-

(1) II, 32. Блѣкъ, котораго это мѣсто весьма затрудняло, потому что оно вовсе не говоритъ въ пользу познаній Халдейцевъ, хотѣлъ придать ему иной смыслъ — что земля *походила на лодку*, т. е. будто бы Халдейцы, подобно Египтянамъ, представляли себѣ звѣзды и землю несомыми на лодкахъ (см. *Hist. de l'astron. ancienne*, IV, 16, p. 366). Но такое предположеніе невозможно.

цевъ, которымъ можно приписать происхожденіе мысли о вогнутости земли, — мысли, которая, какъ мы увидимъ, играла столь важную роль въ Физической Географіи Древнихъ. Но по крайней мѣрѣ изъ сходства обонхъ мнѣній о формѣ луны и земли, слѣдуетъ, что мнѣніе Бероза было довольно распространено между Халдейцами.

Этимъ можно объяснить, отъ чего затмѣнія, замѣченныя Халдейцами и приводимыя Птоломеемъ, — всѣ, безъ исключенія, лунныя. По моему мнѣнію, причина тому слѣдующая: какъ Халдейцы не умѣли предсказывать возвращеніе солнечныхъ затмѣній, то и большая часть этихъ явленій оставалась незамѣченными; а затмѣнія эти случались столь рѣдко, что они могли и не упоминать о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего замѣчать явленія столь рѣдкія и столь неправильныя, казавшіяся случайными чудесами, не имѣющими никакого отношенія къ Астрономіи?

Между всѣми свѣдѣніями о Халдейской Космографіи находится, очевидно, весьма замѣчательное сродство, на которое, по моему мнѣнію, не обращали довольно вниманія, и которое доказываетъ, что если Халдейцы посредствомъ тщательныхъ наблюденій и достигли познанія нѣкоторыхъ астрономическихъ періодовъ, то тѣмъ не менѣе они, какъ и большая часть Греческихъ Философовъ, весьма мало знали относительно астрономическихъ теорій; такъ, что у тѣхъ и другихъ самыя странныя мнѣнія находили приверженцевъ даже и тогда, когда съ давняго времени были мнѣнія гораздо лучше и проще, но по причинѣ нѣкоторыхъ трудностей не всѣми принятыя.

Наконецъ система Пиеагорейцевъ доказываетъ, что то же самое было и у Грековъ. Ихъ астрономическое ученіе, болѣе очищенное, нежели ученіе другихъ Школы, должно было предохранить ихъ отъ грубыхъ гипотезъ Героклитовъ и Эпикуровъ; но не смотря на то, что они точно знали періодъ возвращенія лунныхъ затмѣній, они столько же удивлялись, какъ и другіе Философы, рѣдкому появленію солнечныхъ затмѣній, и затруднялись открыть тому причину. Хотя они и принимали круглоту земли, однакожь не приписывали солнечныхъ затмѣній центру нашего шара, что уничтожило бы уже главныя трудности. Тогда, оставивъ истинныя понятія и основываясь на явленіи, которое не могли изъяснить, они прибѣгли къ одному изъ своихъ любимыхъ вымысловъ.

Извѣстно, что Пиеагорейцы полагали, что числа имѣютъ большую важность въ мірѣ и что число *десять* есть самое совершенное, и потому думая, что и небесныхъ тѣлъ должно быть десять (1), они вообразили, что между серединою міра, занимаемою огнемъ и нашею землею, находится еще земля, которую они называли *антихеоною* или *противоположною землею*; за нашею землею, по ихъ мнѣнію, находилась луна, за нею солнце, пять планетъ, а небо составляло десятое тѣло (2). Эта система, замѣтимъ мимоходомъ, не имѣетъ ничего общаго съ системою Коперника, съ которою ее сравнивали. Существованіе антихеоны было

(1) Aristot. Metaph. I, V. — Cp. Ideler Ueber 'das Verhältniss des Copernicus zum Alterthum, в Museum der Alterthumswissenschaften, II, 400, 401.

(2) Boeckh, Philolaos des Pythagor. Lehren, S. 94—114.

воображаемо, по моему мнѣнію, только въ слѣдствіе ихъ вѣры въ силу чиселъ. Это мнимое тѣло, по мнѣнію ихъ, производило большую часть лунныхъ затмѣній; но какъ междоположеніе одного тѣла не могло объяснить частаго явленія этихъ затмѣній, то другіе Пифагорейцы вообразили, что существовало нѣсколько невидимыхъ антихеоовъ, которыя своимъ междоположеніемъ чаще производили тѣ явленія. Мы выше видѣли, что Анаксагоръ имѣлъ такую же мысль. Объ этомъ Авторъ сочиненія «О небѣ» (1) говоритъ слѣдующее: «нѣкоторые думаютъ, что есть много тѣлъ около середины (занимаемой огнемъ), которыя земля препятствуетъ намъ видѣть; и отъ того, по ихъ мнѣнію, лунныя затмѣнія бываютъ чаще солнечныхъ: по этому предположенію не только одна земля препятствуетъ солнечному свѣту доходить до луны, но и каждое изъ этихъ тѣлъ». Деламбръ, приводя это мѣсто (2), приписываетъ мнѣніе это Аристотелю, потому что онъ не замѣтилъ здѣсь глагола *φασί*: «Аристотель» — говоритъ онъ — «разсуждаетъ, какъ человекъ, не имѣющій никакого яснаго понятія о небесныхъ движеніяхъ». Но Аристотель въ этомъ мѣстѣ не разсуждаетъ самъ, но напротивъ приводитъ мнѣніе другихъ, а что онъ не принималъ такихъ мечтаній, то видно изъ того же мѣста, гдѣ онъ упрекаетъ Пифагорейцевъ въ томъ, что они «гораздо менѣе стараются подчинять свои

(1) Coel. II, 13, p. 466, c. *Ἐνίοις δὲ δοκεῖ καὶ πλείω σῶματα τοιαῦτα ἐνδέχουσαι φέρεσθαι περὶ τὸ μένον· ἡμῖν δὲ ἀδηλὰ διὰ τὴν ἐπιπρόσθεσιν τῆς γῆς. Διὸ καὶ τὰς τῆς σελήνης ἐκλείψεις πλείους ἢ τὰς τοῦ ἡλίου γίγνεσθαι φασί.*

(2) Histoire de l'astronomie ancienne, I, 310.

разсужденія о причинахъ явленій самымъ тѣмъ явленіямъ, нежели припоравливать и подчинять тѣ явленія своимъ мнѣніямъ и разсужденіямъ (произнесеннымъ прежде) (1)». Эти замѣчательныя выраженія можно бы одинаково примѣнить ко многимъ другимъ философскимъ сектамъ Древности.

Изъ приведенныхъ словъ Аристотеля видно, что Пифагорейцы вообще почитали лунныя затмѣнія слѣдствіемъ междоположенія или земли, или антихеоны; а это уже показываетъ, что они далеки были отъ знанія истинной причины явленія. Что же касается затмѣній солнечныхъ, то они должны были объяснять ихъ еще менѣе удовлетворительнымъ образомъ; въ особенности, не могли они узнать причину, по которой солнечныя затмѣнія происходили рѣже лунныхъ: такая рѣдкость этихъ явленій и заставляла, какъ я уже сказалъ, долгое время думать, что они производятся междоположеніемъ луны. Это видно изъ того, что Клеомедъ опровергаетъ ложныя понятія, составившіяся объ этомъ; изъ словъ Арріана (2), и особливо Ахиллеса Тациа, который однакожъ приводитъ сочиненіе, гдѣ Иппархъ разсуждалъ о солнечныхъ затмѣніяхъ для семи климатовъ: «затмѣніе солнца происходитъ, какъ говорятъ нѣкоторые, въ такомъ случаѣ, когда луна становится прямо передъ солнцемъ;

(1) *Οὐ πρὸς τὰ φαινόμενα τοὺς λόγους καὶ τὰς αἰτίας ζητοῦντες, ἀλλὰ πρὸς τινὰς δόξας καὶ λόγους αὐτῶν τὰ φαινόμενα προσέλκοντες καὶ πειθόμενοι συγκομίζιν.* Aristot. de Coel. III, 13, p. 465, E. 466.

(2) ... ὅταν (σελήνης, ἡλίου, γῆς) τὸ ἔργον τοῦτο λόγος εἶναι κατέχει. Anab. III, 8, 9.

это объясненіе пужно употреблять предпочтительно, какъ *вѣроятнѣйшее* (1)». Слѣдовательно, онъ считалъ изъясненіе это *мнѣніемъ мало распространеннымъ*, по *вѣроятнѣйшимъ* всякаго другаго. Вотъ какія познанія имѣлъ объ этомъ предметѣ Астрономъ V столѣтія.

Такимъ образомъ препятствія, не позволявшія Древнимъ составить полную теорію затмѣній, существовали почти до эпохи упадка Наукъ. Хотя наконецъ и отказались отъ ложныхъ идей, которыми столь долгое время довольствовалась Философія; однакожь большія трудности все еще поддерживали сомнительность о причинѣ явленій.

Что касается средствъ предсказывать ихъ, то тутъ надобно сдѣлать такое же отлчіе. Греки, какъ и Халдейцы, рано могли предузнавать лунныя затмѣнія, но не солнечныя.

Древніе Философы имѣли совершенно ложныя понятія о формѣ земли. Понятіе о ея сферичности начало только распространяться въ Школѣ Платона; и только съ этого времени начали знать истинную причину солнечныхъ затмѣній и средствъ предсказывать ихъ возвращеніе, но не точнымъ образомъ. Кромѣ невѣрной мысли о объемѣ земли, которую Греки почитали тогда третью, если не половиною, болѣе настоящей ея величины, для точнаго измѣренія ея, Грекамъ не доставало еще важнаго свѣдѣнія: именно — знанія относительныхъ разстояній луны и земли отъ солнца. Аристархъ первый, спустя сто лѣтъ послѣ

(1) Ἐκείλην δὲ, ὡς μὲν τινὲς φασιν, ἔμπροσθεν αὐτοῦ τῆς σιλήνης κατὰ χάθετον αὐτοῦ γιγνομένης, ἢ καὶ μᾶλλον, ὡς περὶ αὐτῶ, περὶ σίου. Achilles Tatius, § 19, p. 139, b.

Платона, старался опредѣлить это способомъ довольно остроумнымъ по теоріи, но въ приложеніи весьма неудобнымъ. Отъ того и нашелъ онъ, что разстояніе солнца отъ земли въ девятнадцать разъ (вмѣсто 400 разъ) болѣе разстоянія луны отъ земли (1). Эта грубая ошибка была почти неизбежна. Онъ принималъ еще, что луна не имѣетъ значительнаго параллакса, потому что, по его мнѣнію (2), земля есть точка въ сравненіи съ луною. Иппархъ доказалъ, что параллаксъ этотъ равенъ почти одному градусу ($57'$; но онъ измѣняется отъ $54'$ до $61'$); изъ этого Аристархъ заключалъ, что то же имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ солнцу, параллаксъ котораго [онъ не менѣе $9''$ ($8''84$)] всегда почти ускользалъ отъ наблюденій Древнихъ. Иппархъ, не зная точно, есть ли этотъ параллаксъ нуль, или величина замѣтная, полагалъ его въ 3 единственно только по предположенію (3). Изъ этого видно, въ какой степени могло быть точнымъ извѣстіе Геликона (4), который чрезъ сто лѣтъ послѣ Аристарха, предсказалъ солнечное затмѣніе, — развѣ только случай помогъ Наукѣ, — потому что безъ знанія параллаксовъ не лзя вычислить солнечныхъ затмѣній. Даже самъ Иппархъ, столѣтіе послѣ Аристарха, не могъ достигнуть точности. Въ параллаксѣ луны онъ ошибался не болѣе какъ нѣсколькими минутами; но солнечный параллаксъ онъ полагалъ слишкомъ большимъ; и кромѣ того онъ принималъ между относительными разстояніями земли и луны отъ солнца

(1) Delambre, Hist. de l'astronom. ancienne, I, 75.

(2) Delambre, loco cit.

(3) Delambre, II, p. 207.

(4) Plutarch. in Dionys. § 19.

такія же отношенія, какъ и Аристархъ (1). Наконецъ Птоломей, представляющій намъ всѣ методы Иппарха, усовершенствованныя наблюденіями и вычисленіями двухъ столѣтій, очевидно былъ не въ состояніи, по незнанію параллакса солнца, предсказать солнечныя затмѣнія съ достаточною точностію и увѣренностію, какъ то доказалъ Деламбръ (2) въ разборѣ VI книги Альмагесты.

Разборъ мнѣній Древнихъ о столь любопытномъ предметѣ позволяетъ намъ приступить къ разсмотрѣнію многихъ фактовъ, сохраненныхъ намъ Исторіею, — въ особенности знаменитаго затмѣнія солнца, предсказаннаго Фалесомъ, которое было и останется исходнымъ пунктомъ для Хронологовъ, и затмѣній, вычисленныхъ въ послѣдствіи въ Римѣ, во время исправленія «великихъ хроникъ» (*Annales maximæ*).

— — — — —

(1) Delambre, l. c.

(2) II, p. 238.

III.
ИЗВѢСТІЯ
ОБЪ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ
УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ИЗВѢСТІЕ
ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРОЧИХЪ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ, ЛИЦЕЯХЪ
И ГИМНАЗИЯХЪ,
НОЧЕРНУТОЕ ПЯТЬ ПОСЛѢДНИХЪ ОТЧЕТОВЪ.

Въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Ректоръ Университета, Ординарный Профессоръ *Шульцъ*, привелъ къ окончанію и напечаталъ сочиненную имъ *Исторію Европейскихъ Обществъ въ Средніе вѣки*, и въ качествѣ частнаго Редактора по Историческимъ Наукамъ, доставлялъ многія оригинальныя и переводныя статьи для Энциклопедическаго Лексикона.

Ординарный Профессоръ *Грефе*, какъ Членъ Императорской Академіи Наукъ, помещалъ свои Разсужденія по части Сравнительнаго Языкознанія въ Запискахъ сей Академіи.

Часть XXI. Отд. III.

1

Ордин. Профессоры: *Фишеръ, Калмыковъ, Кутория, Ивановскій*, и Кандидатъ *Порошинъ*, сообщали статьи для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Ордин. Профессоры и Академики *Леницъ и Бонгардъ* помѣстили свои Разсужденія въ Актахъ Императорской Академіи Наукъ, и разныя статьи (первый по Физикѣ, второй по Ботаникѣ) въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

Ордин. Профессоръ Полковникъ *Соколовъ* помѣщалъ собственныя и переводныя статьи въ Горномъ Журналѣ, приготовлялъ къ изданію въ свѣтъ *Руководство къ Геогнозисъ*, и собиралъ всѣ частныя геогностическія описанія Россіи для составленія общаго описанія и геогностической ея карты.

Ордин. Проф. *Соловьевъ* приготовлялъ къ изданію въ свѣтъ *Руководство къ Химіи* для учащихся сей Наукъ, и доставлялъ статьи по Химіи для Энциклопедическаго Лексикона.

Ордин. Проф. *Устряловъ* занимался печатаніемъ двухъ первыхъ частей составленнаго имъ *Руководства къ изученію Русской Исторіи* и приготовленіемъ къ печатанію двухъ остальныхъ частей; выдалъ въ свѣтъ второе, исправленное изданіе пяти томовъ *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*; наблюдалъ за изданіемъ *Указателя къ Актамъ Археографической Комиссіи*, и доставлялъ статьи по Русской Исторіи для Энциклопедическаго Лексикона.

Ордин. Проф. *Сенковскій* помѣстилъ нѣсколько собственныхъ статей въ издаваемой имъ Библіотека для Чтенія, и въ качествѣ Редактора Восточной части Энциклопедическаго Лексикона, доставилъ въ оный многія статьи объ Азіи.

Экстраорд. Проф. *Никитенко* и Адъюнктъ *Тижовъ* доставляли статьи для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и для Энциклопедическаго Лексикона.

Въ Московскомъ Университетѣ.

Ордин. Проф. Протоіерей *Терновскій* печаталъ собственное свое сочиненіе: *Богословіе Докматическое*.

Ордин. Проф. *Давыдовъ* издалъ *Чтенія о Словесности*, первый и второй курсъ, продолжалъ печатать третій, и приготавливалъ къ печати четвертый.

Ордин. Проф. *Павловъ* издалъ *Курсъ Сельскаго Хозяйства*, 1 и 2 частп.

Ордин. Проф. *Перевощиковъ* издалъ XIV кнѣжку *Ручной Математической Энциклопедіи*, содержащую въ себѣ *Предварительный курсъ Математики*; *Курсъ Чистой Математики*, соотвѣтствующій гимназическому преподаванію; занимался составленіемъ систематическаго собранія формулъ, относящихся къ Теоретической и Физической Астрономіи, и печаталъ XII кнѣжку *Ручной Математической Энциклопедіи*, содержащую въ себѣ вторую часть *Физики*.

Ордин. Проф. *Ловенскій* написалъ *Разсужденіе: О физиологическихъ и патологическихъ явленіяхъ, основанныхъ на физическихъ свойствахъ тканей человѣческаго тѣла*; издавалъ *Разсужденіе: О племенахъ человѣческаго рода*; занимался переводомъ съ Французскаго языка *Физиологіи для всѣхъ сословій*, съ собственными дополненіями, и сочиненіемъ *О кровообращеніи въ зародышѣ человѣческаго и сравнительно въ зародышахъ животныхъ позвоночныхъ*.

Ордин. Проф. *Гейманъ* издалъ вступительную лекцію втораго курса *Технической Химіи*, читаемой для Московскихъ фабрикантовъ.

Ордин. Проф. *Поюдинъ*, по порученію Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, составилъ *Записку о Москвѣ* для Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника; напечаталъ второе исправленное и

умноженное изданіе *Россійской Исторіи для Гимназій*; написалъ *Россійскую Исторію для Уѣздныхъ Училищъ*; выдалъ двѣ книжки *Русскаго Историческаго Сборника* отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, оканчивалъ *Изслѣдованія о первомъ періодѣ Русской Исторіи*, и нанечаталъ 2 часть *Славянскихъ Древностей Шафарика* и *Карту рѣкъ и оръ на Земномъ Шарѣ*.

Ордин. Проф. Брашманъ издалъ собственное сочиненіе: *Теорія равновѣсія тѣлъ жидкихъ и твердыхъ*, или *Статику* или *Гидростатику*.

Ордин. Проф. Эйнебротъ занимался сочиненіемъ *Краткой Антропологіи* для не-врачей, и наблюдалъ за изданіемъ *Анатомическаго Атласа*, съ Нѣмецкаго *Pennig-Encyclopaedie der Anatomie*.

Ордин. Проф. Крюковъ напечаталъ критико-оцѣтческое изданіе *Тацитова Агриколы*.

Ордин. Проф. Филомаѣитскій занимался переводомъ съ Французскаго языка *популярной Физіологіи Бурдона*.

Ордин. Проф. Иноземцевъ сдѣлалъ описаніе нѣкоторыхъ, достойныхъ замѣчанія, болѣзненныхъ случаевъ, встрѣтившихся въ *Хирургической Клиникѣ*.

Ордин. Проф. Крыловъ занимался составленіемъ *Руководства по классу Римскаго Права*.

Экстраорд. Проф. Ювскій печаталъ собственное сочиненіе: *Фармацію*, и приготовлялъ къ изданію *Анализъ минеральныхъ водъ* и *Рецептуру*.

Экстраорд. Проф. Морошкинъ издалъ *Разсужденіе на степень Доктора: О правѣ владѣнія по началамъ Россійскаго Законодательства*, и занимался сочиненіемъ: *О правѣ обязательствъ*.

Экстраорд. Проф. Зерновъ издалъ *Разсужденіе на степень Доктора: Объ интеграціи уравненій съ частными дифференціалами*.

Экстраорд. Проф. *Щуровскій* занимался сочиненіемъ *Полнаго курса Минералогіи*.

Экстраорд. Проф. *Сокольскій* печаталъ *Ученіе о трудныхъ болѣзняхъ*.

Экстраорд. Проф. *Шевыревъ* издалъ Разсужденіе на степень Доктора: *Теорія Поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*; сообщалъ статьи для Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и Московскихъ Вѣдомостей; занимался составленіемъ втораго тома *Исторіи Поэзіи*, содержащаго въ себѣ *Исторію Греческой Поэзіи*, и намѣренъ былъ издать его вмѣстѣ съ третьимъ томомъ, заключающимъ въ себѣ *Исторію Поэзіи Римской*.

Адъюнктъ *Топоровъ* перевелъ съ Нѣмецкаго языка сочиненіе: *Lehrbuch der Semiotik für Vorlesungen, bearbeitet von Dr. Albers, Leipzig, 1834*, которое съ нужными замѣчаніями намѣренъ былъ издать въ 1838 году.

Адъюнктъ *Кубаревъ* издалъ: *Ciceronis Cato Major et Laelius, Латинскій Синтаксисъ Бредера* для начинающихъ, *Теорію Русскаго Стихосложенія*, и по порученію Совѣта, наблюдалъ за изданіемъ *Саллюстія*.

Адъюнктъ *Чисилевъ* издалъ Разсужденіе на степень Доктора: *О народномъ доходѣ*.

Адъюнктъ *Оболенискій* издавалъ полную *Иліаду* въ подлинникѣ, съ Словаремъ Эллино-Русскимъ, и по порученія Универс. Совѣта наблюдалъ за изданіемъ *Классиковъ*, назначенныхъ для руководства учащимся.

Адъюнктъ *Гильдсбрандтъ* издалъ переводъ *Діагностики воспаленія глаза*, Проф. Юнкена, и готовилъ къ изданію *Оперативную Хирургію*.

Адъюнктъ *Анке* занимался составленіемъ *Общей Грамматикъ на Латинскомъ языкѣ*.

Лекторъ *Куртнеръ* издалъ *Французскую Хрестоматию* въ двѣхъ частяхъ.

Декторы *Герингъ* и *Пако* занимались наблюденіемъ за изданіемъ назначенныхъ для руководства учащимся книгъ и избранныхъ сочиненій на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ.

Въ Харьковскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Кронебергъ* доставлялъ статьи для Журнала Мпш. Народн. Просвѣщенія.

Орд. Проф. *Валицкій* издавалъ *Ксенофонову Киропедію* съ примѣчаніями на Русскомъ языкѣ и съ Греческо-Русскимъ Словаремъ, и участвовалъ въ переводѣ одного изъ лучшихъ руководствъ по Исторіи Греческой Словесности: *Grodeck, Initia historiae litterariae Graecorum. Vol. II.*

Орд. Проф. *Черняевъ* составилъ описаніе рѣдчайшихъ породъ растений, собранныхъ имъ въ Курской Губерніи въ 1836 году, въ числѣ болѣе 1200 экземпляровъ,

Орд. Проф. *Бутковский* составлялъ *Начертаніе Поселоніи и Терапіи хирургическихъ болѣзней.*

Орд. Проф. *Шанинъ* занимался избраніемъ мѣста и составленіемъ проекта плана для предполагаемой Астрономической Обсерваторіи въ Харьковѣ; по предложенію Университетскаго Совѣта написалъ Рѣчь, подъ заглавіемъ; *Обозрѣніе важнѣйшихъ астрономическихъ и геодезическихъ способовъ, служащихъ къ опредѣленію фигуры земли, произнесенную въ торжественномъ собраніи Харьковского Университета 30 Августа 1837 г.*

Орд. Проф. *Гаизъ* написалъ рѣчь для произнесенія на торжественномъ Актѣ 30 Августа 1836 года: *Quaedam de quinta partus periodo, praecipue vero de remediis quibus anomalіis nonnullis illo tempore ortis occurrendum.*

Экстраорд. Проф. *Оедотовъ* написалъ для публичнаго Университетскаго Акта Латинскую рѣчь на предложеніе: *Servitutes Romanas non modo non extare, imo ne*

extare quidem potuisse in Iure Rossico; занимался, по порученію Г. Попечителя, составленіемъ Свода узаконеній, относящихся до Харьковскаго Университета и его Учебнаго Округа, и составлялъ записки для слушателей своихъ на Русскомъ языкѣ, которыя со временемъ думаетъ напечатать.

Экстраорд. Проф. *Купицынъ* собиралъ и приводилъ въ систему постановленій, относящихся къ управленію Харьковскаго Университета и его Округа, какъ Членъ Комиссіи, учрежденной для того Г. Попечителемъ.

Экстраорд. Проф. *Платоновъ* приводилъ въ систематическій Сводъ постановленія, относящіеся до Харьковскаго Университета и его Учебнаго Округа, и составлялъ *Предварительныя понятія о благоустройствѣ и благочиніи Государственныхъ*.

Экстраорд. Проф. *Калишченко* составлялъ *Монографію кольчатыхъ животныхъ Россійской Имперіи, и въ особенности пиявицныхъ (hirudineae)*; приготавливалъ къ печати: 1) *Флору окрестностей Пятигорска или Кавкаскихъ минеральныхъ водъ*; 2) *Фармакогнозію*; составлялъ описаніе мѣсторожденія *полуопаловъ* въ Тимскомъ, *жсерновыхъ камней* въ Цигровскомъ и Путивльскомъ, и *пудинговъ* въ Курскомъ уѣздахъ; занимался обзорѣніемъ Курской Губерніи въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ; изслѣдовалъ мѣсторожденіе каменнаго угля въ Хотмыжскомъ и Бѣгородскомъ уѣздахъ; доставлялъ статьи для Энциклопедическаго Лексикона и для Журналовъ: *Сынъ Отечества*, *Московскаго Земледѣльческаго* и *Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*.

Испр. долж. Экстраорд. Проф. *Якимовъ*, по распоряженію Высшаго Начальства, сочинилъ Рѣчь для торжественнаго Акта Университета 30 Августа.

Испр. долж. Экстраорд. Проф. *Гордѣнковъ* 2-й написалъ диссертацию на степень Доктора: *De variis modis extractorum officinalium praeparandorum*.

Адъюнктъ, нынѣ Испр. должн. Экстраорд. Проф., *Гордѣнковъ* 1-й занимался составленіемъ Свода всѣхъ Университетскихъ постановленій, вышедшихъ отъ основанія Харьковскаго Университета по настоящее время.

Адъюнктъ *Леоновъ* занимался составленіемъ диссертациі на степень Доктора Медицины и Хирургіи.

Учитель Рисованія *Рябининъ* занимался историческою живописью и писалъ картины, имѣющія предметомъ: 1) *Истребленіе въ Россіи идолопоклонства* и 2) *Крещеніе Св. Владиміра*.

Въ Университетѣ Св. Владиміра.

Ректоръ Университета, Ординар. Проф. *Неволинъ* занимался сочиненіемъ: *Руководство для познанія Россійскихъ Государственныхъ Законовъ*.

Орд. Проф. *Даниловичъ* составилъ первую или общую часть своего руководства для слушателей Россійскаго Уголовнаго Права, и доставилъ статью о развитіи Права для Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія.

Орд. Проф. *Орнатскій* занимался обработываніемъ систематическаго изложенія Гражданскихъ Законовъ, содержащихся въ Уложеніи Царя Алексія Микханловича; приготовилъ къ изданію въ свѣтъ Рѣчь, произнесенную имъ въ Торжественномъ Собраніи Университета въ 15 день Іюля 1836: *Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ Законодательствѣ и Законопдѣніи*; составилъ краткое обзорѣніе мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ разныхъ частяхъ Россійскаго Государства.

Ордин. Проф. *Мицкевичъ* приготовилъ къ изданію первую часть курса Римскаго Права подъ заглавіемъ:

Introductio in universum Juris Romani studium historica et litteraria; generalia de juris natura et indole principia, de Jure Romano ejusque studio hodierno notiones praeliminarias, juris autem privati in specie ad normam Institutionum doctrinae brevem explicationem continens.

Орд. Проф. *Максимовичъ* составилъ *Краткую Записку о Киевѣ* для Государя Наслѣдника; издалъ: *Письмъ о полку Игоревѣ* съ переводомъ на нынѣшній языкъ, для своихъ слушателей; сочиненіе: *Откуда идетъ Русская Земля?* приготавливалъ къ изданію *Исторію Русской Словесности*, и сверхъ того помѣщалъ статьи въ Ж. М. Н. Пр.

Орд. Проф. *Новицкій* издалъ въ свѣтъ: 1) *Разсужденіе о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на Славянской языкъ*; 2) *Рѣчь, произнесенную при потребленіи бывшаго Ректора Университета Св. Владиміра Цыжа*, и помѣщалъ статьи въ Ж. М. Н. Пр.

Ордин. Проф. *Эльновичъ* занимался приведеніемъ къ окончанію трудовъ своихъ, имѣющихъ предметомъ новую систематикъ Наукъ вообще и обработаніе новой теоріи Химіи; написалъ *Разсужденіе о необходимости измѣненія общихъ началъ Науки*.

Орд. Проф. Богословія Прот. *Скворцовъ* помѣщалъ статьи въ *Воскресномъ Читаніи*, и издалъ нѣсколько произнесенныхъ имъ *Рѣчей*.

Преподающій въ Университетѣ *Физику*, Ординарный Профессоръ *Кіевской Духовной Академіи Чеховичъ* издалъ свой переводъ *Физики Вебера* и составленную имъ таблицу, показывающую кратко составъ *Математическихкихъ Наукъ*.

Экстраорд. Проф. *Гофманъ* издалъ *Геогностическое описаніе острова Голланда и нѣкоторыхъ областей Южной Фінляндіи на Нѣмецкомъ языкѣ*, подъ заглавіемъ:

Geognostische Beobachtungen auf einer Reise von Dorpat nach Abo.

Адъюнктъ *Корженевскій* издалъ *Речь*, произнесенную имъ при погребеніи бывшаго Ректора сего Университета.

Адъюнктъ *Андржеевскій* занимался описаніемъ животныхъ и растеній, замѣченныхъ или найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Кіева, и намѣренъ издать оное въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Observationes in faunam et floram Kijowiensem.*

Исправл. должность Адъюнкта *Ставровскій* составилъ по собственному плану полныя генеалогическія таблицы Государей Россійской Имперіи, отъ Рюрика до нынѣ царствующаго Государя Императора.

Докторъ *Лидль* приготовлялъ къ изданію въ свѣтъ Учебную книгу по Исторіи Пьемцкой Словесности, и составлялъ Пьемцко-Польскій Лексиконъ.

Въ Казанскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Лобачевскій* помѣщалъ статьи въ Ученыхъ Запискахъ сего Университета.

Орд. Проф. *Симоновъ* занимался астрономическими наблюденіями для опредѣленія Широтъ вновь построенной Обсерваторіи, также магнитными наблюденіями; напечаталъ въ Математическомъ Журналѣ Крелля сочиненіе свое: *Mémoire sur la théorie mathématique du magnétisme terrestre.*

Ордин. Проф. *Кноппъ* помѣстилъ въ Берлинскомъ журналѣ: *Annalen der Physik und Chemie*, выводы своихъ метеорологическихъ наблюденій, которые подъ его руководствомъ и согласно съ его наставленіями дѣлались въ Университетѣ и при Училищахъ въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ въ 1836 году; напечаталъ въ *Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou*: *Замѣчаніе на*

возвышеніе земли въ Казани, определенное Профессоромъ Эрзманоу, и Краткій отчетъ объ ученіи своемъ путешествіи въ концѣ лѣта 1836 года; написалъ первую часть своего сочиненія, которое издастъ подъ заглавіемъ : *Traité élémentaire de la Géographie Physique; I. Introduction, du système du monde en général, de la terre regardée comme corps céleste; II. De la partie solide de la terre en général.*

Орд. Проф. Казембекъ занимался въ С. Петербургѣ собираніемъ матеріаловъ изъ рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Восточномъ Музеѣ Академіи Наукъ и въ Румянцевскомъ, для составленія *Хрестоматіи Турецко-Татарскаго языка*, по плану, одобренному Академією Наукъ въ 1835 году; написалъ *Грамматику Турецко-Татарскаго языка* и перевелъ письмо *Тохтамышъ-Хана къ Ляйлу, Польскому Королю*, съ Ушгурскаго на Татарскій и Русскій языки, съ объясненіями и примѣчаніями.

Экстраорд. Проф. Винтеръ написалъ компендіумъ на Французскомъ языкѣ для своихъ слушателей, принявъ въ основаніе изданное имъ сочиненіе, подъ названіемъ : *Système de la diplomatie, Berlin et Paris 1830*: 1) *Droit des gens modernes de l'Europe en tems de paix et en tems de guerre*; 2) *Des missions diplomatiques, des missions commerciales*; 3) *Diplomatie en tems de paix et en tems de guerre*; 4) *Organisation du département des affaires étrangères et diplomatie technique*; изготавилъ къ печати сочиненіе: *Begründung einer neuen Poetik oder Dichtlehre.*

Орд. Проф. Суровцевъ, по званію Редактора въ Издательномъ Комитетѣ, составлялъ статьи для Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета подъ названіемъ *Смѣси*; написалъ за прошедшій ученый годъ *Отчетъ*, который и провнесъ въ торжественномъ Университетскомъ Собраніи; занимается сочиненіемъ *Историко-географическаго Словаря древнихъ и среднихъ временъ по*

Латинскому алфавиту, и составлялъ записки, по коимъ преподавалъ Россійскую Словесность.

Ордин. Проф. *Ковалевскій* въ Ученыхъ Запискахъ Университета помѣстилъ окончаніе *Буддѣйской Космологии*; напечаталъ вторую часть *Монюльской Хрестоматіи* и сочинилъ Рѣчь *О знакомствѣ Европейцевъ съ Азією* (напечатанную и въ Ж. М. Н. Пр.).

Ордин. Профес. Китайскаго языка, Архимандритъ *Даніилъ* составлялъ *Китайскую Грамматику*; переводилъ на Русскій языкъ: 1) *Китайскій Лексиконъ*, располагая по ключамъ, 2) *Исторію Китая*, написанную *Джанъ-гэ-лао*. Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета помѣстилъ двѣ статьи, подъ заглавіемъ: *Переводъ съ Китайскаго языка изъ книги «Драгоценное зеркало для просвѣщенія ума»*.

Орд. Проф. *Булмыинъ* помѣстилъ въ Журналъ Мин. Нар. Пр. свое Разсужденіе *о дани цѣлями*.

Орд. Проф. *Берви* напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета статью: *Отрывки изъ Записокъ путешественника*.

Орд. Проф. *Эрдманъ* напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета статью: *Sondschreiben an S. Excellenz, den Herrn Curator des Kasanischen Lehrbezirks, über einige Münzen Tamerlan's*.

Экстраорд. Проф. *Дубовицкій* въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета помѣстилъ статьи: 1) *О кровотеченіи вообще, о строеніи кровеносныхъ сосудовъ, о леченіи кровотеченій, и въ особенности о разныхъ способахъ останавливанія и предотвращенія ихъ*; 2) *О камнекрушеніи*.

Экстраорд. Проф. *Поповъ* напечаталъ *Ариметику* на *Монюльскомъ* языкѣ.

Архимандритъ *Гавріилъ* напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета статью: *Понятіе объ Исторіи Философіи*.

Адъюнктъ *Камбекъ* написалъ конспектъ для преподаванія Пандектовъ съ литературными указаніями.

Въ Дерптскомъ Университетѣ.

Орд. Проф. *Бунт* продолжалъ издавать газету подъ названіемъ: *Evangelische Blätter*.

Орд. Проф. *Ульманъ* помѣстилъ въ *Magazin der lët-tisch-litterärischer Gesellschaft* статью на Латинскомъ языкѣ, содержащую въ себѣ популярную Астрономію.

Орд. Проф. *Рейцъ* помѣщалъ статьи въ Нѣмецкой газетѣ «*Das Inland*».

Орд. Проф. *Бунте* началъ изданіе своего сочиненія подъ названіемъ: *Das liv- und estländische Privatrecht wissenschaftlich bearbeitet* (ученое изложеніе Лифляндскаго и Эстляндскаго Частнаго Права), первая книжка коего уже вышла въ свѣтъ; продолжалъ заниматься составленіемъ и изданіемъ Исторіи Провинціального Права; издавалъ газету подъ названіемъ «*Das Inland*», въ коей помѣщалъ и собственныя статьи.

Орд. Проф. *Мадаи* издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Ueber die Moga*; помѣщалъ статьи въ разныхъ Нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ.

Орд. Проф. *Заменъ* занимался составленіемъ проекта новаго подробнаго Устава Клиническихъ Институтовъ въ Дерптѣ.

Орд. Проф. *Вальтеръ* занимался врачебными изслѣдованіями о мѣстныхъ болѣзняхъ.

Орд. Проф. *Гукъ* приготовилъ къ изданію книгу: *Beobachtungen über die Bewegung den Krystallinse* (Наблюденія надъ движеніемъ хрустальной жидкости); описалъ собранныя имъ въ окрестностяхъ Дерпта окаменѣлыя кости разныхъ животныхъ.

Орд. Проф. *Фолькманъ* издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Die Lehre von dem leiblichen Leben des Menschen*, ein

anatomisch-physiologisches Handbuch zum Selbstunterricht für Gebildete (Ученіе о тѣлесной жизни человѣка, анатомическо-физиологическое руководство къ самоученію, для образованнаго класса); занимался анатомическими и физиологическими изслѣдованіями нервной системы.

Орд. Проф. *Нурговъ* приготовлялъ къ изданію два сочиненія: 1) Die chirurgische Anatomie (Хирургическая Анатомія), и 2) Die Annalen der chirurgischen Section des Clinicum's der Kaiserlichen Universität zu Dorpat (Лѣтописи Хирургическаго Отдѣленія Клиники Дерптскаго Университета), и занимался изслѣдованіями перерѣзанія Ахиллесовой жилы.

Орд. Проф. и Акад. *Струве* издалъ свои сочиненія: 1) Ueber Doppelsterne (О двойныхъ звѣздахъ); 2) то же на Французскомъ языкѣ; 3) Stellarum compositarum mensurae micrometricae (Микрометрическія измѣренія сложныхъ звѣздъ); кромѣ того читалъ лекціи Офицерамъ Генеральнаго Штаба и Флотскимъ о примѣненіи Астрономіи къ географическимъ опредѣленіямъ мѣстъ.

Орд. Проф. *Нарротъ*, кромѣ описанія прежнихъ своихъ метеорологическихъ наблюденій, составилъ краткое описаніе своего путешествія къ Нордкапу и помѣстилъ въ изданной Гебелемъ книгѣ: Reise in die Steppen südlichen Russland's, статью, о барометрическихъ измѣреніяхъ.

Орд. Проф. *Эмелгардъ* занимался составленіемъ Исторіи Минералогическаго Кабинета при Дерптскомъ Университетѣ и Географіи Россіи.

Орд. Проф. *Гебель* издалъ Reise in die Steppen des südlichen Russlands (Путешествіе въ степи Южной Россіи) въ двухъ частяхъ, съ атласомъ, содержащимъ въ себѣ восемнадцать литографическихъ видовъ и карту Заволжской степи; занимался химическими изслѣдованіями разныхъ, собранныхъ имъ во время путешествія, мато-

ріаловъ; читалъ публичныя лекціи о примѣненіи Химіи къ Искусствамъ и ремесламъ, и между прочимъ открылъ химическое свойство краснаго пигмента въ сѣмени растенія *reganium harmola*, встрѣчающагося во множествѣ въ Южной Россіи.

Орд. Проф. *Шмалъцъ* помѣстилъ нѣсколько статей въ *Oekonomische Neuigkeiten und Verhandlungen über Pflanzenernährungs- und Thierveredlungskunde*; читалъ лекціи въ Земледѣльческомъ Заведеніи въ Альтъ-Кустовѣ (*Alt-Kusthoff*) и публичныя лекціи Технологіи для промышленниковъ.

Орд. Проф. *Крузе* помѣстилъ въ книгѣ Г. Гебеля о путешествіи въ степи Южной Россіи статью, подъ заглавіемъ: *Analyse der Karte von der Kirgisensteppe, nebst historische Andeutungen über den frühern Zustand dieser Gegenden* (Описаніе карты Кургизской степи, съ историческими замѣчаніями о прежнемъ состояніи сихъ мѣстъ); занимался разсматриваніемъ письменныхъ историческихъ памятниковъ древности, доставленныхъ ему Г. Министромъ Финансовъ, и изслѣдованіями о прежнемъ состояніи Россіи и въ особенности Отдѣискихъ провинцій.

Орд. Проф. *Петте* продолжалъ заниматьсѣ собираніемъ оставшихся отъ Греческихъ Лириковъ сочиненій (*Ueberbleibsel der Griechischen Lyriker*).

Орд. Проф. *Блумъ* занимался собираніемъ матеріаловъ для Статистики Лифляндіи и Исторіи повѣвшихъ временъ.

Орд. Проф. *Бунге* Младшій падалъ переводъ Французской Ботаники Декандоля съ примѣчаніями; помѣстилъ въ книгѣ Г. Гебеля о путешествіи въ степи Южной Россіи нѣсколько статей по части Ботаники; составлялъ и напечаталъ годичный каталогъ сѣмянъ растеній, находящихся въ Ботаническомъ Саду, съ нѣкоторыми при-

мѣчаніями; занимался наблюденіемъ надъ образованіемъ и назначеніемъ растений и надъ тканями ихъ.

Экстраорд. Проф. *Зенфъ* издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Experimentale und theoretische Untersuchungen über die Gesetze der doppelten Strahlenbrechung und der Polarisation des Lichts in den Crystallen des zwei- und dreigliedrigen Systems* (Опытныя и теоретическія изслѣдованія законовъ двойнаго преломленія лучей и поляризаціи свѣта въ кристаллахъ двухъ и трехъ членной системы); занимался наблюденіями надъ преломленіемъ лучей свѣта въ глазахъ животныхъ.

Заслуженный Профессоръ *Мориенштернъ* помѣстилъ: въ *Bulletin scientifique*, издаваемомъ Императорскою Академіею Наукъ, свои статьи: 1) *Quelques remarques littéraires sur les Griffons. Lettre adressée à Mr. G. Fischer de Waldheim, Conseiller d'Etat actuel à Moscou* 2) о изученіи Византійскихъ Историковъ; и 3) статью подъ названіемъ: *Еще нѣсколько замѣчаній о грифонахъ*; занимался составленіемъ критическаго спеціальнаго описанія хранящихся въ Музеумѣ бронзовыхъ монетъ Римскихъ Государей отъ Марка Аврелія до Аркадія, и другихъ предметовъ Музеума Искусствъ.

Испр. должн. Орд. Проф. *Розберъ* издалъ Рѣчь, произнесенную имъ на Французскомъ языкѣ 21 Апрѣля 1837 г. въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы; началъ составлять Исторію Русской Словесности для руководства при своихъ лекціяхъ; продолжалъ переводъ Римской Исторіи Мишеле, и кончилъ переводъ Астова сочиненія: *Grundlinien der Aesthetik*.

Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.

Орд. Проф. *Штекгардъ* издалъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Allgemeine juristische Fundamentallehre, zug-*

leich als erste Lieferung eines Lehrbuchs der juristischen Encyclopädie insbesondere für Russland. St. Petersburg, 1837; перевелъ, по порученію Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, на Нѣмецкій языкъ Отчетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; сочинилъ Пропедевтику Права для Училища Правовѣднія; занимался: 1) продолженіемъ Энциклопедіи Права, и 2) прибавленіями къ Французскому переводу своихъ таблицъ Исторіи Римскаго Права.

Орд. Проф. *Бессеръ* приготовилъ къ изданію въ свѣтъ свои записки о Политической Экономіи.

Орд. Проф. и Акад. *Кунфери* издалъ: 1) *Observations météorologiques et magnétiques exécutées dans l'étendue de l'Empire de Russie* и 2) *Recueil d'observations magnétiques, exécutées à l'Observatoire magnétique de l'Académie de Sciences.*

Орд. Проф. и Акад. *Гессъ* занимался сочиненіемъ руководства къ приобрѣтенію пужныхъ для химическихъ изслѣдованій приборовъ, съ указаніемъ ихъ употребленія; издалъ *Сокращенную Химию* третьимъ тисненіемъ.

Орд. Проф. *Зембинскій* участвовалъ въ редакціи трудовъ С. Петербургскаго Минералогическаго Общества, въ коихъ помѣщены нѣкоторыя статьи его; составилъ для изданія въ свѣтъ монографію подъ заглавіемъ: *Описаніе однопереппыхъ однокамерныхъ раковинъ въ зоологическомъ и геогностическомъ отношеніяхъ*; опредѣлялъ многіе виды ископаемыхъ остатковъ органическихъ тѣлъ, которыхъ образцы были присланы въ 1837 году изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ Музей Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

Экстраорд. Проф. *Постельсъ* занимался изданіемъ въ свѣтъ изображеній и описаній морскихъ растений, собранныхъ имъ въ путешествіе вокругъ Свѣта на шлюбъ *Сенявинъ*; помѣщалъ статьи по Минералогіи въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

Орд. Проф. *Лоренцъ* занимался изслѣдованіемъ городскихъ учреждений въ Западной Европѣ и происхожденія союзовъ между Швейцарскими Кантонами.

Орд. Проф. *Ободовскій* напечаталъ: *Руководство къ Дидактикѣ*, составленное по Нимейеру, въ двухъ изданіяхъ, и *Математическую Географію* вторымъ изданіемъ; приготавливалъ къ изданію *Курсъ Всеобщей Географіи*.

Орд. Проф. *Гриммъ* издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Руководство стопосложенія Латинскаго*.

Орд. Проф. *Жилле* занимался сочиненіемъ Краткой Исторіи Французской Литературы.

Адъюнктъ *Буссе* напечаталъ четвертымъ изданіемъ *Руководство къ Арифметикѣ* и вторымъ *Собраніе Арифметическихъ задачъ*.

Адъюнктъ *Майеръ* переводилъ на Нѣмецкій языкъ Отчеты какъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, такъ и по другимъ Министерствамъ, для помѣщенія въ Нѣмецкихъ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Старшій Учитель *Пчальниковъ* занимался въ качествѣ Помощника издателя *Ординарнаго Календаря*, печатаемаго отъ Императорской Академіи Наукъ, вычисленіями, необходимыми для астрономической части Календаря на 1838 годъ; продолжалъ переводить на Рускій языкъ съ Французскаго *Аналитическую Геометрію Коши* и съ Нѣмецкаго сочиненіе Академика Ленца: *Руководство къ Физикѣ для Гимназій*.

Во Лицѣ Князя Безбородка.

Профессоръ *Купферъ* продолжалъ заниматься сочиненіемъ *Алгебраическаго курса*.

Во Ярославскомъ Демидовскомъ Лицѣ.

Профессоръ *Зиновьевъ* составилъ: 1) *Основанія Русской Стилистики*, 2) *Латинскую Учебную книгу*, 3) нѣс-

колько извлеченій изъ новыхъ иностранныхъ произведе-
ній по части Исторіи и Литературы.

Въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицѣѣ.

Профессоръ *Нордманъ*, предпринимавшій въ 1836 году ученое путешествіе по Восточнымъ берегамъ Чернаго моря и Южной сторонѣ Кавказскихъ горъ, занимался приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ и представилъ въ Императорскую Академію Наукъ: 1) *Отчетъ о собранныхъ имъ во время поѣздки предметахъ Естественной Исторіи*, 2) *Извѣстіе о двухъ новыхъ породахъ птицъ Южной Россіи*, 3) *Entdeckung des Stimmapparats bei Sphinx Atropos*, 4) *Ueber eine neue Fischgattung Thexacanthus* и 5) *Ueber drei neue Krebsarten*.

Профессоръ *Брунъ* помѣстилъ въ Берлинскомъ «Математическомъ Журналѣ» нѣсколько статей по части Геометріи и въ Актахъ Императорской Академіи Наукъ статью подъ заглавіемъ: *Beiträge zur analytischen Geometrie*, и приготовилъ къ изданію: *Собраніе задачъ и предложеній о линіяхъ втораго порядка*.

Испр. долж. Профессора *Букеръ* занимался сочиненіемъ: *De L. Cornelio Sulla, Dictatore*.

Преподаватель Магистръ *Зеленецкій* составлялъ вторую часть *Русско-Латинскаго Лексикона* и сочиненіемъ *Предваренія къ изученію Платона*.

Учитель *Кнорре* написалъ сочиненіе на Латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Римскія древности*, и приступилъ къ сочиненію: *Объ употребленіи нѣкоторыхъ частицъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ*.

Учитель *Мурзакевичъ* описывалъ свое путешествіе въ Крымъ; подалъ *Исторію Генуэзскихъ поселеній въ Крыму*; доставлялъ статьи Императорскому Московскому Обществу Исторіи и древностей Россійскихъ, въ

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія и въ Одесскій Вѣстникъ; для составленія описанія Русскихъ древностей, съ разрѣшенія Высшаго Начальства, объѣзжалъ древніе Русскіе города.

Учитель *Эртель* сочинялъ книги подъ заглавіемъ: *Lis'chen, oder die gute Tochter, Schauspiel für Kinder.*

Въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ.

Учитель *Иванскій* издалъ десятымъ тисненіемъ *Краткую Географію для дѣтей, по руководству Гейма.*

Въ Гимназіяхъ.

Въ 1-й С Петербургской: Младшій Учитель *Бардовскій* издалъ Всесообщую Географію для начальнаго обученія, составленную имъ по Готье, Бальби и Мальтъ-Брѣну.

Во 2-й С. Петербургской: Старшій Учитель *Блюстинъ* занимался составленіемъ пространной Латинской Христоматіи, изъ прозаиковъ и поэтовъ, для среднихъ и высшихъ классовъ Гимназій. Младшій Учитель *Воликинъ* составилъ *Общій очеркъ Европейскихъ Государствъ и Азіатской Россіи.*

Въ Ларинской: Старшіе Учителя: *Дашковскій* составлялъ записки по Русскому Праву; *Бессеръ* — книгу для обученія Греческому языку.

Въ Вологодской: Инспекторъ *Фортуатовъ* продолжалъ составленіе *Историческаго и Статистическаго описанія Вологодской Губерніи*; Старшій Учитель *Иваницкій* занимался составленіемъ Практическихъ задачъ для Арифметики и Алгебры.

Въ Олонекской: Старшій Учитель *Мудровъ* переводъ на Русскій языкъ, изъ *Encyclopédie portative*, отдѣльную часть — *Метеорологію.*

Во Архангельской: Инспекторъ *Пикольскій* составилъ Алгебру соотвѣственно употребляемой въ Гимназіи; Старшій Учитель *Богуславъ* написалъ: *Plantarum phaenogamarum sponte crescentium in Rossiae guberniis inter occasum solis septemque triones spectantibus Enchiridion ad excursiones botanicas concinnatum.*

Во Владимирской: Старшіе Учители *Небаба* и *Богуславскій* занимались составленіемъ статистическихъ записокъ о городѣ Владимирѣ.

Во Орловской: Учитель *Азбукинъ* продолжалъ заниматься Статистикою Орловской Губерніи, и имѣлъ счастье представить Государю Наслѣднику, въ пробадѣ Его Императорскаго Высочества чрезъ Орелъ, статистическое описаніе сей Губерніи.

Во Воронежской: Учитель *Савостьяновъ* занимался статистическимъ описаніемъ города Воронежа.

Къ Клеванской: Директоръ *Кулѣжинскій* издалъ Рѣчи, произнесенныя имъ въ разныя времена въ теченіе его учебной службы.

Во Черниговской: Учитель *Гаррасъ* занимался составленіемъ учебной книги для Нѣмецкаго языка.

Во 1-й Виленской: Старшій Учитель *Михайловскій* занимался редакціею Русскаго текста издаваемой въ Вильнѣ газеты «Литовскій Вѣстникъ» и переводомъ Герберштейна съ критическими и историческими замѣчаніями.

Во Кромжской: Ксепдзъ *Волончевскій* продолжалъ заниматься составленіемъ историческо-статистическаго описанія Самогтіи.

Во Гродненской: Директоръ *Ястребцовъ* написалъ разсужденіе о необходимости Вѣры, помѣщенное въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду.

Во Бѣлостокской: Старшіе Учителя: *Мухинъ* занимался сочиненіемъ книги: *Элементы философической Грамматики*; *Эдановскій* издалъ *Таблицу правильныхъ Латинскихъ спряженій.*

Въ Витебской: Исправляющій должность Инспектора Баронъ Эльскертъ занимался сочиненіемъ книги, подъ заглавіемъ: *Энциклопедическое раздѣленіе Наукъ.*

Въ Митавской: Старшій Учитель Брауншвейгъ приготовлялъ ко второму изданію дѣявшагося въ 1832 году сочиненія его подъ названіемъ: *Umriss einer allgemeinen Geschichte der Völker*, и обработываніемъ учебной книги Всеобщей Исторіи для Высшихъ Учебныхъ Заведеній. Старшій Учитель Траутфеттеръ сочинялъ: *System der humanistischen Philosophie*; напечаталъ два свои стихотворенія на особенные случаи и поздравленіе Геттингенскому Университету на Латинскомъ языкѣ. Старшій Учитель Бодѣ составлялъ *Руководство къ выдѣлкѣ торфа въ Россіи*: свидѣнія по части лѣсоводства, собранныя имъ во время лѣтнихъ поѣздокъ 1837 года, напечатаны были въ Лѣсномъ Журналѣ. Старшій Учитель Курцъ обработывалъ учебную книгу Закона Божія. Старшій Учитель Паукеръ напечаталъ: 1) Геометрическій Анализъ, содержащій въ себѣ Apollinaris von Perga Sectio rationis spatii und determinata. Leipzig, 1837, in-8 XII и 164 съ рисунками; 2) Die Osterrechnung oder Vorschlag zur Einführung eines neuen kirchlichen Kalenders, 1837, X и 96 стр. in-4, съ 25 таблицами; 3) Praktisches Rechenbuch für inländische Verhältnisse. Drittes Heft. Administrative und ökonomische Rechnungen. Mitau, 1837, 122 in-8; занимался приготовленіемъ къ печати слѣдующихъ сочиненій: 1) Eine Sammlung von Rechnungs-Beispielen für seine Arithmetik zum Gebrauche in Schulen, и 2) Eine Anleitung zu geometrischen und stereometrischen Berechnungen für Praktiker. Старшій Учитель Энгельманъ собиралъ матеріалы къ сочиненію подъ заглавіемъ: *Die Geschichte als Wissenschaft in ihrem Verhältnisse zur Philosophie, Staaten-, Völker- und Naturkunde.* Учитель Линдеманъ дѣлалъ наблюденія надъ Курляндскою флорою. Учитель Шлегель собиралъ мате-

ріазы для руководствакъ переводамъ съ Нѣмецкаго языка на Греческій, для высшихъ классовъ Гимназіи.

Въ Рижской: Директоръ *Паньскій*, по званію Директора Латышскаго Литературнаго Общества, приготовлялъ къ изданію вторую половину третьяго отдѣленія пятой части «Магавина» сего Общества. Старшій Учитель *Граве* издалъ: 1) Neunzehnte Jahres-Rechenschaft des Frauenvereins zu Riga; 2) Rede bei der Bestattung der Frau Staatsrätthin Julie von Toll; 3) Der Bericht in der Jahres-Feier der Rigaschen Section der evangelischen Bibelgesellschaft. Учитель *Курценбаумъ* написалъ программу: Kurze Darstellung der Regierung des Ordensmeisters Walter von Plattenberg, zweiter Abschnitt, 12 S. in-4, als Einladungsschrift zur öffentlichen Prüfung und feierlichen Entlassung im Rigaschen Gymnasium.

Въ Дерптской. Старшій Учитель *Цедерпенъ* написалъ программу: De locis nonnullis, qui leguntur in Sexti Empirici libro adversus grammaticos, als Einladung zum öffentlichen Examen im Gymnasio und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat im December 1837. Dorpat, 1837.

Въ Ревельской: Старшій Учитель *Винеръ* написалъ программу: Einige Bemerkungen über die Frage: Aus welchen Gesichtspuncten der Geschichte lässt sich ein Fortschreiten der Menschheit zur Vervollkommenung annehmen? als Einladung zur öffentlichen Prüfung im Revalischen Gymnasium.

Въ Иркутской: Директоръ *Шукинъ*, какъ Дѣйствительный Членъ Московскаго Общества Испытателей Природы и Любителей Россійскаго Садоводства, доставилъ первому — коллекцію прозябаемыхъ ликорастущихъ, которыя собраны имъ по тракту отъ Иркутска до Нижнеудинска; въ Университеты: Казанскій и Св. Владиміра послалъ сѣмена растений Иркутской Губерніи, и въ Императорскую Академію Наукъ — нѣсколько коллекцій

набѣкомыхъ и свѣдѣнія о физическихъ явленіяхъ, напечатанныя въ Академическихкихъ Вѣдомостяхъ и другихъ газетахъ; по званію Члена-Корреспондента Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ составилъ статистическія записки о Иркутской Губерніи; по званію Члена Иркутскаго Статистическаго Комитета составилъ описаніе Иркутскаго Округа; составилъ и издалъ каталогъ примѣчательныхъ естественныхъ и обработанныхъ произведеній Иркутской Губерніи, Якутской Области и Приморскихъ Управленій. Старшій Учитель *Сыдаковъ* составилъ, по порученію Иркутскаго Статистическаго Комитета, описаніе Верхнеудинскаго Округа. Старшій Учитель *Журавлевъ* занимался составленіемъ Латинской Грамматики сообразно начальнымъ основаніямъ Латинскаго языка Бѣлюстина, въ которой склоненія и спряженія будутъ представлены въ краткихъ и ясныхъ формахъ, по Гакке, съ прибавленіемъ краткой и легкой Хрестоматіи со Словаремъ.

Въ Уездныхъ Училищахъ.

Въ Шуйскомъ: Учитель *Крыловъ* занимался составленіемъ статистическихкихъ записокъ о городѣ Шуѣ.

Въ Нерехотскомъ: Священникъ *Діевъ* занимался слѣдующими сочиненіями: 1) *Исторією Владыкъ Новгородскихъ*, 2) составленіемъ *Историческаго словаря Святыхъ Россійской Имперіи*, 3) составленіемъ *Историческаго Словаря старинныхъ чиновниковъ въ Россіи*, 4) *О Пользѣ или судебныхъ поединкахъ въ Россіи*, 5) по порученію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, переводилъ съ Французскаго на Русскій языкъ *Путешествія Брюнна по Россіи*. Учитель *Знаменскій* составилъ статистическое описаніе города Нерехты.

Въ Кипешамскомъ: Протоіерей *Виноградовъ* составлялъ статистическое описаніе города Кипешмы.

Въ Валуйскомъ: Учитель *Сассъ-Тиссовскій* занимался статистическимъ описаніемъ города Валукъ.

Въ Задонскомъ: Учитель *Силичъ* составлялъ статистическое описаніе города Задонска.

Въ Острогожскомъ: Учитель *Васюковъ* занимался статистическимъ описаніемъ гор. Острогожска.

Въ Бирючинскомъ: Учитель *Алпатовъ* занимался такимъ же описаніемъ города Бирюча.

Въ Перекопскомъ: Штатный Смотритель *Шевелевъ* составлялъ, по порученію Губернскаго Статистическаго Комитета, статистическое описаніе города Перекопа и предмѣстія оного, называемаго Армянскимъ Базаромъ.

Въ Феллинскомъ: Смотритель *Кризе* написалъ программы: Einige Blicke in die Geschichte der Vorzeit Fellins. Erster Blick auf die schöne Natur Fellins und auf der alten Eshten Provinzen und Gebiete, Religion und Aberglauben, als Einladung zum öffentlichen Examen in der Fellinschen Kreisschule am 20 December 1837.

Въ Ревельскомъ: Смотритель и Учитель *Зибертъ* написалъ программу: Ueber den Vortrag der Geschichte in Kreisschulen. Reval, 1837; als Einladung zum öffentlichen Examen in der Revalschen Kreisschule.

Въ Гансальскомъ: Смотритель и Учитель *Нейсъ* написалъ программу: Nachrichten von den öffentlichen Schulen zu Hapsal, als Einladung zu öffentlichen Prüfungen in den Schulen zu Hapsal.

Въ Вейсенштейнскомъ: Смотритель и Учитель *Теллеръ* говорилъ при публичномъ испытаніи въ семъ Училищѣ Рѣчь, которая напечатана подъ заглавіемъ: Worte, gesprochen am Tage der Schulprüfung in der Kreisschule zu Weissenstein am 28 Juny 1837. Dorpat, 1837.

Въ Нерчинскихъ: Штатный Смотритель Паршинъ исправилъ составленную имъ книгу: *Пользка по Забайкальскому краю.*

Въ Якутскихъ: Штатный Смотритель Давыдовъ занимался составленіемъ статистической записки о Якутской Области.

Въ Горійскомъ: Испр. должн. Штатнаго Смотрителя Мизондаровъ составилъ Татарскую Хрестоматію съ Словаремъ, которая введена для употребленія въ Закавказскихъ Училищахъ.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДѢЙСТВІЙ

ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА,

ЧИТАННОЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОВРАЩЕНІИ ПО СЛУЧАЮ ВТОРАГО ВЫПУСКА 1838 ГОДА, 30 ДЕКАБРЯ, УЧЕНЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ОВОДОВСКИМЪ.

Мм. Гг.

Главный Педагогическій Институтъ празднуетъ сего дня совершеніе втораго своего курса. При этомъ его торжество прилично представить обзоръ сего дѣйствій; но прежде надлежитъ бросить взглядъ на отношенія сего Государственнаго Учебнаго Учрежденія къ потребностямъ народнаго образованія, дабы возможно было судить, въ полной ли мѣрѣ оно достигаетъ своей цѣли.

Народъ, лишь только пробужденный къ политической жизни, двигается медленно въ своемъ образованіи. Физическая сила преобладаетъ въ немъ, какъ въ дитяти, надъ нравственною. Величайшія усилія просвѣтить массу свѣтомъ познанія кажутся сперва ничтожными; и подобно какъ солнечные лучи на малое пространство проникаютъ бездны морскія, такъ свѣтъ Наукъ дѣлается сперва достояніемъ только нѣкоторыхъ сословій. Но если масса народа единожды пробудится къ умственной дѣятельности, то народное образованіе идетъ уже само собою безостановочно и быстро, подобно какъ огонь, сперва едва при-

пймающійся и съ успіемъ раздуваемый, вспыхиваетъ и превращается въ неугасимое пламя. Такъ, Мм. Гг., мы живемъ въ это счастливое время, когда Наука начинаетъ проникать едва ли не въ всѣ наши Государственныя состоянія. Быстрые успѣхи народнаго образованія въ нашемъ Отеествѣ начинаютъ уже удивлять Западную Европу, какъ доселѣ изумляли ее успѣхи Русскаго оружія.

Великій народъ Русскій сталъ на почетное свое мѣсто только чрезъ непоколебимую вѣрность Церкви и Престолу. Его воспитывали суровая Природа, жестокія судьбы, Религія утѣшительница, Законодательство всегда благонамѣренное: сперва тяжкія несчастія, а потомъ благополучіе неизмѣнное. Когда солнце Единодержанія согрѣло Русскую землю, исцѣлились раны политическаго ея состава, утвердилось безопасность и внутренняя и вѣшняя, пробудилась промышленность народная: тогда просвѣщенное Правительство хотѣло даровать Русскому народу образованіе чрезъ Училища; но это образованіе не возникало еще изъ народныхъ нуждъ, а потому принималось, какъ нѣчто прививное; Училища отставали отъ общегитія и были малочисленны и почти пусты. Нынѣ настало другое время: всѣ состоянія видятъ необходимость познаній, всѣ увлечены общимъ воодушевленіемъ; Училища умножаются, наполняются, приспособляются къ общегитію; отъ нихъ требуются познанія общепользныя; они стремятся опередить общегитіе, хотятъ имѣть на него вліяніе; изыскиваются уже системы и методы. Вотъ вѣрные признаки, что у насъ возникаетъ нынѣ образованность народная, самобытная, неподдѣльная!

Изъ поверхностнаго взгляда на настоящія явленія народной умственной жизни изволите усмотрѣть, Мм. Гг., что Главный Педагогическій Институтъ между всѣми Отечественными Учебными Заведеніями имѣетъ преимущественное назначеніе удовлетворять существеннымъ требованіямъ распространяющагося у насъ просвѣщенія:

ибо ни одно Учебное Заведеніе не имѣетъ, въ такомъ объемѣ, равной съ нимъ цѣли— готовить Наставниковъ чрезъ практическое упражненіе въ преподаваніи. Даже и тѣ молодые люди, которые, не окончивъ курса, поступаютъ въ Уѣздныя и Приходскія Училища, приносятъ туда хотя недозрѣлыя, но при всемъ томъ лучшія методы, составляющія отличительную черту сего учрежденія. Мудрое Правительство, внимательное и къ малѣйшимъ движеніямъ народной жизни, предназначило нынѣ расширить кругъ дѣятельности Главнаго Педагогическаго Института чрезъ учрежденіе при немъ Института втораго разряда, въ которомъ будутъ приготовляться Учители для Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ. Сей новый знакъ Монаршей довѣренности вмѣняетъ себя Главный Педагогическій Институтъ въ лестную награду усердныхъ трудовъ своихъ на пользу Государственную, и вмѣстѣ пріемлетъ какъ драгоценный залогъ будущаго процвѣтанія.

Благодареніе Всевышнему! Главный Педагогическій Институтъ успѣшно совершилъ второй свой курсъ и нынѣ не безъ умиленія можетъ обратить взоръ на истекшее трехлѣтіе. Оно ознаменовано постояннымъ единопутіемъ и благороднымъ соревнованіемъ въ трудахъ между всеми преподающими и воспитывающими лицами.

Главный Педагогическій Институтъ почти во все это время имѣлъ счастье состоять подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Господина Министра Народнаго Просвѣщенія: ибо, управляя временно опытъ, бывший въ должности Товарища Министра Графъ Протасовъ уволенъ былъ отъ ближайшаго наблюденія за Институтомъ еще въ началѣ 1836 года, когда Высочайшимъ Повелѣніемъ на него возложена была должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Главный Педагогическій Институтъ напоминаетъ съ признательностію, сколь жи-

вое и дѣятельное участіе принималъ Его Сіятельство въ успѣхахъ перваго курса.

Въ продолженіе 2-го курса главныя дѣйствующія въ Институтѣ лица по части воспитанія и преподаванія были тѣ же. Только не болѣе какъ за полтора мѣсяца, Инспекторъ Института Падворный Совѣтникъ Буссе оставилъ Заведеніе по случаю опредѣленія Директоромъ въ Третью С. Петербургскую Гимназію. Институтъ потерялъ въ немъ отличнаго дѣлателя, особливо по младшему отдѣленію, гдѣ подъ его руководствомъ преподавалось нѣсколько предметовъ Студентами окончательнаго курса.

Нѣсколькими мѣсяцами прежде Институтъ лишился по мѣстѣ ревностнаго и опытнаго Преподавателя Адъюнкта по Латинской Словесности Гачнера, который опредѣленъ также Директоромъ Дерптской Гимназіи.

Неудобства, понесенныя Институтомъ отъ помѣщенія въ наемныхъ домахъ, прекратились, когда онъ переведенъ былъ нынѣшнею весною въ зданіе 12-ти Коллегій. Съ какими восторженіемъ онъ ждалъ этого водворенія подъ кровъ, созданную рукою Петра Великаго, въ эту колыбель Русской Педагогіи, гдѣ за 32 года учреждено было и процвѣтало подобное по цѣли Заведенію, ему сомненное!

1838 годъ останется также незабвеннымъ для Института учрежденіемъ кафедры Россійской Исторіи. Счастливая мысль Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, прекрасный выводъ изъ троіственнаго начала Русской Педагогіки, радостное событіе для Русскаго сердца, мѣра благодѣтельная для историческихъ изысканій, особливо теперь, когда открылось для нихъ обширнѣйшее поприще въ Исторіи Западной Руси, отчужденной отъ Россіи многовѣковымъ соперничествомъ и неволею!

Памятны будутъ для Главнаго Педагогическаго Института многократныя посѣщенія Господина Мини-

стра, который, какъ бы слѣдя успѣхи курсовъ, присутствовалъ на лекціяхъ и самъ предлагалъ вопросы Студентамъ, возбуждая тѣмъ ихъ соревнованіе. Во время же его отсутствія изъ столицы, когда иные края Имперіи требовали по учебной части его одушевленнаго присутствія, Институтъ, въ замѣну, съ прежнимъ участіемъ посѣщаемъ былъ Графомъ Пратасовымъ, управлявшимъ на то время Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Сверхъ того посѣщали Институтъ Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Генералъ-Адъютантъ Графъ Строгановъ въ 1837 году, и другія лица изъ разныхъ Учебныхъ Округовъ въ разные времена, для узнанія хода преподаванія въ Младшемъ Отдѣленіи. Особенное движеніе произвела въ Институтъ метода преподаванія Хронологіи Г. Язынскаго. Изобрѣтатель, сообщивъ въ короткое время свой способъ 6-ти Студентамъ и обучивъ 12 Воспитанниковъ Хронологіи Россійской и Древней Исторіи, производилъ въ Августѣ 1836 года испытаніе въ присутствіи Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, Ректора Университета и Директоровъ здѣшнихъ Гимназій; и потомъ во второй разъ въ присутствіи Воспитателя Государя Наслѣдника, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Жуковскаго, Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія Князя Ширинскаго-Шихматова и др. Гг. Посѣтители сами предлагали учащимся вопросы, на которые сіи отвѣчали скоро, вѣрно и отчетливо. Опыты, произведенные въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ надъ методомъ Язынскаго, убѣдительношимъ образомъ доказали ея пользу и способствовали къ припятию ея Учебными Заведеніями. Нѣкоторые изъ Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института ходили во Вторую С. Петербургскую Гимназію для введенія тамъ сей методы при обученіи Всеобщей и Россійской Исторій.

При обзорѣннѣ важнѣйшихъ событій въ продолженіе втораго трехлѣтняго курса въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, не лзя не упомянуть о частныхъ испытаніяхъ, которыя ежегодно производимы были со всею строгостію съ половины Сентября мѣсяца до окончанія года. Каждый изъ учащихся испытывался былъ отдѣльно въ каждомъ предметѣ: сперва разрѣшалъ вопросы, предложенные изъ многихъ закрытыхъ, а потомъ еще нѣсколько словесныхъ изъ разныхъ частей Науки. Сіа испытанія имѣли всегда благотѣльные послѣдствія: учащіеся должны были приготовляться на цѣльнй предметъ и приготовляться основательно, дабы заслужить одобрительныя отмѣтки.

Въ окончательномъ курсѣ нѣмѣ произведенъ былъ публичный экзаменъ, въ продолженіе 13 дней. Въ день испытанія въ Богословіи, Институтѣ былъ осчастливленъ присутствіемъ двухъ Митрополитовъ, Кіевскаго и Московскаго. Ихъ Высокопреосвященства оставались на испытаніи нѣсколько часовъ и сами предлагали вопросы; оставляя же Заведеніе, изъявили Архипастырскую свою признательность и благодарность Экстраординарному Профессору Бажанову, за основательность его преподаванія, а Студентамъ за отличные ихъ успѣхи.

Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія присутствовалъ на экзаменѣ изъ Исторіи, самъ испытывалъ Студентовъ въ историческихъ подробностяхъ и, по оконченіи испытанія, также изъявилъ совершенное свое удовольствіе.

Въ продолженіе втораго курса, какъ въ послѣдніе три года перваго, Главный Педагогическій Институтъ содержалъ въ себѣ три Отдѣленія: *Младшее*, которое составляетъ приготовительное для Института Заведеніе; *Среднее*, гдѣ преподается предварительный къ слушанію высшихъ Наукъ курсъ, согласно §§ 8 и 10 1-й главы

Устава; *Высшее*, гдѣ Студенты слушаютъ окончательный курсъ, сходно съ § 26 того же Устава.

Первое Отдѣленіе содержалось, какъ прежде, на эконопическія суммы Заведенія; послѣднія два—на суммы, Штатомъ положенныя.

Въ Младшемъ Отдѣленіи, кромѣ Запоучителя и Утителя Рисованія, особыхъ Преподавателей не положено. Всѣ предметы преподавались въ немъ по очередно Студентами, подъ руководствомъ Гг. Директора и Инспектора. Такимъ образомъ, окончившіе нынѣ курсъ уже три года занимались практикою преподаванія прежде вступленія своего въ дѣйствительную службу.

Въ Среднемъ и Высшемъ Отдѣленіи, или въ предварительномъ и окончательномъ курсахъ, преподавались предметы, опредѣленные Уставомъ. Только одна Мнѳологія не читалась какъ отдѣльная Наука, по объясняема была при чтеніи древнихъ Классиковъ. Преподаваніе Польскаго языка, по мнѳованіи надобности, прекратилось по Высочайшему Повелѣнію съ окончаніемъ 1-го курса. Высшее отдѣленіе раздѣлялось на три Факультета: 1) Наукъ Философскихъ и Юридическихъ, 2) Наукъ Математическихъ и Физическихъ, и 3) Наукъ Историческихъ и Словесныхъ.

Въ Среднемъ и Высшемъ Отдѣленіяхъ преподавали 14 Ординарныхъ Профессоровъ, 4 Экстраординарныхъ, 5 Адъюнктовъ и 7 Учителей. Въ составѣ Факультетовъ не послѣдовало перемѣны, кромѣ учрежденія общей для всѣхъ Факультетовъ кафедры Россійской Исторіи, о чемъ уже было упомянуто.

Первый курсъ Главнаго Педагогическаго Института, оконченный въ 1835 году, доставлялъ Учебнымъ Заведеніямъ 92 Наставника, изъ которыхъ 11 тогда же были отправлены въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія и нынѣ благополучно возвратились въ Отечество. Обогащенные познаніями, которыя они доказали диссер-

таціями своими, написанными на заданныя темы въ самый короткій срокъ и читанными публично, одушевленные надеждами, спѣшатъ они каждый на предназначенное поприще. О другихъ, вступившихъ въ службу непосредственно по выпускѣ, получаютъ благопріятные отзывы; нѣкоторые изъ нихъ уже въ короткое время своего служенія удостоились знаковъ Монаршей милости.

Окончаніе перваго курса ознаменовано было Высочайшими наградами всѣмъ Преподавателямъ Главнаго Педагогическаго Института. Сей курсъ, продолжавшійся 6 лѣтъ, положилъ основаніе, такъ сказать, удвоенной дѣятельности Института, ибо послѣ него выпуски слѣдуютъ чрезъ каждые 3 года.

При началѣ втораго курса въ Младшее Отдѣленіе принято было 50 Воспитанниковъ, которые избраны были изъ числа болѣе 150 юношей, представленныхъ родителями. Въ Среднемъ Отдѣленіи было тогда 57, а въ трехъ Факультетахъ окончательнаго 46 Студентовъ и Воспитанниковъ. Число учащихся во всѣхъ Отдѣленіяхъ, служащее пынѣшнему его составу, не оставалось въ первоначальномъ своемъ видѣ. Главная перемѣна произошла отъ требованій Училищъ. До окончанія курса въ разные времена, по предписаніямъ Господина Министра, выпущены были изъ окончательнаго курса 14 и изъ средняго 17 Воспитанниковъ и Студентовъ, которые всѣ поступили большею частію въ Кіевскій, Санктпетербургскій и Казанскій Округи.

Нѣсколько юношей, подававшихъ пріятнѣйшія надежды Институту, какъ по умственнымъ способностямъ такъ и нравственнымъ качествамъ, похищено смертію. Имена ихъ: Смирновъ 4-й, Паажъ, Юнгъ и Датто.

Въ замѣлу выбывшихъ поступили съ начала 1837 года 14 Воспитанниковъ изъ Семинарій въ Среднее, и 17 изъ дѣтей разпочищевъ въ Младшее Отдѣленіе.

Нынѣ къ 1839 году состоитъ въ Институтѣ: въ Младшемъ Отдѣленіи 51, въ Среднемъ 53 Воспитанника

и въ Высшемъ 31 Студентъ, кончившіе курсъ. Въ Среднемъ Отдѣленіи, по особому распоряженію Господина Министра, всегда содержатся для изученія Русскаго языка нѣсколько Воспитанниковъ пзъ кончившихъ курсъ въ Дерптской Учительской Семинаріи. Они опредѣляются Учителями Русскаго языка въ Остзейскія Губерніи, какъ скоро оказываются надлежащимъ образомъ къ тому приготовленными, и замѣняются новыми.

Настоящій выпускъ состоитъ пзъ 31 Студента. Прибавивъ къ сему число выпущенныхъ съ начала учрежденія Института, найдемъ, что Главный Педагогическій Институтъ образовалъ въ два курса 154 Наставника.

Умственные успѣхи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ не мало зависѣли отъ обильныхъ средствъ, которыми надѣлено Заведеніе. Библіотека увеличилась нынѣ до 10,500 томовъ. Физическій Кабинетъ, Минеральное Собраніе, Гербарій, множались соотвѣтственно потребностямъ курсовъ и частными приношеніями. Зоологическому Кабинету положено основаніе еще въ первомъ курсѣ нѣсколькими сотнями естественныхъ тѣлъ. При Институтѣ хранятся также нѣсколько древнихъ монетъ и имѣется Собраніе Геометрическихъ моделей и веществъ, употребляемыхъ въ общежитіи, на заводахъ и мануфактурахъ.

Изъ соображеній сказаннаго мною о цѣли, составѣ и дѣйствіяхъ Главнаго Педагогическаго Института, равно о распоряженіяхъ Начальства, изволите усмотрѣть, Мн. Гг., въ полной ли мѣрѣ сіе Учрежденіе выполняетъ свое назначеніе. За три года предъ симъ, я имѣлъ честь излагать о началахъ, на которыхъ основано въ немъ умственное и нравственное воспитаніе. Основныя правила, единожды принятыя, доселѣ не измѣнялись; стремленіе исполнителей, единожды возбужденное важностію цѣли, не ослабло; усердіе и любовь къ дѣлу не оскудѣли; теплое чувство благодарности къ Августѣйшему Поощрителю

всего полезнаго не охладѣло: и какъ могло быть иначе, когда мудрый Уставъ Главнаго Педагогическаго Института исполнялся въ точности; когда сей разсадникъ Наставниковъ былъ предметомъ постоянного вниманія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія; когда благость отъ Престола обильно на него наливалась, оживляла и воодушевляла дѣлателей.

Безпредѣльнымъ чувства благодарности не выразимы. Они сливаются въ одной теплой молитвѣ: «да сохранить Господь Державнаго Свѣтоносца Россіи!»

ДОНЕСЕНІЕ

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Коммиссія, учрежденной для производства опытовъ относительно приспособленія электромагнитной силы къ движенію машинъ, по способу Профессора Якови.

Коммиссія, учрежденная по Высочайшему Повелѣнію для устройства судна, приводимаго въ движеніе электромагнитною силою, разрѣшила нѣкоторымъ образомъ свою задачу тѣмъ, что 15 Сентября произведенъ былъ на Невѣ первый опытъ подобнаго плаванія,—опытъ, въ послѣдствіи неоднократно повторенный. Необходимо было сдѣлать этотъ опытъ еще въ настоящемъ году, для того, чтобы узнать, какія особенныя потребности и условія пужно будетъ принять въ расчетъ при употребленіи силы на практикѣ; а потому время не позволяло устроить для этихъ опытовъ особое судно, и должно было довольствоваться обыкновеннымъ осьмивесельнымъ катеромъ, предоставленнымъ въ распоряженіе Коммиссіи отъ Морскаго Вѣдомства, по ходатайству Члена Коммиссіи Впце-Адмирала Крузенштерна. Катеръ этотъ, въ 25 футовъ длины и 7½ ширины, былъ снабженъ гребными колесами по образцу тѣхъ, какія употребляются на пароходахъ, и на немъ устроена двигательная машина съ гальваническимъ приборомъ. Хотя такое устройство неизбежно соединено было со многими неудобствами, съ которыми и невозможно было иначе ознакомиться, какъ на самомъ суднѣ; но за всѣмъ тѣмъ опыты оказались на первый разъ удовлетворительными. Въ противность первоначальному плану, по которому предполагено было

производить опыты на тихой водѣ, удалось совершить плаваніе на самой Невѣ и даже противъ теченія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно не слишкомъ быстро, не смотря на то что не возможно было распредѣлить на суднѣ тяжесть равномерно, а напротивъ должно было ограничиться почти одною только передовою частію судна, которая въ сравненіи съ ея величиною погружалась въ воду несравнительно глубоко, а именно на $2\frac{1}{4}$ фута. Самая машина занимаетъ на катерѣ только пространство $1\frac{1}{4}$ фута въ ширину и $2\frac{1}{4}$ въ длину. Батареи, состоявшія изъ 320 паръ пластинокъ, могли быть удобно устроены вдоль боковыхъ стѣнъ, такъ что часто на суднѣ безъ стѣсненія помѣщалось до 12 человекъ. Машина была рассчитана на 400 и до 500 паръ пластинокъ; за всѣмъ тѣмъ она только одинъ разъ, и то на короткое время, дѣйствовала съ 320 парами, потому что непредвидѣнныя ошибки, которыя не скоро можно было исправить, препятствовали употребленію полной силы. Точное опредѣленіе силы было весьма трудно потому, что не возможно было устранить дѣйствія теченія и вѣтра. По измѣреніямъ Г. Якоби, вмѣстѣ съ Гг. Подполковникомъ Бурачкомъ и Лейтенантомъ Зеленымъ, скорость судна, при одномъ опытѣ въ тихой водѣ, была болѣе 3 футовъ въ секунду; но изъ всѣхъ опытовъ вмѣстѣ слѣдуетъ, что за среднюю скорость ее можно принять не многимъ болѣе 2 футовъ въ секунду (почти $1\frac{1}{4}$ узла). Та же скорость оказалась и изъ одного опыта, при которомъ лодка прошла 7 верстъ сряду по Невѣ и по каналамъ, и совершила сей путь въ теченіе 3 часовъ.

Не входя въ вычисленіе силы двигательной машины по этимъ опытамъ, Комиссія предпочитаетъ руководствоваться для опредѣленія сей силы однимъ лишь опытомъ, которые Г. Якоби сдѣлалъ вмѣстѣ съ Г. Академикомъ Лепцомъ надъ тою же двигательною машиною, но послѣ снятія съ катера, потому что сіи послѣдніе опыты опредѣляютъ оную силу непосредственно и зависимо отъ гораздо слож-

иѣншаго явленія движенія плавающего тѣла въ противо-
дѣствующей срединѣ. Впрочемъ нужно при семъ замѣ-
тить, что вычисленіе силы изъ скорости судна даетъ
результаты несравненно выгоднѣшій, нежели непосред-
ственныя опредѣленія ся, и что, слѣдовательно, Коммиссія
въ семъ случаѣ даетъ предпочтеніе менѣе выгодному, но
вѣрнѣйшему способу опредѣленія сей силы. При этихъ
опытахъ Гг. Якоби и Лещъ употребляли частію при-
боръ, извѣстный подъ именемъ *frein dynamométrique*,
частію же опредѣляли непосредственно высоту, на кото-
рую поднималась извѣстная тяжесть въ извѣстное время.
Изъ этихъ опытовъ оказалось, что силу машины, при
употребленіи 400 паръ пластинокъ, можно оцѣнить толь-
ко въ 6000 фунтовъ, поднимаемыхъ въ теченіе 1 минуты
на 1 футъ.

Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ принять въ расчетъ еще
разные недостатки и неудобства машины, состоящіе пре-
имущественно въ томъ, что конструкція коммутатора и
изолированіе проволокъ не соотвѣтствуетъ сильному гал-
ваническому току нѣсколькихъ сотъ паръ пластинокъ—не-
достатки, которые однако могутъ быть устранены: первый
возвращеніемъ къ прежде употребленной Г. Якоби кон-
струкціи, а второй, обвитіемъ проволоки вмѣсто шелка,
хлопчатой бумагою и покрытіемъ ее эластическимъ лакомъ.

Что касается до батарей, то онѣ, относительно силы
и постоянства дѣйствія, оправдали всѣ ожиданія, про-
бывъ по цѣлымъ днямъ въ непрерывномъ равномерномъ
дѣйствованіи. Неудобства, причиняемыя качкою судна,
можно будетъ отвратить. Но въ этомъ отношеніи оста-
ется слѣмать еще всего болѣе. Построеніе, манипуляція и
упрощеніе батарей составляютъ самую существенную
часть въ приложеніи на практикѣ электромагнитной дви-
гательной силы. Постоянное дѣйствіе употребляемыхъ
Коммиссіею столбовъ основывается на томъ, что въ каж-
домъ элементѣ между цинковою и мѣдною пластинками
находится не одна жидкость, какъ это обыкновенно

40 ОТД. III.—ОТЧЕТЪ О ПРИЛ. ЭЛЕКТ.-МАГНИТНОЙ

бываетъ, но двѣ жидкости, отдѣленные одна отъ другой тѣломъ, пропускающимъ ихъ весьма медленно черезъ свои скважины: именно, на сторонѣ цинка находится слабая серная кислота, а на сторонѣ мѣди мѣдный купоросъ. Теперь должны быть приняты въ соображеніе два обстоятельства: 1) какой дать видъ и изъ какого вещества устроить перегородки, отдѣляющія обѣ жидкости. Это уже былъ первоначально важный шагъ къ усовершенствованію машины, когда вмѣсто прежде употреблявшихся перепонокъ, взяли слабо пережженную глину. Однако время было слишкомъ коротко, чтобы можно было произвести надлежащіе опыты надъ свойствами этихъ глиняныхъ перегородокъ и образомъ ихъ приготовленія; надобно было довольствоваться уже тѣмъ, что удалось достать такіе глиняные сосуды, потому что фабрики не охотно принимаютъ на себя непривычную работу, а сколь много отъ этого зависитъ, видно уже изъ того, что прежде приготовленные глиняные цилиндры имѣли болѣе нежели двойную силу противъ выпѣшнихъ, такъ что сила употребленной батарей собственно была бы вдвое больше, если бы можно было употребить глиняные сосуды вышеозначеннаго лучшаго качества. Но какъ уже однажды доказана возможность двойнаго дѣйствія, то нѣтъ кажется причины сомнѣваться, что оно будетъ и снова достигнуто, если на этотъ предметъ будетъ обращено болѣе вниманія, нежели сколько доселѣ возможно было.

Другое обстоятельство есть манипуляція батарей; онѣ состоятъ нынѣ изъ весьма многихъ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждая требуетъ нѣкотораго вниманія, особенно затруднительнаго при зарядкѣ и разрядкѣ, а равно при устройствѣ цѣлой батарей; но это есть чисто техническій предметъ, и здѣсь вѣроятно будетъ столь обыкновенное замѣчаніе въ техникѣ, что удобное и приличнѣйшее устройство легче придумать въ большемъ, нежели въ маломъ видѣ. Что впрочемъ бата-

реи можно устроить гораздо проще, въ этомъ есть самая основательная надежда: а именно изъ сдѣланныхъ Г. Якоби вмѣстѣ съ Г. Академикомъ Ленцомъ изслѣдованій оказалось, что сила электромагнитовъ зависитъ единственно отъ поверхности цинка, такъ что напр. на 100 квадратныхъ футовъ цинка, совершенно одно и то же, будетъ ли составлена изъ нихъ только одна пара пластинокъ въ 100 квадратныхъ футовъ поверхности или 100 паръ пластинокъ въ 1 квадратный футъ каждая; только смотря по этому нужно будетъ обвить желѣзо проволоками различной толщины. Оправдаются ли эти же отношенія и во время самаго дѣйствія машины, этого мы еще не могли узнать рѣшительно, и хотя оно весьма вѣроятно, но должно быть предоставлено дальнѣйшимъ опытамъ и тщательному соображенію всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ. Однако уже само собою ясно, какія выгоды должны произойти отъ того на практикѣ, когда вмѣсто 400 элементовъ нужно будетъ обращать вниманіе только на 10 или 12. Зарядженіе и разрядженіе батарей будетъ совершаться тогда въ нѣсколько минутъ, и занимаемое батареєю пространство значительно уменьшится.

Первоначально предложенная Комиссіею задача была преимущественно устремлена на производительную силу машины; объ издержкахъ на содержаніе ея покамѣстъ еще не было рѣши. Но нѣтъ сомнѣнія, что эта доселѣ упущенная изъ виду сторона приметъ рѣшительный перевѣсъ, когда приступлено будетъ къ устройству судна въ большемъ видѣ. И въ этомъ отношеніи можно почитать весьма важнымъ и благопріятнымъ обстоятельствомъ, что потребное для электромагнитной машины количество цинка весьма незначительно. Правда до сихъ поръ еще не лзя въ точности опредѣлить числами, сколько именно потребуется цинку въ день для машины въ одну лошадиную силу, или лучше сказать сколько именно цинка превратится въ цинковый купоросъ; однако доволь-

42 ОТД. III.—ОТЧЕТЪ О ПРИМ. ЭЛЕКТ.-МАГНИТНОЙ

по привести здѣсь одинъ только фактъ, что во всѣхъ опытахъ, сдѣланныхъ въ послѣдніе 2 — 3 мѣсяца, употребляемы были однѣ и тѣ же цинковыя пластинки, остававшіяся цѣлыя дни въ непрерывномъ дѣйствіи. И теперь, свѣсивъ ихъ снова за нѣсколько дней, Г. Якоби нашелъ, что въ 192 пластинкахъ, имѣющихъ около 96 квадратныхъ фигуръ поверхности, убыло вѣсу 24 фунта на 10 пудъ первоначальной ихъ тяжести. При томъ часть этой убыли еще должна быть приписана случайнымъ обстоятельствамъ; такъ между прочимъ нѣкоторые изъ цинковыхъ пластинокъ содержали на поверхности своей много свинца, который отчасти уже прежде былъ соскобленъ, а частію мало по малу отдѣлялся, не производивъ никакого гальваническаго дѣйствія. Хотя пудъ цинка для этихъ пластинокъ обошелся въ Коллинѣ въ 18 рублей, но пѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи можно будетъ получать его менѣе, нежели вполowiнцу дешевле. И такъ, считая пудъ по 10 рублей, издержано было въ продолженіе всѣхъ этихъ опытовъ не болѣе какъ на 6 рублей цинку. Сѣрной кислоты и мѣднаго купороса вовсе не нужно считать, потому что вездѣ охотно вымѣниваютъ цинковый купоросъ въ томъ, почти чисто химическомъ видѣ, какъ онъ здѣсь добывается, на равное количество сѣрной кислоты, а мѣдь получается изъ мѣднаго купороса въ самомъ чистомъ видѣ и безъ всякой потери. И такъ, если механическое дѣйствіе машины и было, можетъ статся, менѣе ожидавшаго, то съ другой стороны и хозяйственный расходъ былъ не значительнѣе — обстоятельство, весьма важное для будущаго времени.

Хотя главное вниманіе Коммиссіи и было устремлено на практическую сторону открытія, но она, какъ уже слѣдуетъ изъ Высочайше утверждѣннаго состава, должна была имѣть въ предметъ и ученую сторону, тѣмъ болѣе, что дѣйствовала на почвѣ почти вовсе не воздѣланной до того времени. Этою-то ученою стороною

предмета, которая и должна послужить впредь основаніемъ всякому практическому приспособленію новаго движителя, занимаясь со взаимною ревностію Профессоръ Якоби и Академикъ Ленцъ, и Коммиссія поставляетъ себя въ удовольствіе засвидѣтельствовать, что изслѣдованія ихъ болѣе и существеннѣе послужили къ объясненію количественныхъ отношеній электромагнитизма, нежели другіе какіе-либо опыты повѣннаго времени. Загадочное отношеніе силъ дивныхъ дѣйствителей, ускользающихъ отъ всякаго мѣрила, подведено подъ правила строгими опытами и математическими формулами. Часть силъ новыхъ изслѣдованій уже напечатана въ извлеченіи, въ издаваніи Академіею *Bulletin scientifique*; а вторая часть также выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Главнѣйшій для практики результатъ этихъ розысканій состоитъ въ томъ, что наибольшее количество магнитности, которое можетъ быть сообщено мягкому желѣзу посредствомъ гальванизма и которое при практическомъ употребленіи дѣйствуетъ въ полюсахъ сего желѣза, опредѣляется единственно гальваническимъ приборомъ и вовсе не зависитъ ни отъ свойствъ обвивающей проволоки, ни отъ размѣровъ самаго желѣза. Новѣйшія же изслѣдованія Гг. Якоби и Ленца указали намъ путь къ значительному усиленію магнитнаго дѣйствія помощію простаго средства, которое они намѣрепы нынѣ же повѣрить опытомъ.

Обозрѣвая всѣ дополнѣ совершенныя труды Коммисіи, можно подвести ихъ подъ слѣдующія три главныя статьи:

1) Коммиссія разрѣшила главный, заданный ей вопросъ, касательно возможности употребленія электромагнитности какъ двигательной силы тѣмъ, что при неблагоприятныхъ впрочемъ обстоятельствахъ удалось привести въ движеніе этою силою довольно значительной величины осми-весельный боть.

2) Ученые труды Коммисіи привели къ весьма важ-

Часть XXI. Отд. III.

4

44 ОТД. III.—ОТЧЕТЪ О ПРИЛ. ЭЛЕКТ.-МАГНИТНОЙ

нымъ и рѣшительнымъ выводамъ, которые не только могутъ быть положены за основаніе будущихъ практическихъ работъ, но и подвинули существенно прежнія наши познанія о магнетизмѣ и электричествѣ, расширивъ, устроивъ и утвердивъ умозрѣніе сихъ силъ природы.

3) Употребляемая Коммиссіею и вповѣ придуманная по этому случаю гальваническія батареи особаго устройства, соединяя въ себѣ дотогѣ недоступныя въ этихъ приборахъ свойства, а именно: большую силу и постоянство дѣйствія, и дешевизну содержанія, представили Наукѣ и промышленности новое орудіе, годное для многообразныхъ техническихъ цѣлей и ученыхъ изслѣдованій.

Переходя къ вопросу, слѣдуетъ ли продолжать, и въ какомъ видѣ, пачатью труды, обратившіе на себя въ столь высокой степени вниманіе Государя Императора и цѣлаго Свѣта, Коммиссія считаетъ нужнымъ изложить напередъ свое мнѣніе о томъ, должно ли, судя по сдѣланнымъ доселѣ опытамъ, отказаться отъ надежды пользоваться электромагнетизмомъ какъ двигательною силою, и можно ли полагать, чтобы избранныя донынѣ конструкціи и распоряженія были именно такія, которыя даютъ наибольшее дѣйствіе и дагѣ которыхъ нѣтъ уже возможности перейти при настоящей степени нашихъ познаній? Коммиссія имѣетъ полное основаніе отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Она отнюдь не скрываетъ того, что вынѣшняя машина, по вышеуказанному описанію ея устроенію, не исполняла того, чего отъ нея ожидали. Самъ Г. Якоби, основываясь на прежнихъ опытахъ, твердо былъ убѣжденъ получить силу по крайней мѣрѣ въ $\frac{1}{2}$ лошади, между тѣмъ какъ доселѣ едва удалось получить $\frac{1}{4}$ лошадиной силы. Если бы въ этомъ случаѣ сбылось, что впрочемъ бываетъ чрезвычайно рѣдко, чтобы машина съ перваго раза исполняла то, чего отъ нея ожидали, то можно бы поздравить себя съ разум-

тѣльными результатами, которые удовлетворили бы и самыя пылкія надежды. Электромагнитныя машины заступили бы тогда по вѣроятности повсюду и безусловно мѣсто паровыхъ, и возъ имѣли бы рѣшительный перевѣсъ въ приложеніи къ судоходству. Это не трудно объяснить примѣромъ, припавъ въ соображеніе, что на пароходѣ, снабженномъ машиною въ 40 — 50 лошадиныхъ силъ, котель и потребный для топленія запасъ занимаютъ 16 фут. длины и 16 ширины, тогда какъ можно было бы вдоль четырехъ боковыхъ стѣнъ этого пространства устроить батареи изъ большихъ пластинокъ силою также въ 40 лошадиныхъ силъ; и какъ батареи заняли бы не болѣе 1 фута въ ширину, то средняя пространства, оставаясь совершенно свободною и представляя довольно простору, могла бы быть употреблена для постановки самой машины; этихъ сберегли бы почти такое же пространство, занимаемое паровою машиною и $\frac{3}{4}$ мѣста для запаса угляевъ, подразумѣвая, что съ помощію нашей машины и ста квадратныхъ футовъ цинковой поверхности получилъ бы силу половину лошади.

При той силѣ, которую двигательная машина теперь имѣетъ, нужно будетъ занять для установки батареи, все вышеозначенное пространство для топлива въ 16 футовъ длины и 16 фут. ширины, съ прибавкою, можетъ быть, еще небольшого мѣста отъ пространства, занимаемаго машиною, и не смотря на то, въ цѣлости вѣроятно сберегли бы еще нѣсколько квадратныхъ футовъ. Да и полагая даже, что электромагнитныя машины займутъ нѣсколько квадратныхъ футовъ болѣе мѣста, какъ не принести столь незначительной жертвы для пріобрѣтенія гораздо важнѣйшихъ преимуществъ? Стоить только вспомнить, въ какомъ состояніи находились паровыя машины въ началѣ нынѣшняго столѣтія и какія огромныя жертвы нужно было принести для ихъ усовершенствованія. Съ этой-то мысли точки зрѣнія, полагаетъ Коммиссія, и дол-

жно разсматривать удачу или неудачу, произведенныхъ доннынъ опытовъ.

И такъ для дальнѣйшаго усовершенствованія нужно прежде всего: 1) исправить сопряженныя съ нынѣшнимъ устройствомъ машинъ ошибки, состоящія, какъ уже сказано, въ конструкціи коммутатора и въ недостаточномъ изолированіи проволокъ. Тогда только можно будетъ сказать рѣшительно, годны ли были сдѣланныя распоряженія, или нѣтъ. Потребно еще очень много трудовъ для введенія электромагнитныхъ машинъ во всеобщее употребленіе, но очень мало для благопріятнаго рѣшенія на счетъ ихъ пригодности вообще.

2) Изслѣдовать опытами, можно ли замѣнить сложныя батареи простѣйшими, т. е. составленными изъ меньшаго числа элементовъ большой поверхности, что представило бы на практикѣ неисчислимыя выгоды.

3) Обратитъ болѣе вниманія на качество и форму глиняныхъ сосудовъ, и наконецъ изготovitъ еще небольшую модель по другому образу соединенія желѣзныхъ прутьевъ, и въ точности изслѣдовать ея дѣйствіе. Комиссія полагаетъ, что оставшіяся 6000 рублей отъ одновременно Высочайше пожалованной суммы достаточны для производства этихъ опытовъ. Въ теченіе будущаго лѣта эти работы могутъ быть окончены. Если онѣ окажутся успѣшными въ своихъ результатахъ, то можно будетъ приступить къ сооруженію большого судна, примѣрно въ 10 лошадиныхъ силъ. Въ противномъ же случаѣ, или если не удастся упроститъ манипуляцію батарей и стѣснить занимаемое ими пространство, Комиссія полагаетъ лучшимъ ограничиться настоящими выводами и предоставить другому благопріятнѣйшему времени объясненіе сущности этихъ силъ Природы, которыя для насъ еще должны были остаться неразгаданными и неупотребленными въ пользу.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ,

ЗА 1837 И 1838 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ (*).

Истекшій отъ послѣдняго Общаго Собранія Императорской Академіи Художествъ до нынѣшняго, академическаго года богатъ событіями, достойными просвѣщеннаго вниманія всѣхъ любителей изящнаго. Академія и Художники ея, непрестанно ободряемые милостями Августѣйшаго Покровителя и руководимые благотворнымъ Начальствомъ, всѣми силами стремились къ исполненію своего долга. И созрѣвшіе таланты и едва возникшіе, или возникающіе, ознаменовали этотъ годъ новыми трудами, новыми усиліями. Нѣкоторыя художественныя творенія, явившіяся въ истекшемъ году, возвысивъ заслуженную славу Художниковъ, переживутъ вѣка, и годъ произведенія ихъ будетъ замѣтнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Искусствъ Россіи!

Главное Академическое зданіе украсилось вновь отдѣланною церковію, которая по Высочайшей волѣ и освящена во имя Св. Екатерины 24 Ноября 1837 года. Церковь сія, въ художественномъ отношеніи, есть безъ сомнѣнія лучшая изъ домовыхъ церквей. И Архитектура и Живопись и Ваяніе принесли дань Храму Божию, и

(*) Читаннаго въ годичномъ ея собраніи, Конференцъ-Секретаремъ Академіи В. И. Григоровичемъ.

если по всѣмъ произведеніямъ, наполняющимъ оный, равно совершенны, то по крайней мѣрѣ то справедливо, что каждый участвовавшій Художникъ желалъ по силамъ оставить достойнѣйшій трудъ свой въ церкви Заведенія, его воспитавшаго и образовавшаго, и что и общій видъ ея и подробная отдѣлка частей и каждое художественное произведеніе, въ ней находящееся, соответствуетъ своему назначенію; а въ числѣ послѣднихъ есть и такія, которыхъ достоинства заслуживаютъ похвалу **Монарха** и единогласно оцѣнены знатоками, любителями и Художниками. Зданіе Академіи, какъ извѣстно, сооружено въ царствованіе **Екатерины Великой** по проекту **Какорина**. Церковь заложена въ присутствіи **Ея Величества** 28. Іюня 1765 г. и возведена вмѣстѣ съ зданіемъ; но внутри оставалась неокончанною. **Государь Императоръ** повелѣлъ отдѣлать ея по Высочайше утвержденному рисунку **Профессора Константина Тона** и отпустить требующуюся на этотъ предметъ по смѣтѣ сумму 52,800 рублей; сверхъ того по окончаніи церкви, **Всемилостивѣйше** пожаловалъ на возобновленіе церковной утвари 2,500 рублей и новую богатую ризницу.

Въ прошлагодномъ отчетѣ было упомянуто о возвратившемся изъ чужихъ краевъ **Русскомъ Мозаникѣ** **Егорѣ Веклерѣ** (*), который произвелъ изъ мозаики копію **Преображенія**, съ **Рафаэля Санціо**, заслужившую необыкновенныя похвалы знатоковъ и Художниковъ въ **Римѣ**. **Государь** повелѣлъ, во вниманіе къ отличному искусству **Веклера**, опредѣлить ему къ **Кабинету** съ званіемъ **Мозаникиста** **Его Императорскаго Величества** и съ жалованьемъ по три тысячи рублей въ годъ, а за копію **Преображенія** заплатить ему двадцать пять тысячъ рублей. **Совѣтъ Академіи** призналъ **Г. Веклера** **Академикомъ**.

(*) См. Журналъ М. Н. Пр. 1838, Гошваръ, Т. XVII, стр. 136.

Баронъ П. К. Клотъ фонъ-Юргенсбургъ, произведшій колоссальную группу человека, удерживающаго копя, отлилъ ее въ прошломъ году изъ бронзы и такъ удачно, какъ не всегда удавалось даже извѣстному литейному мастеру Екимову, прославившемуся литейнымъ дѣломъ въ Россіи. Академическій Совѣтъ призналъ Барона Клота Академикомъ своимъ и литейнымъ мастеромъ. Между тѣмъ Государь Императоръ, удостоивъ посѣтить мастерскую Клота, былъ столь доволенъ необыкновенными успѣхами сего отличнаго Художника, что повелѣлъ соизволять: возвести его въ званіе Профессора Скульптуры и помѣстить на вакансію Академическаго Профессора, съ производствомъ жалованья по штату, и сверхъ того прибавить къ производившемуся ему окладу 1,200 рублей, изъ Кабинета Его Величества еще 1,800 рублей въ годъ.

Какъ необыкновенный опытъ превосходной отливки изъ бронзы, выставленъ нынѣ въ одной изъ залъ Академіи бюстъ Президента ея, отлитый Г. Клотомъ, безъ путцевъ, съ такою чистотою, что не было ни малѣйшей пужды въ чеканкѣ, и работа Скульптора сохранена совершенно. *

Какъ о мѣрахъ, принятыхъ въ пользу Художествъ должно упомянуть здѣсь, что по представленію Г. Президента, Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть: послать въ Кіевъ Художника Щурова для срисованія древностей, что и исполнено; а относительно предотвращенія отъ дальѣйшихъ поврежденій древней Кіевской церкви Спаса на Берестовѣ, происходящихъ отъ близости крѣпостнаго вала, сообщающаго сырость зданію, и для учрежденія Художественной Школы при Университетѣ Св. Владиміра, Г. Министръ Императорскаго Двора объявилъ Высочайшія повелѣнія, по первому предмету, Г. Воспитному Министру и Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Въ прошломъ же году Всемилостивѣйше пожалованы Академіи: десять отлично сдѣланныхъ рисунковъ, находящихся въ Италіи на свой счетъ Архитекторомъ Горностаевымъ и изображающихъ реставрацію Храма Юпитера въ Помпеѣ, и планъ, фасадъ и профиль Монреальской церкви Византійскаго стиля, въ Сициліи существующей, за которые Художникъ награжденъ отъ Государя 200 червонцевъ; шесть древнихъ Греческихъ вазъ изъ обожженной глины, открытыхъ въ Керчи, изъ коихъ особенно одна замѣчательна украшеніями, барельефо сдѣланными съ необыкновеннымъ искусствомъ и чистотою (ваза эта есть рѣдкость въ своемъ родѣ и произведеніе ея можно приписать лучшему вѣку Искусства въ Греціи); тамъ же отысканный мраморный торсъ Юноны; и наконецъ тридцать семь литографическихъ эстамповъ съ картинъ, принадлежащихъ Его Величеству Королю Баварскому и находящихся въ Мюнхенской Пинакотекѣ.

Музеумъ Академіи Художествъ, ежегодно приумножаемый и дарами Государя-Благодѣтеля и приношеніями частныхъ особъ и пріобрѣтеніями на счетъ Академической суммы, получилъ отъ Г. Генералъ-Адъютанта Графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго важное и весьма цѣнное приношеніе: статую изъ мрамора трудовъ Торвальдсена, изображающую покойную супругу Его Сіятельства Графиню Елисавету Алексѣвну. Даръ сей Академія приняла тѣмъ съ большю и чувствительнѣйшею признательностію, что доселѣ она не имѣла произведеній знаменитаго Художника, и что статуя Графини есть одно изъ прекраснѣйшихъ изваяній его. Академія пріобрѣла отъ Г. Профессора Бруни извѣстную картину его Триумфъ Горация, за десять тысячъ рублей, уплата которыхъ разсрочена на два года. Г. Бруни подарилъ Академіи 13 рисунковъ, сдѣланныхъ имъ съ картинъ Доминикина.

У вдовы Профессора Кипренскаго куплены работы покойнаго мужа ея: подмалевокъ портрета съ натуры Императрицы Елисаветы Алексіевны и портреты Торвальдсена и Давыдова, принадлежащіе къ лучшимъ произведеніямъ нашего Портретиста, за 7,000 руб.

У наслѣдниковъ покойнаго Профессора Скульптуры Орловскаго куплены нѣсколько вещей изъ гипса, а именно: Торвальдсена, колоссальная голова Спасителя и барельефъ, изображающій Пріама, испрашивающаго у Ахиллеса тѣло Гектора; самого Орловскаго: группа Фауна съ Вакханткою, статуи: Париса и Фауна, играющаго на свиринкѣ, и эскизъ богатыря, останавливающаго разъяреннаго быка; древнія Греческія статуи двухъ собакъ, и въ небольшомъ видѣ орла, голову Изиды, и проч., за 1100 рублей.

Въ прошломъ году было штатныхъ или Казенныхъ Академистовъ.	38 чел.
Сверхштатныхъ, или Пандіонеровъ Казенныхъ вѣдомствъ и своскоштныхъ	97 —
Постороннихъ учениковъ (и въ томъ числѣ вольноприходящихъ Академистовъ 36)	140 —
Художниковъ, оставленныхъ въ Академіи для усовершенствованія	8 —
Всего учащихся	283 —
Признано свободными неклассными Художниками	32 —
Удостоено въ Рисовальные Учители въ Гимназіи и Уѣздныя Училища	32 —

Одна только картина Ректора В. К. Шебуева, написанная имъ для Сіонскаго Собора, въ Тифлисѣ, какъ произведеніе исполненное отличныхъ достоинствъ, по о которомъ неизвѣстно еще, останется ли оно здѣсь до будущей выставки, украшаетъ нынѣ залы Академіи.

Путешествующій въ чужихъ краяхъ на свой счетъ Художникъ Серебряковъ прислалъ Академіи въ даръ копію съ картины Рафаэля Санціо: Св. Семейство, написанную имъ въ Неаполитанскомъ Музеумѣ; она выставлена въ залахъ.

Недавно съ Высочайшаго соизволенія отправился въ Римъ для окончанія большой картины своей: «Исцѣленію Израэльтянъ отъ укушенія змѣей въ пустынѣ» Профессоръ Федоръ Антоновичъ Бруни, — и сколько извѣстно, три ученика его изъявляютъ желаніе слѣдовать за нимъ туда же, чтобы пользоваться руководствомъ своего Профессора. Это дѣлаетъ честь и Г. Бруни, такъ привязавшему къ себѣ учениковъ, и ученикамъ его, такъ полюбившимъ своего Профессора.

Въ прошлагодномъ отчетѣ упомянуто было о Высочайшемъ соизволеніи на составленіе капитала для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ Художниковъ и объ утвержденіи Его Свѣтлостію Г. Министромъ Императорскаго Двора правилъ, въ руководство Комитету о вспоможеніи вдовамъ и сиротамъ Художниковъ преподавшихъ. Членами сего Комитета избраны Совѣтомъ Академіи: Конференцъ-Секретарь и Профессоры Гальбергъ и Шодринъ, и Комитетъ началъ свои дѣйствія съ 1 Января текущаго года, приступилъ къ сбору суммы, которой имѣется нынѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій.

	6000 р. — —
Наличной ассигнаціями	1100 р. — —
Золотомъ .	292 р. 50 к.
Серебромъ мелкою монетою на	3 р. — —
и къ полученію слѣдуетъ	992 р. — —
Выдано Комитетомъ на раздачу единовременныхъ пособій и назначеннаго одной вдовѣ пенсіона по триста рублей въ годъ.	1200 р. — —

Правительство обезпечиваетъ участь семействъ, конхъ отцы приносили пользу Отечеству своею службою и трудами; но сколько есть такихъ Художниковъ, кон существу полезными же трудами для Общества, по не псея службы по обстоятельствамъ, приходятъ въ нищету и крайность, и потомъ умирая оставляютъ семейства свои безъ куска хлѣба! И этотъ переходъ отъ довольства къ нищетѣ нигдѣ такъ разителенъ быть не можетъ, какъ въ классѣ людей, живущихъ талантомъ. Сколько было и такихъ случаевъ, что Художникъ, не увѣренный въ возможности обезпечить семейство свое трудами художественными, оставлялъ Искусство свое, на изученіе котораго употребилъ лучшіе годы своей жизни; и обращаясь, вовсе неприготовленный, къ другимъ занятіямъ, губилъ талантъ свой и дѣлался человекомъ бесполезнымъ, а иногда вреднымъ себѣ и семейству. Но вдругъ конечно Комитетъ будетъ имѣть средства вспомошествовать всѣмъ; кто будетъ имѣть нужду въ пособіяхъ его, но развѣ добро и малому числу людей; не есть добро? Будемъ трудиться и надѣяться. Одно дерево можетъ быть родоначальникомъ обширнѣйшаго лѣса; самомагнѣиско сѣмя добра можетъ принести плоды неисчетные. Ктожъ укажетъ границы благотворительности Русской? Развѣ одна удовлетворенная въ ней потребность!

Кстати сдѣлаемъ вопросъ другаго рода, прямо относящійся къ предмету нашему — Художествамъ: гдѣ продолжъ излщнаго, котораго могутъ достигнуть они въ Отеествѣ нашемъ при надлежащемъ вниманіи и направленіи? Тамъ развѣ, гдѣ Природа сказала человеку: *не даље!* Нужны лишь постоянная любовь, большее и большее развитіе понятія объ излщномъ вообще, и прибавлю еще: случаи къ произведеніямъ важнымъ! У насъ есть и любовь къ Искусствамъ, и понятіе объ излщномъ

распространяется, и въ случаяхъ къ произведеніямъ важнымъ пѣтъ недостатка.

Обозримъ труды Членовъ Академіи, исполненныя или начатыя ими въ теченіи прошедшаго года:

Вице-Президентъ Графъ О. И. Толстой. Изготовилъ пять моделей для медалей, долженствующихъ увѣковѣчить знаменитыя событія войны Персидской и Турецкой.

ПО ЧАСТИ СКУЛЬПТУРЫ:

Ректоръ В. И. Демутъ-Малиновскій. Выгнпль модель Св. Евангелиста Луки для Академической церкви; сдѣлалъ вновь проекты: памятника Ивану Сусанину и Царю Михаилу Теодоровичу, изъ коихъ одинъ удостоенъ Высочайшаго одобренія, также памятникъ Князю Барклаю-де-Толли, имѣющій быть въ Дерптѣ, и вновь произвелъ колоссальныя статуи двухъ Ангеловъ и Св. Іоанна для церкви Императорскаго Зимняго Дворца.

Профессоръ Скульптуры С. И. Гальбергъ. Произвелъ двѣ небольшія модели Апостоловъ Петра и Павла для церкви въ Парголово; по Высочайшему повелѣнію производить изъ мрамора статую Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны по извѣстной модели Берлинскаго Скульптора Вихмана; оканчивалъ начатыя покойнымъ Профессоромъ Орловскимъ двѣ мраморныя статуи Париса и Фауна, изъ коихъ первая уже совершенно кончена; сдѣлалъ бюстъ покойнаго своего наставника И. П. Мартоса, и теперь приступаетъ къ изготовленію модели памятника Карамзину.

Профессоръ Баронъ П. К. Клотъ. Отлилъ выгнпленную имъ по заказу Государя Императора группу коня съ водичнымъ, бюсты работы Профессора Гальберга, Г. Президента А. Н. Оленина и Тайнаго Совѣт-

ника П. А. Кикина; сдѣлалъ модели конно-артиллерійскаго орудія съ прислугою и, по волѣ Государя Императора, началъ модель второй группы коня съ водничимъ въ колоссальномъ видѣ.

Академикъ Токаревъ. Кончилъ начатыя въ прошломъ году по порученію Профессора К. А. Тона, для строящейся въ Царскомъ Селѣ во имя Св. Великомученицы Екатерины церкви, шесть колоссальныхъ Ангеловъ въ барельефахъ съ атрибутами страданій Христа Спасителя.

ПО ЧАСТИ ЖИВОПИСИ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОРТРЕТНОЙ.

Ректоръ В. К. Шебуевъ. Занимался окончаніемъ большой картины, представляющей Тайную Вечерю, для иконостаса Тифлискаго Сіонскаго Собора.

Заслуженный Профессоръ А. Е. Бюровъ. Написалъ для Царскосельской церкви четыре образа — два мѣстныхъ: Спасителя и Божіа Матери, и два для Сѣверныхъ и Южныхъ дверей Архангеловъ: Гавріила и Михаила; также окончилъ двѣ написанныя по эскизамъ его картины: Положенія во гробъ и Воскресенія Спасителя, и написалъ нѣсколько эскизовъ.

Заслуженный Профессоръ А. Г. Варнекъ. Занимался этюдами, но важнаго по заказу ничего не могъ произвести, по сдѣлавъ упущеній по службѣ какъ въ Академіи, такъ и въ Императорскомъ Эрмитажѣ, гдѣ, послѣ пожара въ Зимнемъ Дворцѣ, обязанъ былъ подтвердить и обрешивать оригинальные рисунки, въ храненіи его находящіеся, на что и употребилъ большую часть времени.

Профессоръ К. П. Брюлловъ. Произвелъ двѣ огромныя и по достоинствамъ своимъ необыкновенныя картины, изъ коихъ одну, изображающую умирающаго

на крестѣ Спасителя и предстоющихъ Божію Матерь и Св. женъ и мужей, для вновь отстроенной Лютеранской церкви, окончилъ совершенно, а другую: вѣтіе Божіей Матери на небо, для Собора Казанскія Божія Матери, подготовилъ къ окончанію; написалъ нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ В. А. Жуковского, Графа Мусина-Пушкина и началъ небольшую картину, для которой заимствовалъ сюжетъ изъ Бахчисарайскаго фонтана, Пушкина, и сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ акварелью.

Профессоръ О. А. Бруни. Написалъ повтореніе картины: Моленіе о Чапѣ, для Академической церкви, четыре колоссальныя изображенія Евангелистовъ на мѣди въ паруса купола церкви Зимняго Дворца и образа Св. Екатерины и Св. Царицы Александры, для церкви, въ Царскомъ Селѣ строящейся. Сверхъ того сдѣлалъ довольно эскизовъ и рисунковъ.

Профессоръ Н. В. Басинъ. Написалъ портретъ въ ростъ Его Высокопревосходительства С. С. Кушниковъ и два грудные Гг. Рѣзвого и Мейеровича и занимается, по Высочайшему повелѣнію живописью большаго плафона для церкви Зимняго Дворца, изображающаго Воскресеніе Христа Спасителя.

Профессоръ А. И. Ивановъ. Занимается для конкурса по задачѣ, предложенной Почетномъ Вольнымъ Общникомъ Академіи А. Н. Демидовымъ, произведеніемъ картины: ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Почетный Вольный Общникъ А. П. Сапожниковъ. Продолжалъ составленіе Курса рисованія для Военно-учебныхъ Заведеній и изданіе собранія мундировъ Россійской Арміи.

Академикъ Н. Е. Яковлевъ. Написалъ многіе образы въ церковь, построенную помѣщицею Руденковою въ Малороссіи.

Академикъ Л. А. Васильевъ. Написалъ въ Кронштадтскую Морскаго Министерства госпиталь въ церковь

запрестольный образъ Саваоѳа во славъ, надъ жертвенникомъ моленіе о Чашѣ, четыре мѣстныхъ Образа, Воскресеніе Христово, и подъ мѣстными Образами, изъ страдацій Спасителя два Образа, и въ Царскія врата Благовѣщеніе и четырехъ Евангелистовъ.

Академикъ А. Г. Венеціановъ. Занимается произведеніемъ для конкурса картины: Петръ Великій.

Академикъ Вити. Написалъ въ церковь Св. Владимира, что за Выборгскою заставою: снітіе со Креста Спасителя; также произвелъ плафонъ, шириною въ сажень, изображающій амуровъ съ различными эмблемами, и три фигуры для Кабинета Государыни Императрицы, представляющія Поэзію, ночь и полдень.

Академикъ Безсоновъ. Занимался окончаніемъ шести Образовъ для иконостаса вновь строящейся при Коммерческомъ Училищѣ церкви, а именно: запрестольнаго: Моленіе Ісуса Христа въ Вертоградѣ, Тайный Вечеръ; мѣстныхъ: Спасителя, благословляющаго дѣтей, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ и Іоанномъ Предтечею, Св. Апостолъ Петра и Павла и Св. Чудотворца Николая.

Академикъ Антонелли. Написалъ для Синодальнаго подворья тринадцать Образовъ, въ церковь Коммерческаго Училища десять Образовъ и исправлялъ старые Образа и картины.

Академикъ Богаевскій-Благодарный. При постоянныхъ занятіяхъ по службѣ, написалъ въ С. Петербургскую Обуховскую больницу, по порученію покойнаго Сенатора Стога, портретъ Блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Олександровны, четыре портрета съ частныхъ лицъ, и дѣлалъ этюды съ натуры.

Академикъ Сазоновъ. Кончилъ 10 головъ, для Петергофской церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, а именно: Св. Чудотворца Николая, Св. Николая Юродиваго, Св. Царя Константина, Св. Александра Невскаго,

Св. Царицы Александры, Св. Екатерины Велико-мученицы, Св. Царицы Елены, Св. Княгини Ольги, Св. Маріи Магдалины, и Св. Анны Пророчицы.

Академикъ Яненко. Копировалъ съ картины Г. Профессора Брюллова: Последній день Помпеи, величиною въ четвертую долю, возобновилъ и вновь написалъ для церкви Сергіевскаго монастыря около 40 Образовъ и нѣсколько портретовъ для частныхъ лицъ.

Академикъ Теребеневъ. Сверхъ занятій по службѣ написалъ два портрета во весь ростъ съ Императорскими регаліями Государя Императора и 21 величиною въ полфигуры для присутственныхъ мѣстъ Войска Донскаго, шесть портретовъ миниатюрныхъ на кости и до сорока акварелью, большею частию для семейства Его Высочайшаго Императорскаго Высочайшаго Величества Г. И. Вилламова.

Академикъ О. П. Брюловъ. Написалъ двѣнадцать Пророковъ въ ростъ для вновь строящейся церкви Св. Великомученицы Екатерины въ Царскомъ Селѣ.

Академикъ Майковъ. По порученію Комисіи о возобновленіи Зимняго Дворца, занимается приготовленіемъ для малой придворной церкви плафона, представляющаго Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, и двухъ образовъ: поклоненіе Волхвовъ и Богоявленіе.

ПО ЖИВОПИСИ ВАТАЛИЧЕСКОЙ.

Профессоръ и Почетный Вольный Общникъ А. Н. Зауергейде. Сверхъ исполненія обязанностей по должностямъ, имъ занимаемымъ, и изготавленія разнаго рода рисунковъ, по Высочайшему повелѣнію, отправлялся выѣзшнимъ лѣтомъ за границу для обозрѣнія мѣстъ Кульмскаго сраженія и Лейпцигской битвы, и находясь въ Теплицѣ имѣлъ счастье внимать личнымъ Его Величества Короля Прусскаго объясненіямъ подробностей сраженій, изображеніе которыхъ въ живописи предва-

значено для украшенія Александровской залы въ Зимнемъ Дворцѣ. Теперь занимается сочиненіемъ эскизовъ для сихъ картинъ.

Академикъ Дезарно. Продолжалъ заниматься картинами, изображающими костюмы Лейбъ-Гвардіи, для коллекціи, которая находится нынѣ въ Каменно-Островскомъ Дворцѣ; кромѣ того написалъ нѣсколько кабинетныхъ картинъ и три портрета, которые находятся у него.

Академикъ Ладурнеръ. Написалъ для Его Императорскаго Величества картины, изображающія группы чиновъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, Кавалергардскаго, Придворной роты, Финляндскаго и Московскаго полковъ; нынѣ пишетъ видъ парада, бывшаго по случаю открытія Александровской колонны.

ПО ЖИВОПИСИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ И ПЕЙЗАЖНОЙ.

Профессоръ М. Н. Воробьевъ. Занимался и продолжаетъ заниматься нѣсколькими картинами, изображающими поднятіе колоннъ на Исакиевскій Соборъ; одна изъ нихъ Его Свѣтлостію Господиномъ Министромъ Императорскаго Двора была представлена на усмотрѣніе Государя Императора; Его Величество милостиво принялъ ее и удостоилъ наградить Художника драгоценнымъ перстнемъ. Смерть того оканчиваетъ видъ Константинополя и для себя Петербургскій видъ по Невѣ рѣкѣ въ лѣтнюю ночь.

Академикъ Зеленцовъ. Въ свободное отъ службы время написалъ для себя масляными красками грудной портретъ съ натуры, портретъ въ маломъ размѣрѣ въ ростъ, и картину изъ народныхъ сценъ; нарисовалъ нѣсколько миниатюрныхъ портретовъ акварелью и картинокъ тупью для разныхъ литературныхъ изданій.

Академикъ Ивановъ. Составлялъ рисунки для разныхъ вещей изъ стекла, какъ то: вазъ, канделябровъ, цвѣтниковъ и проч. для Императорскаго Стеклянаго завода, которые представляются дважды въ годъ Государю Императору въ день Св. Пасхи и Рождества Христова, кончилъ и сдалъ въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію полный второй экземпляръ рисунковъ гражданскихъ мундировъ, фигуръ и шитья; теперь занимается отдѣлкою третьяго полного же экземпляра.

Академикъ Бетровъ. Занимался рисунками и литографированіемъ плановъ и видовъ зданій и Обсерваторіи Казанскаго Университета для Департамента Народнаго Просвѣщенія; также разныхъ костюмовъ для Императорской Академіи Наукъ и видами мостовъ для Управленія Путей сообщенія.

ПО ЧАСТИ ОРНАМЕНТНОЙ ЖИВОПИСИ.

Академикъ Медичи. Работалъ на Знаменской Ея Императорскаго Величества дачѣ и расписалъ: залъ для Ея Величества, комнату проходную и другой залъ тамъ же; началъ работы на той же дачѣ въ комнатахъ Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны: расписалъ въ Собственномъ Его Императорскаго Величества Дворцѣ въ С. Петербургѣ вновь Кабинетъ, и поновилъ и переправилъ живопись въ парадныхъ покояхъ.

ПО ЧАСТИ ГРАВЮРОВАНІЯ НА МѢДИ.

Профессоръ Н. И. Уткинъ. Кончилъ начатый имъ въ прошломъ году портретъ Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны и выгравировалъ на стали для опыта портретъ покойнаго А. С. Пушкина, къ изданію его сочиненій.

Профессоръ Галактіоновъ. При занятіи по должностямъ, продолжаетъ окончаніе гравюры, изображающей кораблекрушеніе, или смерть Виргиніи, съ картины І. Вернеста.

Академикъ Ухтомскій. Занимался гравированіемъ Высочайше утвержденнаго Дворянскаго Гербовника для Герольдіи, коего пятая часть, состоящая изъ 150 гербовъ, сдана уже въ Герольдію.

Академикъ Чесскій. Кромѣ нѣкоторыхъ исполненныхъ маловажныхъ работъ, продолжаетъ заниматься гравированіемъ рисунка Художника Чурикова: перенесеніе мощей Св. Митрофана Воронежскаго.

ПО ЧАСТИ МЕДАЛЬНОЙ.

Академикъ Лялинъ. Съ модели Графа Ѳ. П. Толстаго вырѣзалъ штемпель въ заключеніе коллекціи медалей на событія Отечественной войны! Миръ Европы 1814 г.; съ его же рисунка вылѣпилъ модель и вырѣзалъ штемпель медали на открытіе С. Петербургскаго Университета въ зданіи 12 Коллегій, вылѣпилъ портреты съ натуры Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Буша и вырѣзалъ штемпель медали въ память 50 лѣтняго его юбилея; вырѣзалъ также съ моделей Графа Ѳ. П. Толстаго три штемпи на событія Турецкой кампаніи 1829 г. а именно: переходъ черезъ Дунай, подвигъ брига Меркурія и занятіе Адрианополя.

ПО ЧАСТИ АРХИТЕКТУРЫ.

Правящій должность Ректора А. И. Мельниковъ. Сверхъ занятій по должностямъ въ Императорской Академіи Художествъ и Коммиссіи проектовъ и смѣтъ при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій, занимался постройкою въ Инвалидъ-

номъ домъ Графовъ Zubovыхъ, что на Петергофской дорогѣ; составилъ проекты; лавокъ для купца Калгина, домовъ для купца Семенова, купца Щукина въ Ораниенбаумѣ и купца Калгина, и строилъ оный; производилъ также перестройки у купцовъ Харичкина, Попова и Г. Кусова.

Профессоръ А. П. Брюлловъ. Занимался работами, начатыми въ прошломъ году и при перестройкѣ Зимняго Дворца. Въ нынѣшнемъ году совершенно окончена имъ Лютеранская церковь Св. Петра, что на Невскомъ проспектѣ въ С. Петербургѣ.

Профессоръ К. Тонъ. Окончилъ постройку церкви Св. Великомученицы Екатерины при Академіи Художествъ и у Каліцкина моста, приступилъ къ постройкѣ Храма Христа Спасителя, Кремлевскаго Дворца и Малаго Театра въ Москвѣ; строилъ церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы для Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, и составилъ проекты церквей Греко-россійской для Анчутевскаго укрѣпленія и Евангелической въ Новгородѣ.

Профессоръ А. Тонъ. По порученію Его Превосходительства П. А. Клейнмихеля составлялъ проекты на перестройку дома Школы Подпрапорщиковъ для жительства въ ономъ Г. Военнаго Министра и занимался разными работами по Царскому Селу.

Профессоръ Мейеръ. Производилъ строенія въ Стрѣльнѣ и на Михайловской дачѣ, въ фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища; устроилъ дѣлѣ чугуныя лѣстницы въ домѣ Департамента Удѣловъ, и дѣлалъ проекты церквей и другихъ зданій для разныхъ удѣльныхъ мѣстъ.

Академикъ Ветлужскій. Находясь въ должности каменныхъ дѣлъ мастера при строящемся зданіи на площади Зимняго Дворца для помѣщенія Штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, занимался и продолжаетъ

заниматься практическими рисунками, составленіемъ смѣтъ и надзоромъ за производствомъ работъ по искусственной части, подъ вѣдѣніемъ Прѣфессора А. П. Брюллова; между тѣмъ составилъ проекты дачи для Князя Ильи Андреевича Долгорукова и церкви для ихъ Сіятельствъ Княгини Долгорукой и Графини Потоцкой, которая церковь и строится по сему проекту.

Академикъ Штакеншнейдеръ. По ходатайству Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны, получивъ вспомошествованіе изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, путешествовалъ по Италіи, Франціи и Англіи; возвратившись изъ-за границы началъ каменную пристройку къ фермѣ и стросіе новой кухни въ Александрин; составилъ проекты: по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, гранитной пристани у Каменно-Островскаго дворца и постройки вновь Императорскаго фазаннаго заведенія.

ПОЧЕТНЫЕ ВОЛННЫЕ ОБЩНИКИ:

Г. Стасовъ. Занимался прежде начатыми работами, постройкою чугунныхъ воротъ у Московской заставы, также по возобновленію Зимняго Дворца и проч.

Г. Штаубертъ. Согласно Высочайше утвержденнымъ планамъ, кончилъ зданіе со службами для двухъ баталіоновъ Дворянскаго полка, гдѣ началъ пристройку лѣваго заворота, для помѣщенія того же полка одной роты и всѣхъ классовъ; кончилъ на огородномъ мѣстѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка стросіе; для Лейбъ-Гвардіи Конной-Баттарей: манежъ, конюшню и сарай для орудій и обоза, и приводитъ къ концу постройку С. Петербургскаго Военнаго госпиталя и при ономъ двухъ флигелей для бань, прачечной, мастерскихъ, аммуниции-

ковъ, магазиновъ, конюшенъ, сараевъ и ледниковъ; также началъ при семъ госпиталѣ строить трехъ-этажное зданіе для аптеки, лабораторіи и матеріальной, и жительства Коммисариатскихъ и Медицинскихъ Чиновниковъ, и при ономъ особый флигель для сараевъ, конюшенъ и ледниковъ. Сверхъ сего, по званію Архитектора Военнаго Министерства, занимался составленіемъ и разсмотрѣніемъ новыхъ разныхъ воинскихъ зданій.

Г. Монферранъ. Занимался построеніемъ Исакиевского собора и привелъ къ окончанію въ ономъ мраморныя антаблементы съ частію аттика, мраморнаго стилобата и башни купола, поставилъ цѣльныя гранитныя колонны, и построилъ своды четырехъ портиковъ изъ чугуна и мѣди.

Г. Шарлеманъ. Отдѣлялъ въ С. Петербургѣ: зданіе позади Александринскаго театра, назначенное для жительства Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и для помѣщенія Департамента Казенныхъ врачебныхъ заготовленій; продолжалъ строить Главную Лечебницу, слѣлалъ проектъ и строилъ новое зданіе для помѣщенія Департамента Государственнаго Контроля; въ Петергофѣ занимался отдѣлкою пяти каменныхъ кавалерскихъ домовъ, перестраивалъ по новому расположенію боковые флигели большого дворца и производилъ вновь строеніе двухъ деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ кавалерскихъ домовъ.

Г. Плясовъ. Занимался по Императорскому Воспитательному Дому: окончательною внутреннею отдѣлкою въ пристроенномъ зданіи къ Опекунскому Совѣту; въ 4-хъ этажномъ также вновь построенномъ зданіи для грудныхъ дѣтей съ кормилицами, и въ двухъ выстроенныхъ каменныхъ баняхъ съ галлереею въ саду для воспитанницъ; возведеніемъ вновь 3-хъ этажнаго флигеля для соединенія двухъ главныхъ корпусовъ, и устройствомъ чугунныхъ рѣшетокъ на цоколѣ около садовъ; по Попечительному Совѣту Заведеній Общественнаго При-

зрѣнія въ С. Петербургѣ: внутреннею отдѣлкою новаго зданія и возведеніемъ лѣстницъ парадной и двухъ боковыхъ при Обуховской больницѣ, окончательною отдѣлкою въ двухъ вновь выстроенныхъ флигеляхъ при Больницѣ всѣхъ скорбящихъ для помѣщенія ума лишенныхъ. При градскихъ Богадѣльняхъ окончательною отдѣлкою вновь выстроеннаго деревяннаго дома для Чинovníковъ Заведенія; при Александровскомъ Сиротскомъ домѣ: внутреннею отдѣлкою двухъ флигелей для лазаретовъ питомцевъ; при С. Петербургскомъ Коммерческомъ Училищѣ: окончательною внутреннею отдѣлкою церкви, залъ, собранія и двухъ рекреационныхъ; при Училищѣ Ордена Св. Екатерины: пристройкою вновь къ церкви алтаря и надстройкою этажа.

Профессоръ Теоріи Строительнаго Искусства Щедринъ. Составлялъ проекты для училищныхъ домовъ, по Коммиссіи Духовныхъ Училищъ; оканчивалъ отдѣлку дома для жительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, и производилъ работы по построенію зданія для С. Петербургской Духовной Семинаріи, по Высочайше утвержденному, сочиненному имъ проекту.

Почетный Вольный Общникъ Рейтъ. Написалъ портреты Блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Федоровны въ ростъ натуральной величины, Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Наслѣдника, для Рижскаго Генералъ-Губернатора, одинъ портретъ для Военной галлерей, Г-жи Адмиральши Лазаревой, известной актрисы Г-жи Алланъ-Деспрео въ роли ея въ піесѣ: *La lectrice*, Графини Де Сентъ-Альдегонъ, Князя М. А. Дондукова-Корсакова, Князя Меншикова въ миниатюрѣ; выправивалъ три сюжета и одинъ портретъ къ Сочиненіямъ Греча, портретъ актрисъ Г-жъ Степановой, Андреевской и Смирновой для Театральнаго Альбома, портреты: Г. Фишера, Президента Московской Медицинской Академіи, покойнаго Шуберта, Г. Президента Академіи Художествъ

А. Н. Оленица, Г. Вице-Президента Графа Ф. П. Толстаго, Его Сіятельства Князя Александра Николаевича Голицына, Его Свѣтлости Князя Варшавскаго Графа Ивана Феоdorfовича Паскевича Эриванскаго, Графа М. С. Воронцова, и Василя Андреевича Жуковскаго. Всѣ сіи гравюры произведены для коллекціи портретовъ Русскихъ современниковъ.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи своемъ Академія избрала въ Почетные Вольные Общники: знаменитаго Историческаго Живописца въ Римѣ Овербека, и любителей Художествъ Графа Александра Николаевича Мордвинова и Князя Александра Дмитріевича Салтыкова, и возвела въ Академики по извѣстнымъ трудамъ или исполненнымъ программамъ: Аполлона Щедрина, Іосифа Сотира, А. Ладурнера, Алексѣя Добровольскаго, Василя Добровольскаго, Ивана Дурнова и Филиппа Эльсона.

Скончались въ прошломъ году: Почетный любитель Академіи Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ, мужъ незабвенный своими заслугами, просвѣщеніемъ, обширными свѣдѣніями и любовію къ Наукамъ и Искусствамъ, которыя онъ ободралъ и покровительствовалъ; Профессоръ Скульптуры Борисъ Ивановичъ Орловскій, Художникъ исполненный дарованій, образовавшійся подъ руководствомъ знаменитаго Торвальдсена и достойный памяти по необыкновенному трудолюбію своему. Памятники: Князю Кутузову-Смоленскому, Барклаю де-Толли въ С. Петербургѣ, по смерти Художника открытые, статуя Ангела на колоніяхъ Александровской изъ бронзы, группа Фауна съ Вакханкою изъ мрамора, статуя Фауна, играющаго на сиринксѣ, и Париса съ яблокомъ, оканчиваемые изъ мрамора по модели его Профессоромъ Гальбергомъ, колоссальный мраморный бюстъ Императора Александра и многія не столь важныя произведенія означать имя его въ лѣтописяхъ Художествъ на ряду лучшихъ нашихъ Ваятелей!

О Т Ч Е Т Ъ

О ДѢЙСТВІЯХЪ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ИЗЫСКАНІА ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ КІЕВѢ, ВЪ 1838 ГОДУ.

I.

ИЗЫСКАНІА ДРЕВНОСТЕЙ, ПРОИЗВОДИВШИЯСЯ ВЪ 1838 ГОДУ.

Въ 1838 году произведены, частью по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію Комитета, частью подъ его вѣдѣніемъ и руководствомъ, слѣдующіе поиски для изысканія древностей въ Старокіевской части города Кіева.

1. *Въ саду Г. Королева.*

Еще въ 1837 году Комитетъ предполагалъ произвести опытъ розысканія древностей въ принадлежащемъ Г. Коллежскому Совѣтнику Королеву саду, который имѣетъ положеніе въ Старомъ Кіевѣ, не въ дальнемъ разстояніи съ одной стороны отъ Десятинной, съ другой отъ Трехсвятительской церкви, а съ третьей отъ Михайловскаго монастыря, и который, по извѣстнымъ признакамъ, принимается изслѣдователями Кіевскихъ древностей за мѣсто, гдѣ должны находиться остатки каменной церкви Св. Великомученика Феодора, построенной, вмѣстѣ съ монастыремъ, въ первой половинѣ XII вѣка, Великимъ

Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, и послужившей мѣстомъ погребенія сему и нѣкоторымъ другимъ Князьямъ (1). По предварительномъ сношеніи, при содѣйствіи участвующаго въ трудахъ Комитета Г. Статскаго Совѣтника Берлинскаго, съ владѣльцемъ сего мѣста, для полученія его согласія на допущеніе разрытія земли въ саду, и касательно вознагражденія за неизбежное при томъ поврежденіе сада, Комитетъ поручилъ Члену своему Г. Ставровскому произвести тамъ опытъ розысканія древностей, предложивъ также прибывшему въ Кіевъ нѣсколько позже Г. Анненкову, принять участіе въ смотрѣніи за работами по разрытію земли. Работы начались въ концѣ Іюня, и продолжались въ теченіе Іюля мѣсяца. Вскорѣ по началіи работъ открыты остатки фундаментовъ древняго зданія, которое вѣроятнымъ образомъ должно принять за церковное, по соображенію слѣдующихъ обстоятельствъ. Прежде всего открытъ въ углубленіи на 3 аршина въ землю, родъ подземнаго канала, имѣющій около 1 фута широты и высоты, и составленный частію изъ кирпичей, частію изъ красныхъ плитокъ, можетъ быть служившій воздухопроводомъ для подземелій древняго зданія (2). За тѣмъ открыты двѣ небольшія параллельныя стѣны, которыя имѣютъ направленіе отъ Запада къ Востоку и заключаются третьею круглою стѣною; къ одной изъ параллельныхъ стѣнъ (Южной) пристроена изъ одинаковаго съ нею матеріала гробница, заключающая въ себѣ нѣкоторые слѣды истлѣвшаго деревяннаго

(1) См. отчетъ о дѣйствіяхъ Временнаго Комитета изысканія древностей въ Кіевѣ, въ 1837 году, напечатанный въ Апрельской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. на 1838 годъ, стр. 86.

(2) О подобной, вѣроятно, трубѣ, открытой въ средней поперечной стѣнѣ фундаментовъ древней Десятинной церкви, при ихъ расчищеніи въ 1824 году, упоминается въ объясненіи плана сей церкви, которое напечатано въ Мартовской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ на 1825 годъ, на стр. 401.

гроба съ прахомъ и костями человѣческими, и подобная гробницамъ, найденнымъ въ алтарныхъ приделахъ древней церкви Св. Ирины. Это ведетъ къ заключенію, что означенная часть остатковъ древняго зданія есть также одна изъ тѣхъ полукруглыхъ стѣнъ, въ видѣ конхъ обыкновенно устроивалась Восточная или алтарная часть въ древнихъ церквахъ. Древность бывшаго на семъ мѣстѣ зданія, могущая конечно восходить къ вѣку построенія Оеодоровской церкви и монастыря Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, доказывается сходствомъ большей части матеріаловъ (кирпича и цемента), по ихъ формѣ съ подобными матеріалами, изъ конхъ состоятъ остатки древней церкви Св. Ирины и другихъ современныхъ ей памятниковъ. Но нѣкоторыя части зданія, именно, изъ упомянутыхъ двухъ стѣнъ Южная, состоятъ изъ матеріала болѣе новаго, каковы кирпичи, имѣющіе форму одинаковую съ нынѣшними, только въ большихъ размѣрахъ (*): изъ чего слѣдуетъ заключить, что къ древнѣйшимъ зданіямъ были сдѣланы нѣкоторыя пристройки въ болѣе позднее время, однакожъ въ такое, когда древнія еще существовали въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ и были въ употребленіи. Но продолженія этихъ стѣнъ, и нѣкоторыхъ смежныхъ съ ними, въ направленіи къ Югу не лзя было открыть, потому что надъ ними построена кухня, подъ которою Г. Королевъ не дозволялъ производить розысканія. Съ Сѣверной же и Восточной стороны, отчасти по близости тѣхъ стѣнъ, а болѣе въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, открыты въ углубленіи отъ 2 до 3 аршинъ, низкія и тонкія полосы кирпича и цемента, которыя идутъ въ разныхъ, пересѣкающихся

(*) Такіе кирпичи, между прочимъ, найдены были и при разборѣ фундаментовъ древней Десятинной церкви. См. Труды Общества Исторіи и древностей Россійскихъ. Часть V, кн. I. Москва, 1830, стр. 111.

взаимно направленіяхъ, образуя болѣе или менѣе правильныя фигуры. Онѣ вѣроятно составляли самую нижнюю часть фундамента древнихъ зданій, но отъ дѣйствія времени такъ обветшали, что при каждомъ ударѣ распадаются въ щебень. При такихъ послѣдствіяхъ розысканія, по однимъ открытымъ слѣдамъ фундаментовъ, не возможно даже приблизительно опредѣлить, въ которую сторону отъ упомянутой, по предположенію, алтарной части простирались прочія части древней церкви: потому что полосы камня на Сѣверѣ и Востокѣ отъ оной съ наибольшею вѣроятностію можно принять не за остатки зданія собственно церковнаго, но за фундаменты жилыхъ монастырскихъ зданій, находившихся близъ церкви, и можетъ быть, отчасти къ ней примыкавшихъ. Можетъ быть, продолженіе разрытія земли подъ кухнею Г. Королева привело бы къ большому объясненію сего предмета изысканія древностей, коего положеніе при настоящемъ видѣ послѣдствій розысканія, остается весьма неяснымъ. Вообще же открытыя остатки древнихъ зданій такъ незначительны, что, за исключеніемъ найденныхъ, при открытіи ихъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей (кои поименованы ниже), не представляютъ почти ничего достойнаго сохраненія, слишкомъ далеко отстоя въ этомъ отношеніи даже отъ такого памятника древности, каковы остатки древней церкви Св. Ирины. По симъ соображеніямъ, изъясненнымъ въ донесеніи Членовъ Комитета, комитъ поручено было освѣдѣтельствовать послѣдствія розысканія древностей въ саду Г. Королева, Комитетъ положилъ: снявъ планъ найденныхъ остатковъ древняго зданія, закрыть ихъ снова землею, что и исполнено.

Примѣчаніе. На производство земляныхъ работъ при опытѣ изысканія древностей въ саду Королева отпущено Г. Ставровскому изъ суммъ Комитета 280 рублей. Сверхъ того, Г. Королеву въ вознагражденіе за поврежденія въ саду, по соображенію значительности ихъ и безпокойства,

которому владѣлецъ подвергался по случаю означенныхъ работъ, также цѣнности найденныхъ тамъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, поступившихъ въ Музей Кіевскихъ древностей, выдано изъ тѣхъ же суммъ 800 рублей.

2. Въ оградѣ Михайловскаго монастыря.

Г. Анненковъ, продолжая начатыя еще въ 1837 году поиски для изслѣдованія древностей на предполагаемомъ имъ мѣстѣ бывшаго въ древности монастыря Св. Великомученика Дмитрія, находящемся на покатохъ горы пониже ограды Михайловскаго монастыря, съ Восточной стороны (*), замѣтилъ слѣды мусора и щебня, идущіе подъ эту ограду. Соображая, что на косограхъ въ древности могли быть только кельи и садъ Дмитріевскаго монастыря, а самая церковь Св. Великомученика Дмитрія должна была находиться на самомъ верху горы, на возвышенномъ ровномъ мѣстѣ, вошедшемъ нынѣ въ новую ограду Михайловскаго монастыря, онъ произвелъ, съ дозволенія Преосвященнаго Ипноксептія, разрытіе земли на предполагаемомъ мѣстѣ древней церкви, и дѣйствительно нашелъ остатки ея фундамента, состоящіе частью изъ камней, частью изъ кирпичей квадратной формы, съ заливкою такой же извести, какая видна въ другихъ зданіяхъ. Комитетъ, по донесенію о семъ Г. Анненкова, поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ Членовъ осмотрѣть слѣдующее открытіе, и сообразить съ мѣстностью представленный имъ планъ. Исполнивъ сіе порученіе, Члены Комитета въ донесеніи ему изъяснили, что открытыя Г. Анненковымъ слѣды древняго зданія должны быть признаны за остатки фундамента церкви, построенной въ древнѣйшія времена. Что тутъ была церковь, въ томъ не оставляетъ сомнѣнія

(*) См. Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета въ 1837 году, стр. 82.

остатокъ четверугольнаго столба, одного изъ тѣхъ, которые обыкновенно служатъ основаніемъ или подпорами церковныхъ куполовъ, болѣе, нежели всѣ прочія части сохранившійся, и удержавшій по сторонамъ нѣсколько штукатурки съ частію фигуръ, которыми столбъ былъ росписанъ въ родѣ альфреско. Что находившаяся тутъ церковь построена въ древности, въ томъ удостовѣряетъ форма кирпичей квадратная, сходная съ кирпичами церкви Св. Ирины и другихъ древнихъ памятниковъ того времени, равно какъ и одинаковый съ ними цементъ, скрѣпляющій и кирпичи и бутовый камень. По соображенію сихъ обстоятельствъ съ тѣми догадками, которыми Г. Анненковъ наведенъ былъ на мысль, сдѣлать опытъ изысканія древностей на мѣстѣ открытія, и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что оврагъ, начинающійся отъ сего мѣста и идущій внизъ по горѣ, постоянно сохранилъ въ преданіи названіе Дмитровскаго оврага или Лукомыти, должно принять вѣроятнымъ образомъ, что открытые Г. Анненковымъ остатки церковныхъ фундаментовъ принадлежатъ къ церкви Дмитріевскаго монастыря, который, по свидѣтельству Лѣтописца Нестора (1), поставленъ Великимъ Княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, княжившимъ отъ 1054 до 1077 года. Вообще, открытые слѣды сего памятника древности представляютъ только отчасти

(1) «Изяславъ же постави монастырь Св. Дмитрія и выведе Варлаама на Игуменство къ Св. Дмитрію, хотя сотворити выше сего (Печерскаго) монастыря, надѣяся богатству. Мнози бо монастыри отъ Царя и отъ Боларъ и отъ богатства поставлени, но не суть тацѣ, каки суть поставлени олезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣніемъ» и проч.

Изъ сихъ словъ Лѣтописца должно заключить о богатомъ сооруженіи и украшеніи какъ всего Дмитріевскаго монастыря, такъ въ особенности главной его церкви. Время и обстоятельства нагладили все, оставивъ только самыя скудныя и ничтожныя остатки заданія, лежащія довольно глубоко въ землѣ отъ общаго уровня мѣста въ вышшемъ его положеніи.

остатки фундамента въ неразрушенномъ видѣ, какъ онъ былъ устроенъ съ самаго начала, но несравненно въ большихъ массахъ представляютъ взору одинъ мусоръ, въ который обратилось древнее зданіе, разрушенное и почти изглаженное временемъ, а можетъ быть и руками человѣческими. Здѣсь усмотрѣнъ такъ же, какъ при раскрытіи Осодоровскаго монастыря, небольшой остатокъ стѣны изъ кирпичей новой формы, примыкающій къ слѣдамъ древнѣйшаго зданія съ Сѣверной стороны, довольно еще уцѣлѣвшій, и приводящій къ заключенію, что и здѣсь къ древнѣйшимъ зданіямъ присовокуплены были въ позднѣйшее время нѣкоторыя пристройки, собственно церковныя или другія монастырскія, чего теперь нѣтъ никакой возможности различить.

По незначительности открытыхъ остатковъ древняго зданія, они немедленно зарыты снова землею.

Примѣчаніе. На представленномъ Комитету отъ Г. Анпенкова чертежѣ открытыхъ остатковъ древняго церковнаго зданія, составившимъ оный Г. Архитекторомъ Шуруповымъ сдѣланъ опытъ начертанія вѣроятнаго плана бывшей на семъ мѣстѣ древней церкви. Но одинъ взглядъ на чертежъ достаточно показываетъ, что нѣкоторыя изъ частей фундамента никакъ не могутъ вѣститься въ очеркъ ресторированія, которое впрочемъ вообще едва ли можетъ быть произведено съ убѣдительною вѣроятностію, по причинѣ слишкомъ значительнаго изглаженія этого памятника древности.

3. Въ оградѣ Трехсвятительской церкви.

При изысканіи древностей въ оградѣ Трехсвятительской церкви, въ 1837 году, Г. Анпенковъ замѣтилъ, что земля близъ церковнаго дома осунулась въ видѣ небольшой ямы. Въ 1838 году лѣтомъ, узнавъ отъ Священника той церкви, что въ недавнее время земля подѣ

стѣнами церковнаго дома опала, и заключаая изъ сего, что тутъ должна быть пустота, онъ возобновилъ на этомъ мѣстѣ поиски для открытія древностей, и въ значительномъ углубленіи отъ настоящей поверхности земли открылъ древнюю пещеру, подобную пещерамъ Кіевопечерской Лавры, съ поворотами, идущими подъ улицу смежную съ оградой. Отраженные отъ Комитета для осмотра сего открытія Члены донесли ему, что пещера, выкопанная въ твердомъ глинистомъ песчаникѣ, имѣетъ значительное сходство съ пещерами Кіевопечерской Лавры, какъ по образованію стѣнъ и сводовъ, такъ и по различнымъ углубленіямъ, составлявшимъ вѣроятно ходы въ разныхъ направленіяхъ. Какъ далеко простираются эти ходы, не лзя догадаться потому, что они наполнены отчасти только отрытою Г. Анненковымъ землею, болѣе рыхлою, нежели самыя стѣны и сводъ пещеры, и очевидно нанесенною въ пещеру для того, чтобы закрыть ее, по минованіи нужды въ ея употребленіи. Въ какое время и на какой конецъ вырыта была пещера, также трудно опредѣлить сколько-нибудь приблизительно къ достовѣрности. Только соображеніе слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: 1) что продолговатая и узкая форма ходовъ, составляющихъ пещеру, не позволяетъ принимать ее за какую-нибудь хлѣбную яму или погребъ или подобное подземное хранилище, и 2) что копаніе пещеръ вообще было въ употребленіи только во времена или перваго учрежденія или слѣдовавшаго за нимъ размноженія монастырей и монастырской жизни въ извѣстной странѣ, можетъ привести къ довольно вѣроятному предположенію, что пещера вырыта во время цвѣтущаго состоянія какъ Кіевского Великаго Княженія вообще, такъ и Кіевской церкви въ частности, слѣдственно во время, предшествовавшее извѣстному нашествію Татаръ. Къ концу сего же періода времени привела бы догадка о времени устроенія пещеры и въ томъ случаѣ, если бы

слѣдовало почестъ ее убѣжищемъ , приготовленнымъ на случай непріятельскихъ нападеній на городъ Кіевъ, хотя такое предположеніе о цѣли устроенія пещеры кажется менѣе вѣроятнымъ , нежели догадка объ устроеніи оной ипоками котораго-нибудь изъ бывшихъ въ древности на Старомъ Кіевѣ монастырей , для ихъ Богоугодныхъ цѣлей.

Пещера, въ непродолжительномъ времени за открытіемъ ея , снова наполнена землею , и мѣстоположеніе выровнено по прежнему.

4. *Въ юрь ниже Михайловскаго монастыря.*

По донесенію Г. Анненкова о желаніи его продолжать начатое въ 1837 году изысканіе древностей на покатоости горы ниже Михайловскаго монастыря , Комитетъ сносяся съ Кіевскимъ Строительнымъ Комитетомъ о томъ , не либѣтся ли препятствій съ его стороны къ допущенію разрытія земли на косогорахъ , и получивъ отъ него планъ части горы съ означеніемъ мѣстъ , на которыхъ ничто не препятствуетъ разрывать землю , для изысканія древностей. За тѣмъ Г. Анненковъ дѣйствительно занимался производствомъ предположенныхъ поисковъ , послѣдствіемъ коихъ было отысканіе , въ различныхъ углубленіяхъ земли , нѣсколькихъ древнихъ вещей , которыя онъ и представилъ Комитету.

Примѣчаніе. Всѣ изысканія древностей Г. Анненковъ производилъ на свой счетъ.

II.

**ИЗЫСКАНІЯ ДРЕВНОСТЕЙ, ПРЕДПОЛАГАВШИЯСЯ КЪ
ПРОИЗВОДСТВУ ВЪ 1838 ГОДУ, НО НЕПРОИЗВОДИВ-
ШИЯСЯ.**

**1. *Окончательное открытіе остатковъ древней церкви
Св. Ирины.***

Въ отчетѣ о дѣйствіяхъ Временнаго Комитета изысканія древностей въ 1837 году, изложены соображенія, по которымъ Комитетъ не могъ не желать, чтобы открытіе этого памятника древности, скрывающагося отчасти еще подъ землею — въ холмѣ, занятомъ садомъ Г. отставнаго Поручика Воронцова, совершенно было исполнѣно и окончательно, и вмѣстѣ означены мѣры, которыя Комитетъ предполагалъ употребить для достиженія сей цѣли. Дѣдо сіе хотя и получило предположенное движеніе, однакожь доселѣ остается неразрѣшеннымъ: почему и нѣтъ еще возможности приступить къ очищенію отъ земли той части остатковъ древней церкви, до которой не коснулось первоначальное ея открытіе.

**2. *Поиски на въ дальнѣмъ разстояніи отъ церкви Св.
Ирины къ Югу.***

Означенное здѣсь мѣсто Г. Лохвицкимъ было представляемо за мѣсто погребенія Кіевского Князя Дира; а другими изслѣдователями Кіевскихъ древностей принимается за древнее Христіанское кладбище. Вообще же продолженіе розысканія древностей на этомъ мѣстѣ, начатаго отчасти Г. Лохвицкимъ еще въ 1834 году, признавалось не только не бесполезнымъ, но и желательнымъ, для того, что на немъ, при разрытіи земли могли

бы, по предположенію, найтись какія-либо древнія вещи (1). Но въ послѣдствіи времени, Г. Лохвицкій, въ поданномъ Комитету отзывѣ, отклонилъ отъ себя занятіе поисками на этомъ мѣстѣ, ссылаясь пменно на то обстоятельство, что, тутъ должно быть древнее кладбище. За тѣмъ Комитетъ при своихъ опытахъ изысканія древностей въ другихъ мѣстахъ имѣлъ случай удостовѣриться, что и разныя другія постороннія лица, касательно предметовъ такого рода, обнаруживаютъ мнѣніе одинаковое съ тѣмъ, къ которому Г. Лохвицкій перешелъ отъ прежнихъ своихъ настояній. По сему Комитетъ почелъ неприличнымъ давать впредь до усмотрѣнія какое-либо дальнѣйшее движеніе этому дѣлу.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ КАСАТЕЛЬНО ОПЫТА ИЗЫСКАНІЯ ДРЕВНОСТЕЙ, ПРОИЗВЕДЕННАГО НА АНДРЕЕВСКОЙ ГОРѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ 1837 году, по неоднократно домогательству Г. Лохвицкаго о дозволеніи ему произвести разрытіе земли на Андреевской горѣ въ бывшемъ крѣпостномъ валу, гдѣ онъ предполагалъ существованіе древнихъ крѣпостныхъ воротъ, построенныхъ будто бы при Великомъ Князѣ Святославѣ (Игоровомъ сынѣ), Комитетъ, хотя и не получилъ отъ Г. Лохвицкаго достаточнаго удостовѣренія въ будущемъ успѣхѣ опыта изысканія древностей на семъ мѣстѣ, рѣшился однакожь, въ надеждѣ окончательнаго объясненія этого сомнительнаго и спорнаго предмета, исходатайствовать требуемое разрѣшеніе на производство опыта и отпустить на то изъ своихъ суммъ 200 рублей въ распоряженіе Г. Лохвицкаго (2). Въ Сентябрѣ того же года, Г. Лохвицкій донесъ

(1) См. Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета въ 1837 году, стр. 84 и 85.

(2) См. Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета въ 1837 году, стр. 80—81.

Комитету, что онъ дѣйствительно открылъ подъ крѣпостнымъ валомъ древній ворота, которыхъ стѣны состоятъ изъ деревянныхъ сгнившихъ уже бревенъ. Комитетъ въ Ноябрь поручилъ Члену своему Г. Максимовичу и участвующему въ занятіяхъ Комитета Г. Берлинскому, осмотрѣть сдѣланное Г. Лохвицкимъ открытіе и довести съ своимъ мнѣніемъ, дабы Комитетъ могъ сдѣлать окончательное постановленіе о томъ, заслуживаетъ ли открытіе Г. Лохвицкаго сохраненія впредь въ неприкосновенномъ видѣ и дальнѣйшихъ издержекъ на расчищеніе прилежащаго къ нему мѣста, и на поддержаніе открытаго прохода подъ валомъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ во время открытія. Исполнивъ сіе порученіе, означенныя лица донесли въ 1838 году, что ни изъ древнихъ Лѣтописей, ни изъ записей послѣдовавшаго времени не открывается бытія крѣпостныхъ городскихъ воротъ на томъ мѣстѣ, да и въ послѣднее время, съ 1777 года, не было на томъ мѣстѣ никакого прохода на Старый Кіевъ, а видѣнъ былъ оставшійся отъ прежнихъ временъ палисадникъ около Старокіевскихъ валовъ; что въ раскопанномъ теперь Г. Лохвицкимъ мѣстѣ примѣтны только нѣкоторыя гнилыя бревна и болѣе нѣтъ никакихъ каменныхъ слѣдовъ древнихъ воротъ; что сѣн бревна суть остатки укрѣпленій этой части города, относящихся къ XVI вѣку, и состоявшихъ изъ двойныхъ деревянныхъ стѣнъ съ башнями, въ доказательство чего приведена выписка, взятая Г. Берлинскимъ изъ книгъ Архива Кіевского Магистрата (1); и что упомянутыя укрѣпленія закрыты землянымъ валомъ съ 1735 года, при устроеніи тогда новой крѣпости. За тѣмъ Комитетъ, разсуждая о семъ предметѣ, принималъ въ соображеніе: 1) что открытое Г. Лохвицкимъ на Андреевской горѣ отверстіе, хотя

(1) Вотъ слова изъ выписки, приведенныя Г. Берлинскимъ въ донесеніи Комитету :

могло действительно служить для прохода сквозь деревянные срубы укреплений, существовавших на Старомъ Кіевѣ до первой половины XVIII вѣка или и сквозь земляной валъ, закрывшій въ это время сказанный укреплениі, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено, по своему устройенію, далѣе того времени, когда городъ былъ огражденъ деревянными стѣнами съ башнями, о которыхъ упоминается въ приведенной Г. Берлинскимъ выпискѣ изъ актовъ второй половины XVI вѣка; 2) что по сему ни съ чѣмъ не сообразно было бы признать это отверстіе за врата, которыми будтобы Великій Князь Владиміръ Святославичъ вошелъ въ Кіевъ, какъ то утверждаетъ Г. Лохвицкій; 3) что означенное отверстіе, не составляя памятника сколько нибудь замѣчательнаго по своей древности, и по самому устройенію и виду своему не заслуживаетъ дальнѣйшаго сохраненія въ томъ видѣ, какъ оно было открыто, будучи весьма узко и низко, устройено изъ бревенъ, которыя отъ времени превратились въ прахъ, и вообще совершенно незначительно; 4) что обращеніе бревенъ въ прахъ отнимаетъ и всякую возможность сохранить это отверстіе въ настоящемъ его видѣ, не обложивъ и чрезъ то не закрывъ совершенно старыхъ его слѣдовъ новыми бревнами или кирпичемъ въ видѣ свода, что однакожъ ни къ чему бы не послужило; тогда какъ, съ другой стороны, оставить оное безъ такой обкладки, значило бы подвергать проходящихъ чрезъ оное людей явной опасности обрушенія земли, котораго разительный примѣръ время уже успѣло

«Изъ рапорта Кіевского Замковаго Городничаго въ 1858 году явствуетъ, что Старый Кіевъ тогда былъ огражденъ особыми (двойными) деревянными стѣнами съ башнями, и охраняемъ Замковыми гарнизонами, также казаками и ишанами; кромѣ церквей Русскихъ, Рипскихъ и некоторыхъ магазиновъ, обывательскихъ домовъ до 480 считалось; на содержаніе сего замка опредѣлены четыре села.»

показать такъ, что отверстіе во время весны закрыто въ обоихъ своихъ выходахъ обрушившимися на нихъ большими глыбами земли. По всѣмъ самъ соображеніямъ, Комитетъ призналъ открытое Г, Лохвицкимъ отверстіе въ валу Андреевской горы подлежащимъ закрытію; по чему и поручилъ Члену своему Г. Ставровскому нановъ землю какъ то отверстіе, такъ и проходъ въ видѣ сухаго канала, сдѣланный къ нему со стороны улицы, и вообще заровнять разрытое мѣсто, давъ ему прежній, до разрытія существовавшій видъ. На производство сихъ работъ отпущено изъ суммъ Комитета 70 рублей.

IV.

ВЕЩИ, ПРИОБРѢТЕННЫЯ ВЪ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ.

Приобрѣтенія Музея древностей въ 1838 году заключаются частію въ тѣхъ вещахъ, которыя найдены были въ землѣ при опытахъ изысканія древностей въ разныхъ мѣстахъ на старомъ Кіевѣ, частію въ вещахъ, доставленныхъ изъ другихъ мѣстъ.

А. Вещи, найденныя въ Кіевѣ.

1. *На предполагаемомъ мѣстѣ бывшаго въ древности Феодороваго монастыря (въ саду Г. Королева):*

а) Золотой круглый образокъ съ изображеніемъ Спасителя, величиною съ мѣдныи двухкопѣечникъ послѣднихъ годовъ прошедшаго вѣка, съ ушками вверху для ношенія на шеѣ на снуркѣ или цѣпочкѣ, и внизу для какой нибудь привѣски. Онъ обнизанъ былъ вокругъ (по ободку) жемчугомъ, коего уцѣлѣла только небольшая часть.

б) Золотой небольшой (съ полвершка въ длину и поперегъ) и тонкій крестикъ, съ ушкомъ въ одномъ концѣ, для привѣшенія или для прикрѣпленія къ чему нибудь.

в) Золотая круглая продолговатая вещица прорѣзной работы, съ отверстиями въ обоихъ концахъ, сквозь которыя вѣроятно продѣвался шнурокъ.

г) Пять золотыхъ перстней: три изъ нихъ съ цвѣтными камнями, четвертый съ фигурою ; пятый съ вырѣзаннымъ въ немъ вензельвымъ изображеніемъ, заключающимъ въ себѣ: въ срединѣ большую букву П, надъ верхомъ ея нѣчто подобное буквѣ І, съ лѣваго бока буквъ С; а съ праваго буквъ Р.

Примѣчаніе. Вѣса во всѣхъ золотыхъ вещахъ 11 золотниковъ.

д) Три серебряныя шестиугольныя гривны, изъ коихъ двѣ имѣютъ вѣса по $36\frac{1}{4}$, а третья $38\frac{1}{4}$ золотниковъ, по внѣшнему виду сходныя съ другими древними гривнами, па пр. съ найденными при расчищеніи фундаментовъ древней Десятинной церкви.

е) Три мѣдныхъ креста, съ выпуклыми изображеніями Святыхъ.

ж) Маленькіе желѣзные щипцы, подобныя тѣмъ, какіе и нынѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ употребляются для снятия со свѣчъ.

з) Маленькій кусочекъ яшмы, обломокъ пеналеннаго большаго, шлифованный съ двухъ сторонъ.

и) Восемь древнихъ глиняныхъ квадратныхъ половыхъ плиточекъ, съ слѣдами окраски, и три обломка древнихъ глиняныхъ издѣлій.

і) Обломокъ сплавленнаго камня.

к) Два куса каменной (красноватаго шифера) доски, имѣвшей видъ правильнаго четвероугольника и бывшей вѣроятно крышею каменной гробницы.

Примѣчаніе. Тамъ же найдено нѣсколько обломковъ мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей и стеклянной посуды.

2. Въ оградѣ Михайловскаго монастыря, на мѣстѣ древней церкви, впродолженіи Св. Великомученика Димитрія.

а) Мѣдная оцинкованная лапа, съ примѣтными на ней слѣдами почти изглажившейся позолоты, бывшая вѣроятно подножіемъ какого-либо древняго сосуда или другой церковной утвари.

б) Кирпичъ древней формы (тонкій, квадратный), взятый на сохраненіе изъ множества другихъ подобныхъ, изъ коихъ состоялъ остатокъ четырехугольнаго столба, болѣе прочихъ частей фундамента уцѣлѣвшій.

в) Шесть маленькихъ обломковъ разныхъ вещей, частью мѣдныхъ, частью стеклянныхъ.

г) Кусокъ штукатурки съ частию фигуръ, которыми росписанъ былъ четырехугольный столбъ, удержавшій на себѣ штукатурку.

3. Въ юръ ниже Михайловскаго монастыря.

Въ каждомъ изъ мѣстъ, на которыхъ дѣланы были поиски для изслѣдованія древностей, по отлогости горы, найдено въ разныхъ углубленіяхъ отъ поверхности земли, отъ 1' до 2' аршинъ, нѣсколько вещей или обломковъ, частью желѣзныхъ и глиняныхъ, въ обыкновенномъ домашнемъ быту употребляемыхъ, частью имѣющихъ нѣкоторую особенность.

а) Большой глиняный сосудъ (урна) съ узкимъ отверстіемъ и съ слѣдами бывшихъ двухъ ручекъ, который отрытъ Г. Анненковымъ въ одномъ изъ возвышеній упомянутаго косогора, и въ которомъ онъ нашелъ прахъ и жженныя кости человѣческія.

б) Семь кусковъ фигурныхъ кафель, вѣроятно изъ церковныхъ печей.

в) Два куска мрамора, и три обдѣланныхъ красныхъ камешка съ отверстіями въ срединѣ, по которымъ должно заключать, что они находились на щетахъ.

г) Разные обломочки цвѣтнаго стекла, и кусочки янтаря.

д) Стремя желѣзное.

е) Три старинныхъ кирпича изъ Дмитровскаго аврага.

Примѣчаніе. Г. Анненковъ представилъ Комитету рисунокъ древняго мѣднаго колокола, разрушеннаго отчасти огнемъ, найденнаго въ его саду въ смежности съ Десятинною церковью, близъ Андреевскаго вѣзда; но самый колоколъ, какъ принадлежность церковную, онъ предоставилъ Десятинной церкви.

Б. Вѣщи, найденныя внѣ Кіева.

1. Переданныя изъ Минералогическаго Кабинета.

а) Томбаковый перстень, найденный около Кракова въ могилѣ, пожертвованный бывшему Волынскому Лицею Г. Ходаковскимъ.

б) Какое-то древнее маленькое орудіе, изъ желтой мѣди, раскрашенное зеленою краскою.

в) Мѣдное кольцо съ какими-то на немъ знаками.

г) Мѣдный маленькій идолъ.

д) Два золотые перстня, изъ коихъ одинъ съ кровавикомъ, а другой съ зеленымъ стекломъ.

е) Восемь золотыхъ штучекъ, въ числѣ коихъ двѣ имѣютъ видъ древнихъ урнъ, но въ совершенно маломъ размѣрѣ, какъ бы онѣ служили пуговицами, или подобною принадлежностію одежды, или украшеніемъ какихъ нибудь другихъ вещей.

Вѣщи сіи (в—е) найдены въ имѣніи Подольской Губерній Помѣщика Іеронима Собанскаго, и пожертвованы имъ бывшему Волынскому Лицею.

2. *Доставленные въ Музей отъ частныхъ лицъ.*

а) Мѣдный наперсный крестъ, состоящій изъ двухъ складныхъ половинъ, верхней и нижней, съ выку-
клыми Славянскими буквами, изображенными въ обрат-
номъ видѣ отъ правой руки къ лѣвой, и похожими на
Глаголитскія. Найденъ Кіевской Губерніи въ Чигирин-
скомъ Уѣздѣ, близъ рѣки Тясмина, въ урочищѣ ярмарки.
Пожертвованъ Музею Учителемъ Капевского Уѣзднаго
Училища Яковомъ Ковалевскимъ, который приобрѣлъ
его отъ Священника села Мордвы.

б) Маленькое мѣдное остріе стрѣлы, найденное
близъ г. Чигиринна. Доставлено отъ того же Г. Ковалев-
скаго.

в) Четыре мелкія Римскія серебряныя монеты,
найденныя Г. Подполковникомъ Ивановымъ 13-мъ на
поляхъ, принадлежащихъ Помѣщику Херсонской Губерніи
Александрійскаго Уѣзда, Гвардіи Капитану Нечаю, и
препровожденныя къ Г. Предсѣдателю Комитета Г.
Начальникомъ Части Генеральнаго Штаба 2 Резервнаго
Кавалерійскаго Корпуса Новороссійскаго Военнаго посе-
ленія, Генералъ-Маіоромъ М. Фоиъ-Брадке. Монеты
сіи, какъ ненужныя для Милицъ-Кабинета, уже имѣющаго
образцы сего рода, переданы для храненія въ Музей
древностей.

Примѣчаніе. Сверхъ того, въ весьма недавнее время
Г. бывшій Профессоръ Эйновичъ пожертвовалъ въ Музей
значительное количество древностей и рѣдкостей. Но сіе
приобрѣтеніе Музея принадлежитъ уже къ 1839 году, и
потому не можетъ войти въ составъ настоящаго отчета.

В Ы П И С К А
ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНИЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

. *Засѣданіе 11 Января 1839 года.*

Г. Вице-Президентъ Академіи, желая, чтобы читаемыя нѣкоторыми изъ Гг. Академиковъ въ теченіе зимы публичныя лекціи о разныхъ отрасляхъ Наукъ, сдѣлались доступными большому числу слушателей, и въ особенности обучающемуся юношеству столицы, сообщилъ Конференціи о намѣреніи своемъ ассигновать впредь ежегодно отъ 3 до 4000 рублей въ вознагражденіе двумъ Академикамъ за лекціи, которыя они будутъ читать въ продолженіе зимы въ малой Конференцъ-залѣ Академіи, при чемъ Его Сіятельство предоставляетъ себѣ самому бесплатную раздачу билетовъ. Выборъ Профессоровъ, такъ же какъ и предмета лекціи и языка, на которомъ они желаютъ читать, будутъ зависѣть отъ Академіи. Конференція съ единодушнымъ одобреніемъ и благодарностію приняла предложеніе Его Сіятельства; но по причинѣ уже поздняго времени года положила, чтобы Непременный Секретарь возобновилъ предложеніе въ первомъ засѣданіи послѣ лѣтнихъ вакацій, для надлежащаго его выполненія.—Г. Адъюнктъ Фритцше прочелъ статью:

Ueber die Purpursäure und ihre Salze,

котораго по желанію Автора явится въ бюллетенѣ. — Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи, при отношеніи отъ 22 Декабря, препровождавъ серебряныя монеты, вѣсомъ въ 3 фунта 45 золотниковъ, вырытыя изъ земли въ 4-мъ Округѣ пахотныхъ солдатъ, желаетъ знать мнѣніе Академіи о достоинствѣ монетъ. Г. Академикъ Кругъ вызвался рассмотреть ихъ и представить свое донесеніе Академіи. — Другимъ предложеніемъ, отъ 31 Декабря, Г. Министръ сообщаетъ рукопись сдѣланнаго Отцемъ Іакпнеомъ перевода на Русскій языкъ одного Китайскаго сочиненія о древнихъ и новѣйшихъ монетахъ Китайской Имперіи. Переводъ сей, поднесенный по предствительству Г-на Вице-Канцлера Государю Императору, заслужилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества удовольствіе. Препровождавъ сію рукопись къ Г. Министру, Его Сіятельство Г. Вице-Канцлеръ замѣчаетъ, что недостающіе еще рисунки нѣкоторыхъ монетъ будутъ непременно доставлены по возвращеніи нашей Миссіи изъ Пекина въ 1841 году. Въ слѣдствіе сего Г. Министръ, признавая всю пользу этого сочиненія, считаетъ нужнымъ отложить изданіе его въ свѣтъ до полученія сказанныхъ рисунковъ и поручаетъ Академіи сохранить рукопись въ своей бібліотекѣ. Она была передана на сей конецъ Г-ну Френу. — При письмѣ отъ 23 Декабря Г. Вице-Президентъ препровождастъ Грузинско-Россійско-Французскій Словарь Студента Чубинова-Георгіева, просмотрѣнный и пополненный Авторомъ въ слѣдствіе замѣчаній, сдѣланныхъ Г-мъ Академикомъ Броссе. Его Сіятельство предлагаетъ Академіи издать этотъ трудъ на свой счетъ подъ надзоромъ Г-на Броссе, опредѣливъ Автору приличное вознагражденіе. Въ слѣдствіе отзыва Г-на Броссе, объявившаго этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ достойнымъ напечатанія, Конференція изъявила свое согласіе и опредѣлила уведомить Вице-Президента, что

Авторъ на основаніи отзыва Г-на Броссе можетъ по отпечатаніи его труда надѣяться на полученіе Демидовской преміи.

Другимъ предложеніемъ, отъ 9 Генваря, Г. Вице-Президентъ уведомляетъ Конференцію, что по представленію Г-на Министра Финансовъ Его Величество Государь Императоръ 23 Декабря Высочайше повелѣтъ дозволилъ отправить Академика Гамеля въ Англію для осмотра тамъ новыхъ мануфактурныхъ заведеній, ассигновавъ потребную на путевыя издержки и на закупку технологическихъ предметовъ сумму изъ Государственного Казначейства. — Письмомъ отъ 7 Генваря Г. Вице-Адмиралъ Рикордъ уведомляетъ Его Сіятельство Г. Вице-Президента о предполагаемомъ 21 Генваря празднованіи юбилея Г-на Вице-Адмирала Крузенштерна, приглашая Академію Наукъ принять участіе въ этомъ торжествѣ ея Почетнаго Члена. Конференція, опредѣливъ изъявить съ своей стороны участіе поздравительнымъ письмомъ, препоручила сочиненіе его Гг. Беру и Фусу. — При сообщеніи, отъ 16 Декабря, Вольнская Врачебная Управа препровождаетъ Зоотомическому Музею Академіи урода въ спиртъ. — Г. Академикъ Френъ вручаетъ Конференціи составленную по его приглашенію и къ совершенному его удовольствію Г-мъ Барономъ Шюдуаромъ роспись Китайскихъ и Японскихъ монетъ Азіатскаго Музея. — Г. Академикъ Грефе доноситъ о статьѣ Г-на Пастора Муральта Младшаго касательно хранящейся въ Академической библіотекѣ рукописи Плиніевой Естественной Исторіи, и отзывается о ней, что находитъ ея достойною помѣщенія въ Бюллетенѣ. — Г. Академикъ Броссе представляетъ статью подъ заглавіемъ:

Надписи на Грузинскихъ гробницахъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ,

и вручаетъ Конференціи отъ имени ея Президента дра-

гоцѣвину рукописи, поднесенную Его Сіятельству жителствующимъ въ Москвѣ Грузинцемъ Потромъ Кебадзе, и прочелъ донесеніе объ этой рукописи, заключающей въ себѣ Грузинскій переводъ въ стихахъ и въ прозѣ Аварі Сохайді или Пиднаевыхъ Басенъ. — Г. Гиргенсонъ, Механикъ Академіи, присылаетъ статью подъ заглавіемъ:

Beschreibung einer Waage von einer neuen Construction und Angabe der Art diese Waage zu justiren.

Донесеніе Г. Броссе и статью Г. Гиргенсона опредѣлено напечатать въ *Bulletin scientifique*. — Прочтено письмо изъ Гамбурга отъ 25 Декабря, при которомъ нашъ тамошній Министръ-Резидентъ Г. Струве прилагаетъ: 1) перечень письма изъ Лабрадора съ разными метеорологическими и другими наблюденіями; 2) обзоръ геологическихъ наблюденій Г. Доктора Роберта во время его путешествія въ Норвегію и Шпицбергенъ; 3) одинъ номеръ Франкфуртской газеты (*Journal de Francfort*), заключающій въ себѣ опроверженіе помянутого Г-на Д-ра Роберта на разные статьи Французскихъ журналовъ противъ экспедиціи корабля *Recherche*; и 4) проспектъ издаваемого въ Лундѣ Г-мъ Ангелиномъ *Museum palaeontologicum suecicum*, коего первый номеръ представляетъ 50 образцовъ, собранныхъ въ Швеціи окаменѣлостей и приобрѣтеніе котораго Г. Струве полагаетъ желательнымъ для Академіи. Всѣ приложенія этого письма отданы Г-ну Купферу, для надлежащаго о нихъ донесенія. — Письмомъ отъ 22 Декабря Г. Генералъ-Лейтенантъ Саблуковъ посылаетъ отъ имени Г-на Помѣщика Шуманна въ Екатеринославской Губерніи въ даръ Нумизматическому Музею, вырытую въ имѣніи Г-на Шуманна золотую монету Юстиніана, о которой уже было донесено Г-мъ Академикомъ Греемъ. — Непременный Секретарь представилъ дневники метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Соль-Вычегодскѣ и Яренскѣ.

Засѣданіе 18 Генваря.

Г. Академикъ Френъ вручилъ Конференціи свое донесеніе о приобрѣтеніяхъ Азіатскаго Музея въ 1838 году. — Г. Академикъ Триніусъ прочелъ диссертацию, подъ заглавіемъ: *Phalaridea*, а Г. Академикъ Остроградскій статью, имѣющую заглавіе:

Sur l'équilibre du polygone funiculaire et du fil flexible.

Г. Академикъ Шмидтъ представилъ свой *Словарь Тибетскаго языка*, и просилъ изготovitъ два изданія оного, одинъ съ Русскимъ, а другой съ Нѣмецкимъ переводомъ, что и было одобрено Конференціею. — Г. Академикъ Брандтъ подалъ списокъ разныхъ предметовъ Зоологіи, подаренныхъ Г-мъ Далемъ для Академическаго Музея и предлагалъ изъявить благодарность Академіи какъ Г-ну Доктору Далою, такъ и Его Превосходительству Г. Военному Губернатору Оренбургскому, Генералъ-Адъютанту Перовскому, за присланные предметы. Конференція поручила исполненіе сего Непремѣнному Секретарю. — Г. Академикъ Беръ прочелъ статью, предлагаемую имъ для Бюллетеня, подъ заглавіемъ:

Einige Berichtigungen der von H. Münzmeister Pusch bestimmten Schalthiere des Wollhynisch-Podolischen Tertiärbekens von Staatsrath Eichwald.

Г. Академикъ Бонгардъ донесъ, что Ботаническій Музей снова получилъ отъ Г-на Вундерлиха въ Царццынѣ 50 породъ растений въ 245 образчиковъ. — Г. Адъюнктъ Фритцше прочелъ статью для Бюллетеня:

Ueber ein krystallisirtes Hydrat der Harnsäure.

Непремѣнный Секретарь вручилъ произведенныя въ по-

слѣдную треть истекшаго года въ Вѣлостоки и Брестъ-Литовскіе наблюденія по части Метеорологин и донесъ о кончинѣ Члена - Корреспондента Академіи Профессора Бонсдорфа въ Гельсингфорсѣ.

Засѣданіе 25 Января.

Читано письмо изъ Парижа Г-на Профессора Норманна къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія и Президенту Академіи о дагерротипѣ. — По прочтеніи письма Гг. Академики Брандтъ и Беръ, замѣтивъ, что Г. Дагерръ, по газетнымъ извѣстіямъ, намѣренъ сообщить свое изобрѣтеніе, какъ скоро същется 300 подписчиковъ по 1000 франковъ, предложили уполномочить Г-на Профессора Норманна, чтобы онъ подписался отъ имени Академіи, или въ случаѣ, если Французское Правительство, судя по словамъ Г-на Араго, уже купило тайну для обнародыванія ее, прислалъ бы Академіи въ наискорѣйшемъ времени дагерротипъ съ указаніемъ на счетъ приготовленія металлическихъ досокъ. Предложеніе было одобрено. — Г. Академикъ Френъ объявилъ, что какъ обширность и высокая важность Мухаммеданской Литературы, Арабской, Персидской и Турецкой, требуетъ необходимо избранія новаго Адъюнкта, тѣмъ болѣе, что онъ, по отбытіи Г-на Профессора Шармуа въ Южный климатъ для поправленія разстроеннаго здоровья, остается по этой части одинъ безъ всякаго содѣйствія, то онъ предлагаетъ Адъюнктомъ своимъ по Мухаммеданской Литературѣ Г-на Коллежскаго Совѣтника Профессора Дорна, Члена Корреспондента Академіи, бывшаго прежде Ординарнымъ Профессоромъ Восточныхъ языковъ при Харьковскомъ Университетѣ, нынѣ же Профессора Исторіи и Литературы Азии при Азіатскомъ Институтѣ Министерства Иностранныхъ

Дѣль. Г. Профессоръ Дорнъ уже снискалъ себѣ извѣстность многими учеными трудами, и достаточно доказалъ свои свѣдѣнія въ Эеіонскомъ, Арабскомъ и Персидскомъ языкахъ и въ сравнительномъ языкоученіи, а частными своими лекціями Санскритскаго языка при здѣшнемъ Университетѣ также свои познанія въ семъ языкѣ. Академія, слѣдуя принятому ею правилу, не приступать къ выбору въ день самаго предложенія, опредѣлила отложить это до слѣдующей Среды. — Тотъ же Академикъ донесъ о найденныхъ въ Подоліи монетахъ (см. Засѣданіе 21 Декабря 1838), что всѣ онѣ Татарскія, по большей части изъ Крыма, чеканены въ XIV и въ началѣ XV столѣтія (числомъ 127), и 41 изъ нихъ не доставало въ коллекціи Азіатскаго Музея. — Г. Академикъ Грефе объявилъ, что остальные изъ сихъ монетъ относятся къ новѣйшимъ временамъ и Среднему вѣку, состоятъ изъ Богемскихъ, Польскихъ, Шведскихъ и Пруссскихъ монетъ, и не имѣютъ для Академіи никакой цѣнности. При этомъ случаѣ Г. Грефе замѣтилъ, что кстати было бы поставить всѣмъ, дѣлающимъ подобныя находки, на видъ, чтобы они не расчищали такихъ монетъ, потому что онѣ портятся отъ тренія. Г. Академикъ Купферъ показалъ инструментъ, сдѣланный по его заказу Механикомъ Академіи, Г. Гиргенсономъ, для Главнаго Педагогическаго Института, и служащій къ опредѣленію географической широты и долготы, а равно склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки. Онъ объяснилъ устройство инструмента и обѣщалъ сообщить подробное его описаніе для *Bulletin scientifique*. Тотъ же Академикъ, возвращая присланныя Г-мъ Струве изъ Гамбурга бумаги, предложилъ: 1) порекомендовать Г. Бору редакцію статьи о странѣ Лабрадоръ, потому что занимаясь изслѣдованіемъ климата Ситки, онъ можетъ произвестъ любопытное сравненіе климата обѣихъ странъ; 2) помѣстить статью Г-на Доктора Роберта въ *Bulletin scientifique*; и 3) подписаться

на *Museum palaentologicum suecicum* Г-на Ангелина въ Лундѣ. — Г. Академикъ Брандтъ прочелъ статью:

Note sur une nouvelle espèce du genre *Asterias*
(*Asterias grandis*) appartenant à la section des
solastéries de M. de Blainville.

Тотъ же Академикъ довѣсть о успѣхахъ и приращеніяхъ Зоотомическаго и Зоологическаго Музеевъ въ 1838 году. — Экстраординарный Академикъ Г. Броссе предложилъ Конференціи велѣть срисовать картины въ церкви древней столицы Царей Грузинскихъ Мцхеты, и скопировать тамошнія надписи для того, чтобы спасти сіи памятники отъ забвенія, угрожающаго имъ отъ предполагаемой совершенной перестройки этого зданія. Рисунки и копін моглибъ быть произведены подъ надзоромъ Г-на Юсселиана. Предложеніе было одобрено. — Г. Адъютантъ Кеппенъ сообщилъ Конференціи статью изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Октябрьская книжка 1838 года), гдѣ говорится о камнѣ съ Греческою надписью изъ временъ Левкона, Архонта Воспора и Θεοδοσίη. Определено просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отнестись къ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ на счетъ сообщенія Академіи этого камня, который, по замѣчанію Г. Кеппена, особенно достоинъ вниманія, потому что на немъ кромѣ Синдовъ, Тортовъ и Дандаріовъ, встрѣчающихся и на другихъ надписяхъ, напимѣръ на изданной Г-мъ Кеппеномъ въ XX томѣ Вѣнскихъ Литературныхъ Лѣтописей (*Wiener Jahrbücher der Literatur*), надписи Ксеноклида, сына Позиса, еще наименованъ народъ или племя Псессы или Псессіиды, о которомъ, сколько помнитъ Г. Кеппенъ, доселѣ еще не было упоминаемо въ Воспорскихъ надписяхъ, хотя по словамъ Плинія, Птоломея и Стефана Византійскаго, эти Псессы должны принадле-

жать къ Меотійскимъ народамъ.—Г. Адъюнктъ Фрицше прочелъ статью, подъ заглавіемъ :

Vorläufige Notiz über ein neues Zersetzungprodukt des Indigo durch Salpetersäure.

Опредѣлено напечатать ее. — Непремѣнный Секретарь представилъ метеорологическія наблюденія : 1) изъ Волоколамска, 2) изъ Уфы, 3) изъ Херсона и Смоленска. Всѣ онѣ вручены Г-ну Академику Купферу.

Засѣданіе 1 Февраля.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи предложеніемъ отъ 28 Генваря поручаетъ Академіи разсмотрѣть проектъ мукомольной мельницы съ малятикомъ, представленный Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ Студентомъ здѣшняго Университета Комарницкимъ съ прошеніемъ о выдать ему на это изобрѣтеніе привилегіи. Г. Академикъ Парротъ вызвался изслѣдовать проектъ и представить объ немъ свое донесеніе. — Г. Вице-Президентъ предложеніемъ отъ 1 Февраля доводить до свѣдѣнія Конференціи, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленію Академіи, исходатайствовалъ Г-ну Фрицше позволеніе предпринять путешествіе на три мѣсяца въ Германію.—Конференція, согласно съ опредѣленіемъ, принятымъ ею въ послѣднее засѣданіе, приступила къ балотировкѣ Г. Профессора Дорна на званіе Адъюнкта по отдѣленію Восточныхъ языковъ и по оказавшемся въ его пользу рѣшительномъ большинствѣ голосовъ опредѣлила просить Г. Министра исходатайствовать этому выбору Высочайшее утвержденіе. — Непремѣнный Секретарь сообщалъ Конференціи перечень писемъ Г. Штейнгейля къ Г. Академику Струве, въ которомъ сказано: «Г. Гаусъ убѣдительно проситъ васъ препоручить покровительству С. Петербургской Академіи

издаваемый книгопродавцемъ Вейдманомъ въ Лейпцигѣ сборникъ результатовъ Магнетическаго Общества. Приготовляемый къ печати третій томъ этого журнала будетъ заключать въ себѣ теорію явленій магнетизма, статью самого Г-на Гауса, и по этому безъ сомнѣнія классическую. Къ несчастію, это прекрасное предпріятіе мало поддерживается въ Германіи, и должно опасаться, чтобы оно не рушилось за недостаткомъ средствъ, если не встрѣтитъ великодушнаго содѣйствія Академій». Конференція опредѣлила подписаться на 3 экземпляра сочиненія и просить у высшаго Начальства, чтобы оно пригласило къ подпискѣ также Университеты и Гимназіи. — Г. Академикъ Гамель предъавилъ герметически запаянный ларчикъ съ варенымъ мясомъ, который онъ досталъ себѣ въ 1814 году въ Лондонѣ у Гг. Донкина, Галъ и Гембля, учредившихъ въ Бермондсеѣ, фабрику для заготовленія въ прокъ мяса и другихъ съѣстныхъ веществъ животнаго и растительнаго царствъ — предметъ весьма важный для моряковъ, особенно въ продолжительное плаваніе. Г. Гамель предложилъ открыть этотъ ларчикъ во время самаго засѣданія, съ тѣмъ чтобы Члены Академіи могли удостовѣриться въ сохранности мяса. По распечатаніи ларчика, мясо, сохранявшееся въ немъ, судя по надписи, съ 3-го Марта 1814 года (слѣдовательно около 52 лѣтъ) дѣйствительно оказалось свѣжимъ и вкуснымъ. — Г. Академикъ Купферъ прочелъ письмо отъ Г. Кройля въ Миланѣ, сообщающаго ему краткое изложеніе главнѣйшихъ выводовъ наблюденій о магнетизмѣ, произведенныхъ симъ Ученымъ въ Миланской Обсерваторіи. Перечень письма будетъ напечатанъ въ Бюллетенѣ. — Г. Академикъ Гессъ прислалъ Разсужденіе, также назначаемое для этого журнала подъ заглавіемъ:

Recherches sur la constitution de l'acide saccharique.

Г. Экстраординарный Академикъ Бонгаръ просилъ Конференцію дозволить ему выписать для Ботаническаго Музея триста растений изъ Багін, продающихся у Г. Лушната въ Лангефуръ близъ Данцига по весьма умеренной цѣнѣ. Конференція согласилась. — Г. Экстраординарный Академикъ Броссе прочелъ записку для Бюллетеня:

De l'état religieux et politique de la Géorgie jusqu'au XVII siècle.

Г. Адъютантъ Кеппенъ представилъ Разсужденіе:

Ueber die Temperatur von 130 Quellen der taurischen Halbinsel.

Непремѣнный Секретарь представилъ отъ имени Г. Славинскаго, Директора Виленской Обсерваторіи, годичный отчетъ о числѣ наблюденій, произведенныхъ на означенной Обсерваторіи въ 1838 году; и присланныя изъ Ковно и Новочеркаска метеорологическія показанія.

Засѣданія 15 Февраля.

Г. Академикъ Френъ прочелъ Разсужденіе подъ заглавіемъ:

Quinque centuriae numorum anecdotorum Chalifarum cum Umeijadarum tum Abbasidarum ex variis Museis, edidit Chr. M. Frähn, Partis alterius, numos Chalifarum Abbasidarum complexentis, sectio prima.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи, предложеніемъ отъ 12 Февраля, посылаетъ на разсмотрѣніе разныя серебряныя монеты съ Татарскими надписями, вырытыя изъ земли Кантонистами Витебскаго баталіона и доставленныя отъ Г-на Военнаго Министра.

Часть XXI. Отд. III.

8

Разсмотрѣніе поручено Г-ну Академику Френу. — Другимъ предложеніемъ отъ 14 Февраля Г. Министръ увѣдомилъ Академію, что во время пребыванія Государя Наслѣдника Цесаревича въ Неаполь, Секретарь тамошней Королевской Академіи Г. Монтичелли представилъ Его Императорскому Высочеству свое сочиненіе *Prodotto della Mineralogia Vesuviana* съ рукописнымъ описаніемъ его коллекціи Везувіанскихъ минераловъ, которую онъ предлагаетъ продать Россійскому Правительству. Г. Министръ, препровождая книгу и записку Г-на Монтичелли, поручаетъ Академіи изслѣдовать ихъ и донести, заслуживаетъ ли сказанная коллекція быть приобрѣтенною и по какой именно цѣнѣ. — Третьимъ предложеніемъ отъ того же числа, Г. Министръ сообщаетъ Академіи, что Государь Императоръ, по докладу Г-на Генералъ-Адъютанта Графа Бенкендорфа, Всемилостивѣйше соизволилъ подарить Академіи собраніе Восточныхъ книгъ и рукописей, принадлежавшее покойному Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Барону Шиллингу фонъ Канштадтъ, повелѣвъ выдать наслѣдникамъ 40,000 рублей изъ Государственнаго Казначейства за всю коллекцію со включеніемъ также предметовъ, до Востока касающихся, и которые въ послѣдствіи окажутся въ числѣ прочаго имуществва Барона Шиллинга. По случаю этого новаго драгоценнаго знака Монаршей милости, принятаго Академіею съ глубочайшею благодарностью, Г. Академикъ Френъ предложилъ обратиться къ Члену-Корреспонденту Академіи, Отцу Іакинну, съ просьбою: во 1) изготovitъ общій каталогъ Китайско-Манчжурско-Японской части коллекціи Барона Шиллинга въ родѣ каталога, составленнаго Г-мъ Академикомъ Шиндтомъ по Монгольско-Тибетскому ея отдѣленію; во 2-хъ) соединить это собраніе съ прежними Китайскими коллекціями Академіи, а именно а) съ старинною Академическою, коей каталогъ изданъ былъ на Русскомъ языкѣ

Гг. Каменскимъ и Липовцовымъ, б) первою коллекцію Шиллинга, которой имѣется въ Азіатскомъ Музеумѣ Французскій каталогъ, в) коллекціею Ладыженскаго съ росписью на Русскомъ языкѣ, и наконецъ г) коллекціею, собранною въ Пекинѣ Архимандритомъ Петромъ (Каменскимъ). По соединеніи же сихъ пяти собраній, составитъ имъ всѣмъ общую подробную роспись для напечатанія ея на Русскомъ и Французскомъ языкахъ; и въ 3-хъ) проситъ ученаго Синолога, чтобы онъ отдѣлилъ изъ соединенной такимъ образомъ коллекціи всѣ дублиеты и составилъ имъ особую краткую роспись, которую Академія велитъ напечатать и, по совѣтамъ Отца Іакинва, можетъ употреблять для легчайшаго обихъ на кнѣги и рукописи, еще не достающія въ ея Китайской Библіотекѣ. — Отпошениемъ отъ 4 Февраля, Г. Коновскій, Директоръ Канцеляріи Министра, препровождаетъ, по порученію Его Высочайшаго Превосходительства, планъ археологическаго путешествія по Ливоніи и Курляндіи, начертанный Г-мъ Профессоромъ Дерптскаго Университета Крузе, вмѣстѣ съ представленіемъ по этому случаю Г-на Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа. Конференція поручила Г-мъ Кругу и Грфе изслѣдовать планъ Г-на Крузе и донести объ немъ Академіи. Г. Академикъ Купферъ объявлялъ, что учрежденное въ Херсонѣ Училище судоходства беретъ, по его приглашенію, производить метеорологическія наблюденія во время поворота солнца и равноденствія, и проситъ о снабженіи его на этотъ конецъ стоградуснымъ термометромъ. Г. Купферъ склонилъ Конференцію согласиться на эту просьбу, поставивъ на видъ, что содѣйствіе Херсонскаго Училища судоходства можетъ принести большую пользу въ этомъ дѣлѣ. Инструментъ велѣно заказать у Г-на Гиргенсона. Г. Академикъ Брандтъ увѣдомилъ, что Зоологическій Музей получилъ въ даръ отъ Г-на Гротена, здѣшняго негоціанта, прекрасный и превосходно сохранный обра-

зѣцъ большаго обыкновеннаго медвѣдя, недавно вастрѣ-
леннаго близъ Ораніонбаума. — Тотъ же Академикъ пред-
ставлялъ отъ имени Г-на Менетріе рукописное Разсужденіе
подъ заглавіемъ:

*Monographie du genre Anacolus de la famille des
longicornes (Insectes coléoptères),*

и отозвался, что оно заслуживаетъ быть напечатан-
нымъ въ собраніи мемуаровъ. — Онъ же донесъ, что
Зоологическій Музей получилъ отъ Гг. Дюпона и Бюке
(Dupont et Buquet) въ Парижѣ двухъ птицъ, большое
число черепокожныхъ, 715 породъ насѣкомыхъ и полную
коллекцію финиотаныхъ глазъ. Г. Академикъ Гессъ
сообщилъ Конференціи письмо, которымъ Г. Берцелиусъ
извѣщаетъ его о существованіи новаго металла, откры-
таго Г-мъ Мозандеромъ въ церитѣ. Перечень этого
письма будетъ напечатанъ въ Bulletin scientifique. — Г.
Академикъ Беръ, уведоивъ Академію, что Азіатскій
Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ обла-
даетъ множествомъ свѣдѣній о смежныхъ съ Россіею
странахъ Азіи, предложилъ пригласить Департаментъ
сообщить сіи свѣдѣнія Академіи для напечатанія ихъ. —
Непрѣмѣнный Секретарь вручилъ отъ имени Хранителя
Минералогическаго Музея, Г-на Гельмерсена, рукописное
его сочиненіе подъ заглавіемъ:

*Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und
den nordwestlichen Theil des Chinesischen
Staates, gesammelt von dem Präsidenten der
asiatischen Gränzcommission in Orenburg, Gen.
M. Gens, bearbeitet und mit Anmerkungen
versehn von G. v. Helmersen (съ картою).*

Конференція предписала напечатать его въ сборникѣ
свѣдѣній, относящихся къ Россіи и пограничнымъ стра-
намъ Азіи. — При письмѣ изъ Дерпта отъ 10 Февраля

Г. Моргенштернъ посылаетъ біографическое и литературное свидѣніе о покойномъ Г-нѣ Келерѣ, составленное имъ по вызову Непремѣннаго Секретаря для Собранія актовъ послѣднаго публичнаго засѣданія. Г. Моргенштернъ увѣдомляетъ Академію, что въ рукахъ наслѣдниковъ Г-на Келера имѣется весьма похожій портретъ этого Академика и замѣчаетъ, что для иностранныхъ Ученыхъ пріятно будетъ видѣть хорошую копию съ этого портрета, приложенную къ его Біографіи. Конференція предписала своему Секретарю приказать выгравировать портретъ для приложенія его къ собранію актовъ.—Письмомъ изъ Гамбурга отъ 13 Февраля, нашъ Министръ-Резидентъ Г. Струве предлагаетъ Академіи купить коллекцію минераловъ. Письмо передано Г-ну Академику Купферу для донесенія Академіи. Съ другимъ письмомъ Г. Струве посылаетъ рукопись, подъ заглавіемъ :

Beiträge zur Geschichte der Stadt Riga, aus den
ältesten Stadtbüchern der Stadt Wismar, von
Dr. Burmeister.

Г. Академикъ Кругъ, по прочтеніи этой Записки, предложилъ отослать ее Историческому Обществу Отзейскихъ провинцій въ Ригѣ. — Письмомъ къ Непремѣнному Секретарю Г. Профессоръ Якоби усволяетъ себѣ право первенства въ изобрѣтеніи снаряда, употребляемаго имъ въ электро-магнитныхъ машинахъ для перемѣны или обращенія назадъ направленія электрическаго тока, каковой снарядъ онъ назвалъ коммутаторомъ, между тѣмъ какъ одинъ Нѣмецкій Ученый приписываетъ себѣ изобрѣтеніе онаго, описывая его подъ другимъ наименованіемъ. Письмомъ изъ Барнаула отъ 25 Декабря, Г. Статскій Совѣтникъ Геблеръ, посылаетъ два ящика растений, собранныхъ въ путешествіе, сдѣланное на пѣдипеніи Академіи ученикомъ его Политовымъ. — Письмомъ отъ 14 Декабря Главный Тайша четырнадцати племенъ

Бурятскихъ Монголовъ Верхнеудинскаго Уѣзда въ Иркутской Губерніи, по имени Ирынчинъ Дойржи Дынбилговъ посылаетъ двѣ Монгольскія рукописи, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ осьмую главу Поэмы о подвигахъ Богды-Гессеръ-Хана, главу, недостающую въ изданіи Академіи, а другая Исторію одной Монгольской Принцессы. Рукописи отданы Г-ну Академику Шмидту.

Засѣданіе 22 Февраля.

Г. Академикъ Грѣфе представилъ и прочелъ Разсужденіе, подъ заглавіемъ:

Zur Aufhellung der Zahlwörter in dem Indogermanischen Sprachstamme. Ein Beitrag von Fr. Graefo.

Г. Министръ предложеніемъ отъ 15 Февраля передаетъ на разсмотрѣніе Академіи Грузинско-Французско-Русскій Словарь, составленный Переводчикомъ Азіатскаго Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, Г-мъ Надворнымъ Совѣтникомъ Сулхановымъ и препровожденный къ Г. Министру съ просьбою ввести его въ Учебныхъ Заведеніяхъ Грузіи. Разсмотрѣніе поручено Г-ну Академику Броссе. — Другимъ предложеніемъ отъ 20 Февраля Г. Министръ предписываетъ разсмотрѣть рукопись Татарской Грамматики, которую предполагаетъ издать Г. Оренбургскій Военный Губернаторъ. Рукопись сія, предварительно переданная на этотъ конецъ Г-мъ Френемъ Г-ну Адъюнкту-Профессору Волкову, Хранителю Азіатскаго Музеума Академіи, по отзыву сего послѣдняго, не содержитъ въ себѣ ничего, что могло бы послужить препятствіемъ къ напечатанію ея. Г. Академикъ Френъ донесъ, что вырытыя въ Витебскѣ серебряныя монеты всѣ куническія, VIII и IX столѣтій, и за исключеніемъ одной монеты Абдуллаха, третьяго Эмира Династін

Тагирдовъ, уже имѣются въ Музеумѣ Академіи, впрочемъ могутъ быть употреблены для пополненія Восточной нумизматической коллекціи Дерптскаго Университета: Гг. Академики Парротъ и Остроградскій, изслѣдовавъ Записку объ эллипсографѣ Г-на Ленина, просмотрѣнную и пополненную Авторомъ, письменно объявили, что инструментъ сей по справедливости можетъ почестся желаемымъ обогащеніемъ итога графическихъ инструментовъ и по этому заслуживаетъ одобреніе Академіи. Они полагаютъ также Записку достойною быть напечатанною въ *Bulletin scientifique*. — Г. Академикъ Парротъ прочелъ свое донесеніе о малтной мельницѣ Г-на Комарицкаго. Онъ находитъ, что предлагаемый Авторомъ механизмъ, какъ и всякій другой, не можетъ произвести непрерывнаго движенія малтника и что движеніе это сообщается надевіемъ гири, достаточной преодолѣть, встрѣчаемое сопротивленіе; что вообще малтнику въ машинахъ, какъ и въ часахъ нельзя приписывать движущей силы, и если приять адѣсь, какъ и слѣдуетъ, гирию за движителя. Авторъ не представилъ потребныхъ для вычисленія данныхъ. — Г. Академикъ Брандтъ представилъ:

Note sur la classification des espèces qui composent le genre *Polydesmus*, suivie d'une caractéristique de dix nouvelles espèces et de quelques remarques sur la distribution géographique des espèces en général.

Г. Академикъ Госсъ прочелъ:

Note sur la préparation et l'emploi du gaz oxygène et du gaz hydrogène, par MM. Hess et Jacobi.

Объ сихъ Записки войдутъ въ составъ Бюллетеня. — Г. Экстраординарный Академикъ Бонгаръ уведомилъ Академію, что Г. Щуквинъ, Директоръ Училищъ Иркутской Губерніи, снова прислалъ Ботаническому музею 170

породъ растений изъ окрестностей Иркутска въ числѣ 1300 образцовъ, и обѣщаетъ еще доставить въ теченіе нынѣшняго года добычу ботаническихъ поисковъ, произведенныхъ на берегахъ Охотскаго моря и въ окрестностяхъ Нерчинска. Тотъ же Академикъ донесъ о полученіи имъ отъ Г-на Зоммера въ Альтонѣ, чрезъ посредничество Г-на Струве въ Гамбургѣ, 50 породъ растений, собранныхъ близъ Нанна и Огага въ Лабрадорѣ. — Г. Экстраординарный Академикъ Броссе представилъ приобретенную имъ за 500 рублей рукопись Исторіи Грузіи Вахушта и просилъ о дозволеніи заказать снимки съ шести географическихъ картъ, приложенныхъ къ сему важному творенію, для перевода описанія Грузіи, которое онъ предполагаетъ издать въ свѣтъ. Конференція изъявила свое согласіе. — Непрѣмѣнный Секретарь представилъ метеорологическія наблюденія изъ Яренска въ Вологодской Губерніи, за мѣсяцъ Декабрь, и изъ Бердичева въ Волынской Губерніи за весь 1838 годъ.

В Ы П И С К А

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Засѣданіе 5 Декабря.

Г. Вице-Канцлеръ, при отношеніи отъ 29 Ноября, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія доставленную ему Г. Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ Барономъ Паленомъ Записку Г. Напирскаго, о находящемся въ Ригѣ собраніи списковъ Кенигсбергскаго архива, съ увѣдомленіемъ, что въ архивѣ Рижскаго Магистрата старинныхъ бумагъ, относящихся къ Русской Исторіи, вовсе не оказалось. — Положено: Записку Г. Напирскаго передать, для соображенія, Члену С. Строеву, осматривавшему, по порученію Коммиссіи, Русскіе акты, хранящіеся въ Кенигсбергскомъ архивѣ.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при двухъ отношеніяхъ отъ 26 Ноября, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія опись столбцамъ, хранящимся въ Оренбургской Гражданской Палатѣ, и пятьдесятъ три акта, найденныхъ въ архивѣ Черниговской Городской Думы. — Положено: опись и акты передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерію Іоанну Григоровичу.

Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, при отношеніи отъ 22 Ноября, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія опись стариннымъ актамъ, хранящимся въ архивахъ, по вѣдомству Калужской Епархіи. — Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу.

Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, при отношеніи отъ 29 Ноября, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія выписку изъ каталога, о находящихся въ Нумизматическихъ Кабинетахъ Императорскихъ Московскаго Университета и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, медаляхъ, выбитыхъ въ царствованіе Петра Великаго. — Положено: согласно съ мнѣніемъ Члена Рейхеля, разсматривавшаго предварительно означенную выписку, просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объ истребованіи на время изъ Минцъ-Кабинета Московскаго Университета одной мѣдной медали, сходной съ описанною Г. Напирскимъ въ «*Denk-maler Jahrbücher*, 1835 г., No 8».

Г. Ординарный Профессоръ Императорскаго Университета Св. Владиміра, Даниловичъ, при письмѣ на имя Г. Предсѣдателя, отъ 7 Ноября, изъ Кіева, представилъ: а) списокъ харатейной грамоты Литовскаго Великаго Князя Свидригайла, 1458 года, снятый имъ съ подлинника, находившагося въ 1837 году въ Кіевской Гражданской Палатѣ, куда онъ былъ представленъ по судному дѣлу однимъ частнымъ лицомъ; б) списокъ пяти начальныхъ строкъ подлинника, и в) собственныя замѣчанія на счетъ историко-дипломатическаго значенія этого акта.

Г. Даниловичъ изъявляетъ готовность заняться изданіемъ Русскаго Литовскаго Статута, 1529 года, котораго списки надѣется отыскать въ Литовскихъ Губерні-

яхъ, если время и сопряженный съ поѣздкою для того въ Литву издержки, позволятъ ему исполнить это предпріятіе. — Положено: объявить Г. Даниловичу отъ имени Комиссіи благодарность за доставленный имъ списокъ грамоты В. К. Свидригайла, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія войти въ сношеніе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, объ истребованіи изъ Кіевской Гражданской Палаты подлинной грамоты Свидригайла, въ случаѣ же возвращенія ея владѣльцу о доставленіи свѣдѣній, кому она принадлежитъ. Что же касается до предполагаемаго Г. Даниловичемъ изданія Литовскаго Статута, то просить его о доставленіи свѣдѣній: въ чемъ можетъ Комиссія съ своей стороны оказать ему содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе сего полезнаго предпріятія?

Г. Директоръ Рижской Гимназіи Напирскій, изъявляя признательность за избраніе его въ Корреспонденты Комиссіи, въ письмѣ отъ 21 Ноября, доводитъ до свѣдѣнія Г. Предсѣдателя, что списковъ грамотъ Стутгардскаго архива, касающихся Лифляндской и Русской Исторіи, въ Ригѣ еще не получено, и препровождаетъ каталогъ для отмѣтки тѣхъ документовъ, которые окажутся заслуживающими особенное вниманіе со стороны Комиссіи. — Положено: передать Члену Устрялому реестръ актовъ Стутгардскаго архива, для отмѣтки тѣхъ документовъ, которые по содержанію своему могутъ войти въ предполагаемое къ изданію Собраніе актовъ, относящихся къ Русской Исторіи, на иностранныхъ языкахъ.

Директоръ Тверской Гимназіи Коншинъ, по предложенію Г. Предсѣдателя, представилъ на разсмотрѣніе Комиссіи полученный имъ отъ Ржевскаго купца Берсецева пергаминный Печерскій Патерникъ, 1406 года. — Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору Берсиднякову.

Главный Редакторъ О. Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ читалъ слѣдующее донесеніе :

«Продолжая разсматривать Литовскую Метрику, нашедъ и (въ No 6 публичныхъ дѣлъ) «Уставную грамоту Короля Сигизмунда Августа», данную въ 1557 году Литовскому Великому Княжеству, объ управленіи волостями Королевскими (листы 1 — 20). Здѣсь подробно опредѣляются какъ дѣйствія волостныхъ начальствъ, такъ и обязанности крестьянскія: разнаго рода повинности, подати, мірскія складки, льготы и проч. Волости, лежащія по теченію Днѣпра и Сожи, въ нынѣшнихъ Могилевской и Минской Губерніяхъ, названы въ семъ актѣ Русскими волостями, и присовокуплены «дополнительныя статьи» (л. 21—27), данныя тѣмъ же Королемъ въ отгнѣну, объясненіе и пополненіе нѣкоторыхъ прежнихъ постановленій, относящихся къ Литовской Руси. По сей причинѣ Уставная грамота Короля Сигизмунда, заслуживаетъ быть напечатанною въ «Актахъ Западной Россіи». — Положено: согласно съ мнѣніемъ О. Протоіерея Іоанна Григоровича, Уставную грамоту Короля Сигизмунда Августа и дополнительные статьи напечатать въ «Собраніи актовъ Западной Россіи.»

Главный Редакторъ Бердяниковъ читалъ слѣдующее донесеніе :

«Честь имѣю представить составленный мною «реестръ оригинальнымъ актамъ (столбцамъ)», пріобрѣтеннымъ Г. Корреспондентомъ Коммиссіи Соловьевымъ, во время путешествія его въ нынѣшнемъ году по Швеніи:

1) Уставная грамота (въ спискѣ XVI вѣка) Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича, объ учрежденіи Епископіи Смоленской, и грамота перваго тамошняго Епископа Мануила, 1150 г. Сент. 30 (Слѣдуетъ обстоятельнѣе разсмотрѣть: источникомъ этихъ грамотамъ служилъ «Уставъ Владимира», въ достовѣрности котораго Карамзинъ сомнѣвался).

2—3) Дѣѣ опасныя грамоты Великаго Князя Василія Іоанновича Посланнямъ, ѣхавшимъ изъ Польши въ Россію, 1517 г. Іюл. 23 и 1526 Мая 11.

4) Листъ Смоленскаго Намѣстника Князя Ивана Курлятева-Оболенскаго Оршинскому Старостѣ, о передачѣ грамоты Князя Мстиславскаго съ товарищи Виленскому Бискупу Валеріану, Литовскому Гетману Князю Николаю Радзивилу и проч., 1580 г. Февр. 8.

5) Листъ Смоленскаго Намѣстника Князя Тимофея Романовича Трубецкаго Оршинскому Старостѣ Князю Друцкому-Горскому, о взысканіи, по кабалѣ, съ Оршанина Ивана Минина четырехъ рублей, въ пользу Смольнянина Ивана Ломѣйкова, 1587 г. Авг. 13.

6) Приходныя книги Болдина (Дорогобужскаго) монастыря, при Игуменѣ Георгіи, 1585 — 1587 г.

7—10) Приходныя книги того же монастыря, 1592, 1597—1598, 1600 и 1603—1604 г.

11 — 14) Четыре расходныя тетради, неизвѣстному принадлежавшія (дѣѣ писаны Западно-Русскимъ почеркомъ).

15) Отрывокъ статейнаго списка, или грамоты (безъ начала), кажется, Бориса Годунова Польскому Королю Сигизмунду, по случаю появленія въ Польшѣ Самозванца.

16) Листъ (въ спискѣ) Новгородскаго Воеводы Князя Василія Ивановича Буйносова-Ростовскаго въ Полоцкѣ, объ отправленіи Постника Огарева Посланикомъ въ Польшу и о высылкѣ на рубежъ Пристава съ кормами и подводами, 1604 Окт. 17.

17—18) Отписка Царю Борису Θεодоровичу Смоленскихъ Воеводъ Князя Василія Черкаскаго съ товарищи, о распросахъ и пыткахъ нѣкоторыхъ людей, распространившихъ ложныя слухи объ измѣнѣ Смоленскихъ жителей, 1605 Февр., и отрывокъ слѣдственнаго о томъ дѣла.

19) Отчинная грамота (въ спискѣ) Лжедмитрія Андрею Быкасову, на село Василево съ деревнями, 1605 Іюля 25.

20) Отрывокъ грамоты Патріарха Ермогена, о злодѣйствахъ перваго Лжедмитрія и о вступленіи на Престолъ Царя Василя Іоанновича (см. Акты Археогрфической Экспедиціи, Т. II, No 58).

21) Листъ Рославльскаго Намѣстника Князя Дмитрія Масальскаго Мстиславскому державцу Петру Пацу, о присылкѣ къ нему ратныхъ людей, для военныхъ дѣйствій съ Русскими наемниками (писанъ отъ имени втораго Самозванца, еще до появленія его въ Россіи, и отъ Илейки, мнимаго Царевича Петра, въ 1606 или 1607 г. Илейка пойманъ и казненъ въ Октябрѣ 1607 года).

22 — 23) Памяти (черновья) Смоленскимъ Посадскимъ Старостамъ, о наблюденіи за благочиніемъ, 1608.

24. Наказъ (черновой) Смоленскимъ объѣзднымъ головамъ, о разѣздахъ по городу для надзора за корчемствомъ, и проч., 1608-Апр.

25) Листъ Великолуцкаго Намѣстника Федора Плещева Усвятскому Подстаростѣ Юрію Каховскому, о запрещеніи порубежнымъ жителямъ производить грабежи въ Великолуцкомъ, Невельскомъ и Заволочскомъ Уѣздахъ, 1608 Іюля 15.

26) Грамота втораго Самозванца Полковнику Яну Сапѣгѣ, о принятіи его въ службу, съ тѣмъ чтобы онъ, во время похода къ Москвѣ, щадилъ преданныхъ Самозванцу жителей, и собиралъ кормы только съ тѣхъ, которые еще ему не присягнули, 1608. Авг.

27) Отписка Смоленскаго Восводы Михаила Шенна Царю Василю Іоанновичу, о Литовскихъ вѣстахъ, 1608 Сент.

28) Похвальная грамота Самозванца Суздальцамъ за вѣрность и усердіе ихъ, съ обѣщаніемъ разныхъ милостей и льготъ, 1608 Окт. 23.

29) Отписка Смоленскихъ Воеводъ Михаила Шеина и Князя Петра Горчакова Царю Василію Іоанновичу, съ приложеніемъ: а) распросныхъ рѣчей Романа Романчукова, посыланнаго для вѣстей за Литовскую границу, и б) двухъ листовъ Мстиславскаго и Оршинскаго Старосты Андрея Сапѣги, о тогдашнихъ отношеніяхъ Русскихъ къ Полякамъ и объ участіи послѣднихъ въ замыслахъ втораго Самозванца, 1608 Авг.

30) Челобитная Самозванцу Ярославскихъ жителей, повинная, съ обѣщаніемъ загладить прежнюю свою вину, 1608 Октября или Ноября (за подписаніемъ Воеводы Князя Федора Боротинскаго, властей, Дворянъ, Приказныхъ и Посадскихъ людей).

31) Грамота Самозванца Сапѣгъ, о запрещеніи Пану Очаковскому собирать повытныя деньги въ Угличѣ, и проч. 1608 Ноябр. 22.

32) Память (черновая) Воеводъ Князя Александра Рѣпина и Андрея Алябьева Муромцамъ, о томъ что Нижегородцы разбили Русскихъ измѣнниковъ подъ Нижнимъ, Балахною, на Ворснѣ и подъ селомъ Павловымъ, и о соединеніи противъ общихъ враговъ, 1608 Дек.

33) Отписка Сапѣгъ Ярославскаго Воеводы Князя Федора Боротинскаго, съ жалобою на посланника Константина Данилова и съ увѣдомленіемъ, что Ярославль и Вологда, стараніемъ его, приведены къ покорности.

34) Отписка ему же Суздальскаго Воеводы Федора Плещева, о безпорядкахъ въ Суздальскомъ Уѣздѣ по поводу денежныхъ сборовъ, о походѣ его на Шуянтъ, измѣнившихъ Самозванцу, о взятіи острога, сожженіи посадовъ и проч. 1608 Дек.

35) Отписка ему же Владимирскаго Воеводы Михаила Вельямипова, о томъ, что Гороховцы и крестьяне Яромчесской волости и Павлова Острога вновь присягнули

Царю Василю Іоанновичу, о жестокихъ поступкахъ Наливайки и о присылкѣ вспоможенія, 1608 Дек.

36) Письмо ему же Касимовскаго Царя Уразъ-Магмета, о присылкѣ конвоя для сопровожденія его изъ Ярославской деревни въ Тушинскій станъ и объ измѣнѣ Самозванцу Ярослава, Костромы, Балахны и Галича, 1608 Дек.

37) Отписка ему же Ивана Редрикова о томъ, что Панъ Коновицкій препятствуетъ сбору кормовъ въ Переславскомъ Уѣздѣ, 1608 Дек.

38) Челобитная Самозванцу стряпчаго Андрея Щепина, о обидахъ и грабежѣ имущества его Ярославскими жителями, 1608 Ноября 18.

39) Отписка ему же Воротынского Воеводы Ивана Мацѣва, о высылкѣ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ на службу въ Вязьму, 1608—1609.

40—46) Отписки и челобитныя ему же разныхъ лицъ, неважнаго содержанія.

47) Листъ Сибѣжскихъ Воеводъ Гаврила Лодыгина и Ивана Неѣлова Полоцкому Намѣстнику Евстафію Корсаку-Голубицкому, о пограбленномъ Литовскими людьми имуществѣ у крестьянина Тереха Оладьевскаго.

48) Отписка Воеводы Князя Третьяка Сентова Ростовскому Митрополиту Филарету, о высылкѣ Митрополическихъ Дѣтей Боярскихъ и даточныхъ людей на службу.

49) Челобитная Гетману Сапѣгѣ Пошехонской Адриановой Пустыни Игумена Вассіана, объ увѣчьи за рану, 1608.

50) Письмо Сапѣгѣ Федора Кошмина, о томъ, чтобы взять изъ Переслава-Загѣскаго въ Тушинскій лагерь мать его, а родственнику Андрею Гезевитову возвратить прежнія отчины и помѣстья.

51) Письмо ему же Князя Григорія Шаховскаго, изъ Тушинскаго лагеря, о высылкѣ Пановъ изъ дере-

вень, пожалованныхъ Самозванцемъ въ помѣстье Григорью Маматову и Дмитрію Салманову.

52) Письмо ему же Князя Григорія Шаховскаго, объ охраненіи дворовыхъ людей Ивана Чичерина, посланныхъ изъ Тушинскаго стана въ село Вяткино, пожалованное ему Самозванцемъ.

53) Письмо ему же Князя Андрея Масальскаго, изъ Тушинскаго лагеря, съ уведомленіемъ о здоровьѣ.

54) Письмо ему же Льва Плещева, о высылкѣ Пана Шумницкаго изъ принадлежащаго ему села Ивановскаго.

55) Отписка ему же Князя Романа Троекурова, о высылкѣ Пановъ изъ пожалованнаго ему Самозванцемъ села Новоселокъ.

56) Письмо ему же Ивана Годунова, изъ Тушинскаго лагеря, съ уведомленіемъ о здоровьѣ.

57) Отписка ему же Думнаго Дьяка Петра Третьякова, о запрещеніи Папу Самуилу Корсаку собирать кормы въ селѣ Васильевскомъ.

58) Челобитная ему же Стрѣleckаго Головы Андрея Бѣдова, о грабѣжѣ Папомъ Очаковскимъ денегъ и имущества и о вынискѣ изъ тюрьмы челоуѣка его Суятки.

59—62) Отписки и челобитныя ему же разныхъ лицъ.

63) Челобитная ему же вышедшаго изъ Москвы въ Тушинскій станъ Нѣмца Ивана Родова, о дачѣ ему отчины или помѣстья въ Ростовскомъ Уѣздѣ.

64) Письмо ему же Князя Дмитрія Трубецкаго, изъ Тушинскаго лагеря: благодарить за посылку охранной стражи въ село къ матери его Княгинѣ Трубецкой.

65) Отписка ему же Владимирскаго Воеводы Михаила Вельяминова, о запрещеніи загоннымъ людямъ (мародѣрамъ?) опустошать Владимирскій Уѣздъ.

66) Отписка ему же Ярославскаго Воеводы Князя Федора Боротинскаго, о присылкѣ боевыхъ, и другихъ припасовъ.

67) Отписка ему же двухъ Пановъ, о снабженіи ихъ наказомъ для сбора кормовъ въ Бѣлозерскомъ Уѣздѣ.

68) Отписка Перваго Бекетова Переславскимъ Приказнымъ людямъ, о покорности Самозванцу Суздальцевъ, и о сопротивленіи Владимірцевъ.

69) Память Воеводы Андрея Алябьева крестьянамъ Стародубскихъ селъ Яковцева, Вачи и Пурека, о посылкѣ челобитчиковъ въ село Давыдово для принесенія покорности Царю Василю Іоанновичу, 1608 Дек. 10.

70) Грамота Свѣтлѣ нареченнаго на Патріаршество Ростовскаго Митрополита Филарета, о дозволеніи Соборному Протопопу дать антимиць и освѣтити церковь на Киржачѣ, разоренную Литовцами. — Писана, послѣ взятія въ плѣнъ Филарета, до освобожденія его при изгнаніи Подяковъ изъ Іосифова монастыря, т. е. между Ноябрьемъ 1608 и Мартомъ 1610. Филаретъ въ это время жилъ въ Тушинскомъ лагерѣ. Беръ, Маскѣвичъ, Видикиндъ и другіе иностранцы, описывавшіе сію эпоху, почти всѣ называютъ его *Патріархомъ* (*).

71) Отписка (черновал) Смоленскихъ Воеводъ Шенна и Горчакова, о намѣреніи Ивана Зубова возмутить Смольчанъ, и о произведенныхъ имъ безпорядкахъ въ Дорогобужѣ, 1608 или въ нач. 1609.

72) Отписка Шенна и Горчакова Царю Василю Іоанновичу: а) о разбитіи подъ Дорогобужемъ Ротмистра

(*) Беръ говоритъ: «Митрополитъ Ростовскій (Филаретъ) вѣзъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Подмошквинскій лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство Патріарха.» См. *Сказанія Совеѣнниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, Т. I. стр. 144. Видикиндъ въ *Historia belli Russo-Moscovitici decennalis* (стр. 149): » plerique capti (при взятіи Іосифова монастыря), inter quos Patriarcha Philaretus, sanctus, et проч.

Цлюшва; и проч.; в) о Литовскихъ вѣстахъ; съ пропущеніемъ донесеній лазутчиковъ; и с) о томъ же, съ приложеніемъ двухъ листовъ, принесенныхъ Гришею Хохряковѣмъ отъ владѣльца своего (шпіона) изъ-за Литовской границы, и двѣ отписки Дубровинскаго Старосты Яна Глѣбовича къ Смольнинамъ, о высылкѣ на границу Послапниковъ для совѣщанія о какомъ-то важномъ дѣлѣ, 1609 Генв. и Февр.

73) Листы лазутчиковъ о Литовскихъ вѣстахъ, 1609.

74—76) Памяти и распросныя рѣчи ратно дѣлу о набѣгахъ Литовцевъ на Порѣцкую волость.

77) Отписка Владимірскаго Воеводы Михаила Вельяминова Сапѣгѣ, о посылкѣ въ Тушинѣ собранныхъ той крестіанъ денежныхъ доходовъ, объ измѣнѣ Самозванцу Балахонскаго Уѣзда, Прополческой волости, Горюхана на Князьми и другихъ селѣхъ Владимірскомъ Уѣздѣ. 1609.

78) Отписка ему же Суздальскаго Воеводы Федорѣ Плещевѣ, о присылкѣ двадцати ротъ Литовцевъ для охраненія Суздаля, объ отпаденіи Поморскихъ городовъ отъ Самозванца, и проч. 1609 г.

79) Отписка ему же Владимірскаго Воеводы Михаила Вельяминова, о возстаніи Нижегородцевъ противъ Самозванца и присылкѣ ратныхъ людей для защиты Муромъ, 1609 Генв.

80) Челобитная ему же Спасо-Ярославскаго монастыря Архимандрита Осеофила, о невозможности сбора кормовъ въ монастырской отчинѣ, по случаю разоренія ея ратными людьми, 1609 Генв.

81—82) Двѣ отписки Сапѣгѣ и Плещевѣ Одоевскимъ Воеводамъ, о рабствѣ Литовцевъ Одоевскими Казиками и возвращеніи пленныхъ.

83) Грамота изъ Тушинскаго стана Казначейскаго войска Сапѣгѣ, о полученіи приходныхъ книгъ денегамъ, отпращеннымъ къ нему съ Паномъ Давовскимъ, 1609 Генв. 91

84) Грамота Самозванца Сашѣгѣ, съ выговоромъ за хохлатство его (объ) освобожденіи (отъ) казни Наливайки, 1609 Гена. 7.

85) Отписка Сашѣгѣ Владимірскаго Воеводы Михаила Вельяминова, о угрожающей опасности Мурому отъ Нижегородцевъ, и о присылкѣ къ нему вспоможенія, 1609 Гена. 7.

86) Грамота ему же Самозванца, о посылкѣ въ Суздаль Лисовскаго для охраненія города, 1609 Февр. 14.

87) Отписка ему же Ярославскаго Воеводы Князя Федора Борятинскаго, о произведенныхъ Литовцами грабежахъ въ Ярославскомъ Уѣздѣ, о появившихся въ Костромскомъ и Романовскомъ Уѣздахъ толпахъ вооруженныхъ крестьянъ, о пораженіи Романовцевъ, и проч. 1609 г. Февр. 15.

88) Отписка ему же Суздальскаго Воеводы Плецѣева, о завоеваніи посада Холуя и Кляземскаго Городка, 1609 Март.

89) Грамота ему же Самозванца, объ отдачѣ Андрею Просовецкому пушекъ, взятыхъ въ сраженіи подъ Суздалемъ, и приведеніи Луха въ оборонительное состояніе, 1609 Март. 6.

90) Грамота ему же Самозванца, о разбитіи Романовскихъ Татаръ Вологжанами, Бѣлозерцами, Пошехонцами и проч., и о посылкѣ Лисовскаго на помощь Угличу и Ярославлю, 1609 Март. 11.

91) Отписка ему же Костромскаго Воеводы Никиты Вельяминова, о приходѣ къ Костромѣ Вологжанъ, Галичанъ и Поморянъ, о недостаткѣ ратныхъ людей для защиты Ипатіевскаго монастыря, и проч., 1609 Март. 12.

92) Письмо ему же Ярославскаго Воеводы Князя Федора Борятинскаго, о присылкѣ ратныхъ людей для защиты Ярославскаго Уѣзда, по случаю взятія Романова приверженцами Царя Василія Шуйскаго, 1609 Март. 3.

93) Отписка Суздальскаго Воеводы Федора Плещева Юрьово-Польскому Воеводѣ Федору Болотнякову, о разбитіи Суздальцевъ Костромичами подъ селомъ Дуншловымъ, 1609 Февр.

94) Грамота Самозванца Сапѣгѣ, о посылкѣ Лисовскаго на помощь Ярославлю, 1609 Март.

95) Отписка ему же Еёима Козмина, о разбитіи приверженцевъ Самозванца подъ Романовымъ, 1609.

96) Отписка ему же Суздальскаго Воеводы Федора Плещева, объ измѣнѣ Самозванцу Шулякѣ и объ угрожающей отъ того опасности Суздалю, о посылкѣ ему на помощь пяти тысячъ Литовцевъ и проч., 1609.

97) Грамота ему же Самозванца, объ отдачѣ Подьячему Отлипаеву сестры его, взятой въ плѣнъ Поляками и живущей въ лагерѣ у Сапѣги, 1609 Март.

98) Челобитная Соль-Галичскѣ Царю Василю Іоанновичу, объ измѣнѣ Ярославцевъ и Костромичей, о нападеніи Лисовскаго на Галичъ, о принужденной со стороны ихъ присягѣ Самозванцу, о вновь извѣщаемой ими покорности и необходимости имѣть особаго Воеводу и ратныхъ людей, для защиты Соль-Галицкаго уѣзда отъ приверженцевъ Самозванца, 1609 Март. (за подписаніемъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ).

99) Акты: а) отписки Шейны и Горчакова Царю Василю Іоанновичу, о принесеніи ему покорности Торопчанами, объ отпускѣ изъ Смоленска Воеводѣ Князя Боротинскаго и Одоурова для соединенія съ полками Князя Михаила Шуйскаго, о дѣйствіяхъ тѣхъ Воеводъ подъ Дорогобужемъ и Вязмою, о перепискѣ съ Оршинскимъ Старостою Андреемъ Сапѣгою на счетъ свободного проуска въ Москву Королевскаго Посланника, и о сношеніяхъ съ Голицынскимъ по дѣлу о разграниченіи Смоленскаго и Велижскаго Уѣздовъ, и б) листы лагутичскихъ о Литовскихъ вѣстахъ, 1609 Март. Апр. и Мая (по большей части черновые отпуски).

100) Отписка (черновая) Шенда и Горчакова Ивану Жидовинову, о притѣсненіяхъ крестьянъ отпращенными для постройки засѣкъ въ Порѣйской и Шучейской волостяхъ Дворянами и Дѣтьми Боярскими, и о приказаніи имъ немедленно выѣхать изъ тѣхъ волостей, 1609 Апр. 16.

101) Отписка Сапѣгѣ Воеводѣ Ѳеодора Писемскаго и Андрея Просовецкаго, о присылкѣ боевыхъ снарядовъ для осады Владиміра, о дѣйствіяхъ Лисовскаго, о разореніи Суздальскаго Уѣзда Литовскими наводками и Казаками, и проч., 1609 Апр.

102—103) Письма: а) Ксепію Ѳеодоровну Годуновой къ теткѣ своей Княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ, изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Москву, о томъ, что въ осажденномъ монастырѣ происходятъ безпорядки и свирѣпствуетъ цынга, 1609 Март. 29, и б) находившейся въ услугахъ при Ксепіи Борисовнѣ какой-то Соломониды къ своей матери, 1609 Іюн.

104) Отписка Головъ Иларіона и Богдана Трусовыхъ, Семена Скорятина, Ѳеодора Стафурова и Василья Дербыщскаго Идѣ-мурѣ Исупову и Романовцамъ, о томъ, что они идутъ съ Поморянами для приведенія къ покорности Пошехонскаго и другихъ Уѣздовъ, измѣнившихъ Царю Василію Іоанновичу, 1609 Февр.

105) Увѣщательная грамота Царя Василія Іоанновича Суздальцамъ, 1609 Апр. 15.

106) Грамота Самозванца Сапѣгѣ, о свободномъ пропускѣ сытниковъ для отписки отъ отчинниковъ и помещиковъ Дворцовыхъ селъ въ Переславскомъ Уѣздѣ, 1609 Апр. 15.

107) Распросъ лазутчика Ивана Зубова, посыланнаго для вѣстей изъ Тушинскаго стана въ Москву.

108) Обыскъ (въ Суздаль) про Григорья Аргамакова, 1609 Апр.

109) Отписка Колязинскаго Игумена Ѳеодосія Сапѣгѣ, о приходѣ подъ Колязинскій монастырь прѣдверженцевъ.

Шуйскаго и разбитіи ихъ Воеводами Ѳедоромъ Унковскимъ и Иваномъ Баклановскимъ, 1609 Мая.

110) Отписка Василѣя Митронова Подъячскаго Третьяку Коппину, съ приложеніемъ (въ спискѣ) воззванія Шведскаго Короля Карла IX къ Новогородцамъ, 1609 Мая. (Напеч. въ *Актахъ Археограф. Экспедиціи* Т. II, No 96).

111) Показная память Смоленскихъ Воеводъ Михаила Шеина и Князя Петра Горчакова Ивану Жданову, объ исправленіи засѣкъ по Литовскому рубежу, и о мѣрахъ осторожности противъ набѣговъ Литовцевъ на Порѣцкую волость, 1609 Мая 4.

112) Акты о разграниченіи Смоленскаго и Велижскаго Уѣздовъ, 1609 Мая.

113) Показъ Шеина и Горчакова Ивану Жидовинову, память крестьянамъ Шучейской волости и двѣ отписки Жидовинова, о построеніи засѣкъ въ Порѣцкой волости, 1609 Мая.

114) Распросныя рѣчи, отобранныя въ Тушинскомъ ставѣ отъ нѣкоторыхъ Московскихъ выходцевъ, 1609 Мая 8 и 9.

115) Отписка (черновая) Шеина и Горчакова Царю Василю Іоанновичу, съ прописаніемъ допесеній лазутчиковъ о Литовскихъ вѣстахъ, 1609 Апр. 26.

116) Отписка Воеводъ Ѳедора Болотникова и Пана Еремѣя Боларкина Сапѣгѣ, о присылкѣ помощи Юрьеву-Польскому, по случаю опасности отъ Владимірцевъ, 1609 Мая.

117) Отписка Апсоевскаго Сапѣгѣ, объ отбитіи вѣззакі изъ города Владиміра, о взятіи приверженцами Шуйскаго Луха и Шун, о приходѣ Боларина Ѳедора Шереметева съ Низовыми полками въ Нижній Новгородъ, и проч.

118) Отписка Сапѣги Владимірскому Воеводѣ Михаилу Вельяминову, о совершеніи казни надъ загонщиками

(мародѣрами) и о принятіи мѣръ на случай приближенія къ Владиміру Низовыхъ полковъ, подъ начальствомъ Болрина Шереметева.

119) Похвальная грамота Царя Василія Іоанновича Воеводѣ Андрею Микулину, за усердную службу и за приведеніе къ покорности Владимірцевъ и Муромцевъ, съ повелѣніемъ итти къ Троицкому Сергіеву монастырю для освобожденія его отъ осады, 1609 Мая 27.

120) Грамота Владимірцамъ о томъ же, 1609 Мая.

121—122) Похвальныя грамоты Царя Василія Іоанновича Владимірцамъ и Муромцамъ, съ увѣщаніемъ сохранять вѣрность и единодушно дѣйствовать противъ вѣнѣнниковъ, 1609 Мая 27.

123) Похвальная грамота его же Воеводѣ Андрею Алябьеву, за приведеніе къ покорности Муромцевъ, съ повелѣніемъ итти къ Троицкому Сергіеву монастырю, 1609 Мая 27.

124) Похвальная грамота Царя Василія Іоанновича Воеводѣ Ивану Плещеву, за вѣрную службу, съ повелѣніемъ итти къ Троицкому монастырю, или къ Коломнѣ, для дѣйствій противъ мятежниковъ, 1609 Мая 27. (Эта грамота отправлена была въ двухъ экземплярахъ вѣроятно для того, чтобы одинъ изъ нихъ могъ вѣрнѣе дойти къ Воеводѣ Плещеву). Такого же содержанія Воеводѣ Ивану Болховскому.

125) Похвальная грамота его же Низовымъ полкамъ, за вѣрную службу, 1609 Мая 28 (два подлинныя экземпляра).

126) Похвальная грамота Царя Василія Іоанновича Воеводѣ Якову Прокудину, за приведеніе къ покорности Владимірцевъ и Муромцевъ и разбитіе Русскихъ вѣнѣнниковъ, съ повелѣніемъ итти къ Троицкому Сергіеву монастырю для освобожденія его отъ осады, 1609 Мая 29.

127) Отписка Костромскаго Воеводы Никиты Вельяминова Сапѣгѣ, объ осадѣ Ипатіевскаго монастыря приверженцами Шуйскаго.

128) Грамота Самозванца Сапѣгѣ, о помѣстательствахъ отъ Литовскихъ людей въ сборѣ столовыхъ припасовъ и посылакѣ Приставовъ для доставленія ихъ въ Тушинскій лагерь, 1609 Іюн. 12.

129) Отписка Троицкаго Осаднаго Воеводы Князя Григорія Долгорукаго Келарю Авраамію Палицыну, въ Москву, о расприхъ его съ товарищемъ своимъ Алексіемъ Голохвастовымъ, 1609.

130) Отписка его же Авраамію Палицыну, о томъ же, и о другихъ событіяхъ во время Троицкой осады.

131) Отписка Старца Гурія Шипкина Авраамію Палицыну, изъ Троицкаго монастыря въ Москву, о счетѣ монастырской казны, о распространившейся цынготной болѣзни между осадными Стрѣльцами и Казаками, и проч.

132) Отписка Троицкихъ Старцевъ Царю Василію Іоанновичу, объ отраженіи приступа къ монастырю Поляковъ и Русскихъ пзмѣнниковъ, о расприхъ осаднаго Воеводы Князя Долгорукаго съ товарищемъ своимъ Голохвастовымъ, объ пзмѣнѣ Казначей Іосифа Дѣвочкина и участіи въ ней Королевы Маріи Владиміровны, и проч., 1609 Іюл. 3. (Актъ, дополняющій Исторію Троицкой осады! Карамзинъ приводитъ надпись надъ гробницею Королевы Маріи Владиміровны, погребенной въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ сказано: «Лѣта 7105 (1597) Іюня 13 дня, преставилася Благочестивая Королева» и проч. (Т. X. прим. 152). Здѣсь годъ не вѣренъ, потому что надпись, вѣроятно, подновлена. Королева была жива не только во время Троицкой осады, 1609 г. (см. вышеприведенный актъ), но и во время осады Московской, въ 1611 г. (*Собр. Госуд. Грам.* Т. II, стр. 585). Недоразумѣніе о годѣ кончины Королевы послужило поводомъ къ страннымъ умозаключеніямъ (Карамз. Т. X, стр. 80—81).

133) Разрѣсъ Переславцамъ, которые съ Гетманомъ Яномъ Сапѣю были у приступу подѣ Троицкимъ монастыремъ, 1609 Іюн. 28.

134) Выписъ вылазкамъ изъ Троицкаго Сергіева Монастыря на воровъ, 1609 — 1610 съ 8-го Октября по 8-е Марта.

135) Грамота властей Троицкаго Сергіева монастыря крестьянамъ Воховской волости, о посылкѣ челобитчиковъ въ Москву, для приниженія покорности Царю Василю Іоанновичу, 1609.

136) Отписки (черновыя) Царю Василю Іоанновичу Смоленскихъ Воеводъ Щемна и Горчакова: а) о излѣтѣ Дорогобужа, Вязмы и Бѣлой Воеводами Княземъ Яковомъ Борятинскимъ и Семеномъ Одогуровымъ, о движеніи ихъ къ Торжку для соединенія съ Княземъ Михаиломъ Шуйскимъ и проч., и б) о Литовскихъ вѣстахъ, съ прописаніемъ донесеній лазутчиковъ, 1609 Іюн. и Іюль.

137) Челобитная Александровой слободы Симеонова монастыря Строителя Игнатія Сапѣгъ, о поимкѣ бѣглаго его сына, 1609.

138) Челобитная ему же Переславцевъ, объ оставленіи у нихъ Воеводою Пана Стадицкаго для обереженія крестьянъ отъ ратныхъ людей, проѣзжающихъ изъ Тушинскаго стана въ Ростовъ и Ярославль.

139) Отписка ему же Ростовскаго Воеводы Ивана Наумова, о томъ, что онъ выступилъ съ ратными людьми въ Тушинскій станъ, но, по приказанію его, долженъ былъ возвратиться въ Ростовъ для защиты города: почему и проситъ донести о томъ Самозванцу, 1609 Іюль.

140) Челобитная ему же, Суздальцевъ: просятъ ходатайствовать объ оставленіи у нихъ Воеводою Федора Плещѣва, съ угрозою, что если онъ будетъ замѣщенъ.

Андреемъ Просолецкимъ, то они *всѣмъ городамъ пойдутъ, въ Тушинскій станъ битъ челомъ Государю.*

141) Письмо ему же Касиновскаго Царя Уразъ-Магмета, о защитѣ отъ притѣсненій Пляновъ жителей Юрьевца-Польскаго, пожаловавшаго ему Самозванцемъ.

142) Письмо ему же Уразъ-Магмета, съ просьбою о присылкѣ оберегательныхъ грамотъ крестьянамъ его въ Владимірскомъ, Ярославскомъ и Углицкомъ Уѣздахъ, 1609.

143) Отписка ему же жителей Бѣлева, о посылкѣ въ Москву челобитчиковъ и о томъ, что они *цѣловали крестъ тому Государю, котораго Богъ даруетъ на Московское Государство* (писана въ отвѣтъ на увѣщательную грамоту Самѣги, о принесеніи покорности Самозванцу).

144) Опись (отрывокъ) Смоленской крѣпости, во время осады 1609—1611 г.

145) Отписка Муромскаго Воеводы Никифора Плещева Самѣгѣ, о разбитіи подъ Нижнимъ Новгородомъ приверженцевъ Самозванца.

146) Отписка Смоленскихъ Воеводъ Михаила Шенна и Князя Петра Горчакова Князю Дмитрію Шуйскому, о походѣ Жолкѣвскаго въ Россію, 1610 Мая.

147) Роспись окладному жалованью Смоленскихъ Подъячйхъ, 1610.

148—185) Распросныя рѣчи, челобитныя, росписи и дѣлопроизводства Смоленскаго Воеводскаго Приказа, 1608 — 1611. Въ одной росписи исчислены кушанья, подаваемые на Царскій столъ въ посты и годовые праздники: словарь старинной, дукны, примѣчательный гастрономический терминъ.

186) Листъ Великолуцкихъ Намѣстниковъ Князя Василя Шаховскаго и Петра Горяинова Удѣльскому Старостѣ Юрію Каховскому, о недостаткѣ въ городской

казнѣ денегъ, слѣдующихъ въ выдачу Полковнику Яну Сапѣгѣ, 1610 Июл. 7.

187) Листъ ихъ же Усвятскому Старостѣ Каховскому, о невозможности удѣлить изъ Великолуцкой казны пятнадцать тысячъ влотыхъ Яну Сапѣгѣ, по случаю военныхъ обстоятельствъ, 1610 Июл. 15.

188) Распросныя рѣчи пришедшихъ изъ-подъ Москвы Смоленскихъ Стрѣльцовъ, о вѣстяхъ про Жолѣвскаго и Самозванца, 1610 Сент. 7.

189) Похвальная грамота (черновой отрывокъ) Польскаго Короля Сигизмунда Князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому, за участіе его въ избраніи на Русскій Престолъ Королевича Владислава, 1610.

190) Списокъ Дворянъ, Дьяковъ и Приказныхъ людей, извѣстныхъ своею приверженностію къ Царю Василію Шуйскому, (кажется, составленъ нарочно для Польскаго Правительства, по низложеніи съ престола Шуйскаго).

191) *Порядокъ вскихъ людей Московскаго Царства.* (Краткая записка о Русскомъ Духовенствѣ, придворныхъ чинахъ, приказахъ, городахъ, войскахъ и проч. довольно любопытная, въ четв. на 14 л. писана современнымъ почеркомъ).

(192—215) Письма и другія бумаги частныхъ лицъ, относящіяся къ Смоленской осадѣ.

216) Наказъ Самозванца Новгородъ-Сѣверскимъ Воеводамъ Князю Ѳеодору Борятинскому и Милѣ Карпову, изъ Калуги, объ укрѣпленіи города, по случаю взятія Стародуба Литовцами, 1610.

217) Грамота Самозванца Бѣлевскому Воеводѣ Ѳеодору Желябовскому, о мѣрахъ осторожности противъ ратныхъ людей, идущихъ съ Сапѣгою изъ-подъ Москвы, и о недозволеніи имъ сбора кормовъ въ Бѣлевскомъ Уѣздѣ, 1610 Окт. 2.

218) Письмо Литовскому Канцлеру Льву Сапѣгѣ Воярина Михаила Самтыкова: совѣтуетъ Королю Сигиз-

мунду послѣднѣе привадомъ въ Москву для личнаго удостовѣренія въ положеніи дѣлъ, утвержденія въ ней своей власти и направленія общаго мнѣнія противъ Самозванца, 1610 Окт. 29.

219) Письмо ему же Михаила Салтыкова: извѣщаетъ, что пойманный въ Москвѣ попъ, съ возмутительными грамотами, на пыткѣ оговорилъ Князей Андрея Голицына и Ивана Воротынскаго, въ тайныхъ связяхъ съ Самозванцемъ, и проч.; въ концѣ 1610 или нач. 1611.

220) Письмо ему же Федора Андропова: совѣтуетъ принять мѣры къ обезпеченію власти Поляковъ въ Москвѣ, извѣщаетъ о тогдашнихъ событіяхъ и проситъ дать ему помѣстье въ Зубцовскомъ Уѣздѣ.

221) Письмо ему же Михаила Салтыкова: не одобряетъ мѣръ Гонсевскаго по управленію Москвою, жалуется на Федора Андропова, и совѣтуетъ Королю личнымъ своимъ присутствіемъ отклонить опасность, угрожающую Государству; въ концѣ 1610 г.

222) Письмо ему же Князя Федора Ивановича Мстиславскаго: рекомендуетъ Ивана Васильевича Головина, ѣдущаго изъ Москвы въ Смоленскій лагерь къ Королю Сигизмунду, 1610.

223) Письмо ему же Ивана Соловецкаго: рекомендуетъ пріятеля своего Михаила Молчанова, ѣдущаго въ Польшу, 1610 Окт. 21.

224) Письмо ему же Печатника и Думнаго Дьяка Ивана Грамотина: извиняется въ присылкѣ испорченной рыси и рекомендуетъ пріятеля своего Ивана Чичерина, 1610 Дек. 16.

225) Письмо ему же Болрина Федора Ивановича Шереметева: проситъ ходатайства предъ Королемъ, по дѣлу объ отчинныхъ своихъ деревняхъ, 1610.

226) Письмо ему же Михаила Салтыкова: проситъ защитить Тимофея Грязнаго отъ клеветы Петра Дашкова,

который намѣренъ жаловаться на него Королю по какому-то дѣлу.

227) Увѣщательная грамота (въ спискѣ) Самозванца Поковичамъ, о ненарушеніи вѣрности и о томъ, что онъ собирается въ Калугѣ съ новыми полками идти на Московскихъ измѣнниковъ; въ исх. 1610 г.

228) Грамота Князя Федора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи Гетману Сапѣгѣ, о приведеніи къ присягѣ Русскихъ людей, оставшихся послѣ побѣга Самозванца въ Тушинскомъ станѣ; въ концѣ Авг. или въ Сент. 1610.

229) Отписка (черновая) Сапѣги Воеводѣ Князю Федору Волконскому и жителямъ какого-то города, о принесеніи покорности Царю Владиславу Ягигимонтовичу.

230) Отписка Калужскаго Воеводы Князя Юрія Трубецкаго Сапѣгѣ, о приведеніи Калужанъ къ присягѣ на вѣрность службы Царю Владиславу, 1611 Геня.

231) Отписка ему же Калужскаго Воеводы Князя Юрія Трубецкаго: просить о томъ, чтобы (Сапѣга) не воевалъ Калужскаго, Воротынскаго и Перемишлянскаго Уѣздовъ, и собиралъ кормы только съ тѣхъ полостей, которые продолжаютъ упорствовать въ ненависти къ Полякамъ, 1611.

232) Письмо ему же Федора Плещѣва, изъ Перемишля, о намѣреніи Ляпунова и Заруцкаго войти въ дружескія съ нимъ сношенія; въ нач. 1611.

233) Грамота (безъ начала) Пану Чернатскому, о присылкѣ Посланника для совѣщанія, на какихъ условіяхъ возможно ему соединиться съ Русскими полками, осаждающими Москву, для совокупныхъ дѣйствій противъ Поляковъ, 1611.

234) Грамота (безъ начала) Московской Болгарской Думы Смоленскихъ Воеводамъ Шенну и Горчакову, о немедленной сдачѣ Смоленска Королю Сигизмунду, въ

нач. 1611. (за подписаніемъ Бояръ, Окольныхъ и Думныхъ людей. Ср. *Собр. Госуд. грам.* Т. II, No 240).

235) Смоленскія статьи (въ спискѣ) на предложенныя Смоленянамъ условія, о сдачѣ города Полякамъ, 1611 Март. (Ср. реестръ актовъ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1837, No XII, стр. 659—660. Эти статьи, безъ «посольскихъ отвѣтовъ», помѣе напечатанныхъ въ *Собр. Гос. грам.* Т. II, No 249).

236) Листъ Можайскаго Воеводы Тимофея Микулина Бреславскому Воеводѣ Потоцкому, о присылкѣ помощи осажденнымъ въ Москвѣ Полякамъ, 1611 Июл. 16.

237) Листъ Воеводы Алексѣя Пустошкина, дѣзъ Псковопечерскаго монастыря въ Норовъ городокъ (Нейгау; зепъ) Пану Рагозинскому, о пересылкѣ къ Царю Дмитрію (Псковскому Самозванцу) перемирной грамоты, 1612 Апр. 20.

238) Чмобитная. Литовскому Канцлеру Льву Сапѣгѣ Суздальца Сергѣя Рукина, о выдачѣ ему жалованья за Московскую осадную службу, 1612.

239) Грамота Царя Михаила Осодоровича Углицкому Воеводѣ Князю Волконскому, о принятіи мѣръ на случай нападенія на Угличъ Лисовскаго, 1615 Ноябр. 23.

240) Окружная грамота (въ спискѣ) Королевича Владислава предъ походомъ его въ Россію, 1616 Дек. 15.

241) Окружная грамота его же, о правахъ на Россійскій Престолъ (писана предъ походомъ въ Россію).

Изъ показанныхъ выше документовъ большая часть могутъ быть напечатаны въ приготовляемомъ Коммиссіей «Собраніи историческихъ актовъ», кромѣ номеровъ 5, 15; 19—20, 22—24, 31, 37, 39—47, 49—50, 58—62, 74—76, 83, 97, 108, 112, 148—185, 192—215, 223, 226, 238. Последніе, или уже известны, или вовсе неизвестны въ историческомъ отношеніи.

Сверхъ оригинальныхъ Русскихъ столбцовъ, Г. Корреспондентъ Соловьевъ представилъ: а) выписку изъ хранящейся въ Удѣльской Библіотекѣ рукописи, въ 1., на 464 стр., подъ заглавіемъ: *Описаніе состоянія Россіи при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ*, составленное Александромъ Седякинымъ или Кошикинымъ (такъ называется Сочинитель). Судя по «выпискѣ», въ которой заключается оглавленіе тринадцати главъ рукописи, въполнѣ глава 2-я и часть 7-й, видно, что она составляетъ замѣчательный матеріалъ для Исторіи XVII столѣтія. Въ связи съ Лѣтописями и Государственными актами, изъ нея, кажется, можно извлечь многіе неизвѣстные факты о Законодательствѣ, администраціи и народномъ бытѣ древней Россіи; желательно, чтобы этотъ манускриптъ былъ списанъ вполнѣ. Остальнымъ бумагамъ, представленнымъ Г. Соловьевымъ, не столько замѣчательны. «Счетную приходно-расходную книгу Новгородскаго Воеводскаго Приказа, относящуюся къ 1611—1617 г., т. е. ко времени владѣнія Новгородомъ Шведами, можно справедливо оцѣнить тогда, когда Г. Соловьевъ представитъ въ Коммиссію полный ея списокъ, или по крайней мѣрѣ извлечетъ изъ нея подробнѣйшія выписки.

Въ заключеніе не излишнимъ считаю замѣтить, что «Русскіе акты» (столбцы), представленные Г. Соловьевымъ, состоятъ изъ подлинныхъ бумагъ, принадлежавшихъ Воеводскому Смоленскому Приказу и лагерямъ Сапѣги и Тушинскаго Самозванца. — Положено: 1) согласно съ мнѣніемъ Главнаго Редактора Бердяикова, всѣ документы, одобренные имъ къ изданію, надпечатать въ «Собраніи историческихъ актовъ»; тридцать грамотъ, изъ той же коллекціи, писанныхъ по Польски и на Западно-Русскомъ нарѣчій, о которыхъ данъ отчетъ въ донесеніи Главнаго Редактора О. Протоіеря Іоанна Григорovichа, отъ 7 Ноября, включить въ «Собраніе актовъ Западной Россіи»; 2) вынѣять

Корреспонденту Соловьеву въ обязанность, во время слѣдующей его поѣздки въ Скандинавію, распорядиться къ снятію списковъ съ рукописей: «Описаніе Россіи при Царѣ Алексіи Михайловичѣ» и съ приходорасходной книги Новгородскаго Приказа, относящейся къ 1611 — 1617 годамъ.

Членъ Устряловъ представилъ мнѣніе о разсмотрѣнной имъ Запискѣ Г. Россійскаго Генеральнаго Консула въ Любекѣ Шлецера: *О Любекскомъ Архивѣ, въ отношеніи къ торговлѣ Новгорода съ Любекомъ въ Средніе вѣки. Исслѣдованія Шлецера*, по словамъ Г. Устрялова, хотя кратки, но вообще основательны и подтверждены частію актами, частію остроумными соображеніями, и во всякомъ случаѣ Записка его заслуживаетъ вниманіе и можетъ быть любопытною статью въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Положено: Записку Г. Шлецера передать въ Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, для напечатанія, по ея усмотрѣнію (*).

Комmissiя разсматривала общій отчетъ, представленный Корреспондентомъ ея Профессоромъ Императорскаго Александровскаго Университета Соловьевымъ, о поѣздкѣ его въ Швецію и Данію, въ 1838 году. Изъ сего отчета видно, что Г. Соловьевъ осматрѣлъ въ Стокгольмѣ Государственный Архивъ и находящуюся при немъ Библіотеку Древностей. Въ первомъ нашлось большое собраніе Русскихъ дипломатическихъ бумагъ, а въ Библіотекѣ, при помощи двухъ писцовъ, сняты копіи съ двухъ манускриптовъ, на Шведскомъ языкѣ, весьма важныхъ въ историческомъ отношеніи. Въ мнѣніи Графа Браге, Скуклѣстеръ, Г. Соловьевъ замѣтилъ два столб-

(*) Статья сія помѣщена будетъ въ слѣдующей книжкѣ нашего Журнала. *Ред.*

ца, заключающіе въ себѣ нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся во время управленія Смоленскомъ Боярина Михаила Шенна. Въ Упсалѣ, въ Университетской библіотекѣ, найденъ подлинникъ Русской рукописи Дьяка Селицкого (Кошкина): она состоитъ изъ 13 главъ, подраздѣленныхъ на 234 статьи, и содержитъ въ себѣ подробное описаніе состоянія Россіи въ XVII вѣкѣ. Кромѣ сей важной рукописи, въ Упсальской библіотекѣ замѣчены Г. Соловьевымъ: 1) Хроника Стриковского, переведенная на Русскій языкъ въ исходѣ XVII вѣка; 2) печатное Уложеніе Царя Алексія Михайловича, съ рукописными новоуказными статьями; 3) Славяно-Русско-Латинскій Лексиконъ, составленный Спарфенфельдомъ, въ четырехъ томахъ, in-folio; 4) Энциклопедическій Энцикликонъ; 5) Сенекъ Христіанскій въ Римѣ; 6) двѣ родословныя книги; 7) чертежъ Московскаго Государства, и 8) Сборникъ, заключающій въ себѣ *Сказаніе о азятѣ Сибирской Земли* и *Исторію о Хинскомъ Царствѣ*. Въ Лебередѣ, имѣніи Делагардіа, Г. Соловьевъ не нашелъ ничего любопытнаго въ отношеніи къ Русской Исторіи, кромѣ приходорасходной книги, принадлежащей ко времени Делагардіева управленія Новгородомъ. Въ Лундѣ, сверхъ осматрѣнныхъ рукописей Университетской библіотеки на иностранныхъ языкахъ, приобретено покупкою у частнаго лица собраніе подлинныхъ Русскихъ и Польскихъ документовъ, числомъ болѣе 300. Въ Копенгагенѣ Г. Соловьевъ посѣщалъ Королевскую Библіотеку, богатую рѣдкими рукописями, касающимися до Исторіи Скандинавскаго Сѣвера, и Тайный Королевскій Архивъ, заключающій въ себѣ значительное собраніе дипломатическихъ актовъ на Русскомъ, Латинскомъ, Датскомъ и Французскомъ языкахъ, объясняющихъ политическія сношенія Россіи съ Даніею, и проч. — Коммиссія, основываясь на донесеніяхъ Главныхъ Редакторовъ О. Протоіерея Іоанна Григоровича и Г. Бердинкова, положила:

принять въ свою собственность представленную Корреспондентомъ Соловьевымъ подлинную Русскіе и Польскіе документы, и распорядиться для напечатанія важнѣйшихъ изъ нихъ въ приготовляемомъ ею «Собраніи историческихъ актовъ»; о чемъ и довести до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Засѣданіе 19 Декабря.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 15 Декабря, увѣдомилъ Г. Предсѣдателя, что Государь Императоръ, удостовѣвъ благосклоннаго принятія издаваемые Археографическою Коммиссіею экземпляры *Медаліоновъ*, *изобрѣтенныхъ Графомъ Толстымъ*, на военныя событія 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, *Актовъ Юридическихъ* и *Указателя къ Актамъ Археографической Экспедиціи*, въ 14 день сего Декабря Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, объявить Предсѣдателю и вообще всей Коммиссіи Монаршее Его Величества благоволеніе, за усердную и успешную труды на пользу Отечественнѣйшей Исторіи и Археографіи.

Коммиссія положила: довести до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что она съ вѣрноподданническаю признательностію принимаетъ Всемилостивѣйшее благоволеніе Государя Императора и употребитъ всѣ свои силы, чтобы и впредь быть достойною Высочайшаго вниманія.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніяхъ отъ 30 Нѣбрія и 8 и 10 Декабря, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія четырнадцать грамотъ Польскихъ Королей, найденныхъ въ архивѣ Кременецкаго Магистрата, и семьсотъ десять столбцовъ Верхотурскаго

Уѣзднаго архива.— Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу.

Главный Редакторъ О. Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ читалъ слѣдующее донесеніе:

«Въ приготовленномъ къ печатанію первомъ томѣ «Актонъ, собранныхъ Археографическою Коммиссіею» въ числѣ многихъ историческихъ документовъ должны быть помѣщены «Посланія Россійскихъ Митрополитовъ», известныя изъ примѣчаній къ Исторіи Н. М. Карамзина. Эти акты проливаютъ яркій свѣтъ на состояніе Россійской Церкви въ XIV и XV столѣтіяхъ. Но, кажется, вмѣстѣ съ ними незначительно было бы напечатать и «Дѣяніе Собора, бывшаго въ Владимірѣ», или такъ называемое «Правило Митрополита Русскаго Кирилла», относящееся къ концу XIII вѣка (1274 г.). Оно напечатано въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (стр. 106—118), но несовсѣмъ исправно и съ пропусками. При сличеніи «Софійскихъ правилъ», т. е. Синодальной харатейной Кормчей, съ манускриптомъ, подареннымъ Патріархомъ Никономъ Воскресенскому монастырю въ 1661 г. (который принадлежитъ Румянцевскому Музею), я замѣтилъ, что въ последнемъ есть нѣсколько Правилъ, которыхъ въ Синодальной Кормчей не достаетъ. Слѣдовательно, этотъ древній актъ, по всей справедливости, требуетъ исправлѣннаго изданія. Имѣя подъ руками оба означенные манускрипта, можно будетъ дополнить его всѣми вариантами и придать тексту смыслъ точный и опредѣленный. Еще одно замѣчаніе. До изданія въ свѣтъ Исторіи Карамзина, который всѣ свѣдѣнія о Соборѣ Владимірскомъ и самую «выписку» заимствовалъ изъ Синодальной Кормчей, объ этомъ «Дѣяніи» упоминалъ Кульчинскій въ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» напечатанной въ Римѣ въ 1734 г.; онъ перевелъ его на

Латинскій языкъ (in Appendico fol. 32 sq.), вѣроятно, съ какого-нибудь стариннаго списка, но мѣстами сократилъ текстъ, и кажется, не совершенно понималъ его. Однакожъ, не смотря на то, и варианты Кульчинскаго (Латинскіе) годятся къ объясненію этого важнаго Историко-Церковнаго памятника. Издатели «Русскихъ Достопамятностей» признаются, что книгою Кульчинскаго они вовсе не пользовались.... Испрашиваю разрѣшенія Комиссіи объ изданіи «Правила Русскаго Митрополита Кирилла» на основаніи изложеннаго выше мнѣнія.»—Положено: истребовать изъ Румянцевскаго Музеума списокъ Коричей, подписанной по листамъ Патріархомъ Никономъ, и испросить распоряженія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о доставленіи въ Комиссію изъ Императорской Публичной Библіотеки рукописи подъ заглавіемъ: «Книги, глаголемыя Греческимъ языкомъ Номоканунъ», принадлежащей къ коллекціи Г. Толстаго (*Кат. печатный, Отд. I. No 311*), и по полученіи сихъ рукописей поручить Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу извлечь, какъ изъ нѣхъ, такъ и изъ Синодальной Коричей, «Правило Русскаго Митрополита Кирилла» и приготовить его къ изданію на извѣстныхъ правилахъ.

Членъ С. Строевъ довелъ до свѣдѣнія Комиссіи, что изъ числа разсмотрѣнныхъ имъ двухъ сотъ осмидесяти столбцевъ Соликамскаго Уѣзднаго Архива, онъ считаетъ нужнымъ напечатать только сорокъ пять, и что Главный Редакторъ Государственно-Юридическихъ Актовъ, О. Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, одобряетъ сдѣланный имъ выборъ. — Положено: согласно съ представленіемъ Г. Строева и съ отзывомъ О. Протоіерея Іоанна Григоровича, означенные акты напечатать въ приготовляемыхъ Комиссіею изданіяхъ.

Засѣданіе 3 Января 1839 г.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, при предложеніи отъ 25 Декабря 1838 года, препроводилъ къ Г. Предсѣдателю три брилліантовые перстня, Всемилостивѣйше пожалованные Государемъ Императоромъ: Члену Комиссіи О. Протоіерею Іоанну Григоровичу и Корреспондентамъ ея, Коллежскому Ассессору Строеву и Профессору Императорскаго Александровскаго Университета Соловьеву. Причемъ Г. Предсѣдатель объявилъ, что сіи подарки уже отправлены, по принадлежности.

Читано опредѣленіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 21 Декабря, объ увольненіи, по прошенію, отъ должности Члена Комиссіи Коллежскаго Ассессора Краевского.

Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, при отношеніяхъ отъ 22 Декабря, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія присланные изъ Молчанской Софроніевой пустыни рукопись, подъ заглавіемъ: «Дѣтописецъ Библейскій отъ Адама до позднѣйшихъ временъ», и изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Хронографъ Георгія Амартола. — Положено: означенныя рукописи хранить въ Комиссіи, впредь до особаго распоряженія.

Главный Редакторъ Березниковъ довелъ до свѣдѣнія Комиссіи, что доставленные Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, при отношеніи отъ 23 Іюня 1838 года, столбцы Верхотурскаго Уѣзднаго архива состоятъ изъ купчихъ, данныхъ, челобятныхъ и другихъ частныхъ дѣлопроизводствъ XVII вѣка. Изъ нихъ, на основаніи принятыхъ Комиссіею правилъ, можетъ быть напечатанъ только одинъ

актъ: «Воеводскій наказъ Боярскому сыну Ивану Тыркову, о построеніи слободы на рѣкѣ Пыжмѣ, призывѣ туда для селитьбы и управленіи бѣломѣстными казаками и оброчными крестьянами, 1673 г.»

Выѣстъ съ тѣмъ Г. Беренниковъ представилъ Комиссію составленный имъ, при разсмотрѣніи разныхъ грамотъ, списокъ монастырскихъ Настоятелей Суздальскихъ, Ярославскихъ, Сибирскихъ и проч. — Положено: Воеводскій наказъ передать Главному Редактору Государственно-Юридическихъ актовъ для приготовленія къ печатанію, а списокъ Настоятелей отправить къ Корреспонденту Строеву для включенія именъ ихъ въ составляемый имъ «Общій Каталогъ».

Главный Редакторъ Беренниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: Г. Членъ Комиссіи С. М. Строевъ, въ бытность въ Кенигсбергѣ, списалъ въ тамошнемъ Королевскомъ Архивѣ и доставилъ въ Комиссію слѣдующія грамоты Великаго Князя Василія Ивановича: 1) Гроссмейстеру Тевтоническаго Ордена Албрехту о пропускѣ и препровожденіи до Любека Имперскаго и Русскаго Посланниковъ, ѣхавшихъ къ Императору Максимилиану, 1515 Генв. 2. 2) Ему же о союзѣ противъ Польскаго Короля Сигизмунда I, 1515 Мал 22. 3) Ему же о посылкѣ денежнаго вспоможенія на военныя издержки, по случаю войны съ Королемъ Польскимъ, и проч. 1520 Августа 5. 4) Посланныкамъ Дяку Ивану Харламову и Олешѣ Семенову, съ приложеніемъ списка означенной грамоты къ Албрехту, о томъ, чтобы они просили Гроссмейстера о немедленномъ отпускѣ ихъ въ Россію, 1520 Августа 5. 5) Отвѣтъ Послу Еберту Дефриборку, о томъ, что денежное вспоможеніе Ордену послано будетъ въ то время, когда Гроссмейстеръ возвратитъ отнятыя у него Полянами города, Данцигъ, Торнъ, Мариенбургъ и проч., и присту-

читъ къ Кракову; о продолженіи военныхъ дѣйствій въ Литвѣ и тѣсномъ союзѣ Россіи съ Орденомъ. 6) Отвѣтъ Послу Алберту о томъ же.

«Сношенія Великаго Князя Василя Іоанновича съ Гроссмейстеромъ Албрехтомъ, извѣстны были Карамзину изъ бумагъ Архива бывшей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (см. *Ист. Гос. Рос.* Т. VII, стр. 81—84). Упоминаемый въ пятомъ актѣ Якимъ Маркрабій, есть Іоакимъ I, Маркграфъ Бранденбургскій, котораго владѣніе, извѣстное подъ именемъ Новой Бранденбургской Мархін, лежало отчасти по сю сторону Одера, и въ 1402 году отошло къ Ордену, отъ чего и Гроссмейстеры стали именоваться Бранденбургскими.

«Всѣ эти акты списаны Г. Строевымъ съ подлинниковъ, и могутъ быть съ пользою включены въ число матеріаловъ, дополняющихъ свѣдѣнія наши о сношеніяхъ Россіи съ Тевтоническимъ Орденомъ, въ началѣ XVI вѣка. Старинныя дипломатическія дѣла (статейные списки посольствъ Московскаго Двора, трактаты и проч.), начинаясь съ конца XV вѣка, почти всѣ хранятся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и для изданія ихъ учреждена, на издѣніи покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцева, особая Комmissія; почему занятіе ими и не можетъ относиться къ обязанностямъ Археографической Комmissіи. А какъ извѣстно, что печатаніе этого разряда Государственныхъ грамотъ приняла на себя Императорская Россійская Академія, то я и нахожу приличнымъ, представленные Г. Строевымъ списки препроводить, по принадлежности, въ ту Академію, для напечатанія ихъ въ общемъ составѣ съ «дѣлами Прусскими» хранящимися въ Главномъ Архивѣ Министерства Ино-

страйныхъ Дѣлъ». — Положено: на основаніи изложеннаго Г. Берединковымъ мѣнія, списки съ грамотъ Великаго Князя Василія Іоанновича препроводить къ Г. Непремѣнному Секретарю Императорской Россійской Академіи.

Членъ С. Строевъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Его Сіятельство Г. Вице-Канцлеръ, при отношеніи отъ 29 Ноября 1838 года, сообщилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія записку, составленную Г. Напирскимъ, о находящемся въ Ригѣ собраніи копій съ актовъ Кенигсбергскаго Архива. Разсмотрѣвъ ее по порученію Комиссіи, имѣю честь донести, что она заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе дѣла о перепискѣ актовъ Кенигсбергскаго Архива для дворянства Остзейскихъ Губерній. Въ ней между прочимъ значится, что Г. Напирскій, на доставленной ему копіи съ каталога Г. Тургенева, отмѣтилъ какіе акты Кенигсбергскаго Архива переписаны для означеннаго Дворянства и есть нѣсколько указаній, на которыя считаю необходимымъ обратить вниманіе Комиссіи.

1) Г. Напирскій упоминаетъ, что въ собраніи списковъ Кенигсбергскихъ актовъ, принадлежащемъ Лифляндскому Дворянству, находятся многіе документы, относящіеся къ Русской Исторіи, непоказанные въ каталогѣ Г. Тургенева.

2) Когда, въ 1812 году, Курляндское Дворянство, по недостатку въ денежныхъ средствахъ, отказалось отъ участія въ списываніи документовъ Кенигсбергскаго Архива, то блаженные памяти Императору Александру угодно было назначить извѣстную денежную сумму, въ видѣ пособія, для окончанія этого предпріятія. Его Величество въ то же время изволилъ приказать,

чтобы два экземпляра списковъ Кенигсбергскаго Архива отданы были по принадлежности Лифляндскому Дворянству, а третій, слѣдовавшій Курляндскому, переданъ былъ въ Императорскій Кабинетъ, съ порученіемъ рассмотреть его Исторіографу Карамзину, и потомъ, для храненія, въ Государственный Московскій Архивъ, подъ которымъ Г. Напирскій вѣроятно разумѣлъ Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

3) Г. Напирскій замѣчаетъ, что въ приложеніяхъ ко II-му тому изданнаго имъ «Индекса» заключаются извѣстія о ненапечатанныхъ документахъ, хранящихся въ Лифляндскихъ архивахъ, и особенно въ архивѣ Рижскаго Магистрата (*im innern Archiv des Rigaschen Rathes*).

«Имѣю честь представить Коммисіи: неудобно ли будетъ: во-первыхъ, просить Г. Напирскаго о доставленіи ей списка тѣмъ документамъ, которые не находятся въ каталогъ Г. Тургенева, но хранятся въ собраніи Кенигсбергскихъ актовъ, принадлежащемъ Лифляндскому Дворянству; во-вторыхъ узнать чрезъ Корреспондента Коммисіи Строева, въ Москвѣ, дѣйствительно ли въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находятся копіи съ актовъ Кенигсбергскаго архива, которыми пользовался Карамзинъ; и въ третьихъ, поручить кому либо рассмотреть приложенія ко II-му тому «Индекса» Г. Напирскаго, заключающія въ себѣ извѣстія о ненапечатанныхъ документахъ, касающихся Русской Исторіи и хранящихся въ Лифляндскихъ архивахъ?»— Положено: поручить Корреспонденту Коммисіи Строеву освѣдомиться въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на счетъ коллекціи Кенигсбергскихъ актовъ, переданныхъ туда для храненія по Высочайшему Повелѣнію, и просить Корреспондента Напирскаго о

доставленіи списка актовъ, относящихся къ той же коллекціи, которыхъ не значится въ каталогъ Г. Тургнева; вмѣстѣ съ тѣмъ Члену С. Строеву, на основаніи донесенія его, поручить разсмотрѣть «приложенія» ко II-му тому Индекса документовъ Ливонской Исторіи, составленнаго Г. Напперскимъ.

Засѣданіе 16 Января.

Читана всеподданнѣйшая докладная Записка Министра Народнаго Просвѣщенія Его Императорскому Величеству, о дѣйствіяхъ Археографической Комиссіи за 1837 и 1838 годы.

Чинovníкъ Комиссіи Матвѣевъ, при донесеніи отъ 10 Декабря 1838 г. представилъ сорокъ три старинныя грамоты, списанныя имъ въ Астраханскомъ Губернскомъ архивѣ. — Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерю Іоанну Григоровичу.

Главный Редакторъ Березниковъ читалъ слѣдующее донесеніе:

«По изъявленной Его Высокопревосходительствомъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія волѣ объ изданіи Печерскаго Патерика, по спискамъ, находящимся въ вѣдѣніи Комиссіи, честь имѣю представить: не угодно ли будетъ, сверхъ манускриптовъ, доставленныхъ изъ Синодальной и Новгородской Софійской Библіотекъ, вытребовать еще списки Патерика изъ Императорской Публичной Библіотеки (*Каталогъ Графа Толстаго*, отд. I. No 196, и II, No 221, 355, и 392) и изъ Румянцевскаго Музеума? Во время путешествія моего по Россіи, я видѣлъ

весьма нововый списокъ Патерика въ Флоринцевой Пустыни, Владимірской Губерніи (реестръ тамошнихъ рукописей доставленъ мною П. М. Строеву). Въ Библіотекѣ Г. Царскаго есть также два списка XVI вѣка (*Катал.* Отд. II. No 49 и III. 34). Такимъ образомъ возможно будетъ издать Патерикъ, съ удержаніемъ и объясненіемъ различныхъ его рецензій и съ вариантами по лучшимъ рукописямъ, чѣмъ разрѣшится и всѣ недоумѣнія о происхожденіи и составѣ этого древняго памятника нашей Литературы.» — Положено: просить Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о вытребованіи Патериковъ изъ Императорской Публичной Библіотеки и Руманцевскаго Музеума; а отъ Г. Царскаго отобрать свѣдѣніе, не согласится ли онъ доставить на время въ Комиссію принадлежащіе ему списки тѣхъ же Патериковъ?

Засѣданіе 6 Февраля.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ, отъ 26 Генваря, Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что Его Императорское Величество повелѣтъ соизволилъ: изъ числа старинныхъ рукописей бывшаго Виленскаго Университета, рукописи, заключающія въ себѣ оффиціальныя и неоффиціальныя матеріалы для Исторіи, и рукописи, въ коихъ содержатся отдѣльныя историческія сочиненія, кромѣ военныхъ Записокъ о походѣ Шереметова, передать въ Археографическую Комиссію, а рукописи, принадлежащія къ Поэзіи въ историческомъ родѣ — въ Императорскую Публичную Библіотеку. При чемъ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія и означенныя рукописи, при особомъ реестрѣ. — Положено: дѣлъ сихъ рукописей,

принадлежащія къ Поззіи въ историческомъ родѣ пре-проводить въ Императорскую Публичную Библіотеку, а прочія передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерсеу Іоанну Григоровичу.

Г. Министръ Императорскаго Двора, въ отиѣтъ на отношеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ отпускѣ на время изъ Эрмитажа нѣкоторыхъ медалей для приготовленія ихъ къ изданію, сообщилъ отъ 27 Генваря, что, по всеподданнѣйшему его докладу, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: медалей изъ Эрмитажа не отпускать и снимки съ нихъ дѣлать въ самомъ Эрмитажѣ, и что, въ исполненіе Высочайшей воли, для занятій гравера будетъ назначено удобное мѣсто. — Положено: принять къ исполненію.

Читано письмо Г. Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова къ Г. Предсѣдателю, отъ 30 Генваря, слѣдующаго содержанія: «По возвращеніи Коллежскаго Ассессора Стросва изъ Археографическаго путешествія по Россіи, получилъ я отъ него подлинный Указъ Царя Бориса Θεодоровича Годунова, о крестьянахъ, 1602 года Ноября 24. Чтобъ сохранить этотъ драгоцѣнный для Отечества Исторіи памятникъ, признаю полезнымъ присоединить его къ историческимъ матеріаламъ, собраннымъ и хранящимся въ Археографической Комиссіи, которой и назначаю его въ даръ». — Положено: просить Г. Предсѣдателя довести до свѣдѣнія Его Высочайшаго Удѣла, что Комиссія съ особенною признательностію принимаетъ назначенную ей въ подарокъ грамоту о выходахъ крестьянскихъ.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніи отъ 22 Генваря, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія описи стариннымъ актамъ и книгамъ, находя-

щимся въ архивахъ Гродненской Губерніи Брестскаго и Лядскаго Магистратовъ и Слонимскаго Уѣднаго Суда; причѣмъ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объяснилъ, что въ прочихъ Присутственныхъ Мѣстахъ означенной Губерніи подобныхъ рукописей не оказалось.—Положено: описи передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу.

Г. Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, при отношеніи отъ 19 Генваря, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія рукописную Кормчую, подъ заглавіемъ: «Книгы, глаголемыя Грецьскимъ языкомъ Номоканунъ». — Положено: хранить въ Коммиссіи, впредь до дальѣйшаго распоряженія.

Г. Гродненскій Гражданскій Губернаторъ представилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 31 Декабря 1838 года, двадцать старинныхъ грамотъ, хранившихся въ архивѣ Гродненскаго Магистрата.—Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу.

Г. Исправляющій должность Тверскаго Гражданскаго Губернатора, при отношеніи отъ 21 Генваря, представилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія тысячу триста семидесять столбцовъ, вытребованныхъ имъ изъ Бѣжецкаго Уѣднаго Суда; причѣмъ объяснилъ, что столбцы, значащіеся въ приложенной описи подъ No 6, 35, 150, 1374, 1375, 1376, 1377, 1378 и 1379, сгорѣли во время пожара, бывшаго въ Бѣжецкѣ въ 1789 году.—Положено: передать, для разсмотрѣнія, Главному Редактору О. Протоіерею Іоанну Григоровичу, а для пособія прикомандировать къ нему Члена С. Строева.

Членъ Устряловъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Въ слѣдствіе протокола Коммиссіи 5 Декабря 1838 года, я разсматривалъ присланный Г. Директоромъ Рижской Гимназіи Напирскимъ каталогъ актовъ Стутгардскаго архива, касающихся Лифляндской и отчасти Русской Исторіи, для отмѣтки тѣхъ документовъ, которые могутъ войти въ «собранія» Коммиссіи. Означенный каталогъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: первыя два содержатъ въ себѣ акты о дѣлахъ Ливонскаго Ордена безъ всякаго отношенія къ Россіи, кромѣ четырехъ документовъ не важнаго впрочемъ содержанія; въ третьемъ заключаются посольскіе паказы, письма, отписки, донесенія по случаю ходатайства Германскаго Императора и Тевтонскаго Ордена объ освобожденіи Ливонскаго Гермейстера Фюрстенберга изъ Московскаго плѣна. Число сихъ актовъ, со многими дубликатами, черновыми отписками, сокращеніями и переводами, простирается до 150. Нѣкоторые изъ нихъ должны пояснить состояніе Московскаго Двора въ достопамятную эпоху опалы Силвестра и Адашева; таковы, напримѣръ, донесенія Тевтонскихъ и Цесарскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ, весьма подробныя по замѣчанію составителя каталога, и письма самого Фюрстенберга о своемъ заключеніи (N№ 4, 83, 106, 109, 110, 111, 148, 149, 150 и 152); но какъ всѣ сіи акты находятся въ тѣсной между собою связи, составляя одну коллекцію и притомъ заглавія ихъ не всегда даютъ понятіе о содержаніи, то не благоудно ли будетъ Коммиссіи, для ближайшаго соображенія, вытребовать всю коллекцію вполнѣ, и по разсмотрѣніи рѣшить, какіе акты могутъ войти въ ея собранія?»—Положено: просить Г. Предсѣдателя войти, по усмотрѣнію его, въ подлежащее по сему сношеніе съ Г. Корреспондентомъ Коммиссіи Напирскимъ.

Членъ С. Строевъ, съ одобренія Главнаго Редактора О. Протоіеря Іоанна Григоровича, довелъ до свѣдѣнія

Коммисіи, что изъ числа трехъ сотъ столбцевъ Кушгурскаго Уѣзнаго архива, относящихся къ 1676 — 1701 г. и доставленныхъ въ Коммиссію по распоряженію Правительства, только пятьдесятъ заслуживаютъ быть напечатанными.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ

УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ

НАДПИСЕЙ И СЛОВЕСНОСТИ.

Парижская Академія Надписей основана, съ соизволенія Короля Людовика XIV, знаменитымъ Министромъ Кольбертомъ, въ 1663 году, подъ названіемъ Академіи Медалей и Надписей, Académie des médailles et inscriptions. Первоначальная цѣль ея, кромѣ изученія и объясненія памятниковъ древности, состояла въ сочиненіи барельефовъ и надписей на замѣчательнѣйшія событія въ Французской Исторіи, для медалей и палатъ Лувра, и въ разсматриваніи рисунковъ для садовъ Версальскихъ. Это Общество состояло первоначально изъ четырехъ или пяти Членовъ, которые назначались изъ среды Французской Академіи (Académie française), и называлось «маленькою Академіею», la petite Académie. Члены собирались въ бібліотекѣ Кольберта, гдѣ Министръ сообщалъ

имъ повелѣнія Короля. Въ 1701 году 16 Іюля, Академія получила новую организацію и нынѣшнее свое названіе Академіи Надписей и Словесности, Académie des inscriptions et belles-lettres. Она должна была состоять изъ десяти Почетныхъ Членовъ (membres honoraires), десяти вольныхъ Членовъ (associés), десяти Пансіонеровъ или Дѣйствительныхъ Членовъ (pensionnaires), и десяти Воспитанниковъ (élèves), которые въ послѣдствіи были уничтожены. Академія имѣла два публичныя засѣданія въ году: первое весною, второе осенью. Король назначалъ каждый годъ Президента и Вице-Президента; Секретарь и Казначей были непремѣнные. Однимъ изъ первыхъ его трудовъ былъ рядъ медалей, выбитыхъ въ хронологическомъ порядкѣ, на всѣ замѣчательныя извѣстія царствованія Людовика XIV. Это предпріятіе испытало нѣкоторую остановку по трудности его исполненія, но доведено было наконецъ до восшествія Герцога Анжуйскаго на тронъ Испаніи.

Въ началѣ Революціи, Академія Надписей, подобно всѣмъ другимъ Ученымъ Обществамъ, должна была закрыться. Но чрезъ нѣсколько времени она возобновлена была Директорією, испытала преобразованіе, и вмѣстѣ съ Академією Наукъ и Академією Французскою вошла въ составъ Національнаго Института, Institut National, подъ названіемъ третьяго класса, или класса Исторіи и древней Литературы, Classe d'histoire et de littérature ancienne. Подъ этимъ названіемъ она оставалась до возстановленія Бурбоновъ. Людовикъ XVIII возвратилъ ей прежнее названіе Академіи Надписей и Словесности; штатное число ея Членовъ (не включая вольныхъ Членовъ) назначено тридцать. Въ послѣдствіи оно увеличено, и дошло до сорока. Она не раздѣляется на отдѣленія или классы.

Записки (Mémoires) Академіи Надписей и Словесности заключаютъ въ себѣ множество Разсужденій чрезъ

вычайной важности о разныхъ частяхъ Исторіи и Литературъ древняго міра и Востока. Онѣ начались издаваться въ 1717 году, и ихъ вышло уже 63 толстыхъ тома въ четвертку. Они раздѣляются на два отдѣла: перваго изъ нихъ, подъ заглавіемъ: *Histoire et Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*, выходило ежегодно по одному тому до 1793 года, и онѣ заключаетъ въ себѣ 50 томовъ и одну часть подробнаго указателя; второй начался съ 1803 года, издавался сперва подъ заглавіемъ: *Mémoires de la classe d'histoire et de littérature ancienne de l'Institut*, потомъ подѣ нынѣшнимъ своимъ названіемъ: *Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*; его вышло уже 13 томовъ.

При помощи отчетовъ, издаваемыхъ каждыя полгода Непремѣнными Секретарями Академіи, мы можемъ сообщить читателямъ нашимъ обзорѣніе трудовъ ея за вторую половину 1837-го и первую 1838 года. Первый изъ нихъ написанъ знаменитымъ Сильвестромъ де-Саси, не задолго до его кончины; второй Г-мъ Дону (Daupou), преемникомъ де-Саси въ должности Непремѣннаго Секретаря Академіи Надписей и Словесности. Но прежде, нежели начнемъ это обзорѣніе, сообщимъ списокъ изданій, которыхъ печатаніе положено въ обязанность Академіи ея послѣднимъ уставомъ и предписаніями Правительства.

Академія Надписей и Словесности обязана издавать:

- 1) Свои Записки, *Mémoires*.
- 2) Замѣчательнѣйшія изъ записокъ, сообщенныхъ ей посторонними Учеными.
- 3) Извлеченія изъ рукописей (*Notices et extraits des manuscrits*).
- 4) Литературную Исторію Франціи.
- 5) Собраніе Французскихъ Историковъ и Лѣтописцевъ.
- 6) Восточныхъ, Греческихъ и Западныхъ Писателей о Крестовыхъ Походахъ.

7) Собраніе Указовъ и Постановленій Французскихъ Королей второй династіи.

8) Хронологическій списокъ дипломовъ, хартій и т. п. относительно Французской Исторіи.

9) Самые тексты этихъ дипломовъ и хартій.

10) Документы относительно владѣній Франковъ въ Святой Землѣ (*les Assises de Jérusalem*).

Кромѣ того Академія обязана составлять надписи для медалей и т. п., требуемыя Правительствомъ, и ежегодно предлагаетъ задачи на соисканіе Ученыхъ, по части Исторіи, Археологій и Нумизматики.

Мы уже сказали, съ какою дѣятельностію продолжаются первое и важнѣйшее изъ этихъ изданій — Записки Академіи. Въ Іюнь 1838 года вышла вторая половина XIII тома (стр. 345 — 781). Можно судить о важности ея содержанія по мемуарамъ, которыя въ ней включаются. Это — «Записка о путешествіи нѣсколькихъ Китайскихъ Самановъ къ странѣ Белучей и въ Индію, въ IV вѣкѣ отъ Р. Х.», покойнаго Абель-Ремюза; «О земледѣліи у Римлянъ, отъ временъ Катона Цензора до Колумеллы», сочиненіе Дюрё-де-Ламала, и третья «Записка о Христіанскихъ древностяхъ въ Римскихъ катакомбахъ», съ девятью рисунками, соч. Рауль-Рошетта.

«Исторія Академіи» отъ 1831 по 1837 года печатается въ видѣ первой половины къ XII тому Записокъ, который уже вышелъ въ 1836 году. Кромѣ того печатается указатель предметовъ, содержащихся въ десяти первыхъ томахъ новаго отдѣленія этихъ Записокъ, равно какъ и XV томъ.

Изданія *Notices et extraits des manuscrits* долженъ былъ выйти въ концѣ 1838 года XIII томъ. Онъ содержитъ въ себѣ: «Обозрѣніе Словаря, называемаго Зерцаломъ языковъ Маньчжу и Монгольскаго», соч. Абель-Ремюза, оконченное по его смерти Гг. Клапротомъ и Ландрессомъ; «Обозрѣніе разныхъ математическихъ сочиненій

на Арабскомъ языкѣ, находящихся въ Королевской Библиотецѣ», соч. Г. Седилло; «Обозрѣніе книги *Месалекъ эль-абсари фи медалекъ эль-ансари* (Странствованіе глазъ по разнымъ странамъ)», соч. Г. Катрмера.

«Литературной Исторіи Франціи», *Histoire littéraire de la France*, вышелъ XX томъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстія, болѣе или менѣе обширныя, о 117 авторахъ, писавшихъ по Латини или по Французски прозою, которые жили между 1256 и 1285 годами. Вторая часть знакомитъ съ 89 Трубадурами той же эпохи. Третья заключаетъ въ себѣ Исторію Труверовъ XIII столѣтія.

«Собраніа Французскихъ лѣтописцевъ», *Recueil des historiens de France*, вышелъ XX томъ, содержащій въ себѣ до 800 страницъ въ листъ. Редакціею его заведуютъ Гг. Дону и Нодэ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ: Лѣтопись о Людовикѣ Святѣмъ, соч. Жофруа де Больё; храники Вильгельма Шартрскаго, Сентъ-Денисскаго бенъ-лиспнаго монаха, Духовника Корѣловы Маргериты и Сира Жуанпилья; жизнь Филиппа III, соч. Вильгельма Нанси, пространную и краткую лѣтопись, его же; Сентъ-Денискія лѣтописи отъ 1226 по 1828 годъ, и Исторію войны противъ Албигойцевъ.

«Собраніе Историковъ Крестовыхъ Походовъ» дѣлательно печатается и первый томъ долженъ выйти въ 1839 году. Восточная часть Собранія состоитъ въ извлеченіяхъ изъ сочиненій Абульфеды и Ибнъ-эль-Этира, сѣлланскихъ Г-мъ Рено (Reinaud). Греческое отдѣленіе составляютъ выписки изъ Зонары, Аппы Компинъ, Никиты Хоніата и другихъ Византійцевъ; редакціею ихъ занимается извѣстный Эллинистъ Газе. Третье или Французское отдѣленіе заключаетъ въ себѣ Исторію Вильгельма Тирскаго; имъ занимается Г. Беньо (Beugnot).

Томъ XX «Собранія Указовъ Французскихъ Королей», *Recueil des ordonnances des rois de France*, также

печатается, подъ редакціею Г-па Пасторё. Предполагають окончить его Указами Людовика XII.

Г. Пардессю продолжалъ составленіе V тома статейнаго списка дипломовъ и пр. (*Tables des diplômes, chartes etc.*). Это перечень всѣхъ старинныхъ Французскихъ дипломовъ, грамотъ и привилегій, какія только дошли до нашего времени, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Чтобы судить о ихъ многочисленности, довольно сказать, что въ одинъ пятый томъ приготовленъ списокъ 5000 этихъ актовъ. Они, разумеется, объяснены нужными примѣчаніями.

Новое изданіе «Іерусалимскихъ Ассизовъ», *Assises de Jérusalem*, начали печатать по лучшимъ рукописямъ. Ассизами, какъ извѣстно, называли во Франціи и въ Южной Италіи, гдѣ владѣли Норманы, временныя собранія и судебныя дни вассаловъ и вольныхъ людей. Готфридъ Булонскій, овладѣвъ Іерусалимомъ въ 1009 году, ввелъ и тамъ ассизныя суды, въ которыхъ составились многіе законы. Они-то и называются *Assises de Jérusalem*. Этотъ кодексъ, кромѣ Іерусалима, введенъ былъ въ послѣдствіи въ Королевствѣ Кипрскомъ въ 1192 году, въ Константинополѣ при овладѣніи имъ Франками, и во многихъ другихъ мѣстахъ.

По требованію Правительства, Академія Надписей составила въ 1837 году одну легенду на медаль, выбитую по случаю открытія Музея въ Борсали. Въ 1838 году, она составила легенды для нѣкоторыхъ другихъ медалей, надпись на Луксорскій обелискъ, и выбила медаль въ память знаменитаго своего Члена Сильвестра де-Саси.

Таковы нѣкоторыя занятія, труды и предназначенія Парижской Академіи Надписей и Словесности, старѣйшаго изъ Ученыхъ Обществъ Франціи послѣ Французской Академіи.

V.

ИСТОРИЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

БАРОНЪ СИЛЬВЕСТРЪ ДЕ-САСИ.

Знаменитый Ученый, или Литераторъ, пріобрѣтшій себѣ громкую и заслуженую славу, когда сходитъ въ могилу, то съ той же минуты дѣлается самъ предметомъ изученій со стороны тѣхъ, которые избрали одинаковою съ нимъ поприще знаній. Имъ пріятно и поучительно, въ домашней жизни Писателя, въ его распредѣленіи заплотій, искать побудительныхъ, часто вселотныхъ причинъ, которыя привели его къ новымъ мыслямъ или открытіямъ въ Наукѣ. Даже семейныя подробности жизни дѣлаются занимательными для тѣхъ, кто принималъ живое участіе въ его дѣятельности литературной. И какъ для нихъ утѣшительно, когда жизнь такого Писателя представляется только съ свѣтлой стороны, безъ мрачныхъ слоттѣнковъ, — поучительнымъ образцомъ для его послѣдователей.

Однимъ изъ такихъ Ученыхъ, составляющихъ славу своего отечества и Науки, былъ знаменитый Французъ-

скій Орієнталистъ, Баронъ Сильвестръ де-Саси, который цѣлое полу столѣтіе стоялъ во главѣ Восточной учености; издавъ трактаты, которые навсегда останутся авторитетомъ въ этой отрасли знаній, и кончилъ славное свое поприще маститымъ старцемъ, котораго имя съ уваженіемъ произноситъ вся Европа.

Тотчасъ по его кончинѣ извѣстнѣйшіе Французскіе Орієнталисты принесли должную дань его памяти, посвятивъ перо свое сочиненію біографій и похвальныхъ словъ покойному. Лучшее и подробнѣйшее изъ нихъ (1) принадлежитъ Г-ну Рено (Reinaud), Члену Института, преемнику де-Саси по кафедрѣ Арабскаго языка, бывшему его ученику. Намъ пріятно воспользоваться столь ученымъ и любопытнымъ біографическимъ извѣстіемъ, для сообщенія Русскимъ почитателямъ знаменитаго Орієнталиста важнѣйшихъ подробностей о его жизни. Жизнь его—это исторія успѣховъ наученія Восточной Литературы въ Европѣ въ продолженіе болѣе полу вѣка. Основаніе изученія Восточныхъ языковъ въ нашемъ Отеествѣ также, какъ мы увидимъ въ концѣ статьи, отчасти связано съ именемъ де-Саси.

Антоній-Исаакъ Сильвестръ де-Саси родился въ Парижѣ 21 Сентября (новаго стиля) 1758 года. Отецъ его былъ нотаріусъ. Изъ двухъ братьевъ, старшій, по старинному обычаю Парижскихъ горожанъ, сохранилъ свою фамилію Silvestre, младшій назвался Silvestre de Chanteloup; а Antoniil, который былъ среднимъ, принялъ фамилію Silvestre de Sacy.

Семь лѣтъ отъ роду де-Саси имѣлъ несчастіе лишиться своего родителя. Нѣжная мать его старалась, сколько было въ ея силахъ, замѣнить для него эту по-

(1) Notice historique et littéraire sur M. le Baron Silvestre de Sacy, lue à la séance générale de la Société Asiatique, le 25 juin 1838, par M. Reinaud.

терю. Она выучила его читать и писать, и такъ какъ онъ былъ на видъ слабаго сложенія, то взяла учителя на домъ. Молодой де-Саси дѣлалъ необыкновенные успѣхи въ изученіи древнихъ языковъ, и приобрѣлъ въ послѣдствіи столь основательныя познанія въ Литературѣ двухъ классическихъ народовъ древности, что они одни могли быть достаточнымъ правомъ на славу для человека менѣе знаменитаго.

Начиная съ двѣнадцати-лѣтняго возраста, де-Саси имѣлъ привычку, въ свободное время прогуливаться вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ садъ аббатства Saint-Germain-des-Prés. Въ эту эпоху Сентъ-Жерменское аббатство принадлежало Бенедиктинцамъ конгрегаціи Св. Мавра, ученымъ отшельникамъ, которые съ рещію предалися Наукѣ и подарили Французской Литературѣ много драгоценныхъ плодовъ своей дѣятельности. Въ числѣ ихъ находился тогда Домъ-Бертеро (dom Berthegeau), занимавшійся собираемъ Арабскихъ Писателей для Исторіи Крестовыхъ походовъ. Де-Саси часто хаживалъ къ этому умному Бенедиктинцу, и труды Дома-Бертеро родили въ немъ охоту заняться Восточными языками.

Окончивъ свой курсъ классическихъ Наукъ, де-Саси немедленно принялся за языки Востока. Онъ началъ изученіемъ Еврейскаго, съ цѣлю читать въ подлинникъ Священное Писаніе. Мать его была женщина набожная и воспитывала дѣтей въ праплахъ самой чистой нравственности. Отъ Еврейскаго де-Саси перешелъ къ Сирійскому языку, Халдейскому, Самаританскому, потомъ къ Арабскому и Эіопскому. Всѣ эти шесть языковъ принадлежатъ къ одному корню, и называются Семитическими, потому что народы, которые ими говорили, происходили отъ Сима (Sem), сына Ноева. Изученіе одного изъ нихъ чрезвычайно облегчаетъ познаніе другаго. По-Еврейски и по-Арабски де-Саси имѣлъ случай учиться у одного образо-

нашаго Еврея, жившаго въ Парижѣ. Чтобы пріобрѣсть большій навыкъ въ чтеніи Еврейскихъ текстовъ, онъ нѣкоторое время положилъ себѣ за правило не иначе какъ въ подлинникѣ читать молитвы, заимствованныя изъ Ветхаго Завета. Въ то же время де-Саси выучился Италіанскому, Испанскому, Англійскому и Нѣмецкому языкамъ, которыхъ познаніе необходимо для занимающихся Литературой Семитическими, по причинѣ нѣсколькихъ важныхъ сочиненій, изданныхъ на этихъ четырехъ языкахъ.

Де-Саси всегда велъ правильную жизнь, и это безъ сомнѣнія много способствовало его быстрымъ успѣхамъ. Онъ умѣлъ пользоваться всякимъ часомъ времени, на недостатокъ котораго жалуются столь многіе, и въ молодости, увлеченный любимыми своими занятіями, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ простиралъ свою дѣятельность до того, что трудился иногда и по ночамъ. Эта измѣнная ревность къ Наукѣ имѣла печальныя слѣдствія для де-Саси; здоровье его было въ опасности, и зрѣніе навсегда ослабло. Единственнымъ развлеченіемъ его въ это время — (надобно замѣтить, что онъ почти никуда не выходилъ изъ дому, удерживаемый одиночествомъ нѣжной матери, которая только въ дѣтахъ находила единственное свое утѣшеніе) — это развлеченіе состояло въ обученіи красненькаго чижика, котораго молодому полиглотту хотѣлось заставить говорить на какомъ-нибудь языкѣ. Ему удалось наконецъ выучить птичку нѣсколькимъ Италіанскимъ словамъ.

Человѣкъ, одаренный такою изумительною ученою дѣятельностію, не могъ долго оставаться въ невѣдѣстности литературной. Въ эту эпоху библейскія изученія занимали большую часть Оріенталистовъ: то было время, когда выходили славные труды Кенникаота, де-Росси и другихъ достойныхъ Гебраистовъ. Вездѣ занимались критическимъ сличеніемъ рукописей, содержащихъ въ себѣ

Священныя Писанія; сравнивали Еврейскіе манускрипты одинъ съ другимъ; повѣряли Еврейскій текстъ съ переводомъ Семидесяти Толковниковъ; разыскивали, съ Греческаго или съ Еврейскаго переложено то или другое мѣсто книгъ Сирійскихъ и Халдейскихъ, и тому подобное. Многія періодическія изданія посвящены были исключительно этого рода изысканіямъ, и самое замѣчательное изъ нихъ издавалось въ Лейпцигѣ знаменитымъ Эцхгорномъ (1). Если который-нибудь Оріенталистъ дѣлалъ новое открытіе въ Гекзегетикѣ, то посылалъ извѣстіе о немъ въ одно изъ этихъ изданій, для гласности между Гебранстами.

Въ Парижской Королевской Библіотекѣ находилась Сирійская рукопись четвертой Книги Царствъ, съ вариантами другихъ переводовъ. Важно было узнать, съ какого именно изъ Греческихъ переводовъ сдѣланъ этотъ Сирійскій, и Оригеновъ текстъ Семидесяти Толковниковъ тотъ ли самый, по которому сдѣланъ Сирійскій переводъ? Разысканіемъ этимъ занялся де-Саси въ 1780 году. Ему было тогда двадцать третій годъ. Онъ послалъ свои замѣчанія къ Эцхгорпу, который и напечаталъ ихъ въ седьмомъ томѣ своего журнала (стр. 225 и слѣд.) Въ послѣдствіи де-Саси самъ переписалъ текстъ всей четвертой книги, и преимущественно по этой его рукописи она и издава была, три года тому назадъ, въ Германіи (2).

Въ 1783 году, де-Саси обратилъ свое вниманіе на Еврейскій текстъ двухъ посланій, писанныхъ въ XVI вѣкѣ Самарянами, къ Іосифу Скалигеру. Извѣстно, что Самаряне принадлежатъ къ остаткамъ десяти коленъ Израиля, которые по кончинѣ Соломона отдѣлились отъ колѣна Іудина и образовали отдѣльное Государство. Они составляютъ теперь едва нѣсколько семействъ, но во вре-

(1) Repertorium für biblische und morgenländische Litteratur.

(2) Codex Syriaco-Hexaplaris; liber quartus Regum, e codice Parisiense, etc. Edidit Middeldorf. Berlin, 1835, in 4-to.

мл Скалигера были несравненно многочисленнѣе, и занимали нѣсколько округовъ въ Наблусѣ и другихъ мѣстахъ. Они свято соблюдаютъ всѣ законы Моисеевы, но Пятикнижью; но отвергаютъ другія книги, и во многихъ подробностяхъ отдѣлились отъ обрядовъ Еврейскихъ. Въ то время богословскихъ препій между Римскими Католиками и Реформатами, когда тексты Ветхаго Завета не были еще очищены критикою, и обѣ спорившія стороны употребляли въ свою пользу варианты Еврейскихъ рукописей, важно было имѣть неискаженные тексты Самаританскіе: Скалигеръ писалъ къ Наблусскимъ и Египетскимъ Самарянамъ о доставленіи ему списковъ съ употребляемыхъ ими Священныхъ книгъ и описаніе религиозныхъ ихъ обрядовъ. Самаряне отказали; но два письма ихъ пришли въ Европу уже послѣ смерти Скалигера. Отецъ Марепъ (Marin) перевелъ ихъ въ послѣдствіи на Латинскій языкъ (1); но переводъ его былъ не точенъ, и де-Саси счелъ полезнымъ перевести снова. Еврейскій текстъ писемъ и Латинскій переводъ де-Саси, съ примѣчаніями, изданы были въ Эйхгорновомъ журналѣ (2).

Независимо отъ своихъ библейскихъ разысканій, де-Саси началъ изучать Востокъ во всѣхъ его отношеніяхъ, — его Географію, Исторію, Религіи, Литературы. Основательное знаніе Арабскаго языка уже много помогло ему въ этомъ трудѣ; но онъ долженъ былъ присоединить къ нему еще познаніе въ Персидскомъ и Турецкомъ, которые удаляются отъ духа языковъ Семитическихъ и требовали новыхъ усилій его дѣятельности. Послѣднимъ изъ этихъ языковъ онъ не занимался продолжительно; но Арабскій и Персидскій остались въ теченіе всей его жизни главнымъ его предметомъ: за то

(1) Этотъ переводъ напечатанъ Р. Симономъ въ издѣліи собраніи: *Antiquitates Ecclesiae Orientalis*.

(2) *Repertorium etc.* Tom. XIII. p. 257, 299.

и приобрѣлъ онъ изъ нихъ, особенно въ Арабскомъ, наиболѣе трудномъ, познаніи, основательнѣе которыхъ до него сдѣлали нѣтъ кто-либо изъ Европейцевъ. Надобно при этомъ замѣтить, что въ то время, когда Саси началъ заниматься этимъ языкомъ, не было еще тѣхъ средствъ къ легчайшему и основательному ихъ изученію, какія мы имѣемъ теперь, и которыми болышею частию обязанъ ему самому. Датчанинъ Рейске, лучший тогда знатокъ Арабскаго языка, былъ уже въ могилѣ, и твореніе, которое навсегда осталось памятникомъ его славы (1), издапо было нѣсколько лѣтъ спустя. Голландскіе Ориенталисты, Схультенсы (Schultens), отецъ и сынъ, которые околю полустолѣтія были украшеніемъ Лейденскаго Университета, также уже не существовали, а ихъ преемники были не въ состояніи продолжать важныя труды ихъ. Для Персидскаго языка было еще менѣе издано: начинавшему изученіе его не доставало важнѣйшихъ пособій, въ особенности исправно изданныхъ текстовъ. Только Вилліамъ Джонсъ, въ Англіи, занимался этою частью и готовилъ свою Персидскую Грамматику. Де-Саси, по неимѣнію печатныхъ средствъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ особамъ, долго жившимъ на Востокѣ и которые основательно знали Персидскій языкъ; знакомство съ однимъ изъ Королевскихъ Драгомановъ было ему весьма полезно въ этомъ отношеніи.

Чрезвычайныя труды, которые встрѣтилъ де-Саси при изученіи Арабскаго и Персидскаго языковъ, не остановили его ревности. Онъ по прежнему продолжалъ эти занятія, не смотря на то, что въ 1781 году получилъ должность Совѣтника при Монетномъ Дворѣ, которая также требовала времени.

(1) Изданіе Арабскаго текста Абуль-Фодовой Исторіи, съ прекрасныхъ Латинскихъ переводомъ и комментаріями. Первый томъ съ вышелъ въ 1789 году.

Въ 1785 году, при основаніи новаго отдѣленія въ Академіи Надписей, которое должно было состоять изъ осьми вольныхъ Членовъ (*associés libres*), де-Саси былъ припятъ въ число ихъ. Въ этомъ качествѣ онъ занялся тотчасъ составленіемъ двухъ разсужденій о древней Исторіи Аравитянъ и происхожденіи ихъ Литературы. Аравитяне — одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ въ мірѣ; но по географическому своему положенію они долго не имѣли никакихъ сношеній съ своими сосѣдями, и потому были весьма мало извѣстны Грекамъ и Римлянамъ. Да и сами они весьма поздно начали заниматься Литературой. Вся ихъ письменность до Магомета, то есть до VII столѣтія, состоитъ въ стихотвореніяхъ, въ которыхъ прославлялись еще недавнія междоусобія поколѣній, и многихъ генеалогическихъ таблицъ владѣтелей.

Въ первомъ изъ этихъ разсужденій (1) де-Саси старался опредѣлить съ точностію эпоху, важную въ Исторіи всего полуострова — разливъ Иремской плотины, въ такъ называемой Счастливой Аравіи (2). Разливъ этотъ причинялъ бездну несчастій, и принудилъ множество семей удалиться изъ Мекки на берега Персидскаго залива, въ Сирію и въ Месопотамію. Де-Саси считаетъ это событіе исходнымъ пунктомъ историческихъ извѣстій объ Аравитяпахъ, и относитъ его ко второму столѣтію нашей эры. Къ этому разсужденію онъ приложилъ также генеалогическія таблицы Арабскихъ династій, основанныхъ въ слѣдствіе этой эмиграціи. Во второмъ изъ упомянутыхъ разсужденій (3) де-Саси хотѣлъ представить очеркъ древнѣйшей письменности Аравитянъ. Онъ начи-

(1) Sur divers événements de l'histoire des Arabes avant Mahomet, въ *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, tome XLVIII.

(2) Нѣкоторыя подробности объ этой знаменитой плотинѣ, можно найти въ статьѣ «Аравія», въ *Энцикл. Лекс.*, Томъ II, стр. 469.

(3) *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, tome I.

насть разысканіемъ о разнаго рода письменахъ, которыя употреблялись нѣкогда на полуостровѣ, и показавъ измѣненіа, какимъ подверглась Арабская грамота прежде нежели приняла нынѣшнее очертаніе, оканчиваетъ исчисленіемъ древнѣйшихъ памятниковъ Арабской Литературы.

Эти два мемуара, изданные съ значительными дополненіями, двадцать лѣтъ спустя послѣ ихъ сочиненія, пролили много свѣта на предметъ, дотогѣ вовсе не обработанный. Въ 1830 году, собравъ нѣкоторые новые факты, де-Саси написалъ третій, въ дополненіе къ двумъ прежнимъ (1).

Въ томъ же году, когда де-Саси сочинялъ свои записки о древней Аравіи, онъ жеплся, и тогда же назначенъ былъ Членомъ Комитета, основаннаго при Академіи Надписей, и на который возлагалось изданіе въ свѣтъ разборовъ или извлеченій изъ важнѣйшихъ рукописей, хранившихся въ Королевской Парижской Библиотекѣ и разныхъ архивахъ Королевства. Эти разборы и извлеченія должны были составлять особое собраніе, котораго изданіе предпринимала Академія Надписей, подъ заглавіемъ — *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques*. Де-Саси принялся за разсмотрѣніе различныхъ Арабскихъ и Персидскихъ сочиненій, и написалъ для этого важнаго сборника много подробныхъ разборовъ, съ обширными выписками, своимъ переводомъ и примѣчаніями. Изъ числа написанныхъ имъ для первыхъ томовъ должно упомянуть объ извлеченіяхъ изъ біографическихъ извѣстій о нѣкоторыхъ Персидскихъ Повѣяхъ, и о разборѣ четырехъ Арабскихъ сочиненій о покореніи Ісма-на (Счастливаго Аравіи) Оттоманами (2). Должно уди-

(1) *Mémoires de l'Acad. des Inscript. Tome X (nouveau recueil)*.

(2) Обѣ эти статьи помѣщены въ четвертомъ томѣ *Notices et extraits des manuscrits etc.*

ваться необычайному трудолюбію ихъ Автора: не довольствуясь извлеченіями изъ послѣднихъ четырехъ рукописей, онъ переписалъ ихъ и перевелъ многіе. Они найдены по его смерти между его бумагами.

Нѣсколько времени спустя де-Саси предпринялъ сочиненіе о различныхъ древностяхъ Персіи.

Кромѣ испанскихъ развалинъ Персеполиса и другихъ обломковъ древней Персіи, сохранилось еще много замѣчательныхъ памятниковъ Перскаго Искусства, принадлежащихъ менѣе отдаленной древности. Сюда относятся и барельефы, находящіеся близъ Персеполиса, въ мѣстѣ, называемомъ Накши-Рустемъ. Эти барельефы, кромѣ надписей двумя неизвѣстными письменами, представляютъ также надписи Греческія. Многіе путешественники по Востоку дѣлали снимки съ этихъ барельефовъ и надписей; но снимки ихъ были невѣрны или дурно сдѣланы. Наконецъ знаменитый Пибуръ, отецъ Историка Рима, и которому Географія Востока такъ много обязана, снова и точно срисовалъ Накши-Рустемскіе памятники. Имѣя вѣрный ихъ снимокъ, можно было приступить къ ихъ объясненію, и де-Саси взялъ на себя этотъ трудъ. Онъ прежде всего рапобралъ Греческія надписи, и въ одной изъ нихъ встрѣтилъ имя Артаксеркса, основателя династіи Сасанидовъ (въ III вѣкѣ отъ Р. Х.), вмѣстѣ съ именемъ его отца и разными эпитетами, заимствованными частію изъ религіи Зороастровой, которую Сасаниды, какъ извѣстно, старались возстановить въ прежнемъ ея блескѣ. Потомъ де-Саси приступилъ къ разсмотрѣнію соотвѣтствующей ей надписи неизвѣстными письменами. Весьма вѣроятно было предположить, что эта надпись одинаковаго содержанія съ Греческою. Въ такомъ случаѣ, въ ней должны были находиться и имена Артаксеркса, отца его, и эпитеты, заключающіеся въ Греческой надписи. Де-Саси дѣйствительно отыскалъ въ ней всѣ эти имена и эпитеты, и съ помощію опредѣленныхъ такимъ

образомъ буквъ могъ прочесть Накши-Рустемскія надписи: одиѣ изъ нихъ были на Пеглійскомъ, другія на Зендскомъ языкѣ. Такъ же прочтены были имъ надписи, находящіяся близъ Керманшаха, на границахъ Курдистана: онѣ относятся къ Сапору II. Кромѣ Пеглійскихъ и Зендскихъ надписей, на Накши-Рустемскихъ и Керманшахскихъ памятникахъ есть третьяго рода письма: они принадлежатъ по-видимому иному языку, который былъ въ употребленіи при Сассанидахъ и котораго азбука совершенно особая; они не могли быть разобраны. Послѣ прочтенія надписей на памятникахъ, де-Саси легко уже было разобрать легенды монетъ, относящихся къ той же династіи. При первомъ взглядѣ на нихъ онъ съ радостію увидѣлъ, что онѣ начертаны тѣми же почти письмами, какъ и прочитанныя имъ надписи. Оснадацать буквъ Пеглійской азбуки и рядъ собственныхъ именъ Государей съ ихъ эпитетами, были результатами этихъ открытій, которые де-Саси изложилъ въ четырехъ мемуарахъ, читанныхъ въ Академіи Надписей въ 1787, 1788, 1790 и 1791 годахъ. Они собраны были Авторомъ въ одну книгу, какъ относящіеся къ одному и тому же предмету — династіи Сассанійской, и вмѣстѣ съ Исторіею этой династіи, переведенной имъ изъ Мирхонда, изданы въ свѣтъ въ 1793 году (1). Время изданія этой книги, среди ужасовъ Революціи, было причиною, что нѣсколько лѣтъ Ученые едва знали о ея существованіи; но лишь только умы успокоились, она была оцѣнена по достоинству во всѣхъ ученыхъ журна-

(1) *Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les médailles des rois de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie, traduite du persan de Mirkhond. Paris, 1793, in 4-to.* Въ послѣдствіи де-Саси написалъ прибавленіе къ этимъ мемуарамъ, которое помѣщено въ «Запискахъ Академіи Надписей», томъ II (новаго собранія).

лахъ Европы и доставила Автору заслуженную известность.

Де-Саси не оставлялъ между тѣмъ своихъ библейскихъ занятій, которыя ему были столь полезны при дешифровкѣ Семитическихъ словъ въ Пеглійскихъ надписяхъ. Онъ написалъ разсужденіе объ Арабскомъ переводѣ Моисеевъ книгъ и о его рукописяхъ, въ которомъ сравнивалъ между собою тексты Пятикнижія на Еврейскомъ, Самаританскомъ и Арабскомъ языкахъ. Это разсужденіе писано имъ по Латыни, и было помѣщено въ новомъ Эйхгорновомъ журналѣ, который издавался послѣ прекращенія его «Реперториума» (1).

Тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, де-Саси уже считался въ числѣ первоклассныхъ Ученыхъ. Онъ въ то же время занималъ почетное мѣсто въ обществѣ. Въ 1791 году онъ былъ назначенъ однимъ изъ Генералъ-Коммисаровъ при Монетномъ Дворѣ (*commissaire-général des monnaies*); въ послѣдующемъ году, при открытіи ваканціи въ Академіи Надписей и Словесности, онъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ въ Дѣйствительныя ея Члены. При наступленіи Революціи, де-Саси, не смотря на свою недостаточность, тотчасъ отказался отъ должности Генералъ-Коммисара; удалился отъ Паржа съ своимъ семействомъ, и поселился въ скромномъ убѣжищѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы. Здѣсь занимался онъ исключительно своими учеными трудами, а для развлеченія обрабатывалъ небольшой садикъ. Только разъ въ недѣлю онъ долженъ былъ отпраиваться въ столицу: въ это самое время тамъ печаталось его сочиненіе о древностяхъ Персіи, которое онъ предполагалъ для «Записокъ Академіи Надписей»; но она

(1) Allgemeine Bibliothek für biblische Litteratur, Tom. X. Въ послѣдствіи де-Саси перевелъ свою диссертацию на Французскій, и напечаталъ ее, съ поправками и прибавленіями, въ XLIX томѣ «Записокъ Академіи Надписей».

уже не существовала съ самаго начала Революціи. Онъ отпралялся изъ своего сельскаго жилища обыкновенно пѣшкомъ, съ палкою въ рукѣ, и бутылкою пива въ карманѣ, для утоленія жажды. Вопреки богопротивнымъ постановленіямъ революціонеровъ, въ домѣ набожнаго де-Саси открыто служили обѣдню: такое благочестіе среди дикой невѣры могло бы навлечь бѣдствія на пнаго; но никто не посылалъ доносить на де-Саси, который пользовался уваженіемъ всѣхъ сосѣдей. Однажды предписано было «гражданину Саси», какъ сельскому жителю, работать вмѣстѣ съ поселянами при уборкѣ хлѣба. Окружные крестьяне, которые всѣ знали де-Саси лично, помогли ему избавиться отъ предписанія, представивъ, что онъ служилъ бы имъ только помѣхою по малому своему росту и близорукости.

Кромѣ печатанія своихъ «Записокъ о древностяхъ Персіи», де-Саси въ это смутное время занимался сочиненіемъ о религіи Друзовъ. Извѣстно, что Друзы составляютъ небольшой народъ, живущій въ горахъ Ливана; они имѣютъ особое вѣроученіе, которое проистекаетъ изъ различныхъ религіозныхъ мнѣній, господствовавшихъ на Востокѣ, и преимущественно въ Персіи, въ первыя столѣтія нашей эры, но приведенныхъ въ систему не ранѣе исхода X вѣка, въ царствованіе Египетскаго Халифа Хакемъ-Бенаръ-Аллаха. Никто Хамэдъ и ученикъ его Муктапа — основатели этой системы. Главный отличительный догматъ ихъ ученія состоитъ въ томъ, что будтобы Божество воплотилось въ особѣ Хакена, а Разумъ Всесообщій, заключающій въ себѣ всѣ догматы и истины Вѣры, проявился въ особѣ Хамзы. Въ 1700 году одинъ Сирійскій врачъ, прибывшій во Францію, представилъ Людовику XIV четыре тома, заключавшіе въ себѣ большую часть этого ученія. Правительство поручило тогда же извѣстному Оріенталисту Петіу-де-Лакруа перевести эти книги. Переводъ былъ конченъ; но оставался не издавъ,

и наконецъ утратился въ рукописи. Сильвестръ-де-Саси перевелъ ихъ снова, вмѣстѣ со всѣми извѣстіями, какія только могъ отыскать о Друзахъ у Арабскихъ Писателей. Это повело его къ разысканіямъ о происхожденіи этой секты, и онъ долженъ былъ изучить множество трактатовъ о расколахъ Исламизма. Не смотря на огромную массу матеріаловъ, которую онъ успѣлъ уже собрать для этого сочиненія, оказалось, что существуютъ еще многіе неизвѣстные трактаты о Друзахъ въ библіотекахъ Оксфорда и другихъ городовъ Европы, также въ разныхъ мѣстахъ Сиріи, гдѣ эта религія еще иновѣдуется до сихъ поръ. Де-Саси принужденъ былъ, въ ожиданіи новыхъ источниковъ, отложить выпускъ въ свѣтъ сочиненія, занятіе которымъ заставляло его забывать ужасы, которыхъ поприщемъ была тогда его родина. Онъ сообщилъ однакоже одно разсужденіе объ этомъ предметѣ въ Академію Надписей (1).

Между тѣмъ миръ и порядокъ водворились по немногу на слѣдахъ разрушенія: многія прежнія учрежденія были возобновлены, другія новыя основывались. Апрѣля 2-го, 1795 года, декретомъ Конвента учреждено при Королевской Библіотекѣ, которая называлась тогда Національною, Отдѣльное Училище для живыхъ Восточныхъ языковъ, которыхъ польза была несомнѣнна для торговыхъ и дипломатическихъ сношеній съ Востокомъ. Де-Саси поручена была, съ самаго начала, катедра Арабскаго языка. Преподавателемъ Персидскаго назначенъ былъ Лангдэзъ, который былъ тогда въ силѣ, и много способствовалъ къ основанію Училища.

До тѣхъ поръ де-Саси, какъ и всѣ Оріенталисты, не имѣлъ глубокихъ свѣдѣній въ Арабскомъ языкѣ. Бу-

(1) *Mémoire sur le culte que les Druses rendent à la figure d'un veau*; напечатано въ третьемъ томѣ *Mémoires de la classe d'histoire et de littérature ancienne de l'Institut*. Эта статья не вошла въ послѣдствіи въ его сочиненіе о религіи Друзовъ.

лучи назначенъ Профессоромъ, опъ увидѣлъ необходимость заняться основательно изученіемъ духа и нѣотизмовъ этого языка. Притомъ же одною статьею учрежденія Училища поставлялось каждому Профессору въ обязанность издать по Французски Грамматику того языка, который онъ преподастъ. Де-Саси принялся за изученіе Арабскихъ Грамматикъ. Тогда извѣстно уже было нѣсколько Арабскихъ Грамматикъ, написанныхъ миссіонерами по системѣ Арабовъ, и «Грамматика» извѣстнаго Эрпеніуса; но всѣ онѣ были недостаточны для глубокаго изученія языка, и де-Саси увидѣлъ необходимость прибѣгнуть къ грамматическимъ трактатамъ самихъ Арабовъ. Надобно знать, что грамматическая система Арабовъ утвердилась въ Средніе вѣки, когда Схоластика почти одинаково господствовала и на Востокѣ и на Западѣ. Система эта ни въ чемъ съ тѣхъ поръ не измѣнилась; она чрезвычайно сложна и имѣетъ особенный языкъ и слогъ, которыя ей только и свойственны. Сами Восточные, чтобы понимать ихъ, должны напередъ ихъ изучить. Эта отрасль Литературы Арабовъ чрезвычайно обильна, и изумительное количество ихъ грамматическихъ сочиненій объясняется единственно тѣмъ родомъ обожанія, которое они питаютъ къ своему языку. Нѣкоторые изъ ихъ Грамматиковъ воображали, что языкъ ихъ имѣетъ нѣчто божественное, потому что на немъ писанъ Алькоранъ, и что изучать его таинства есть дѣло душеспасительное. Технические слова Арабской Грамматики находятся не въ однихъ только сочиненіяхъ грамматическихъ, но и у Историковъ, моралистовъ и Поэтовъ, Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ. Опытъ показалъ, что пока не будемъ знать въ точности этого языка, мы не въ состояніи понимать значительной половины Литературы Мусульманскаго Востока. Де-Саси первый увидѣлъ всю нужду изученія этого предмета, и съ теченіемъ времени узналъ его въ совершенствѣ. Но сколько трудностей предстояло ему на этомъ пути безъ руководителей!

Въ то же время онъ занимался Всеобщей Грамматикой, которой изученіе казалось ему необходимымъ для того, чтобы отличить въ Арабскихъ грамматическихъ сочиненіяхъ то, что собственно относится къ теоріи языка, отъ того, что основано на духѣ системы. Плодомъ этихъ занятій были «Правила Всеобщей Грамматики», которыя онъ издалъ въ 1799 году. Это не иное что, какъ умный и хорошо расположенный выборъ того, что ему показалось основательнымъ, изъ «Всеобщихъ Грамматикъ» Поръ-Ройяля, Бозе (Beauzée) и Куръ-де-Жобелена. При второмъ изданіи (въ 1804 году), де-Саси сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія (1). Сжатый объемъ книги не позволялъ знаменитому полиглотту распространяться о многихъ предметахъ, которыхъ уразумѣніе необходимо для философіи слова, и потому польза строго судить объ этомъ небольшомъ сочиненіи, которое и самъ Авторъ предназначалъ только для дѣтей, хотя отъ Ученаго, владѣвшаго столькими языками, можно бѣ было ожидать весьма замѣчательнаго творенія по части Сравнительнаго Языкознанія.

Постановленіемъ отъ 25 Октября 1795 года, прежнія Академіи были возобновлены на новыхъ основаніяхъ. Онѣ всѣ должны были составлять *одно* ученое сословіе, которое раздѣлось на три класса и названо было Національнымъ Институтомъ, *Institut National*. Теперь оно называется Королевскимъ, *Institut Royal de France*. Де-Саси былъ принятъ одинъ изъ первыхъ въ его Члены. Но въ числѣ правилъ тогдашняго Француз-

(1) Третье и послѣднее изданіе вышло въ 1818 году. Полное заглавіе книги—*Principes de la grammaire générale mis à la portée des enfans, et propres à servir d'introduction à l'étude de toutes les langues*. 1. vol. in-12. Она переведена на Датскій, Нѣмецкій и Англійскій языки. Г. Гречъ пользовался ею при сочиненіи философской части своей «Пространной Русской Грамматики».

скаго Правительства было безумное требованіе отъ каждаго, поступавшаго на его службу, присяги въ вѣрности Республикѣ и враждѣ ко всему, что носило на себѣ знаки Королевской власти. Де-Саси, всегда вѣрный своимъ монархическимъ правиламъ, и убѣжденный, что лишь въ единодержавіи Франція можетъ найти себѣ миръ, счастье и славу, отказался отъ подобной присяги и отъ мѣста. Отъ него потребовали ея снова, какъ отъ Профессора Арабскаго языка. Онъ отвѣчалъ, что ея не приметъ, и будетъ продолжать свои чтенія до тѣхъ поръ, пока не найдутъ ему преемника. Но замѣнить его было не кѣмъ, и зная его характеръ, перестали его тревожить. Въ Генварѣ 1803 года Институтъ былъ снова преобразованъ: Академія Надписей была восстановлена подъ названіемъ Класа Древней Исторіи и Древнихъ Литературъ, и де-Саси занялъ въ ней прежнее свое мѣсто.

Нѣкоторыя Ученые изъявляли въ разное время предположеніе, что въ архивахъ города Генуи находится много важныхъ рукописей Восточныхъ. Полагали, что въ цвѣтущую эпоху Генуэзской Республики, когда флагъ ея развѣвался на берегахъ Архипелага, Чернаго и Средиземнаго морей, множество драгоценныхъ Восточныхъ рукописей вывезено было въ Геную, и что въ нихъ-то надобно искать разрѣшенія многихъ важныхъ вопросовъ относительно Исторіи Среднихъ вѣковъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что архивы Генуи были долготѣ недоступны иностраннымъ Ученымъ. Въ 1805 году, когда Генуя находилась уже въ непосредственной зависимости отъ Франціи, Институтъ принялъ свои мѣры для рѣшенія вопроса. Де-Саси былъ представленъ Правительству, какъ человекъ болѣе всѣхъ способный оцѣнить литературныя сокровища древней Республики. Онъ отправился въ путь. То было въ первый и въ послѣдній разъ, что онъ разставался съ своимъ семействомъ. Привыкши къ ученой кабинетной жизни, онъ не любилъ

перемѣнять мѣсто. Въ продолженіе всей остальной жизни, онъ только нрѣдка выѣзжалъ изъ Парижа, провести съ семействомъ нѣсколько дней въ окрестностяхъ.

Де-Саси прибылъ въ Геную въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1805 года. Онъ не нашелъ тамъ рукописей, которыя предполагали открыть: онѣ или вовсе не существовали, или погибли среди междоусобій, которыхъ жертвою столь часто была Генуэзская Республика. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ тамъ много важныхъ документовъ для политической и торговой Исторіи Генуи, и списалъ изъ нихъ наиболѣе занимательныя. По возвращеніи въ Парижъ, въ 1806 году, онъ написалъ объ нихъ допесписіе въ Академію (1) и потомъ издалъ нѣкоторые нисы съ объясненіями (2).

Между тѣмъ какъ де-Саси находился еще въ Генуѣ, открылась ваканція на кафедрѣ Персидскаго и Турецкаго языка въ извѣстномъ Училищѣ Collège de France. Для двухъ этихъ языковъ существовала до тѣхъ поръ только одна кафедра; но наконецъ она была раздѣлена, и профессору Персидскаго языка получилъ де-Саси (4 Апрѣля 1806 года).

Въ томъ же самомъ году вышла Арабская «Хрестоматія» де-Саси (3) — собраніе отрывковъ изъ различныхъ Арабскихъ Писателей, въ прозѣ и въ стихахъ, съ Французскимъ переводомъ и примѣчаніями. Это первый трудъ его, который онъ считалъ своею обязанностию надать, въ качествѣ Профессора Арабскаго языка. Вотъ,

(1) Оно помѣщено въ *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, nouveau recueil, tom. III.

(2) Въ *Notices et extraits des manuscrits etc.*, tom. XI.

(3) *Chrétomathie arabe, ou Extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers, avec une traduction française et des notes.* Paris, 1806, 3 vol. in-8°. Второе изданіе запечатано въ 1826 и 1837 годахъ.

что онъ самъ говоритъ о немъ въ предисловіи: «Глав-
ною моею цѣлю, при составленіи этого сборника, было
— доставить учащимся средство упражняться въ пере-
водахъ различнаго рода сочиненій Арабскихъ. Я нароч-
по умножилъ и разнообразилъ выписки, чтобы пред-
ставить образцы разныхъ родовъ слога, и расположилъ
эти выписки въ восходящемъ порядкѣ трудностей язы-
ка. То же самое желаніе пользы молодымъ Студентамъ,
которыхъ большая часть предназначаетъ себя къ ди-
пломатической службѣ, побудило меня, кромѣ отрывковъ
изъ прозаиковъ, ораторовъ и поэтовъ, помѣстить нѣко-
торыя образцы нисемъ и дипломатическихъ бумагъ». Изъ
этого видно отчасти содержаніе и цѣль Хрестоматіи.
Изъ примѣчаній, которыя чрезвычайно многочисленны,
одни имѣютъ цѣлю опредѣлить значеніе словъ, объ-
яснить трудности словосочиненія, и тому подобное; дру-
гія суть историческія, критическія и филологическія.
Всѣ статьи, вошедшія въ составъ Хрестоматіи, не были
еще никогда напечатаны, и извлечены изъ рукописей
Королевской Библіотеки. Для немногихъ языковъ издавы
Хрестоматіи, составленныя столь искусно и съ такою
ученостію. Русская Литература можетъ однако поставить
на ряду съ нею одно сочиненіе — Монгольскую Хресто-
матію Г. Профессора Ковалевскаго.

Почти въ одно время съ «Арабскою Хрестоматіею»
вышло въ Оксфордѣ новое изданіе Пококовой «Исторіи
Аравитянъ», для которой де-Саси сообщилъ много любо-
пытныхъ замѣчаній (1).

Во время республиканскаго правленія, де-Саси не
принималъ на себя никакой должности въ гражданской
службѣ, ограничиваясь обязанностями Профессора и ака-

(1) *Specimen historiae Arabum; auctore Eduardo Pocockio. Accessit
historia vetetum Arabum ex Abulfeda. Cura Ant. Silv. de Sacy.
Edidit Josephus White, S. T. P. Oxonii, 1806, in-4°.*

домическими трудами, и готовъ былъ отказаться и отъ нихъ, еслибъ стали припуждать его къ поступкамъ, противнымъ его правиламъ. Но онъ одаренъ былъ дѣятельностію и гибкостью ума, которыя позволяли ему соединять занятія, по видимому совершенно противоположныя. Изъ трудовъ всей его жизни видно, что умъ его какъ бы имѣлъ нужду въ перемѣнѣ предметовъ. Въ 1808 году онъ избранъ былъ Членомъ Законодательнаго Сословія, отъ Сенскаго Департамента.

Въ 1810 году вышло въ свѣтъ первое изданіе «Арабской Грамматики», плодъ пятнадцати лѣтъ труда и размышлений (1). Вотъ, что говоритъ о ней ея Авторъ въ предисловіи: «Воспользовавшись трудами всѣхъ моихъ предшественниковъ, присоединивъ къ тому изученіе знаменитѣйшихъ Грамматиковъ и Схولیастовъ Арабскихъ, я могъ надѣяться представить учащимся, и даже самимъ Ученымъ, сочиненіе болѣе полное и болѣе методическое, чѣмъ предшествовавшія. Я подвелъ, сколько могъ, систему Арабскаго языка подъ всеобщія правила метафизики слова, будучи убѣжденъ, что такъ какъ всѣ языки имѣютъ одну, общую цѣль, то и различными средствами, посредствомъ которыхъ они достигаютъ ея, какъ бы они ни казались несходными, могутъ быть сближены болѣе, нежели какъ обыкновенно предполагаютъ. Изученіе языковъ не есть дѣло одной памяти: рассудокъ можетъ и долженъ здѣсь помочь многому; и чѣмъ болѣе мы прилагаемъ размышленіе къ этой Наукѣ, тѣмъ болѣе ее облегчаемъ и дѣлаемъ доступнѣе.» Первая часть этого сочиненія посвящена Этимологіи, вторая заключаетъ въ себѣ Синтаксисъ по методу Европейскихъ Грамматикъ, и краткое обзорѣніе Арабской Грамматики по системѣ

(1) *Grammaire arabe, à l'usage des élèves de l'école spéciale des langues orientales vivantes. Paris, 1810, 2 vol. in-8°.* Второе изданіе ея вышло въ 1831 году.

Восточныхъ. Авторъ приводитъ по большой части и грамматическіе термины Арабовъ, которыхъ познанію такъ необходимо для чтенія подлинныхъ сочиненій. Грамматика де-Саси есть самое полное, ученое и самое методическое изъ всѣхъ пособій, изданныхъ доселѣ въ Европѣ для Арабскаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ памятниковъ грамматическаго анализа, какіе только мы имѣемъ.

Почти въ одно время съ своею Грамматикою, де-Саси издалъ Французскій переводъ Арабскаго «Описанія Египта», Абдъ-аль-Латыфа (1). Этотъ Писатель былъ врачомъ въ Багдадѣ, и жилъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Онъ два раза посѣщалъ Египетъ, при Салахъ-Эддинѣ (Саладинѣ) и его братѣ Малекъ-Аделѣ. Знакомый съ естественными и философскими Науками, Абдъ-аль-Латыфъ обозрѣлъ всѣ примѣчательности страны глазами наблюдателя просвѣщеннаго. Онъ съ равнымъ вниманіемъ описываетъ климатъ Египта, его почву, естественныя произведенія, разливы Нила, и памятники древности, изъ которыхъ многіе были разрушены въ послѣдствіи рукою времени или фанатизма и не дошли до нашихъ временъ. Примѣчанія де-Саси поясняютъ или пополняютъ извѣстія Автора о Географіи, Естественной Исторіи и древностяхъ Египта. Біографія Абдъ-аль-Латыфа, составленная большою частію по неизданнымъ рукописямъ, бросаетъ много свѣта на преподаваніе Наукъ въ Мусульманскихъ Училищахъ. Книга составлена вообще такъ тщательно и совѣстно, что и теперь, когда изученіе Востока слѣдало столько успѣховъ, не возможно было бы составить ее полнѣе и сообразнѣе съ цѣлю.

(1) *Rélation de l'Egypte, par Abdallatif, médecin arabe de Bagdad; suivie de divers extraits d'écrivains orientaux et d'un état des provinces et des villages de l'Egypte dans le XIV siècle; le tout traduit et enrichi de notes historiques et critiques. Paris, 1810, in 4-10.*

Де-Саси всегда занимался вдругъ въсколыми большими трудами; и не смотря на то, что они одни могли поглотить все его время, онъ успѣвалъ однакожъ писать кромѣ того для *Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi*, и былъ ревностнымъ сотрудникомъ многихъ ученыхъ періодическихъ изданій: *Милленева Magazin encyclopédique*, *Вѣскихъ Fundgruben des Orients*, *Annales des voyages*, и другихъ.

Изъ числа мемуаровъ, написанныхъ имъ въ это время для Академіи, особенно замѣчательны три: «О свойствахъ и измѣненіяхъ Права поземельной собственности въ Египтѣ; начиная со времени покоренія этой страны Мусульманами, въ VII вѣкѣ, до экспедиціи Французской, совершенной сорокъ лѣтъ тому назадъ» (1). Монтескьё, говоря въ своемъ *Esprit des lois* о гибельномъ вліаніи деспотизма на Востокъ, принималъ за законы многія злоупотребленія власти, и на нихъ основывалъ свои выводы (2). Другіе Писатели слабо повторяли за нимъ, что въ Азіи и Африкѣ Правительство есть законный владѣтель всѣхъ недвижимостей, и частная собственность должна быть разсмагтриваема только какъ условная уступка, которую во всякое время оно можетъ востребовать. Анкетиль-Дюперронъ, въ своемъ сочиненіи о Восточномъ законодательствѣ (3), уже старался отдѣлить собственныя узаконенія отъ злоупотребленій, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣли силу закона; но его сочиненіе относится преимущественно къ Индіи, и онъ притомъ разсматривалъ вопросъ со стороны философской и политической. Де-Саси

(1) Первый изъ нихъ читанъ былъ въ засѣданіяхъ Академіи въ 1808 году, и помѣщенъ въ I томѣ новаго собранія *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*. Второй былъ читанъ въ 1815, и напечатанъ въ V томѣ; третій читанъ въ 1818, и напечатанъ въ VII томѣ.

(2) *Esprit des lois*, livre VI, chap. I; также книга V, глава XIV.

(3) *Législation orientale*. Paris, 1771.

рѣшился обработать тотъ же предметъ, разсматривая его исторически, и избралъ Египетъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Эта страна имѣла самыя продолжительныя торговныя и политическія сношенія съ Европою, и притомъ извѣстна лучше другихъ; Право поземельной собственности нарушается тамъ чаще, нежели гдѣ-либо, потому что Нилъ своими наводненіями ежегодно уничтожаетъ межи всѣхъ владѣній, и Правительство должно приступать всякій разъ къ новому раздѣлу. Притомъ же, по самому своему географическому положенію, какъ долина, Египетъ не представляетъ жителямъ никакого оплота противъ угнетенія. Если бъ, слѣдовательно, было доказано, что даже въ Египтѣ, Мусульмане, при покореніи этой страны, оставили неприкосновенными многія права побѣжденныхъ, и что выпавшее ся несчастное положеніе простекаетъ только отъ случайныхъ переворотовъ политическихъ, существованіе поземельнаго Права на Востокъ было бы доказано, и вопросъ рѣшился бы совершенно иначе.

Де-Саси, основываясь на текстахъ разныхъ Восточныхъ Писателей, доказываетъ, что когда Аравитяне покорили древнее Царство Фараоновъ, жители удержали свои права и всю собственность, а побѣдители допоздновались наложеніемъ поголовной подати и законными налогами. Только въ послѣдствіи времени, когда внутреннія междоусобія и нѣсколько лѣтъ голода опустошили совершенно многія мѣста, призваны были семейства Арабовъ для ихъ заселенія. Въ исходѣ XII столѣтія, знаменитый Салахъ-Эддинъ или Саладинъ и его преемники ввели здѣсь воинскую помѣстную систему, перенесенную Турками-Сельджуками изъ родныхъ степей во всѣ страны, ими покоренныя. При этомъ случай де-Саси опровергаетъ мнѣніе многихъ Писателей, которые предполагали, что помѣстная система въ Египтѣ сохранилась отъ временъ Фараоновъ, и удерживалась тамъ во все время владычество Персовъ, Грековъ и Римлянъ. Дойдя до владыче-

ства Султановъ Оттоманскихъ, де-Саси показываетъ, какимъ образомъ поземельная собственность находилась уже тогда въ рукахъ Правительства, и какъ эта система удержалась до нашихъ временъ. Эти немногія строки о содержаніи трехъ упомянутыхъ записокъ де-Саси, могутъ показать всю ихъ важность. Предметъ ихъ пріобрѣлъ еще болѣе занимательности съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній Правитель Египта, попирая права своихъ подданныхъ, которыя уважали самые жестокіе изъ Султановъ, осмѣлился простереть до того свое корыстолюбіе, что захватилъ въ свои руки даже собственность мечетей. Эти мемуары де-Саси могутъ составить толстый томъ in 8-vo.

Изъ числа извлеченій изъ Восточныхъ рукописей, составленныхъ де-Саси въ это время, замѣчательно прочихъ обзорѣніи нѣсколькихъ Арабскихъ сочиненій о правописаніи и правильномъ чтеніи Алькорана (1). Всѣмъ извѣстно, что не самъ Магометъ составилъ Алькоранъ, въ томъ видѣ, какъ мы теперь его имѣемъ. Послѣ его смерти только часть этой «книги» существовала на письмѣ; остальная хранилась въ памяти его учениковъ. Только при первыхъ Халифахъ составилъ сводъ «Несомнѣнной книги» Мусульманъ. Но уже многія мѣста и выраженія сдѣлались тогда непонятными. Притомъ же сводъ писанъ былъ безъ гласныхъ знаковъ и безъ отличительныхъ точекъ у согласныхъ—и поклонники Магомета скоро раздѣлялись въ мнѣніяхъ относительно чтенія многихъ мѣстъ. Теперь считается семь системъ чтенія, которыя признаются «правовѣрными», не считая многихъ другихъ, «неправовѣрныхъ». Эти различныя системы составляютъ особенную Науку, которая для не-Мусульманъ не можетъ имѣть большой занимательности, но полезна и необходима для Семитической Филологіи,

(1) Помѣщены въ VIII и IX томахъ *Notices et extraits des manuscrits etc.*

показывая отбѣнки значеній Арабскихъ словъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время.

Однимъ изъ значительнѣйшихъ ученыхъ периодическихкихъ изданій, выходившихъ въ то время, былъ Милленевъ *Magasin encyclopédique*, основанный въ 1795 году и продолжавшійся до 1806. Онъ выходилъ ежемѣсячно тетрадами. Явившись въ такое время, когда *Journal des Savants* и другія ученые изданія въ Парижѣ должны были прекратиться, *Magasin encyclopédique* сильно способствовалъ къ пробужденію въ публикѣ вкуса къ чтенію серьезному и ученому. Де-Саси былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его редакторовъ; онъ заведывалъ въ немъ Восточною частію, и рѣдкіе нумера не заключали въ себѣ какой-нибудь его статьи, — извѣстія о новомъ открытіи, разбора новаго сочиненія, или объясненія спорнаго вопроса. Сосчитали, что статьи, помѣщенные де-Саси въ этомъ журналѣ, занимаютъ тысячу шестьсотъ пятьдесятъ восемь страницъ. Иногда де-Саси давалъ отчетъ о новыхъ ученыхъ сочиненіяхъ, и не касавшихся непосредственно до главнаго предмета его занятій, напримѣръ о трактатѣ Гротенда относительно Персеполисскихъ гравированныхъ надписей (1). Но и здѣсь налагалъ онъ собственныя свои мнѣнія о вопросѣ, который были весьма полезны для дальнѣйшихъ открытій въ той отрасли знаній. Такимъ же образомъ онъ изложилъ свои мнѣнія о Розетской надписи, этого ключа къ чтенію іероглифовъ; и его виды оправдались послѣдующими изысканіями объ этомъ предметѣ (2). *Fundgruben des Orients*, издаваемый тогда въ Вѣнѣ Г. Гаммеромъ, Мальте-Брѣновы. *Annales des Voyages*, и нѣкоторыя другія ученые изданія, равномѣрно считали де-Саси въ числѣ дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ. Онъ также писалъ нѣкоторыя біографіи

(1) *Magasin encyclopédique*, année VIII, 1803, tome V, pp. 438 sqq.

(2) *Lettre au citoyen Chaptal*. Paris, 1802, in-8°.

знаменитѣйшихъ мужей Востока для извѣстнаго словаря Г-на Мишю, *Biographie universelle*.

Надобно замѣтить, что де-Саси, въ теченіе почти всей своей жизни, соединялъ званіе должностнаго чловѣка съ званіемъ Ученаго. Его ясный умъ, его даръ слова, необычайная дѣятельность, и умѣнье пользоваться временемъ, позволяли принимать постоянное участіе и въ административныхъ дѣлахъ тѣхъ вѣдомствъ, при которыхъ онъ состоялъ. По возвращеніи Бурбоновъ во Францію, въ 1814 году, онъ началъ принимать болѣе прожняго живое участіе въ преніяхъ Нижней Палаты. Еще при Императорѣ получилъ онъ титулъ Барона за свои услуги Наукъ. Въ Февралѣ 1814 года Правительство назначило его Ректоромъ Парижскаго Университета. Въ продолженіе такъ называемыхъ «Ста дней», де-Саси жилъ въ уединеніи. При историчномъ возстановленіи Бурбоновъ, онъ былъ избранъ Членомъ Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ послѣдствіи переименованной въ Королевскій Совѣтъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Какъ никто изъ Членовъ не считалъ себя способнымъ къ управленію по счетной части, то де-Саси взялъ это на себя, и въ короткое время привелъ отчетность Министерства въ самое ясное положеніе, въ какомъ эта часть администраціи еще никогда не находилась во Франціи.

Запятія политическія и административныя у Барона де-Саси всегда шли объ руку съ трудами учеными. Въ это бурное время переворотовъ, причисленныхъ послѣдними конвульсіями угасающаго генія, Наука о Востоку воздвигала себя въ мирномъ кабинетѣ Барона новый памятникъ. Это — трактаты о просодической и метрической системѣ Арабскаго и Персидскаго языка.

У Арабовъ, какъ и у всѣхъ народовъ, имѣющихъ Литературу, существуютъ системы просодія и стихосложенія. Послѣдняя, въ томъ видѣ, какъ мы теперь ее

нѣмъ, составлена въ VIII вѣкѣ, то-есть два столѣтія послѣ Магомета; но она издавна употреблялась ими, потому что я стихотворенія до-Магометовыхъ временъ писаны по ея правиламъ. Въ чемъ же состоятъ эти правила, и отличительный характеръ просодіи Арабскаго языка?

Всякому извѣстно, какъ много способствовало вѣрному уразумѣнію классическихъ Литературъ, изученіе метрики Грековъ и Римлянъ. Такое изученіе еще необходимо для Познаи Арабской. Арабскія стихотворенія пишутся обыкновенно одними согласными буквами; какъ же вы опредѣлите чтеніе словъ? Въ прозѣ, вы руководствуетесь здравымъ смысломъ и правилами конструкціи; но въ стихахъ, гдѣ столько вольныхъ оборотовъ и эллипсовъ, этого недостаточно. Познаіе метра тутъ единственный вѣрный руководитель; когда знаете число словъ и стопъ, вы уже ясно видите, которая буква должна быть удвоенна, какую не должно произносить, и тому подобное.

Болѣе полутораго вѣка тому назадъ, Самуэль Деклеркъ издалъ въ Англіи трактатъ объ Арабскомъ стихосложеніи, на Латинскомъ языкѣ (1). Это небольшое сочиненіе написано было по системѣ Восточныхъ, и Арабскія техническія слова переписаны были въ немъ Латинскими буквами. Можетъ-быть Деклеркъ и имѣлъ ясное понятіе о предметѣ, о которомъ писалъ, но книги его не возможно было понять, и до послѣднихъ временъ только два или три Европейца, которые имѣли случай быть на Востокѣ, посвящены были туземными Учеными въ таинства этой важной отрасли Восточной Филологіи. Знаменитый Вилліамъ Джонсъ, оказавшій столько услугъ Европейской учености раскрытіемъ литературныхъ бо-

(1) *Scientia metrica et rhythmica, seu tractatus de prosodia Arabica ex authoribus probatissimis eruta.* Oxford, 1661, in-12.

гѣтствѣ Востока, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, и не смотря на то, что написалъ даже особое сочиненіе объ Азіатской Поэзіи, не умѣлъ скандировать Арабскихъ и Персидскихъ стиховъ.

Занятія Барона де-Саси этимъ предметомъ относятся къ 1814 году. Онъ началъ метрикою Арабовъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда успѣлъ наконецъ отыскать къ ней нить; потомъ, перейдя къ Персидской версификаціи, которая есть прямое подражаніе Арабской, онъ опредѣлилъ ея отступленія отъ правилъ послѣдней. Такимъ образомъ была открыта и опредѣлена система стихосложенія всего Мусульманскаго міра, — потому что Турки, Татары и народы Индіи, которые употребляютъ языкъ Индустани, заимствовали свою метрику также отъ Арабовъ.

Тѣ, которые имѣли случай слышать лекціи де-Саси, говорятъ, что онъ былъ еще замѣчательнѣе какъ Профессоръ, нежели какъ Писатель. Одаренный яснымъ и основательнымъ умомъ, имѣвъ достаточно времени обсудить всѣ трудности теоріи языковъ, которые преподавалъ, и самые запутанные вопросы Исторіи и Литературъ Востока, онъ служилъ живою энциклопедіею свѣдѣній о Мусульманской Азіи для своихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были нѣлько Оріенталисты, уже пріобрѣтшіе себѣ извѣстность своими трудами. Лекціи де-Саси скоро снискали себѣ столь же громкую славу, какъ и его сочиненія, и аудиторія его наполнялась многими любознательными иностранцами со всѣхъ концовъ Европы. Большая часть извѣстнѣйшихъ Французскихъ Оріенталистовъ, Гг. Рено, Шармуа, Гарсенъ-де-Тасси, Гранжерѣ-Делагранжъ, и другіе, — ученики де-Саси. Профессоры Фрейтагъ и Флюгель, въ Германіи, ему обязаны своею оріентальною ученостію. Бывшій Профессоръ Восточныхъ языковъ въ Московскомъ Университетѣ, Г. Болдыревъ, также слушалъ лекціи де-Саси въ 1811 и 1812 годахъ. Всѣ страны Европы, гдѣ только процвѣтаетъ изученіе Восточныхъ

Литературъ, имѣютъ въ средѣ своихъ Ориенталистовъ учениковъ де-Саси.

Пріятно узнать, какъ располагалъ свой день чело-вѣкъ, который обнаруживалъ столь неутомимую и разно-родную дѣятельность. Сильвестръ де-Саси вставалъ около половины осьмага, и въ восемь часовъ уже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. По Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятни-цамъ, отъ девяти до десяти часѣвъ, онъ читалъ лекціи Персидскаго языка въ Collège de France; по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ, онъ имѣлъ Арабскій классъ въ Училищѣ Восточныхъ языковъ, отъ половины одиннад-цатаго до половины перваго. Послѣ лекціи онъ отпра-влялся въ Институтъ, Совѣтъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или въ другія Министерства; въ шесть часовъ обѣдалъ въ кругу своего семейства; послѣ обѣда уходилъ онъ въ Бюро Благотворительности своего округа, котораго былъ Членомъ, въ засѣданіе какого-нибудь Уче-наго Общества, или къ которому-нибудь изъ своихъ дру-зей или Министровъ. Если онъ не выходилъ изъ дому, что всего чаще случалось, то удалялся въ восемь часовъ въ свой кабинетъ, и занимался тамъ до одиннадцати. По Воскресеньямъ и праздникамъ, онъ постоянно присут-ствовалъ при священнослуженіи. Дверь его дома всегда была открыта для желавшихъ его видѣть. Съ самаго утра, онъ принималъ, въ качествѣ Члена Бюро Благо-творительности, бѣдныхъ своего округа, которые прихо-дили спрашивать у него билетовъ на полученіе вспомо-женія. Нерѣдко случалось, въ эту пору, что вся лѣстница и передняя были запяты несчастными бѣдняками. Въ остальное время, онъ принималъ людей, искавшихъ въ немъ покровительства, для ванитія какой-нибудь должности, или поощренія для своихъ ученыхъ опытовъ. Когда входили въ его кабинетъ, онъ оставлялъ перо или книгу, и выслушивалъ просителя; потомъ отвѣчалъ ему вѣжливо и съ такою основательностію, какъ будто давно уже

имѣлъ время обсудить предлагаемый вопросъ, и снова брался за перо, или книгу, до прихода новаго просителя. Онъ всегда былъ занятъ какою-нибудь идеею или планомъ новаго сочиненія, и если выходилъ куда-либо, гдѣ думалъ улучшить съ полчаса свободнаго времени, то всегда бралъ съ собою бумаги, карандашъ и книгу. Вотъ въ чемъ и заключалась тайна его плодovitости: потому что не записки сокращаютъ у насъ время, а приготовленіе къ нимъ, недостатокъ расположенія, и непривычка постоянно слѣдить идеею своего труда.

Въ 1816 году, прекратился Милленовъ «Магазинъ», и Правительство возобновило *Journal des Savants*. Баронъ де-Саси былъ съ самаго начала назначенъ Членомъ Комитета Редакціи, и по своему обыкновенію, слѣдовалъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ. Немногіе нумера являлись безъ его статей. Нѣтъ замѣчательной книги о Мусульманскомъ Востоку, явившейся съ 1816 по текущій годъ, которой бы онъ не посвятилъ нѣсколькихъ страницъ своихъ замѣчаній. Многія изъ этихъ его статей заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія и открытія, которыхъ нельзя найти ни въ какой книгѣ. До самой смерти своей, де-Саси былъ ревностнымъ сотрудникомъ «Журнала Ученыхъ», и незадолго написалъ для него разборы нѣсколькихъ сочиненій, изданныхъ бывшими его учениками, гдѣ отдавалъ полную справедливость ихъ учености.

Въ 1816 году, де-Саси издалъ, подъ заглавіемъ «*Calila et Dimna*» (1), Арабскій текстъ басенъ Пальпая или Бидпая (Бейдаба, по Арабскому произношенію). Кому не извѣстно это знаменитое собраніе анологовъ, въ которыхъ животныя играютъ столь поучительную драму, и изрекаютъ самыя высокія истины жизни? Эти древнія

(1) *Calila et Dimna, ou Fables de Bidpaï, en arabe, précédées d'un mémoire sur l'origine de ce livre, et suivies de la Monllaka de Lérida, en arabe et en françois, Paris, 1816, in-4°.*

и сказанія родились на берегахъ Ганга и Инда; проникли въ Персію въ VI столѣтіи; переведены были потомъ на Арабскій языкъ, и распространились наконецъ въ Европу, гдѣ доставили славу Лафонтенамъ и Крыловымъ. Де-Саси издалъ Арабскій переводъ Биднай, по разнымъ рукописямъ, и къ тексту приложилъ ученое и умное разсужденіе о происхожденіи и различныхъ переводахъ этихъ басенъ, сокращенное имъ изъ двухъ мемуаровъ, которые уже были помѣщены имъ въ IX и X томахъ *Notices et extraits des manuscrits* (1). Кромѣ того, онъ присоединилъ къ этой книгѣ «Муаллаку» Лебида, текстъ, съ Французскимъ переводомъ, и съ комментаріями Зоусенія, на Арабскомъ языкѣ; біографія поэта и ученые филологическія примѣчанія издателя оканчиваютъ книгу. Муаллаками называютъ семь знаменитѣйшихъ Поэмъ Арабскихъ, написанныхъ за нѣсколько времени до Магомета, и удостоившихся почести быть повѣшенными на стѣнахъ Меккескаго храма, отъ чего онѣ и получили свое названіе (*мудаллаха* значить «повѣшенный»). Лебидъ, авторъ одной изъ нихъ, жилъ при Магометѣ. Его Муаллака въ первый разъ издана въ свѣтъ Барономъ де-Саси. Переводъ де-Саси чрезвычайно вѣренъ, но, вполнѣ не поэтический, и не-Оріенталисту едва ли можетъ дать понятіе объ оригинальной Поэзіи Бедуина...

Кромѣ извѣстій о Биднаѣ, де-Саси, въ то же время, помѣстилъ въ *Notices et extraits* разборъ Арабскаго сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ *Та'рифатъ*, «Опредѣленія» (2). Лучшіе словари Арабскаго языка, *Сезахъ* и *Камусъ*, подобно многимъ Европейскимъ словарямъ, заключаютъ въ себѣ, кромѣ употребительныхъ словъ,

(1) Краткую исторію Биднаевыхъ басенъ и ихъ перехода въ Европу, заимствованную изъ помѣнутаго разсужденія де-Саси, можно найти въ статьѣ Биднай, въ V томѣ Энцикл. Лексикона.

(2) *Notices et extraits etc. Tome X.*

только одни термины литературные. Технические слова ремеслъ и искусствъ, также термины Естественныхъ Наукъ и Метафизики, въ нихъ не входятъ. Сочиненіе «Та'рифатъ» пополняетъ этотъ недостатокъ. де-Саси выбралъ изъ него всѣ слова на первую букву алфавита, и напечаталъ ихъ объясненія съ Французскимъ переводомъ. Предпріятіе было чрезвычайно трудное, и самъ де-Саси изъяснилъ въ послѣдствіи сомнѣніе насчетъ многихъ мѣстъ своего перевода. Какъ бы то ни было, онъ первый принялся за обработаніе столь трудной части Арабскаго языка, и только онъ одинъ и былъ въ состояніи съ успѣхомъ взяться за этотъ предметъ.

Въ 1819 году, де-Саси издалъ *Пендъ-намѣ*, небольшой нравственный трактатъ въ стихахъ, на Персидскомъ языкѣ (1), сочиненіе Феридъ-Эддинъ-Аттара, жившаго въ XII и XIII столѣтіяхъ (2). Переводъ этого сочиненія былъ уже имъ напечатанъ въ *Fundgruben des Orients*; но ознакомившись короче съ Персидскимъ языкомъ, де-Саси замѣтилъ нѣкоторые недостатки въ своемъ прежнемъ трудѣ, и потому рѣшился его перепечатать, присоединивъ къ нему вѣрный текстъ Поэмы. Многочисленныя и любопытныя примѣчанія, съ выписками изъ другихъ мистическихъ поэтовъ Персіи, приложены къ книгѣ для объясненія разныхъ темныхъ мѣстъ. Кромѣ того, къ ней приложены біографія Аттара, изъ Девастшаха, и предисловіе, писанное на Персидскомъ языкѣ самимъ де-Саси.

Изученіе Востока дѣлало между тѣмъ столь быстрые успѣхи, въ особенности въ текущемъ столѣтіи, что кромѣ языковъ Семитическихъ, Турецкаго и Персидскаго, которыми занимались съ большею противъ прежняго ревно-

(1) *Pend-namèh, ou le livre des conseils de Férid-éddin Attar. Traduit et publié par M. le B-on Silvestre de Sacy. Paris, 1819, in-8°.*

(2) См. объ немъ въ *Онцикл. Лекс.*, подъ словомъ *Аттаре*, т. III.

стію, Европейскіе Орієнталісты начали еще разрабаты-
вать Литературы Санскритскую, Китайскую, Армянскую,
и занялись почти всѣмъ, сколько-нибудь замѣчательными,
языками Азіа.

При такомъ положеніи вещей, нѣкоторые изъ Фран-
цузскихъ Ученыхъ возымѣли счастливую мысль— соеди-
нить въ одно сословіе всѣхъ, которые посвятили себя
какой бы то ни было отрасли Восточной Литературы, и
Парижское Азіатское Общество было основано. Это было
въ 1822 году. Де-Саси и Абель-Ремюза принимали самое
живое участіе въ новомъ учрежденіи, и по справедливо-
сти могутъ назваться основателями Общества. Первыи
изъ нихъ тотчасъ же избранъ былъ въ Президенты, а
второй въ Секретари, и имъ же поручена редакція жур-
нала, который началъ издаваться отъ имени Азіатскаго
Общества. Де-Саси былъ, слѣдовательно, и основателемъ
и первымъ редакторомъ *Journal Asiatique*, важнаго сбор-
ника разнообразныхъ свѣдѣній и розысканій объ Азіа,
который сильно способствовалъ къ расширенію круга
нашихъ познаній объ этой части свѣта. Излишне, ка-
жется, замѣчать, что онъ былъ въ то же время однимъ
изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ, и украшалъ журналъ
многими своими статьями.

Среди новыхъ своихъ занятій, де-Саси печаталъ
Арабскій подлинникъ *Мекамътъ*, или «Бесѣды», Харрира,
съ комментаріями на томъ же языкѣ (1). Харрир— Араб-
скій Писатель XI столѣтія. Его «Бесѣды» суть повѣсти,
числомъ до пятидесяти, въ которыхъ разсказываются
разныя приключенія жизни, съ примѣсю нравственныхъ

(1) *Séances de Hariri, publiées en arabe avec un commentaire choisi.*
Paris, 1822; тометый томъ въ листъ.

изреченій, стиховъ, и тому подобнаго. Но достоинство этого сочиненія не въ занимательности предмета, а въ изложеніи. Оно большею частію писано рѣмованною прозою, и Авторъ по видимому имѣлъ цѣлію только выказать въ немъ все богатство Арабскаго языка. Опъ старается употребить въ своемъ разсказѣ всякую игру словъ, замысловатія выраженія, пдіотизмы, пословицы, поговорки, которыя только знаетъ, и жертвуетъ предметомъ, чтобы блеснуть языкомъ. Въ Европейской Литературѣ нѣтъ сочиненія, которое бы можно было уподобить Бесѣдамъ Харирія; мы можемъ сравнить съ нимъ только нѣкоторыя изъ Русскихъ сказокъ Казака Луганскаго, въ которыхъ Авторъ кажется имѣлъ одинаковую цѣль съ Арабскимъ сказочникомъ—выказать богатство народныхъ поговорокъ и пдіотизмовъ, и свои въ нихъ познанія. Изъ этого уподобленія, даже читателю, вовсе незнакомому съ подлинникомъ Мокаматъ, могутъ постигнуть всю трудность понимать ипострапцу такую книгу безъ комментаріевъ, писанныхъ человекомъ, вполне знакомымъ съ магійшими оттѣнками книжнаго и простонароднаго языка. Сами Арабы не могутъ понимать многихъ мѣстъ Харирія. Де-Саси извлекъ свои комментаріи изъ разныхъ Арабскихъ рукописей Королевской Библіотеки, и нѣкоторыя объясненія составилъ самъ на Арабскомъ языкѣ. Когда изданіе это прошло въ Сирію и Египетъ, многіе изъ туземныхъ Ученыхъ пришли въ изумленіе отъ необыкновенныхъ познаній Европейскаго Оріенталиста въ природномъ ихъ языкѣ. Послѣ того, что нами сказано, легко видѣть всю пользу изданія столь труднаго Автора для изученія Арабскаго языка, и глубокія познанія, какихъ оно требовало отъ издателя. Несмотря на то, нѣкоторые Ученые не постигали, или не хотѣли видѣть, пользы въ изданіи Харирія, и съ плеча осуждали Автора за пустоту содержанія, безвкусіе картинъ и цинизмъ многихъ выраженій. Завязалась полемика; въ жару диспута, отклонились отъ

спорнаго Автора, изъ-за него начали порицать большую часть Арабскихъ Писателей, и бросали тѣнь сомнѣнія на пользу изученія всей Арабской и вообще Восточной Поэзіи: Эти нападки такъ близко касались любимѣйшихъ занятій де-Саси, что онъ не могъ не отвѣчать скептикамъ; но онъ въ то же время не хотѣлъ выѣшиваться въ нихъ полемикѣ, и изложилъ свои мысли «О пользѣ изученія Арабской Поэзіи» въ формѣ рѣчи, которая и прочтена была имъ въ торжественномъ засѣданіи Азіатскаго Общества, въ 1826 году (1). Это прекраснѣйшій образецъ литературной критики, и вопросъ разрѣшенъ тамъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Въ 1826 и 1827 году, де-Саси напечаталъ новое изданіе своей «Арабской Хрестоматіи», исправивъ въ ней замѣчательныя погрѣшности, и присоединивъ многія дополненія.

Въ 1829 году, онъ издалъ «Арабскую грамматическую Антологію» (2), которую также должно считать дополненіемъ къ тремъ томамъ «Арабской Хрестоматіи». Де-Саси зналъ по собственному опыту, какъ трудно изученіе грамматической системы Арабовъ, и хотѣлъ облегчить этотъ трудъ для своихъ преемниковъ. Мы уже говорили о важности сего открытія по этой части и ихъ пользѣ для чтенія Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ Писателей. Эти четыре толстые тома Хрестоматіи и Антологіи де-Саси можно назвать настоящимъ сокровищницею Арабскаго языка: въ нихъ собраны образцы всѣхъ ро-

(1) Она напечатана въ *Journal Asiatique*, 1826, juin.

(2) *Anthologie grammaticale arabe, ou morceaux choisis de divers grammairiens et scholiastes arabes, avec une traduction française et des notes.* Paris, 1829, in-8°.

довъ Арабскаго слога, съ глубоко-учеными филологическими примѣчаніями, вѣрнымъ переводомъ и объясненіями всѣхъ трудностей; кто изучилъ ихъ внимательно, тотъ уже въ состояніи понимать всякую Арабскую книгу.

Въ 1831 году появилось и новое изданіе «Арабской Грамматики» де-Саси. Предисловіе знаменитаго ся Автора лучше всего укажетъ на измѣненія, которыми подверглось это его твореніе при второмъ тисненіи. «Въ промежутокъ двадцати лѣтъ, истекшіхъ между двумя изданіями этой Грамматики,» — говоритъ Баронъ де-Саси — «изученію Арабскаго языка во Франціи, въ Германіи и на всемъ Сѣверѣ Европы сдѣлано такіе успѣхи, какихъ не лзя было даже и ожидать; издано было множество сочиненій, посредствомъ которыхъ древняя и новѣйшая Литература Арабовъ сдѣлалась доступною для многихъ молодыхъ Ученыхъ, которыхъ рѣдкость манускриптовъ и трудность ими пользоваться вѣроятно отклонила бы отъ этого рода занятій. Британская Индія принимала живѣйшее участіе въ этой дѣятельности, а учрежденіе типографій въ Египтѣ возбуждаетъ въ насъ новыя блестящія надежды. Уевость, съ какою занимаются нынѣ въ Европѣ этою отраслю вниманіи, возлагала на меня обязанность усовершенствовать по возможности сочиненіе, которое можетъ способствовать къ облегченію этихъ занятій, и я могу ручаться, что я не пропустилъ ни одного замѣчанія, которое бы могло улучшить его.» Кромѣ необходимыхъ измѣненій и поправокъ, сдѣланныхъ Барономъ де-Саси въ этой книгѣ, онъ еще присоединилъ къ ней трактатъ о просодіи и метрикѣ Арабовъ, который сдѣлался необходимымъ при такихъ успѣхахъ оріентальной критики. «Я старался» — говоритъ Сильвестръ де-Саси — «представить въ самыхъ простыхъ формахъ метрическую систему Арабовъ, и уничтожить трудности, болѣе кажущіяся нежели дѣйствительныя, которыя до сихъ поръ отвращали многихъ за-

служеныхъ Ориенталистовъ отъ изученія, которое мнѣ кажется необходимымъ.» Мы уже говорили выше объ успѣхахъ, которыхъ стоило самому Барону де-Саси, преодолѣть трудности и открыть истинные законы Арабскаго стихосложенія, которыхъ дотошъ не знали ученѣйшіе изъ Европейскихъ Ориенталистовъ. Съ изданіемъ трактата, приложеннаго къ «Арабской Грамматикѣ», эта Наука стала доступна всякому ученику Восточныхъ языковъ. «Грамматика» де-Саси вообще столько же усовершенствовалась при второмъ изданіи, какъ и его «Хрестоматія», и обѣ приобрѣли новое достоинство въ дополненіяхъ — первая въ просодіи и метрицѣ, вторая въ грамматической Антологіи. Едва ли есть трудности въ Арабскомъ языкѣ, которыя бы не были самымъ удовольствительнымъ образомъ разрѣшены въ этой Грамматикѣ.

Для собранія *Notices et extraits des manuscrits*, Баронъ де-Саси сообщалъ около этого времени нѣсколько любопытныхъ писемъ, съ переводомъ и примѣчаніями, изъ переписки Сирійскихъ Самарянъ съ разными Европейскими Ориенталистами. Мы видѣли, что въ самомъ началѣ своего ученаго поприща, де-Саси издалъ два Самаританскія письма къ Скалпгеру. Помѣщенныя въ *Notices et extraits* писаны позже. Народъ Самаританскій исчезаетъ у насъ передъ глазами, и де-Саси считалъ не безполезнымъ сохранить отъ забвенія документы, которые черезъ нѣсколько столѣтій будутъ единственными свидѣтелями долготѣвлаго существованія этого народа. Какое участіе должно возбуждать поколѣніе, бывшее свидѣлемъ чудесъ царствованія Соломона, которое видѣло какъ исчезали съ поприща міра Ассирійцы, Вавилоняне, Персы, Греки и Римляне, и само исчезаетъ въ свою очередь!

Другая статья, помѣщенная Барономъ де-Саси въ томъ же сборникѣ, есть повлеченіе изъ Джаміевыхъ

жизнеописаній извѣстѣйшихъ Суфійевъ, въ Персидскомъ подлинникѣ, съ переводомъ и примѣчаніями. Суфій, или Софій (*Soufi*), составляли особенный родъ Мусульманскихъ отшельниковъ, которые вели созерцательную жизнь, и ихъ ученіе чрезвычайно темно. Но долгое занятіе предметомъ и глубокое знаніе Персидскаго языка поставили де-Саси въ возможность объяснить ихъ мистическія писанія.

Въ это время (1830) произошелъ во Франціи Июльскій переворотъ, въ которомъ принимали участіе и многіе Ученые. Но де-Саси не дѣйствовалъ уже тогда на политическомъ поприщѣ. Еще въ 1823 году онъ взялъ отставку изъ Королевскаго Совѣта Министерства Просвѣщенія. Правда, вскорѣ за тѣмъ онъ назначенъ былъ Администраторомъ или Директоромъ Французскаго Коллегіума (*Collège de France*) и Училища Восточныхъ языковъ; но эти должности, которыя де-Саси сохранилъ до конца жизни, были скорѣе учеными, нежели политическими. Тѣмъ не менѣе, въ Ноябрь 1827 года, когда пренія между партіями ожесточились и приняли зловѣщій характеръ, предвѣстникъ политическаго урагана, Баронъ де-Саси, предчувствуя бурю, взялся за перо, чтобы дать почувствовать благоразумнымъ и умѣреннымъ патріотамъ необходимость взаимныхъ уступокъ и осторожности въ преобразованіяхъ. Брошюрка его вышла безъ имени Автора (*). Исполнивъ долгъ

(1) *Où allons-nous, et que voulons-nous? ou la vérité à tous les partis.* Par un ancien membre de la Chambre des députés. Paris, 1828, in-8°. Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ Палатѣ Депутатовъ и политическихъ разсужденій, относящихся къ разнымъ отраслямъ администраціи, напечатаны были Барономъ де-Саси еще въ 1823 году, подъ заглавіемъ — *Discours, opinions et rapports sur divers sujets de législation, d'instruction publique et de littérature.* Paris, 1823, in-8°. Эти двѣ книги единственныя сочиненія, которыя де-Саси издалъ о предметахъ, не относившихся къ кругу его ученыхъ занятій.

свой, какъ гражданинъ, Баронъ де-Саси оставилъ политику, и продолжалъ свои прежнія занятія. Июльская революція застала его среди ученыхъ трудовъ.

Когда умы и страсти успокоились, и новое Правительство утвердилось во Франціи, Сильвестръ де-Саси припалъ предложенныя ему должности въ гражданской службѣ. Въ 1832 году, Людовикъ-Филиппъ пожаловалъ его Перомъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Кювье. Около того же времени онъ назначенъ былъ Инспекторомъ Восточнаго отдѣленія Королевской типографіи, хранителемъ Восточныхъ рукописей Королевской Библіотеки, и Непременнымъ Секретаремъ Академіи Написей. Не лзя по изумляться, какъ онъ успѣвалъ, въ свои преклонныя лѣта, исправлять столько должностей. Въ Королевской Библіотекѣ онъ работалъ нѣрѣдка; но другія мѣста требовали почти непрерывныхъ занятій. Всякій разъ, когда присутствіе его могло быть полезно въ Палатѣ Перовъ, онъ не пропускалъ засѣданій, и иногда произносилъ рѣчи. Лекціи Арабскаго и Персидскаго языка были любимѣйшимъ его занятіемъ, и онъ читалъ ихъ постоянно. Должность Непременнаго Секретаря Академіи также требовала довольно времени: онъ долженъ былъ составлять протоколы засѣданій, вести переписку отъ имени Общества, ходатайствовать передъ Правительствомъ о соблюденіи выгодъ Академіи, писать похвальныя слова умершимъ ея Членамъ, и наблюдать за печатаніемъ ея Мемуаровъ. Когда Баронъ де-Саси принялъ на себя эту должность, большая часть этихъ трудовъ была запущена: онъ привелъ ихъ въ порядокъ, и по смерти его они остались въ самомъ блестящемъ положеніи. Какъ Инспекторъ Восточнаго отдѣленія Королевской типографіи, де-Саси не имѣлъ большихъ занятій; но онъ совѣстливо исполнялъ свою обязанность, и кромѣ должностнаго надзора за Восточными шрифтами, припалъ на себя добровольныя

трудъ читать корректуры всѣхъ Арабскихъ и Персидскихъ текстовъ, печатавшихся въ этой великолѣпной типографіи. Нѣтъ сомнѣнія, что многія сочиненія выигрывали весьма много, проходя черезъ руки такого ученаго корректора.

Сильвестръ де-Саси стоялъ на высшей степени, какой могъ достигнуть въ своемъ званіи. Чего ему не доставало?—Славы? Онъ считался первымъ Оріенталистомъ своего времени и знаменитѣйшимъ Ученымъ, какого только Франція могла съ гордостію представить Европѣ, по смерти Кювье.—Почестей? Онъ былъ Перъ Франціи, Баронъ, одинъ изъ старшихъ Кавалеровъ (*grand-officier*) Почетнаго Легіона и Кавалеръ многихъ иностранныхъ орденовъ, Членъ главнѣйшихъ Академій и Ученыхъ Обществъ Европы и Азіи. — Денегъ? Онъ получалъ до тридцати тысячъ жалованья, и при своей экономіи не могъ издерживать этой суммы. Но онъ долженъ былъ также заплатить дань Природѣ. Въ 1819 году скончалась любимая имъ мать, которая такъ пеклась о его воспитаніи. Ей было восемьдесятъ-шесть лѣтъ отъ роду. Въ 1835 году умерла жена его, бывшая сорокъ лѣтъ пѣвнѣйшимъ его другомъ. Въ обоихъ случаяхъ де-Саси показалъ рѣдкую чувствительность, и въ особенности во время опасной болѣзни жены такъ беспокоился о ея жизни, что казалось самъ не переживетъ ея потерю. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успокоился, снова принялся за свои ученыя занятія, и только жаловался, что память у него ослабла противъ прежняго. Эту твердость духа должно приписать постоянству его религіознаго направленія, которому онъ остался вѣренъ до послѣдней минуты жизни. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ написалъ духовное завѣщаніе, и оно начинается слѣдующими словами: «Прежде распредѣленія моихъ временныхъ дѣлъ и выгодъ семейства,

считаю священнѣйшею своею обязанностию, засвидѣтельствовать передъ Тѣмъ, отъ Кого ничто не скрыто, что живя въ эпоху, когда духъ невѣрія сдѣлался почти повсемѣстнымъ и произвелъ столько горестныхъ послѣдствій, я провелъ всю жизнь свою въ Вѣрѣ Католической Церкви; и что если поведеніе мое, въ чемъ искренно приношу покаяніе, не всегда было сообразно съ священными правилами, предписываемыми Религіею, то проступки эти никогда не были у меня слѣдствіемъ сомнѣнія въ истинѣ Христіанской Вѣры и божественности ея происхожденія. Я твердо надѣюсь, что они будутъ прощены мнѣ благодіею Отца и искупленіемъ Спасителя нашего Иисуса Христа; и нисколько не полагаюсь на какое-либо собственное личное достоинство, сознавая отъ глубины сердца, что я не иное что самъ пр себѣ, какъ брѣвность и прахъ.»

Для развлеченія себя отъ впечатлѣній горестной утраты, де-Саси занялся тѣмъ же сочиненіемъ, которое было утѣшеніемъ его среди ужасовъ Революціи, сорокъ лѣтъ тому назадъ: это трактатъ о религіи Друзовъ, изданіе котораго остановилось по недостатку нѣкоторыхъ матеріаловъ, которые де-Саси надѣялся получить съ Востока. Въ ожиданіи новыхъ источниковъ, онъ совсѣмъ было отложилъ это сочиненіе, и можетъ быть совершенно потерялъ бы его изъ виду, если бъ жена его не побуждала время отъ времени продолжать трудъ, который стоилъ ему столькохъ разысканій и заставлялъ забывать лишнія среди дѣлѣй терроризма. Обстоятельство это вѣроятно и было побудительною причиною того, что онъ обратился къ книгамъ Друзовъ, въ дни новыхъ страданій. Этотъ предметъ сдѣлался для него вдвойнѣ занимательнымъ, и онъ рѣшился, пересмотрѣвъ свою рукопись, издать ее въ свѣтъ. Книга вышла въ началѣ

прошедшаго года (*). «Я долженъ сознаться», — говоритъ де-Саси въ предисловіи къ ней — «что, ослабѣ предлагаемое сочиненіе вышло въ томъ видѣ, какъ оно было сначала написано и безъ новой повѣрки перевода съ текстовъ, то оно оставляло бы еще многое желать. Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы въ томъ видѣ, въ какомъ книга теперь предлагается публикѣ, она уже была совершенно безъ ошибокъ и недостатковъ. Но въ дѣлѣ столь темномъ, и гдѣ Авторы употребляютъ часто выраженія не въ обыкновенномъ ихъ смыслѣ, а такъ сказать загадочныя, только посредствомъ сличенія множества сходныхъ мѣстъ можно надѣяться совершенно вникнуть въ ихъ идею и понять ихъ ученіе. Я не упустилъ ничего, чтобы этого достигнуть.» Въ началѣ статьи, говори о запискахъ де-Саси этимъ предметомъ, мы упоминали уже, въ чемъ состоятъ отличительныя черты религіи Друзовъ. Въ поданныхъ двухъ томахъ сочиненія изложена эта религіозная система въ томъ видѣ, какъ она составлена Хамзою при жизни Хакема, преподаваема была его ученикомъ Муктаномъ, и сохранилась въ священныхъ книгахъ этого народа. Въ третьемъ томѣ, де-Саси намѣревался помѣстить извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи вѣроученія Друзовъ и нѣкоторые тексты рукописей, употребленныхъ при составленіи двухъ первыхъ частей. Судьба не позволила ему однакожь издать дополнительный томъ къ этому сочиненію, которое тѣмъ не менѣе составляетъ одно цѣлое. Это, такъ сказать, сводъ всѣхъ священныхъ книгъ Друзовъ. Де-Саси излагаетъ во всей подробности какъ догматическую, такъ и ритуальную часть религіи; вмѣсто историческаго ея обозрѣнія, которое трудно сдѣлать, но касаясь Исторіи другихъ

(1) *Exposé de la religion des Druzes, tiré des livres religieux de cette secte, et précédé d'une introduction et de la vie du khalife Hakem-Biamr-Allah. Paris, 1838, 2 vol. in-8°.*

сектъ Востока, де-Саси приложилъ два обширныхъ разсужденія, которыя занимаютъ большую половину перваго тома. Первое изъ нихъ, которое скромно названо «Вступленіемъ» въ сочиненіе, включаетъ въ себя краткую Исторію происхожденія и развитія главнѣйшихъ сектъ Исламизма: эта статья требовала глубокаго познанія богословской части Арабской Литературы, и была необходима для изъясненія религій Друзовъ. Вторая статья содержитъ въ себя жизнеописаніе Халифа Хакема, обоготворяемаго Друзами, вмѣстѣ съ историческимъ обзорѣніемъ династій Фатимитовъ, къ которой онъ принадлежалъ, и изслѣдованіемъ, точно ли эта династія происходила отъ Фатимы, дочери Магометовой. Кроме того, къ книгѣ приложено обзорѣніе Арабскихъ рукописей, служившихъ къ ея составленію.

Изложивъ цѣль и систему своей книги, де-Саси слѣдующими словами заключаетъ предисловіе къ ней: «На мнѣ лежитъ еще одна обязанность—благодарить Провидѣніе, дозволившее мнѣ привести это сочиненіе къ окончанію въ такихъ лѣтахъ, когда едва можно полагаться на слѣдующій день, и пожелать, чтобы изображеніемъ мною картина одной изъ замѣчательнѣйшихъ слабостей, порожденныхъ умомъ человѣческимъ, послужила людямъ, гордящимся своимъ просвѣщеніемъ, урокомъ, къ какому заблужденіямъ способенъ человѣческій разумъ, представленный самому себѣ!» Авторъ какъ будто предчувствовалъ, что эта книга будетъ послѣднимъ его твореніемъ. Предисловіе къ «Религій Друзовъ» подписано имъ 25 Декабря 1837 года; чрезъ семь недѣль его уже не было въ живыхъ.

Де-Саси уже съ нѣкотораго времени чувствовалъ ослабленіе своихъ физическихъ силъ, хотя съ обычною ревностію продолжалъ многочисленныя свои занятія. Съ

годъ тому назадъ, находясь въ Палатѣ Перовъ, онъ внезапно упалъ, вѣроятно въ слѣдствіе апоплексіи. При паденіи онъ ударился головою, и изъ нея, къ счастью, вытекло много крови: это вѣроятно и спасло его. Въ Понедѣльникъ, 19 Февраля минувшаго года, онъ по обыкновенію давалъ утромъ лекцію Персидскаго языка въ Collège de France; въ двѣнадцать часовъ былъ въ Королевской Библіотекѣ, гдѣ разсматривалъ съ Г-мъ Репо нѣкоторые новыя рукописи; отсюда отправился въ Институтъ, и потомъ въ Палату Перовъ, гдѣ долженъ былъ произнести рѣчь. Послѣ засѣданія онъ возвращался пѣшкомъ домой, какъ вдругъ почувствовалъ на дорогѣ ослабленіе въ ногахъ. Онъ едва успѣлъ махнуть рукою стоявшему вблизи извознику. Его подняли и положили въ фіакръ; одинъ изъ прохожихъ узналъ его, далъ его адресъ извознику, который и привезъ его домой. Тщетно прибѣгали ко всемъ пособіямъ врачей: де-Саси умеръ черезъ нѣсколько дней, въ Среду 21 Февраля, въ половинѣ пятаго часа по полудни.

Такъ угасть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Ученыхъ нашего времени. Онъ желалъ быть погребеннымъ возлѣ жены своей, на кладбищѣ Отца Лашеза. Похороны его происходили въ Пятицу, 23 Февраля. Знаменитѣйшіе Ученые и Государственные мужи Франціи сопровождали гробъ его. Надъ могилою произнесены были трогательныя похвальные слова покойному Жомаромъ, Газе, Евгениемъ Бюрнуфомъ, Амеллемъ Жоберомъ и однимъ изъ зятьевъ де-Саси. Академія Написей, которая вмѣстѣ свои засѣданія по Пятицамъ, присудила въ тотъ же день выбить медаль въ память знаменитаго своего Члена, а Правительство заказало мраморный бюстъ, который поставится въ библіотекѣ Института.

Сильвестръ де-Саси былъ небольшого роста, и не смотря на слабость сложенія, благодаря умѣренности и правильной жизни, умѣлъ сохранить здоровье до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Онъ былъ близорукъ; фizioномія его не имѣла въ себѣ ничего необыкновеннаго и казалась суровою. Холодность, осторожность и расчетливость составляли повидимому отличительныя черты его характера; но при всемъ томъ онъ всегда дѣйствовалъ прямо и благородно, и былъ чуждъ мелочныхъ расчетовъ. Въ обществѣ онъ отличался вѣжливостію и любезностію, и особенно любилъ бесѣду съ молодыми и образованными дамами.

Де-Саси былъ преданъ своему предмету. Все, что только относилось къ Востоку, возбуждало живѣйшее его участіе. Оріенталисты обыкновенно присылали ему, въ знакъ уваженія, новыя свои сочиненія; но де-Саси покупалъ на свои деньги тѣ изъ нихъ, которые не получалъ отъ Авторевъ, хотя онъ и могъ пользоваться ими изъ многочисленныхъ библіотекъ Парижа. Собственная его библіотека состояла изъ лучшаго, что только когда-либо было написано о предметѣ его занятій — изъ книгъ на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ, въ числѣ которыхъ были и чрезвычайно рѣдкія, и изъ множества Восточныхъ рукописей. По словамъ Г-на Рендъ, она была одною изъ обширѣйшихъ частныхъ библіотекъ въ Парижѣ. Де-Саси готовъ былъ всѣми своими средствами способствовать всякому успѣху по части Азіатскихъ Литературъ. Онъ старался и успѣлъ учредить кафедры языковъ Китайскаго, Армянскаго, Санскритскаго и Гиндустаній при Училищѣ Восточныхъ языковъ. Шамполионъ и Абель-Ремюза много обязаны его покровительству. Когда послѣднему изъ нихъ недоставало Китайскихъ текстовъ, де-Саси тотчасъ отписалъ въ Петербургъ и Берлинъ, и просилъ о сообщеніи ихъ на свое имл. Когда

наше Правительство, намѣреваясь учредить кафедры Восточныхъ языковъ при Русскихъ Университетахъ, въ 1819 году, обратилось къ заслужившему общую довѣренность главѣ Ориенталистовъ, испрашивая у него, кому бы оно могло поручить преподаваніе этихъ языковъ, Сильвестръ де-Саси съ заботливостію и участіемъ представилъ двухъ лучшихъ своихъ учениковъ, Гг. Шарму и Деманжа, "которые имѣли счастіе быть первыми Преподавателями Восточныхъ языковъ въ нашихъ Университетахъ. Когда тотъ же Государственный мужъ, которому мы обязаны первою идеею о введеніи преподаванія Восточныхъ языковъ въ нашемъ Отеествѣ, положилъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, два года тому назадъ, ввести Грузинскую Литературу въ гѣдра Академіи, и обратился съ такимъ же запросомъ, какъ и при первомъ случаѣ, къ Барону де-Саси, маститый Патриархъ Ориенталистовъ съ участіемъ старался о припяти Г-на Броссѣ на вакантное мѣсто, хотя онъ и не былъ въ числѣ учениковъ его, и писалъ о томъ къ Господину Министру и къ Академику Френу. Такимъ образомъ и мы, Русскіе, обязаны отчасти своими успѣхами въ Восточной учености ревности де-Саси въ дѣлѣ распространенія Восточныхъ знаній.

Изобразивъ въ довольно подробной картинѣ умственную и гражданскую жизнь Сильвестра де-Саси, исторію и содержаніе всѣхъ его трудовъ, его характеръ, образъ жизни и его кончину, намъ остается только бросить общій вѣгладъ на знаменитое поприще, которое онъ проходилъ какъ Профессоръ, Публицистъ и Ученый.

Какъ Публицистъ, въ качествѣ Члена двухъ Законодательныхъ сословій Франціи, де-Саси ничѣмъ не отличался отъ толпы своихъ сочленовъ, и уваженію, кото-

рою они къ нему питали, относилось къ его ученой славы, а не къ дарованіямъ административнымъ.

Какъ Профессоръ, де-Саси къ сожалѣнію не могъ имѣть обширнаго круга цѣнителей, по причинѣ ограниченного числа посвящающихъ себя ориентальнымъ занятіямъ, хотя по свидѣтельству Г-на Рендъ и другихъ извѣстныхъ Ученыхъ по этой части, отъ которыхъ намъ удавалось слышать отзывы о лекціяхъ де-Саси, онъ былъ еще замѣчательнѣе какъ Преподаватель, нежели какъ Ученый. Каждое слово въ объясняемомъ имъ Писателѣ служило ему поводомъ къ небольшому трактату, въ которомъ не знали, чему удивляться, учепости ли Профессора или его лпному и систематическому изложенію. Но такова участь лучшихъ Преподавателей мало извѣстныхъ предмстовъ: ихъ слава гремитъ въ самомъ тѣсномъ кругу слушателей, рѣдко переступаетъ за предѣлы черты, не доставляетъ имъ современной извѣстности и вабыляется потомствомъ. Знаменитый Лейденскій Ориенталистъ Гамакеръ, говорятъ, также былъ отличнымъ Профессоромъ; но извѣстность его упрочена только немногими его сочиненіями. Нашъ извѣстный Ученый, Профессоръ Сенковскій, есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Преподавателей Восточныхъ языковъ въ Европѣ; но кто кромѣ немногихъ его слушателей въ состояніи оцѣнить специальную ученость и занимательность его чтеній? . . Мы не можемъ впрочемъ умолчать о вліяніи де-Саси и въ этомъ отношеніи. Большая часть современныхъ Ориенталистовъ во всѣхъ концахъ Европы, какъ мы уже говорили, были учениками де-Саси, и слѣдовательно ему обязаны своимъ направленіемъ и частію своею учености и славы.

Какъ Ученый, Сильвестръ де-Саси всегда будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ Наукъ. Онъ не былъ гениаль-

нымъ Писателемъ, который бы открылъ новыя истины, ни даже «геніемъ» въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову Бюффонъ, то есть великимъ Ученымъ; онъ не произвелъ также ничего, что бы могло внушить удивленіе къ его таланту. Но судьба даровала ему тѣмъ не менѣе завидную участь—значительно объяснить и подвинуть впередъ трудную и не многою доступную отрасль знаній. Его любовь къ предмету своихъ занятій, примѣрная дѣятельность и ясный умъ, постепенное стремленіе къ предположенной цѣли, и шестьдесятъ лѣтъ труда, сдѣлали его первымъ Ученымъ своего времени по его части, и произвели множество спеціальныхъ трактатовъ, писанныхъ основательно, совѣстливо, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, — которые пояснили и подвинули впередъ многіе частные вопросы, и останутся въ храмѣ Науки прочными памятниками учености ихъ Автора.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

О СОСТОЯНІИ И УСТРОЙСТВѢ ШКОЛЪ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ.

(Изъ Гюльмана).

I.

Образованіе юношества для духовной и государственной жизни.

Между гражданскими обществами всѣхъ временъ были нѣкоторые, превосходившія Духовенство Среднихъ вѣковъ или глубиною основаній, или большимъ объемомъ, или наконецъ большею многосложностію; но ни одно изъ нихъ не соединяло въ себѣ всѣхъ этихъ качествъ въ такой степени, въ какомъ находимъ мы ихъ во владычествѣ Духовенства въ Средніе вѣки. Владычество это основано было не на началахъ Религіи, потому что оно не въ духѣ Христіанства, предписывающаго смиреніе, какъ первую добродѣтель; но на обладаніи нѣкоторыми учеными познаніями, коими въ раннее время отличалось по преимуществу Духовенство, и по этому самому необходимо должно было имѣть перевѣсъ въ гражданственности. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ древности угасъ, Римъ былъ единственнымъ мѣстомъ въ Западной, и въ особенности Франкской Европѣ, гдѣ еще свѣтила вечер-

Часть XXI. Отд. V.

4

няя заря знаній, ибо ни одной изъ Германскихъ ордъ не удалось утвердиться въ этой древней столпцѣ міра. Изъ этого притаеня перенесены были первыя искры просвѣщенія къ Германскимъ народамъ, и заботливыми переносителями были Христіане-Священники. Никогда не потемнится свѣтъ этой священной заслуги, совершенной Духовенствомъ!

Знаменитѣйшіе народы древности обязаны были своимъ образованіемъ Государству; народы же Среднихъ вѣковъ имѣли воспитательницею свою — Церковь. Въ Духовныхъ Училищахъ объемъ учебныхъ предметовъ съ малыми измѣненіями былъ тотъ же, что и въ позднѣйшее время Рима; ими ограничивалось образованіе юности высшихъ сословій. Предметомъ ученія были такъ называемыя *Свободныя Искусства*, т. е. Искусства свободныхъ людей, въ противоположность руководящимъ работъ. Не безъ основанія раздѣляли ихъ на два отдѣла: первый касался общаго развитія ума; второй обученія въ свѣдѣніяхъ практическихъ. Поэтому первый отдѣлъ заключалъ въ себѣ Грамматику, Риторику и Логіку, что называлось *Dreigang*; второй же Ариметику, Геометрію, Астрономію и Пѣніе; этотъ курсъ назывался *Viergang*. Упражненія въ Искусствѣ правильно выражаться какъ изустно, такъ и письменно, ограничивались Латинскимъ и Церковнымъ языкомъ, который чрезъ то самое сдѣлался языкомъ ученыхъ и канцелярскимъ. Весьма искусно пользовались этимъ распространеніемъ языка Латинскаго къ образованію вкуса, разумѣется столько, сколько въ тѣ времена могли имѣть понятія о вкусѣ. Воспитанникамъ, довольно сильнымъ въ языкѣ, читали нѣкоторые избранныхъ Писателей, по преимуществу *Виргилія* и *Горация* (1): причемъ разбираемы бы-

(1) *Vita Meinwercl*, въ *Leibnitz Script. Brunsw.*, T. I, стр. 846.

ли стихи, обозначасмы стопы, объясняемы размѣры (1). Равнымъ образомъ поступали и съ Прозанками: объясняли конструкцію и смыслъ, и такимъ образомъ соединяли упражненія въ разговорѣ съ упражненіемъ писменнымъ (2).

Само собою разумѣется, что, кромѣ этихъ предметовъ преподаванія, существенная часть школьнаго образованія состояла въ Христіанскомъ Вѣроученіи.

Особенно заботились о хорномъ пѣніи (ибо оно было самымъ сплывымъ средствомъ дѣйствовать на людей). Въ Греціи оно происхожденіемъ своимъ обязано было чудному соединенію благоговѣнія къ богамъ съ прелестію, которая льстила чувствамъ Грековъ; послѣднее, при дальнѣйшемъ развитіи, потемнѣло первое. Въ храмахъ образованныхъ Грековъ, какъ въ самой Греціи, такъ и въ Азіи и въ Африкѣ, хорное пѣніе принадлежало къ священнодѣйствіямъ; у Евреевъ пѣніе, сопровождаемое музыкою, употреблялось въ храмахъ съ древнѣйшихъ временъ, и отсюда перешло оно въ Христіанскіе церкви. Въ послѣдствіи времени эти сложныя основанія церковнаго пѣнія претерпѣли многія измѣненія сообразно съ обстоятельствами и особенностями народовъ. Во время всеобщаго разстройства, когда возникли Германскія Государства, всѣ Искусства погибли: одно только пѣніе сохранялось и распространялось, какъ собственность народная. Въ то время благодѣтелемъ народнымъ былъ Римскій Папа Григорій I; онъ оказалъ великія услуги Христіанской правдивости. Безъ всякаго великолѣпія, безъ всякаго наружнаго блеска, просвѣщалъ онъ своимъ словомъ народъ, увѣщевалъ быть добродѣтельнымъ, и старался освободить его отъ мрака и чужден-

(1) «Joannes Saresberiensis» Metalogicus, кн. I, гл. 24. Парижъ, 1610 года, in-8°, стр. 57—62.

(2) Ibid.

ности. Духъ учителя почилъ и на ученикахъ его. Но не всѣ могли идти по этому пути; нѣкоторые стали употреблять въ своихъ поученіяхъ языкъ, непонятный народу. Такъ какъ для народа не оставалось ничего, кромѣ хора, то Григорій употребилъ все свое стараніе, чтобы усовершенствовать и распространить его. Учрежденія и труды этого мужа извѣстны. Они были такъ важны, что долгое время имѣли сильное дѣйствіе во Франціи, а въ Испаніи пробудили чувство къ музыкѣ. Когда, въ исходѣ VIII столѣтія, во Франкскомъ Государствѣ церковное пѣніе совершенно упало, Карлъ Великій, въ 787 году, далъ порученіе Римскому Епископу Адріану прислать нѣсколько знающихъ людей изъ Духовнаго званія, которые зацѣплялись бы возстановленіемъ и улучшеніемъ пѣнія. Въ числѣ двѣнадцати человекъ (1), для того избранныхъ, находилось двое, Теодоръ и Бенедиктъ, которые почитались мастерами своего дѣла. Имѣя въ рукахъ ноты Григорія Великаго, они открыли свои Пѣвческія Школы въ Метцѣ и Суассонѣ. Трудно было ихъ занятіе, потому что при всѣхъ ихъ стараніяхъ, многіе тоны были непреодолимы для Франковъ (2). Не рѣдко Карлъ, любитель пѣнія, призывалъ Артистовъ на свои пиршества, и тутъ они играли на органахъ (3), которые хотя и не въ совершенномъ видѣ, уже были извѣстны отцу Короля (4). Оба Италіянскіе Учителя пѣнія учили также играть и на этомъ инструментѣ. — Многіе монастыри отличались заботливостію своею о пѣніи, и были разсадниками этого Искусства для многихъ другихъ Обителей; особенно Санъ-Галленская Обитель, въ которую,

(1) Monach. S. Gallens. кн. I, гл. 10, у Bouq. V, 110.

(2) Monachi Engoliamensis vita Caroli M., тамъ же, стр. 183.

(3) Monach. S. Gallens. кн. I, гл. 20, стр. 114.

(4) Fredegaril contin. Pars IV, у Bouq. T. V, стр. 4.; Noto de Eg'nbardi annal. de gestis Pippini ad a. 757; тамъ же, стр. 198.

во второй половинѣ IX вѣка, Искусство Тутилы привлекало столько иностранныхъ (1).

Краткій очеркъ вѣдшей Исторіи Школъ въ Европѣ должно начать съ Англіи, страны, которая очень мало, въ раннее время Среднихъ вѣковъ, способствовала къ общенародному образованію со стороны гражданственной, но очень много содѣйствовала ему со стороны духовной. Въ этомъ историческомъ обзорѣ, прежде всего являются намъ три мужа, обозначающіе собою климатическіе годы просвѣщенія. Первый изъ нихъ Грекъ, Θεодоръ, изъ Тарса въ Киликіи. Онъ жилъ въ Римѣ, когда въ 668 году, Короли Кента и Нортумберланда прислали къ Римскому Папѣ Виталиану просить его прислать на Архіепископство въ Кентербюри ученаго и достойнаго мужа. Θεодоръ былъ предложенъ Виталиану и принялъ приглашеніе. Ученый, владѣвшій Латинскимъ языкомъ и хорошо знакомый съ Науками, былъ весьма важенъ для образованія юношества вообще, но въ особенности для цѣли и стихотворства, и для изученія древности, ибо онъ ввелъ въ нѣкоторые монастырскіе и другіе Школы свой природный языкъ. Черезъ двадцать два года совершилъ онъ свое поприще, и тѣмъ достойнѣе удивленія, что началъ его въ такое время, когда силы оставляютъ большую часть людей—на 66 году (2). Альдгельмъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ людей, вышедшихъ изъ его Школы; съ 675 года онъ былъ Игуменомъ Мальмесбурскимъ, въ Вальтъ-Ширѣ, а съ 705 года Епископомъ Шербюрнскимъ. Этотъ знатокъ Греческаго языка былъ также Латинскимъ Поэ-

(1) Ekkehard. junior de casibus monasterii S. Galli, y Goldast. Script. rer. Alam. T. I, стр. 23.

(2) Bedae histor. eccles. gentis Anglorum, кн. IV, гл. 1 и 2: Opp. Coloniae 1688 г. in-fo., T. III, стр. 83 и 84.—Wharton Anglia Sacra, T. I, стр. 83.

томъ (1). Извѣстно его Посланіе къ Винчестерскому Епископу Гедѣ, въ которомъ онъ описываетъ великія трудности, сопряженныя съ преподаваніемъ версификаціи, съ ученіемъ о долготѣ и краткости слоговъ, о стопахъ и тонахъ (2). Между Школами, въ которыхъ сохранился пробужденный Θεодоромъ духъ Искусствъ и Наукъ, Йоркская была одна изъ первыхъ, и въ половинѣ VIII столѣтія сдѣлалась извѣстною еще тѣмъ, что Эгбертъ, братъ Эдберта, Короля Нортумберландскаго, занималъ въ ней учительскую должность, и потомъ достигъ степени Йоркскаго Епископа.

Съ ученикомъ Θεодора (3) Алкуиномъ (Alcuin, Alcuinus, Albinus), начинается новый періодъ въ Исторіи Школъ. Тотъ, кто является на театрѣ миноваго Учителемъ и повѣреннымъ величайшаго человека въ началѣ Среднихъ вѣковъ — Карла Великаго; кто имѣлъ рѣшительное вліяніе на его знаменитое законодательство въ Государственныхъ и Церковныхъ дѣлахъ; чье благотѣльное вліяніе такъ далеко простиралось и было такъ продолжительно, и кто притомъ, въ самосознаніи обладанія непреходящихъ благъ, оказывалъ такое величественное равнодушіе къ вѣшнимъ, случайнымъ выгодамъ—тотъ производитъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Часто хвалятъ Алкуина мимоходомъ; но до сихъ поръ еще никто не оцѣнилъ его по достоинству. О первыхъ годахъ его жизни, прежде нежели онъ явился во Франціи, скажемъ только нѣсколько словъ. Онъ родился въ Англіи; воспитаніе и ученое образованіе свое получилъ въ Йоркской Школѣ, которая славою своею привле-

(1) Wharton, тамъ же, Т. II, стр. 7 и 10.

(2) Тамъ же, стр. 6.—Henry hist. of great Britain, Т. II, стр. 321.

(3) Alcuini epist. ad Carolum M. d. a. 796, in ejus opp. ed. Froben. Batisponae, in monasterio Emmerami, 1777, in-fol., стр. 54, прим. с.

кала къ себѣ многихъ молодыхъ людей высшихъ сословій и Духовнаго званія, не только изъ Англіи, но даже изъ Германіи. Для примѣра назовемъ Лунджера, перваго Мюнстерскаго Епископа. Алкуинъ, по удаленіи своего Учителя Эгберта, возведенъ былъ на степень Старшины этого процвѣтавшаго тогда Заведенія (1): что уже говоритъ въ пользу его свѣдѣній и талантовъ. Онъ дѣйствовалъ съ тѣмъ большою силою на ученое поприщѣ своемъ, что не былъ одностороненъ и ограниченъ, не привязывался къ однимъ только буквамъ, не занималъ ума учениковъ одною только поверхностію предмета, но раскрывалъ его передъ ними до самой глубины; знакомъ былъ не только съ книжною жизнью, но также съ свѣтомъ и съ людьми высшаго званія, умѣлъ обращаться съ ними и приучить ихъ къ свѣту просвѣщенія. Алкуинъ рано приобрѣлъ общественную довѣренность; онъ былъ отправленъ съ важными порученіями въ Римъ. Во время проѣзда его черезъ Францію, Карлъ, еще тогда юный, познакомился съ нимъ, не входя однакожь ни въ какія дальнѣйшія связи. Долго спустя, при второмъ путешествіи своемъ въ Италію; въ 780 году, Алкуинъ встрѣтился въ Парижѣ съ Королемъ, который пригласилъ Ученаго вступить къ нему въ службу. Алкуинъ исполнилъ желаніе Карла и привезъ съ собою нѣсколько молодыхъ людей, хорошо образованныхъ и бывшихъ въ его Школѣ. «Болѣе знаніемъ, нежели силою хочу я владычествовать», писалъ завоеватель Персидскаго Царства къ своему Наставнику Аристотелю. Побѣдитель при Эбро и По, при Эйлерѣ и Разбѣ, пропикнутый тѣмъ же духомъ, въ кругу дѣтей своихъ и среди всельможъ Двора своего, призывалъ Англосакскихъ

(1) Mabillon annal. Bened., II, 173 и 174.

(2) Plutarch. in Alex. гл. 7. — Gellius, XX, 3.

Ученыхъ, посвящавъ себя въ таинства правленія; и хотя самъ не былъ непосредственно творцемъ изданныхъ имъ великихъ и благодѣтельныхъ законовъ, однакожь долженъ былъ имѣть и развитый умъ и обогороженную волю для того, чтобы дать свое согласіе на обнародованіе такихъ законовъ: это самое доставило ему удивленію потомства, удивленіе, въ коемъ оно должно бы было прежде отказать Карлу за тѣ постановленія, которыя, по иснасытнотѣ страсти его къ владычеству, положили начало вреднымъ недостаткамъ общества Среднихъ вѣковъ. Теперь же Карлъ старался только о распространеніи просвѣщенія въ своемъ Государствѣ (1). Въ посланіи къ Аббату Фульдскому, до насъ дошедшемъ и вѣроятно разосланномъ ко всѣмъ прочимъ Епископамъ и Аббатамъ, увѣщаетъ онъ устроить и поддерживать Школы (2). Вскорѣ послѣ того издавъ былъ для всего Государства законъ, коимъ предписывалось ученіе Грамматики, Ариметики и церковнаго пѣнія (3).

За исключеніемъ Византийской Имперіи, въ VII и VIII столѣтіяхъ отечество Алкуина было единственнымъ въ Европѣ, гдѣ, въ слѣдствіе стараній Θεодора, сохранялось ученіе Греческаго языка. Въ это время, даже въ Италіи знаніе сего языка большею частію почти прекратилось; извѣстно, что одинъ Равенскій Экзархъ, со смертію своего дѣда, былъ поставленъ въ большое затрудненіе, и очень долго тщетно искалъ способнаго человека для веденія переписки съ Константинополемъ; къ счастью Экзарха, явился наконецъ одинъ молодой человекъ, по имени Іоанникій (4). Франкское Государ-

(1) *Monachi Engoliamens. vita Caroli M.* у Bouq. V, 185.

(2) *Caroli M. epist. d. a. 788*, въ Baluz. *Capitular.* I, 202.

(3) *Capitulare Aquisgran. d. a. 789*, гл. 70, тамъ же. стр. 237.

(4) *Vita Theodori, episcopi Ravenn. гл. 2*, in Agnelli *vitis pontificum Ravenn.*, въ Murat. *Scriptt.* T. II, Ч. I, стр. 181.

ство обязано Алкуину преподаваніемъ Греческаго языка. Даже самъ Король Карлъ, при всѣхъ своихъ занятіяхъ и не смотря на лѣта, успѣлъ ознакомиться съ этимъ языкомъ (1). Разумѣется, что къ этому побуждали его нѣкоторые особенные виды: онъ не могъ равнодушно смотрѣть чрезъ Паннонію и Адриатическое море на Востокъ. Отъ этого самого, размѣщеніе въ Баваріи Греческихъ Учителей, вызванныхъ имъ изъ Греціи, не есть случайность. Виргилій помѣщенъ былъ въ Зальцбургѣ, Дольманъ въ Химзее, Аполлоній въ Регенсбургскомъ монастырѣ Геймерамъ; по этому самому, сомнѣніе въ дѣйствительности документа, коимъ Король будто бы предписываетъ преподаваніе Греческаго языка въ Оснабрюкѣ, терять сплу (2).

Восемь лѣтъ трудился Алкуинъ для Карла Великаго въ дѣлѣ просвѣщенія; наконецъ любовь къ отечеству увлекла его въ Англію. Черезъ пять лѣтъ возвратился онъ снова во Францію; но въ этотъ разъ избѣгалъ общественной жизни, посѣщенія Двора и всякихъ почестей; онъ отправился въ Туръ, гдѣ Король отдалъ ему Аббатство Св. Мартина. Здѣсь жилъ Алкуинъ только для Наукъ. Уже и прежде много заботился онъ о покупкѣ и перенискѣ хорошихъ книгъ, и объ исправленіи ихъ содержанія. Съ Королевскаго дозволенія отправилъ онъ нѣсколькихъ Воспитанниковъ въ Англію для приобрѣтенія важныхъ твореній, ему недостававшихъ. Въ 804 году, среди всѣхъ этихъ заботъ и занятій, 69 лѣтъ отъ роду, окончилъ дѣятельную жизнь свою сей незабвенный мужъ (3).

(1) Eginhardi vita Caroli M. гл. 28: «linguam graecam melius intelligere quam pronuntiare poterat.»

(2) Hedion Chronica der alten christlichen Kirchen. Strassburg, 1648, in-fol. Ч. III, отд. IV, гл. 9, стр. 310.

(3) Vita Alcuini, e codice Remensi edita ab Andrea Quercetano (Du-

Превосходнѣйшій памятникъ, оставленный имъ по себѣ, есть новое учрежденіе и оживленіе Турской Школы (1). Кромѣ многихъ, изъ нея выпущенныхъ людей, приобрѣтшихъ себѣ имя Ученыхъ, къ числу коихъ принадлежитъ и Гальберштатскій Епископъ Гаймо, это знаменитое Учебное Заведеніе не только было посредственно и непосредственно разсадникомъ многихъ другихъ Школъ во Франціи и въ Германіи, но дѣйствовало также и тѣмъ самымъ, что примѣръ ея побуждалъ другія къ соревнованію. Аррасская и Фульдская Школы должны были служить образцами для другихъ. Школа Аррасская (*Vedastus-Kloster*) обязана своею славою дѣятельному Гайману, питомцу Алкуина (2); изъ числа жепскихъ Школъ должно упомянуть преимущественно объ учрежденной въ С. Амандѣ близъ Дорника (*monasterium Elpenense*), процвѣтавшей при Милонѣ, ученикѣ Гаймана (3). За симъ наиболѣе цѣлала Фульда, куда знаменитый Грабанъ Мавръ перенесъ усовершенствованное въ Турѣ устройство Школъ. Посланіе Карла, 788 года, о которомъ упомянуто было выше, принесло свои плоды у Фульдскаго Аббата Баугульфа; въ монастырской Школѣ, въ слѣдствіе этого посланія основанной, была воспитанъ Майнцскій уроженецъ Грабанъ (4). Для окончательнаго образованія своего, Грабанъ отправился въ Туръ къ великому Учителю. Одушевленный его духомъ, возвратился онъ въ Фульду въ 813 году, занялся преподаваніемъ Наукъ, имѣя отъ роду не болѣе 25 лѣтъ. Онъ

schene). In Alcuini opp. ed. Froben, стр. LIX и слѣд.—Frobenii commentatio de vita Alcuini, тамъ же, стр. XIII и слѣд.

(1) Alcuini epistolae 38 и 85, *ibid.* стр. 83 и 126. — Caroli M. epist. ad eund. et congregationem S. Martini Turonensis, *ibid.* с. 173.

(2) Tritheim. de viris illustr. стр. 124.—Ejusd. Chron. Hirsau, с. 10.

(3) Bollandi Acta Sanctorum, 6 Февраля, стр. 789.

(4) Milonis ad Haiminum epistola, тамъ же, стр. 873. — Mabillon annal. Bened III, 113, 164.

былъ первымъ преподавателемъ и устройтелемъ Школъ въ Германіи. Его Учебное Заведеніе было посѣщаемо Духовными всѣхъ странъ; въ 837 году число ихъ простиралось до 270 человекъ. Они приходили сюда частію по страсти къ просвѣщенію, частію отправляемые благомыслящими Епископами и Аббатами для образованія себя въ преподаваніи. Прелесть умственного образованія была не менѣе привлекательна и для знатныхъ людей той страны; многіе изъ нихъ заставляли дѣтей своихъ пользоваться имъ. Десять лѣтъ занимался Грабанъ этимъ великимъ дѣломъ; возведенный въ достоинство Аббата, онъ уступилъ свое мѣсто достойному ученику своему Страбусу, который шелъ по слѣдамъ Учителя. Любопытно видѣть въ жизни Грабана борьбу свѣта со мракомъ, это вѣчное арѣанше, проникнувшее даже въ стѣны Фульдскихъ Бенедиктинцевъ; уже здѣсь видно, какъ тогдашніе Монахи не познавали призванія, ими самими для себя избраннаго. Послѣ двадцатичетырехъ-лѣтняго примѣрнаго исправленія своей должности, Грабанъ, вынужденъ былъ оставить то, что онъ создалъ. Досада, печаль и неблагодарность преслѣдовали его. Большая часть Монаховъ, непросвѣщенныхъ, корыстолюбивыхъ, мучила его упреками, что онъ, одержимый злымъ духомъ, слишкомъ много занимался учеными дѣлами, и не радѣлъ о дѣлахъ хозяйственныхъ вѣреннаго ему монастыря. Грабанъ нашелъ убѣжище у Людовика, Короля Остѣ-Франкскаго. Вскорѣ очистилось Архіепископское мѣсто въ его отечественномъ городѣ; Король не могъ колебаться въ выборѣ. Противникамъ Грабана не скоро удалось уничтожить его. Страбусъ имѣлъ нѣсколькихъ преемниковъ, умѣвшихъ поддержать славу Заведенія на время; въ числѣ ихъ должно упомянуть о Рудольфѣ, умершемъ 865 году (1). Но чрезъ двѣсти

(1) *Annal. Fuld. ad a. 865, ex Chesn. Scriptt. Franc. II, 560.*

лѣтъ послѣ смерти основателя Школы, все пошло иначе. Въ это время Монахи были погружены въ пѣвѣжество; одинъ только извѣстный Историкъ Мейнфридъ выходитъ изъ общаго круга (1).

Безъ значительнаго числа посредственныхъ и непосредственныхъ учениковъ Грабана, безъ ихъ Заведеній въ различныхъ странахъ Германіи для сохраненія нѣкоторыхъ цѣтовъ ума въ глубокую зиму Среднихъ вѣковъ, что стало бы съ Германскою Европою, которая, во время великаго упадка, орошала свои засохшія поля изъ Нѣмецкихъ источниковъ! Даже изъ Франціи приходили въ Фульду любознательные молодые люди Духовнаго званія. Укажемъ предпочтительно на Лунуса, котораго Санскій Архіепископъ Альдрихъ поручилъ Рабану, и который въ послѣдствіи времени, по образцу Фульдской Школы, основалъ подобное Учебное Заведеніе въ Феррьсрѣ, въ Шампаннѣ (*Farrariense monasterium*), гдѣ онъ возведенъ былъ на степень Аббата (2). Что Лунусъ былъ для Феррьера, то Оттфридъ для Вейсенбурга; онъ былъ извѣстенъ столько же по своимъ достоинствамъ, сколько и по своему Учителю Грабану (3). Въ Гиршау являются въ большемъ размѣрѣ всѣ планы, предпринятые въ 838 году по распоряженію Калвскаго Графа Эльфрида, и при содѣйствіи Майнцскаго Архіепископа Отгара: шестнадцать человекъ Воспитанниковъ, и въ томъ числѣ Линдбертъ, предназначенный въ Аббаты, отправлено было въ Фульду для основанія славившейся потомъ Школы въ Гиршау. Главнымъ преподавателемъ и блю-

(1) Frithelm: a) *de viris Germaniae illustribus*: Opp. hist. T. I, стр. 126; b) *de Scriptoribus ecclesiasticis*, ibid. стр. 233; c) *Chronica Hirsaug.*, ibid. T. II, стр. 8, 9, 10, 31, 46.

(2) *Suprae epistolae* 1 и 40, въ *Chesnii Scriptt. hist. Franc.* II, 727, 733. Во второмъ письмѣ къ Грабану, Авторъ называетъ его своимъ превосходнымъ учителемъ.

(3) *Frithelm Chron. Hirsaug.* стр. 15, 16, 31.

стителемъ порядка былъ первоначально изъ числа этихъ Воспитанниковъ Гильдольфъ; по смерти его наследовалъ ему Рутардъ, который скоро возведенъ былъ въ званіе Епископа Гальберштадтскаго. Рихбольтъ, его преемникъ, былъ уже Воспитанникъ Гиршауской Школы. Долго дѣйствовала она съ успѣхомъ, давъ образованіе многимъ Епископамъ и Аббатамъ, вышедшимъ изъ нея; даже въ X вѣкѣ можетъ указать она на людей съ именемъ, обязанныхъ ей своимъ образованіемъ: таковъ, напримѣръ, Луитгелмъ, умершій въ 921 году, и славный, дѣятельный Мейнрадъ (1). Въ Рейхенау, устройство Школъ было усовершенствовано, по образцу Фульдскому, Вальфридомъ, прозваннымъ Страбусомъ, ученикомъ Грабана; въ послѣдствіи, какъ это часто случалось во многихъ монастыряхъ, онъ сдѣлался Аббатомъ въ Рейхенау (2). Еще во второй половинѣ X вѣка Школа эта пользовалась уваженіемъ (3). Между многими другими монастырями особенно отличался Санъ-Галленскій, какъ многообразіемъ и основательностію преподаванія, такъ и извѣстностію самихъ Преподавателей. Тамъ были Верибертъ, образовавшійся въ Фульдѣ подъ руководствомъ Грабана (4), потомъ Иво, Маркелъ, Нотгеръ, Ратпертъ, Тутило (5). Преемникъ послѣдняго, Гартмондъ, образовалъ многихъ способныхъ учениковъ, въ особенности Адельгарда, который былъ его преемникомъ. Гельприхъ замѣстилъ Адельгарда. Еще въ половинѣ XI вѣка

(1) Ibid. стр. 3, 8, 9, 16, 18, 19, 26, 32.

(2) Metzler, de viris illustribus monasterii S. Galli, въ Pezii Anecd. T. I, Ч. III, стр. 625.

(3) Vita S. Wolfgangi, episcopi Ratisp. гл. 3; ap. Surium, in Vita 88. 31 Октября, стр. 407.

(4) Metzler, стр. 368 и 625.

(5) Ekkehard junior de casibus monasterii S. Galli, гл. 2 и 3, въ Goldast. Scriptt. rer. Alam. T. I, стр. 22 и 23. — Ekkehardi minimi vita Notgeri, гл. 7, тамъ же, стр. 230.

процвѣтало это Заведеніе, когда въ немъ находились изувѣченный Германъ (1). Вліяніе Санъ-Галлена и Фульды распространилось до Сѣверозападной Германіи, когда Нотгеръ, родомъ Алеманъ, получившій свое образованіе въ Санъ-Галленѣ, былъ призванъ въ 860 году въ Литтихъ, и тамъ возведенъ въ санъ Епископа. Ревностно занимался онъ дѣломъ воспитанія въ новомъ мѣстопребываніи своемъ (2). Въ половинѣ XI вѣка знаменитый Франкъ, изъ Кельна, занялъ Литтихскую кафедру (3), и еще въ XI столѣтіи Заведеніе сохраняло свою славу (4).

Побуждаемые благороднымъ честолюбіемъ, нашлись люди, которые, не будучи учениками Алкуина, послѣдовали его великому примѣру. Одинъ изъ нихъ, Лейдрадъ, Архіепископъ Мюнскій, находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Алкуиномъ; ему обязанъ Мюнъ улучшеніемъ учебной части (5). Расказій Радбертъ оживилъ просвѣщеніе въ Корби, что въ Пикардіи (6); отсюда достопочтенный Ансгаръ пересадилъ его въ Вестфалію, на Веверъ, въ Корвею (7). Съ того времени, т. е. съ первой половины IX вѣка и до второй половины XI, Монастырскія Школы представляютъ цѣлый рядъ отличныхъ Преподавателей: Ройнберта, Виндхена, Оториха,

(1) Trithelm, l. I. стр. 16, 27, 29, 30, 30, 31.

(2) Ekkehard. jun. l. I. стр. 13, 23.—Trithelm l. I. стр. 15.—Gesta episcoporum Leod., въ Martenii et Durand. ampliss. coll. T. IV, 861 и 872.

(3) Siegbert Gembl. ad an. 1047.

(4) Conrad. Ursperg. ad. a. 1117, ed. Argentorati 1619, стр. 199. — Nicolai Leodiensis praefatio in Algeri libros, у Marten. et Durand. l. I. T. V, стр. 1021. — Reinerus Leodiensis, гл. 10, у Pez. l. I. T. IV, Ч. III, стр. 24.

(5) Hist. litt. de la France IV, 434.

(6) Mabillon. annal. Bened. II, 346 и 363.

(7) Vita S. Ansgarii, въ Langebeck. Scriptt. Dan. I, 434 — 436.

Алгера, Рутгарда, Бернгарда (1). Нѣкоторые изъ нихъ достигли высшихъ духовныхъ званій: Рейнбертъ былъ Архіепископомъ Бременскимъ; Рутгардъ, въ XII столѣтіи, Аббатомъ сначала въ самой Корвѣ, потомъ въ Гиршфельдѣ. Даже многіе изъ учениковъ ихъ достигли степени Епископовъ и Аббатовъ. Ангеломъ, извѣстный современникъ Алкуина, былъ знаменитымъ Преподавателемъ въ Луксеу (*monasterium Luxoviensi*), въ Вогецкихъ горахъ, въ Безансонской Епархіи; достойнымъ его преемникомъ былъ Констанцій. Изъ этого расадника Педагогій распространились понятія о ней въ Отѣнь, въ Шалонъ на Марнѣ, Страсбургъ, Безансонъ (2)

Таковы были ревностные и дѣятельные Преподаватели, не нуждавшіеся во внѣшнемъ поощреніи для просвѣщенія юности и для приготовленія лучшей будущности. Отъ того самого, никакія власти, и тѣмъ менѣе состоявшія изъ многихъ Членовъ, не въ силахъ были совершить того, что сдѣлалъ Алкуинъ и послѣдовавшіе за нимъ Ученые, въ руки которыхъ передалъ онъ свое дѣло. Нѣкоторые Церковные Соборы во Франціи старались подливать слей въ свѣтильники, въ которыхъ пламя угасало: на прим. въ 855 и 859 годахъ Соборы, бывшіе въ Валансѣ (3) и въ Савоньерѣ (4). Еще другіе, позднѣйшіе, были того мнѣнія, что духъ и жизнь можно вдохнуть посредствомъ закона. Вскорѣ явился снова герой, достойный занять мѣсто возлѣ Оеодора и Алкуина: то былъ Гербертъ, котораго, вмѣстѣ съ двумя его предшественниками, благословляетъ

(1) Tritheim, l. I. стр. 18, 31, 32, 37, 38, 55, 57.

(2) Gudini poema in mortem Constantii, въ Mabillonii analectis cet. Editio nova, Paris, 1723, стр. 218. — Mabillon annal. Bened. T. IV, стр. 237. — Tritheim, l. I. стр. 11. — Id. de scriptt. eccles. стр. 253. — Hist. litt. de la France, T. V, стр. 133—138.

(3) Concil. Valent. III, гл. 17: Mansi XV, 11.

(4) Concil. Tullense I, apud Saponarias, гл. 10, ibid. стр. 339.

потомство, потому что они ревнисто для него трудились. Этотъ замѣчательный человѣкъ получилъ первое образованіе свое въ монастырской Школѣ въ Орпльакѣ, въ Овернѣ, своей родинѣ; потомъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, долгое время жилъ въ Испанскомъ Маркѣ, подъ вліяніемъ Арабскихъ Ученыхъ (1). Онъ далъ уму своему направленіе ученое и приобрѣлъ свободу въ дѣйствіяхъ своихъ, которой были чужды Ученые первой эпохи Среднихъ вѣковъ, заключенные въ предѣлахъ Духовнаго званія. Исслѣдованія его были посвящены отношеніямъ пространства и чиселъ (2) и движенію небесныхъ тѣлъ; представить и объяснить теченіе ихъ заставило его помыслить о чертежахъ и инструментахъ, о сферахъ (3), астралабіяхъ (4), квадрантахъ (5). Для него было радостію учить, сообщать свои ученые свѣдѣнія, а ревность къ преподаванію всегда возбуждастъ охоту учиться: по этому самому тамъ, гдѣ онъ находился, всегда собирались любознательные молодые люди Духовнаго званія (6). Два ученика его стали въ послѣдствіи Королями: Робертъ II,

(1) Guillelm. Malmesburiens. de gestis regum Anglorum, гл. 11, въ Rerum Anglicarum Scriptt. post. Bedam praecipuus, ed. Francofurti 1801, стр. 64. — Mabillon. annal. Bened. III, 530.

(2) Gerberti liber Geometriae artis, въ Poz. anecd. T. III, Ч. II, стр. 1—82.

(3) Ejusd. Abacus sive Algorhythmus, ap. eund. T. I, Ч. I. dissert. стр. 38. — Ejusd. Rhythmomachia, Lipsiae, 1616, in-fol. — Ejusd. epistolae 17, 134 et 161, въ Chesnii Scriptt. hist. Franc. II, стр. 792, 820, 827.

(4) Ejusd. epist. ad Constantinum, monachum Floriacensem, in Mabillonii analeclis cet., editio nova, Paris, 1723, in-fol. стр. 102 и 103. — Ejusd. epist. ad Remigium, monachum Trevericum, ap. Chesnium, l. I. II, 823.

(5) Tritheim. Chron. Hirsang. стр. 42. — (6) Ibid.

(6) Gerberti epist. 92, ad Bernardum, monachum Auriliacensem, ap. Chesn. l. I., стр. 811.

Король Французскій, и Оттонъ III (1), Король Нѣмецкій. Первоначально, онъ вступилъ на поприще преподавателя въ Италіи, въ Аббатствѣ Боббіо. Во время путешествія, предпринятаго Гербертомъ, въ 968 году, въ той странѣ, гдѣ умственныя силы исчезали и возникало владычество Церкви и городскихъ общинъ, узналъ его Оттонъ I; уважая достоинства Герберта, избралъ онъ ему Учебное Заведеніе въ Боббіо. Потомъ, Гербертъ возвратился въ свое отечество и сталъ преподавать въ Реймскомъ Училищѣ; однакожъ дѣла упавшаго и обѣдѣвшаго Аббатства заставили его нѣсколько разъ ѣздить въ Италію. Тамъ принадлежалъ въ числу его учениковъ названный выше сынъ Гуго Капета; знакомство съ Оттономъ II доставило ему случай быть Преподавателемъ сына и наследника Оттона. Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, часто случалось, что Преподаватель какой-нибудь Монастырской Школы, по заслугамъ своимъ, возводился въ санъ Епископа или Аббата. Когда очистилось мѣсто Архіепископа въ Реймсѣ, общественное мнѣніе превозгласило на оное Герберта, и самъ умершій Архіепископъ, еще при жизни своей, называлъ его достойнымъ своимъ преемникомъ. Но ученый мужъ, оказавшій столько услугъ, долженъ былъ уступить свое мѣсто молодому, ничего незнающему челоѣку, Арнульфу, побочному сыну тогдашняго Короля Лотаря. Извѣстно, что въ 986 году. Лотарь умеръ, и вскорѣ послѣ того двадцатилѣтній сынъ его Лудовикъ V скончался также бездѣтенъ. Но Пипино-Каролингскій родъ не прекратился: оставался еще Карлъ, Герцогъ Нижнелотарингскій, братъ Лотаря. Противъ этого законнаго Наслѣдника сильно возсталъ Гуго-Капетъ, Герцогъ Сѣверогальскихъ Франковъ; его предки Одо и Робертъ I уже подали примѣръ подобнаго неопозволительнаго поступка. Гуго Капетъ сдѣлался

(1) Mabillon. annal. Bened. III, 500. IV, 72.

основателемъ древнѣйшаго изъ всѣхъ Королевскихъ Домовъ, и не подтвердилъ собою обыкновенной поговорки, что владычество, приобретенное неправымъ путемъ, бываетъ непродолжительно. Карлъ Лотарингскій не оставилъ своихъ притязаній; разумѣется, племянникъ его Арнульфъ принадлежалъ къ партіи своего дяди. Это самое было причиною нерадѣнія Арнульфа о вѣреннѣйшей ему Архіепископін. Гуго объявилъ государственною измѣною какъ самую приверженность Арнульфа къ своему дядѣ, такъ и то, что городъ Реймсъ передался на сторону Карла. Въ 991 году Гербертъ достигъ сана, еще ранѣе ему предвѣстнаго (1). Но Римскій Папа счелъ себя въ полномъ правѣ вступить въ это дѣло: безъ его созволенія не лзя было отставить Епископа. Какъ ни былъ Гуго высококомѣренъ, однакожъ преклонился передъ силою голоса Рима. Какъ поступилъ Гербертъ при этой перемѣнѣ въ судьбѣ своей? Безъ всякаго сопротивленія оставилъ онъ свой санъ, и для сохраненія порядка въ дѣлахъ Архіепископін, сдѣлался первымъ совѣтникомъ при неспособномъ молодомъ человѣкѣ. По прошествіи года, благодарный ученикъ Герберта, Оттонъ III, назначилъ его въ Архіепископы Равенны, а въ слѣдующемъ году въ Папы—санъ, который онъ носилъ четыре года, подъ именемъ Сильвестра II (2).

Во второй разъ исходило изъ Франціи улучшение учебной части: прежде изъ Тура, а теперь изъ Реймса. Еще въ XII столѣтіи сохранились плоды того, что Гербертъ насадилъ въ Реймсѣ въ X-мъ (3). Между мужами, вышедшими изъ Реймской Школы Герберта, преимущественно слѣдующіе должны быть почитаемы виновниками улучшеній въ Педагогіи: Инго въ St. Germain-en-près, въ

(1) Ibid. IV, 65.

(2) Ibid. стр. 97, 108, 117.

(3) Hist. litt. de la France, T: IX, стр. 34.

Парижѣ (1), Іоганнъ въ Оксерѣ (2); Аббо и Константинъ въ Флері на Луарѣ (3); Фульбертъ въ Шартрѣ (4). Всѣ они вышли въ Епископы и въ Аббаты. Въ особенности Фульбертъ приобрьлъ высокую славу, и былъ Епископомъ въ Шартрѣ. Достойные дѣти его, внуки Герберта, оказали великія услуги Школамъ двухъ большихъ прекрасныхъ городовъ: Энгельбертъ былъ въ Орлеанѣ (5), а Бернардъ въ Анжерѣ (6). Устроеныя ими Учебныя Заведенія были весьма поощряемы даже въ XII и XIII столѣтіяхъ (7). Нѣмцы также не могли оставаться равнодушными къ появленію Герберта. Ротвингъ, Аббатъ Миттеласкій (Mediolasum), въ Триршенѣ, на Заарѣ, въ прежнемъ Спонгеймскомъ Графствѣ, подалъ превосходный примѣръ отправленіемъ въ Реймсъ способныхъ людей для образованія ихъ въ тамошней Школѣ и потомъ для перенесенія на родину всѣхъ улучшеній по части устройства Училищъ и преподаванія. Питардъ и Ремигій, предпринявшіе нужныя улучшенія въ учебной части, оба были, одинъ послѣ другаго, Аббатами Миттеласкаго монастыря (8). Точно такъ же большая часть Духовныхъ, отправленныхъ изъ другихъ Нѣмецкихъ монастырей въ равсадинскъ Миттеласкій, достигла степеней Епископовъ и Аббатовъ (9).

(1) Mabillon. I. I. стр. 217.

(2) Ibid. стр. 72.—Trithelm, I. I. стр. 19.

(3) Mabillon. I. I.—Gerberti epist. 92, apud Chesnium, I. I. стр. 811.

(4) Mabillon. I. I. стр. 179. — Joann. Sarisburiens. Metalogicus, кн. I, гл. 24, Paris, 1610, стр. 29.

(5) Mabillonii annal. Bened. T. IV, стр. 198.

(6) Adelmanii cujusdem poem. in sui temporis (sec. XI) vires illustres. Въ Mabillon. analectis, edit. nova, in-fol. стр. 382.

(7) Histoire litt. de la France, T. IX, стр. 80 и слѣд. — Matthaeus. Paris, ad an. 1236 ed. 1640, стр. 432.

(8) Ibid. T. VI, стр. 876.—Trithelm. Chron. Hirs. стр. 31.

(9) Id. стр. 43.—Id. de viris illustr. стр. 131.

Изъ другихъ монастырскихъ Школъ извѣстѣйшія суть слѣдующія. Во Франціи: въ Нормандскомъ городѣ Лебекѣ (1), въ Парижѣ (2), Сенъ-Дени (3), Лаонѣ (4), Клермонѣ, въ Бовези (5), Сансѣ (6), Дижонѣ (7), Лемансѣ (8), Пуатье (9), Сенъ-Жилѣ (10). Въ Верхней Германіи: въ Тулѣ (11), Метцѣ, гдѣ въ монастырѣ Св. Викентія училъ нѣкоторое время Зигбертъ Гемблурскій (12), Максиминѣ близъ Трира (13), Прюмѣ (14), Нейгаузенѣ, въ Епархіи Вормской: Учебное Заведеніе это основано было Епископомъ Бурхардомъ (996—1025), знавшимъ Греческій языкъ: въ немъ воспитанъ былъ Король Конрадъ II (15). Въ Майнцѣ Альбаповъ монастырь, находившійся близъ города, въ IX и X столѣтіяхъ имѣлъ огромную славу, и обязанъ былъ ею своимъ Преподавателямъ: Руперту, извѣстному знаніями въ Греческомъ языкѣ и музыкѣ, Адальберту, призванному изъ Гиршау, и въ началѣ XI столѣтія Бернгельму (16). Въ

-
- (1) Hist. litt. de la France. VII, 74 и слѣд.
 - (2) Ibid. T. VI, стр. 33, 100, 101; T. VII, стр. 162 и слѣд.; T. IX, стр. 61 и слѣд.
 - (3) Trithem Chron. Hirs. стр. 31.
 - (4) Hist. litt. de la France, T. VII, стр. 89 и слѣд.; T. IX, стр. 35 и 36.
 - (5) Consulis ejusd. Claramontensis epist., apud Chesn. Scriptt. rer. Fran. T. IV, стр. 448.
 - (6) Trithem, l. l. стр. 47.
 - (7) Hist. litt. de la France, T. VII, стр. 33 и слѣд.
 - (8) Ibid. T. VII, стр. 63, 64; T. IX, стр. 48 и слѣд.
 - (9) Ibid. T. IX, стр. 45 и слѣд.
 - (10) Landulphi jun. hist. Mediolan., въ Murat. Scriptt. V, 490.
 - (11) Vita Leonis IX, въ Bollandi actis SS. XIX, Августъ, стр. 649.
 - (12) Siegbert Gembl. de Scriptt. eccles., гл. 171, въ Fabricii bibl. eccles., стр. 114.—Trithem, Chron. Hirs. стр. 112.
 - (13) Id. стр. 31. — (14) Ibid.
 - (15) Zorn Chronik von Worms, стр. 13, 6 (рукопись, хранящаяся въ Библиотецѣ Боннскаго Университета).
 - (16) Trithem Chron. Hirs. стр. 22, 24, 31.—Chron. Sponh. стр. 242.

Нижней Германіи извѣстны были Школы: въ Бамбергѣ (1), Гиршфельдѣ (2), Гильдесгеймѣ, гдѣ учились Короли Оттонъ III и Генрихъ II (3); въ Бременѣ и въ Тейдгелмѣ, еще въ началѣ IX вѣка (4); въ Падерборнѣ, гдѣ много способствовалъ Епископъ Мейнверкъ улучшенію Школы, изъ коей вышелъ Архіепископъ Кельнскій Ганно (5); въ Утрехтѣ, гдѣ преподавали Греческій языкъ, и воспитанъ былъ Браунъ, братъ Оттона I, извѣстный предшественникъ Ганно въ санѣ Кельнскаго Архіепископа (6); въ Гельдернѣ (7), Кельнѣ (8), Стабло (9), Лоббесѣ (10), въ Гемблурѣ близъ Лёвена (11).

Замѣтны одно обстоятельство, важное въ Исторіи образованія. При большихъ Аббатствахъ находилось два рода Учебныхъ Заведеній: одни въ самомъ монастырѣ, для принадлежащихъ къ нему Монаховъ, а другія внѣ монастыря, въ особыхъ зданіяхъ, для иноземныхъ Духовныхъ и для свѣтскихъ людей (12). Однакожъ Учебныя Заведенія

(1) Id. Chron. Hirs. стр. 57.

(2) Id. стр. 31.

(3) Tangmari vita Bernwardi, въ Leibnitz. Bruns. I, 441 и слѣд. — Siegfried Presbyter ad a. 1002, apud Pist. cur. Struv. I, 1034.

(4) Adam. Brom. Hist. eccl. r.r. 57 (alias 6), 132 (15), ed. Lindenbruch, Lugd. Bat. 1595, стр. 44 и 86.

(5) Vita Meinwercl, r.r. 52, въ Leibnitz. Bruns. I, 540.

(6) Ruotgeri vita Brunonis, ibid. стр. 274 и 275.

(7) Guilberti abbatlis epist., въ Mart. et Durand. ampl. coll. I, 939.

(8) Anselmi gesta pontificum Traject. et Leod., cum notis Aegidii, in Chapeauville Scriptt. de gestis pontif. Leod. I, 188.

(9) Trithelm Chron. Hirs., стр. 31.

(10) Folcuinus, in Acheri Spicil. ed. nova, T. II, стр. 736. — Mabillon, Acta Bened. VII, Hist. lit. de la France VI, стр. 30 и слѣд.; VII, 21, 22, 194. — Trithelm de Script. eccl. стр. 201 и 478.

(11) Sieghert Gembl. de Script. eccl., r.r. 171, въ Fabricii bibl. eccl. стр. 114. — Trithelm Chron. Hirs. стр. 411—412.

(12) Ekkehard. jun. de casibus monasterii S. Galli, r.r. 1, въ Goldasti Scriptt. rer. Alam. I, 13. — et Ekkehardi minimi vita Notgeri,

нiя послѣдняго рода не должно смѣшивать съ обыкновенiемъ, господствовавшимъ въ странахъ, гдѣ не было монастырей, по которому къ числу обязанностей Священника принадлежало обученiе дѣтей своей общины Символу Вѣры и Господней молитвѣ, если не по Латыни, то по крайней мѣрѣ на отечественномъ языкѣ (1). Эти Учебныя Заведенiя, внѣ монастырей находившiяся, были зерномъ, изъ коего въ послѣдствii развились Высшiя и Городскiя Школы. Цѣлый рядъ столѣтiй прошелъ прежде, нежели Наука вышла изъ мрака, которымъ старались окружить се. Во второй половинѣ XI вѣка, два знаменитые Ломбардскiе уроженца, Ланфранкъ и Ансельмъ, Преподаватели въ Лебекѣ, въ Нормандiи, возстали противъ прежней методы; Абелардъ и ученикъ его Петръ изъ Новары въ Ломбардiи, послѣдовали имъ. Тогда легко было заблудиться въ степи тонкихъ, мелочныхъ и праздныхъ мудрованiй. вмѣсто монастырскаго является безплодное школьное полужнание. Благодаря Ланфранку и Ансельму, Парижъ сдѣлался центромъ Ученыхъ съ новыми понятiями, и имѣлъ первую Высшую Школу во Францiи. Съ XII и XIII столѣтiй возникаютъ въ этой странѣ различныя другiя подобныя Заведенiя, на основанiяхъ Парижскаго; въ нихъ преподавалось ученiе о Вѣрѣ и о Свободныхъ Искусствахъ. Съ дозволенiя Епископовъ, Преподаватели въ Монастырскихъ Школахъ распространили кругъ своей дѣятельности и стали читать Гражданское и Церковное Права (2)

гл. 7, *ibid.* стр. 230: «*Scholae claustrii, scholae exteriores, id est canonicae.*» — *Hist. monast. Andaginensis* (Andain, или St. Hubert in den Ardenen), in Marten. et Durand. *ampl. coll.* IV, 924: «*Scholasticus interior, exterior.*»

(1) *Concil. Mogunt. d. a. 813, jussu Caroli M. habitum*, гл. 48, въ *Harzheim concil.*, T. I, стр. 412. — *Ratherii, episc. Veronens. (sec. X) Syndica*, in *Acherii Spicileg. ed. nova*, in-fol. T. I, стр. 378.

(2) *Hist. gen. de Languedoc*, II, 517.

и Медицину (1); въ особенности встрѣчаемъ мы это въ Монпелье. Мы увидимъ также, какимъ образомъ возникли тѣ же самыя начала преподаванія въ большей части городовъ Италіи, и какимъ образомъ ученіе о Правѣ достигло такой важности, что считалось основаніемъ всего образованія. Мы не останавливаемся здѣсь на важности Высшихъ Школъ для городовъ, въ которыхъ онѣ находились, ибо предметъ этотъ не входитъ въ наше сочиненіе.

II.

Образованіе для промышленной жизни.

Лотарь первый издалъ постановленіе для Италіи, коимъ старался сохранить все то, что основано было его дѣдомъ. Италіи собственно принадлежитъ первое учрежденіе Городскихъ Школъ: каждая изъ нихъ назначалась для извѣстнаго числа городовъ. Такое учрежденіе доказываетъ, что устройство городовъ въ Италіи было несравненно болѣе развито, нежели въ прочихъ странахъ Франкской Имперіи. Школа въ Фермо назначена была для всего Сполето; во Флоренціи—для Тосканы; въ Кремонѣ—для Пармы, Піаченцы, Модены, Реджіо; въ Павіи—для Милана, Лоди, Комо, Бриксена, Бергамо, Новары, Верчелли, Тортоны, Акви, Асты, Генуи; въ Туринѣ и Иврей—для окружныхъ мѣстъ; въ Виченцѣ для Падуи, Тревизы, Азоло, Фельтре, Ченеды; въ Веронѣ—для Мантуи и Триента; въ Фріуль для окрестныхъ мѣстъ (2). Учебныя Заведенія эти обязаны своимъ происхожденіемъ Епископскимъ или Монастырскимъ Школамъ; точно так-

(1) Urk. Wilhelms VIII, Standesherrn von Montpellier, 1180 года, въ *Altrefeuille Hist. de Montpellier*, II, 342.

(2) Murator. Scriptt. T. I, Ч. II, стр. 152 и 153.

же и въ Германіи, Франціи и Англіи учрежденіе Школъ въ монастырѣхъ было поводомъ возниканія Городскихъ Училищъ. Что касается Англіи, то можетъ быть Оксфордская Школа была основана еще Алфредомъ Великимъ. Достоверно извѣстно, что въ Лондонѣ было заведено въ XIII вѣкѣ три Приходскія Училища: при церквахъ Св. Павла, Св. Мартина и Св. Троицы; этому примѣру скоро послѣдовали и другіе большіе города (1). Черезъ два столѣтія, въ 1447 и 1456 годахъ, къ этимъ тремъ Приходскимъ Училищамъ въ Лондонѣ присоединено было еще девять (2).

Съ XIII вѣка, распространеніе Городскихъ Школъ и учебной части много обязано было Медикантамъ, оказавшимъ дѣйствительно большія услуги. Этотъ Орденъ поддерживалъ свое существованіе приносимыми ему подаваніями, и не владѣлъ никакою собственностію, дабы, подобно другимъ монашескимъ Орденамъ, не погибнуть среди тѣннаго богатства; по этому самому, мѣстопробываніемъ своимъ монахи того Ордена всегда избирали не поля, не деревни, но города. Надъ окрестными мѣстами города, гдѣ находился монастырь, если только они были населены и застроены, не трудно было исходатайствовать тѣ же права, коими пользовались приходы. Монахи основали Школы для своихъ общинъ, подобныя прочимъ внѣшнимъ Монастырскимъ Училищамъ. Одною изъ древнѣйшихъ подобныхъ Школъ является въ Лейпцигѣ, въ концѣ XIII вѣка, Томасовская Школа Августинцевъ. Ея раннее существованіе сдѣлалось извѣстно тѣмъ, что Городской Совѣтъ, черезъ столѣтіе послѣ ея основанія, исходатайствовалъ себѣ Папское позволеніе на учрежденіе Городской Школы для прихода Св. Екатерины, съ правомъ опредѣлять и въ

(1) Maitland, II, 1274; I, 193.

(2) Тамъ же. Noorthouk, стр. 94 и 98.

пужныхъ случаевъ отставлять Учителей, плату конмъ Совѣтъ принималъ на себя (1). Въ Бресчѣн было также основано подобное Заведеніе Домпникапцамн, въ концѣ XIV столѣтія (2).

Преподаватели въ Городскихъ Школахъ были долгое время изъ Духовнаго званія, и многіе изъ нихъ исправляли вмѣстѣ съ тѣмъ еще какую-нибудь церковную должность. Они всѣ находились подъ надзоромъ какой-нибудь высшей Духовной особы въ городѣ, обыкновенно Приходскаго Священника. Предметы преподаванія были тѣ же, что и выше исчисленные; только здѣсь обращали несравненно болѣе вниманія на письмо и Арифметику. Въ то время не лзя было ожидать лучшаго способа преподаванія; при недостаткѣ и дороговизнѣ бумагъ, учебныя книги были рѣдки, и сверхъ того молодые Воспитанники были еще неспособны къ переписыванію. Въ изустномъ чтеніи Преподавателей, въ повтореніи читаннаго учениками, и въ заучиваніи того же самаго наизусть, состояла большая часть преподаванія.

Съ раннимъ развитіемъ въ Италіи всѣхъ городскихъ отношеній, какъ въ вещественной и промышленной, такъ и въ гражданской и церковной жизни, является прежде, нежели въ городахъ другихъ странъ, взаимодѣйствіе между возниканіемъ новыхъ потребностей и средствами къ ихъ удовлетворенію. Очевидна стала необходимость посвящать юношество на всѣ многообразныя призванія, являющіяся въ жизни. Духовенство противилось этому и не хотѣло зпать о раздробленіи преподаванія и под-

(1) Грамота Бонифація IX, 1395 года, въ Schnelders Chron. Lips. стр. 187 и 188.

(2) Malvecl Chron. Brit. ap. Murat., Scriptt. XIV, 921 и 922.

раздѣленіи учебныхъ предметовъ. Съ отдѣленіемъ Наукъ одной отъ другой, область каждой изъ нихъ распространилась и болѣе обрабатывалась: слѣдовательно, было болѣе возможности укрѣпиться въ Наукѣ, усвоить ее себѣ, и тѣмъ самымъ прекратить прежнее соединеніе всѣхъ отраслей знанія въ одномъ лицѣ. Здѣсь начинается новая эпоха для человѣческаго ума: являются свѣтскіе Преподаватели. Основанія Высшихъ Учебныхъ Заведеній въ Италіи были двоякаго рода. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ наприм. въ Равеннѣ, со второй половины X вѣка (1), или въ Пармѣ съ начала XI (2), къ прежнимъ Преподавателямъ Свободныхъ Искусствъ присоединялись, съ дозволенія Высшаго Начальства, Ученые для преподаванія любознательному юношеству Медицины и Гражданскаго и Церковнаго Правъ. Въ другихъ городахъ произошло это на оборотъ: Училище основывалось для преподаванія Права вообще, и къ этому древу прививаемы были въ послѣдствіи вѣтви прочихъ знаній. Такъ случилось въ Болоніи и Моденѣ съ XII столѣтія (3), и въ Падуѣ съ 1222 года (4). Не говоря, какимъ образомъ возникли Училища въ слѣдующихъ городахъ, мы только укажемъ, что они съ XIV вѣка существовали уже въ Верчелли, Павіи, Виченцѣ, Феррарѣ, Луккѣ, Сіенѣ, Пизѣ, Перуджии (5). Вліяніе этихъ Заведеній оказалось бы еще сильнѣе и быстрѣе, если бы преподаваніе въ нихъ было

(1) Tiraboschi Storia della litt. Ital. Firenze, 1806, T. III, Ч. I, стр. 168.

(2) Ibid. Ч. II, стр. 280; T. IV, Ч. I, стр. 73—75.

(3) Id. T. III, Ч. II, стр. 437 и 438.—T. VI, Ч. I, стр. 70—72.—T. I, Ч. IV, стр. 89, 90.—Документъ 1260, въ Murat. antiqq. III, 908 и слѣд.

(4) Addit. ad Rollandinum de factis in Marchia, ap. eund. Scriptt. T. VIII, стр. 371 и 421.

(5) Murat. antiqq. III, 910.—Tiraboschi, l. l. T. V, стр. 83 и 87.

плодотворнѣе и не превратилось въ оставъ уточненныхъ, мелочныхъ понятій.

Остановимся теперь на заслугахъ, оказанныхъ Школами тѣмъ городамъ, въ которыхъ онѣ были основаны. Школы въ Піаченцѣ (1) и въ Феррарѣ (2), возникшія въ XIII вѣкѣ, а въ Тревизѣ (3) и въ Бресціи (4), являющіяся въ XIV, образовали многихъ Воспитанниковъ. Бывшіе въ Миланѣ, уже во второй половинѣ XIII вѣка (5), восемьдесятъ Учителей показываютъ, что въ этомъ многолюдномъ и промышленномъ городѣ всеобщая потребность въ знаніи грамоты не осталась неудовлетворенною. Число Учителей во Флоренціи должно было быть значительно, потому что они составляли одинъ изъ нпзшихъ цеховъ (6). Въ 1338 году во Флорентинскихъ Школахъ для чтенія обучалось отъ 8 до 10,000 дѣтей обоего пола; въ шести Арифметическихъ Школахъ отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ мальчиковъ; а въ четырехъ Училищахъ Логикн и Арифметики около шести сотъ человекъ (7). Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ то въ Миланѣ (8), Феррарѣ (9), Учительское званіе и всѣ посвящавшіе себя Наукамъ, а въ Римини въ теченіе учебнаго времени и учащіеся (10), освобождался отъ

(1) Joann. de Mussis. Chron. Placent. ap. Murat. Scriptt. XVI, стр. 464.

(2) Statutum Ferrariense MSS. d. a. 1264, въ Murat. antiqq. III, 910.

(3) Tiraboschi, l. I. T. IV, Ч. I, стр. 77; T. V, Ч. I, стр. 63 и сл.

(4) Malvechi Chron. Brix. l. I.—Tirab., T. V, стр. 88 и 89.

(5) Annales Mediolan. гл. 89, l. I. стр. 686.—Gualvan de la Flamma, стр. 327.

(6) Statuta Florentiae, I, 123.

(7) G. Villani, XI, 93.

(8) Statuta Mediolan. in Carpani comment. стр. 199.

(9) Statutum Ferrariense.

(10) Statuta civitatis Arimini, in Fantuzzi monum. Ravenn., T. VI, стр. 140.

карауловъ и отъ военной службы, — обстоятельство не мало способствовавшее распространянію охоты къ образованію, и это доказывается неопровержимо тѣмъ, что Преподаватели не были болѣе изъ Духовнаго званія.

Послѣднее обстоятельство, въ соединеніи съ болѣе и болѣе распространявшимся мнѣніемъ о необходимости свѣдѣній о всемъ касающемся гражданской и промышленной жизни, подало поводъ въ Италіи къ тому, что нѣкоторые другіе важныя предметы были излагаемы ученымъ образомъ и вошли въ кругъ преподаванія. Прежде всего распространено было ученіе Ариметики. Вѣроятно, Гербертъ узналъ въ Испаніи цифирные знаки, обыкновенно называемые у насъ Арабскими. Но въ Италіи они распространились только въ началѣ XIII вѣка, и были введены въ купеческое счетоводство Пизанцемъ Леонардомъ Боначчіо, ознакомившимся съ этими цифрами во время своихъ путешествій по торговымъ дѣламъ въ Сѣверной Африкѣ. Написанное имъ объ Арабскихъ цифрахъ сочиненіе называется *Libro abaci* (1). Съ изслѣдованіями объ отношеніяхъ величинъ вступаютъ въ борьбу наблюденія надъ дѣйствіями Природы во всемъ неизмѣримомъ ея пространствѣ. Еще въ половинѣ XIII вѣка Падуа имѣла уже, кромѣ шести Преподавателей для Грамматики и Риторики, и одного для Логики, трехъ для Естественныхъ Наукъ (2). О Сельскомъ Хозяйствѣ написано было, въ началѣ XIV вѣка, большое сочиненіе Петромъ Крешенци, Врачемъ и Естественнымъ Испытателемъ Болонскимъ: онъ имѣлъ возможность въ многолѣтнія путешествія свои сдѣлать много наблюде-

(1) Tiraboschi, T. IV, Ч. I, стр. 170 и 171.

(2) Rolandinus de factis in marchia. Mutat. Scriptt. T. VIII, стр. 360.

пій и собрать большое число практическихъ свѣдѣній (1). Петръ Павелъ Вергерій, одинъ изъ первыхъ педагогическихъ Писателей того времени, въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка, сильно настаивалъ, между прочимъ, на преподаваніе Естественныхъ Наукъ, для истолкованія столь многихъ явленій, казавшихся толпѣ чудесами (2). О точкѣ зрѣнія на Географію и Естественныя Науки въ первой половинѣ XIII вѣка можно судить по двумъ въ то время написаннымъ сочиненіямъ. Довольно пространное обозрѣніе этой области знаній заключалось въ «Императорскихъ Досугахъ», Гervasія Тильбери, Англійскаго Ученаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Италіи Нѣмецкому Королю и Римскому Императору Оттону IV, и получившаго отъ него мѣсто Имперскаго Маршала въ Арелатѣ. Гervasіи посвятилъ свой трудъ Оттону: отъ чего произошло и самое заглавіе сочиненія (3). «Зерцало Природы» Вилкентія, бывшаго въ послѣдствіи Епископомъ въ Бове, заключаетъ въ себѣ собраніе лучшихъ сочиненій того времени по части Естественныхъ Наукъ.

Рано или поздно должна была также и Германія почувствовать необходимость подобнаго преподаванія, которое встрѣчаемъ въ Сѣверозападной ея части, сдѣлавшейся въ послѣдствіи средоточіемъ обширной торговли Нѣмецкой Ганзы, въ Гентѣ, уже съ исхода XII столѣтія (4), и въ Юговосточной, гдѣ Дунайская торговля поддерживала самую живую дѣятельность, въ Вѣнѣ, съ XIII вѣ-

(1) Libri XII de omnibus agriculturæ partibus, et de plantarum animaliumque natura et utilitate. Fabricii Bibl. med. et inf. lat. T. I, стр. 433; T. V, стр. 237.

(2) De ratione studii, deque vita juventutis instituenda. Accessit Petri Pauli Vergerii libellus. Basillae, 1540, 8, стр. 653.

(3) Въ Leihnitz Scriptt. rer. Brun. I, 881 и слѣд.

(4) Dierich, Memoires sur la ville de Gand, I, 108.

ка (1). Духовенство, съ самаго начала устройства Школъ, считало ихъ своею монополіею : поэтому оно обыкновенно возставало , когда городская или приходская община, или какая-нибудь владѣтельная особа по собственной волѣ учреждали Школу и опредѣляли въ Преподаватели людей не изъ Духовнаго званія. Для избѣжанія непріятныхъ препятствій и протестовъ, Городской Совѣтъ обыкновенно обращался къ Епископу Епархіи, или даже къ самому Папѣ, которые, будучи довольны очевиднымъ признаніемъ ихъ правъ, были столь благоразумны, что не отказывали въ позволеніи, измѣство коего они хорошо понимали. Весьма многіе города въ Ганзейской Германіи помышляли о томъ, какъ бы помочь необходимости въ Школахъ для чтенія, письма и счетоводства. Сначала, въ 1262 году, является въ этомъ дѣлѣ главою союза Любекъ; пужно было покориться условію, чтобы Городскія Школы были только приготовительными для Духовныхъ Заведеній, и состояли подъ надзоромъ Преподавателей въ послѣднихъ (2). За Любекомъ послѣдовали Гамбургъ (3), Висмаръ (4), Ростокъ (5), Штеттинъ (6). Въ Штендалѣ Духовенство воспротивилось учрежденію Городской Школы, не смотря на позволеніе, данное Епископомъ Гальберштадскимъ, къ Епархіи коего принадлежалъ городъ, и умѣло убѣдить Епископа отказаться отъ даннаго имъ слова (7). Но горожане избрали другой путь,

(1) Lambacher, Interregnum, стр. 12, 13 и 100.

(2) Lünig, Spicileg. eccles. Ч. II, стр. 313.

(3) Lambac. reg. Hamburg, кн. II, стр. 69, 73 и 74.

(4) Senckenberg, II, 470, 499.

(5) Lünig, Reichsarchiv, Part. spec. contin. T. IV, Ч. II, стр. 688.

(6) Friedeborn, Hist. Beschreibung der Stadt Alten Stettin in Pommern, стр. 63.

(7) Würdtwein, Subsidia diplomatica, V, 177 и 178.

и испросили себѣ позволеніе отъ владѣтельнаго Государя (1). Въ Брауншвейгѣ, Начальство трехъ монастырей Власія, Киріака и Эгидію, которые одни дотолѣ имѣли Школы, осмѣлилось явиться съ протестомъ противъ Папы Іоанна XXIII, когда онъ дозволилъ горожанамъ учредить двѣ Школы въ приходахъ Св. Мартина и Екатерины. Духовенству и въ этотъ разъ удалось убѣдить Папу уничтожить данное имъ позволеніе. Но вскорѣ потомъ, когда Папа былъ низложенъ на Констанцскомъ Соборѣ, городъ возобновилъ свою просьбу у Мартина V, и съ успѣхомъ. Герцогъ Брауншвейгскій также одобрилъ учрежденіе обѣихъ Высшихъ Школъ, въ коихъ должны были преподаваться ученые предметы, и сверхъ того приказалъ завести Низшія Училища для обученія читать и писать по-Нѣмецки (2). Подобные примѣры сопротивленія Духовенства учрежденію Городскихъ Школъ встрѣчаются и въ другихъ городахъ Германіи, на пр. въ Гамбургѣ въ XIII (3) и даже позднѣе въ XVI столѣтіи (4). О содержаніи Преподавателей мы имѣемъ мало свѣдѣній. Въ концѣ XIII столѣтія, въ Мюнхенѣ ежегодная плата въ Школу за мальчика состояла изъ 48 пеннинговъ. Вся сумма должна была быть заплачена сразу, хотя бы воспитанникъ пробылъ въ Школѣ только восемь дней, или хотя бы онъ перешелъ въ другую, и слѣд. долженъ бы былъ платить въ двойнѣ (5). Мейстеръ Якобусъ, въ Аргеймѣ, получалъ въ 1387 году, жало-

(1) Gercken, *Diplomataria veteris marchiae*, I, 103.

(2) Rehtmeyers *Kirchenhistorie der Stadt Braunschweig*, Ч. II, стр. 119 — 228.

(3) Lambec. *rer. Hamb. lib.* II.

(4) Lappenberg, *Program zur dritten Secularfeyer der bürgerseh. Verfassung Hamburgs*, стр. 26, 44.

(5) Suttner, въ *Historische Abhandlungen der Bayerschen Akademie der Wissenschaften*, Ч. II, стр. 480.

ванѣя три фунта и четыре шиллинга, а сорокъ лѣтъ спустя послѣ него, Мейстеръ Іоганнъ Пендеръ выѣлъ уже двадцать четыре гульдена по Аригеймскому курсу (1).

Съ Нѣмецкаго. А. А.

(1) G. van Gassel Bydragen voor d'oude Geldersche Maaltyden. Te Amsterdam, 1808, T. I, стр. 183 и слѣд.; T. IV, стр. 168.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

КНИГЪ, И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Исторія Россійской Церкви. *С. Петербургъ, изъ тип. III Отдѣл. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1838, въ 8 л. л., XI и 370 стр.*

Многотрудная задача предстоитъ Историкъ Россійской Церкви: ему надлежитъ наложить постепенный ходъ и судьбу нашей Церкви съ того самаго времени, когда на берегахъ Днѣпра явились первые слѣды Христіанства; опредѣлить мѣру дѣйствія этого духовнаго общества на общество гражданское, съ которымъ оно всегда шло соразмѣрно и служило ему опорой, сохраняя въ пѣдрахъ своихъ зерно истиннаго просвѣщенія; показать, какъ это благотѣльное общество, для сохраненія чистоты своихъ догматовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно получило ихъ изъ Византии, боролось во всѣ времена, во всѣ вѣки, на всѣхъ копцахъ своей огромной паствы, съ заблужденіями людей непросвѣщенныхъ и

ересами, явившимися въ слѣдствіе невѣжества; изобразить въ истинномъ свѣтѣ характеръ тѣхъ великихъ людей, которые, будучи вождями Церкви, дѣйствуютъ не только на дѣла Церкви, но имѣютъ также сильное вліяніе на современные перевороты въ устройствѣ гражданскаго общества. Отъ того ли, что предметъ слишкомъ обширенъ и многосложенъ, и требуетъ въ Писателѣ знанія двухъ разпорядныхъ Наукъ: Исторіи и Богословія; или по недостатку матеріаловъ, которыхъ, въ наше время, конечно, издано уже много, но много еще и остается такихъ важныхъ актовъ и сочиненій, безъ коихъ Историкъ не можетъ приступить къ своему труду: Мы доселѣ еще не имѣемъ у себя полной систематической Исторіи Церкви. Требовать подобнаго сочиненія, въ наше время, еще рано: ибо полныя систематическія Исторіи являются послѣ монографій, т. е. послѣ того, когда всѣ отдѣльныя части Науки будутъ обработаны, матеріалы, на коихъ онѣ основаны, изданы, объяснены и истолкованы. Такимъ образомъ, когда мы будемъ имѣть въ рукахъ всѣ матеріалы, касающіеся нашей Церкви, изданными и объясненными; когда каждая Митрополія, каждая Епархія будетъ имѣть свою монографію; когда мы будемъ знать Исторію монастырей и церквей нашихъ; когда мы будемъ знать Исторію всѣхъ ересей, всѣхъ нелѣпыхъ толковъ, которыя, по невѣжеству народа, являлись у насъ отъ времени до времени, Исторію обрядовъ, чинослуженія, и т. д.: тогда только Историкъ-Богословъ въ состояніи будетъ приступить къ великому систематическому труду. Доселѣ мы имѣли нѣкоторые прекрасныя приготовительныя сочиненія для Исторіи нашей Церкви: стоитъ только указать на Исторію Россійской Іерархіи и на нѣсколько другихъ книгъ, безъ которыхъ не обойдется будущій Историкъ. Пусть же исследователи идутъ этимъ путемъ; пусть обрабатываютъ они отдѣльныя части Науки, и изъ частныхъ трудовъ

ихъ возникнетъ со временемъ огромный трудъ въ изученіе потомству. Нынѣ всякій опытъ полной систематической Исторіи тщетенъ: ибо не въ страхъ одного человѣка совершить то, что предназначено труду многихъ, и весьма многихъ.

Все, что здѣсь сказано нами, вовсе не касается до «Исторіи Россійской Церкви», написанной однимъ изъ пачеистѣйшихъ нашихъ Писателей: ибо Авторъ, по собственному своему признанію, вовсе не имѣлъ намѣренія писать полной и систематической Исторіи: это только, по выраженію его, быстрый очеркъ великихъ событій, ознаменовавшихъ начало и постепенное развитіе этой цвѣтущей отрасли Церкви Вселенской. Оградивъ себя такимъ образомъ отъ требованій Критики, Авторъ остался вѣренъ своей плѣи и достигъ той цѣли, которую предполагалъ себѣ достигнуть. Книга его, какъ и прежніе труды, будетъ имѣть обширный кругъ читателей. Весьма многія страницы ея напомнятъ даже краснорѣчивое перо безсмертнаго Исторіографа нашего. Мы имѣемъ весьма мало сочиненій современныхъ, писанныхъ съ такимъ одушевленіемъ, которое невольно увлекаетъ читателя и часто заставляетъ забывать его, что онъ читаетъ твореніе Историка. Въ Историкѣ, нерѣдко, слишкомъ проглядываетъ Повѣсть, и отъ величія самаго предмета, и отъ направленія Автора. Во всякой другой Исторіи это было бы недостаткомъ; но въ книгѣ, нами разбираемой, это большое достоинство: ибо Авторъ, при изданіи ея, имѣлъ въ виду не Ученыхъ, кои довольствуются сухимъ, критическимъ изложеніемъ предмета, но читателей всякаго образованія, всякаго состоянія, для которыхъ великія событія Православной Церкви должны быть изображены тѣмъ пламеннымъ одушевленнымъ словомъ, коимъ такъ мастерски владѣетъ Авторъ, и въ чемъ многіе могутъ ему позавидовать.

Авторъ начинается Исторію съ глубокой древности, и во мракѣ ея указываетъ читателю на нѣкоторыя свѣтлыя точки, оставшіяся первыми слѣдами возникавшаго Христіанства въ Южной Россіи. Крещеніе Св. Владиміра и его народа и появленіе первыхъ обитателей на Руси описаны по лѣтописямъ нашимъ и извѣстіямъ, сохранившимся въ Житіяхъ Святыхъ. Показавъ, какимъ образомъ утвердился новая Вѣра у предковъ нашихъ, Авторъ занимается описаніемъ Митрополіи въ Кіевѣ, переходомъ ея во Владиміръ, и наконецъ въ Москву, гдѣ утвердилась она на нѣсколько вѣковъ, являясь возвеличенною знаменитыми мужами, кои находились въ различныхъ времена во главѣ ея. Здѣсь Авторъ представляетъ намъ цѣлый рядъ краткихъ біографій Святителей Московскихъ: съ Свитаго Петра и до Іова, возведеннаго въ санъ Патріарха. Имена Св. Петра, Феофоста, Свитаго Алексія, Кириіана, Фотія, Исидора, Св. Іоны, Феофосія, Филиппа I-го, Геронтія, Симона, Варлаама, Даниіла, Іоасафа, Макарія, Афанасія, Св. Филиппа II-го, Кирилла III-го, Антонія, Діонисія, такъ тѣсно связаны съ важнѣйшими событіями нашей Исторіи, что жизнь ихъ, кромѣ интереса, который она имѣетъ для каждаго Христіанина, указываетъ также на степень участія, принятаго Церковью нашею въ устройствѣ гражданскаго общества въ теченіе многихъ столѣтій, въ сохраненіи просвѣщенія среди народа, начавшаго только свое гражданское поприще, и наконецъ въ развитіи письменности, долгое время остававшейся почти исключительно въ рукахъ Духовенства. Мы не будемъ останавливаться на этой части труда Автора, желая подробнѣе познакомить нашихъ читателей съ взглядомъ Историка на учрежденіе Патріаршества въ Россіи, на исправленіе книгъ Церковныхъ, на дѣло Патріарха Никона и наконецъ на учрежденіе Св. Синода. По нашему мнѣнію, это замѣчательнѣйшія мѣста «Исторіи Россійской Церкви».

Важѣйшее событіе въ Исторіи XVI вѣка нашей Церкви есть безспорно учрежденіе Патріаршества, и Историкъ имѣлъ полное право посвятить ему нѣсколько страницъ: «Протекло уже нѣсколько лѣтъ» — говорить онъ — «и Митрополиты Всероссійскіе, поставляемые Соборомъ своихъ Епископовъ, не были утверждаемы Патріархами Константинопольскими, хотя продолжали числиться въ ихъ духовной области. Первоначальное ихъ на то согласіе и бѣдственныхъ обстоятельства Востока могли отчасти извинить сію неточность въ подчиненности іерархической, столь необходимой для единства Католической Церкви; но продолженіе подобнаго состоянія могло бы сдѣлаться опаснымъ. Отдаленность и самая обширность Россійской Церкви невольно устранили непосредственную зависимость ея отъ бѣдствующаго Престола Константинопольскаго; но съ другой стороны, ей не льзя было сдѣлаться самобытною безъ общаго согласія четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ, чтобы не впасть въ пагубный разрывъ единства.

«Господь же Иисусъ Христосъ, промышляющій о той, которую стяжалъ своею драгоцѣнною кровію, самъ все устроилъ ко благу, такими средствами, которыя по наружности кажутся иногда только счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, въ сущности же суть таинственные пути Провидѣнія. Въ короткое время два Патріарха, Антиохійскій и Константинопольскій, пришли за милостіею въ наше Отечество, а пачебный Царь Феодоръ, улаждавшій душу благолѣпіемъ обрядовъ Церковныхъ, пожелалъ возвеличить саномъ Патріаршимъ Митрополитовъ Всероссійскихъ, и сію произвольное стремленіе его сердца едва ли не было единственнымъ самобытнымъ дѣйствиємъ всего его правленія, въ которомъ не участвовало честолюбіе Бориса. Учрежденіе соборное пятаго Патріарха, на мѣсто отпаднаго Римскаго, представлялось столь великимъ событіемъ въ мірѣ Церковномъ, какъ явствуетъ изъ са-

мыхъ выраженій современныхъ актовъ, что оно никакъ не могло входить въ расчеты политическіе людей и вѣка, жившихъ болѣе жизнію Церковною, нежели гражданскою. Самая постепенность въ ходѣ сего дѣла показывается, съ какою робостію къ нему приступали, и, что всего замѣчательнѣе, Церковь Россійская узнала о томъ уже послѣ согласія Царя съ Патріархомъ Цареградскимъ.

«Въ 1586 году, еще при Митрополитѣ Діонисіи, когда приходилъ въ Москву Патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, встрѣча ихъ въ Успенскомъ соборѣ подала первую мысль о учрежденіи Патріаршества: ибо часто отъ малыхъ началъ происходятъ великія послѣдствія. Митрополитъ Діонисій не хотѣлъ уступить первенства Патріарху Іоакиму, и благословилъ его прежде, нежели самъ принялъ отъ него благословеніе, что тогда же слогка заимѣтилъ ему Патріархъ. Вскорѣ послѣ, благочестивый Государь, возложилъ своей Боярской Думѣ о древнемъ и новомъ постановленіи Митрополитовъ нашихъ, разсуждалъ, что приличнѣе бы было учинить въ Россіи Патріарха, и повелѣлъ Боярина Годунова совѣтоваться о томъ съ Антіохійскимъ Святителемъ; но Іоакимъ отозвался, что дѣло сіе подлежитъ суду цѣлаго Собора, и обѣщалъ только совѣщаться съ Константинопольскимъ и прочими Патріархами.

«Два года спустя, уже при Митрополитѣ Іовѣ, постигъ Россію самъ Патріархъ Цареградскій Іеремія, знаменитый своею ученостію и страданіями ради Церкви; онъ даже былъ заточенъ Султаномъ Муратомъ въ Родосъ, за твердую защиту правъ ея. Лишенный древняго Патріаршаго храма, Іеремія пришелъ просить вспоможенія у Царя Феодора, будучи предваренъ Антіохійскимъ о его желаніи, и принятъ былъ съ честію, подобающе Вселенскому Архипастырю, отъ коего зависѣла и Московская Церковь. Обрадованный Государь предложилъ Святителю навсегда остаться въ Россіи, во избѣ-

жаніе бѣдствій Востока, и утвердить Престолъ Патріаршій въ начальномъ городѣ Владимірѣ: ибо Θεодоръ, при всемъ желаніи имѣть въ Россіи Патріарха, еще колебался, чтобы съ одной стороны не нарушить правъ Константинопольскаго Престола независимостію Россійской Церкви, съ другой же чуждался видѣть близъ себя Первосвященителемъ иноземца, не знавшаго ни обычаевъ папскихъ, ни языка для совѣщаній; но хотѣлъ также оскорбить и Митрополита Іова; поддерживаемаго Годуновымъ, — и вотъ единственное участіе личныхъ видовъ Боярина въ столь важномъ дѣлѣ церковномъ.

«Опытный старецъ Іеремія, посѣдившій посредъ трудныхъ обстоятельствъ Востока, и ревностный къ поддержанію собственнаго Престола, не могъ согласиться на предложеніе Царское: онъ ясно видѣлъ, что отдаленное жителство во Владимірѣ сдѣлаетъ его равно бесполезнымъ обитателемъ Церквамъ, Константинопольской и Московской, и просилъ отъпуска въ Царьградъ; наконецъ, послѣ новыхъ настояній со стороны Государя, рѣшился поставить избраннаго имъ Митрополита Іова въ Патріархи Всероссійскіе. Торжественный Соборъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ былъ созванъ въ столицѣ; самъ Царь предложилъ имъ совѣщаться между собою о учрежденіи Патріаршества Московскаго, и Соборъ положился во всемъ на волю Государя, будучи твердо увѣренъ въ его благочестивомъ рвеніи ко благу Церкви. Приступили въ Успенскомъ храмѣ къ избранію трехъ духовныхъ особъ, съ предоставленіемъ окончательнаго выбора Царю; Патріархъ Іеремія пригласилъ пиена ихъ въ палаты, и на имени Іова остановился Θεодоръ.

«Но когда однажды уже испрошено было законное согласіе отъ Престола Цареградскаго на самобытное существованіе Церкви Россійской, Государь сталъ наблюдать, чтобы ни въ чемъ не нарушались права братскаго равенства между обоими Первосвященителями, и чтобы съ первой

минуты, полною независимостію отъ Царяграда пользовался Іовъ Московскій. Такимъ образомъ при нареченіи ему велѣно цѣловаться братски въ уста съ Іереміею, и не оставлять своего посоха, если самъ онъ не оставитъ пастырскаго жезла; измѣненъ былъ и чинъ нареченія, предложенный Вселенскимъ Владыкою. Іовъ, со свѣчею въ рукахъ, не произносилъ ему благодарственной рѣчи посреди собора, по древнему чину Константинопольскому; оба только привѣтствовали взаимно другъ друга, на амвонѣ, и разошлись съ равною честію въ разные ворота; торжество посвященія совершилъ Іеремія соборно, повторивъ опять надъ избраннымъ весь чинъ рукоположенія Епископскаго, ибо сугубая благодать нужна была высшему Пастырю Церкви: потомъ оба Патріарха сѣли рядомъ на возвышенномъ амвонѣ, и Государь вручилъ драгоцѣнный посохъ Іову, вмѣстѣ съ богатою мантиею и бѣлымъ клобукомъ, украшеннымъ каменьями. Царская трапеза ожидала въ палатахъ Первосвятителей, и самъ Конюшій Болринъ Годуновъ водилъ коня подъ новымъ Патріархомъ Московскимъ, когда по обычаю поѣхалъ онъ благословлять весь городъ вокругъ стѣнъ; великолѣпные взаимные дары Царя и Патріарха заключили торжество.

«Черезъ нѣсколько дней, Іовъ поставилъ въ присутствіи Святѣйшаго Іереміи, двухъ бывшихъ Архіепископовъ, Новгородскаго Александра и Ростовскаго Варлаама, въ Митрополиты тѣхъ же Епархій, а потомъ и еще двухъ, Епископа Геласія Крутицкаго, какъ Намѣстника области Патріаршей, и Архимандрита Казанскаго монастыря, знаменитаго Гермогена, Митрополитомъ въ Казань. Два первыхъ были въ числѣ кандидатовъ на Патріаршество, при избраніи Іова, и послѣ того каждый изъ нихъ опять былъ представленъ, съ двумя Архимандритами для выбора Царскаго на свою Митрополию. Царь Феодоръ Іоанновичъ предварительно условился со Святѣйшимъ Іереміею, чтобы Патріархи Московскіе ставились Соборомъ

своихъ Епископовъ, съ извѣщеніемъ только Цареградскаго Престола, которое долженствовало быть взаимно, при перемѣнѣ каждаго изъ Вселенскихъ Патріарховъ. А для соборнаго избранія, положено было тогда же умножить въ Россійской Церкви число Митрополій до четырехъ и возвысить шесть Епископствъ въ Архіепископіи: Вологодскую, Суздальскую, Нижегородскую, Смоленскую, Рязанскую и Тверскую, и прибавить къ бывшимъ Епископствамъ Коломенскому и Бринскому еще пять во Искровѣ, Ржевѣ-Володиміровомъ, на Устюгѣ, Ыльвоверѣ и въ Дмитровѣ.

«Государь, для большей прочности, велѣлъ изложить на пергаментѣ все сіе новое учрежденіе Митрополій, Архіепископствъ и Епископствъ, равно и пришествіе Іереміа, посвященіе имъ Іова и данное согласіе на поставленіе впредъ Патріарховъ Всероссійскихъ Соборовъ своихъ Архіереевъ. Опъ скрѣпилъ грамоту Царскою своею печатью и двумя Патріаршими и печатями всѣхъ Архіереевъ нашихъ и Греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали большая часть Архимандритовъ и Игуменовъ Русскихъ, съ Архимандритами Цареградскими, отъ Святыхъ горъ Синая и Афона и Св. Гроба, пришедшихъ съ Патріархомъ. При пастушеской весны отлученъ былъ Іеремія, съ великими дарами и честію, обѣщавъ вскорѣ прислать утвердительную грамоту отъ Вселенскаго Собора.

«Между тѣмъ, перемѣна вѣдшихъ отношеній Первосвященителя Московскаго къ Цареградскому, изъ подписаннаго въ равнаго ему Патріарха, не измѣнила внутреннихъ его отношеній къ своей Церкви: возвысился одинъ только титулъ; но Митрополитъ, сдѣлавшись Патріархомъ, не приобрѣлъ новыхъ правъ надъ своими Епископами; сохранился неприкосновеннымъ Церковный судъ его надъ подчиненнымъ Духовенствомъ и волостями, ему принадлежавшими, исключалъ тѣхъ Обителей, коимъ была предоставлена своя расправа писудимыми грамотами В.

Князей; сохранились и обычныя поимяны за вершеніе дѣлъ судебныхъ, до него восходившихъ, о бракахъ, наслѣдствахъ, завѣщаніяхъ, святотатствахъ и другихъ, и узаконенная подать, которую взымали Митрополиты съ каждаго прихода своей Церковной области, уставныя деньги при рукоположеніи Діаконовъ, Священниковъ и дары при поставленіи Епископовъ. Но пзмѣнился и самый Дворъ древнихъ Митрополитовъ, состоявшій изъ своихъ Бояръ, Дворянъ и Дьяковъ, Дѣтей Боярскихъ и людей Приказныхъ, наподобіе Великокняжескаго. Въ отношеніи же Самодержца, Патріархъ остался въ томъ священномъ положеніи, въ какое ископи поставила Вселенская Церковь своихъ Іерарховъ предъ лицомъ Константина, Θεодосія, Іустиніана и другихъ величайшихъ Императоровъ Римскихъ: какъ духовный отецъ и богомолецъ Царскій, Іовъ приглашаемъ былъ въ его совѣты, не вступалъ въ нихъ произвольно, и съ благословеніемъ его вершались дѣла, предлагаемыя ему на усмотрѣніе Государемъ, который довѣрялъ его опытности въ трудныя годовныя царства.»

Такъ налагасть Авторъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ возникло у насъ Патріаршество. Черезъ годъ послѣ этого важнаго событія приписана была въ Москву, къ Царю и Патріарху, Соборная утвердительная грамота Вселенскихъ Святителей, которые давали новому Патріарху пятую степенъ въ чиноначаліи Вселенской Церкви. Съ этой эпохи является рядъ Всероссійскихъ Патріарховъ, которые почти всѣ болѣе или менѣе принимали участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, и болѣе или менѣе дѣлали исправленій въ дѣлахъ Церковныхъ. Жалѣемъ, что не можемъ остановиться на жизнеописаніяхъ Гермогена и Филарета, желая послѣдовать за рассказомъ Автора о Патріархѣ Никонѣ, одномъ тѣхъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ нашей Исторіи XII вѣка.

Для большей ясности всего дѣла Никона, необходимо бросить взглядъ на жизнь Патріарха до возведенія его въ этотъ санъ. Вотъ какъ рассказываетъ нашъ Авторъ о первыхъ временахъ Никона: «Необычайное въ глѣтоніяхъ Русскихъ лице Никона, по временамъ свѣтлое и мрачное, великое и слабое, то благодѣтельное Церкви и Царству, то вредное обоему, — является при самомъ началѣ царствованія кроткаго Алексія, какъ нѣкая судьба, свыше ему данная и неразлучная съ нимъ до конца дней его, подъ вліяніемъ коей произошло все славное и все горькое его долготѣней Державы, и которая не преславала тревожить духъ его даже и тогда, какъ самъ виновникъ сей тревоги томился въ заточеніи.

«Рожденный въ предѣлахъ Нижегородскихъ, отъ родителей поселянъ, Никонъ изучилъ Священное Писаніе и тайно оставилъ домъ свой, чтобы пачать искусъ иноческій въ Обители Желтоводской. Убѣжденный отцемъ, онъ возвратился для сочетанія бракомъ, былъ посвященъ въ Приходскіе Священники и перешелъ въ Москву; по первоначальное влеченіе къ пустынной жизни не оставляло въ покоѣ души его, связанной узами міра. Лишившись всѣхъ дѣтей, онъ пришелъ сіе за горнее воззваніе, и послѣ десятилѣтняго супружества убѣдилъ жену идти въ монастырь; самъ же пошелъ искать строжайшаго житія иноческаго во глубинѣ Сѣвера на льдахъ Соловецкихъ. Но и отдаленная Лавра Савватія и Зосимы не казалась ему довольно пустынною; онъ нашелъ себѣ болѣе дикое уединеніе на сосѣднемъ островѣ Анзерскомъ, въ скиту пресудобнаго Елеазара, гдѣ провелъ многіе годы въ постѣ и молитвѣ, изурля плоть свою непрестанными подвигами; дважды однакоже вынужденъ былъ оставлять любимый пріютъ, чтобы опять убѣдить супругу къ рѣшительному постриженію, и въ другой разъ, вмѣстѣ съ Преподобнымъ Елеазаромъ, за сборомъ милостыни въ Москвѣ. Милостыня сія, вопреки совѣтамъ Никона, долго не упо-

требляемая на украшеніе Лавры, послужила между ими причиною смуты, и въ третій разъ съ горестію оставилъ отшельникъ Анзерскій скитъ. На утлой ладѣ ввѣрился онъ бурному морю, и едва спасся отъ бури на берегу пустынного Кія острова, гдѣ подружилъ крестъ въ знаменіе будущей Обители. Попутный вѣтеръ принесъ его къ устью рѣки Онѣги; оттолѣ пришелъ онъ въ Обитель Кожеезерскую, и тамъ опять уединяся, по уставу Анзерскому, на близълежащемъ острову, возбудилъ удивленіе братіи строгою жизнію. По смерти Настоятеля, общимъ ихъ моленіемъ, убѣжденъ былъ Никонъ идти въ Новгородъ, къ Митрополиту Афеонію, просить благословенія на степень Игумена; чрезъ три года общежитія пустыннаго, Никонъ долженъ былъ ради нуждъ Церковныхъ, посѣтить Москву, и тамъ впервые увидѣлъ его юный Царь. Пораженный величественною осанкою и мужественнымъ краспорѣчіемъ Игумена, наслышанный о его святой жизни, благочестивый Государь не рѣшился отпустить отъ себя такого мужа, и далъ ему монастырь Новоспасскій, мѣсто погребенія своихъ предковъ.

«Здѣсь начало мірскаго величія Никона, но не конецъ его строгой лической жизни, въ которой пребывалъ твердъ до послѣдняго часа; здѣсь начало и тѣхъ сильныхъ искушеній духа, подъ бременемъ коихъ изнемогъ наконецъ превозмощенный и превознесшійся. Необычайная милость Царская отличала между всѣми поваго Архимандрита. Въ его сладкой бесѣдѣ находилъ утѣшеніе духовное Алексій Михайловичъ, и съ тѣхъ поръ привыкъ руководствоваться его мудрыми совѣтами; онъ встрѣтилъ въ немъ ревность къ Церкви, не уступающую собственной, и высшій взглядъ на предметы не только духовные, но и гражданскіе, что простекало у Никона единственно отъ его гениальнаго ума и смѣлаго открытаго характера. Въ теченіе трехъ лѣтъ, всякую пятницу являлся Архимандритъ въ придворную церковь, для бесѣды съ Царемъ,

послѣ Божественной службы; на пути принималъ онъ челобитныя отъ народа, и Царь, не выходя изъ церкви, давалъ на ихъ милостивыя рѣшенія; такимъ образомъ Никонъ отчасти уже начиналъ входить въ управленіе гражданское. Когда же слабость добродѣтельнаго Аѳонія, Митрополита Новгородскаго, принудила его удалиться въ монастырь Хутыинскій, Государь избралъ ему въ преемники Никона, и Патріархъ Іерусалимскій Паисій, приходившій за милостиною въ Москву, посвятилъ его, по желанію Царскому, въ Митрополиты Великому Новгороду. Такъ по страшному стеченію обстоятельствъ, одинъ изъ Патріарховъ Восточныхъ посвящалъ Никона, которому суждено было лишиться сана также черезъ Патріарховъ Восточныхъ: возвышенію и уничтоженію его совершался съ равнымъ блескомъ.

«Но Алексій Михайловичъ, отпустивъ Никона въ Новгородъ, болѣлъ душою о разлукѣ съ человѣкомъ пріятнымъ, необходимымъ ему и по влеченію сердца и по дѣламъ государственнымъ. Всякую зиму призывалъ онъ Митрополита въ Москву, для совѣщаній, и по случаю сихъ частыхъ поѣздокъ, спросилъ себя Никонъ у Государя живописное озеро Валдайское, на перешитѣ, для основанія Обители Иверской, на лѣвостомъ острову. Исполненный впечатлѣніями пустыни, посреди которой провелъ лучшіе свои годы, онъ хотѣлъ, чтобы новая Обитель напоминала ему гору Аѳонскую, образецъ житія иноческаго, и устроилъ ее по подобію одного Русскаго монастыря Святой горы.

«Необычайная власть предоставлена была отъ Государя Митрополиту въ Епархію: не только его исключительному суду подлежали всѣ дѣла духовныя, но и вѣщія, какія могли касаться до лицъ монашествующихъ, Священнослужителей и волостей церковныхъ. Никонъ имѣлъ даже право входить въ темницы и по личному своему усмотрѣнію разрѣшать узниковъ, если

находилъ ихъ правыми. Довѣренность Царская совершенно оправдалась во время голода, опустошившаго Новгородъ, когда Митрополитъ, устроивъ четыре богадѣльни, ежедневно кормилъ на дворѣ своемъ убогіи народъ; оправдалась и еще болѣе посреди страшнаго мнѣжа, вспыхнувшаго въ Новгородѣ и во Псковѣ. Здѣсь въ полномъ блескѣ явились пастырскія добродѣтели Никона: ибо когда во Псковѣ разъяренная чернь умертвила Воеводу своихъ и съ трудомъ могла быть усмирена оружіемъ, въ Новгородѣ напротивъ пострадалъ одинъ только Святитель. Онъ укрылъ въ своихъ палатахъ Воеводу Князя Хилкова, и вышелъ къ бунтующему народу: удары посылались на отважнаго, и замертво былъ онъ оставленъ на площади. Едва дышавшій поднялся однакоже, съ помощію своихъ; при изнеможеніи тѣлесномъ пашелъ въ себя довольно силы душевной, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ служить литургію въ той части города, гдѣ свирѣпствовала бунтъ; не убоился и еще однажды предстать даже въ самую избу, гдѣ собиравлись мятежники. Великодушіе Пастыря на сей разъ поразило самыхъ буйныхъ, хотя не переставали они дѣйствовать противъ Правительства, и, заградивъ пути къ столицѣ, пересылались со Шведами, чтобы отдать имъ Новгородъ. И тутъ успѣлъ Никонъ предупредить Государя, для принятія нужныхъ мѣръ предосторожности; самъ же, предавъ соборной анаемѣ змѣйниковъ, спокойно выжидалъ бурю. Буря утихла, разсѣянная его непоколебимою твердостью, и онъ имѣлъ удовольствіе видѣть раскаяніе народа, прибывшаго къ нему за разрѣшеніемъ духовнымъ и за милостію Царскою, потому что Митрополиту предоставленъ былъ судъ надъ виновными.

«Таковы были гражданскіе подвиги Никона въ своей Епархіи; пастырское же его раченіе о благонравіи клира и паствы, и благолѣпнѣ обрядовъ Церковныхъ, доходило до чрезвычайной ревности. Одаренный краснорѣчивымъ

словомъ, Никонъ непрестанно поучалъ въ церкви, и на его пламенную проповѣдь, исполненную Божественнаго писанія, стекались подалека; онъ замѣнилъ живымъ словомъ чтеніе набранныхъ поученій, уставленныхъ на каждый день, обратилъ вниманіе на утварь и облаченія Церковныя, въ которыхъ любилъ чистоту и великолѣніе, чтобы сдѣлать ихъ достойными высокаго назначенія; устроилъ и самый порядокъ Богослуженія: ибо по вкрапшемуся злу, Священнослужители для скорости читали въ одно время на обоихъ клиросахъ, въ два и три голоса, каензмы и капоны за всенощною, и даже на литургіи сктеній и возгласы сливались съ пѣніемъ клира. Строго запретилъ Митрополитъ подобное безчиніе во всѣхъ церквахъ своей Епархіи, которое указами Царскими прекращено было и въ прочихъ, по совѣту Никона; онъ учредилъ также вмѣсто неблагозвучнаго пѣнія другое, болѣе сладкое, примѣнялся къ древнимъ пѣнѣямъ Кіевскимъ и Греческимъ. Утѣшенный симъ пѣніемъ, Государь завелъ оное и въ своей придворной церкви, откогда начало распространяться и въ другихъ церквахъ и Обителяхъ.»

Такое строгое соблюденіе правилъ Церковныхъ и тѣсная дружественная связь съ Царемъ, были причиною перасположенія и одоброжелательства къ Никону какъ со стороны самаго Духовенства, такъ и со стороны Болръ. Первостепенные Болре, родственники Царскіе, Морозовы, Милославскіе, Стрѣшневъ, Князь Трубецкій, Долгорукій, Одоевскій, Ромодановскій, всѣ были противъ Никона, не исключая и самой Царшцы, втайнѣ ему неблагопріятствовавшей. Въ Духовенствѣ на Никона смотрѣли какъ на нововодителя. Исправленіе книгъ Церковныхъ было первымъ и постояннымъ предметомъ заботъ Патріарха. Необходимость этого дѣла была слишкомъ очевидна. Оно предпринято было еще при Грозномъ, во время Стоглавнаго Собора, но, оставленное, возобновлено было при

Феодоръ печатаніемъ книгъ Церковныхъ, хотя весьма несовершеннымъ, и опять прервалось смутами Самозванцевъ. При Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и Патріархѣ Филаретѣ постепенно исправлялись Уставы и Требники; но окончательный трудъ требовалъ людей болѣе образованныхъ и благомыслящихъ, нежели каковы были Священники и Діаконы, занимавшіеся печатаніемъ книгъ при Іосифѣ. Нуженъ былъ твердый умъ и желѣзный характеръ Никона для совершенія дѣла, противъ котораго возставало пѣнѣжество. Патріархъ убѣдилъ Царя созвать Соборъ для рѣшительнаго совѣщанія о исправленіи книгъ. Соборъ нашелъ это необходимымъ, и рѣшеніе его скоро было утверждено Патріархомъ Константинопольскимъ Павсіемъ, также созывавшимъ Греческихъ Святителей. Тогда уже рѣшительно приступлено было къ необходимому исправленію по древнимъ образцамъ Греческимъ и Славянскимъ, и первымъ плодомъ трудовъ этихъ было напечатаніе въ Москвѣ Служебника, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ. Когда стали отбирать старопечатныя издавія, желая замѣнить ихъ вновь исправленными, тогда возникъ ропотъ народный, и неблагонамѣренные люди воспользовались имъ, распространяя самыя вредныя и ложныя мнѣнія о новыхъ книгахъ. Личные враги Никона, уставники Патріарха Іосифа, наказанные за неправильное изданіе Кормчей, Попы Аввакумъ, Лаваръ, Никита, Стефанъ, Діаконы Григорій и Феодоръ Нероповы, были самыми дѣятельными распространителями подобныхъ мнѣній и сдѣлались сѣятелями расколовъ.

При такомъ нерасположеніи Духовенства и Бояръ, легко было воспользоваться врагамъ Никона продолжительнымъ отсутствіемъ Царя и охладить его сколько можно къ своему любимцу. «Протекло около года» — говоритъ Авторъ — «навѣты и неудовольствія расли; Государь, удерживаемый Болрами, выдавался рѣдко съ Патріархомъ и пересталъ даже выходить въ соборъ на его служеніе,

а Царедворцы нагло надъ нимъ ругались, и одинъ изъ нихъ, Стрѣшневъ, осмѣлялся даже называть именемъ его свою собаку. Только искреннее объясненіе Патріарха съ Царемъ могло бы погасить разгоравшееся и раздуваемое пламя; но когда однажды посетится взаимное недоразумѣніе между людьми, любившими другъ друга, то самая память прежней любви отравляетъ раны ихъ сердца, потому что перемена отношеній взаимныхъ уже оскорбительна каждому.

«Накопецъ представился случай къ совершенному разрыву. Грузинскій Царь Теймуразъ, обуреваемый междоусобіями своей земли и побѣгами Персовъ и Турокъ, пришелъ лично искать покровительства у могущественнаго Царя Россійскаго, и съ великимъ торжествомъ прінялъ его Алексій Михайловичъ. Патріархъ оставилъ также свое уединеніе, чтобы участвовать въ свѣтломъ пріемѣ; во время встрѣчи Теймураза, Окольничій Царскій Хитровъ, очищая ему путь, ударилъ Боярина Патріаршаго и съ грубостію повторилъ ударъ. Раздраженный Никонъ требовалъ удовлетворенія, но пропскамъ Бояръ не получилъ его; онъ надѣялся объясниться лично съ Государемъ въ храмѣ, на Праздникѣ Ризы Господней; но, противъ обыкновенія Царь былъ удержанъ отъ выхода, и Князь Ромодановскій, пришедшій въ соборъ, чтобы объявить о томъ Патріарху, сталъ упрекать его въ надменности за титул Великаго Государя.

«Тогда Никонъ потерялъ терпѣніе и предался гнѣву; окончивъ литургію всенародно объявилъ онъ, что ради его недостойнства приключаются всѣ войны, моры и неуройства въ Государствѣ, и поставивъ къ иконѣ Владимірской посохъ Петра Чудотворца, громко произнесъ, что отнынѣ онъ уже не Патріархъ Московскій; снявъ съ себя одежды Святительскія, не смотря на моленія клира и народа, надѣлъ простую мантию иноческую, и написавъ въ ризницѣ письмо къ Царю, объ отшествіи своемъ съ

Престола Патріаршаго, сѣлъ на ступеняхъ амвона ожидать отвѣта. Смятенный Государь послалъ увѣщевать его, чрезъ Боярина Князя Трубецкаго; но увѣщеватель былъ также изъ числа враговъ. Народъ плакалъ и держалъ двери соборныя; Никонъ остался непреклоннымъ, не хотѣлъ болѣе взойти въ келіи Патріаршія, и рѣшій пошелъ изъ Кремля на подворье Иверское; оттогъ же, не дождавшись дозволенія Царскаго, уѣхалъ въ Обители Воскресенскую и отказался сѣсть въ посланную за нимъ карету. Князь Трубецкой пріѣзжалъ опять, уже въ Воскресенскъ, спрашивать его, именемъ Государя, о причинѣ отшествія. Никонъ отвѣтствовалъ, что ради спасенія душевнаго, ищетъ безмолвія, отрекался отъ Патріаршества, просилъ себѣ только трехъ монастырей, Воскресенскаго, Иверскаго и Крестнаго, благословилъ Митрополиту Крутицкому Питириму управлять дѣлами Церковными, и паконецъ, въ трогательномъ письмѣ, смиренно просилъ Царя о Христіанскомъ прощеніи за скорый отъѣздъ свой.»

Первый шагъ къ разрыву былъ сдѣланъ; многія другія обстоятельства усилили его. Тайный архивъ Патріарха былъ раскрытъ; Никонъ жаловался въ письмѣ Царю и не получалъ удовольствія. Митрополитъ Питиримъ, вошедшій совершенно въ права Патріаршія, дѣйствовалъ самоуправно. Все это раздражало Никона, и онъ рѣшился уйти далѣе отъ столицы на Бѣлое море, въ Крестный монастырь, гдѣ провелъ болѣе года въ трудахъ пустынныхъ. Когда же Царь созвалъ Соборъ, чтобы разсудить о дѣйствіяхъ Патріарха, Никонъ опять возвратился въ Воскресенскъ, чтобы ближе наблюдать за дѣйствіями Собора. Неосторожный поступокъ Боярина Никиты Зюзна, который, въ числѣ столькихъ Царедворцевъ, одинъ доброжелательствовалъ Никону, рѣшилъ и ускори́лъ судьбу Патріарха. Вотъ какъ рассказываетъ это нашъ Авторъ:

«Болѣзнулъ о пагубныхъ послѣдствіяхъ долголѣтней распри и слыша непрестанно отъ людей, приближенныхъ къ Царю, какъ больно его любящему сердцу такое ожесточеніе Патріарха, и какъ желалъ бы онъ его возвращенія, для совѣта о дѣлахъ Польскихъ и ради взаимнаго ихъ обѣта пріѣзди, неосторожный Бояринъ рѣшился дѣйствовать по однимъ слухамъ; онъ написалъ къ Никопу, чтобы внезапно пріѣхалъ въ Москву, на праздникъ Петра Чудотворца, къ утрени въ соборъ Успенскій, и послалъ бы звать Государя на молитву, по обычаю; какъ будто бы не было межъ ними никакихъ огорченій, и такимъ образомъ минувшее предано будетъ забвенію. Два подобныхъ письма получилъ Святитель и усомнился; но ласковый пріемъ, сдѣланный Архимандриту Воскресенскому, посланному отъ него въ Саввинъ монастырь къ Государю, поколебалъ Никона; наконецъ, собственное его сонное видѣніе въ пустынномъ скитѣ, гдѣ мечталось ему, что сонмъ преждепочиншихъ Святителей, вставая изъ гробовъ въ храмъ Успенія, по зову Чудотворца Іоны, даетъ руки на вторичное его возведеніе, рѣшили Патріарха.

«Тайно ночью вѣхалъ онъ въ городъ, съ братією Воскресенской Обители, на праздникъ Петра Митрополита, торжественно вступилъ въ храмъ Успенія и, приложась къ Святымъ мощамъ и иконамъ, сталъ на Патріаршее мѣсто, съ оставленнымъ имъ пѣкогда посохомъ Чудотворца. Добрый старецъ Митрополитъ Іона Ростовскій, со времени удаленія Пиприпы въ Новгородъ бывший Мѣстоблюстителемъ, испуганный внезапнымъ появленіемъ Патріарха, подошелъ къ нему подъ благословеніе, со всѣми соборянами; онъ посланъ былъ во дворецъ, съ вѣстію о приходѣ Никона, который возвратился, будто бы, послѣ долгаго странствованія по своей Церковной области, и приглашалъ въ храмъ Государя для благословенія и молитвы.

«Не менѣ Митрополита Іоны смутился Государь, за нѣсколько шаговъ отъ собора, слушавшій утреннюю въ теремной церкви, и въ недоумѣніи послалъ за ближними Боярами и Духовными властями. Минута была рѣшительна, ибо отъ нея зависѣло или собственное ихъ паденіе, или конечное низверженіе Никона; они убѣждали Государя не принимать Патріарха, а только взять отъ него грамоту, въ коей описывалъ свое видѣніе, и Князья Одоевскій и Долгорукій, съ Митрополитомъ Павломъ, пришли въ соборъ объявить ему волю Царскую, чтобы ѣхалъ обратно въ монастырь Воскресенскій, въ ожиданіи суда Вселенскихъ Патріарховъ.

«Въ свою чреду смутился Никонъ, полагавшій, что печальнымъ своимъ приходомъ исполнялъ тайное желаніе Государя; Патріархъ едва могъ вѣрить слышанному и подозрѣвалъ коварство враговъ. Онъ вышелъ изъ собора, но взялъ съ собою посохъ Чудотворца въ доказательство того, что не съ клятвеннымъ отреченіемъ оставилъ нѣкогда Престоль свой. Донесли о томъ Государю, который, въ слѣдъ за нимъ, послалъ въ село Чернево, отобрать у него посохъ и спросить о причинѣ пришествія. Никонъ не хотѣлъ вручить жезла Митрополиту Крутицкому Павлу и Чудовскому Архимандриту Іоакиму, какъ людямъ ему непріязненнымъ, но отослалъ его чрезъ собственного Архимандрита, прямо къ Царю, вмѣстѣ съ призывными письмами Боярина Зюзина, который былъ за то сосланъ въ Казань.»

Послѣ всего этого, не было никакой болѣе надежды на примиреніе; оставалось только ожидать суда, который положилъ бы конецъ осмыслѣннымъ смутамъ, волновавшимъ Церковь нашу. Въ Кремлевскихъ Палатахъ составилъ такой блистательный Соборъ, какого не видано было дотолѣ: кромѣ двухъ Вселенскихъ Патріарховъ и въ послѣдствіи еще третьяго, Московскаго, присутствовали четыре Русскихъ Митрополита и шесть

Греческихъ, шесть Архіепископовъ, пять Епископовъ, Архимандритовъ же, Игуменовъ и Протоіереевъ, было болѣе пятидесяти, не считая иноковъ и прочихъ духовныхъ. Начался судъ. Авторъ описываетъ его такъ:

«На такой Соборъ торжественно позванъ былъ Никонъ, изъ Обители Воскресенской, и пошелъ какъ бы на смерть, папутьствовалъ себя Святыми Дарамъ и елеосвщеніемъ, потому что уже пречувствовалъ горькую участь. Въ селѣ Черневѣ услышалъ онъ третій зовъ, и остановился въ Китаѣ-городѣ на подворьѣ, окруженномъ стражею. Не иначе однакоже, какъ по чину Патріаршему, т. е. съ предшествующимъ крестомъ, явился онъ на Соборъ въ Палаты Царскія, и не видя себѣ приуготовленнаго мѣста на равнѣ съ Восточными Патріархами, не сѣлъ, а стоя слушалъ обвиненія изъ устъ самаго Государя о смутахъ, какія произвелъ въ Церкви своевольнымъ удаленіемъ и своенравными поступками въ теченіе осьми лѣтъ. Слезы текли изъ очей кроткаго Царя, при горькомъ обвиненіи чловѣка, нѣкогда столь близкаго его сердцу, и прослезился Соборъ. Еще укорялъ онъ Никона за жалобную грамоту, имъ писанную къ Патріарху Константинопольскому, и свидѣтельствовалъ предъ всѣми, что никакой личной вражды не питалъ противъ Святителя.

«Никонъ отвѣтствовалъ, что удалился, бѣгал Царскаго гнѣва, и водворился въ пустыни, не выходя однакоже изъ своей Епархіи, которую не оставлялъ съ клятвою, какъ на него клеветуютъ, но только ради удаленія отъ смутъ Болгарскихъ; грамоту же къ Патріарху Вселенскому писалъ тайно, какъ братъ къ брату, и не чаялъ, что ко вреду и соблазну се обнаружатъ. Тогда возстали на него злые обвинители, Павелъ, Митрополитъ Крутицкій, Иларіонъ Рязанскій, Меѳодій Мстиславскій, укоряя въ клятвенномъ оставленіи Престола и самовольномъ низверженіи Павла Коломенскаго, и суровомъ обращеніи съ

лицами духовными; самъ Никонъ предался гнѣву въ сильныхъ противъ нихъ возраженіяхъ.

«День спустя вторично позвавъ онъ былъ на Соборъ, и слышалъ, кромѣ прежнихъ обвиненій, еще цовья: будто называлъ Церковь Россійскую латинствующею, за председательство Папсія Лигарпда, бѣжавшаго изъ Греціи въ Италію, и говорившаго всегда на языкѣ Латинскомъ, а книгу Номоканонъ, печатанную на Западѣ, по сей причинѣ не признавалъ Православною. Оба Патріарха, во свидѣтельство чистоты ея правилъ, цѣловали книгу предъ всѣмъ Соборомъ. Тогда Царь Алексій Михайловичъ, обратясь къ своимъ боярамъ и видя ихъ безмолвными, требовалъ новыхъ уликъ на Патріарха; но одинъ только Князь Долгорукій выступилъ изъ среды ихъ съ обвиненіями, потому что каждый изъ нихъ имѣлъ противъ Никона только личности, которыя боялся обнаружить; Патріархъ же, пользуясь молчаніемъ прочихъ, съ презрѣніемъ сказалъ: «что камнями побить его могутъ, но не словами, если и еще девять лѣтъ собирать ихъ будутъ.» Между тѣмъ продолжалось чтеніе грамоты Никоновой къ Патріарху Діонисію, и допросы за ея жестокія выраженія. Любящее сердце Царя не вынесло однакоже горестнаго предъ нимъ столпца бывшаго друга, иногда возражавшаго, иногда безотвѣтнаго; тихо сошелъ онъ съ своего Престола и приблизясь къ Никону, взялъ его за руку и сказалъ: «о, Святѣйшій, за чѣмъ положишь ты на меня такое пятно, готовясь къ Собору, какъ бы на смерть? или думаешь забыть я всѣ твои заслуги, имѣ лично и моему семейству оказанныя, во время извы, и прежнюю нашу любовь?»

«Онъ укрѣпалъ его и за грамоту къ Патріарху Діонисію, объявляя желаніе мира; столь же тихо отвѣчалъ ему Патріархъ, излагая всѣ на него крамолы, извинялся тайною грамоты, неосторожно обличенною, и, не смотря на мирныя увѣренія Царскія; чувствуя, что минувшее уже

невозвратно, тогда же предрекъ свое горькое осужденіе. Это было первое ихъ свиданіе и первая искренняя бесѣда, послѣ осмыслѣтней разлуки: взаимнымъ участіемъ, на краткій часъ, согрѣлись опять сердца обонхъ; это было также ихъ послѣднее свиданіе въ сей временной жизни.

«Протекла недѣля въ совѣщаніяхъ Соборныхъ; дѣлали выписки изъ Номоканона, сообразныя различнымъ вѣпамъ Никона; исчисляли также примѣры изъ Византійской Церкви о Патріархахъ, оставившихъ по собственной волѣ Престолъ безъ возврата, о другихъ, потомъ возвратившихся, и наконецъ о тѣхъ, на мѣста коихъ избраны были новыя. Одинъ только голосъ Епископа Лазаря раздавался въ пользу Никона, которому хотѣлъ онъ сохранить санъ Святительскій, лишивъ мѣста Патріаршаго. Патріархи же Восточные написали грамоты къ Вселенскому и Іерусалимскому, извѣняясь, что принуждены были, не встрѣтивъ въ столицѣ Московской ни ихъ самихъ, ни Мѣстоблюстителей ихъ, приступить къ суду Никона. Наконецъ, въ третій разъ, позвавъ онъ на Соборъ уже не въ Палаты Царскія, ибо не имѣлъ духа присутствовать добродушный Алексій Михайловичъ на его осужденіи, но въ малую церковь надъ вратами Чудовской Обители. Ему прочли обвиненія: что смущалъ Царство Русское, вмѣшивался въ дѣла, не принадлежа Патріаршему достоинству и власти; что оставилъ съ клятвою и самовольно Престолъ свой, за оскорбленіе только своего слуги; что удалясь отъ Патріаршества, распоряжался властно въ трехъ своихъ монастыряхъ, и давалъ имъ чудныя названія: Іерусалима, Внѣссема, Голгофы, и тому подобныя; что похитилъ разбойнически, и буде можно похитилъ бы третію часть Царства и пренятствовалъ избранію новаго Патріарха, предавая многихъ анафемѣ, отъ удаленія же умножились соблазны и расколы; что Павла, Епископа Коломенскаго,

низвергъ самовольно и былъ жестокъ къ Духовенству; жаловался на Царя Патріархамъ Восточнымъ, а Церковь называлъ латинствующею и опорочивалъ правила Соборныя и самихъ Патріарховъ своею гордостію. Въ слѣдъ за винами прочли ему приговоръ о сверженіи сана, съ сохраненіемъ только иночества, для вѣчнаго покаянія.

«Тогда Патріархи, изъ коихъ одинъ Антиохійскій видѣлъ нѣкогда полное величіе Никона и пользовался его щедротами, приступивъ въ мантияхъ, вѣлѣли ему снять клобукъ съ жемчужными херувимами; но Никонъ отрекся сложить съ себя сіе знаменіе иночества, и спрашивалъ ихъ: «за чѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой церкви, а не въ томъ соборѣ Успенія, гдѣ нѣкогда умоляли его взойти на Патріаршескій Престолъ, цѣль несправедливо и въ тайнѣ его низлагають?» Когда же сняли съ него клобукъ, оставивъ мантию Архіерейскую и посохъ, страха ради народнаго, онъ опять укорилъ Патріарховъ въ ихъ лицепріятіи и странничествѣ, даруя имъ и жемчугъ клобука своего на пропитаніе. Изъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ только Симонъ Вологодскій и Лазарь Черныговскій не хотѣли присутствовать при семъ горькомъ дѣйствіи. Никонъ отвесивъ былъ подъ стражею на Земскій дворъ, осѣщаемый ругательствами Приставовъ, напаче Архимандрита Сергія; но онъ все перепосылъ съ тою же чрезвычайною твердостію, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ его жизни доходила въ немъ до упорства. Всѣ приверженныя къ нему были разсѣяны.

«На другой день добродушный Государь, милосердуя о Никонѣ, послалъ ему на дальній путь денегъ и собольихъ мѣховъ; но ничего не хотѣлъ принять Никонъ, и въ бѣдной одеждѣ, подъ строгимъ надзоромъ, отправленъ на Бѣлоозеро въ монастырь Отрапонтонъ, гдѣ устроены были келліи для его заточенія. Іосифъ, Архимандритъ Печерскій, сопровождавшій его отъ Кляз-

мы, далъ ему теплую одежду чтобы укрыть отъ стужи; по прибытіи же въ монастырь отобрали у него мантию и посохъ Архіерейскіе, и въ первые мѣсяцы заключеніе его было весьма тяжело.»

Такъ совершился судъ надъ Никономъ. Читатели найдутъ въ разбираемой нами книгѣ краснорѣчивое описаніе послѣдняго времени жизни и смерти бывшаго Патріарха. Мы позволимъ обратиться теперь къ великому учрежденію Великаго Петра — къ Святѣйшему Синоду.

«Наступило время устроить дѣла Церковныя, долго бывшія въ нерѣшительномъ состояніи, отъ воинскихъ и гражданскихъ смутеній. Петръ, побѣдитель всѣхъ своихъ враговъ, украшенный титуломъ Императора и Отца Отечества, по собственному выраженію не суетный на совѣсти возмѣлялъ страхъ, да не явится неблагодарнымъ Вышнему, если получивъ отъ Него столько успѣха въ исправленіи чина воинскаго и гражданскаго, пренебрежетъ исправленіемъ чина духовнаго. Не лзя было долго медлить; добродѣтельный Блюститель Патріаршаго Престола, Митрополитъ Стефанъ, вполне достойный довѣренности Царской и своего высшаго званія, который 20 лѣтъ держалъ кормило Церковное, чувствовалъ уже приближеніе старости и не въ силахъ былъ слѣдовать повсюду за дѣятельнымъ Петромъ. Особенно тяжело было для него пребываніе въ новой столицѣ, еще не представлявшей никакихъ удобствъ жизни, и наконецъ для управленія Церковію. Еще въ 1718 году жаловался онъ писменно Государю, что пребываетъ многіе мѣсяцы въ наемномъ домѣ, далеко отъ церкви, еще дальше отъ Соборнаго Правительства, которое ему вѣрно, и отъ области Патріаршей, съ двумя Епархіями Рязанскою и Тамбовскою, лично ему подчиненными; что въ такомъ же неустройствѣ обрѣтаются Митрополія Кіевская, Новгородская, Ростовская и Смоленская, по смерти своихъ Пастырей, а другіе Епископы, уручаемые годами,

просятся на покой; всѣ же приближаютъ къ нему за совѣтомъ, какъ къ Влѣстителю Патріаршаго Престола; а самъ онъ, далеко отъ первопрестольной столицы, не имѣя при себѣ Совѣта, не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и не знаетъ, кого избирать на столько открывшихся каеодръ.

«Государь отвѣтствовалъ, что одно Соборное Правительство могло бы быть достаточно для нуждъ Церковныхъ и еще болѣе утвердился въ сей коренной своей мысли, которую въ теченіе долгаго царствованія постепенно приводилъ въ исполненіе, учрежденіемъ Сената и двѣнадцати Коллегій. Онъ видѣлъ на опытѣ, какую великую пользу принесло Государству сосредоточеніе гражданскаго управленія въ Сенатѣ, и началъ рѣшительнѣе помышлять о учрежденіи постоянного Помѣстнаго Собора, болѣе безпристрастнаго и важнаго въ своихъ опредѣленіяхъ, нежели одно лице Патріаршее.»

«Составленіе Регламента Духовнаго, для руководства сему Правительственному Собору, возложено было на Архіепископа Псковскаго Ософана, который изложилъ подобно, въ трехъ отдѣльных частяхъ Регламента, составъ и видъ такого правленія, дѣла ему подлежація, должность, дѣйствія и силу самихъ Правителей, по образцу древнихъ Соборовъ и по Правиламъ Св. Отецъ. Выстъ съ обязанности Епископовъ, въ отношеніи сего высшаго Правительства, монашествующихъ и мірскихъ лицъ своихъ Епархій, обсуждены были въ Регламентѣ и средства къ исправленію нравственному наставы, къ назадаціи ея въ догматахъ Вѣры, къ искорененію расколовъ, и къ обученію готовящихся на мѣста священническія въ Семинаріяхъ, которыя долженствовали учреждаться при каждомъ Архіерейскомъ домѣ, и въ предполагаемой Академіи Духовной.

Дѣло столь важное внимательно было разсуждаемо на Соборѣ, созванномъ въ новую столицу, въ началѣ 1721

года, и весь Регламентъ читанъ въ присутствіи Блюстителя Патріаршаго Престола, Стефана; Сильвестра, Митрополита Смоленскаго, Пахомія, Митрополита Воронежскаго, Епископовъ: Осифа Псковскаго, Питирима Нижегородскаго, Варлаама Тверскаго, Аарона Корельскаго, Архимандрита Иевскоіи Лавры Осодосіа, пяти другихъ Архимандритовъ, и семи важнѣйшихъ сановниковъ Государства, и засвидѣтельствовавъ руками всѣхъ, за скрѣпною Царскою рукою; потомъ же еще подписанъ всѣми Архіереями и первостепенными Архимандритами и Игуменами Россійской Церкви.

«Тогда торжественно открытъ былъ, при Высочайшемъ присутствіи Императора Петра, сей постоянный Соборъ Духовный, долженствовавшій навсегда управлять Церковію Россійскою, подъ именемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ возношеніемъ сего титула на всѣхъ ектеніяхъ, гдѣ поминались Патріархи. Его вѣдомству подчинены были всѣ Архіерейскія и монастырскія вѣчины, пришедшія въ разстройство отъ управленія Приказа Монастырскаго. Избраніе Епископовъ, судъ надъ лицами духовными, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, производившихся въ разныхъ Приказахъ, дѣла о ересьхъ и расколахъ, брачныя и разводныя, бывшія прежде въ Приказѣ Патріаршемъ, а потомъ въ вѣдѣніи Мѣстоблюстителя, Митрополита Стефана, отнесены были сужденію Синодальному; а самъ смиренный Стефанъ, послѣ столь долгаго имъ управленія Церкви Соборной, почтенъ былъ званіемъ Предсѣдателя Святѣйшаго Синода, съ голосомъ равнымъ прочимъ Членамъ, и еще два года подвизался на этомъ поприщѣ до блаженной своей кончины. Назначены были и два Вицезидента: Осодосій, недавно посвященный въ Архіепископы Новгородскаго, и Осифъ Псковскій; прочіе же Члены, участвовавшіе въ сужденіяхъ Синодальныхъ, были: Леопидъ, Архіепископъ Крутицкій, Архимандритъ Лавры Сергіевской Гавріилъ, Архиман-

дриты трехъ Ставропигіальныхъ Московскихъ монастырей, Чудова, Новоспасскаго и Симонова: знаменитый Оеофилактъ Лопатинскій, Іерофей и Петръ; Игуменъ Аѳанасій Толгскій изъ Ярославля, и Варлаамъ Угрьшскій изъ-подъ Москвы, одинъ Іеромонахъ Оеофанъ и два Протопресвитера Петербургскихъ новыхъ соборовъ, Іоаннъ—Тропцкаго, и Петръ—Верховныхъ Апостоловъ. Таковъ былъ начальный составъ Святѣйшаго Синода.

«Обнародовано было сіе Соборное Правительство по всей Россіи; но еще требовалось, для вѣчной твердости онаго, признаніе прочихъ Восточныхъ Церквей, дабы ненарушимо было единство Каѳолической Церкви. Императоръ Петръ нѣсколько разъ въ теченіе своего царствованія обращавшійся къ Престолу Константинопольскому, то о дозволеніи браковъ съ иноувѣрными, и неперекрещеваніи Лютеранъ и Кальвиновъ, переходившихъ въ Православіе, надъ конми надлежало совершать одно только таинство мѣропомазанія, то о разрѣшеніи поста воинамъ на брани, самъ написалъ грамоту къ Патріарху Іереміи. Извѣщая о нуждахъ Церкви Російской, побудившихъ его принять о ней попеченіе, по образу древнихъ благочестивыхъ Царей, и уставить съ властію равнопатріаршескою Духовный Синодъ для ея управленія, Петръ уповалъ, что и онъ, какъ первый Архіерей Восточной Каѳолической Церкви, признастъ за благо сіе учрежденіе, извѣститъ о томъ прочихъ Блаженнѣйшихъ Патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, и будетъ имѣть общеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ, какъ съ прежними Всероссійскими Патріархами.»

Авторъ замѣчаетъ, что имя Патріарха, къ которому обращался Петръ при учрежденіи Синода, было Іеремія, точно такъ же, какъ Іеремію звали Первосвятителя Константинопольскаго, съ коимъ сносился Царь Оеодоръ при установленіи въ Россіи Патріаршества. Странно повторились и нѣкоторыя другія обстоятельства,

продолжаетъ Авторъ : въ семь случаевъ , какъ и тогда , всѣхъ болѣе содѣйствовалъ Государю и Царсградскому Владыкѣ Антиохійскій Патріархъ , а Александрійскій скончался во время совѣщаній.—Въ 1723 году Патріархи написали грамоту Святѣйшему Синоду о признаніи его всею Вселенскою Церковію , по примѣру Константинопольскаго Престола , отъ коего въ древности зависѣла Митрополія Всероссійская.

Указатель къ Актамъ Археографической Экспедиціи. *Изданіе Археографической Комиссіи. С. Петербургъ, 1838, въ тип. Эдуарда Праца и К°, въ 4 д. л., 128 стр.*

Занимающимся историческими изслѣдованіями извѣстно , какъ много облегчаются труды ихъ алфавитными указателями , исправно составленными , къ многотомнымъ изданіямъ . Избавляя изслѣдователя отъ скуки и потери времени , употребляемаго на то , чтобы найти нѣсколько свѣдѣній о какомъ-нибудь незначительномъ предметѣ , разсѣянныхъ въ десяткахъ томовъ , указатели эти представляютъ ему перечень главнѣйшихъ пунктовъ , на которые онъ долженъ обратить вниманіе при изслѣдованіяхъ своихъ . Само собою разумѣется , что Ученый не станетъ писать о чемъ бы то ни было по однимъ свѣдѣніямъ , найденнымъ имъ въ указателяхъ ; но выгода его состоитъ въ томъ , что , приступая къ дѣлу , онъ можетъ однимъ разомъ обозрѣть главнѣйшее , касающееся до его предмета , а иногда можетъ найти такія извѣстія , которыя , по маловажности своей , остаются незамѣченными въ многотомномъ сочиненіи , но въ спеціальномъ трудѣ служатъ къ подкрѣпленію доказываемаго Авторомъ мнѣнія . Польза

и даже необходимость подобнаго пособія становятся весьма ощутительными, когда имѣемъ дѣло съ двадцатитомною «Древнею Россійскою Библиотечкою», или съ «Дѣяніями Петра Великаго», изданными въ тридцати томахъ (1).

Многіе полагаютъ, что составленіе алфавитныхъ указателей есть трудъ часто механическій. Такое понятіе показываетъ только, что люди, рассуждающіе подобнымъ образомъ, никогда не занимались сами тѣмъ, о чемъ они толкуютъ. Напротивъ, безъ основательнаго знанія Исторіи, безъ ученыхъ соображеній и часто безъ изслѣдованій, требующихъ большихъ свѣдѣній и справокъ, нѣтъ никакой возможности составить хорошіи указатели, то есть такой, на который можно бы было положиться. Ко всему этому должно присоединить еще одно условіе *sine qua non*: занимающійся составленіемъ указателя долженъ обладать чрезвычайнымъ терпѣніемъ: ибо нѣтъ работы болѣе утомительной, болѣе кропотливой и вмѣстѣ съ тѣмъ требующей удивительнаго вниманія и точности, съ которою не всякій можетъ свыкнуться.

При составленіи указателя лицъ, требуется весьма основательныхъ знаній, дабы не перемѣнять Удѣльныхъ Князей, духовныхъ особъ, Бояръ, Дьякомъ, пономѣнныхъ одно и то же имя, или наоборотъ, чтобы изъ одного лица не сдѣлать двухъ, трехъ, смотря по тому, какъ они перемѣняли свои званія. Какъ часто, одно и то же лице сначала является Игуменомъ, потомъ Архимандритомъ, далѣе Епископомъ; или сначала простымъ Дьякомъ, а въ послѣдствіи Думнымъ; или изъ простаго Боярина переименовывался въ Восполы, въ Стольники: безъ соображеній, безъ изслѣдованій, безъ историческихъ знаній,

(1) Упомянемъ кстати и объ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Недостатокъ, который давно былъ слишкомъ ощутителенъ при чтеніи этого важнаго творенія, уже устраненъ для насъ прекраснымъ Указателемъ П. М. Стросва. Ред.

при одномъ механическомъ выписываніи собственныхъ именъ, пѣтъ ничего легче изъ одного и того же лица сдѣлать три, четыре, и ввести будущаго изслѣдователя въ величайшее заблужденіе. Кто знаетъ запутанность генеалогіи нашихъ Удѣльныхъ Князей, и именныя смѣшеніе въ родахъ Болрескихъ, тотъ легко пойметъ, какихъ трудовъ стоитъ составителю алфавитнаго указателя преодолѣть всѣ эти препятствія и избѣгнуть самыхъ грубыхъ ошибокъ.

Указатель географическій требуетъ не менѣе соображеній. У насъ есть множество одинаковыхъ географическихъ названій, которыя относятся къ десяти, пятнадцати различнымъ урочищамъ. Какія нужны соображенія для того, чтобы отнести упоминаемое въ актѣ названіе къ тому именно урочищу, которому оно дѣйствительно принадлежитъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ и Государственныхъ актахъ упоминается болѣе двадцати *городищъ*: городище надъ Новымъгородомъ, Андроніевское въ Москвѣ, Баранчеево, Вадитово, Дѣвичье, Ермаково, Жадено, Каганово, Кіевецъ, Кобылье, Липецкое, Любутское, Опаково, Погорѣлое, Рушь, Сокауское, Сорринское, на Синичьихъ горахъ, Старое подъ Астраханью и подъ Казанью, Сунжипское, и т. д. Есть ли возможность при одномъ механизмѣ опредѣлить какое именно изъ этихъ урочищъ разумѣется подъ словомъ Городище, упоминаемомъ въ актѣ? Требуются опять справки, изслѣдованія, соображенія въ предметѣ столь необработанномъ, какъ наша древняя Географія! Тѣ же затрудненія встрѣчаются и при одноименныхъ монастыряхъ, которыя неопытному очень легко перепутать.

Указатель предметовъ, кромѣ всѣхъ этихъ условій, требуетъ еще умѣнья выбрать изъ нѣсколькихъ сотъ разнородныхъ актовъ, или изъ разнообразнаго содержанія многотомнаго сочиненія, все то, что относится къ какому-нибудь замѣчательному предмету. Тутъ напередъ должно

составить себѣ строгій, систематическій планъ того, на что необходимо обращать вниманіе, и указать для облегченія труда будущему изомѣлователю. Изъ хорошо составленнаго подобнаго указателя можно видѣть весь ходъ какого-нибудь Государственнаго учрежденія, измѣненія, которыя происходили въ какомъ-либо сословіи, права, коими пользовались какія-либо общества, или частныя лица, обязанности занимавшихъ различныя должности по управленію Государственному, и т. д.

Говорить ли послѣ того, какое важное пособіе составляютъ алфавитные указатели для занимающихся историческими изслѣдованіями, и какихъ трудовъ, какихъ свѣдѣній, какихъ соображеній требуетъ составленіе подобныхъ пособій? Необходимость ихъ сдѣлалась столь очевидною, что нынѣ въ Германіи выходитъ рѣдкая историческая книга безъ алфавитнаго указателя. Замѣчанія по этому предмету, въ предпріятіяхъ важныхъ, поручаются извѣстнымъ Ученымъ, которые выставляютъ свои имена на заглавіи. Для примѣра укажемъ на *Monumenta Germaniae antiqua*, при коихъ приложены превосходно составленные индексъ. Надъ указателемъ къ послѣднему четвертому тому, вышедшему въ прошедшемъ году, трудился Докторъ Философіи Г. Вайтцъ (Waitz).

Изданіе въ свѣтъ Указателя къ Актамъ, собраннымъ Археографическою Экспедиціею, и изданнымъ за два года предъ симъ, должно облегчить тѣхъ, которымъ необходимо пользоваться четырьмя томами собранія актовъ, коихъ около полуторы тысячи. Комиссія раздѣлила составленный ею Указатель на три отдѣла: въ первомъ находятся имена лицъ, во второмъ названія географическія, въ третьемъ исчисляются достопримѣчательнѣйшіе предметы, упоминаемые въ четырехъ томахъ Актовъ Археографической Экспедиціи. Подобнаго рода труды могутъ быть оцѣнены только при частомъ употре-

бленія ихъ, ибо провѣрить указатель, т. е. убѣдиться, положъ ли онъ и точно ли составленъ, значить то же, что начать снова весь трудъ. Мы скажемъ здѣсь только, что Указатель изданъ въ томъ же самомъ форматѣ, въ какомъ и самые Акты — въ три столбца, четкимъ, красивымъ шрифтомъ, и раздается безденежно подписавшимся на Акты Археографической Экспедиціи.

АКТЫ ЮРИДИЧЕСКІЕ, ИЛИ СОБРАНІЕ ФОРМЪ СТАРИННАГО ДѢЛОПРОИЗВОДСТВА. *Изданы Археографической Коммиссіею. С. Петербургъ, 1838 г., въ тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелляріи, въ 4 д. л., XV, 465, 23, 8 стр.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Исторія Законодательства нашего несравненно счастливѣе Исторіи Политической: она давно уже имѣетъ исправныя изданія главнѣйшихъ своихъ памятниковъ, между тѣмъ какъ Политической Исторіи Древней Руси недостаетъ почти самаго главнаго пособия — полнаго собранія лѣтописей, безъ котораго невозможно ей дѣлать большихъ успѣховъ. Занимающійся древнимъ Законодательствомъ можетъ слѣдить ходъ и успѣхи его по памятникамъ печатнымъ, начиная съ древнѣйшаго — Русской Правды — и кончая Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Грамоты уставныя, губныя, судныя, жалованныя, Русская Правда, Судебникъ, Уложеніе: все это доступно каждому занимающемуся, въ изданіяхъ исправныхъ, полныхъ, слѣданныхъ людьми, на которыхъ можно положиться. Не то бываетъ съ Историкомъ, приступающимъ

къ своему дѣлу обладая богатымъ собраніемъ Государственныхъ актовъ, онъ лишень почти всякаго пособія со стороны лѣтописей и литературныхъ произведеній, разсѣянныхъ по сотнямъ библіотекъ обширной Имперіи, и не для всякаго доступныхъ. Изъ напечатаннаго же, онъ можетъ пользоваться много двумя, тремя изданіями: все остальное, будучи искажено, сокращено, дополнено по фантазіи издателей, какъ будто для него не существуетъ. Однакожь, не смотря на это превосходство, Правовѣдцы писали по своей части несравненно менѣе, нежели Историки. Если исключить труды Эверса и Рейца, что останется въ Литературѣ Исторіи древняго Законодательства нашего? Нѣсколько отрывочныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ журналахъ, нѣсколько брошюръ, изданныхъ отдѣльно, но ничего полнаго, ничего систематическаго. Можно ли упрекать нашихъ Ученыхъ Правовѣдцевъ въ томъ, что они доселѣ не ознакомили насъ съ полною систематическою Исторіею нашего Права? Нисколько. Они не приступали къ этому великому труду, зная, что съ успѣхомъ совершить его можно тогда только, когда изданные памятники Законодательства будутъ объяснены и истолкованы критически, и когда появятся спеціальныя труды по отдѣльнымъ частямъ Исторіи Права. Говоря правду, не лзя однакожь спросить и Правовѣдцевъ, для чего они мало по малу не обрабатываютъ отдѣльныхъ частей Исторіи Законодательства. Кто мѣшаетъ имъ заняться тѣмъ періодомъ ея, который начинается Уложеніемъ: памятники Законодательства XVII и XVIII столѣтій изданы. Или отъ чего бы не приняты имъ за критическія объясненія Русской Правды, Судебника, Уложенія? Все это, въ исправномъ видѣ, находится подъ руками каждаго Ученаго. Нужны только добрая воля и терпѣніе.

Эти мысли невольно пришли намъ на умъ, когда

мы приступили къ разбору книги, въ высшей степени важной въ особенности для Исторіи нашего Законовѣдѣнія. *Юридическіе акты*, изданные Археографическою Коммиссіею, заключаютъ въ себѣ такой запасъ матеріаловъ по части древняго Законовѣдѣнія, что мы можемъ теперь подробно ознакомиться съ Исторіею нашего стариннаго судопроизводства и съ древностями нашего Права, о чемъ доселѣ мы имѣли весьма мало свѣдѣній. Недостатокъ этотъ дополненъ Археографическою Коммиссіею, издавшею собраніе актовъ, какихъ не много въ нашей ученой Литературѣ. «Акты юридическіе» — какъ сказано въ предисловіи къ нимъ — «не относятся къ общимъ источникамъ Государственнаго Законодательства, управленія и судебного устройства; но состоятъ изъ такихъ документовъ, которыми въ древности обезпечивались имѣнія частныхъ обществъ или лицъ, охранялись права, опредѣлялись обязанности и взаимныя ихъ отношенія, и пр. Ясно, что на акты не должно смотрѣть, какъ на обыкновенные матеріалы, обогащающіе Исторію событій: они суть памятники Законовѣдѣнія, администраціи, политики, но не въ общемъ, а въ частномъ видѣ, примѣнительно къ гражданскому порядку и народному быту древней Россіи. Акты сего рода составляютъ ключъ къ познанію обрядовъ, формъ и слога стариннаго дѣлопроизводства, и служатъ руководствомъ при изученіи Русской Дипломатики. Сверхъ того, они могутъ способствовать къ развитію и другихъ отраслей историческихъ знаній. Государственная Исторія, Правовѣдѣніе, Статистика, и пр., найдутъ въ нихъ свѣжіе матеріалы для дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій, а Русское слово обогатится архаизмами, относящимися къ фразеологіи юридической. Къ важнѣйшимъ пособіямъ въ этомъ родѣ принадлежатъ: а) Новгородскія купчія, данныя, отводныя, раздѣльныя записи и духовныя завѣщанія XIV и XV вѣка; б) правыя грамоты, судныя списки и приговоры того же времени. Въ первыхъ за-

ключается матеріалъ древняго Восточно-Русскаго языка, не воздѣланнаго еще ни въ грамматическомъ ни въ лексикографическомъ отношеніяхъ; въ послѣднихъ образцы судебного дѣлопроизводства, относящагося къ періоду Удѣловъ, не изслѣдованнаго Историками и подающаго поводъ къ глубокимъ соображеніямъ.

«При всемъ обиліи матеріаловъ, которыми наполнено собраніе актовъ юридическихъ, несправедливо было бы рѣшительно утверждать, чтобы всѣ возможныя формы, подъ которыми проявлялась старинная дѣловая письменность, заключались въ ономъ; нѣкоторые образцы бумагъ могутъ оставаться еще неотысканными, или упущенными изъ виду, при разборѣ рукописей и столбцевъ, наполняющихъ около двухъ сотъ осмотрѣнныхъ Археографическою Экспедиціею библіотекъ и архивовъ. Изъ записокъ ея и по другимъ соображеніямъ видно, что число такихъ бумагъ, которыя не приведены въ извѣстность, не должно быть слишкомъ значительно; притомъ, этотъ недостатокъ, если бы онъ и дѣйствительно существовалъ, можетъ быть устраненъ изданіемъ недостающихъ актовъ, въ видѣ особаго дополненія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что собраніе столь драгоценныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ множества библіотекъ и архивовъ, и приобретенныхъ въ Государственныхъ столичныхъ книгохранилищахъ и отъ частныхъ лицъ, не могло быть составлено иначе, какъ подъ покровительствомъ и при обширныхъ средствахъ Правительства, дѣятельно тому способствовавшаго».

Такова важность изданныхъ Археографическою Комиссіею юридическихъ актовъ, какъ въ отношеніи историко-юридическомъ, такъ и въ филологическомъ. При пособіи этого собранія, человѣкъ, знающій дѣло, можетъ подарить насъ сочиненіемъ въ родѣ Гриммовыхъ *Deutsche*

Rechts Alterthümer, или Мауреровой Geschichte des alt-germanischen Gerichtsverfahrens, что было бы весьма важнымъ въ Наукѣ, для коей у насъ такъ мало сдѣлано. Но это не единственная услуга, которую мы можемъ ожидать отъ «Юридическихъ Актовъ». Филологъ найдетъ въ нихъ обильный источникъ древнихъ словъ и реченій, формъ языка и оборотовъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ этихъ актахъ сохранился нашъ языкъ не книжный, но живой, народный, какимъ говорили у насъ за три, за четыре столѣтія. Наконецъ и Историкъ извлечетъ изъ Юридическихъ Актовъ важные результаты для домашняго быта Русскихъ въ XIV, XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Онъ ознакомится съ важнѣйшими потребностями нашихъ предковъ, съ житейскими предметами, которые были необходимы въ ихъ семейномъ кругу, а кто доселѣ могъ ввести насъ въ эту сферу древней Руси, почти вовсе намъ незнакомую?....

Въ предисловіи къ Актамъ Юридическимъ изложено, какимъ образомъ возникло это драгоценное собраніе и что сдѣлала Коммиссія по части изданія его. «Археографическая Экспедиція Императорской Академіи Наукъ»—сказано тамъ—«все акты, собранные во время путешествія по Россіи и вошедшіе въ составъ ея коллекцій, раздѣлила на два разряда: на историческіе и юридическіе. Первую суть общіе документы, грамоты, уставы, указы и пр., относящіеся къ Государственному Законодательству, управленію и судопроизводству. Вторые — частныя бумаги разнаго рода, правыя грамоты, розыски, челобитныя, записи, и пр., служившія къ обезпеченію личныхъ преимуществъ, или собственности. По прекращеніи дѣйствій Экспедиція, оба разряда, подъ именемъ Актовъ историко-юридическихъ, переданы были въ Коммиссію, Высочайше учрежденную для изданія въ свѣтъ важнѣйшихъ изъ означенныхъ матеріаловъ. Первый разрядъ актовъ,

дополненный и приведенный въ порядокъ Коммиссіею, напечатанъ въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ: *Акты, собранные въ Библіотекахъ и Архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ*. Что же касается до втораго разряда, то, по одобренному Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія предпачертанію Коммиссіи, оный долженствовалъ составлять отдѣльное продолженіе того же собранія; но какъ наличное число актовъ оказалось требующимъ пополненія, то этотъ разрядъ не могъ быть приведенъ въ порядокъ вмѣстѣ съ первымъ и оставался доселѣ ненапечатаннымъ.

«По окончаніи изданія перваго разряда актовъ Археографической Экспедиціи, Государю Императору благоугодно было, сверхъ трудовъ по сей части, возложить на Коммиссію обязанность привести въ извѣстность и издать въ свѣтъ полное собраніе Русскихъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ. Для достиженія этой цѣли, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣно въ 18 день Февраля 1837 года преобразовать составъ и усилить способы Коммиссіи, съ наименованіемъ ея *Археографическою*. Высочайше утвержденными того же числа правилами, Коммиссіи предоставлено пользоваться всѣми нужными для ея употребленія рукописями, хранящимися въ духовныхъ и гражданскихъ библіотекахъ, также приобретать ихъ по возможности и отъ частныхъ лицъ. Въ то же время, съ Высочайшаго соизволенія, сдѣлано распоряженіе объ истребованіи и передачѣ въ Коммиссію грамотъ и столбцовъ изъ архивовъ Присутственныхъ мѣстъ Великороссійскихъ и Западныхъ Губерній. При столь обширныхъ способахъ, Коммиссія, не смотря на распространеннѣйшійся кругъ ея занятій, по мѣрѣ поступленія въ вѣдѣніе ея множества рѣдкихъ рукописей, не могла не воспользоваться ими для дополненія втораго разряда Актовъ

Археографической Экспедиции, известныхъ подъ именемъ Юридическихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено издать ихъ по вновь составленному плану, въ исправлѣнномъ видѣ.

«Къ дѣйствіямъ Археографической Коммиссіи, по части изданія Актовъ Юридическихъ, относятся :

«*І. Дополненіе.* Къ важнѣйшимъ коллекціямъ, вновь приобрѣтеннымъ, принадлежатъ : а) вытребованные изъ Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, по доставленной Министерствомъ Юстиціи описи, девяносто одинъ нумеръ жалованныхъ и другихъ грамотъ на владѣніе отчинами монастырными, соборамъ, церквамъ и пустынямъ, поступившихъ въ тотъ Архивъ въ 1764 году при учрежденіи духовныхъ штатовъ ; б) переданные, по Высочайшему Повелѣнію, изъ Министерства Финансовъ шесть сотъ сорокъ девять такихъ же, принадлежавшихъ некогда Коллегіи Экономіи, документовъ, отысканныхъ въ Новгородской Казенной Палатѣ, и с) двадцать два акта, выписанные Числомъ Коммиссіи Березниковымъ изъ рукописей Санктпетербургской Публичной Библіотеки, Академіи Наукъ и Румянцевскаго Музеума. Число актовъ, заимствованныхъ изъ этихъ коллекцій, означено въ таблицѣ подъ литерою А. Сверхъ того, по сдѣланному чрезъ періодическія изданія вызову, поступили въ Коммиссію : d) отъ Корреспондента ея, Коллежскаго Ассессора Строева, коллекція актовъ, составленная имъ съ тщательнымъ выборомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ ; е) отъ Московскаго купца Царскаго сорокъ четыре, и f) отъ Протоіерея Санктпетербургскаго Петропавловскаго Собора І. С. Кочетова одинъ харатейный актъ. Большая часть сихъ подлинниковъ, остававшихся въ неувѣстности, заключаетъ въ себѣ официальные документы XV, XVI и XVII столѣтій, и нѣкоторые Новгородскія записи, относящіяся къ исходу

XIV. Этими приобрѣтеніями коллекція юридическихъ актовъ значительно увеличилась, такъ что число номеровъ, какъ приготовленныхъ Археографическою Экспедиціею, такъ и вновь прибрѣтенныхъ Коммиссіею, оказалось свыше осмисотъ.

«II. Редакція. По надлежащемъ осмотрѣ и приведеніи въ порядокъ всей коллекціи, изъ осмисотъ номеровъ назначено къ печатанію шестьсотъ восемьдесятъ четыре; съ подлинниковъ, большею частію ветхихъ и неразборчивыхъ, списаны опытными въ чтеніи хартій Чиновниками Коммиссіи копіи, и повѣрены Редакторомъ Бередниковымъ; при перепискѣ актовъ сохранены древнія формы языка, по явныя ошибки писцовъ исправлены, и уничтожено произвольное употребленіе въ однихъ и тѣхъ же реченіяхъ различныхъ буквъ и слоговъ. За тѣмъ 1) вся коллекція, сообразно юридическому сродству актовъ, раздѣлена на 12 разрядовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; 2) акты разныхъ наименованій, вошедшіе въ извѣстные разряды, размѣщены въ каждомъ отдѣльно, и тѣ изъ нихъ, которые по сходству формы и содержанія могли имѣть общія заглавія, помѣщены подъ одними номерами, съ помѣтою такихъ актовъ Римскими цифрами; 3) при актахъ неизвѣстнаго времени показаны въ заглавіяхъ годъ и число, или продолженіе нѣсколькихъ годовъ, къ которымъ тѣ акты, по историческимъ соображеніямъ, относятся; 4) каждый подлинникъ, или современный списокъ, описанъ палеографически; 5) въ подстрочныхъ выносахъ означены нѣкоторые варианты, поправки и объясненія вышедшихъ изъ употребленія словъ и реченій, встрѣчающихся въ текстѣ, и проч.»

Все собраніе актовъ, какъ уже сказано выше, раздѣлено на 12 отдѣленій. Въ первомъ заключаются правыя грамоты, судныя списки и дѣлопроизводства; во второмъ

— докладныя, челобитныя, явки, приставныя и зазывныя грамоты, обыски и приговоры; въ третьемъ — купчія, мѣновныя, поступныя, данныя, вкладныя, мытныя, выкупныя и отказныя; въ четвертомъ — отводныя, разъѣзжія, отдѣльныя, ввозныя и межевыя записи; въ пятомъ — оброчныя и льготныя грамоты, порядныя записи и платежныя росписки; въ шестомъ — сотныя и выписки изъ писцовыхъ книгъ; въ седьмомъ — засенныя и закладныя кабалы, рядныя, раздѣльныя и мировыя; въ осьмомъ — выборы, поручныя и крестоприводныя; въ девятомъ — наказы, заповѣдныя, береженныя и посыльныя грамоты, погонныя, проѣзжія и добѣзжія памяти, отписки и росписи; въ десятомъ — храмозданныя, настаныя, ставленныя, благословенныя и патрахальныя грамоты; въ одиннадцатомъ — рядныя или стоворныя, выводныя, вѣщныя и разводныя записи, служилыя кабалы и похоронныя памяти; и наконецъ въ двѣнадцатомъ — духовныя грамоты.

Всѣ эти акты обнимаютъ собою пространство времени отъ XIV столѣтія до первыхъ годовъ XVIII. Древнѣйшій актъ, съ годомъ, относится къ 1425, а позднѣйшій къ 1705.

Къ актамъ юридическимъ приложены примѣчанія, и сверхъ того три таблицы: а) библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ заимствованы акты; б) времени, и в) наименованій актовъ. Изъ первой таблицы видно, что изъ 684 юридическихъ актовъ, Библіотекѣ Академіи Наукъ принадлежатъ 5, Публичной 2, Румянцевскаго Музеума 15, Синодальной Московской 6, Государственному Архиву Старыхъ Дѣлъ при Правительствующемъ Сенатѣ 10, Новгородской Казенной Палатѣ 4, Протоіерю І. С. Кочетову 1, Московскому купцу И. П. Царскому 44, и того 87; остальные же 597 актовъ, отчасти собраны

42 ОТД. VI. — НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАН. ВЪ РОССИИ.

бывшею Археографическою Экспедиціею, а отчасти доставлены Коммиссіи Корреспондентовъ ея П. М. Строевымъ, который собиралъ ихъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Ознакомивъ читателей съ родомъ актовъ, изданныхъ нынѣ Археографическою Коммиссіею, съ ихъ важностью въ историческомъ, юридическомъ и филологическомъ отношеніяхъ, и временемъ, которое они обнимаютъ, мы должны перейти отъ этого общаго воззрѣнія къ разсмотрѣнію каждаго отдѣла юридическихъ актовъ въ частности. Отлагаемъ это до слѣдующей статьи.

С. СТР.

**Сворникъ Князя Оболенскаго. М
вв тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. языковъ,
No 1, 120 стр.; No 2, 108 стр.; No 3, 18
14 стр.; No 5, 25 стр.; No 6, 12 стр.; No
No 8, 18 стр.; No 9, 23 стр.; No 10, 12 ст**

Сборникъ Князя Оболенскаго заслуживъ
вниманіи любителей Отечественныхъ древно
торій изъ историческихъ памятниковъ, въ
чатапныхъ, были доселѣ неизвѣстны; другіе
ислѣдователямъ по однимъ только выписк
являются въ свѣтъ во всей полнотѣ своей. И
памятники, издавныю Княземъ Оболенскимъ,
браны имъ въ Польшѣ, частію извлечены изъ
Московского Архива Министерства Иностран
Всѣ они относятся къ XVI и началу XVII в

Сборникъ состоитъ изъ десяти отдѣльн
ровъ. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ от
важности содержанія.

Но 1-й. *Книга Посольская Великаго Княз
товскаго, 1506 (стр. 1 — 120).* Здѣсь собстве
три документа, касающіеся нашей Исторіи.
Короля Польскаго Сигизмунда I къ Великому
князю Іоанновичу и Отвѣтъ Василія Сигизмун
чаютъ въ себѣ взаимныя жалобы на несохра
пныхъ договоровъ. Изъ обонхъ этихъ актовъ ви
мало довѣряли другъ другу Василій и Сигизмунд
писавши о дѣлахъ Государственныхъ, не забыли

Часть XXI. Отд. VI.

4

кожъ сестры своей, вдовствующей Королевы Польской Елены. «А сестра наша осталася послѣ него» (Александра, Короля Польскаго)—сказано въ послѣдней статьѣ отвѣта— «а какъ при немъ, такъ и послѣ его и до сихъ мѣстъ вѣдаетъ свой Греческій Законъ во всемъ. И вы отъ насъ моляте брату нашему Жидимунту Королю и Великому Князю, чтобы и нынѣ наша сестра Алена Королева и Великая Кнегиня, а его споса, вѣдала свой Греческой Законъ во всемъ, а онъ бы ее жаловалъ и берегъ, держалъ во чѣсти какъ есть по пригожу, а къ Римскому бы Закону ее не нудилъ ничѣмъ.» — Третій документъ, касающійся Русской Исторіи, есть извѣстный договоръ между Василиемъ Іоанновичемъ и Сигизмундомъ, которыми они обизывались помогать другъ другу противъ всякаго врага)—воображаемаго, исключая дѣйствительнаго — Менгли-Гирей. Въ этомъ договорѣ находилось странное условіе, которое превращало весь мирный трактатъ въ ничто: «А коли приидешь ко мнѣ про помочъ, а мнѣ къ тебѣ будетъ въ ту пору помочи не лзя послати, шпо то тебе отъ мене не въ измѣну; а такъже, коли лзя къ тебе пошлю про помочъ, а тебе ко мнѣ будетъ въ ту пору помочи не лзе послати, шпо то мнѣ отъ тебе не въ измѣну». Очевидно, что договоръ этотъ заключенъ былъ единственно съ цѣлію прекратить и отдалить на время войну, истощавшую обѣ стороны. И Василій и Сигизмундъ имѣли надобность въ такомъ договорѣ, который можно бы было нарушить при первомъ удобномъ случаѣ, подававшемъ возможность нанести вредъ одной изъ противныхъ сторонъ. Вся политика Московскаго Княжества въ XV и XVI столѣтіяхъ заключалась въ противодѣйствіи съ одной стороны Литвѣ и Польнѣ, а съ другой Татарамъ. Литва и Московское Княжество были два непримиримые соперника, и изъ этого соперничества происходили всѣ войны, всѣ непріязненныя отношенія Московскаго Княжества. Опаснѣе всего было для политики Мо-

сковскихъ Князей соединеніе и дружба двухъ непримиримыхъ враговъ ихъ — Литвы и Крыма. Книга Посольская заключаетъ въ себѣ весьма любопытные документы о сношеніяхъ Литвы съ Менгли-Гиреемъ, Ханомъ Крымскимъ, и Магметъ-Аминомъ, Царемъ Казанскимъ. Изъ этихъ сношеній видно, какъ хитро и скрытно старалась Литва вооружить и Менгли-Гирея и Магметъ-Амина противъ Московскаго Княжества.

Но 2-й. *Отвѣты Литовскихъ Пословъ Московскимъ Думнымъ Боярамъ, 1608—1615* (стр. 1—108), извѣстны уже по ссылкамъ на нихъ, весьма частымъ, встрѣчающимся у Карамзина. Отвѣты Литовскихъ Пословъ состояли изъ нѣсколькихъ актовъ, одинъ въ слѣдъ за другимъ предложенныхъ Московскимъ Думнымъ Боярамъ. Издатель говоритъ, что ему извѣстны только два, и то неполные, которые и напечатаны имъ въ Сборникъ. Первый актъ заключаетъ въ себѣ отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ: Николая Олесицкаго, Александра Гостѣвскаго, Станислава Витовскаго и Князя Ивана Друцкаго-Соколинскаго, данные въ Москвѣ въ 1608 году Думнымъ Боярамъ. Подлинникъ, писанный самимъ Паномъ Гостѣвскимъ, хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, безъ конца и пачада; изъ середины уцѣлѣли только 14 полулистовъ. Начало акта, напечатанное въ Сборникѣ, получено Издателемъ отъ Графа Д. Н. Толетяго, который извлекъ его изъ принадлежащаго ему Сборника актовъ 1615 года, входившаго некогда въ число книгъ Метрики Великаго Княжества Литовскаго. Второй актъ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ Пословъ Литовскихъ: Князя Христофора Казимирскаго, Яна Карла Ходкевича съ товарищами, Князю Ивану Михайловичу Воротынскому, данный при переговорахъ, веденныхъ на рѣкѣ Вапѣ въ 1615 году. Онъ также хранится въ Главномъ Московскомъ

Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ обоихъ этихъ актовъ Историкъ можетъ извлечь нѣсколько весьма важныхъ показаній; но, не смотря на то, ими должно пользоваться съ большою осторожностію, какъ и актами *дипломатическими*.

Но 3-й. *Слѣдственное дѣло Максима Грека, 1521* (стр. 1—15). Карамзинъ пользовался этимъ документомъ, выписки изъ коего напечатаны въ примѣчаніяхъ къ VII тому его Исторіи. Это есть только отрывокъ изъ слѣдственного дѣла о Болринѣ Иванѣ Берсеѣ Бсклемишевѣ и Дьякѣ Федорѣ Жареномъ, съ допросами Максиму Греку и келейнику его Леонасію. Издатель удержалъ ошибочное названіе этого документа, который уже давно напечатанъ, съ подлинника, самымъ исправнымъ образомъ, въ Актахъ Археографической Экспедиціи (Т. I, No 172). Издатель Сборника оставилъ этотъ памятникъ безъ всякаго описанія. Должно замѣтить, что онъ состоитъ изъ двухъ противней (на 21 листѣ), изъ коихъ послѣдній не полонъ и имѣетъ отмѣны противъ перваго. Оба противня писаны одною рукою (исключая 18 листа); второй противень писанъ небрежно, съ большими пометками и приписками вверху строкъ, изъ чего можно заключить, что съ него уже снятъ противень первый, въ которомъ слогъ значительно исправленъ (1). Издатель Сборника напечаталъ сначала первый противень, а потомъ второй, назвавъ его: «Отдѣльные листки, черновые, того же слѣдственного дѣла». Въ Актахъ Археографической Экспедиціи, Издатель перваго тома поступилъ иначе и несравненно лучше: онъ принялъ противень первый за текстъ, а отмѣны, находившіяся во второмъ противнѣ, показывалъ въ вариантахъ. — Авторъ неправильно отнесъ это дѣло

(1) См. Акты Археографической Экспедиціи, Т. I, стр. 143.

къ 1521 году: оно относится къ 1525 (къ 7033, а по 7029).

№ 4-й. *Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о неплодіи Великой Княгини Соломоніи Юрьевны, 1525 (стр. 1—13).* Исторія несчастной Соломоніи извѣстна по нашимъ лѣтописямъ и иностраннымъ путешественникамъ, посѣтившимъ Россію при Василіи Іоанновичѣ. Слѣдственное дѣло о неплодіи Великой Княгини, весьма любопытное по многимъ отношеніямъ, къ сожалѣнію не дошло до насъ. Отрывокъ изъ него, хранящійся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, напечатанъ въ Сборникѣ Князя Оболенскаго. Онъ заключаетъ въ себѣ одинъ только допросъ Ивану Юрьевичу Сабурову, брату Великой Княгини Соломоніи. Изъ описи Царскаго Архива (1575—1584), напечатаннаго въ Актахъ Археографической Экспедиціи (Т. I, стр. 339—340), мы узнаемъ, что ящикъ 44-й заключалъ въ себѣ сказки Юрья Малаго, Степаниды Рязанки, Ивана Юрьевича Сабурова, Машки Корѣленки и другихъ «про немочь Великіе Княгини Соломониды». Всѣ дѣла этого ящика, какъ видно изъ отиѣтки на описи, взялъ къ себѣ въ 1566 году Царь Іоаннъ Грозный. Любопытно бы было знать показанія Боярина Юрья Малаго Дмитріевича Траханіюта. Онъ имѣлъ дочь неслѣсту, когда Василій Іоанновичъ, въ 1505 году, рѣшился жениться; но выборъ Князя палъ на Соломонію, изъ незнатнаго рода Сабуровыхъ.

№ 5-й. *Дневникъ Литовскихъ Пословъ, 1556 (стр. 1—25).* Это дневникъ Пословъ Сигизмунда Августа: Витебскаго Воеводы Князя Степана Сбаражскаго и Тыкотинскаго Старосты Пана Шимковича, прибывшихъ въ Москву въ концѣ Генваря 1556 года. Дневникъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго: въ немъ описываются переговоры о заключеніи мира съ Литвою

на шесть лѣтъ; главные споры были о Царскомъ титулѣ: Сигизмундъ Августъ не соглашался именовать Іоанна Грознаго Царемъ. Карамзинъ упоминаетъ о посольствѣ Сбаражскаго и Шимковича въ 465 примѣчаніи VIII тома своей Исторіи; но онъ относитъ его къ Марту мѣсяцу, между тѣмъ какъ Послы Сигизмунда Августа выѣхали изъ Москвы еще 10 Февраля. Въ дополненіе къ Дневнику, Издатель приложилъ въ концѣ выписку изъ Посольскихъ книгъ о прѣздѣ Литовскихъ Пословъ ко Двору Московскому.

Но 6-й. *Розыскъ о побѣгѣ изъ Москвы Князя Рязанскаго, 1521 (стр. 1—12).* Іоаннъ, Князь Рязанскій, хотѣлъ утвердить существованіе Рязанскаго Княжества независимо отъ Московскаго; но эпоха Удѣловъ уже миновалась, и Княжество Московское должно было поглотить въ себѣ и Рязанское точно такъ же, какъ оно поглотило въ себѣ другія Княжества. Іоаннъ Іоанновичъ, желая противостать Василю, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и хотѣлъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой. Василій требовалъ къ себѣ, въ Москву, Князя Рязанскаго, который, будучи обманутъ Бояриномъ Симеономъ Крупинымъ, явился къ Великому Князю. По приказанію послѣдняго, Іоаннъ былъ посаженъ подъ стражу, а мать его Агриппина сослана въ монастырь. Черезъ четыре года послѣ того, когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Іоаннъ бѣжалъ въ Литву. О побѣгѣ его изъ Москвы, въ 1521 году, производился розыскъ, сохранившійся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и нынѣ напечатанный въ Сборникѣ. Къ сожалѣнію, въ началѣ и срединѣ утратились многіе листы. Изъ вопроса, сдѣланнаго Дмитрію Суябузову, видно, что Іоаннъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы или въ городъ Дубровицы, или въ селеніи Пустынь и Шумашъ, и оттуда пересылаться съ Ханомъ Крымскимъ, а въ случаѣ не-

удачи хотѣлъ передаться на сторону Литвы. По увѣренію Сунбулова, въ это время, т. е. 31 Августа 1521 года, Юліанъ долженъ былъ еще находиться въ одномъ изъ трехъ означенныхъ мѣстъ.

Но 7-й. *Грамота Царя Бориса, 1605* (стр. 1—36). Грамота Бориса къ Сигизмунду III, отправленная чрезъ Посланника Посипка Григорьевича Огарова, о появившемся Самозванцѣ, въ подлинникѣ не дошла до насъ. Доселѣ известна была она по Польскому переводу, сохранившемуся въ манускриптѣ Андрея Лисецкаго, перешедшемъ изъ Библіотеки Залусскихъ въ нашу Императорскую Публичную. Казиміръ Когновицкій, въ Жизисописаніи Яна Петра Сапѣги, и Адамъ Нарушевичъ, въ Исторіи Ходкевича, помѣстили выписки изъ этого любопытнаго манускрипта. Карамзинъ зналъ о существованіи грамоты Бориса только по сочиненіямъ Когновицкаго и Нарушевича, и помѣстилъ выписки ихъ въ примѣчаніяхъ къ XI тому своей Исторіи. Князь Оболенскій нашелъ современный списокъ съ грамоты Бориса въ бумагахъ, нѣкогда бывшихъ Нарушевича. «Не лзя не замѣтить» — говоритъ Князь Оболенскій — «что Поляки хотя списывали наши акты слово въ слово, однако передѣлывали оныя на Литовско-Русское нарѣчіе». Въ бытность свою въ Польшѣ, Издатель Сборника приобрѣлъ въ отдѣльной современной рукописи буквальный переводъ на Польскій языкъ грамоты Царя Бориса, во всемъ сходный съ находящимся въ манускриптѣ Лисецкаго; рукопись эта замѣчательна особенно по слѣдующей любопытной собственноручной припискѣ Князя Острожскаго, указывающей на мнѣніе современниковъ о смерти Борисовой: «Potym tegoż roku kniaz Dymitry osiadł na Państwie spokojnie bez wszelakiey wojny; Hodunów, powiadali pewnie, że obaczywszy iż tego poddaui za Pana dziedzicznego przyznawaią, struł się», т. е. «потомъ, того же года, Князь Димитрій возсѣлъ на

Престолъ спокойно, безъ всякихъ войнъ; Годуновъ же, какъ говорили достоверно, увидѣвъ, что подданные того Дмитрія признають за наследственнаго Государя, отравился». — Грамота Бориса показываетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное появленіемъ Самозванца. Годуновъ употреблялъ къ возможнымъ усиліямъ для убѣжденія Сигизмунда въ томъ, что Самозванецъ не имѣетъ никакихъ правъ на Престолъ Московскій. Онъ писалъ даже къ Королю Польскому, что если бы Самозванецъ и дѣйствительно былъ сынъ Іоанновъ, то и тогда бы не имѣлъ права вѣдать Престола, какъ незаконный сынъ отъ сегобраго брака. Въ послѣдствіи, эта достопримѣчательная фраза была повторена Литовскими Послами въ отвѣтахъ Боярамъ Московскимъ. Не смотря на опасное свое положеніе, Борисъ не унижался передъ Сигизмундомъ: вся грамота его отличается какимъ-то благородно-гордымъ тономъ. «Намъ Великому Государю то не страшно» — писалъ онъ — «хотя ты и Турского на насъ учынешь пакупати, не толко Крымского: и мы, прося у Бога милости, противъ всехъ своихъ недруговъ учнемъ стояти, сколько Богъ помощи подастъ, *а ни отъ кого помощи собѣ не ищемъ, опрочъ Бога.* Коли было и нынѣшнее время, за нашъ грѣхъ и всего Хрестіанства, блаженное намести при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичу, вся Русь Самодержъцы, на сего Государства многіе встали были недруги: Турскій Салтанъ, Крымскій Царь, и Болшіе Нагаи, и Сибирская и Казанская земля, и Стефанъ Король со вѣсеею Польшею и Литвою, и съ иными насмными людьми, и отецъ твой Яганъ Король Светскій. И въ тѣ поры Царское Величество въспоможенья, *опрочъ Бога, не хотѣли и не искали ни отъ кого, и противъ всехъ своихъ недруговъ стоялъ одинъ своими ратьми, а чужихъ людей на помочь не призывалъ и не наймовалъ.* А нынѣ, *Божею милостью, недруга намъ нѣкотораго нѣтъ, и Крым-*

скій Царь съ нами въ дружбѣ; прося у Бога милости, за паше крестное цѣлованье и за правду и за честь Великихъ Государей, Помазанниковъ Божьихъ: Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, и сына его Великого Государя Царя и Великого Князя Осодора Ивановича, всея Руси Самодержца, и за паше Царское имя и за Государства наши стоять хотимъ, сколько намъ Богъ помочи подастъ».

№ 8-й. *Наказъ Польскаго Короля Сигизмунда III*, данный Посламъ Льву Сапѣгѣ, Станиславу Варшицкому и Ильѣ Пельгржимовскому, отправленнымъ къ Царю Борису Осодоровичу, для поздравленія съ восшествіемъ на Престоль, 1600 (стр. 1 — 18). «Это письменное наставленіе» — говоритъ Издатель — «собственноручно подлинное Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III-мъ (найдено мною въ дипломатическихъ актахъ Великаго Княжества Литовскаго), есть любопытнѣйшее дополненіе къ Актамъ, напечатаннымъ въ IV части Трудовъ (Московскаго) Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оно служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что и при Сигизмундѣ III, равно какъ и при предшественникахъ и при преемникахъ его, постоянно старались о соединеніи Россіи съ Польшею и Литвою. Предложеніе завести флоты на моряхъ Черномъ и Балтическомъ указываетъ на замыслы обширныя и политику глубокомысленную.» Наказъ Сигизмундовъ писанъ по-Польски: Издателю слѣдовало бы, выѣсть съ подлинникомъ, напечатать и переводъ: въ этомъ случаѣ примѣромъ ему могло бы служить Румянцевское Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ которомъ документы Греческіе, Латинскіе и Польскіе напечатаны выѣсть съ переводами.

№ 9-й. *Грамота втораго Самозванца, 1608* (стр. 1 — 23). Тушинскій воръ увѣщаетъ, въ этомъ длинномъ

посланіи, Болриша и Воеводу Михаила Борисовича Шеина и всѣхъ Смоленъ принять его сторону, какъ истиннаго сына Грознаго. Здѣсь, между прочимъ, перечисляетъ онъ различныхъ Самозванцевъ, выдававшихъ себя за Дмитрія Іоанновича. Грамота втораго Самозванца сохранилась въ спискѣ, тайно доставленномъ къ Канцлеру Великаго Княжества Литовскаго Лѣву Сапѣгѣ.

Но 10-й. *Посольское донесеніе Льва Буховецкаго, 1576 (стр. 1—12).* По вѣстивіи на престолъ Стефана Баторія, отправлены были къ Іоанну Грозному Литовскіе Послы Юрій Груденскій и Левъ Буховецкій, написавшій донесеніе о Посольствѣ своемъ. Въ немногихъ словахъ, сказанныхъ Іоанномъ Посламъ Литовскимъ, видѣнъ характеръ Грознаго. «Перехрыстився, и листъ до рукъ своихъ взялъ» — говоритъ Буховецкій — «переворочаючи, титулу и печати глядячи, головою стресалъ и зась Дяку отдалъ, запыталъ самъ: есть ли вамъ что говорить? на томъ повѣдалъ: есть, але по вычитанью листа Государя нашего. Тогда онъ самъ повѣдалъ на то: вѣжо листъ взять, што надобѣ, говори!» И когда Послы кончили одинъ пѣз артикуловъ, Іоаннъ сказалъ: «сладко говоришь и добръ мягько стелешъ, да не оманешъ». Послы были приглашены Великимъ Княземъ къ столу. Послѣ обѣда, Іоаннъ, называя ихъ по имени, угощалъ, подавая самъ имъ ковши, «а давши мнѣ Лѣву ковшъ» — говоритъ Буховецкій — «одномъ былъ троха одъ него отступилъ, заклакалъ: Левъ Буховецкій! пойдн здѣсе ближей; а кдымъ до него приступилъ, повторе рекъ и вказалъ рукою: тутъ стань, право подле стола его.» Отпуская Пословъ, Іоаннъ сказалъ Буховецкому: «Ты гораздо знаешь по Руски: коли приѣдете до Государя своего Стевана, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, и вы говорите Государу своему, што насъ пишетъ братомъ собѣ, а памъ Цару Великому и Государу искони вѣчному на

царствѣ своемъ ему братомъ намъ менитиси неспригожо. Братъ мнѣ былъ Жигимонтъ-Августъ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, который уже съ сего свѣта эшолъ на судъ Божій безъ потомства, отчинный Господарь; а хотя бы Августа Короля брата нашего и сынъ былъ, ино бы и то мнѣ былъ не братъ, яжъ быхъ ему былъ дядя, а опъ бы сыну моему былъ братъ (—а указалъ на сына пальцемъ, бо подло него тужь седѣлъ). А если Богъ Стевана Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ учинилъ и онъ бы насъ старшаго брата тымъ почтилъ въ тыгулѣ нашемъ Царскомъ, насъ Царемъ писалъ, какъ намъ по величеству царствія нашего пригоже; яжъ быхъ ему и за братство не постоллъ; а Послы свои великіе донасъ нехай бы слалъ не омищкая, и все тое испознавалъ, мене старшаго черезъ Послы свои тымъ почтлалъ: а если намъ одъ него почотки той не будетъ по достоянью нашему Царскому, ино и Послы его великіе съ чимъ прійдутъ, съ тымъ и отоидутъ».

Доселѣ мы говорили о Сборникѣ Князя Оболенскаго, заключающемъ въ себѣ столь много любопытнаго, только въ отношеніи къ важности его содержанія. Теперь должно взглянуть на него съ другой стороны — со стороны исправности изданія. Должно отдать справедливость Издателю, что Сборникъ его напечатанъ исправно, то есть, что изслѣдователь нигдѣ и ни въ чемъ не затруднится, читая историческіе памятники, изданные Княземъ Оболенскимъ; вездѣ найдетъ смыслъ, котораго очень часто недобьешься въ иныхъ изданіяхъ даже нашего времени. Къ сожалѣнію, Издатель, не смотря на свои археологическія свѣдѣнія, держался въ Сборникѣ методы — печатать письменные памятники буква въ букву. Такая метода вовсе не пужна для Издателя Сборника, какъ человека свѣдущаго въ археологическомъ дѣлѣ: ее должно предоставить тѣмъ Издателямъ, которые невѣжествомъ писцевъ Среднихъ вѣковъ стараются при-

крыть собственное незнаніе. Такъ какъ буквальные изда-нія появляются у насъ не рѣдко, то мы считаемъ не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности о ложномъ понятіи, на которомъ они основаны.

Что значитъ издать письменный памятникъ, литературный или историческій? Значитъ представить его изслѣдователю въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ бы былъ выйти изъ рукъ Сочинителя, въ видѣ сообразномъ съ филологическими требованіями того вѣка, къ которому памятникъ относится. Само собою разумѣется, что первую обязанностію Издателя есть очищеніе письменнаго памятника отъ всѣхъ ошибокъ, отъ всѣхъ оплошностей невѣжественнаго писца, и восстановленіе текста въ тѣхъ постоянныхъ, непреложныхъ грамматическихъ формахъ, которыя господствовали въ то время, къ коему относится памятникъ. Отсюда понятно, почему буквальные изда-нія не должны быть терпимы критикою. Въ буквальныхъ изда-ніяхъ одно и то же слово, на одной и той же страницѣ, пишется тремя образами. Если нашъ языкъ XV, XVI, XVII вѣковъ имѣлъ постоянныя грамматическія формы, то, очевидно, что изъ трехъ различныхъ формъ одного и того же слова только одна правильная, а остальные—грѣхи переписчика или даже самого Сочинителя. Воспроизводя эти ошибки, мы по отличаемся отъ писцевъ Среднихъ вѣковъ: они распространяли ошибки грамматическія уставомъ и полууставомъ, а мы распространяемъ ихъ петитомъ и циссеро! Зная грамматическія формы языка нашего въ различные эпохи существованія его, Издатель нисколько не можетъ затрудниться въ выборѣ истинной формы между нѣсколькими неправильными, и не станетъ при бѣгать къ буквальнымъ изда-ніямъ.

Должно замѣтить, что изда-нія письменныхъ памятниковъ могутъ быть двоякаго рода, смотря по цѣли, которую предположилъ себѣ Издатель: филологическія и

историческія. Въ изданіяхъ перваго рода, предназначенныхъ собственно для изученія филологическаго, допускается издавать памятники, особенно древнѣйшія, буквально, даже съ пунктуаціею рукописи. Такъ издана *Glagolita Clozianus*, — превосходный трудъ Кошутара: тамъ напечатанъ текстъ не только буква въ букву, но даже безъ разстановки словъ, какъ это бываетъ въ древнихъ рукописяхъ (такъ на примѣръ: соутоблблагодѣтъ. занстаковомъотрокмъ и пр.). Но въ такихъ изданіяхъ, рядомъ съ этимъ буквальнымъ воспроизведеніемъ текста печатается и восстановленный историческою критикою исправный текстъ, съ правильною пунктуаціею и съ уничтоженіемъ всѣхъ ошибокъ писца или Сочинителя рукописи. Такъ поступилъ и Кошутаръ. Очевидно, какую пользу могутъ приносить такія изданія для изучающихъ Филологію. Но спрашивается, къ чему служитъ непсправленная буквальность въ историческихъ изданіяхъ памятниковъ позднѣйшихъ временъ? Къ тому только, чтобы испортить важный историческій документъ безпрестанными ошибками, безпрестанными противорѣчіями въ грамматическихъ формахъ; къ тому, чтобы сбивать съ толку начинающихъ заниматься древностями, не привыкшихъ къ истинному правописанію и къ настоящей пунктуаціи.....

Пунктуація есть важная вещь въ изданіи историческихъ памятниковъ: отъ нея зависитъ весь смыслъ рѣчи, а между тѣмъ какъ мало Издателей умѣютъ справиться съ знаками препинанія! Въ разбираемомъ нами Сборникѣ, пунктуація, правда, нигдѣ не искажаетъ смысла памятниковъ; но не смотря на то, разстановка знаковъ препинанія довольно неправильна. Для примѣра приведемъ слѣдующее мѣсто пѣзъ слѣдственнаго дѣла Максима Грека:

Въ Сборникъ:

Лѣта 7033, Февраля, ска-
зывалъ Максимъ Старецъ
Грекъ, приходилъ ко мнѣ
Иванъ Берсень и говаривалъ
со мною о книгахъ, и о Ца-
ръградскихъ обычаяхъ: ны-
нѣ у васъ Цари бесермен-
скіе и гонители, и вамъ деи
нынѣ отъ нихъ люта вре-
мена, и какъ вы отъ нихъ
проживаете? И лѣзъ ему го-
ворилъ: Цари у насъ зло-
честивые, а у Патріарховъ
и у Митрополитовъ въ ихъ
судъ не вѣступаются. И
Берсень молвилъ: хоти у
васъ Цари злочестивыю, а
ходятъ такъ, ино у васъ
еще Богъ есть.....

И Максима въспросили:
къ чему онъ тое рѣчь мо-
лвилъ? и Максимъ молвилъ:
молвилъ, господине, онъ
тоє рѣчь про Государя. —
Да Берсень-жо мнѣ гово-
рилъ: добръ деи былъ отецъ
Великого Князя Васильевъ,
Князь Великій Иванъ и до
людей ласковъ, и пошлетъ
людей на которое дѣло, ино
и Богъ съ ними.....

Должно быть:

Лѣта 7033 Февраля. Ска-
зывалъ Максимъ старецъ
Грекъ: приходилъ ко мнѣ
Иванъ Берсень и говаривалъ
со мною о книгахъ и о Ца-
ръградскихъ обычаяхъ: «ны-
нѣ у васъ цари бесермен-
скіе, и гонители; и вамъ деи
нынѣ отъ нихъ люта вре-
мена; и какъ вы отъ нихъ
проживаете?» И лѣзъ ему го-
ворилъ: «Цари у насъ зло-
честивые, а у патрїарховъ
и у митрополитовъ въ ихъ
судъ не вѣступаются.» И
Берсень молвилъ: «хоти у
васъ цари злочестивые, а
ходятъ такъ, ино у васъ
еще Богъ есть».....

И Максима въспросили:
къ чему онъ тое рѣчь мо-
лвилъ? И Максимъ молвилъ:
молвилъ, господине, онъ
тоє рѣчь про Государя; да
Берсень жо мнѣ говорилъ:
«добръ деи былъ отецъ
Великого Князя Васильевъ
Князь Великій Иванъ и до
людей ласковъ, и пошлетъ
людей на которое дѣло, ино
и Богъ съ ними.....

Мы не приводимъ болѣе примѣровъ, потому что жела-
ющіе могутъ убѣдиться въ нашемъ мнѣніи сравнивъ все
такъ называемое «Дѣло» Максима Грека, напечатанное въ
Сборникѣ и въ Актахъ Археографической Экспедиціи.

Въ типографскомъ отношеніи, Сборникъ Князя Обо-
леоскаго изданъ весьма хорошо: бумага и шрифтъ пре-
красны. Должно жалѣть только, что Издатель напечаталъ
Указатель къ каждому номеру отдѣльно: что весьма за-

трудить изслѣдователя при справкахъ. Къ тому же присоединяется еще и другое неудобство: счетъ страницъ въ каждомъ номерѣ особый, и нѣтъ даже оглавленія находящимся въ Сборникѣ памятникамъ.

Очерки Россіи, издаваемые Владимѣемъ Пасекомъ. Книга I. *С. Петербургъ, 1838, въ тип. Греча, въ 8 д. л. стр. VIII, 280. Съ литографированными видами, планами и нотами.*

Мы еще такъ мало знаемъ Отечество наше, что всякое благонамѣренное и совершаемое съ знаніемъ дѣла предпріятіе, имѣющее цѣлю ознакомить насъ съ родиною нашею въ какомъ бы то ни было отношеніи, должно обращать на себя вниманіе публики, которой необходимо поддерживать подобнаго рода труды, содѣйствовать ихъ успѣху и стараться о распространеніи ихъ. Нѣтъ никакой возможности узнать столь обширную страну, какъ Россія, безъ специальныхъ сочиненій, въ которыхъ мало по малу собирались бы извѣстія объ отдѣльных областяхъ, или о какомъ-нибудь одномъ уѣздѣ, одномъ городѣ,—извѣстія, полученные на мѣстѣ людьми, добросовѣстно передающими свои свѣдѣнія въ сокровищницу знаній о нашемъ Отеествѣ. Только при такихъ специальныхъ сочиненіяхъ, при такихъ пособіяхъ, можетъ состояться что-нибудь цѣлое по части Этнографіи, Статистики, Географіи, промышленности, и т. д. Безъ этихъ же приготовленныхъ трудовъ, всякое общее сочиненіе о Россіи, въ какомъ бы то ни было отношеніи, будетъ не что иное, какъ повтореніе разсказаваго въ старыхъ забытыхъ книжкахъ, наполненныхъ ошибками и заблужденіями, противорѣчащихъ тому, что дѣйствительно есть на мѣстѣ, и отнимающихъ у читателей довѣріе къ сочиненіямъ объ Отеествѣ. Не въ силахъ одного человѣка собрать свѣдѣ-

ніа даже по самому маловажному предмету изъ всѣхъ противоположныхъ краевъ Россіи. Тутъ необходимы труды, усилія, старанія многихъ и весьма многихъ. Намъ кажется, что къ занятіямъ такого рода болѣе всѣхъ имѣютъ средства Учителя Гимназій. Оставаясь въ одной и той же Губерніи цѣлыя десятки лѣтъ, они могутъ пользоваться всѣми удобствами для совершеннаго изученія обитаемаго ими края. Живя въ столицахъ, имъ возможности знать быта Малороссіянина, Сибиряка, или Бѣлорусса. Пробывъ же на мѣстѣ, какъ хорошо и удобно изучить можно все, что касается домашняго быта, правовъ, обычаевъ, праздниковъ, увеселеній жителей различныхъ Губерній. Только такимъ образомъ могутъ быть собраны всѣ пѣсни народныя, пословицы, суевѣрія и предрасудки, господствующія въ низшемъ классѣ народа; только при такихъ средствахъ, можетъ возникнуть *Лингвистическая Географія*, Наука, о которой доселѣ еще и не думали у насъ. Живя долго въ одной и той же Губерніи и имѣя случай пѣсколько разъ объѣхать ее, легко можно обозначить границы различныхъ нарѣчій, употребляемыхъ въ Россіи, легко означить даже, въ какихъ селеніяхъ кончится одно нарѣчіе и начинается другое. Сначала разумѣется, должны быть составлены лингвистическія карты для каждаго уѣзда, каждаго края особо, а потомъ изъ этихъ спеціальныхъ картъ можно уже составить одну общую лингвистическую карту Россіи. Какое важное пособіе для изученія обширнаго Славянскаго міра! Какихъ бы успѣховъ ожидать можно было для сравнительной Филологіи Славянскихъ языковъ!.... Но когда это будетъ? Станемъ ждать терпѣливо, а между тѣмъ обратимся къ тому, что есть; къ тому, что уже сдѣлано.

Смотря съ этой точки зрѣнія на предпріятіе Г. Пассека, намъ излишне бы было говорить о его пользѣ. Тамъ не требуется похвалъ, гдѣ дѣло говоритъ само за

себя. Издатель, въ немногихъ словахъ, объяснилъ свою цѣль. «Отечество наше» — пишетъ онъ — «раскинулось въ трехъ частяхъ Свѣта, богато разнообразіемъ странъ и климатовъ, населено народомъ съ самобытнымъ характеромъ и отличительною историческою жизнію, и такъ богато прошедшимъ, настоящимъ и надеждами на будущее, что намъ предстоитъ только собирать свѣдѣнія для изученія его по свойству природы, по историческимъ событіямъ и памятникамъ, по обычаямъ и быту народа. Каждому изъ насъ извѣстна какая-нибудь часть Россіи; по смѣло можно сказать, что вполнѣ никто не знаетъ ея богатства и глубины ея жизни, тѣмъ болѣе, что эта жизнь не одинакова съ жизнію Европейскихъ и Азіатскихъ Государствъ. Во всѣхъ сословіяхъ общества вездѣ замѣтенъ или недостатокъ, или невѣрность знаній о своемъ Отеествѣ. Очеркамъ Россіи предназначается сосредоточивать, по возможности, всѣ разбѣянные понятія и знанія, приобретенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, желая вывести изъ умозрѣнія; предназначается сдѣлать возможно доступными труды о нашемъ Отеествѣ путешественниковъ, Естествоиспытателей, любителей древности, и разныхъ Ученыхъ Заведеній, труды, которыми мы довольно богаты, но не всѣ и не вездѣ можемъ ими пользоваться; предназначается привлечь къ содѣйствію въ наблюденіи и изслѣдованіи всего Отечественнаго; развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ Отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ. Вотъ цѣль предназначаемая Очеркамъ Россіи.—Въ этомъ отношеніи, они не могутъ и не должны быть дѣломъ однихъ силъ, знаніемъ и чувствованіемъ одного человѣка; въ этомъ отношеніи они не принадлежатъ равно каждому изъ насъ — принадлежатъ Отечеству. Я счастливъ тѣмъ, что раскрываю книгу, въ которой каждый можетъ вписать свою мысль, свое чувствованіе, знаніе, даже замѣчаніе о той странѣ, гдѣ онъ живетъ

—и да поможетъ намъ Богъ принести послѣднюю лепту на алтарь Отчества.»

Таковы цѣль и намѣренія Издателя. Взглянемъ теперь на исполненію, то есть на самый составъ Очерковъ Россіи. Они начинаются весьма любопытною статьею Г. Пассека: *Положеніе горъ въ Россіи* (стр. 1—25). Обзоръ-вая различныя хребты горъ въ Россіи, Авторъ руководствовался извѣстнымъ сочиненіемъ Палласа о переворотахъ земли въ отношеніи къ горамъ, находящимся въ Россіи; путешествіями Гмеллина, Палласа, Лепехина, Рычкова, Зуева, Крашенинникова, Литке, Горнымъ журналомъ; сочиненіями Кювье, въ особенности: О переворотахъ на Земномъ Шарѣ; путешествіями Гумбольдта по Сибири и къ Каспійскому морю, Ледебура и др. по Алтайскимъ горамъ; новымъ атласомъ Риттера, картами, приложенными при разныхъ путешествіяхъ, и собственными замѣчаніями, которыя удалось сдѣлать Автору въ проѣздъ по Сибири и въ поѣздахъ по разнымъ Губерніямъ Россіи, преимущественно въ Средней и Южной ея полосахъ (стр. 269). Другая статья: *Кіевопечерская Обитель* (стр. 26—89), также Г. Пассека, заключаетъ въ себѣ собственно не исторію этой знаменитой Обители, но описаніе ея: оно довольно любопытно. Въ первой половинѣ статьи Авторъ говоритъ о язычествѣ и распространеніи Христіанства въ Россіи. Тутъ есть нѣсколько историческихъ мыслей весьма дѣльныхъ. — *Праздникъ Купалы* (стр. 80—116) есть едва ли не лучшая статья въ Очеркахъ Россіи. Въ началѣ Авторъ обобщаетъ, какимъ образомъ отправляется праздникъ Купалы въ Швеціи, Давіи, Англіи, Франціи, Германіи; потомъ уже описываетъ его у насъ въ Россіи. «Собирая свѣдѣнія и повѣрья о Купалѣ» — говоритъ Издатель — «я руководствовался словами крестьянъ, и въ особенности женщинъ и дѣвушекъ; былъ на нѣсколькихъ празднествахъ въ самый день Купалы, и

могу поручиться за вѣрность описанія того, что я видѣлъ, и точность пѣсенъ, которыя слышалъ. Правда, я помѣстилъ здѣсь полное празднованіе, какое только удавалось мнѣ видѣть. Въ однихъ мѣстахъ не поютъ нѣкоторыхъ пѣсенъ; въ другихъ не дѣлаютъ Купалы, а ходятъ только около марены; въ иныхъ мѣстахъ не смѣютъ раскладывать огней, а накладываютъ большой ворохъ крапивы, прыгаютъ чрезъ него съ пѣснями и часто нарочно обжигаются. Навѣрное еще много откроется при дальнѣйшемъ собраніи пѣсенъ и повѣрій объ этомъ праздникѣ, въ Малороссіи. Вообще же, въ Губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и Воронежской, въ которыхъ считается до 10,000,000 жителей, сохранился праздникъ Купалы въ большой силѣ, и сопровождается веселостію и какою-то торжественностію. Во всѣхъ этихъ Губерніяхъ можно, почти близъ каждой Малороссійской деревни, видѣть въ день Купалы купальскіе огни и слышать купальскія пѣсни. Съ высокаго мѣста часто видно вдругъ нѣсколько десятковъ огней. Въ тотъ же день горятъ они почти близъ всѣхъ Малороссійскихъ селеній, по всему протяженію Новороссійскаго края. Кто желаетъ посмотрѣть на праздникъ Купалы и послушать купальскихъ пѣсенъ, тому не надобно пропустить вечера и ночи на Ивановъ день. Въ остальное время года не охотно поютъ про Купалу, и то развѣ по строгому приказанію, или, можетъ быть, изъ денегъ или подарковъ, но эти пѣсни безъ обычая будутъ безцѣльны.»

Небольшой отрывокъ изъ записокъ: *Картина Сибири* (стр. 117—124) заставляетъ желать объ изданіи въ свѣтъ всего сочиненія. Другой отрывокъ: *Поездка въ Путивль*, Д. Демешкова, извѣстенъ уже по одному журналу, въ которомъ было напечатано то же самое, только подъ другою формою. Въ немъ дѣло идетъ о Путивльскомъ городкѣ

и надгробномъ камнѣ, находящемся тамъ. Авторъ полагаетъ, что это надгробный камень Василька, или Василя Георгіевича, сына Георгія Долгорукова, и слѣдовательно памятникъ XII вѣка. Но по изслѣдованіямъ Археологовъ оказывается, что этотъ надгробный памятникъ относится къ гораздо позднѣйшему времени. По мнѣнію Членовъ Археографической Коммиссіи, Гг. Бередникова и Устрялова, онъ принадлежитъ къ XVII вѣку, и во всякомъ случаѣ никакъ не старѣе XVI: ибо если и сомнѣваться въ цифрахъ ꙗк или ꙗи, то „З (ясно видимая) указываетъ на 1492 годъ; а какъ при ней находятся другія двѣ цифры, то годъ соотвѣтствуетъ по крайней мѣрѣ началу XVI столѣтія. Но всего вѣроятнѣе, надпись относится къ XVI вѣку, какъ ясно показываютъ цифры ꙗк и ꙗи, означающія 1612 или 1642 годъ. Имя Князя читается неясно, а отчество вовсе стерлось: послѣднее слово *В. .копской*, кажется, должно быть «Волконской (1)». Съ мнѣніемъ Гг. Бередникова и Устрялова согласенъ и Академикъ Кругъ.

Статья Г. Пассека объ *Осетинцахъ* (стр. 138—200) составлена преимущественно по сочиненію покойнаго Клапрота: *Voyage au mont Caucase et en-Georgie*; кромѣ того ему служили также пособіями Клапотовы *Tableaux historiques de l'Asie*, нѣкоторые изъ древнихъ Географовъ, особенно Страбонъ, свѣдѣнія о Кавказѣ Паискиихъ Посланниковъ къ Монгольскимъ Ханамъ; записки Гюльденштедта и другихъ Академиковъ, посѣтившихъ Кавказъ, и наконецъ общія новѣйшія свѣдѣнія, собранныя частію на самомъ Кавказѣ. Въ концѣ статьи приложена Грамматика Осетинскаго языка и Осетинскій Словарь, по Клапроту. Жаль, что Авторъ слишкомъ довѣрчиво принимаетъ извѣстія этого Оріенталиста, котораго трудами должно пользоваться съ большою осмотрительностію: потому что

(1) См. Ж. М. Нар. Просв., за 1837 годъ, Ч. XIV, стр. 117—118.

свѣдѣнія его въ языкахъ Кавказа теперь, когда мы имѣемъ уже основательныхъ знатоковъ этого предмета, болѣе чѣмъ когда-либо, подвержены сомнѣнію.

Г. Срезневскій помѣстилъ три статьи въ Очеркахъ Россіи; первую изъ нихъ: *Мартынъ Пушкарь* (стр. 201—218) мы прочли съ большимъ удовольствіемъ; въ ней весьма удачно очерченъ характеръ храбраго противника коварнаго Виговскаго. Другая же статья: *Сеймы* (стр. 226—239), кажется, вѣдь не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ: въ Очеркахъ Россіи общено помѣщать только то, что относится до Россіи; въ статьѣ же Г. Срезневскаго дѣло идетъ о Чешской рукописи, неизвѣстной къ намъ никакого отношенія, и притомъ еще полудостоверной. Известно, какъ мастерски разобралъ ее Добровскій, разсматривая «Русскую Правду» Раковецкаго. Добровскій изслѣдовалъ каждое слово Либушина Суда, приводилъ доказательства историческія и филологическія, и наконецъ вывелъ заключеніе, что это есть грубая поддѣлка, смасторепная въ наше время. Копитаръ, бывшій первый между Славянскими Филологами, доказываетъ то же самое. Должно припомнить, какимъ образомъ явилась эта рукопись. Въ 1819 году, когда открыта была Ганкою, на колокольнѣ, извѣстная Краловворская рукопись, кто-то неизвѣстный прислалъ въ Пражскій Національный Музеумъ четыре засаленные пергаменные листочки, писанные зелеными чернилами: это былъ Либушинъ Судъ, надъ которымъ столько смѣялся Добровскій, и за который нынѣшніе Чешскіе Ученые стоятъ горой. Не наше дѣло входить въ чужіе споры; мы ограничиваемся только замѣчаніемъ, что переводъ Чешской рукописи, касающейся только до Чехіи, нейдетъ въ Очерки Россіи. — Въ третьей статьѣ: *Изборники* (стр. 240—250), Г. Срезневскій задаетъ вопросъ: «Почему изборники и сборники были почти одностепенными книгами старой Руси?» Причину тому Авторъ находитъ въ самомъ Русскомъ умѣ, въ его природѣ,

доказывая, что вѣкъ сборниковъ на Руси еще вовсе не кончился.

• Кромѣ описанія Полтавской церкви Спаса Нерукотвореннаго, должно упомянуть также о находящихся въ концѣ Очерковъ замѣчаніяхъ и выпискахъ: 1) о замѣрваніи и вскрытіи рѣкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи; 2) о предѣлахъ Южныхъ и Сѣверныхъ растений и животныхъ въ Харьковской Губерніи; 3) о зимнихъ торговыхъ дорогахъ отъ Москвы до Харькова и отъ Харькова до Одессы—замѣчанія весьма любопытныя; 4) о переселеніи животныхъ; 5) объ Архангельскихъ промышленникахъ; 6) о курганахъ и городищахъ по преданіямъ народнымъ; 7) о пѣснѣ Черноморцевъ; 8) объ употребленіи ваннъ въ Малороссіи; 9) о нѣкоторыхъ повѣрьяхъ Финновъ, живущихъ въ Петербургской Губерніи; 10) о наказаніи невѣрныхъ женъ у Черкесовъ; и 11) о Кавказскомъ Прометѣѣ.

Къ Очеркамъ Россіи приложены весьма хорошія литографированныя рисунки: 1) барельефная карта Россіи; 2) видъ Кіевопечерской Обители; 3) видъ Крещатика; 4) планъ Кіевопечерской Обители; 5) видъ праздника Купалы въ Малороссіи; 6) снимокъ съ надгробнаго памятника Князя Василя Георгіевича; 7) видъ церкви Спаса Нерукотвореннаго, въ Полтавѣ; 8) внутренность той же церкви; 9) ноты къ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ статьѣ: «Праздникъ Купалы».

Историческое обозрѣніе Сибири. *Книга первая, съ 1585 до 1742 года. Москва, въ тип. А. Седова, 1838, въ 8 л. л., стр. XXX, 589.*

Исторія Сибирскаго края, столь важнаго для Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, должна начинаться не съ подвиговъ Ермака и его дружины, а съ того времени, когда наши предпримчивые промышленники, побуждаемые ви-

дами торговли, впервые проникли въ невѣдомый дотогѣ край и вошли въ соприкосновеніе съ туземными племенами. Завоеванія Ермака и другихъ предводителей Казачьихъ отрядовъ, которые шли по слѣдамъ его, были уже слѣдствіемъ смѣлаго шага нашихъ промышленниковъ, имѣвшихъ нужду въ физической силѣ для успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Промышленность познакомила Русскихъ съ Сибирскимъ краемъ, — и здѣсь-то исходная точка для Историка, желающаго слѣдить за водвореніемъ и утвержденіемъ Русской власти между племенами, населяющими Сибирь. Очевидно, что въ Исторію этой страны входятъ два разнородные элемента: элементъ туземный и элементъ Русскій. Представить борьбу этихъ двухъ элементовъ и постепенное преобладаніе одного изъ нихъ — вотъ вся задача Исторіи Сибири, приведенная въ простѣйшую формулу. Конечно, постепенное завоеваніе Сибири не можетъ сравниться съ завоеваніями Америки, столь поэтически описанными Робертсономъ и Вашингтономъ-Ирвингомъ; однакожь было бы въ высшей степени любопытно имѣть передъ собою картину, искусною рукою набросанную, того, что совершалось самыми маловажными шайками Казаковъ, шедшихъ впередъ на удачу, безъ картъ, безъ путеvodителей, безъ знанія мѣстностей, и остававшихся болѣею частию побѣдителями. Эти смѣлые искатели приключеній расхаживали по Сибири, развѣжали по Амуру, не столько для обложенія лѣсомъ туземцевъ, сколько для собственной добычи. Случалось, что они слишкомъ далеко заходили съ своими маловажными силами и погибали; но подобныя неудачи не утруждали Казаковъ. Съ одной стороны, такіе развѣзды и паѣзды были полезны для Московскаго Государства, ибо служили къ распространенію Русской власти; съ другою, они были до чрезвычайности предны, ибо ослабляли власть Русскихъ въ завоеванныхъ уже мѣстахъ. Казаки, вмѣсто того, чтобы защищать острога, въ кото-

рые они были присланы, отправлялись за ясакомъ, подвергая новопереселившихся жителей и самыя укрѣпленія нападеніямъ и мщенію туземцевъ.

Если любопытно слѣдить водвореніе Русской власти въ Сибирскомъ краѣ, то не менѣе занимательно наблюдать за постояннымъ введеніемъ Русскаго порядка вещей въ странѣ, населенной племенами съ другими правами, другими обычаями, другими требованіями, нежели завоеватели. Управлять издали столь обширнымъ краемъ, при поверхностномъ о немъ поятіи, было дѣломъ не легкимъ. Отъ этого и не удивительно, съ какою медленностію водворялся порядокъ вещей, существовавшій въ Московскомъ Государствѣ, и какъ сильны были злоупотребленія нѣкоторыхъ людей, въ рукахъ коихъ находилась судьба цѣлой страны. Не должно забывать, что до Михаила Феодоровича не было нѣпослѣдственнаго правительственнаго мѣста для управленія дѣлами Сибири: сначала, при сынѣ Грознаго, грамоты въ Сибирь посылались изъ Посольскаго Приказа; съ 1596 года изъ Чети Дѣла Вохрамея Иванова; потомъ съ 1599 изъ Приказа Казанскаго Дворца, и наконецъ съ 1637 года изъ Сибирскаго Приказа. Но не смотря на это положеніе дѣлъ, утѣшительно видѣть постепенное возниканіе слободъ, остроговъ и городовъ, куда, по ходатайству Воеводъ, присылались военныя команды, снабженныя огнестрѣльными снарядами: и то и другое было необходимо какъ для исправнаго полученія ясака съ туземцевъ, такъ и для удержанія покоренныхъ племенъ въ повиновеніи. Границы новозавоеваннаго края стали мало по малу обозначаться, и Русскіе скоро явились полными хозяевами страны, къ покоренію которой первый камень положенъ былъ смѣлымъ Ермакомъ и его дружиною.

Такъ водворилась Русская власть въ Сибирскомъ краѣ. Любопытны отношенія его къ Россіи въ то бѣд-

ственное время, когда она страдала отъ смутъ въ эпоху Самозванцевъ и Междоцарствія. Отдаленность Сибири отъ центра дѣйствій Самозванцевъ спасла насъ отъ потери страны, только что завоеванной, гдѣ Русскіе не успѣли еще стать твердою ногою, и гдѣ бѣдствія и раздоры Московскаго Государства заставили нѣкоторые племена подумать о прежней своей независимости. Но благоразумныя мѣры Сибирскихъ Правителей отвратили угрожавшую опасность, и съ водвореніемъ новой династіи Сибирскій край навсегда сплавился съ прочими Русскими владѣніями.

Историкъ Сибирскаго края имѣетъ передъ собою богатый запасъ матеріаловъ, съ помощію коихъ есть возможность изобразить судьбу и перевороты этой страны, начиная съ XVI вѣка. Не говоря уже о трудахъ Миллера и Фишера, сколько драгоценнаго найдетъ онъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ Румянцевскомъ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ, и въ Актахъ Археографической Экспедиціи! Матеріалы есть: они собраны и падаютъ,—нужно только умѣнье составить изъ нихъ нѣчто цѣлое, систематическое. Всякій спеціальный трудъ, даже не совершенно удовлетворяющій требованіямъ строгой критики, заслуживаетъ благодарности, какъ трудъ приготовительный для будущаго Историка. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на книгу Г. Словцова: *Историческое обозрѣніе Сибири*, посвященную памяти Миллера. Если сочиненіе это, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не выдержитъ строгой исторической критики и не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Науки, то не должно забывать, что Авторъ писалъ ее въ странѣ, лишенной ученыхъ пособій. «Получая книги изъ столицъ»—говорятъ Авторъ — «для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я не рѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое въ такомъ краѣ, который глухъ и холоденъ для содѣйствія подобному труду». Недостатокъ въ системѣ и планѣ всего сочиненія и неполнота выводовъ изъ обиль-

ныхъ матеріаловъ, находившихся подъ руками Автора, замѣняются богатымъ собраніемъ фактовъ, касающихся до Исторіи Сибири вообще, и добросовѣстностію, съ которою трудился почтенный Авторъ. Не должно забывать также, что Сочинитель писалъ не Исторію собственно Сибири, а только историческое обозрѣніе этой страны.

Авторъ раздѣляетъ Исторію Сибири на шесть періодовъ: первый продолжается съ 1585 до 1662 года; второй — съ 1662 по 1709; третій — съ 1709 по 1742; четвертый — съ 1742 по 1765, или до раздѣленія Сибири на двѣ Губерніи; пятый — съ 1765 до 1792, т. е. до возобновленія торговаго сношенія съ Китаемъ, и наконецъ шестой — съ 1792 до 1823 года, до изданія Сибирскаго Учрежденія и открытія двухъ главныхъ Управленій: Западнаго и Восточнаго. Первые три періода составляютъ первую книгу Обозрѣнія, sixth вышедшую въ свѣтъ; остальные три войдутъ въ составъ второй книги.

Въ первомъ періодѣ помѣщены любопытныя подробности о появленіи Поляркова на Амурѣ и о походахъ Хабарова, Степанова и Дежнева. Здѣсь же читатель найдетъ множество фактовъ объ учрежденіяхъ, касающихся Сибири. Авторъ заключаетъ этотъ періодъ обозрѣніемъ состоянія границъ, знакомства съ заграничными племенами, торговли, путей сообщенія, населенности, и т. д. Во второмъ періодѣ Авторъ излагаетъ происшествія, случившіяся въ теченіе 47 лѣтъ, съ 1662 по 1709 годъ, въ Сибири Тобольской, Томско-Енисейской и Забайкальской. Здѣсь посвящена цѣлая глава открытію Камчатки и пѣздамъ Казачьимъ въ эту страну. Разсматривая узаконенія и учрежденія, до Сибири касающіяся и въ этомъ періодѣ появившіяся, Авторъ указываетъ на главнѣйшія преобразованія въ правленіи, говоритъ о податяхъ депожной и личной, объ установленіяхъ относительно Азіатцевъ, о Духовенствѣ, сообщеніяхъ, рудномъ дѣлѣ, продовольствіи винномъ. Въ заключеніи этого періода, Авторъ

представляет окончательный очеркъ вѣтвиныхъ отношеній Сибири, бытъ торговый, характеръ Русскихъ Сибиряковъ и свѣдѣнія о Русской населенности. Третій періодъ раздѣляется на семь главъ. Первая посвящена просвѣщенію, какъ въ Духовномъ званіи, такъ и въ гражданскихъ сословіяхъ. Здѣсь говорится о Миссіяхъ въ Камчатку и Пекинъ. Вторая глава занимается составомъ губернскаго управленія Сибири, силами ея и доходами неокладными. Третья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ умноженіи Государственнаго богатства и о горномъ дѣлѣ по Уралу, Алтаю и за Байкаломъ. Въ четвертой главѣ представляются границы Сибири; здѣсь же помѣщены описанія экспедицій Чукотской и Камчатскихъ. Пятая и шестая главы посвящены торговлѣ и частной жизни Сибири. Въ седьмой помѣщены выводы Автора. Изъ этого бѣлаго обзорѣнія содержанія книги Г. Словцова видно уже, какія любопытныя свѣдѣнія заключаетъ она, хотя и не расположенныя систематически. Будущій Историкъ воспользуется трудомъ почтеннаго Автора, дополнитъ то, чего недостаетъ у него, исключитъ излишнее, и приведа разпорядныя свѣдѣнія въ систему, составитъ полную, систематическую Исторію Сибири, и поблагодаритъ своего предшественника за приготовительный трудъ.

Должно замѣтить, что книга Г. Словцова издана прекрасно, на отличной бумагѣ, со всею типографскою изыщностью.

Біографія Іосифа Добровскаго, сочиненная Ф. Палацкимъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ А. Царскій. Москва, 1838, въ тип. Авт. Семена, къ 8 д. л. стр. 70. Съ литографированными портретомъ и видомъ гробницы Добровскаго.

Вліяніе Добровскаго на Славянскую Филологію было такъ велико, что кончина этого великаго мужа произвела

въ ученѣмъ мірѣ всеобщее ощущеніе. Даже Ученые, никогда не занимавшіеся на томъ поприщѣ, на которомъ прославился Добровскій, писали объ утратѣ славнаго Филолога. «Аббатъ Іосифъ Добровскій»—говорить Гёте—«въ одномъ Берлинскомъ журналѣ, старѣйшина по части историко-критическихъ изслѣдованій въ Чехіи, этотъ рѣдкій человѣкъ, при геніальномъ трудолюбіи и Геродотовскихъ путешествіяхъ, съ молодости предавшійся изученію Славянскихъ языковъ и бытописанія, всѣ свои изслѣдованія, по особенной любви, примѣнялъ къ изученію Чешскаго народа и его страны, и такимъ образомъ соединилъ славу народнаго писателя со славою Науки. Гдѣ только онъ углубляется въ изслѣдованія, тамъ тотчасъ видѣнъ знатокъ, обнимающій предметъ свой вполне, и умѣющій изъ отрывковъ составлять цѣлое.» Этими словами Гёте начинается Г. Палацкій свою брошюрку о Добровскомъ, нынѣ появляющуюся въ Русскомъ переводѣ. Собственно Біографіею, въ строгомъ смыслѣ слова, назвать ее нельзя, ибо она вовсе не знакомитъ насъ съ Добровскимъ, какъ Ученымъ. Это есть просто собраніе нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній объ ученѣмъ Славянскомъ Филологѣ, т. е. когда онъ родился, гдѣ кончилъ курсъ ученія, въ какое время путешествовалъ, и т. д. Что касается оцѣнки ученыхъ трудовъ Добровскаго, того, въ какомъ состояніи нашелъ онъ Славянскую Филологію, въ какомъ оставилъ ее при смерти своей, переворота, произведеннаго Добровскимъ въ занятіяхъ филологическихъ, и вліянія, которое онъ имѣлъ на историческія и филологическія изслѣдованія,—обо всемъ этомъ читатель ничего не найдетъ у Г. Палацкаго. Даже послѣдніе годы жизни Добровскаго могли бы быть описаны несравненно занимательнѣе; всѣ любопытныя подробности, слышанныя нами отъ Конитара, друга Добровскаго, объ этихъ годахъ его жизни, такъ характеризуютъ Добровскаго, какъ человѣка и Ученаго,

что безъ нихъ не лзя имѣть вѣрнаго понятія о Славянскомъ Филологѣ.

Русскій переводъ Біографіи Добровскаго хорошъ, хотя нѣкими мѣстами изобличаетъ еще малый навѣкъ въ литературномъ дѣлѣ. Замѣтимъ только Переводчику, что вмѣсто чужеземныхъ словъ: Богемія, Богемскій, Богемецъ, несравненно лучше писать по Славянски: Чехія, Чешскій, Чехъ. Фамилію Dugisz Переводчикъ пишетъ вездѣ Дуричъ, между тѣмъ какъ слѣдуетъ писать Дурихъ. Дурихъ не былъ Илиріецъ, какъ полагають нѣкоторые писатели, но Чехъ, изъ Турнау. О произношеніи фамиліи Дуриха писалъ Добровскій еще въ своей Глаголитикѣ (изд. 3-е, стр. 7).

Должно желать, чтобы приложенный къ Біографіи Добровскаго списокъ его сочиненій заставилъ молодыхъ Переводчиковъ заняться переложеніемъ на Русскій языкъ нѣкоторыхъ трактатовъ великаго Филолога: такъ напримѣръ мнѣніе сего ученаго мужа о томъ, какъ должно пользоваться легендами для Исторіи, или трактатъ его о томъ, какимъ образомъ должно пользоваться древними документами въ отношеніи къ различнымъ отраслямъ Отечественнѣй Исторіи, могутъ быть приложены и къ нашей Отечественнѣй Исторіографіи. Собрать всѣ подобныя разсужденія Добровскаго и издать ихъ вмѣстѣ въ Русскомъ переводѣ, было бы весьма полезнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что они напечатаны въ Собраніи Трудовъ Чешскаго Общества, которые не всякій имѣетъ случай достать и не въ каждой библіотекѣ.

Воспоминанія о Персіи. 1834 — 1835. *Барона
Федора Корфа. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип. 1838,
въ 8 д. л. стр. VI, 290.*

Въ наше время путешествія составляютъ одну изъ богатѣйшихъ отраслей Литературы почти во всей Европѣ. Какъ скоро наступаетъ лѣто, Французскіе, Англійскіе и Швейцарскіе Литераторы оставляютъ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, и отправляются путешествовать. Къ концу года являются красивенькіе томикі различныхъ Воспоминаній, Впечатлѣній, Очерковъ, Поѣздокъ, Прогулокъ, и т. п. Такимъ образомъ, Литература путешествій съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обогащается. Всмотрѣваясь въ путешественниковъ, разъѣзжающихъ по Европѣ, не трудно замѣтить, что число нашихъ соотечественниковъ, гуляющихъ по Германіи, Италіи, Франціи и Англии, довольно значительно. Но мы еще такъ бѣдны путешествіями, что всякая книга въ этомъ родѣ составляетъ почти эпоху въ нашей Литературѣ? Иной годъ мы не найдемъ у себя и двухъ путешествій, между тѣмъ, какъ во Франціи, Германіи и Англии они являются сотнями ежегодно. При такой бѣдности нашей Литературы путешествій, необходимо быть благодарнымъ къ тѣмъ путешественникамъ, которые передаютъ намъ свои впечатлѣнія.

Книга Барона Корфа «Воспоминанія о Персіи» заслуживаетъ еще большаго вниманія и потому, что въ ней описывается страна, въ которую отправляется не такъ много странствователей. Съѣздить въ Персію не то, что съѣздить въ Парижъ или въ Швейцарію. «Я смотрѣлъ на Персію»—говоритъ онъ—«не какъ Ориенталистъ, не какъ Ученый, но просто, какъ Европейецъ, попавшій въ Азію и записывающій все, что бросается ему

въ глаза.» Послѣ этихъ словъ, читатель можетъ видѣть, какимъ образомъ ему должно смотрѣть на книгу Б. Корфа; кто станетъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія, тотъ всегда прочтетъ ее съ удовольствіемъ и упрекнетъ Автора развѣ только за то, что онъ часто, рассказывая о весьма любопытныхъ и важныхъ предметахъ, и завлекши читателя, вдругъ начинаетъ шутить и прерываетъ свое занимательное повѣствованіе. Баронъ Корфъ посѣтилъ Персію въ 1834 и 1835 годахъ. Въ девятимѣсячное пребываніе свое, онъ былъ свидѣтелемъ смерти одного Шаха, и восшествія на престолъ другаго. При немъ три Принца были ослѣплены и восемь посажены въ темницы; первый Министръ задушенъ; въ Тегеранѣ и Тебризѣ свирѣпствовала чума и холера. Происшествій достаточно для такого короткаго времени!

Мы не будемъ слѣдовать за Авторомъ въ его путешествія по Россіи, Грузіи и Арменіи. Авторъ сѣлши въ Персію: ему некогда писать много; наконецъ, послѣ долгаго странствованія, онъ достигаетъ до Тебриза, купуатаго на большой равнинѣ и состоящаго изъ двухъ частей города и предмѣстьевъ. Самый городъ далеко не такъ великъ, какъ предмѣстья. Онъ окруженъ каменною стѣною съ зубчатыми верхами и кругловатыми башнями; вокругъ стѣны вырытъ глубокій и довольно широкій сухой ровъ. По словамъ Автора, Тебризъ издали не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго: высокыхъ зданій мало, мипаретовъ вовсе нѣтъ, отъ чего и кажется все чрезвычайно однообразнымъ; крыши плоскія, дома сѣроватаго цвѣту. Къ числу достопримѣчательныхъ строеній въ городѣ принадлежатъ дворецъ Наслѣдника Престола, такъ называемый *аркъ*, каравансарай и базаръ Аббаса-Мирзы, и нѣкоторые дома частныхъ людей: послѣднихъ не много.

Въ Тебризѣ Авторъ представлялся Мухаммеду-Мирзѣ, старшему сыну покойнаго Аббаса-Мирзы, внуку Фехтъ-Али-Шаха, который назначилъ его своимъ Наслѣдникомъ Престола.

Послѣ аудіенціи, Авторъ не забываетъ представить читателю описаніе залы, въ которой принималъ его Наслѣдникъ Персидскаго Престола. Но для насъ несравненно любопытнѣе описаніе людей, нежели вещей, и потому мы послушаемъ лучше, что говоритъ Авторъ о характерѣ извѣстнаго Аббасъ-Мирзы:

«Аббасъ Мирза былъ третій сынъ Фехтъ-Али-Шаха; но не смотря на то, что старшіе братья имѣли болѣе права, нежели онъ, на наслѣдіе Престола, покойный Шахъ, уважая въ немъ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи сдѣлали ему имя даже въ Европѣ, назначилъ его своимъ преемникомъ..... Аббасъ Мирза былъ человекъ предприимчивый и умный. Желаніе быть полезнымъ своему Отечеству было въ немъ велико и проявлялось многими благородными усиліями на пользу общую. Заведеніе сербазовъ, улучшеніе устройства войскъ, вообще принятіе въ Персидскую службу свѣдущихъ иностранцевъ, основаніе въ Тебризѣ арсенала, построеніе обширнаго базара, — все это доказываетъ въ Аббасѣ Мирзѣ стремленіе къ добру, къ порядку и слѣдственно къ благоденствію того края, который въверенъ былъ его управленію. При такихъ хорошихъ расположеніяхъ должно бы было ожидать отъ Аббаса Мирзы важныхъ, великихъ дѣлъ, которыя бы принадлежали къ числу главнѣйшихъ событій Исторіи Персіи. — Этого должно было дѣйствительно ожидать; но выдавать надежды за сущность, за настоящее, этого отнюдь не слѣдовало, а это сдѣлано, и вотъ отъ чего многіе имѣютъ на счетъ Аббаса Мирзы слишкомъ высокое и

ложное мнѣніе..... Онъ былъ вспыльчивъ. Въ минуту гнѣва готовъ былъ рѣшиться на все; по это лихорадочное положеніе скоро миновалось (т. е. проходило). Хотя вспыльчивость вообще не годится; по ее можно простить тому, у кого вмѣстѣ съ первымъ порывомъ улетаетъ и самое сѣмя злобы. Этимъ отличался Аббасъ-Мирза, и я бы не упомянулъ даже объ этомъ свойствѣ его характера, если бы оно не сопровождало его въ дѣлахъ важныхъ, еслибы минуты, въ которыя онъ рѣшался на отважныя предпріятія, не были такъ же мимолетны, еслибы онъ не былъ такъ же безхарактеренъ въ благихъ начинаніяхъ, какъ и въ гнѣвѣ своемъ. Все у него была вспышка, все начиналось хорошо; по не доставало жару, чтобы поддержать начатое, не доставало силъ вынести долгое испытаніе; то самое мужество, которое его оживляло въ началѣ, совершенно исчезало въ послѣдствіи: однимъ словомъ, у него не было того, что мы называемъ *выдержкою*, или если хотите *терпѣливостію*, необходимаго свойства всякаго человѣка, трудящагося для какой-нибудь цѣли, на какой-нибудь концъ. Доказательствомъ его безхарактерности можетъ служить обращеніе его съ первымъ Министромъ. Онъ не могъ его терпѣть, зная въ немъ вреднаго человѣка, и при малѣйшемъ неудовольствіи, просто безъ чиновъ, билъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ довольно твердости не только удалить его, но даже позволялъ ему управлять собою самовластно. Съ этою слабостію характера Аббасъ Мирза соединялъ еще наклонность ко всевозможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, извѣстнымъ на Востокѣ, которыя, разстроивая здоровье, отнимали у него большую часть времени и заглушали въ немъ часто голосъ разсудка до того, что онъ жертвовалъ въ пользу ихъ наиважнѣйшими дѣлами. Желая образовать свою страну, онъ вовсе не старался образовать самого себя. Вотъ краткій очеркъ характера Аббасъ-Мирзы. Соединивъ его хорошія и дурныя качества, всякій благомысли-

цій челоѣкъ можетъ оцѣнить его и назначить ему то мѣсто, которое онъ заслуживаетъ. Я увѣренъ, что всѣ бывшіе въ Персіи, или тщательно занимавшіеся ею, согласятся со мною, что Аббасъ-Мирза могъ бы принести важную пользу своему Отечеству, если бы слабости его не были такъ велики, и что онъ сдѣлалъ для Персіи очень мало такого, что бы могло дать ему право на то блестящее имя, которое даютъ ему люди, разсматривавшіе дѣла его поверхностно, или не занимавшіеся ими вовсе.»

Въ Тебризѣ Авторъ не оставался въ бездѣйствіи: онъ познакомился тамъ съ достопримѣчательностями Персидскими, съ Статсъ-Секретаремъ Мирзою Салегомъ, бывшимъ въ Петербургѣ и Лондонѣ, и говорящимъ по Французски и по Англійски, и съ страшнымъ Каймакамомъ, первымъ Министромъ Наслѣднаго Принца, составлявшимъ предметъ ненависти всѣхъ Персіяхъ. Объ ужасной кончинѣ его находится нѣсколько подробностей въ концѣ Воспоминаній. Вода читателя по окрестностямъ Тебриза, знакомя его съ садами и кладбищами Персидскими, рассказывая ему о замѣчательныхъ зданіяхъ города, Авторъ не упускаетъ нѣ въ виду весьма важнаго предмета — торговли Персіи. Въ седьмой главѣ помѣщены замѣчанія о ви́ншей торговлѣ Персіи, въ особенности въ отношеніи къ Россіи. Они заслуживаютъ вниманіе; но Авторъ ограничивается однимъ только очень краткимъ обзоромъ ви́ншей торговли Персіи съ Россією и отчасти съ Англією. Онъ исключительно записывается Тебризомъ, какъ главнымъ торговымъ городомъ Персіи. «Должно начать съ того»—говоритъ Авторъ—«что Тебризъ по близости своей къ нашей границѣ (всего два дня перехода отъ Аракса до Тебриза съ вьюками) представляетъ для насъ первое мѣсто, въ которомъ товары наши, идущіе черезъ Грузію и Армянскую область, могутъ быть сбыты.

Разсмотримъ теперь, съ другой стороны, торговлю Англіи съ Персією, мы находимъ, что она имѣетъ также два пути: одинъ черезъ Бандеръ-Буширъ (этотъ путь есть собственно путь торговли Остъ-Индской Компаніи съ Персією), и другой черезъ Требизондъ и Арзерумъ въ Тебризъ. Главный путь сообщенія есть послѣдній, и въ этомъ случаѣ Тебризъ стоитъ на дорогѣ, по которой Англіійскіе товары идутъ изъ Требизонда въ какой бы то ни было пунктъ Персіи. Изъ этого видно, что въ Тебризѣ сходится вся главная Европейская торговля. Тебризскія лавки наводнены иностранными товарами, капиталы въ непрерывномъ движеніи, и по смотря на всю эту жизнь, на всю дѣятельность, Персія далеко еще не снабжается потребнымъ для нея количествомъ Европейскихъ товаровъ, и если иногда иностранные товары, продающіеся на сроки, не легко сбываются, и даже можетъ быть не приносятъ той выгоды, которой купцы отъ нихъ ожидаютъ, то этому никакъ не должно полагать причиною недостатокъ въ потребителяхъ. Это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ ложнаго и отъ поверхностнаго знанія Европейцами мѣстныхъ обстоятельствъ или нуждъ, и несумѣнія ихъ приписывать ко вкусу Персіянъ, что однако, при небольшомъ стараніи, и даже при ограниченныхъ способахъ, весьма не трудно узнать съ точностію. Главныя ошибки нашихъ Европейскихъ купцовъ состоятъ въ томъ, что они привыкли, не зная почему, считать Азію вообще, и Персію въ особенности, за какое-то захолустье, куда воровъ костей своихъ не заноситъ, гдѣ все живутъ разбойники и воры, гдѣ родная конфекка не охранена ничѣмъ, гдѣ всегда должно дѣйствовать на авось. Но этому самому, мало купцовъ, особенно Русскихъ, могущихъ располагать большими капиталами, рѣшились доселѣ на какія-нибудь торговые предпріятія въ Персіи. Страхъ, это чудовище съ безконечно-огромными глазами, удерживаетъ всѣхъ. Но

чего бояться? Нѣтъ сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока Русскіе купцы будутъ думать, что все то, что продается въ Москвѣ и Петербургѣ, можетъ быть продано и въ Тебризѣ, или не думая ничего, будутъ посылать въ Персію, какъ въ край заброшенный, забытый, всякую дрянь, никуда негодную, то они конечно въ правѣ бояться, какъ огня, прямыхъ сношеній съ Тебризомъ; потери, которыя они понесутъ, могутъ быть значительны, и въ такомъ случаѣ это будетъ должное возмездіе за безпечность и нехотѣніе постигать собственныя выгоды.»

«Но если, напротивъ того» — продолжаетъ Авторъ — «благоразумные, дальновидные капиталисты захотятъ обратить вниманіе на Персію, приложатъ пѣкоторое стараніе къ изученію духа Азіатской торговли, то результаты покажутъ имъ, что труды ихъ не пропади; они убѣдятся въ томъ, что Персіею пренебрегать нечего, что она бездонная пропасть, могущая поглощать огромныя массы Европейскихъ произведеній, если эти произведенія сообразны съ ея нуждами и соответствуютъ вкусу ея жителей — условіе необходимое, безъ котораго никогда и нигдѣ не лзя ручаться за успѣхъ. Пусть попробуетъ какой-нибудь спекуляторъ привести въ Европейскую Державу Персидскихъ бараньихъ шапокъ, или никуда негодныхъ шалей; онъ убѣдится тогда, что по въ одной Персіи дурно сбываются дурныя и ненужныя вещи. Но этого никто никогда не сдѣлаетъ. А отъ чего? Отъ того, что всѣ Европейскіе купцы слишкомъ хорошо знаютъ Европу, чтобы пуститься на такой ложный расчетъ. Слѣдственно, торговля Европы съ Персіею отъ того не достигла должнаго развитія своего, что наши купцы вовсе не знаютъ Персіи, и, къ несчастію, кажется не дѣлаютъ ни шагу, чтобы наконецъ познакомиться съ нею; они имѣютъ о ней точно такое же понятіе, какъ Персидскіе купцы объ Европѣ, которые точно такъ же съ большимъ

трудомъ рѣшаются ѣхать въ землю *Кафировъ*. Не хорошо и то, что наши за-Араксовскіе сосѣди не знаютъ, кто мы таковы, а уже намъ, просвѣщенному міру, не знать, что у насъ дѣлается подъ бокомъ, это не только стыдно, но даже и очень грѣшно. Я знаю, чѣмъ оправдывается купечество. Оно говоритъ, что многіе купцы, продавая товары свои на срокъ, часто не получали денегъ, что торговать на чистыя деньги невозможно, потому что ни одинъ Персидскій купецъ на это не согласится, и что поэтому потери, понесимыя Европейцами, бываютъ весьма значительны и повторяются очень часто. Но это возраженіе не мѣло считать дѣйствительнымъ, потому что примѣры дурныхъ спекуляторовъ не суть законы для людей, понимающихъ истинные расчеты. Всякій хорошій купецъ не будетъ гнаться за огромною прибылью, а будетъ довольствоваться барышемъ, обеспечивающимъ его издержки и доставляющимъ ему обыкновенныя выгоды, которыхъ отъ торговли ожидать можно. Но дѣло въ томъ, что Европейскіе купцы, привозящіе товары свои въ Тесбризъ, считаютъ совершенный ими подвигъ до того важнымъ, что не знаютъ, какъ оцѣнить свой великій трудъ. Они думаютъ, что пріѣзжалъ въ Тесбризъ для своихъ выгодъ, они оказываютъ тѣмъ необыкновенную честь и милость Персамъ и хотятъ заставить ее платить ужасныя суммы за вещи самыя ничтожныя, обыкновенныя. Отсюда происходятъ все запутанности въ дѣлахъ Европейскихъ торговцевъ, которые, ссылаясь въ долгъ за дорогія цѣны свои товары, должны потомъ хлопотать, и иногда, хотя очень рѣдко, не получаютъ сполна своихъ денегъ. Если же бы они, напротивъ того, назначали умеренныя цѣны, то нашлось бы много покупателей на чистыя деньги, дѣла сдѣлались бы проще, и не было бы и рѣчи о потеряхъ, впрочемъ, по моему образу мыслей, только минимыхъ. Сверхъ этого должно замѣтить, что иски Европейскихъ купцевъ, Русскихъ и Англійскихъ, для полу-

ченія должныхъ имъ денегъ, очень рѣдко остаются не-удовлетворенными, или лучше сказать, они почти всегда получаютъ слѣдующее имъ, потому что Россійская и Англійская Миссія всегда принимаютъ въ нихъ живое участіе, и по уваженію, которымъ онѣ въ Персіи пользуются, настоянія ихъ, чтобы Европейскіе купцы не понесли убытковъ, никогда не остаются безъ успѣха. Конечно, есть случаи, гдѣ, при всемъ желаніи, не лзя сдѣлать ничего; но гдѣ же не бываютъ банкротства, гдѣ же найти такую блаженную землю, гдѣ бы вовсе не было несостоятельныхъ должниковъ: это не есть исключительная принадлежность Персіи, это несчастіе - космополитъ, не щадящее ни одного Государства.»

Говоря о преимуществахъ Россіи передъ Англією въ торговлѣ съ Персією, Авторъ пишетъ слѣдующее: «Сравнивая торговые пути, ведущіе изъ Россіи и Англіи въ Тебризъ, легко убѣдиться въ томъ, что Россія, въ этомъ случаѣ, пользуется важнымъ преимуществомъ передъ Англією. Не говоря уже о близости нашей границы, а потому и о возможности, безъ большихъ издержекъ, доставлять въ Персію Русскіе товары изъ Грузіи и изъ Астрахани, стоитъ только подумать о совершенной съ этихъ сторонъ безопасности сообщеній, и сравнить ихъ съ путемъ, по которому слѣдуетъ Англійская торговля черезъ Константинополь и Тренизондъ. Наши товары идутъ по нашимъ же владѣніямъ и по Сѣверной Персіи, странѣ спокойной и даже нѣсколько образованной. Англійскіе же, идущіе черезъ Тренизондъ, должны проходить по владѣніямъ Турецкимъ и Персидскимъ, наводненнымъ кочующими племенами грабителей. Не далье какъ въ 1834 году, Курдичи Джегалійскаго племени разграбили караванъ близъ деревни Караѣлисъ, неподалеку отъ Діадина и Баязида. Сто тридцать выюковъ съ товарами на сумму 93,106 тумановъ, т. е. около милліона рублей, попались

въ руки жадныхъ Кураницевъ. И чтожь? Не смотря на эти несчастные случаи, повторяющіеся отъ времени до времени, официально публикованные факты (Коммерч. Газ. 1836, № 47) показываютъ, что ежегодно отправляется въ Персію черезъ Трѣбизондъ и Арзерумъ около 5500 выюковъ на верблюдахъ, лошадяхъ и лошакахъ. Полагая, круглымъ числомъ, каждый выюкъ цѣною въ 1000 рублей, получимъ сумму пяти съ половиною милліоновъ, на каковую Персія ежегодно получаетъ разныхъ товаровъ черезъ Трѣбизондъ. Главные предметы сего привоза суть: ситцы, миткали, кисей, пилсы, бархаты, сахаръ и ромъ. Не говоря уже о важныхъ оборотахъ, предпринимаемыхъ Англичанами, скажу здѣсь только, что тросъ Англіійскихъ купцевъ, Борджестъ, Бопомъ и Бикъ, живущіе въ Тебризѣ, получалъ въ 1834 году изъ Англіи товаровъ на 790,000 рублей, а Персидскіе купцы въ тотъ же годъ привезли изъ Константинополя Турецкихъ и Европейскихъ товаровъ на 14,976,144 руб. Въ томъ же 1834 году отпущено изъ Россіи въ Персію товаровъ на 2,256,406 руб., а привезено оттуда на 6,022,994 руб. (Виды Торговли за 1834 г.). Эти факты не весьма утѣшительные, заставляютъ нисколько всякаго призадуматься и искать причины такого незначительнаго торговаго.

Авторъ былъ еще въ Тебризѣ, когда пришла туда вѣсть изъ Тегерана о смерти Фетхъ-Али-Шаха, 8 Октября 1834 года. Это случилось въ Испагани, послѣ кратковременной болѣзни, причиненной невоздержаніемъ въ пищи: чудесныя Испанскія дыни погубили Шаха. Авторъ посвящаетъ нѣсколько любопытныхъ страницъ на описаніе покойнаго Шаха.

Послѣ смерти Фетхъ-Али-Шаха въ Персіи явилось вдругъ четыре Шаха: Правитель Мазандерана, сынъ

покойнаго Шаха, и дядя новаго Государя, Мулькъ-Ара-Мирза, провозгласилъ себя Шахомъ; другой дядя, Гуссейнъ-Али-Мирза, посившій званіе Ферманъ-Ферма, «Повелителя», Правитель Шираза, послѣдовалъ также примѣру брата, и царствовалъ себѣ въ Ширазѣ, въ полной увѣренности, что вскорѣ вся Персія ему покорится. Зеили-Султанъ, подъ именемъ Адиль-Шаха, держался въ Тегеранѣ и не помышлялъ о возможности низложенія своего величія. Мухаммедъ-Шахъ, законный наслѣдникъ, былъ въ критическихъ обстоятельствахъ: читатели найдутъ въ книгѣ Б. Корфа, какимъ образомъ миповалось это смутное для Персіи время и какъ восторжествовалъ Мухаммедъ-Шахъ. Военныя обстоятельства Персіи подали Автору случай описать намъ Персидскій лагерь и познакомить читателей, хотя поверхностно, съ сербазамъ, кавалеріею и артиллеріею Персіи. Авторъ не очень похвально отзывается о Персидскихъ Офицерахъ.

Оставивъ Тебризъ въ одно время съ Шахомъ, Авторъ присутствовалъ при торжественномъ вѣздѣ въ Тегеранъ. Шествіе Мухаммеда-Шаха не имѣло ничего величественнаго. Верстъ за шесть или за семь отъ города, начались встрѣчи. Прежде всего явились представители городскихъ кварталовъ, потомъ представители купечества, вся городская знать и т. д. Шахъ отправился въ загородный дворецъ свой *Нигаристанъ*, лежащій возлѣ самого Тегерана. Дѣй главы посвящены Авторомъ на описаніе Тегерана, его базаровъ, улицъ, водопроводовъ и караванъ-сараявъ, окрестностей и наконецъ нищихъ, коими Персія изобилуетъ. Между прочимъ, Авторъ распространяется объ обѣдѣ, на который приглашенъ былъ онъ къ дядѣ новаго Шаха, Гуссейнъ-Али-Хану, Каджару. Вскорѣ совершилось и коронованіе Мухаммедъ-Шаха: вѣроятно оно было вовсе не замѣчательно, потому что

Авторъ говоритъ о немъ вскользь, нѣсколько словъ. Пробывъ еще нѣсколько времени въ Тегеранѣ, Авторъ отправился обратно въ Тебризъ, а оттуда прежнимъ путемъ въ Россію. Прежде, нежели мы оставимъ «Воспоминанія о Персіи», необходимо упомянуть объ ужасномъ Каймакамѣ, при одномъ имени котораго трепетала вся Персія. Каймакамъ считался умнѣйшимъ человекомъ въ этой странѣ: такая слава была, безъ сомнѣнія, заслужена; но его безправственность не позволяла ему употребить своего ума ни къ частному добру, ни къ пользѣ Государства. Онъ былъ свирѣпъ въ душѣ. Для примѣра можно указать на одинъ только поступокъ Каймакама: однажды, еще при Аббасъ-Мирзѣ, захвачено было въ плѣнъ тысяча Туркменцевъ и приказано было тремъстамъ изъ нихъ выколоть глаза. Каймакамъ не удовольствовался этою жестокостію; онъ желѣлъ принести себѣ вынутые глаза и самъ палочкой считалъ, всѣ ли тутъ на лицѣ. «Ну идетъ ли ему заниматься такими пустяками!»—простодушно говорилъ одинъ Персіецъ Автору—«это дѣло *феррашей*». При новомъ Шахѣ, власть этого перваго Министра росла съ каждымъ днемъ. Вольности съ Мухаммедъ-Шахомъ, которыя Каймакамъ позволялъ себѣ, почти непостижимы въ такомъ деспотическомъ правленіи, какъ Персидское. Молодой Шахъ подаль пищею два червонца; Каймакамъ ужасно разсердился за такую подростъ, говорилъ, что Шахъ много тратитъ, и на другой день вычелъ у Его Величества эти деньги въ тѣхъ, которыя назначены были для его обѣда. И чтожь, — Шахъ не смѣлъ сказать ни слова! Однакоже, злодѣйства Каймакама, всеобщая къ нему ненависть и молва, что онъ хочетъ сѣсть на Престолъ, свергнуть династію Фетхъ-Али-Шаха, скоро повлекли за собою паденіе перваго Министра.

Изложивъ вкратцѣ содержаніе «Воспоминаній» Б. Корфа, и показавъ образъ изложенія Автора въ выпис-

84 ОТД. VI.—ПОВЫЯ КНИГНІ, ИЗДАН. ВЪ РОССІИ.

кахъ, мы скажемъ въ заключенію, что «Воспоминанія о Персіи» книга весьма любопытная по новостіи своего предмета и написана весьма остроумно, иногда небрежно, но живо и увлекательно, такъ что вы не оставите ее, пока не дочитаете до конца.

К Н И Г И,
ИЗДАННЫЯ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ,
по
СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЯМЪ.

Въ послѣдніе годы, Славянская Литература обогатилась многими важными сочиненіями, проливающими свѣтъ на разныя части Исторіи и древностей великаго Славянскаго міра. О многихъ изъ нихъ уже говорено было въ Журналѣ М. П. П. Мы бросимъ взглядъ на важнѣйшія изъ нихъ, вышедшія въ теченіе трехъ послѣднихъ годовъ.

Beiträge zur Geschichte- und Altersthumskunde der Nieder- Lausitz. Herausgegeben von C. S. G. Gallus und I. W. Neumann Erste Lieferung. 1835. Zweite Lieferung. (Матеріалы для Исторіи и древностей Нижней Лузаціи, изданныя Галлусомъ и Нейманомъ. 2-е отдѣленіе), 1838. Lübben.

Въ составъ этого сборника входитъ все, что касается Исторію и древности Нижней Лузаціи; въ особенности же внутренняя жизнь Государства и народа, отдѣльныя Постановленія и Права составляютъ предметы, которыми Издатели общаются преимущественно заняться. Вотъ содержаніе важнѣйшихъ статей, которыя помѣщены въ первыхъ двухъ книжкахъ.

I. *Древнѣйшіе жители Нижней Лузаціи*, соч. Неймана. Главное заключается въ слѣдующемъ: Лузація во времена древнѣйшія не была населена народомъ Германскаго племени; имена мѣстныхъ и нѣкоторые данные историческія говорятъ въ пользу первобытности Славянскаго населенія. Въ опору своего мнѣнія, Авторъ не представляетъ положительныхъ доказательствъ, и къ сожалѣнію, всюду обнаруживаетъ незнаніе языка того народа, за который такъ усердно стоитъ — недостатокъ замѣтный почти во всѣхъ статьяхъ этого сборника.

II. *О Жупахъ Нижней Лузаціи*, соч. Галлуса. Здѣсь идетъ споръ о мѣстоположеніи двухъ Жупъ: 1) Lusatia, и 2) Selpoli. По изслѣдованіямъ Галлуса, первая изъ нихъ на Западѣ начиналась отъ Чернаго Эльстера и Даме (Dahme), а на Востокъ съ одной стороны простиралась до Шпре, въ мѣстахъ около Котбуса и Пейца, а съ другой до Жупы Spreaue. На Югѣ Жупа Лужици ограничивалась пространствомъ отъ земли Мильчанъ и Чернаго Эльстера до мѣстъ около Бухгольца, Барута, Теупица и доходитъ до Жупы Selpoli. Сія послѣдняя начиналась на Западѣ отъ Жупы Плоны и Лужици, и простиралась на Востокъ до Одера, заключая въ себѣ Миттенвальде, Цоссенъ, Сторко, Кёппникъ и Фюретенвальде; къ Югу граничила она съ Жупою Лужици, Spreaue и можетъ быть съ Жупою Ниса (Nice), ибо Selpoli простиралось до мѣстъ около Фюртенберга. Слѣдственной границы Авторъ не беретса опредѣлять.

III. *Отрывки, относящіеся къ Исторіи Права въ Нижней Лузаціи*, соч. Галлуса. Авторъ раздѣляетъ статью на двѣ части: въ первой онъ разсматриваетъ состояніе Права во времена исключительнаго принадлежанія Лузаціи Славянамъ; во второй состояніе ея во времена Нѣмецкаго господства. И Галлусъ также признаетъ Славянъ первобытными обитателями Лузаціи. Въ § 3,

4 и 5, онъ предлагаетъ свои предположенія, основанныя на аналогическихъ соображеніяхъ, о Короляхъ, Супанахъ, судахъ и т. д. Въ § 6 Авторъ, основываясь на «Chronicon Paschale» и на другихъ данныхъ, приписываетъ Славянамъ знаніе грамоты въ языческую эпоху. Послѣ этого находить вѣроятнымъ, что Венеды имѣли письменные законы, по которымъ рѣшали свои споры. «Число ихъ однакожь не могло быть большое», прибавляетъ онъ. Въ § 7 идетъ рѣчь о разныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ. И здѣсь за неимѣніемъ историческихъ свидѣтельствъ, Авторъ руководствуется преимущественно аналогіею. Во второй части онъ переходитъ наконецъ къ эпохѣ Германскаго Права въ Лузациі. Послѣ покоренія Славянскихъ обитателей Нижней Лузациі Маркграфомъ Геро, области, ее составлявшія, достались отчасти Имперіи, отчасти Маркграфу, и одну часть удержалъ Императоръ. Слѣдствіемъ этого было то, что здѣсь все измѣнилось, не такъ какъ въ другихъ провинціяхъ, наприм. въ Силезіи, Помераніи и Богеміи, за которыми осталось прежнее ихъ постановленіе, потому что онѣ находились подъ управленіемъ одного, который въ доказательство своей зависимости получалъ отъ Императора лены и обязанъ былъ платить дань. Лузация же напротивъ того присоединена была къ Восточной Маркѣ, а въ дѣлахъ Духовныхъ подчинена Епископству Мейсенскому. Такимъ образомъ уничтожилось Славянское постановленіе, и мѣсто его заступило Нѣмецкое. Оттонъ Великій, съ которымъ въ Исторіи Нижней Лузациі начинается новый періодъ, усвоилъ себѣ идею вслѣдка своего, Карла — узамъ Религіи связать покоренныя провинціи, смягчать нравы жителей, и военною силою удержать ихъ въ повиновеніи. Онъ раздавалъ земли, города монастырямъ, мунистеріаламъ и людямъ частнымъ. Преемники его слѣдовали примѣру Оттона. Въ разныхъ мѣстахъ въ слѣдствіе того возникли мѣстечки, крѣпости,

замки, изъ коихъ съ теченіемъ времени произошли многіе цвѣтущіе города. На мѣсто прежнихъ Графовъ являлись *Advocati*, *Præfesi*, извѣстные также подъ именемъ *Comites urbis*. Получая отъ щедрого Оттона и его преемниковъ, значительныя владѣнія, Духовенство нуждалось въ защитникахъ огромныхъ своихъ имѣній, такъ какъ само не имѣло права ограждать ихъ силою меча. Явились монастырскіе Адвокаты, называемые *Vicedom* (*Vice-dominus*), которые были «*defensores ecclesiarum adversus potentias secularium vel divitum*». Такимъ образомъ съ теченіемъ времени образовалось большое число Адвокатовъ (*Advocati*) разнаго рода; но вмѣстѣ съ ними встрѣчаемъ и саповниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кастеляновъ, Бургграфовъ, бывшихъ самыми важными особами: имъ принадлежала высшая судебная власть. На с. 91—95 Авторъ говоритъ объ обязанностяхъ этихъ Императорскихъ саповниковъ и судныхъ округахъ, состоявшихъ изъ нихъ вѣдомствъ. За этимъ, на с. 95—113, собраны извѣстія объ объемѣ адвокатской власти, Суда Мужей (*Mannen-Gericht*, *curia parium*), о Земскомъ Адвокатѣ, Земскомъ, Дворскомъ Судѣ и т. д. Все это чрезвычайно любопытно и есть плодъ глубокаго изученія.

IV. *Польскіе Герцги въ началѣ XI вѣка были ли нѣкоторое время обладателями Нижней Лузаціи?* соч. Неймана. — Въ этой статьѣ Сочинитель старается опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что Болеславъ Храбрый, овладѣвъ въ 1002 году Нижнею Лузаціею, господствовалъ надъ нею до конца своего царствованія и передалъ ее сыну своему, Мстиславу. По мнѣнію Неймана, Болеславъ, напавъ въ 1002 году на нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ Восточныхъ областей, обратился къ Будиссину и отсюда въ Мейсенъ, при чемъ Мейсенъ былъ имъ завоеванъ. По смерти Маркграфа Эккарта Мейсенскаго, Болеславъ, какъ ближайшій родственникъ сего послѣдняго, думалъ часть его владѣній утвердить за собою. Нынѣшняя

Нижняя Лузация, состоя подъ управленіемъ Маркграфъ Геро, не находилась въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Маркграфу Эккарду, слѣдовательно и смерть его не могла имѣть вліянія на сію страну; притомъ и лѣтописи вовсе не упоминають въ это время о завоеваніи Нижней Лузациі Герцогомъ Польскимъ. Обстоятельства благопріятствовали Болеславу.—Когда же Геприхъ II былъ избранъ, и въ Мерзебургѣ (1 Августа 1002) принималъ присягу въ подданствѣ, то Болеславъ сыпалъ огромныя суммы, чтобы пріобрѣсть для себя Мейсенъ, но безъ успѣха. Король отдалъ эту страну брату его, *Гунцелину*. При всемъ томъ, повѣствуетъ Дитмаръ, онъ получилъ *Luidici* и *Milzieni* (*redditis sibi Luidici et Milzieni*). Здѣсь, по мнѣнію Неймана, *Luidici* не Нижняя Лузация, но самая Восточная часть Верхней Лузациі, которая уже была занята Болеславомъ. Мнѣніе свое Нейманъ подтверждаетъ еще грамотою 1004 года отъ 8 Августа, изъ которой видно, что въ это время область Лужици (*Lusici*) никакъ не могла принадлежать Польшѣ. Но такъ какъ походъ Болеслава въ 1002 году и въ послѣдствіи былъ направленъ на Будишинъ и особенно на Мейсенъ, то Нейманъ находитъ возможнымъ, что въ 1002 г. Болеславъ могъ завладѣть только развѣ самою Юговосточною частію Нижней Лузациі, примѣрно пылѣпниимъ Сораускимъ Округомъ. Только въ 1007 или въ 1008 году въ первый разъ Герцогъ Польскій напалъ на Нижнюю Лузацию, имѣя намереніе жителей Лузациі отвлечь отъ Короля и напасть на сего послѣдняго въ самой Германіи, ибо былъ увѣренъ, что Король не готовъ еще къ отпору. Болеславъ проникъ до Магдебурга. До этого года, Нѣмцы не имѣли повода давать походы своимъ направленія на Лузацию. Напротивъ мы знаемъ, что первоначально Генрихъ чрезъ Мейсенъ ходилъ въ Богемію, по случаю волненія въ сей странѣ, въ которыхъ и Болеславъ принималъ участіе. За этимъ Авторъ подробно разсматриваетъ разные походы противъ Поляковъ и заключаетъ изъ нихъ выводы въ пользу своего мнѣнія.

Во второй книжкѣ сборника, изъ котораго здѣсь представляются извлеченія, находится статья Галлуса (с. 178—191), въ которой Авторъ сообщаетъ свое толкованіе на упомянутое мѣсто у Дитмара Мерзебургскаго. — Вотъ это мѣсто: «Boleslaus urbem Misnensem innumerabili pecunia acquirere satagebat, et quia opportunitas regni non erat, apud regem non valebat, vix impetrans, ut haec fratri suo Gunzelino daretur, redditis sibi Luidici et Milzieni regionibus etc.» Ed. Wagner p. 120. Галлусъ замѣчаетъ относительно Luidici, что подъ этимъ именемъ не лзя разумѣть Жупы Lusizi, простиравшейся отъ Чернаго Эльстера до рѣки Шпре на Востокъ. Еще менѣе позволено относить имя Luidici къ цѣлой Нижней Лузаци: ибо въ памятникахъ историческихъ нѣтъ ни слова о такомъ завоеваніи Болеслава. Сверхъ того и самое названіе Luidici внушаетъ нѣкоторое подозрѣніе: ибо у Дитмара Лузакія вездѣ называется Lusizi; только въ приведенномъ мѣстѣ встрѣчаемъ имя Luidici. Подозрѣвая въ семъ словѣ ошибку писца, Галлусъ вмѣсто Luidici читаетъ Chudici или Gudici или Chuitici, находя какъ мѣстность, такъ и связь событія совершенно благопріятными своему мнѣнію. Ибо Жупа Chutici ограничивалась на Востокъ Мейсеномъ и Эльбою, только сею послѣднею отдѣляясь отъ земли Мильчанъ. Сверхъ того и мѣстоименіе «sibi», употребленное Дитмаромъ въ означенномъ мѣстѣ, даетъ поводъ къ вопросу: къ кому оно именно относится? Галлусъ и Нейманъ приводятъ мѣста изъ Дитмара, изъ которыхъ видно, что сей Лѣтописецъ весьма не правильно употреблялъ личное мѣстоименіе «sibi.» Выходитъ грамматически и логически, что «sibi» ни какъ не можетъ относиться къ Болеславу; подъ этимъ мѣстоименіемъ можно разумѣть или Короля или Гунцелина. Если поставить вмѣсто «sibi», какъ иногда смыслъ того требуетъ, мѣстоименіе «ipsi», то должно подразумѣвать Короля. Слѣдовательно Дитмаръ хотѣлъ

сказать: «Болеславъ несмѣтными суммами замышлялъ до-
«быть городъ Мейсенъ, но Императоръ отказалъ ему въ
«этомъ; Польскій Герцогъ едва успѣлъ склонить его къ
«тому, чтобы городъ этотъ достался Гунцелину; сверхъ
«того Болеславъ принужденъ былъ области Luidici и
«Milziemi возвратить» — брату своему или Императору,
неизвѣстно.

V. *Повѣстie о городѣ Голсенѣ*, соч. Неймана, и VI. *Монеты города Лукау*, соч. Галлуса. — Обѣ эти статьи
имѣють мѣстную занимательность.

Въ *Смѣли*, которою заключается первая книжка,
помѣщены слѣдующія статьи: 1) Виноградники близъ
Лукау, 2) Мартинъ Вейзе, родомъ изъ Нижней Лузаціи,
Лейбъ-Медикъ Курфюрста Фридриха Вильгельма; 3) Зем-
скій Адвокатъ Градскъ; 4) народная пѣсня Вендовъ Ниж-
ней Лузаціи; 5) о мѣстоположеніе Bellogori, урочища,
часто упоминаемаго Дитмаромъ.

Предлагаемъ здѣсь упомянутую пѣсню, которая,
по замѣчанію Неймана, въ Нижней Лузаціи, какъ кажется,
исчезла въ народѣ. Пусть она послужитъ образчикомъ
языка, который такъ мало извѣстенъ. Издатели обѣ-
щаютъ въ слѣдующихъ книжкахъ сообщить еще нѣ-
сколько пѣсень.

Предварительно, для уразумѣнія сообщаемой пѣсни,
надобно припомнить, что 1) въ Нижне-Лузацкомъ языкѣ
изъ Русскаго *тъ* и Польскаго *ci* образовалось *sch* (*ш*): *we*
napisz (напиться), *schma*—тъма, *zewesch*—девать, *busmeg-*
schila — умертвила.

2) Польск. *gz* въ Нижне-Лузацкомъ: *sch*; напр. *pschi-*
schla (пришла), *pscheze* (однакожь, Польское *przecie*).

3) Въ словахъ: *schiken* (совершенно), *scheschke*,
(всѣ), усѣчено *и*, также отбрасывается *i* въ глаголъ *иду*:
жи (*иди*) и т. д.

4) Польск. *dz* измѣнилось въ *ж*: *rowca* (дѣвка),
stuzonka (студенца, источника), *zi* (*иди*), *ziescha* (шла),

zewesch (девять), chojżisch (ходить), żeschu (шли), pschiżo (Перк. Слав. приде (3 лице прош. времени един. ч.).

5) Приставляются ю: wona (она), won (онъ), wodaj (отдаеть), se wotworichu (отворились); Н; љujk (стар. Рус. уи, двоюродный братъ), husmerschila (умертвила), hiszczi (еще).

6) Забѣтнѣ еще нѣкоторые слова: rѣdna (милая, любовная), scheri (сѣдои), deré (вѣдь), аз (что), mscha (обѣда), szeknézi (господствуетъ); protk (предъ), kjarchob, Нѣм. Kirchhof (кладбище), sze krajachu (трескались), wo wenku (принадлежитъ къ слову «виѣ» и значить: публично, явно).

Pschischla rѣdna żowka
Po wodu do stużonka
Pschizo k nej taki stari љujk,
Taki stari schiten schéri:
Żowka rѣdna daj sze mi ras napisch.
Љujk stari! ta woda nejo zista
Wona jo polna dubowego lista.
Żowka rѣdna! ta woda jo deré zista
Ale ti szі neżista.
Ja wém, аі moj Bog nade mńu jo,
Won wodaj me moje schéshke gréchi.
Żowka rѣdna! ži neżelu rano na maschn,
Tehé budu twoje gréchi wodano.
Żowka na maschu żescho
Szléd neju schma szeknézi
Prbtik neje kameńs sze krajachu
Żowka żescho na kjarchob,
Żewesch rowow sze wotworichu;
Żowka żescho do zerkwe
Żewesch duschow aa nej żeschu:
Śiarscha skozi na jeju schijn
Śalama jej głowa:
Tosch masch, matka nascha,
Tā szі nas żewesch huszmerschila
Hischzi pschese wo wenku chojżisch
A 'tom gréchnem swetu sluchisch
Tomu złemu a nѣdobrěmu.

Вторая книжка начинается статьею Галлуса :

I. *О сожиганіи умершихъ у Славянъ.* Авторъ, опровергая мнѣнія многихъ Нѣмецкихъ Ученыхъ, утверждаетъ, что этотъ обычай существовалъ у Славянъ. Но при этомъ онъ позволяетъ себѣ множество толкованій и замѣчаній, которыхъ ошибочность и неудовлетворительность очевидны.

II. *Маркграфство Лузация и первые ея Маркграфы.* Нейманъ, Сочинитель этой статьи, распространяется о санѣ Маркграфа въ разные времена ; потомъ слѣдуетъ исчисленіе Маркграфовъ Лузакскихъ до первой четверти XII вѣка.

Прочія статьи въ этой книжкѣ или не имѣютъ занимательности для Русскаго читателя, или такъ не важны, что не могутъ здѣсь имѣть мѣста.

Къ сочиненіямъ, служащимъ поясненіемъ Исторіи Нижней Лузаци, принадлежитъ особенное сочиненіе Неймана:

Die Verhältnisse der Niederlausitzischen Landbewohner und ihrer Güter von den frühesten bis auf die neuesten Zeiten. Von J. W. Neumann. Объ отношеніяхъ обитателей Нижней Лузаци и ихъ владѣній и пр., соч. Неймана). Lübben, 1835.

Въ X столѣтіи завладѣли Нѣмцы Нижнею Лузациею и ввели въ ней жестокое рабство. Это было обыкновеннымъ слѣдствіемъ всякаго Германскаго завоеванія. Историческіе памятники XI и XII вѣка не даютъ намъ точнаго понятія объ отношеніяхъ разныхъ жителей другъ къ другу. Съ конца XII столѣтія извѣстія уже не столь скудны. Въ составѣ сельскихъ жителей произошла между тѣмъ важная перемѣна. Колонисты Рейнскіе и Нидерландскіе, селясь въ Нижней Лузаци въ исходѣ XII вѣка, образовали особенный классъ, отличный отъ туземныхъ

Славянскихъ крестьянъ. Они при поселеніи своемъ получали несравненно большія льготы; главное же, пользовались личною свободою. Но не одно это было причиною перемѣны прежняго состава: въ XI и XII вѣкѣ вполне развилась *ленная система*, которая сдѣлалась основаніемъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Здѣсь Авторъ развиваетъ предметъ свой во всей полнотѣ, и отличая періоды его развитія, доводитъ его до нашихъ временъ.

Mähren topographisch, statistisch und historisch geschildert von *Gregor Wolny* (Моравія, въ топографическомъ, статистическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Соч. Григорія Вольнаго). Brünn. Т. I, 1835; Т. II заключаетъ въ себѣ двѣ части, вышедшія въ 1836 и 1837 г.; Т. III, 1837 г.

Обширное это сочиненіе еще не кончено. Оно имѣетъ цѣлю полное и удовлетворительное изображеніе прежняго и нынѣшняго состоянія Моравіи, Государства, имя котораго возбуждаетъ важныя историческія воспоминанія, которое отличается дѣятельностію своею промышленностію, и которое наконецъ, не говоря уже о другихъ отношеніяхъ, славится образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ во всѣхъ его вѣтвяхъ.

Описанію cadaго Уѣзда начинается *общимъ обзоромъ физическихъ и политическихъ отношеній Уѣзда*. Здѣсь изображается физическій или внѣшній видъ (горы, высота ихъ, воды), климатъ, произведенія изъ трехъ царствъ Природы, жителей, характеръ, нравы и обычаи, достопамятности естественныя. Послѣ того слѣдуетъ топографія Уѣзда, города, къ нему принадлежащіа, помѣстья, деревни. При этомъ изображается ихъ положеніе, исчисляются владѣльцы съ древнѣйшихъ временъ, съ ссылкою на акты въ подтвержденіе вѣрности показаній, описываются почва, воды, населеніе, дороги, сельское

хозяйство, скотоводство, торговля, школы. мѣсто рожденія Писателей: однимъ словомъ, все, чего только можно ожидать отъ Топографіи, подробной до послѣдней мелочи. Для Славянскаго Ученаго книга Г. Вольнаго представляетъ богатую сокровищницу во всѣхъ отношеніяхъ. Обратимъ вниманіе хотя на одно изъ нихъ. Послѣ Нѣмецкаго имени какого-нибудь мѣста или урочища слѣдуетъ тотчасъ Славянское. Какой богатой рудникъ для соображеній историческихъ, этнографическихъ, филологическихъ, въ особенности сравнительно съ прочими Славянскими странами! Трудъ Г. Вольнаго не нуждается въ нашей похвалѣ; но не лзя не изумиться настойчивости, упорству Автора, который всѣ части своего предмета обрабатываетъ съ одинаковою заботливостію и основательностію. Первый томъ заключаетъ въ себѣ описаніе Преровскаго Уѣзда (Prager Kreis), второй (65 л. мелкой печати!), состоящей изъ двухъ частей, содержитъ въ себѣ Брюнскій Уѣздъ, третій — Знамскій Уѣздъ. Въ концѣ каждаго тома приложенъ указатель всѣхъ упомянутыхъ въ немъ мѣстныхъ названій.

Historische Charten und Stammtafeln zu den Regesta Historiae Brandenburgensis von G. W. von Raumer. (Историческія карты и родословныя къ сочиненію: Regesta hist. Brandenb. Тетрадь I. Berlin 1837.

П. И. Кенпентъ упоминалъ въ Журналѣ Министѣрства Народнаго Просвѣщенія 1836 No IX о выходѣ Раумеровыхъ Regesta Historiae Brandenburgensis I Bd. Berlin, 1836. Нынѣ вышла первая тетрадь атласа къ этому сочиненію и генеалогическія таблицы.

Тетрадь эта заключаетъ въ себѣ четыре карты, отъ временъ Карла Великаго до 1200 г. Для каждой карты составленъ географическій указатель, расположенный систематически. Первая карта представляетъ Бран-

денбургскую Марку со временъ Карла Великаго до Императора Генриха. Въ указателѣ къ этой картѣ слѣдующимъ образомъ распределены географическіе предметы: I. *Саксонія*, съ разными ея частями; II. *Туриція*; III. *Славяне*. Вторая карта изображаетъ положеніе упомянутыхъ странъ и народовъ въ періодъ отъ 919 до 1039. На третьей картѣ помѣщены округа (Gaue) и земли, населенныя Славянами въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до 1130 года. Карта IV представляетъ: 1) *Саксонию*; 2) *Турицию*, и 5) Славянскія земли отъ 1040 до 1200 года. На картѣ показаны географическія имена въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчаются въ источникахъ; въ указателѣ сверхъ того и пынѣшнія ихъ названія съ ссылкою на 1-й томъ *Regesta*, изданныхъ Аутомъ.

Первая тетрадь заключаетъ въ себѣ 17 родословныхъ таблицъ, и одну таблицу, содержащую въ себѣ списокъ разнымъ благороднымъ фамиліямъ Марки изъ XII столѣтія. Въ заключеніе присоединены двѣ синхронистическія таблицы: 1) Духовныхъ и 2) Свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ.

Это сочиненіе Г. В. Раумера принадлежитъ съ необходимыми пособіямъ для всѣхъ, занимающихся Исторіею Среднихъ вѣковъ и Исторіею Славянъ въ особенности.

Тотъ же самый Раумеръ издалъ въ прошломъ году:

Die Mark Brandenburg im Jahre 1337, oder Markgraf Ludwig's des Aelteren Neumarkisches Landbuch aus dieser Zeit, herausgegeben und erläutert von Georg Wilhelm von Raumer. Berlin, 1837.

Это Статистическое описаніе Неймарки, составленное въ 1337 году: при Маркграфѣ Людовикѣ Старшемъ изъ Дома Баварскаго. Къ нему Авторъ написалъ любопытное историческое введеніе; въ примѣчаніяхъ къ дровцамъ

мѣстнымъ названіямъ, встрѣчающимся въ самомъ Ланд-
бухѣ, присоединилъ нынѣшнія, и начерталъ карту, на
основаніи сего замѣчательнаго памятника. Для Славян-
скаго изслѣдователя и здѣсь чрезвычайно много поучи-
тельнаго.

Andeutungen über die altgermanischen und slavi-
schen Grabalterthümer Meklenburgs und die norddeutschen
Grabalterthümer aus der vorchristlichen Zeit überhaupt,
von G. C. F. Lisch (О древне-Германскихъ и Славян-
скихъ могильныхъ древностяхъ. Соч. Липша). Schwerin
1837.

Friderico-Francisceum oder Grossherzogliche Alter-
thümersammlung aus der altgermanischen Zeit Meklen-
burgs zu Ludwigslust, erläutert von G. C. F. Lisch.
(Описаніе Велико-Герцогскаго собранія древностей въ
Лудвигслустѣ, въ Мекленбургѣ. Соч. Липша). Leipzig
1837, съ изображеніями древностей разнаго рода на 37
таблицахъ.

Предметъ, о которомъ Г. Липшъ говоритъ въ озна-
ченныхъ сочиненіяхъ, такъ важенъ, что долгомъ почи-
таемъ сдѣлать изъ нихъ по возможности полное извле-
ченіе.

Исторія Балтійскихъ земель Германіи, основанная
на достовѣрныхъ источникахъ, начинается собственно съ
половины XII столѣтія, со времени покоренія Славянъ.
Даже и по переселеніи Саксонцевъ извѣстія историческія
все еще довольно скудны. Въ письменныхъ памятникахъ
отъ Тацита до Гельмольда находимъ свидѣнія болѣею
частію отрывочныя, не рѣдко темныя и едва понятныя.
Не осталось ни произведеній Архитектуры и Вапня, ни
памятниковъ письменныхъ, которыя бы объяснили намъ
эпоху, предшествовавшую Христіанству. Мы знаемъ

только, что за нѣсколько столѣтій предъ истребленіемъ язычества, въ Мекленбургѣ обитатели народы Славянскаго племени. Искони ли занимали они эту полосу земли, или поселились тамъ въ послѣдствіи—вотъ вопросъ, который до сихъ поръ не былъ рѣшенъ удовлетворительно. Въ новѣйшія времена нѣкоторые Ученые старались доказать, что Сѣверовосточныя земли Германіи въ началѣ Европейской Исторіи заселены были первоначально Германцами, которыхъ въ половинѣ шестаго или седьмаго столѣтія вытѣснили Славяне, оставаясь до середины XII вѣка обладателями странъ Прибалтійскихъ. Но есть Ученые, которые утверждаютъ противоположное, почитая Славянъ первобытными обитателями этого пространства земли. Споръ еще не рѣшенъ (*): большіимъ однако авторитетомъ пользуется мнѣніе первое. Какъ бы то ни было, рѣшеніе этого вопроса не даетъ намъ понятія о жизни и образованности народовъ, которымъ принадлежали страны Прибалтійскія.

Единственная и послѣдняя надежда зажечь свѣтъ въ области тьмы, заключается въ могилахъ. Въ нихъ скрывается то, чего мы ищемъ: познаніе быта предковъ. Мы тогда только получимъ о нихъ ясное понятіе, когда могильныя древности назменныхъ странъ Средней Европы, отъ Сѣверной Франціи до равнинъ Польши, будутъ удовлетворительно изслѣдованы, когда онѣ сравнены будутъ съ тѣми, которыя хранятъ въ себѣ Сѣверъ Скандинавскій и Британскій, и которыя оставили по себѣ Римляне и Славяне. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты, выведенные изъ такого сравнительнаго изученія, будутъ принадлежать къ важнѣйшимъ открытіямъ Археологін.

Никогда не было болѣе сдѣлано усилій къ сохраненію остатковъ старины, какъ въ настоящее время, и не смотря

(*) Шафарикомъ онъ рѣшенъ въ пользу мнѣнія Г. Липпа, см. Славянскія Древности Шафарика.

на то, таинственный мракъ все еще носится надъ вѣками, о которыхъ молчатъ памятники письменные. Давно уже начаты изслѣдованія по этому предмету, но безъ всякаго успѣха. Главная причина тому — недостатокъ большихъ Музеевъ; безъ нихъ не льзя получить общаго понятія, не льзя начать сравненій: слѣдовательно все еще нѣтъ историческаго основанія. Здѣсь не такъ какъ при разсматриваніи остатковъ классической старины: отдѣльный предметъ никакой не имѣетъ цѣны; только цѣлыя массы, взятыя вмѣстѣ, могутъ пояснить историческую истину, на основаніи которой только можетъ начаться изслѣдованіе о предметахъ отдѣльныхъ.

Мекленбургъ весьма важенъ въ отношеніи къ Слavianо-Германскимъ древностямъ. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ либо, оказывали вниманія этому предмету. Еще въ началѣ XVI столѣтія Герцогъ Генрихъ Миротлюбивый занимался собраніемъ остатковъ старины; послѣ него въ половинѣ прошлаго столѣтія Герцогъ Христіанъ Людвигъ высоко читалъ сія древности и положилъ основаніе нынѣшнему Музею въ Людвигслустѣ. Но отдѣльныя находки не могутъ подвинуть впередъ Науки Древностей; онѣ умножаютъ только число гипотезъ и сбивчивыхъ понятій. Предметы, при которыхъ ни показаны ни мѣста открытія, ни прочія необходимыя обстоятельства, почти вовсе не имѣютъ цѣны. Тогда только можно ожидать надежныхъ результатовъ, когда разрытія могилъ будутъ производимы съ осторожностію и умѣньемъ, когда будутъ обращать тщательное вниманіе на внѣшній ихъ видъ и на внутреннее строеніе, а не на одни только предметы, заключающіеся въ могилахъ.

Въ Мекленбургѣ только въ царствованіе Великаго Герцога Фридриха Франца удалось Наукѣ сдѣлать важныя пріобрѣтенія отъ раскапыванія могилъ. Онъ самъ лично присутствовалъ при производствѣ работъ сихъ. Кромѣ того труды Цинка и Эрцена чрезвычайно много содѣйствовали пріумноженію Велико-Герцогскаго Музея въ Люд-

выгслустѣ. Музей этотъ не поражаетъ рѣдкостями, но онъ превосходитъ всѣ прочіе подобнаго рода полнотою и благоразумною отчетливостію, съ которою составленъ. Въ первые годы встекшаго десятилѣтія Герцогомъ поручено было описаніе сокровищъ Музея Хранителю его Профессору *Шретеру*, отличному знатоку древностей подобнаго рода. Къ сожалѣнію, при началѣ самаго предпріятія онъ умеръ. Та же судьба постигла и *Граутюфа*, который намѣревался довершить начатое Шретеромъ. Только три тетради издачны были симъ послѣднимъ въ 1824 году съ 18 таблицами изображеній, безъ пояснительнаго текста. Нынѣ предпріятіе это dokonчено Лишемъ.

Главнымъ результатомъ наученія древностей, находящихся въ Людвигагслустѣ, должно почестъ, говорить Лишъ, *рѣзкое отдѣленіе древностей Германскихъ отъ Славянскихъ въ Мекленбургѣ*. Могилы, находимыя въ Прибалтійскихъ странахъ Германіи по внѣшнему своему виду дѣлятся на нѣсколько классовъ. Такихъ разрядовъ можно насчитать отъ семи до осьми. Вѣрность пріобрѣтенныхъ результатовъ всего лучше подтвердится описаніемъ трехъ важнѣйшихъ изъ сихъ классовъ:

I. Такъ называемые *гробы Гюновъ* (Hünengräber): большія каменныя строенія, обставленныя большими каменными столбами съ боковъ и покрытыя огромными плитами изъ камня. *Нѣкоторые* изъ этихъ могилъ не имѣютъ насыпнаго холма и суть каменныя строенія, состоящія изъ большихъ, плоскихъ камней въ боковыхъ стѣнахъ и изъ одной или многихъ плитъ, которыя служатъ крышею этимъ могиламъ; онѣ извѣстны подъ именемъ каменныхъ склеповъ или домовъ (Steinkisten или Steinhäuser). *Другія* образуютъ очень длинныя не высокіе земляные холмы, съ краю обставлены большими каменными столбами и покрыты на одномъ концѣ большими широкими плитами, которыхъ обыкновенно бываетъ четыре. Такія могилы собственно именуются гробами Гю-

новъ (Hünengräber). Могилы, принадлежащія къ сему первому разряду, находятся въ Сѣверной Германіи, въ Нидерландахъ до Сѣверной Франціи, на пространствахъ всего Скандинавскаго Сѣвера, и Британіи. Въ нихъ-то встрѣчаемъ извѣстныя каменные вещи, особливо изъ кремня, а именно: шлифованные клины и ножи всякаго рода; они лежатъ то близъ урнъ грубой отдѣлки, то въ самыхъ урнахъ. Попадаются однакожъ и скелеты человѣческіе. Могилы эти принадлежатъ неизвѣстной, отдаленной древности.

II. *Кегельныя могилы* (Kegelgräber) въ видѣ округленныхъ возвышеній. Тѣ, которыя всего лучше сохранились, представляютъ видъ округленнаго кегеля. Отъ верхушки до центра основанія онѣ имѣютъ отъ двухъ до 25 и 30 футовъ отвѣсной вышины. На вершинѣ этихъ могилъ нѣтъ большихъ камней, служащихъ имъ крышею, нѣтъ также каменныхъ столбовъ для поддержанія боковыхъ стѣнъ; наружность ихъ ничего не представляетъ, кромѣ дерна и моху. Иногда (хотя этимъ не нарушается правило) попадаютъ могилы, около которыхъ положены небольшіе полевые камни; они лежатъ вокругъ крайняго вѣнца могилы, составляя ея ограду и примѣту. Могилы, принадлежащія къ сему разряду или состоятъ изъ земли (Erdkegel), или внутри ихъ находится кладка изъ небольшихъ полевыхъ камней (Steinkegel). То, что зарываемо было въ насыпь, клали или на естественное основаніе посредствѣ могилы между камнями, или на одинъ изъ концовъ между плоскими камнями. Въ большихъ могилахъ нерѣдко находится одинъ подлѣ другаго нѣсколько каменныхъ сводовъ, въ которыхъ схоронены остатки умершихъ (Begräbnisse) и которые, бывъ покрыты общею насыпью, представляютъ видъ большаго кегеля. Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ могилъ попадаютъ жлица (Brandstätte) и урны съ сожженными человѣческими остатками; въ другихъ же, именно большихъ, находятся и человѣческіе скелеты,

лежащіе въ выдолбленныхъ дубовыхъ пняхъ. Большія урны, хотя и грубой работы, имѣютъ простую благородную форму; въ нѣмомъ замѣтна значительная примѣсь хрищенатаго песку; цвѣта онѣ желто-коричневаго. Малымъ же урны имѣютъ форму красивую, сдѣланы изъ нѣжной массы, цвѣта чернаго; въ нихъ находимъ также листочки слюды (Glimmerfünkchen). Вещи, находимыя въ могилахъ, преимущественно сдѣланы изъ бронзы, не рѣдко также изъ золота; серебра вовсе не было замѣчено; желѣзо попадалось очень рѣдко, янтарь весьма часто. Характеристическое отличіе сихъ могилъ составляетъ также оружіе изъ бронзы, извѣстное подъ именемъ *fratca*, *богваго долота* (въ Германіи *Streitmessel*, въ Англіи *Celt*, въ Скандинавіи *Baatstaf*). Другимъ отличіемъ сихъ могилъ суть безчисленные роды *спиральныхъ витушекъ* (*Spiralgevinde*), плоскихъ и цилиндрическихъ. Изъ нихъ состоятъ не только разныя вещи; но и украшенія, находимыя въ гробахъ. Здѣсь же обыкновенно еще встрѣчаются *короткіе, съ обѣихъ сторонъ острые мечи, короткіе кинжалы, красивые ножи и кольца*. Все это изъ бронзы и покрыто *благородною ржавчиною*; нѣкоторые кольца встрѣчаются и изъ золота. Поразительное сходство съ Римскими древностями очевидно. Могилы, принадлежащія къ этому разряду, находятся отъ Вислы до Пиринеевъ и отъ возвышенныхъ странъ Германіи до Скандинавіи и Шотландіи, распространяясь во всѣхъ земляхъ, гдѣ обитали нѣкогда или обитаютъ и нынѣ народы Германскаго племени. Нѣтъ, кажется сомнѣнія, что сіи могилы обязаны своимъ происхожденіемъ *Германцамъ*.

III. Далеко тянушіяся, общія возвышенія, часто не очень замѣтныя, не имѣющія опредѣленной формы, извѣстны подъ именемъ *Вендскихъ кладбищъ*. Въ нихъ особенно съ краю между камней находимъ зарытыя урны, часто цѣлыми сотнями. Въ работѣ этихъ урнъ замѣтно болѣе искусства, нежели въ тѣхъ, которыя

встрѣчаются въ кегельныхъ могилахъ; за то форма ихъ не столь благородна. Нерѣдко ко дну онѣ имѣютъ очень острый конецъ; не смотря на довольно большую величину, не высоки, отверстие имѣютъ широкое и снабжены маленькими ручками и пуговочками. Украшенія урнъ состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ точекъ, вдавленныхъ и *остроконечныхъ*. Эти точки вдавлены посредствомъ зубчатого орудія, имѣвшаго видъ колечка. Урны темнаго, нерѣдко и черночернаго цвѣта, покрыты асфальтомъ; въ нихъ не находимъ листочковъ слюды. Въ могилахъ этого разряда *железо* преобладаетъ надъ прочими металлами: изъ *железа* сдѣланы длинныя сжатые (*zusammengedrückte*) мечи, широкія копья, пожи, щиты. Очень часто встрѣчаются украшенія изъ серебра; бронзовыя вещи рѣдки; очень часто пестрыя *сплавы изъ стекла* для корольковъ и запонокъ. — Урны весьма хорошо сохранились. Обыкновенно на вещахъ металлическихъ нѣтъ *благородной ржавчины*. Не встрѣчаются также и тѣ предметы, которое составляютъ характеристическое отличие кегельныхъ могилъ, на прим. *фрамен*, мечи и спиральный *выгущки*. Все, находящееся въ могилахъ сего третьяго разряда, представляется намъ знакомымъ, между тѣмъ какъ хранимое кегельными могилами, во всѣхъ своихъ явленіяхъ, уклоняется отъ того, что современно намъ.

Послѣ всего этого едва ли покажется смѣлымъ — говорить *Лишь* — если этотъ разрядъ могилъ мы припишемъ *Славянамъ*. Замѣчательно, что и народъ, какъ упомянуто выше называетъ ихъ *Вендскими кладбищами*. Въ сихъ Вендскихъ кладбищахъ все новѣе: все, кромѣ *железа*, менѣе пострадало отъ времени. Географически онѣ простираются до предѣловъ, до которыхъ Славяне проникли на Западъ и Сѣверъ. — Сравненіе показываетъ также, что народъ, которымъ принадлежатъ сіи могилы, былъ въ сношеніяхъ съ Халифатомъ и съ Сѣверомъ въ

последній періодъ язычества: ибо въ нихъ часто встрѣчаемъ *серебряныя вещи*, которыхъ во все не находимъ въ кегельныхъ могилахъ. Вещи изъ этого металла, попадающіяся въ могилахъ Скандинавскихъ, относятся къ началу Христіанства на Сѣверѣ. — Арабскія монеты и украшенія указываютъ на то, что серебро зашло въ Балтійскія страны только со времени торговыхъ связей съ Халифатомъ. — Наконецъ въ могилахъ сихъ находимъ и *слѣды Христіанскаго образованія*. «Результатами, которыя извлечены изъ наблюденій надъ такъ называемыми Вендскими кладбищами, не лзя рѣшительно покончить изученіе Славянскихъ могилъ. Не лзя сомнѣваться, чтобы знатнѣйшихъ изъ народа не погребали иначе и съ большимъ великолѣпіемъ. — Но объ этомъ мы не имѣемъ еще достаточныхъ наблюденій.»

Этими словами заключаетъ Липшъ изслѣдованія свои надъ Славянскими могилами. Пріятно видѣть, что онъ критически занимался своимъ предметомъ, не увлекаясь за предѣлы доступныхъ ему матеріаловъ, средствъ и источниковъ. Во всякомъ случаѣ ему принадлежить честь открытія нѣкоторыхъ характерическихъ чертъ, коими отличаются могилы въ *Сѣверной Германіи*. Впрочемъ это только я имѣлъ въ виду Авторъ; мы не имѣемъ права требовать отъ него болѣе; могилы и вещи, заключающіяся въ нихъ, описаны Липшемъ подробно, ясно; вездѣ встрѣчаемъ указанія на другія сочиненія, гдѣ описываются подобныя же предметы. Изображенія, составляющія особенный атласъ въ книгѣ, отдѣланы превосходно.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ и Клеммъ въ книгѣ своей: *Handbuch der Germanischen Alterthumskunde*, Dresden 1836, пытался постановить начала, на основаніи которыхъ въ земляхъ смѣшаннаго народонаселенія можно бы было опредѣлить, что именно принадлежитъ Славянамъ и что Германцамъ? Этотъ опытъ однакожь не имѣлъ успѣха. Выслушаемъ его мнѣніе:

«Вопросъ въ разсужденіи этого предмета можетъ родиться только въ тѣхъ странахъ, гдѣ до V и VI столѣтія обитали Германцы, а въ послѣдствіи Славяне: слѣдовательно въ земляхъ между рѣками Салою, Эльбою, и Одеромъ, между Сосновыми горами и Балтійскимъ моремъ, въ Богеміи, въ Королевствѣ Саксоніи, въ Герцогствѣ Саксоніи, въ обѣихъ Лузаціяхъ, Силезіи, Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, Помераніи и Пруссіи. Я не могу думать, чтобы первобытное Славянское населеніе въ этихъ странахъ было древнѣе V и VI вѣка. Вотъ мои причины. Тацитъ ясно называетъ Вислу пограничною рѣкою Германіи Великой (*Germania Magna*): Птоломей не противорѣчитъ этому. Скандинавскіи Сѣверъ и всѣ страны на берегу Балтійскаго моря населены были народами, которые изъ этихъ только жилищъ посѣтили Греческія провинціи Римской Имперіи и наконецъ отсюда же поработили Западныя ея области. Но именно эти народы, по сказанію современныхъ Писателей, были настоящіе Германцы. Объ этомъ предметѣ нынѣ не лая, кажется, и спорить.

«Въ сихъ-то странахъ найдены древности, которыя въ моемъ сочиненіи старался я изобразить. Но онѣ встрѣчаются и въ земляхъ между Рейномъ и Эльбою. Здѣсь ихъ почитаютъ Германскими. Почему же то, что признано въ Западной половинѣ Германіи ея собственностію, позволено въ Восточной ея части считать принадлежностію Славянъ. Не потому ли, что Славяне были послѣдніе до-Христіанскіе жители этихъ странъ.

«Мнѣніе такое опровергается слѣдующими доказательствами.

«Во-первыхъ, возражаю тѣмъ, что еслибы дѣйствительно Славянамъ принадлежали столь огромныя и многочисленныя могилы въ Восточной Германіи, то онѣ бы нашлись и въ Западныхъ жилищахъ ихъ, въ Галиціи,

въ земляхъ за Вислрю. Здѣсь, не тревожимые, Славяне долѣ жили и отказались отъ язычества позже другихъ народовъ.

«Во-вторыхъ, время, прожитое Славянами въ Германіи, не достаточно для того, что бы довѣрить землѣ такую массу предметовъ, которые скрываетъ въ себѣ отечественная почва, тѣмъ болѣе, что они не жили въ мирѣ, необходимомъ для этого: ибо съ паденіемъ Турингенскаго Царства, на нихъ безпрерывно нападали Франки. Германцы же со временъ Питеаса до Аттилы, на указанномъ пространствѣ земли обитали, обезпеченные отъ вѣншихъ непріятелей такъ, что они спокойно могли совершать служеніе богамъ и строить памятники умершимъ.

«Мнѣніе мое о томъ, что курганы съ урнами и жертвенныя мѣста, открываемыя въ Восточной Германіи составляютъ принадлежность ея народовъ, подтверждается и съ той стороны, что въ нихъ находятся фибулы и яглы, работы Римскихъ фабрикъ. Все это указываетъ на такую эпоху, когда эти вещи изъ жизни и употребленія непосредственно переходили въ могилы. Славяне не могли ихъ приобрѣсти, еще менѣе класть въ гробницы.

«Далѣе — Скандинавскій Сѣверъ, по элементамъ своимъ, какъ уже признано, принадлежащій къ міру Германскому, представляетъ намъ тѣ же явленія: эту истину подтверждаютъ именнo Скандинавскіе памятники изъ камня. Видимъ, что здѣсь, какъ и въ Германіи, сожигали умершихъ, характеристически обозначали тѣ мѣста, гдѣ производился судъ и совершились жертвоприношенія; наконецъ здѣсь же находимъ и вещи, служившія украшеніями и происхожденіемъ своимъ обязанныя странамъ чуждымъ.

«Утверждали наконецъ, что могилы съ слѣдами сожженныхъ тѣлъ могутъ столько же принадлежать Славянамъ, сколько и Германцамъ. Но, не смотря на то,

могилы съ остатками сожженныхъ тѣлъ суть явленія рѣдкія въ земляхъ Славянскихъ. Изъ однихъ уже Историковъ видно, что сожженіе умершихъ у Славянъ не было обыкновеніемъ всеобщимъ.»

Неудовлетворительность мнѣнія Клемма видна уже изъ того, что оно изложено въ чертахъ слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ. Историческіе выводы, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе, не рѣшаютъ спорнаго вопроса. Здѣсь все зависитъ отъ тщательнаго изученія могилъ и того, что въ нихъ содержится: только совокупное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ ведетъ къ цѣли. Клеммъ въ полной мѣрѣ заслужилъ упрекъ критиковъ за то, что древности, находимыя въ Восточной части средней Германіи (см. с. XVI пред. къ его книгѣ) усвоены имъ племеню, которому онъ самъ принадлежитъ. Справедливо замѣчаетъ Липшъ: «въ разсужденіи древностей этой части Германіи именно всего болѣе слѣдовало быть осторожнымъ; здѣсь безъ сомнѣнія найдимъ весьма многія древности, принадлежащія не только Славянамъ, но вѣроятно и другимъ народамъ, которые здѣсь останавливались во время своихъ переходовъ.» Далѣе Клеммъ ссылагся на Галицію и другія земли Славянскія. Кому однакожъ извѣстны древніе памятники сихъ странъ въ той полнотѣ и подробности, которыхъ требуетъ предметъ? Если не ошибаемся, содержаніе могилъ, открытыхъ въ Восточныхъ Славянскихъ земляхъ, говоритъ не въ пользу мнѣнія Клемма. По замѣчанію Липша, большая масса древностей, находимыхъ въ Бранденбургѣ, Лузаціяхъ, Силезіи, въ части Турингена, особенно же урны, обязаны Славянамъ происхожденіемъ своимъ. Берлинское собраніе древностей подтверждаетъ это мнѣніе. Оно именно бѣдно такими предметами, которые преимущественно характеризуютъ могилы чисто-Германскихъ странъ, и напротивъ того богато такими,

которые значительно разнятся от древностей Скандинавскихъ, Рейнскихъ и Нидерландскихъ.

Ошибается также Клеммъ и въ томъ, что будто могилы съ остатками сожженныхъ тѣлъ принадлежать къ рѣдкостямъ въ земляхъ Славянскихъ. Мнѣніе это, нѣкогда столь общее въ Германіи, опровергается какъ самыми мѣстами, такъ и свидѣтельствами письменными. Мы заподлинно знаемъ, что Славяне имѣли обыкновеніе какъ сжигать тѣла умершихъ, такъ и зарывать ихъ въ землю. То же самое было и въ Германіи, какъ видно изъ того, что въ одномъ и томъ же вѣроятно семейномъ курганѣ находимъ и пепелъ и скелеты. Слѣдовательно напрасно Клеммъ думалъ на этомъ основать свое существенное раздѣленіе могилъ. Онъ у него двухъ родовъ: *одни* сохранили въ себѣ слѣды *сожженныхъ тѣлъ* (Brandhügel), *въ другихъ* покойники зарыты *не сожженными* (Grabhügel).

И. И.

VII.

НОВОСТИ

И

ОМЪОЪ.

ИЗЫСКАНІЯ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ СИБИРИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. — Редакція Ж. М. Н. Пр. получила изъ Археографической Коммиссіи два любопытные акта. Это два «доношенія» Геодезиста Лужина о результатахъ поѣздки, предпринятой имъ, по Высочайшему повелѣнію, по Иркутской Провинціи.

Геодезисту Федору Лужину Высочайше повелѣно было въ 1724 году объѣхать Иркутскую Провинцію для составленія ландкарты и описанія рѣкъ ея. Но прежде отправленія своего онъ получилъ новый Указъ, изъ Тобольской Канцеляріи, «а въ Указѣ Его Императорскаго Величества написано, что присланъ-де будетъ къ тебѣ изъ Кузнецка Кузнецкій Сынъ Боярскій Иванъ Буткесвъ подъ карауломъ: и ѣхать бы мнѣ съ нимъ «для изысканія пдола, а именно въ сторону Оки рѣки (*), «на высокой каменной горѣ, именуемой на Россійскомъ языкѣ Сазань, а на Мунгальскомъ языкѣ Табунъ-Мундука, и пскать бы пдола, который на той горѣ есть; и «ежели тотъ пдолъ найдется, то описать всѣхъ его частей «— переднюю часть особо, а заднюю особо.» «И опыи

(*) Въ Иркутской Губерніи.

«вышеписанной Буткеевъ», — продолжаетъ Геодезистъ Лужинъ въ своемъ донесеніи, — «ѣздилъ со мною долгое время и ничего мнѣ не показалъ, и о томъ писалъ я въ отпискѣ своей въ Тобольскую Губернскую Канцелярію». Неизвѣстно изъ дѣла, почему означенный Буткеевъ не показалъ Лужину идоловъ, которыхъ онъ зналъ по-видимому мѣстоположеніе: вѣроятно, онъ не получилъ изъ Тобольской Канцеляріи на то инструкціи; иначе онъ не осмѣлился бы ослушаться предписанія. Какъ бы то ни было, Лужинъ сдалъ его подъ карауломъ въ Иркутскую Канцелярію, и донесъ ей о его ослушаніи. Это составляетъ содержаніе перваго «доношенія» Геодезиста Лужина, отъ 16 Февраля 1725 года.

Во второмъ его «Доношеніи Его Императорскаго Величества Иркутской Провинціи въ Канцелярію», писанномъ въ Мартѣ того же года, Лужинъ пишетъ:

«Въ нынѣшнемъ 725-мъ году Марта дня, въ «присланномъ ко мнѣ изъ Тобольской Губернской Канцеляріи Его Императорскаго Величества Указѣ, «а въ ономъ Указѣ написано: ежели я ландкарту и рисунокъ съ идола списалъ, то отдать въ Иркутской Канцеляріи Лейбъ-Гвардіи Господину Капитану-Порутчику Измайлову для отсылки въ Тоболескъ; а мнѣ повелѣно Указомъ Его Императорскаго Величества ѣхать въ «Енисейскую Провинцію и той Провинціи въ города и «уѣзды для описанія и сочиненія ландкарты. А мнѣ я «доношу въ Иркутскую Провинцію о ландкартѣ и о идолахъ: «понеже отвѣтствовано у меня въ отпискѣ въ Тоболескъ «въ Губернскую Канцелярію, сего 725 году Генваря 13 «дня, съ кучеромъ Василиемъ Вавиловымъ, что понеже «всю Провинцію не объѣздитъ, то не лзя ландкарту сочинить. Также и про вышеописанного идола отвѣтствовано».

Далѣе Лужинъ повторяетъ слова перваго своего доношенія, именно, что Буткеевъ съ нимъ не ѣздилъ и

оставленъ имъ подъ карауломъ въ Иркутскѣ, и продол-
жасть:

«Въ пынѣшнемъ 725 году, Ноября дня, посланы
«были отъ меня два челоѣка школьниковъ, да два че-
«ловѣка служилыхъ людей, да толмачъ, въ Мунгальскую
«землицу для описанія Батура Бучи, и ѣздили и описали,
«и рисупокъ съ него сняли, и объ опомъ Батурѣ Бучи
«въ Тобольскую Губернскую Канцелярію писалъ же. И
«пынѣ, какъ Ваше Благородіе благовеситъ, извольте у
«меня со опаго Батура-Бучи рисупокъ принять съ рос-
«пискою; а иного никакою не нашель».

«О семъ доноситъ Геодезистъ Осдоръ Лужинъ».

На второмъ полулистѣ того же донесенія написана
резолюція Воеводы Иркутской Провинціи, Лейбъ-Гвардіи
Капитанъ-Поручика Михаила Петровича Измайлова, въ
коей значится, что присланнаго Лужиннымъ подъ карау-
ломъ Ивана Буткеева велѣно отослать обратно къ нему
же Лужину, потому что въ Иркутской Канцеляріи колод-
никовъ держать не велѣно, и притомъ же Буткеевъ при-
сланъ былъ къ Лужину не изъ Иркутской, а изъ То-
больской Канцеляріи; а рисупокъ съ пдола отослать подъ
роспискою въ Тобольскую же Канцелярію, снявъ съ него
копію.

Эта копія и приложена къ двумъ доношеніямъ Лу-
жина. Идолъ — каменный и повидимому грубой работы;
въ 20 вершковъ вышины; покрытъ былъ «крышкою
прутеною». Онъ представляетъ собою обтесанный кусокъ
камня, съ шарообразною выпуклостію вмѣсто рукъ и
плечъ, съ большою головою, и (если рисупокъ вѣрно
сдѣланъ) съ длиннымъ, вовсе не Монгольскимъ лицомъ
и продолговатымъ носомъ. «Оной же Батуръ Бочи» —
сказано въ припискѣ — «стоитъ по лѣву сторону рѣки
Ургы (*), а повыше рѣки Иги; а стоитъ онъ на ровномъ

(*) Урикъ?

мѣстѣ, а гора отъ него разстояніемъ 40 сажень; а стоитъ онъ лицомъ межъ Югомъ и Востокомъ».

ВАРАШЕВЪ КАМЕНЬ. — Въ Путешествіи Озерецковаго по Ладожскому и Онежскому озерамъ (стр. 122—123), упоминается, что въ Сердопольскомъ Уѣздѣ, близъ Олоонецка и берега Ладожскаго озера, находится «большой камень, называемый Варашевымъ», котораго основаніе понимаетъ вода этого озера. Онъ имѣетъ четыре аршина въ вышину и пять съ половиною въ ширину. Видъ его почти четырехугольный, и онъ состоитъ изъ краснаго гранита. Камень этотъ положенъ на семь мѣстѣ, безъ сомнѣнія, человѣческими руками, потому что онъ одинъ только тутъ находится, и на большомъ около него разстояніи никакихъ другихъ камней не встрѣчается. Сверхъ того, на поверхности его высѣчены буквы, съ которыхъ представляется здѣсь снимокъ.

ВЩ ЗН Г С

Т М В Ш

Въ нижеупомянутой записи сказано: «на камени грашь, крестъ въ кругу, да короны и годовое число». (стр. 204).

Говорятъ, что этотъ камень былъ нѣкогда порубожнымъ знакомъ между Россією и Швецією; но почему прозванъ онъ Варашевымъ, замѣчаетъ Озерецковскій, того ему объяснить никто не могъ.

Камень этотъ находится на томъ же мѣстѣ донынѣ; а что онъ былъ нѣкогда границею, то подтверждается межевою записью размежеваній по Столбскому договору Новгородскаго Уѣзда Олоонецкаго и Лопскихъ погостовъ и Корельскаго Уѣзда Ребольской волости, учиненною

Полномочными лѣта 7126 (1618 г.) Октября въ 25 день, при Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, въ которой сказано, что «Полномочные съѣхались межъ Новгородскаго Уѣзда Олопецкаго погоста и Корельскаго Уѣзда Соломенскаго погоста, у Ладожскаго озера у Варачева камня, Варачина тожъ, и написано на рубежѣ у Ладожскаго озера у Впчева камня». (*Полн. Собр. Законовъ*, стр. 203 — 216).

Этотъ Варачевъ или Варашевъ камень, какъ видно изъ сей записи 1618 года, уже существовалъ прежде, и давность его можетъ быть объяснена слѣдующимъ мѣстомъ изъ Исторіи Госуд. Росс. (XI, 42).

«Борисъ долго медлялъ оказать сію учтивость (привѣстить о своемъ воцареніи) Королю Датскому, Христіану; но съ 1601 года начались весьма дружелюбныя сношенія между нмъ. Въ одно время Послы Христіановы, Эскеброкъ и Карлъ Бриске, отправились въ Москву, а наши, знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ, для взаимнаго привѣстствія и для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Варганскихъ нустыпяхъ. Доказывая, что Лапландія принадлежала Норвегін, Христіанъ ссылался на Исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографію; говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лапландію Мурманскою или Норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича Новгородскій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ: (прим. 56) «Былъ въ Корелѣ и во всей Корельской земли большой Владѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожъ, а послушна была Корела къ Вели. Новгороду съ Двинскою землею, и посаженникъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ Новгородскихъ Посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учавъ войною приводити

подъ свою власть, и Мурмане были челомъ Норвежцѣмъ Нѣмцомъ, чтобъ они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (Нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной человѣкъ и къ рати необычной охотникъ: то у него былъ большой промыслъ, что рать . . . и побывалъ Нѣмецъ, а въ Варенгѣ на побоищѣ Нѣмецкомъ, гдѣ Варенской лѣтней погостъ, на славу свою, принесши съ берегу своими руками, положилъ камень, въ вышину отъ земли остъ и нынѣ больше косые сажени; а около его подалъ выкладено камнемъ кабы городской окладъ въ 12 стѣнъ; а названъ былъ у него тотъ окладъ Вавилономъ. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него камнемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; и тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей часъ слово въ Валитовъ камень, а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ Печенскіе губы по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, вышла въ берегъ круга, а середѣ ее островъ камень высокъ, кругомъ сверху ровень: тутъ у него для крѣпости и покоя загорода мѣсто было. . . А какъ Валита не стало, а въ крещеньѣ ему было имя Василей, и положенъ въ Корелѣ на посадъ,» и проч.

Это преданіе узнали отъ старожилъ той страны, въ 1592 году, Князь Звѣнигородскій и Васильчиковъ, а Карамзинъ заимствовалъ оное изъ бумагъ Посланника Ржевскаго.

Принявъ въ соображеніе это преданіе, можно кажется заключить, что камень, положенный при Валидѣ, или Варентѣ, есть тотъ самый, который нынѣ называется Варашевымъ.

КРЕВИНГИ. — Это небольшое племя живетъ въ Курляндіи между Латышами, и происхожденіи Чудскаго. Кривинги (или правильнѣе Кріавинги) подавали нѣ-

когда поводъ къ разнымъ предположеніямъ и толкамъ. Удивительнымъ казалось, отъ чего они могли получить названіе Кріавинговъ: ибо только Русскіе слывуть у Латышей подъ именемъ Кгеewi (Кріави), т. е. Кривичей Русскихъ Лѣтописей. Изъ-за Кріавинговъ нѣкоторые не хотѣли Кривичей признать Славянскимъ племенемъ, вопреки Нестору и прочимъ свидѣтельствамъ. Цоденскій (zu Zohden) Пасторъ, Свенсонъ, сообщилъ краткое извѣстіе о Кріавингахъ въ журналъ: «Inland», издаваемый въ Дерптѣ (1836 No 50, с. 826). «Кріавинги»—говоритъ Г. Свенсонъ — живутъ недалеко отъ Бауска въ Курляндіи, въ волостяхъ Альтъ-Раденъ и Ней-Раденъ. Предки ихъ переселены сюда изъ Эстляндіи въ то время, когда Ордоискій Магистръ Іоаннъ фонъ-Менгенъ, импугемный Остгофъ (Osthoff), строилъ въ 1456 году замокъ Баускъ. Кріавинговъ, очевидно Эстовъ (Чудъ) по происхожденію, Латыши называютъ Кгеewinni. Это слово уменьшительное и происходитъ отъ Кгеewi (Русскіе): ибо Эсты—древніе дашники Русскихъ—составляли, въ мѣстѣ Латышей, какъ бы одно съ ними племя. Кріавинги образуютъ нѣтъ одинъ народъ съ Латышами, ибо въ отношеніи общественномъ и религіозномъ они совершенно соединились съ послѣдними, отличаясь отъ нихъ только одеждою, особеннымъ благочестіемъ и доброю нравственностію. Кріавинги вступаютъ съ Латышами въ брачныя союзы; обще съ ними приобщаются Святыхъ Таинъ: словомъ они живутъ съ совершенномъ мирѣ: Кріавинги—остатокъ народа временъ давнихъ—славятся импубіемъ и поведеніемъ. Въ «Ausland» на 1838 г. No 189 помѣщены извѣстія о Кріавингахъ, заключающія въ себѣ много ошибочнаго.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЪ ГАЛИЦІИ И ВЕНГРИИ. — Восточная часть Карпатовъ и равнины между рѣками Саномъ (Сянтъ), Вяромъ (Вѣгоръ), Днѣстромъ, Днѣпромъ, Прппетью, населены Славянскимъ народомъ, который на своемъ языкѣ себя именуется: *Русинъ, народъ Русскій, Русь*, страну же *Русь, край Русскій*. Число жителей, говорящихъ нынѣ Русскимъ языкомъ въ Галиціи и другихъ странахъ Австрійской Имперіи, показывается слѣдующая таблица, составленная на основаніи официальныхъ извѣстій. Онѣ находятся въ «Schematismus etc. Cleri Dioeceseos Gr. Cath. Premisliensis 1831; Schematismus universi venerabilis Cleri Archidioeceseos Metropolitanae Graeco-Catholicae Leopoliensis pro a. D. 1832; Katholik, Monat Juni 1831; Schematismus venerabilis Cleri Graeci Ritus Cathol. Dioeceseos Mukacsensis 1829, и Schematismus Cleri Dioeceseos Gr. Cath. Eperiesiensis 1830».

Въ Галиціи въ округѣ Саноцкомъ болѣе	91,848
Перемышльскомъ .	160,860
Жолѣвскомъ .	165,440
Самборскомъ .	224,626
Лембергскомъ .	73,559
Станиславскомъ .	165,282
Стрыйскомъ (Бойки)	167,669
Бржезанскомъ .	143,288
Злочавскомъ .	147,113
Тарновольскомъ .	137,968
Чертковскомъ .	108,594
Коломыйскомъ (Гу-	
цулы) .	155,862
Буковинскомъ .	100,261
Всего до двухъ милліоновъ.	

Въ Яслоуискомъ и Сандецкомъ округахъ, въ горныхъ мѣстахъ, Русскій языкъ въ употребленіи: жители (Лем-

ки), числомъ болѣе 121,939, говорятъ имъ съ несомнѣтельными отмѣнами въ тонѣ и окончаніяхъ, сближаясь въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ Словаками. Въ округѣ Решовскомъ при Каньчугѣ и Лскайскѣ, живетъ около 10,000 Русн, которые сохраняютъ еще нѣкоторые слѣды своего первоначальнаго діалекта. Въ Тарновскомъ, Бохнійскомъ и Вадовницкомъ округахъ Русскій языкъ вовсе неизвѣстенъ: здѣсь господствуютъ Мазуры. Изъ Жолкѣвскаго округа діалектъ Русскій переходитъ въ предѣлы Польши, въ страну около Замостья и Хелма, гдѣ жители, числомъ до 39,555 человекъ, имѣютъ своего Епископа.

Не лзя также не упомянуть здѣсь и о Венгерской Русн, числомъ до 600,000; они живутъ въ мѣстахъ около Мункача, Унгвара и Еперісса. Діалектъ ихъ перемѣшанъ съ Венгерскимъ и Словацкимъ. Мадьяры именуютъ ихъ *Orosz-emberek* (т. е. Русскіе люди), самъ же себя они иногда называютъ Русняками. Имъ это неизвѣстно въ Галиціи. Въ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ «*Grammatik der Ruthenischen oder klein Russischen Sprache in Galizien von J. Lewicki. Przemyśl. 1834*».

О ПРОИЗНОШЕНІИ ЗВУКЪ, ВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ КИТАЙСКИХЪ ЗВУКОВЪ.—Знаменитый нашъ Синологъ О. Іакинѣвъ Бичуринъ доставилъ Императорской Академіи Наукъ слѣдующее, доселѣ неизданное, прибавленіе къ его Китайской Грамматикѣ.

«Изъ буквъ, входящихъ въ составъ Китайскихъ звуковъ, нѣтъ ни одной, которой бы не было въ Русскомъ языкѣ; примѣчательное же въ Китайскомъ языкѣ отлчіе нѣкоторыхъ звуковъ не составляетъ новыхъ буквъ, а происходитъ отъ произношенія. Въ изданной мною Китайской Грамматикѣ я показалъ, въ чемъ со-

стоитъ это отличіе, но не изложилъ естественныхъ тому причинъ.

«Буквы Китайскаго языка раздѣляются на:

- 1) произносимыя въ гортань и изъ гортани;
- 2) произносимыя въ гортань, и
- 3) произносимыя изъ гортани.

«Буквы, произносимыя въ гортань и изъ гортани суть:

А, въ началѣ слова произносимая въ гортань, образуетъ мягкое *а*, подходящее къ *а* съ преддыханіемъ; на примѣръ: 'аѣ, 'анъ; произносимая же изъ гортани образуетъ мутное *а*, подходящее къ *аа*; напр. *ааѣ*, *ааанъ*. Но произношеніе того или другаго *а* зависитъ отъ воли говорящаго, и разность въ произношеніи не измѣняетъ смысла въ рѣчп.

К, произносимая въ гортань, образуетъ густое *к*, подходящее къ *кк*, слитно выговариваемымъ, и даже къ твердому *к*; *канъ*, *ко*, *ку*; произносимая же изъ гортани образуетъ мягкое *к*, какъ бы послѣ него слѣдовало преддыханіе ' или знакъ протяженія —; напр. *к'анъ* или *к—анъ*, *к—о*, *к—у*. Мы выражаемъ это чрезъ *кх*, слитно выговариваемыя.

П, произносимая въ гортань, образуетъ густое *п*, подходящее къ *пп*, слитно выговариваемымъ, и даже къ мягкому *б*; напр. *пна*, *пно*, *пу*; произносимая же изъ гортани образуетъ мягкое *п*, какъ бы слѣдовало послѣ него преддыханіе ' или знакъ протяженія —; напр. *п'анъ*, *п—о*; мы выражаемъ это чрезъ *пх*, слитно выговариваемыя.

Т, произносимая въ гортань, образуетъ густое *т*, подходящее къ *тт*, слитно выговариваемымъ, и даже къ мягкому *д*; напр. *танъ*, *ти*, *до*; произносимая же изъ гортани образуетъ мягкое *т*, какъ бы слѣдовало послѣ него преддыханіе ', или знакъ протяженія —; напр.

т'ань, т—о, т—у. Мы выразимъ это чрезъ *тх*, слитно выговариваемыя.

Ц, произносимая въ гортани, образуетъ густое *ц*, подходящее къ *цз*, слитно выговариваемымъ; напр. *цзань, цзо, цзи, цзл*; произносимая же пзъ гортани образуетъ мягкое *ц*, подходящее предъ гласными *а, о и э* къ *ц'* и *ц—*, а предъ гласными *е, и, ю, я* къ *цс*, слитно выговариваемымъ: напр. *ц'а, ц—о, ц—э; ци* какъ *цъси, цю* какъ *цъсю, цъсь, ця* какъ *цъся*.

Ч, произносимая въ гортани, образуетъ густое *ч*, подходящее къ *чж*, слитно выговариваемымъ; напр. *чжань, чжи, чжу*; произносимая же пзъ гортани образуетъ мягкое *ч*, подходящее къ *ч'* или *ч—*; напр. *ч'ань, ч'о, ч—ень*.

«По разпозвучію одной и той же буквы, производному голосомъ при произношеніи одной съ разныхъ точекъ гортани, двойные звуки каждой буквы, въ Китайскомъ Тоническомъ Словарѣ подъ названіемъ: *Ву-инь цзи-юнь*, поставлены попарно; напр. *пхань—бпань, кхань—гкань, тхань—дтань, цань—цзань, ч'ань—чжань*. Вотъ почему при тоническомъ переложеніи Китайскихъ звуковъ на Русскій языкъ принято нами за правило писать: *ца* и *цжа*, а не *дза* и *джа*.

«Буквы, произносимыя въ гортани суть:

В произносится въ гортани глухо, образуя *уа*, слитно выговариваемыя; напр. *вань* произносится какъ *уань* или *вуань*.

Ж, въ Сѣверномъ Китаѣ въ произношеніи не имѣетъ отлпчій отъ Русскаго *ж*; въ Южномъ же Китаѣ различно измѣняется.

И, въ началѣ слова произносится въ гортани густо, образуя *йи*, слитно выговариваемыя; напр. *йинь, йинь*.

Л въ Сѣверномъ Китаѣ не разнится въ произношеніи отъ Русскаго *л*; но въ Южномъ Китаѣ столь густо втягивается въ гортань, что невозможно отличить *ли* отъ *ли*, *линъ* отъ *линъ*,

М **Н** **Ѣ** } въ произношеніи ихъ не имѣютъ отличія отъ таковыхъ же Русскихъ.

Ю въ звукахъ *юй* и *юе* выговаривается очень мягко, а въ прочихъ звукахъ какъ Русское *ю*.

Я послѣ согласныхъ произносится мягко, образуя *ие* слитно выговариваемыя; напр. *цянъ* какъ бы *ціенъ*.

«Буквы, произносимыя изъ гортани суть:

С **Ф** **Х** **Ш** } Всѣ сіи буквы въ произношеніи ихъ не имѣютъ отличія отъ таковыхъ же Русскихъ.»

ПАРИЖСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САДЪ, *Jardin des Plantes*. — Этотъ садъ, учрежденный Людовикомъ XIII въ 1623 году, сначала былъ просто кабинетомъ рѣдкостей по части Естественной Исторіи, но въ настоящее время онъ есть Заведеніе, въ которомъ собраны произведенія всего Земнаго Шара. Всѣ важнѣйшія путешествія, совершенныя въ послѣднее время въ разныя страны и вокругъ Свѣта, сносилѣшествовали къ обогащенію этого сада разными предметами: съ другой стороны, съ распространеніемъ ученыхъ познаній, онъ непрерывно получаетъ съ разныхъ концовъ Франціи мѣстные собранія произведеній чрезвычайно любопытныхъ. Изъ всей Европы извѣстные Ученые также обогащаютъ это Заведеніе,

Нынѣ въ Ботаническомъ Саду преподается четырнадцать курсовъ: Анатомія человѣка и Сравнительная; Сравнительная Физіологія; Зоологія, Ботаника и Физіологія растений, Садоводство, Минералогія, Геологія, Химія Общая и Прикладная.

Всѣ эти курсы постоянно посѣщаются 1800 Студентами; чтенія Ботаники и Химіи привлекаютъ наибольшее число слушателей. Въ 1833 г. коллекція Сада состояла изъ слѣдующаго числа предметовъ: царство животныхъ изъ 152,000 видовъ или образчиковъ; изъ 350,000 сухихъ растений; 4500 образчиковъ дерева, плодовъ и сѣмянъ; 60,000 камней, минераловъ и окаменѣлостей. Но съ тѣхъ поръ коллекція эти умножились, потому что Музеумъ получаетъ теперь ежегодно около 30,000 предметовъ всѣхъ родовъ.

Собраніе наиболѣе любопытное въ Библіотекѣ Сада, столь богатой рукописями и сочиненіями числомъ до 30,000, есть коллекція оригинальныхъ рисунковъ, составленная знаменитѣйшими артистами. Она начата въ 1635 г. и продолжается безпрестанно. Коллекція, гдѣ изображены растенія и животныя наиболѣе рѣдкія, состоитъ изъ 80 портфелей, заключающихъ въ себѣ болѣе 6000 оригинальныхъ рисунковъ; ее оцѣпиваютъ въ сумму, превышающую два милліона франковъ.

Теперь разведено въ саду болѣе 12,000 видовъ растений; но если внять во вниманіе дублеты и варианты, то они будутъ далеко превышать это число. Пальмы, доставленныя Людовикомъ XIV, еще существуютъ, а также и большая Индійская смоковница (*siorge du Pegou*), эта царица прозябаемаго царства, посаженная тому уже полтора вѣка.

Устройство Ботанической Школы ничего не оставляетъ желать: краски, которыми помѣчены ярлыки, служатъ для означенія растений ядовитыхъ и употребляемыхъ для украшенія, также и тѣхъ, которые употребля-

ются въ Медицинѣ, въ Искусствахъ или въ пищу; особенно знаки показываютъ тѣ растенія, которыя воспитываются на открытой землѣ, въ теплицахъ или оранжереяхъ.

Коллекція растительныхъ окаменѣлостей, доставленная Гроньяромъ-сыномъ, зерна различныхъ родовъ хлѣба во Франціи, замѣчательные плоды, рѣдкія деревья, общій горбаріи, состоящій изъ 50,000 видовъ, гербаріи особенныя или географическія и проч. хранятся въ ботаническихъ галлерейхъ, также и всѣ предметы, относящіеся къ изученію Физіологіи растеній. Старыя теплицы не такъ высоки и совершенно неудобны.

Въ саду разводятъ Египетскій папирусъ, кокосовое дерево, ваниль, кофейное дерево, разные виды чайнаго дерева, Американское дерево акажу (acajou), тыковное дерево (calebassier), саговую пальму (arbre à sagou) и большое число другихъ растеній, деревьевъ и рѣдкихъ кустарниковъ. Новыя теплицы, настоящій стеклянный дворецъ, въ 60 футовъ вышины, нагрѣваются посредствомъ паровъ и пропаратомъ чрезвычайно остроумнымъ; посаженный тамъ бамбукъ пустилъ въ продолженіе прошлаго года ростокъ въ 18 футовъ. Деревья банановыя, пальмовыя уже привирастаютъ на открытой почвѣ.

Никакое описаніе не дастъ понятія о богатствѣ минералогическихъ коллекцій: упомянемъ только о исполинскомъ горномъ хрусталѣ, который вѣситъ болѣе 800 фунтовъ, и о массѣ метеорическаго желѣза, падающаго въ Провансѣ, вѣсомъ болѣе 1200 фунтовъ. Образчики, относящіеся къ Геологіи, размѣщены методически, согласно ихъ древности, т. е. хронологически, потому что въ наше время Науки доведены до возможности опредѣлять точное время каждаго слоя коры земной поверхности.

Дѣвѣнадцать залъ посвящено Сравнительной Анатоміи. Здѣсь хранится драгоцѣнная коллекція черепокъ Док-

тора Галля, собраніе головъ позвоночныхъ животныхъ и замѣчательнѣйшія человѣческія головы разныхъ племенъ и эпохъ; скелеты и анатомическія части почти всѣхъ извѣстныхъ животныхъ, зародыши различныхъ возрастовъ, муміи, окаменѣлости и большое количество уродливыхъ произведеній. Скелеты Станиславова карлика, Готтентотской Венеры, и фанатика Солпмана-Калесби, убійцы Клебера, также здѣсь хранятся.

Всѣ органическія существа, начиная съ созданій ископаемаго вида даже до раковинъ и микроскопическихъ насѣкомыхъ, размѣщены въ зоологическихъ галлерейхъ; число млекопитающихъ животныхъ состоитъ изъ 5000 предметовъ. Невозможно дать понятія о блестящей коллекціи десяти тысячъ птицъ, о мпріадахъ насѣкомыхъ, и безчисленныхъ отдѣленіяхъ раковинъ, рыбъ, пресмыкающихся и коралловъ. Эти галлерей представляютъ перечень всего созданія, Вселенную въ маломъ видѣ.

Огромная ротода теперь вмѣщаетъ въ себѣ двухъ слоповъ Азіатскаго и Африканскаго; зебовъ или Индійскихъ быковъ; геміона (*hémione*); верблюдовъ; четырехъ лаувъ (*dauw*), зебровъ, изъ которыхъ двое родилось въ этомъ Заведеніи; нѣсколько животныхъ, отыгающихъ жвачку, изъ породы оленей, и камелопарда или жирафа, который со времени привоза его во Францію выросъ на три фута. Здѣсь также находится черныи дасіуръ (*dasiuro poig*), особенный типъ населенія Новой Голландіи, еще въ первый разъ доставленный въ Европу.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ ЛОНДОНѢ. — Ни одна столица Европы не вмѣстѣ столько Ученыхъ Заведеній какъ Лондонъ. Число ихъ трудно опредѣлить по недостаточности точныхъ свѣдѣній, но оно должно простираться до пятидесяти. Вотъ названія главнѣйшихъ Ученыхъ Обществъ.

Королевское Общество, Royal Society. Президентомъ его теперь Герцогъ Суссексъ; Вицепрезидентовъ шесть: Графъ Борлингтонъ (Earl of Burlington), Белл (Fr. Baily), Чилдернъ (J. G. Children), Джайлбертъ (Dav. Gilbert), Лоббокъ (J. W. Lubbock), Ригодъ (S. P. Rigaud).

Общество Антикваріевъ, Society of Antiquaries. Президентомъ — Графъ Эбердинъ; Вицепрезиденты: Сиръ Вилліамсъ-Виннъ (Sir C. W. Williams Wynn), Сиръ Ф. Медденъ (Madden Bt.), Голлемъ (H. Hallam), Гемилтонъ (W. H. Hamilton), Годсонъ Горни (Hudson Gurney); Секретари: Керлайль (N. Carlisle, Esq.) и Сиръ Г. Эллисъ (Ellis).

Королевское Общество Литературы, Royal Society of Literature. Президентъ Графъ Рипонъ (Earl of Ripon); Вицепрезиденты: Герцогъ Нью-Кестль, Герцогъ Ротландъ (Rutland), Герцогъ Соутерлендъ (Sutherland), Графъ Бильморъ (Earl of Belmore), Лордъ Бексли (L. Bexley), Сиръ Горъ-Уэли (S. Gore-Ouseley), Голлемъ (H. Hallam), Лакъ (W. M. Leake), Петитъ (L. H. Petit), Спрай (Rev. J. H. Spry); Секретари: Каттермолъ (Cattermole) и Гемилтонъ. Торжественное засѣданіе этого Общества бываетъ 26 Апрѣля.

Королевское Азіатское Общество, Royal Asiatic Society. Президентъ — Вилліамсъ Виннъ, Секретарь — Полковникъ Бриггсъ. Торжественное засѣданіе бываетъ 12 Мая. Членовъ въ Обществѣ считается 561.

Королевское Географическое Общество. Президентъ — Гемилтонъ, Вицепрезиденты: Моунтстюартъ Ильфинстонъ (Hon. Mountstuart Elphinstone) и Гриннофъ (Greenough). Въ публичномъ засѣданіи 21 Мая прошлаго года читанъ былъ отчетъ Общества, изъ котораго видно, что оно имѣетъ до 600 Членовъ.

Статистическое Общество, Statistical Society. Президентъ — Фрайвильямъ; Вицепрезиденты: Марквизъ Лендсдоунъ, Лимонъ (Lemon) и нѣкоторые другіе;

Секретари: Воронцовъ-Грейгъ, Гопъ-Маклиниъ (H. Maclean), Роусонъ (Rawson); Кассиръ — Голлемъ (H. Hallam).

Геологическое Общество, Geological Society. Президентъ — Вилліамъ Вивелль (Rev. Will. Whewell); Вице-президенты: Фиттонъ, Лайселъ (Lyell), Морчисонъ (Morschison), Седжвикъ; Секретари: Дарвинъ, Гемплетонъ и Де ла Бешъ.

Зоологическое Общество, Zoological Society. Президентъ — Графъ Дерби; Членъ Совѣта — Епископъ Норвичскій. Доходъ Общества простирался въ 1837 году до 15,425 фунтовъ стерлинговъ (385,625 рублей), расходъ до 15,170 фунт. ст. (381,250 руб.). Число Членовъ болѣе 3000. Общество имѣетъ богатый садъ и Музеумъ, въ которомъ считалось 268 видовъ четвероногихъ, 645 птицъ и 18 пресмыкающихся.

Орнитологическое Общество, Ornithological Society. Президентъ Герцогъ Боккленъ (Buccleugh), Секретарь В. Голлъ (Hall), Членовъ 205.

Энтомологическое Общество, Entomological Society. Президентъ — Стефенсъ (J. F. Stephens, Esq.).

Линнеево Общество, Linnaean Society. Президентъ — Епископъ Норвичскій; Вице-президенты: Роб. Броунъ и Эдв. Форстеръ. Общество находится подъ покровительствомъ Королевы.

Ботаническое Общество, Botanical Society. Президентъ Дж. Грей (J. E. Gray, Esq.).

Медико-Ботаническое Общество, Medico-Botanical Society. Президентъ — Графъ Спенгопъ.

Общество Садоводства, Horticultural Society. Вице-президентъ — Дайеръ (Dyer). Мая 1-го происходило 29-е годовое засѣданіе Общества.

Общество Земледѣлія и Садоводства, Agronomical and Horticultural Society.

Электрическое Общество, Electrical Society, учреждено въ 1837 году. Предсѣдатель Дж. Э. Джонстонъ, Esq.

Королевское Астрономическое Общество, Royal Astronomical Society. Президентъ — Бейли (Fr. Baily); Вице-президенты: Эйри (Airy), Галловей, Раперъ, Роттесли (Wrottesley).

Королевскій Институтъ Британскихъ Архитекторовъ, Royal Institution of British Architects. Президентъ — Графъ Грей (Grey); Вице-президенты: Фильдъ, Гардвинъ и другіе.

Кромѣ этихъ Обществъ существуютъ еще слѣдующія: *Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ* (Institution of civil engineers), *Общество Архитекторовъ* (Architectural Society), *Метеорологическое Общество* (Meteorological Society), *Френологическое Общество* (Phrenological Society), *Общ. Медиковъ и Хирурговъ* (Royal Medical and Chirurgical Society), и еще два Медицинскіе Общества, подъ названіями: *Medical Society* и *Harveian Society*; пять Обществъ Художниковъ: *Society of Arts*, *Graphic Society*, *Philharmonic Society*, *Society of British Artists* и *Royal Institution*; *Литературное Общество* (Literary Fund), *Общество Военныхъ* (United Service Muséum), и нѣкоторые другія.

УЧЕНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ. — Англійскіе Ученые Грей и Лусингтонъ предпринимали недавно путешествіе во внутреннія земли Новой Голландіи; но, пройдя 70 миль, были принуждены тамошними жителями возвра-

тятся. Они успѣли однако во время своей поѣздки сдѣлать нѣсколько любопытныхъ открытій. Г. Грей нашелъ множество рисунковъ въ тамошнихъ пещерахъ и утверждаетъ, что они нарисованы первыми жителями, подтверждая это мнѣніе точными изображеніями человѣческой руки, какъ бы оттиснутыми на поверхности утеса и разрисованными черною краскою по бѣлому полю. Г. Грей полагаетъ, на основаніи этихъ рисунковъ и другихъ собранныхъ имъ доказательствъ, что сосѣдніе жители того мѣста Азіатскаго происхожденія. Предположеніе это тѣмъ вѣролѣннѣе, что острова Индійскаго Архипелага составлены нѣкоторымъ образомъ переходомъ съ Восточнаго материка въ Австралію.

— Маіоръ Митчелль (Mittchell) издалъ описаніе своего путешествія во внутренность Восточной Австраліи, совершеннаго въ 1831, 35 и 36 годахъ, и чрезвычайно важнаго по множеству новыхъ свѣдѣній объ этомъ мало извѣстномъ материкѣ (*Three expeditions into the interior of Eastern Australia, London, 1838*, три части). Странно, что до сихъ поръ мы знали этотъ край хуже, чѣмъ центральную Африку, хотя Англичане уже давно имѣютъ колоніи на берегахъ Австраліи, куда ссылаютъ своихъ преступниковъ. Поводъ къ тремъ экспедиціямъ, совершеннымъ Маіоромъ Митчеллемъ, подалъ былъ рассказъ одного бѣлаго, который долго скрывался между туземцами, по наконецъ былъ пойманъ. Маіоръ Митчелль открылъ и описалъ неизвѣстныя страны, на нѣсколько сотъ верстъ отъ колоніи Новаго Южнаго Валлиса, и вообще отвергаетъ доселѣ существовавшее мнѣніе, будто бы внутренность Австраліи есть совершенная пустыня. Опъ, напротивъ того, нашелъ тамъ плодородныя земли, омываемыя значительными рѣками, горы, богатое произращеніе и множество жителей.

ЦЕРКОВЬ ВЪ УТЕСѢ. — Въ Бордо, въ приходѣ Св. Эмилиана, открыли памятникъ, достойный полнаго вниманія всѣхъ почитателей Религіи и любителей Искусства, — древиною, великолѣпную церковь, высѣченную изъ цельнаго камня въ одномъ утесѣ. Она имѣетъ 80 Французскихъ футовъ въ длину и 50 футовъ въ ширину, превосходитъ своимъ протяженіемъ подобныя памятники Египта, и должна считаться, можетъ быть, первою знаменитостію между Французскими памятниками. Съ давняго времени ея владѣлъ одинъ частный человекъ и превратилъ-было ее въ овинокъ; однакожъ нынѣ тамошній Архіепископъ, посѣтивъ недавно по должности приходъ Св. Эмилиана, приказалъ ее очистить и, по освященіи, возобновить въ ней Богослуженіе.

МЕДАЛЬ АСТРОНОМАМЪ БЕРУ И МЕДЛЕРУ. — Датскій Король пожаловалъ Нѣмецкимъ Ученымъ Вильгельму Беру (Beer), брату знаменитаго музыканта Майербера, и Доктору Іоганну Генриху Медлеру (Mädler), большую золотую медаль pro meritis, въ знакъ признательности за ихъ открытія на лунѣ. Извѣстно, что эти два Астронома издали около двухъ лѣтъ тому назадъ карту луны, и потомъ обширное сочиненіе, назначенное къ истолкованію этой карты. Медаль эта, цѣною почти въ 2500 рублей, вмѣстѣ съ серебрянымъ слѣпкомъ была доставлена Гг. Беру и Медлеру черезъ Г. Статскаго Соклѣтника Шумерера, Профессора Астрономіи въ Копенгагенскомъ Университетѣ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЛАНА

МѢСТНОСТИ МАРЦАЛЬНОВОДСКОЙ ЦЕРКВИ, СЪ БЫВШИМИ ПРИ НЕЙ ДВОРЦАМИ.

- 1) Церковь во имя Св. Апостола Петра (существуетъ въ хорошемъ видѣ).
 - 2) Источникъ марцальныхъ водъ (виденъ).
 - 3) Главный дворецъ Государя Петра Великаго (но существуетъ).
 - 4) Зимній } дворцы Государыни Екатерины I.
 - 5) Лѣтній }
 - 6) Березы, посаженныя Ихъ Величествами (существуютъ).
 - 7) Дворецъ Царевны Параскевѣи Ѳеодоровны (видны только остатки).
 - 8) Остатки дворцовой кладовой }
 - 9) Остатки дворцовой конюшни } (ихъ болѣе нѣтъ).
 - 10) Мѣсто бывшаго купороснаго завода.
 - 11) Домъ съ сараемъ для Священника (существуетъ).
 - 12) Домъ дѣлчика }
 - 13) Домъ пономаря } (существуютъ).
 - 14) Купоросныя ямы, наполнившіяся водою.
 - 15) Домъ крестьянина (существуетъ).
 - 16) Пахотныя }
 - 17) Сѣнокосныя } мѣста.
 - 18) Мѣста, заростшія лѣсомъ.
-

О НОВЫХЪ ТРУДАХЪ БААДЕРА. — Извѣстный Германскій Философъ Баадеръ показываесть нынѣ болѣе дѣятельности и живости ума, чѣмъ когда-либо; его идеи пріобрѣтають ему многихъ послѣдователей, которые примѣняютъ ихъ или къ разнымъ частямъ Философіи или къ другимъ Наукамъ. Баадеръ въ непродолжительномъ времени издаесть Философскій Лексиконъ, гдѣ всѣ важныя вопросы философскіе будутъ объясненѣ въ духѣ Христіанскомъ. Этого необыкновеннаго мыслителя часто толкуютъ превратно. Онъ болѣе всѣхъ Нѣмецкихъ Философовъ приближается къ догматамъ Восточной Церкви; будучи пламеннымъ Католикомъ, онъ жаеетъ единства Церкви, но безъ господства Папы и спѣшно опровергаетъ ученіе Римское и демагогическія правила, обнаруживаемыя Кельнскими проповѣдствіями. Баадеръ написалъ два сочиненія, одно — *Trennbarkeit oder Untrennbarkeit des Papstthums vom Katholicismus*, другое противъ замысловъ Аббата Ламенне и противъ оппозиціи Римскокатолическаго Духовенства въ Пруссіи.

ТРУДЫ УЧЕНЫХЪ ВЪ ВАРШАВѢ. Изъ письма Профессора Поюдина къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Бреслава отъ 10 Февраля 1839 г. — Въ Варшавѣ почелъ я обязанностію засвидѣтельствовать мое почтеніе знаменитому Линде, патриарху Славянскихъ Филологовъ вмѣстѣ съ Чешскимъ Юнгманомъ, Сочинителю классическаго Польскаго Словаря. Онъ приближился уже къ старости, но еще бодръ и трудится безпрестанно; я засталъ его за выписками изъ Русскихъ книгъ. Линде занимается теперь составленіемъ сравнительнаго Словаря Русскаго и Польскаго, обращая вниманіе на Чешское и прочія Славянскія нарѣчія, а равно и на другіе древніе

и новые языки, преимущественно Восточные. Словарь этотъ будетъ расположенъ по азбучному порядку, хотя въ нужныхъ случаяхъ принимается въ соображеніе Этимологія. Лінде прочиталъ мнѣ нѣкоторыя слова; въ примѣчаніяхъ, прилагаемыхъ къ каждому слову, разсыпано богатою рукою множество новыхъ мыслей, объясняющихъ идеологию, философію языка; отъ нѣкоторыхъ, напримѣръ «господинъ» и «гость», я былъ въ восхищеніи. Вотъ новый источникъ для Исторіи народовъ, источникъ, о которомъ не могли и помыслить наши отцы. Съ другой стороны сколько здѣсь пищи для Философін, Философіи живой, положительной: генеалогія понятій, развитіе ихъ, отношеніе міра вещественнаго къ отвлеченному. Линде намѣренъ представить нѣсколько буквъ на судъ Россійской Академіи. Совершеннаго окончанія ожидать нечего: Линде уже около 70 лѣтъ, хотя матеріаловъ собрано на десять томовъ.

Второе мѣсто между дѣйствующими Литераторами въ Варшавѣ принадлежитъ теперь кажется Г. *Мацьевскому*. Онъ напечаталъ недавно въ двухъ частяхъ свои «Памятники», которые служатъ дополненіемъ отчасти къ его Исторіи Законодательства Славянскихъ; но въ нихъ должно быть разсужденіе о введеніи Христіанской Вѣры къ Славянамъ, гдѣ онъ доказываетъ, что *всл* Славяне получили оную первоначально *отъ Грековъ*. Также помѣщена Исторія обычаевъ древнихъ временъ до XIV вѣка у разныхъ Славянскихъ племенъ, нѣсколько грамотъ Польскихъ и Русскихъ. Русская относится къ XIII вѣку. У Мацьевскаго приготовлены къ печати еще два тома, гдѣ заключаются Права земли Вольнской при Казимирѣ Ягайлѣ; Права Армянъ въ Червонной Руси, въ концѣ XV вѣка, сходныя съ правами Армянъ въ Россіи; множество грамотъ, относящихся къ Уніи; критическая Исторія Литературы Польской въ XIV и XV вѣкахъ; обычаи Русскіе и Польскіе въ XV и XVI вѣкахъ. Другой

обширный трудъ Г. Мацѣвскаго, есть приготовленіе къ новому изданію Исторіи Законодательствъ Славянскихъ, напечатанной въ 1832 — 1835 годахъ; пѣтъ четырехъ частей выросло теперь шесть, и все сочлененіе переработано, дополнено, снабжено новыми доказательствами, въ слѣдствіе нѣсколькихъ путешествій, предпринятыхъ Авторомъ въ Славянскія страны, Богемію, Силезію, Моравію, Венгрію, Галицію, гдѣ нашелъ онъ много новыхъ для себя матеріаловъ. Главная мысль его: Славяне одинъ народъ, раздѣленный на разные племена; духъ законовъ ихъ одинъ и тотъ же, принявшій равныя формы въ слѣдствіе равныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. При народномъ правленіи они утратили свою независимость, которую можетъ обезпечить только Монархія. Къ этому присоединить должно критическое обозрѣніе Славянскихъ Кодексовъ. Главныя дополненія относятся къ Исторіи сословій, управленію, о судѣ присяжныхъ, Шляхтѣ, Литовскомъ Статутѣ, о Русскихъ обычаяхъ въ Галиціи, которые имѣли силу (?) при Польскихъ Короляхъ и пр. Г. Мацѣвскій рассказывалъ мнѣ объ образѣ Божіей Матери, найденномъ въ какой-то языческой могилѣ близъ Олавы въ Силезіи, гдѣ былъ городокъ *Смогоржево*, съ Епископомъ Греческимъ, принадлежавшій къ Архіепископіи Меоодіа; на образѣ падались Кириллопскими буквами І С. Х С. Будучи въ Бреславлѣ я разсмотрю этотъ образокъ, который Бюшингъ почитаетъ будто древнѣйшимъ въ Христіанской Церкви.

Гальбовичъ приготовляетъ Статистику Царства Польскаго.

Изъ Русскихъ занимаются здѣсь Исторіею Г. *Павлицева*, который показывалъ мнѣ нѣсколько Картъ, приготовленныхъ имъ къ Параллельной Исторіи Русской и Польской. Г. *Давидъ* перевелъ Разсужденіе Г. Мацѣв-

Часть XXI. Отд. VII.

4

скаго, о коемъ я упомянулъ выше. Г. *Дубровский* переводитъ Исторію Сербіи *Давидовича*.

НОВОСТИ ИНОЗЕМНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Въ Иллиріи издаются съ 1 Генваря 1838 года «Новины Иллирскія» листами по два раза въ недѣлю и «Иллирская Денница» полулистами одинъ разъ въ недѣлю. Онѣ заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ статей литературнаго содержанія.

Въ числѣ прекраснѣйшихъ произведеній особенное обращаютъ на себя вниманіе: «*Пѣснь и приповѣдка од Люд. Вукатиновича*. У Загребу, 1838 въ 16 долю листа 131 стр. Это собраніе, какъ видно уже изъ заглавія, содержитъ въ себѣ пѣсни, баллады и рассказы; послѣдніе писаны прозою. По мнѣнію Шафарика, первое отдѣленіе всего удачнѣе. Въ пѣсняхъ обнаруживается живость и нѣжность чувствъ, изящество слога, и гармонія языка. Многія стихотворенія Вукатиновича можно почесть лучшими перлами новѣйшей Поэзіи Иллирійцевъ. Нѣкоторые изъ Балладъ также довольно удачны; въ рассказахъ же видѣнъ отличный талантъ Автора.

Не меньшаго одобренія заслуживаетъ сочиненіе *Графа Драшковича*: Ein Wort an Illyriens hochherzige Töchter über die ältere Geschichte und neueste literarische Regeneration ihres Vaterlandes von Grafen Janko Draskovic. Agram. 1838, въ 8 долю листа, стр. 53. Г. Шафарикъ отзывается объ этомъ сочиненіи съ особенною похвалою.

Эмерикъ Францискъ Шандоръ Яльскій (Emerik Franciszek Sándor Gjalsky) издаетъ новый Альманахъ на 1838 годъ, подъ заглавіемъ: «Забавникъ Иллирскій». Этотъ Альманахъ будетъ состоять изъ двухъ частей, одной чисто-Иллирійской и другой ино-Славянской; въ каждой изъ нихъ будутъ заключаться стихи и проза, съ превос-

ходными гравюрами. Этотъ же самый Писатель пригото-
вилъ къ печати новое, исправное изданіе героической
Поэмы знаменитаго Графа Эринскаго (Zrinského), подъ
заглавіемъ «*Адріанскаго Мора Сирена*», вышедшей въ
первый разъ въ Венеціи въ 1660 году.

Въ Пестѣ издаются съ начала 1838 года: «*Србска
Новина, или Магазиъ за художество, книжество и моду*,
два раза въ недѣлю по полулисту въ четвертку съ кар-
тинками. Издатели: Антонинъ Арнотъ (Arnot) и Доми-
нинъ Перласка (Perlaska). — А съ Іюля 1838 года изда-
ются тамъ же Павловичемъ: «*Србске народне новине*»,
полулистами два раза въ недѣлю и «*Србскіѣ народниѣ
листъ*», содержащій въ себѣ много занимательныхъ статей.

Изъ новѣйшихъ произведеній Литературы Иллриѣ-
цевъ Греческаго Исповѣданія изданы двѣ новыя тетради
Сербской Лѣтописи (вторая тетрадь 1837 года и первая
1838). Во многихъ отношеніяхъ къ важнѣйшимъ пропъ-
веденіямъ принадлежатъ «*Лукиана Мушицкога стихотво-
ренія*», Пестъ, 1838. 8 л. л. стр. 222. Онѣ заключаютъ
въ себѣ мелкія стихотворенія лирическія и дидактическія,
писанныя по Сербски. Извѣстный Писатель Вукъ Сте-
фановичъ Караджичъ предполагаетъ вновь издать народ-
ныя Пѣсни и Словарь Сербскій.

Симеонъ Милутиновичъ, Исторіографъ Сербскаго
Княжества, издалъ въ 1837 году въ Лейпцигѣ нѣсколько
Сербскихъ сочиненій. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:
1) *Исторія Сербіе, од почетка 1813 до 1815 године, спи-
саніе Симеона Милутиновича Сараиѣ. У Лайпцигу код
Г. Визанда 1838. 8. 510 стр.* 2) *Пѣванія Черногорска и
Херцеговачка собрана Чубромъ Чойковичемъ (т. е. Симео-
номъ Милутиновичемъ) на и нѣмъ, издана истинъ. У
Лайпцигу код Таухница Юніора, 1837. 8. 335 стр.* Въ
этомъ богатомъ собраніи народныхъ Пѣсень заключается
всего 175 почти однихъ только героическихъ Пѣсень,
въ томъ числѣ и нѣсколько Сказокъ.

Гинекъ Кристиановичъ (Hunek Kristianowić), мужъ извѣстный въ Литературѣ Кроатской, издалъ Кроатскую Грамматику, подъ заглавіемъ: «Grammatik der Kroatischen Mundart, neu bearbeitet und herausgegeben von Ignaz Kristianovich, Pfarrer zu Kapella, 1838, in-8, стр. XXV и 246.

Урбанъ Ярникъ (Urban Jarnik) въ Мозбургѣ окончилъ въ рукописи свой обширный Словарь Краинскаго языка. Онъ занимается нынѣ пополненіемъ его изъ собраній, недавно имъ приобрѣтенныхъ. Въ Клагенфуртѣ (Zelówiz) **Антоній Сломшекъ** (Anton Slomšek) обученіемъ Богослововъ Славянскому языку и сочиненіемъ полезныхъ книгъ приобрѣтаетъ право на заслуги въ Литературѣ. **Антоній Кремпель** (Anton Krempel), Священникъ въ Славянскихъ Горкахъ (Slovenske Gorice), готовится къ печати занимательную книгу, которая будетъ заключать въ себѣ рассказы изъ Исторіи Штиріи. — **Андрей Гутманъ** (Gutmann), Священникъ же издастъ для народа сочиненіе сатирическаго содержанія: «Novi vedež» (Новый всезнайка); онъ же переводитъ Эзоповы Басни. — **I. Муршецъ** (Muršec), **I. Матъишичъ** (I. Matjašić) и **I. Возринъ** (I. Wógrin) пишутъ превосходныя Пѣсни на языкѣ Краинскомъ, на томъ именномъ нарѣчьи, которымъ говорятъ въ Штиріи. — Въ Градцѣ усердный **Беланкинъ Кафъ** (Belankin Caf) уже пятый годъ ревностно занимается этимологическимъ Словаремъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. — **Станько Вразъ** (Stanĭko Wraz) значительно умножилъ собраніе Краинскихъ народныхъ Пѣсень, которыя намѣренъ скорѣ издать.

ТЕМПЕРАТУРА ПОЧВЫ ВЪ ЯКУТСКѢ. — Г. Шергинъ во время своего пребыванія въ Якутскѣ подлѣ 62° 2' Сѣверной Широты и 127° 24' Восточной Долготы, сдѣлалъ тамъ любопытныя наблюденія надъ температурою

почвы на различныхъ, довольно значительныхъ глубинахъ. Академія Наукъ, желая, чтобы эти наблюденія были проведены полнѣе и правильнѣе, съ цѣлью вывести изъ нихъ заключенія о среднихъ температурахъ мѣсячныхъ и годовыхъ въ слояхъ земли на различныхъ глубинахъ, и чтобы опредѣлить законъ возрастанія температуры съ глубиною, послала Г. Шергину нужные пособія и наставленія, и между прочимъ предложила ему слѣдующіе три вопроса:

1) До какой глубины въ окрестностяхъ Якутска земля таетъ къ концу лѣта въ мѣстахъ лѣсныхъ, въ мѣстахъ открытыхъ, на лугахъ, въ болотахъ и въ мѣстахъ песчаныхъ?

2) Какова температура почвы, къ концу Іюля мѣсяца, въ этихъ различныхъ мѣстахъ на глубинѣ 1½ футовъ?

3) Всѣ ли маленькіе ручьи въ окрестностяхъ Якутска зимою бываютъ безводны?

Къ сожалѣнію, Г. Шергинъ не могъ сдѣлать правильныхъ наблюденій съ термометрами, присланными ему Академією, потому что онъ уже собрался оставить Якутскъ, когда порученіе это ему было сдѣлано; но вотъ, что онъ отвѣчалъ на три вопроса, предложенные ему Академією:

1) Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ этого года почва найдена растаявшею:

въ мѣстахъ лѣсныхъ до глубины 4 фута. 2 дюйм. Англ.				
въ мѣстахъ открытыхъ	6	—	3	—
въ болотахъ	6	—	8	—
въ лугахъ.	5	—	6	—
въ мѣстахъ песчаныхъ.	6	—	3	—

Впрочемъ, Г. Шергинъ прибавляетъ, что лѣто 1838 года было самое жаркое, во все время тринадцатилѣтняго

его пребыванія въ Якутскѣ, и что въ другіе годы почва таяла только до 3' или 4' футовъ глубины.

2) Къ концу Іюля мѣсяца температура почвы въ этихъ различныхъ мѣстахъ на глубинѣ 1' футовъ измѣнилась отъ 2° до 4° Реомюра.

3) По рассказамъ Якутскихъ старожиловъ всѣ ручейки въ окрестностяхъ этого города зимою бываютъ безводны, исключая только тѣ, которые поддерживаются ключами, и которыхъ весьма немного. Въ нихъ-то ключевая вода непрерывно вытекаетъ изъ-подъ земли и образуетъ огромныя ледяныя горы, которыя сохраняются и не таютъ совершенно, даже въ самое жаркое лѣто. Такъ на примѣръ на Ленѣ, въ 200 верстахъ отъ Якутска, находится ледяная гора, которой происхожденія не помнитъ никто изъ обитателей Якутска.

ТРЕСКЪ, СЛЫШИМЫЙ ПРИ СѢВЕРНЫХЪ СІЯНІЯХЪ. — Давно уже сдѣлано замѣчаніе, что Сѣверныя сіянія сопровождаются иногда особымъ какимъ-то трескомъ; но до сихъ поръ замѣчаніе это было оставлено почти всѣми Физиками безъ вниманія, потому что свидѣтельства, его подтверждающія, были еще слишкомъ малочисленны. Въ 8 номерѣ *Bulletin scientifique*, издаваемомъ Императорскою Академіею Наукъ, помѣщено письмо Механика Юргенсона къ Академику Парроту, съ описаніемъ Сѣвернаго сіянія, которое онъ наблюдалъ въ концѣ Сентября мѣсяца прошедшаго года и при которомъ именно слышенъ былъ какой-то глухой трескъ. Онъ возобновлялся каждыи разъ, когда поднимался новый свѣтлый столбъ, и былъ довольно силенъ тогда, когда поднималось нѣсколько столбовъ вдругъ.

О ЕВРОПЕЙСКОМЪ УДАВѢ (Python Neurogum). — Отдѣльные извѣстія о животныхъ, отличающихся своею величиною, въ Естественной Исторіи, иногда такъ искажаются и преувеличиваются, что въ послѣдствіи принимаютъ видъ совершенныхъ сказокъ. Сказки такія украшаются еще и народомъ и наконецъ до того измѣняются, что Естествоиспытателямъ чрезвычайно трудно бываетъ открыть истину, служившую подобнымъ разсказамъ основаніемъ. Такимъ-то образомъ произошли сказки объ ядовитыхъ животныхъ, крылатыхъ змѣяхъ, драконахъ и подобныхъ чудовищахъ изъ роду земноводныхъ, которыми преисполнены сочиненія дивнѣйшихъ Естествоиспытателей. Однакожь въ большей части случаевъ дѣйствительно животныя несличны чрезвычайно подавали поводъ къ этимъ разсказамъ, и я самъ сообщу здѣсь объ одномъ удавѣ (исполинской змѣѣ), который можетъ быть служить основаніемъ сказкѣ о драконѣ, и который понынѣ живеть въ Европѣ, хотя Естествоиспытателямъ доселѣ не удалось отыскать его и хотя между простымъ народомъ Подольской Губерніи и Бессарабской Области издавна сохранился преданіе, что тамъ существуютъ удавы.

Удавы водились въ Италіи, по показанію Плинія, уже въ то время, когда существовалъ еще въ Германіи дикій быкъ, этотъ огромный предокъ нашего домашняго быка, и когда левъ возбуждалъ въ Греціи всеобщій страхъ своею ненасытною кровожадностію, ускорившею совершенное его истребленіе. Эти удавы (Odoae), по Плинію (histor. natur. lib. VIII cap. XIV), были такой величины, что при Императорѣ Клавдіи показывали въ Ватиканѣ одну убитую змѣю, въ желудкѣ которой находился еще проглоченный совершенно неповрежденный ребенокъ. По Плинію разсказывалъ и Метродоръ, что подъ рѣкою Ринакусомъ, называющеюся въ Черное море, встрѣчаются

столь огромныя змѣи, что они въ состояніи схватывать высоко и быстро летающихъ птицъ. Хотя извѣстіе это слишкомъ обезображено и походитъ на басню, но разнѣ подобныя баснословныя извѣстія не встрѣчаются и въ сочиненіяхъ людей, путешествовавшихъ въ новѣйшія времена по Сѣвернымъ берегамъ Понта? Такъ Г. Андржеевскій въ своемъ ученомъ путешествіи въ Одессу (*Obiâzd w przedmiotach historyi naturalnej. Rys botaniczny. Wilno, pag. 84. 1823*) рассказываетъ, что еще въ началѣ текущаго столѣтія, въ степяхъ къ Сѣверу отъ Одессы встрѣчались исполинскія змѣи, называемыя Поляками роѳоу. Змѣи эти опалили (?) траву, по которой проходили; на головѣ ихъ были огненные нѣбцы (1), а въ пасти пламенное жало (?). Если допустимъ, что истокъ Плиніева Риндакуса находился на Сѣверномъ берегу Понта, то оба извѣстія, древнее и новѣйшее, указываютъ на страну, гдѣ въ продолженіе почти 2000 лѣтъ жили удавы; но существованіе ихъ понынѣ очевидцами не было доказано.

Хотя въ окрестностяхъ Одессы мы и встрѣчаемъ теперь только два большіе вида Европейскаго ужа (*Coluber trabis* Pall. и *Sauromates* Pall.); но по правому берегу Днѣстра, въ Бессарабіи, а отсюда къ Пруту, гдѣ обширныя лѣса и камыши преграждаютъ путь Естествоиспытателямъ, могутъ существовать огромныя змѣи не встрѣчавшіеся еще въ Европѣ.

Навѣстивъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, почтеннаго Директора Императорскаго С. Петербургскаго Ботаническаго Сада Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Фишера, имѣлъ случай я увидѣть у него сброшенную удавомъ кожу, которую Баронъ фонъ-Мюръ, сѣдущій Ботаникъ, только-что привезъ изъ Бессарабіи. Этимъ обстоятельствомъ вдругъ пояснились мнѣ всѣ басни и болѣе или менѣе обезображенные рассказы объ удавахъ, которыми пренеполнены сочиненія Польскихъ Естество-

испытателей. Я поясню ихъ ближе; но сперва сообщу нѣсколько словъ о нашей замѣчательной змѣѣ.

Кожа, недавно лишь ею сброшенная, найдена была въ Бѣльцовскихъ лѣсахъ. Къ сожалѣнію, часть хвоста была оторвана, такъ что длину змѣи опредѣлить не можно; но все-же она могла быть до 8 или болѣе футовъ, ибо окружность простиралась до 9 дюймовъ: что указываетъ на толщину, какая встрѣчается у самыхъ большихъ удавовъ (*Boae*) жаркихъ странъ. Змѣю эту я потому причисляю къ удавамъ, что на сброшенной кожѣ явственно видны отличительные признаки удавовъ и небольшіе нѣтики на головѣ, и только вмѣстѣ съ заднею частию недоставало заднепроходныхъ шпоръ (*calcaria analia*), которыя вѣрно находились въ живомъ животномъ: потому-то почти невѣроятно, чтобы змѣя принадлежала къ той породѣ Егукъ, изъ которой Г. Лихтенштейнъ (см. *Evermann's Reise nach Buchara. Berlin, 1823*) описалъ одну на Восточномъ берегу Каспійскаго моря, длиною въ 4 фута (*Boa tatarica Licht., Eruk turcicos Daud.*). Порода эту и я находилъ на Западномъ берегу Каспійскаго моря и на Кавказѣ; она живетъ также въ Турціи и Греціи, но никогда не достигаетъ длины и толщины удавовъ, и потому весьма вѣроятно, что наши исполинскія змѣи принадлежатъ не къ Егукъ, а къ настоящимъ удавамъ. Вѣроятно эта же змѣя по рассказамъ Плинія встрѣчалась въ Италіи и принадлежала къ той породѣ (а можетъ быть и къ тому самому виду), какъ и 120-футовой Африканскій удавъ, который во время Пунической войны убитъ былъ Римлянами посредствомъ пращевыхъ и металлическихъ машинъ. Огромная кожа ея показывалась еще до Нумидійской войны въ одномъ Римскомъ храмѣ. Кажется и въ Сѣверной Африкѣ, подобно Италіи, порода эта истреблена совершенно. —Кювье (*Regue animal. Vol. II. Paris, 1829, pag. 78*) тоже сомнѣвался, чтобы древніи свѣтъ имѣлъ настоящихъ удавовъ большаго размѣра: слѣдовательно наши Бессарабскіе удавы доказываютъ противное.

И такъ, судя по всему этому, кажется, что нашъ удавъ составляетъ совершенно неизвѣстный видъ (*), называемый мною *Python Neurogum*, и я предлагаю, по сброшенной кожѣ, слѣдующее его опредѣленіе: *dorsum e nigro-fuscomaculatum, maculae mediae majores oblongo-angulatae, albis fasciis cinctae; laterales irregulares; corporis latera, abdominis instar, immaculata, ex flavo albida*, (т. е. спина въ чернобурыхъ пятнахъ; среднія пятна больше продолговато-угловаты и окружены бѣлыми полосками; боковыя неправильны; бока туловища, подобно брюху, безъ пятенъ, и изжелто-бѣловатаго цвѣту).

Слѣдовательно только одна спина, т. е. третья часть тѣла по объему, покрыта чернобурыми пятнами; бока и брюхо изжелто-бѣловатаго цвѣту и только кое-гдѣ показываются черноватыя пятна, которыхъ однакожь на сброшенной, совершенно отсохшей кожѣ едва можно примѣтить. Чешуя лицеобразна (овальна) и расположена въ косвенныхъ поперечныхъ рядахъ; тупые чешуйные концы обращены къ задѣ; таковыхъ продольныхъ рядовъ находится до 79; къ щитамъ примыкаетъ непосредственно большая брюшная чешуя; на бокахъ чешуя нѣсколько больше, нежели на спинѣ, гдѣ она всего меньше, представляя не совсѣмъ правильные четверугольники; на бокахъ щиты почти круглы, а на брюхѣ болѣе широки нежели длинны, и слѣдовательно имѣютъ полулунный видъ, при $\frac{1}{2}$ дюймѣ длины и 5 линіяхъ ширины.

Брюшные щиты имѣютъ 1 дюймъ и 1 линію длины или правильнѣе ширины, ибо длина ихъ вдоль брюха

(*) Академикъ Г. фонъ-Беръ, который получилъ кожу Бессарабскаго змѣи и передалъ ее въ Музей Академіи Наукъ, думаетъ, что этотъ змѣй, сколько можно судить о высохшей кожѣ его, совершенно походитъ на Явскаго змѣя (*Python bivittatus* *Schneid.*) и можетъ быть не водится въ лѣсу около Бѣльцовъ, но принадлежитъ къ зѣбрицу живыхъ змѣй, которыя были показываемы въ Бессарабской Области.

простирается едва до $\frac{1}{2}$ дюйма. Окружность кожи имѣетъ 9 дюймовъ и слѣдовательно предполагаетъ толстое змѣиное тѣло, каковаго понинѣ не было замѣчено между Европейскими змѣями. Длины опредѣлить не можно, такъ какъ кожа не цѣльная; но при всемъ томъ и она въ 6 фут. длиною. Голова змѣи гораздо менѣе объема ея тѣла въ срединѣ: что бываетъ и у каждаго удава, и чѣмъ собственно удавъ и отличается отъ Егуж; головные щиты малы и занимаютъ среднюю часть головы, совершенно какъ у удавовъ.

Въ Бессарабіи живетъ эта змѣя по лѣсамъ и камышамъ около Бѣльцовъ и называется въ народѣ Балауръ; впрочемъ именемъ этимъ называется и каждая другая большая змѣя. Городъ Бѣльцы находится при рѣчкѣ Реутъ, впадающей въ Днѣстръ, и окруженъ лѣсами, въ которыхъ удавы безпрепятственно могутъ жить, тѣмъ болѣе, что вообще простой народъ ихъ боится. Городъ лежитъ посрединѣ между Днѣстромъ и Прутомъ, въ прямомъ направленіи къ Западу отъ Рыбницъ, гдѣ во время моего путешествія въ 1829 году по Волинской и Подольской Губерніямъ, подобный удавъ былъ убитъ, и по описанію Помѣщика упомянутой деревни Г-на Кожуховскаго былъ длиною до 10 локтей и въ $\frac{1}{4}$ локтя толщиною. Толщина эта довольно вѣрно соответствуетъ описанной мною кожѣ, но длина кажется преувеличена; и потому и сомнѣвался, чтобы удавы такой величины встрѣчались въ Подольской Губерніи (см. мою *Alte Geographie des südlichen Russlands*. Berlin, 1838, pag. 272), хотя рассказы Ржончинскаго мнѣ весьма были извѣстны. Ржончинскій (*Historia naturalis curiosa regni Poloniae. Sandomiriae*. 1721, pag. 249) именно рассказываетъ, что большая змѣя (połoz), покрытая твердою чешуею, отъ 8 — 10 локтей длиною, встрѣчается въ степяхъ Украинскихъ (или на Южномъ Подольѣ); что она высоко принодымается, оглядывая добычу; что скорымъ бѣгомъ пре-

слѣдуетъ людей и животныхъ и добычу обвиваетъ хвостомъ своимъ. Около Острога (близъ Кременца, Вольнской Губерніи) онъ узналъ слѣдующее автентическое (по его выраженію) извѣстіе: двое сильныхъ Запорожскихъ Казаковъ шли однажды чрезъ Украинскія степи; вдругъ видятъ они огромную змѣю, толщиною въ бревно, угрожавшую имъ, съ отверстою пастью, смертію; они перекрестились, стали молить Бога о помощи и спокойно ожидали идущее на нихъ чудовище, которое потомъ одинъ изъ нихъ ударилъ девять разъ топоромъ по головѣ, между тѣмъ какъ другой крѣпко прижалъ ее своимъ оротискомъ; но даже съ полуетрубленною головою змѣя обвила обонхъ хвостомъ своимъ столь крѣпко, что они только помощію сабли могли освободиться. Ржопчинскій также рассказываетъ, что въ Хмѣльникѣ на Бугѣ (къ Сѣверовостоку отъ Винницы) давали одному мужику жареное мясо подобной змѣи, но онъ не хотѣлъ его ѣсть. Это доказываетъ, что и на Сѣверномъ Подолѣ удавы жили еще въ прошедшемъ столѣтіи и что мясо ихъ употреблялось въ пищу, какъ и нынѣ еще въ Восточной Индіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя подобныя извѣстія объ этихъ удавахъ сообщаетъ Каноникъ Христофъ Клюкъ (*Zwierzat domowych i dzikich hist. nat. Tom III. Warszawa, 1780, pag. 73*), но присовокупляетъ, что не говорилъ ни съ кѣмъ изъ очевидцевъ, чему и удивляться не лзя, потому что Клюкъ жилъ въ Варшавѣ. Каноникъ Ладовскій (*Historya naturalna kraju Polskiego. T. II. Krakow, 1804, pag. 127*) напротивъ, писавшій въ Краковѣ, присовокупляетъ, что одинъ экземпляръ Украинскаго удава находится въ Кабинетѣ Естественной Исторіи въ Болоніи: чѣмъ онъ старается доказать еще болѣе существованіе его въ тѣхъ мѣстахъ.

Теперь кажется удавы эти не встрѣчаются болѣе въ столь Сѣверныхъ полосахъ: по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одинъ примѣръ, кромѣ приведеннаго изъ

Бессарабин. Но въ древнѣйшія, на примѣръ Геродотовы времена, встрѣчались удавы безъ сомнѣнія и при источникахъ Днѣстра и Буга: по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, что именно они принудили Невровъ къ бѣгству. «За сто лѣтъ до войны Дарія со Скіеами» — рассказываетъ Геродотъ (histor. lib. IV, cap. 165) — «принуждены были Невры по множеству змѣй бросить свою землю и пѣти къ сосѣднимъ Будинамъ: ибо земля производила такое множество змѣй и ихъ столько приходило изъ Сѣверныхъ степей, что только этотъ бичъ принудилъ ихъ оставить свое отечество». Малыя змѣи, хотя бы и въ большемъ количествѣ, едва ли принудятъ цѣлый народъ къ переселенію; вѣроятно это были большія змѣи, слѣдовательно удавы, которыхъ мы встрѣчаемъ почти въ тѣхъ же мѣстахъ, только болѣе къ Югу въ Бессарабин. Невры же жили къ Сѣверу около источника Буга, какъ уже описано мною въ моей Древней Географіи Южной Россіи. Поэтому-то, чтобы сообщенному Геродотомъ извѣстію, почитавшемуся донынѣ за басню, отдать справедливость, я въ воспоминаніе бѣгства Невровъ назвалъ нашу Европейскую породу Неврійскимъ удавомъ, и усерднѣйше прошу всѣхъ, которые путешествуютъ по лѣсистымъ мѣстамъ Бессарабин, о ближайшемъ ея описаніи и о доставкѣ цѣлой кожи въ Музеумъ Академіи Наукъ.

Г. Коллежскій Совѣтникъ К. К. Гелингъ, бывшій въ Турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ за Дунаемъ, рассказывалъ мнѣ, что къ Востоку отъ города Бабадага, близъ Разслыпскаго озера на горѣ находятся древнія развалины, называемыя *Св. Георгіевскими*. По мѣстному народному преданію явился здѣсь огромный змѣй или драконъ, опустошавшій всю окрестность и наводившій страхъ и ужасъ на жителей: Св. Георгій сражался съ нимъ и убилъ его. Не могло ли бы это преданіе имѣть связь съ жившими тамъ некогда большими удавами?

Проф. Эйхвальдъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ БИОГРАФИИ БАРОНА СИЛЬВЕ-СТРА ДЕ-САСИ. — Въ 1816 году, кромѣ Арабскихъ текстовъ Басенъ, Бидпая и Муаллаки Лебида, и многихъ ученыхъ статей для *Notices et extraits des manuscrits* и возобновленнаго тогда Правительствомъ *Journal des Savans*, Баронъ Сильвестръ де-Саси издалъ въ Парижѣ третьимъ тисненіемъ уважаемое знатоками классической Древности сочиненіе нынѣшняго Господина Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова: *Essai sur les mystères d'Eleusis*. Первое изданіе напечатано было въ С. Петербургѣ.

Говоря о высокомъ вниманіи, которое оказывали знаменитому Оріенталисту не только Ученныя Общества Европы, но и самыя Правительства, мы опустили еще одно обстоятельство. Въ 1819 году покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ, желая изъяснить знакъ уваженія своего къ заслугамъ Барона, пожаловалъ его орденомъ Св. Анны второй степени. Де-Саси имѣлъ также знаки отличія отъ Правительствъ Австрійскаго и Прусскаго.

СТАРИННЫЕ ПУШКИ ВЪ АЛЕКСАНДРО-СВИРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. — Въ дополненіе къ статьѣ о пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи, помѣщенной въ Сентябрской книжкѣ Ж. М. Н. II. (Т. XIX, стр. 529 — 559), сообщаемъ извѣстіе о неупомянутыхъ въ ней семнадцати пушкахъ, которыя находятся въ монастырѣ Св. Александра Свирскаго. Онѣ всѣ чугунныя, длиною въ 1¼ аршина, и имѣютъ надпись Латинскими буквами: OLONEZ, 1710. Неизвѣстно достоверно, въ какое время и по какому случаю онѣ поступили въ монастырь. Можно предполагать, что или самъ Петръ, часто посѣщавшій этотъ край, пожертвовалъ ихъ монастырю изъ числа первыхъ, отлитыхъ на Олонецкихъ заводахъ, или онѣ даны были монастырю для его обороны во время войнъ со Швеціею.

ТАТАРСКІЕ И ТУРЕЦКІЕ АКТЫ, НАЙДЕННЫЕ ВЪ КРЫМУ.— Совѣтникъ Таврической Казенной Палаты Г. Андреевскій, на котораго возложено Г. Министромъ Финансовъ собрать свѣдѣнія относительно древнихъ письменныхъ памятниковъ въ Крыму, въ одномъ тяжбномъ дѣлѣ, бывшемъ въ разсмотрѣніи Казенной Экспедиціи, нашелъ два любопытные акта: Ярлыкъ Сахибъ-Гирея, 1550 года, и Судебное рѣшеніе XVII вѣка — первое на Татарскомъ, второе на Турецкомъ языкѣ. Они доставлены были въ Археографическую Комиссію, въ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ знатокомъ Татарскихъ нарѣчій Я. О. Ярцовымъ, Переводчикомъ Азіатскаго Департамента.

1. *Ярлыкъ Сахибъ-Гарай-Хана.* «Завоевателя и Побѣдителя, Сахибъ-Гарай-Хана, именное повелѣніе.

«Да будетъ вѣдомо и гласно во всѣхъ краяхъ Государства пребывающимъ: Темникамъ, Тысячникамъ, Сотникамъ, внутреннихъ селеній и городовъ Правителямъ и Князьямъ, Кадіямъ и надсмотрщикамъ за продажей, Муфтіямъ и Наставникамъ, благочестивымъ и мудрымъ Шейхамъ, Прямоводителямъ Дивановъ, и всякому, кто бы палъ чѣмъ ни былъ постановленъ и законно управляющимъ.

«Предъявитель сего Указа, мой богомолецъ, Шабанъ Чагахіаръ, сынъ Хафиза, Дервишъ, умоляя насъ — запашни, находящіяся на лѣвой вашей сторонѣ (1), впереди коихъ лежитъ Горькое озеро и пазади урочище Гора Урусу (2), отъ котораго идетъ Кипчакская дорога, съ Вос-

(1) Подъ словомъ *вашей сторонѣ*, вѣроятно, разумеется округъ земли, принадлежащей вѣдомству начальства крѣпости Арабатской, какъ то можно видѣть изъ содержанія судебного рѣшенія по дѣлу жителей Шабана и Пулпача.

(2) То же, что Чукурлы (ровъ. яма).

точной стороны принадлежащія Юлмердапу, съ Западной же копани Хафизу; за все сіе умолялъ онъ (Шабанъ) объ Указѣ нашемъ, платить вмѣсто 15,000 акчей только по 2000 акч. (1). Почему, почитая его достойнымъ всякаго вознагражденія и милости, жалую ему Ярлыкъ за синею печатью моею и алою тамгою, и повелѣваю, дабы въ послѣдствіи всѣ начальствующіе, старшіе и младшіе Султаны, Бін, Мирзы, и всякій другой, не оказывался противнымъ, не дерзая причинять ему ни малѣйшаго вреда и насилія. Данъ 25 дня мѣсяца Рабигуль-ахыръ 957 года отъ Эджиры (1550 г. отъ Р. Х.). Писалъ Шабанъ, въ резиденціи Альальма (2).»

Въ печати и тамгѣ куфическимъ письмомъ написано слѣдующее:

«Во имя Всемиловитѣйшаго, Всемилосердаго Бога! Нѣсть Бога, кромѣ Бога истиннаго, Мухаммедъ пророкъ его. Величайшій Султанъ и храбрѣйшій Сахибъ-Гарай, сынъ Хана Менгдн Хана».

Посреди печати тамга Крымскаго Ханства, въ видѣ гребня или обороченной Еврейской буквы *шнн*, Д.

Ярлыкъ этотъ писанъ на листѣ желтоватой лощеной бумаги, въ 15 вершковъ длины и 6 вершковъ ширины.

2. *Судебное рѣшеніе*. «Въ слѣдствіе спора жителей деревни Пулпачъ съ жителями деревни Шабанъ, вѣдом-

(1) Акча — монета въ $\frac{1}{4}$ копейки. Но теперь слово это употребляется Турками и Татарами въ общемъ значеніи слова «деньги».

(2) На картѣ топографической 1816 и картѣ, составленной Г-мъ Кеппеномъ въ 1836 году, означена деревня *Айланма*. Другаго, болѣе созвучнаго названія урочища или деревни, не найдено. Айланма имѣетъ положеніе между безлѣснымъ городкомъ Старымъ Крымомъ (Эски-Крымъ), первоначальною столицею Хановъ, и безлѣснымъ городомъ Старымъ Карасу Базаромъ, въ 20 верстахъ отъ послѣдняго, къ Юго-Востоку, на рѣкѣ Малой Карасовкѣ (Кучукъ-Карасу). Деревня эта, по вѣдомости Волостнаго Правленія, показывается подъ названіемъ *Аклиши*.

ства Рабатскаго, о нѣкоторой части Бѣлой земли, доведеннаго до свѣдѣнія самого Хана, Высочайшій изъ всѣхъ Повелитель (да продлится ханствованіе его!), ошастлививъ сихъ рабовъ вниманіемъ своимъ, далъ Указъ, обязующій каждого къ повиновенію—рѣшить тяжбу ихъ, на основаніи Священнаго Закона. Въ учрежденномъ для сего засѣданіи оказалось, что тяжба жителей происходила о пограничной обонмъ части Бѣлой земли, находящейся на Южной сторонѣ отъ деревни Пулпачъ, и на Сѣверной отъ Шабанъ (1). Пулпачскіе жители: Даулятъ Мулла Исянъ Мухаммедовъ, Изманъ Казы Байрамовъ, Сейдымъ Бекровъ, Исянъ Бай Хаджи Ишмухаммедовъ, Аванчи Али, и всѣ прочіе, равно и Шабанскіе: Карабагадыръ Биктемиръ Багадыревъ, Акай Хусейновъ, Темиръ Али Нурмухаммедовъ, Темиръ Абулгазіевъ, Акбулатъ Гимматовъ, и другіе, призванные въ судъ, — первые дали объясненіе, что сію спорное пограничное мѣсто есть ихъ Пулпачцевъ собственное владѣніе, принадлежитъ совершенно имъ, и въ продолженіи всего времени, какъ они сами на ономъ кочевали и жили, такъ и другіе жительство имѣли, не бывши подвластными; сверхъ сего, когда въ прошлыхъ годахъ, нашли въ семъ мѣстѣ убитаго, то жители Шабанскіе рѣшительно отреклись отъ права владѣнія своего, показавъ, что оное не имъ, но намъ принадлежало; а какъ нынѣ тому противялся, то и просятъ о законномъ рѣшеніи. — На другой вопросъ жители Шабанскіе отвѣчали: помнятуя Бѣлая земля принадлежитъ намъ, на ней поселенныя нами пять деревень (хуторъ) жили болѣе двадцати лѣтъ, и по нынѣ имѣютъ свои собственности;

(1) Пулпачъ, нынѣ Порпачъ, деревня и почтовая станція по дорогѣ въ Керчь, въ 22-хъ верстахъ отъ Теодосіи, или Кафы. Нынѣ извѣстны три деревни Шибанъ: Харцизъ-Шибанъ, Мияверли-Шибанъ и Келемберды-Шибанъ. Харцизъ-Шибанъ, о которой идетъ здѣсь рѣчь, находится въ 18 верстахъ отъ Теодосіи также по Керченской дорогѣ.

жителямъ Пулначскимъ, желавшимъ кочевать на оной, мы не препятствуя, давали позволеніе, что и они подтвердили во время найденнаго убитаго тѣла, объявивъ, что сія земля принадлежать не имъ, но намъ Шабанцамъ. Такимъ образомъ обѣ стороны защищали и подтверждали права свои. Судьи правовѣрныхъ, на основаніи правила Вѣры: миръ есть лучшее рѣшеніе, положили примирить ихъ. Почему тѣщущіяся стороны, по взаимному согласію, постановили между собою границы, раздѣлились слѣдующимъ образомъ: начинали съ самой середины просовыхъ полей Кара Багадыри и Пулначскаго жителя Семдъ Ахмеса, вновь засѣянныхъ на запустѣлыхъ просовыхъ пашняхъ, находящихся на Сѣверѣ отъ большой дороги, ведущей въ Керчь, передъ деревнею Абдерюшъ, которая лежитъ также на Сѣверѣ отъ спорной земли, раздѣливъ поля сія пополамъ, провести черту прямо на Югъ, отсюда между обоими домами, гдѣ присутствовало собраніе, мимо Восточной стороны Шабанскаго урочища Чукурлы (1) до самаго озера. По назначеніи таковой межи, тѣщущіеся примирились, Восточная сторона отдана во владѣніе жителямъ Пулначскимъ, Западная же Шабанскимъ; доставшееся на долю должноствовало быть раздѣлено, и ссора и тяжбы на всегда прекратиться, а въ случаѣ возобновленія таковыхъ къмъ либо, не должны приниматься ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ. Все сіе подтвердивъ, опредѣлили на основаніи закона, и записали, чтобы Восточная часть оной спорной земли принадлежала деревни Пулначъ, а Западная Шабанъ. Запись сія вручена просителю, дабы онъ могъ дѣйствовать по оной въ случаѣ необходимости. Писано 25 дня мѣсяца Джумадыльахеры 1072 года (или 1092) года, отъ Еджеры (Р. Х. 1681 или 1661 года).»

(1) Чукурлы значить то же, что и Урусы (ровъ, ива): этимъ именемъ означено оно и въ вышеприведенномъ Ханскомъ ярлыкѣ.

За сими слѣдуютъ въ подлинникѣ подписи свидѣтелей отъ разныхъ деревень: «Деревни Думянъ Алыхаджи: Арсланъ Эфенди Шагбанъ Басевъ, Ишмухаммедъ Суфи Балмезовъ; деревни Кукъ Табанъ Куджай Шайхъ Хасеновъ; Аталыкъ Аргамаковъ; деревни Рабатъ: Яхши Мухаммедъ Дервишъ Мухаммедовъ, Чупанъ Ага Хакимъ Чаллбиевъ, Сеферъ Алиевъ, Гумеръ Суфи Аллабирдіевъ; деревни Куралай—Акъ Темиръ Мустафиевъ; деревни Акминай—Тунъ Катаръ, Алтунъ Хаджиевъ, Хасенъ Ахмедовъ, Рамазанъ Кармаковъ, Кади Хасенъ Мухаммедовъ, Хазеръ Бекъ Абдулкадировъ; дер. Андриушъ—Мухаммедъ Халифинъ, Акади Дауасговъ, Тубечекъ Темиръ Бекъ Хаджи Мухаммедовъ Хаджи Менди Сеидъ Мейданъ Сеидъ Маулюдъ Алиевъ, Исянпипъ Джапъ Галиевъ, Утляшъ Суфи Тишевъ, Каятъ Хаджи, Темрюшъ Хаджи Кулмышевъ, Картъ Худжа Суфи Тенгри Бирдѣевъ (1).

Къ этой грамотѣ приложены печати: Управляющаго Казы Абубекера, Казы Абулъ Газиза, Казы Шейхъ Мустафиева, Казы Абдулы.

Содержаніе этихъ актовъ любопытно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ: 1) направленіе *Кипчакской дороги*. По положенію живыхъ урочищъ, упоминаемыхъ въ ярлыкѣ и донягѣ существующихъ, видно, что она не могла имѣть другаго направленія, какъ чрезъ Керченскій проливъ, и слѣдовательно продолжалась вдоль рѣки Кубани и чрезъ нынѣшнія Калмыцкія степи къ Волгѣ; 2) что въ XVII столѣтіи эта дорога потеряла названіе Кипчакской; 3) что въ концѣ XVII столѣтія, въ Крымѣ, по судопроизводству, употреблялся языкъ Турецкій, а не

(1) Изъ упоминаемыхъ здѣсь деревень нѣкоторыя и теперь существуютъ подъ тѣми же, или другими соизвучными названіями, какъ то: *Шаганъ* (Шибанъ), о которомъ сказано въ приложеніи выше; *Рабатъ* (Арабатъ), *Акминай*, *Киятъ*, *Кунхи* (Конче), *Тубачекъ* (Тубичикъ), *Куйхасанъ* (Койсаганъ). Неизвѣстны изъ нихъ только слѣдующія: *Дуржисъ*, *Куралай*, *Абдергомъ*, *Адалыкъ*.

Татарскіи; 4) что Ханъ Сахибъ-Гирей имѣлъ резиденцію въ Альельма.

Можно надѣяться, что ревность Г. Андреевскаго къ отысканію памятниковъ Крымской письменности, приведетъ его и къ открытію документовъ исторической важности.

ПРАВА АВТОРОВЪ ВЪ АНГЛІИ. — Въ 1814 году, исключительное право Автора пользоваться изданіемъ своихъ сочиненій, было распространено въ Англіи съ четырнадцати лѣтъ на двадцать восемь, а если Литераторъ жилъ еще долѣе, то и на всю жизнь его. Противъ этого возсталъ недавно Г. Тельфордъ (Talfurd). Онъ предложилъ Парламенту, распространить право литературнаго достоинства на шестьдесятъ лѣтъ, считая со дня смерти Писателя. Въ доказательство, сколь недостаточны существующія постановленія, онъ представилъ, при изысканіи возобновленіи своего предложенія, многіе случаи. «Г. Алисонъ» — сказалъ онъ. — «намѣревался написать Исторію Европы во времена Французской Революціи. Пристрастясь къ этой мысли, онъ отказался отъ блестящихъ надеждъ, и принялъ такую должность, которая позволяла ему посвящать достаточное время на исполненіе своего плана. Для собранія необходимыхъ матеріаловъ, онъ посѣщалъ нѣсколько разъ значительнѣйшіе города Европы. Расходы его на книги, путешествія и т. п. уже превышаютъ 2000 фунтовъ стерлинговъ (50,000 рублей). До окончанія творенія они легко могутъ удвоиться. Если эта книга будетъ имѣть обыкновенный успѣхъ, то нужно четырнадцать лѣтъ для покрытія издержекъ. Черезъ двадцать восемь лѣтъ, если требованіе на произведеніе останется то же, онъ получитъ половину всего сбора, а это онъ легче могъ бы заработать журнальными статьями. Другой примѣръ доказываетъ то же самое. Докторъ Кукъ, Профессоръ Нравственной Философіи, издатель Исторіи

Реформаціи въ Шотландской Церкви, употребилъ тридцать лѣтъ своей жизни на составленіе сихъ твореній. Право достоянія конечно ему обезпечено, но не его семейству. Отъ этихъ ученыхъ произведеній, сопряженныхъ съ личными расходами, перейдемъ къ сочиненіямъ одного Поэта, котораго имя было часто пазываемо въ нашихъ преніяхъ. Г-ну Вордсворту вскорѣ наступитъ семидесятии годъ. На сорокъ шестомъ году онъ напечаталъ первое свое сочиненіе, и съ тѣхъ поръ оставался въ дѣятельности до 1835 года. Для большей части этихъ произведеній, право достоянія уже связано съ его жизнію. Черезъ нѣсколько лѣтъ подвергнется той же участи наибольшая часть его твореній, и черезъ четыре года, къ ихъ числу должно будетъ также причислить важнѣйшее его сочиненіе *The Excursion*. Этотъ Авторъ не искалъ минутнаго эффекта; творенія его медленно проложили себѣ дорогу, и только постепенно всюду распространились. Г. Вордсвортъ представлялъ разительный примѣръ, что произведенія его принесли ему, въ послѣдніе четыре года, большую прибыль, нежели во все остальное время. Послѣ смерти его, доходъ безъ сомнѣнія уменьшится, и еслибы онъ умеръ за четыре года предъ симъ, то семейство претерпѣло бы большую потерю.» Какъ не радоваться намъ, Русскимъ, что распространеніе права Авторствъ и на ихъ потомковъ, о которомъ только теперь думаютъ въ Англіи, у насъ уже давно утверждено отеческою заботливостію Правительства.

О УЛУЧШЕНІИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ ТУРЦІИ. — Въ Турецкой газетѣ *Тахвими-Векаи* отъ 21 дня мѣсяца Зилькадѣ (5 Февраля 1839) помѣщено любопытное извѣстіе о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по учебной части въ Турціи, которое мы сообщаемъ здѣсь въ сокращеніи. «Хотя Е. В. Султанъ усердно печется какъ о поддержаніи существующихъ нѣтъ въ Турціи Училищъ, такъ и объ

учрежденіи новыхъ Учебныхъ Заведеній разнаго рода, однакожь состояніе этихъ Заведеній донынѣ не соответствовало ожиданіямъ Турецкаго Правительства, и метода преподаванія требовала еще многихъ улучшеній. Прежде нежели ученики успѣвали пріобрѣсти нѣкоторый навѣкъ въ письмѣ и чтеніи на отечественномъ языкѣ, имъ преподавали языки: Арабскій, Персидскій и Французскій, и начала какой-нибудь особой отрасли Наукъ. Въ Школахъ для малолѣтнихъ, молодой Мусульманнѣ, который по своимъ природнымъ способностямъ могъ бы въ короткое время пріобрѣсти много познаній, по большей части оставался совершеннымъ невѣждою. Кроме того часто родители слишкомъ рано посылали своихъ дѣтей въ Училища, и не давъ имъ научиться чему-нибудь, брали ихъ изъ Училищъ и обучали какому-нибудь ремеслу или другому занятію.

«Для устраниенія этихъ безпорядковъ приняты нынѣ слѣдующія мѣры: 1) Учитель въ каждомъ Учебномъ Заведеніи подвергается испытанію въ своихъ познаніяхъ и способностяхъ; 2) ученики каждаго Учебнаго Заведенія распредѣляются по классамъ, и въ каждомъ классѣ преподаются новые предметы, такъ что всѣ ученики одного класса занимаются вмѣстѣ: изъ этого правила исключаются только тѣ дѣти, которые еще не знаютъ формы буквъ и потому не могутъ извлекать для себя никакой пользы изъ одного изустнаго преподаванія; 3) всѣ родители безъ исключенія обязаны посылать въ Школу своихъ дѣтей начиная съ четырехъ, или пятилѣтняго ихъ возраста; 4) для бѣдныхъ спротивъ и безпріютныхъ дѣтей учреждаются въ столицѣ двѣ особыя Школы, въ которыхъ они будутъ не только обучаемы, но и содержимы на казенный счетъ».

КОНЕЦЪ XXI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія Правительства.

Обозрѣніе дѣйствій Правительства по Вѣдомству
Народнаго Просвѣщенія за истекшее пяти-
лѣтіе. Стран. 1

Высочайшія Повелѣнія по Министерству Народнаго
Просвѣщенія за Генварь и Февраль 1859 года:

1. (1 Генваря) О новомъ Штатѣ Учебныхъ Заведеній Виленской, Гродненской и Минской Губерній и Бѣлостокской Области. . . 37
2. (3 Генваря) Объ опредѣленіи при Казанскомъ Университетѣ Лектора Персидскаго языка. 47
3. (3 Генваря) О сборѣ на устройство Благороднаго Пансіона при Елатеринославской Гимназіи. —
4. (9 Генваря) О пріостановленіи на одинъ годъ пріема Студентовъ въ Университетъ Св. Владиміра. 48

5. (13 Генваря) О нѣкоторыхъ правахъ Виленскому
Дворянскому Институту. 50
 6. (17 Генваря) О дозволеніи возвышать оклады жа-
лованья Учителей Французскаго и Нѣмецкаго
языковъ въ Гимназіяхъ. 51
 7. (31 Генваря) О дозволеніи Свиридову, отправлен-
ному для усовершенствованія въ Медицинскихъ
Наукахъ на два года за границу, остаться тамъ
еще годъ. —
 8. (7 Февраля) Объ уступкѣ Университету Св. Вла-
димира одной десятины земли имъ принадлежа-
щаго Кіевскому Софійскому собору мѣста. 65
 9. (14 Февраля) Объ учрежденіи при Департаментѣ
Народнаго Просвѣщенія должности Помощника
Экзекутора. —
 10. (21 Февраля) О содержаніи Приходскаго Учили-
ща въ городѣ Колѣ. 66
- Высочайшія опредѣленія, утвержденія, уволь-
ненія и награжденія. 52 и 68

Министерскія распоряженія за Генварь и Февраль мѣ-
сяцы 1839 года:

1. (7 Генваря) О преподаваніи въ реальномъ классѣ
Ларинской Гимназіи Коммерческой Ариметики
и Естественной Исторіи. 55
2. (7 Генваря) Объ опредѣленіи Врача при Херсон-
ской Гимназіи. —
3. (7 Генваря) Объ учрежденіи Ученаго Эстонскаго
Общества въ Дерптѣ. 56
4. (20 Генваря) Объ опредѣленіи третьяго Помощни-
ка Инспектора Студентовъ С. Петербургскаго
Университета. 59
5. (20 Генваря) Объ учрежденіи при Харьковскомъ

Университетъ Практической Ветеринарной Шко- лы.

60

6. (20 Генваря) О взиманіи платы за ученіе съ при-
ходящихъ Учениковъ Гимназій и Дворянскихъ
Уѣздныхъ Училищъ Бѣлорусскаго Учебнаго
Округа. —
 7. (26 Генваря) О порядкѣ замѣщенія учрежденныхъ
въ Университетахъ: С. Петербургскомъ, Мо-
сковскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ 5 ка-
зенныхъ мѣстъ учениками Бѣлорусскаго Учеб-
наго Округа. 61
 8. (15 Февраля) О введеніи преподаванія Латинскаго
и Нѣмецкаго языковъ въ Уѣздныхъ Учили-
щахъ Моршанскомъ, Ливонскомъ, Елецкомъ и
Мценскомъ. 69
 9. (28 Февраля) Исчисленіе ежегодныхъ расходовъ
на содержаніе Приходскаго Училища Архан-
гельской Губерніи въ городѣ Колѣ. —
 10. (28 Февраля) Объ учрежденіи при Гимназіяхъ
Ришельевскаго Лицея класса Гимнастики. 70
- Министерскія опредѣленія, утвержденія и уволь-
ненія. 62 и 72

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, Науки и Художества.

- Первые годы Христіанской Церкви. *А. Н. Муравьева.* 1
- О предѣлахъ Норманн и названіи Нормановъ и Рус-
совъ. *Ф. Крузе.* 13
- Славянское Евангеліе, на которомъ присягали Короли
Французскіе при своемъ коронованіи. *С. М.
Стросва.* 78
- Кончезерскія марціальныя воды и находящіяся при
нихъ древности. 104

Объ историческомъ значеніи главнѣйшихъ Эпопей. <i>К. Фойта.</i>	109 и 203
Объ отношеніяхъ Руссовъ, вторгнувшихся въ 844 году въ Испанію и опустошавшихъ Севиллу, и о связяхъ ихъ съ Россією. <i>Ф. Крузе.</i>	159
Изуствныя преданія о Новороссійскомъ краѣ; законы, правы и обычаи Запорожцевъ. <i>А. А. Скаль- ковскаго.</i>	171
Введеніе въ Опытную Психологію. <i>А. А. Фцнера.</i>	253
Затмѣнія, по понятіямъ Древнихъ. <i>Летронна.</i>	304

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ Отечественныхъ Ученыхъ и Учеб- ныхъ Заведеніяхъ.

О ученыхъ трудахъ Профессоровъ и прочихъ Препо- давателей въ Университетахъ, Лицеяхъ и Гим- назіяхъ.	1
Краткое обзорніе дѣйствиі Главнаго Педагогическаго Института. <i>А. Ободовскаго.</i>	27
Донесеніе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія Ком- миссін, учрежденной для производства опытовъ относительно приспособленія электромагнитной силы къ движенію машинъ.	37
Извлеченіе изъ Отчета Императорской Академіи Художествъ. <i>В. Н. Григоровича.</i>	47
Отчетъ Временнаго Комитета для изысканія древ- ностей въ Кіевѣ.	67
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Император- ской Академіи Наукъ.	85
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографиче- ской Коммиссін.	103

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

*Извѣстія объ иностранныхъ Ученыхъ и Учебныхъ
Заведеніяхъ.*

Парижская Академія Надписей и Словесности; о тру-
дахъ ея въ 1837 и 1838 году. 1.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

Баронъ Сильвестръ де-Саси. П. С. Савельева. 1.
Дополненіе къ Біографіи С. де-Саси, см. въ Отд. VII.
О состояніи и устройствѣ Школъ въ Средніе вѣки.
Гольмана. 49

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Исторія Россійской Церкви. 1
Указатель къ Актамъ Археографической Экспедиціи. 29
Акты Юридическіе, изданные Археографическою Ком-
миссіею. 33
Сборникъ Князя Оболенскаго. 43
Очерки Россіи, под. Пассекомъ. 57
Историческое обозрѣніе Сибири, Слоцова. 64
Біографія Добровскаго, соч. Палацкаго, изд. Царскимъ. 69
Воспоминанія о Персіи, Барона Корфа. 72
Новыя книги, издаваемыя на Нѣмецкомъ языкѣ, по
Славянской Исторіи и Древностямъ. Статія пер-
вая. П. Прѣса. 85

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и Смысь.

Изысканіе древностей въ Сибири въ царствованіе Петра Великаго.	1
Варашевъ камень на Ладожскомъ озерѣ, съ изобра- женіемъ находящейся на немъ надписи.	4
О Кривингахъ.	6
Русское населеніе въ Галиціи и Венгріи.	8
О произношеніи буквъ, входящихъ въ составъ Китай- скихъ звуковъ. <i>О. Іакинѣа Бичурина.</i>	9
Парижскій Ботаническій Садъ.	12
Ученыя Общества въ Лондонѣ.	15
Ученыя путешествія Грея и Лусингтона въ Новую Голландію, Маіора Митчелля въ Австралію.	18
Церковь въ утесѣ, въ Бордо.	20
Медаль Астрономамъ Беру и Меддеру.	—
О новыхъ трудахъ Философа Баадера.	23
Труды Ученыхъ въ Варшавѣ. <i>М. Н. Погодина.</i>	—
Новости иноземной Славянской Литературы.	26
Температура почвы въ Якутскѣ; наблюденія Г. <i>Шер- гина.</i>	28
Трескъ, слышимый при Сѣверныхъ сіяніяхъ.	30
О Европейскомъ удавѣ. <i>Э. Н. Эйхвальда.</i>	31
Дополненіе къ Біографіи С. де-Саси.	38
Старинныя пушки въ Александро-Свирскомъ мона- стырѣ.	—
Турецкіе и Татарскіе акты, отысканные въ Крыму Г. Андреевскимъ; переводъ съ примѣчаніями <i>Н. О. Иричева.</i>	39
Права Авторствъ въ Англіи.	44
О улучшеніи учебной части въ Турціи.	45

	<i>Напечатано :</i>	<i>должно быть.</i>
Стран. 74 стр. 14	Kinugri	Kunugr
— 74 — 23	Suerinl, Westingotland.	Sueriki, Westirgotland
— 74 — 23	Skanve	Skanoo

Сверхъ сего слѣдуетъ прибавить Примѣчанія :

— 37	Sigb. Sembl. ad a. 882. <i>Normanni, adjunctis sibi Danis, Franciam per- vagantes. Cf. Pistorii Scriptt. rer. Germ. стр. 810, ed. Struve.</i>
— 39	См. мою статью : <i>О про- исхожденіи Рурика</i> , Ж. М. Н. II. 1836, Январь.

Въ Генварской книжкѣ, Отд. IV, стран. 4 строка 16, напечатано
экзетическое вм. *экзетическое*.

ОГЛАВЛЕНИЕ № 1.

	Стран.
ОТД. I. — Дѣйствія Правительства по Вѣдомству Народнаго Просвѣщенія за истекшее пятилѣтїе.	1—36
ОТД. II. — Первые годы Христіанской Церкви, соч. Автора «Путешествія ко Св. Мѣстамъ».	1
О предѣлахъ Норманіи и названіи Нормановъ и Руссовъ. Ф. Р. КРУЗЕ.	13
О Славянскомъ Евангеліи, находящемся въ Реймсѣ, на которомъ Французскіе Короли присягали при своемъ коронованіи. С. М. СТРОЕВА.	78
О Кончезерскихъ марціальныхъ водахъ и находящихся при нихъ древностяхъ.	104—108
ОТД. III. — О ученыхъ трудахъ Профессоровъ и прочихъ Преподавателей въ Университетахъ, Лицеяхъ и Гимназіяхъ.	1—26
ОТД. IV. — Парижская Академія Надписей и Словесности; обзорѣніе трудовъ ея за 1837 и 1838 годы.	1—6
ОТД. V. — Баронъ Сильвестръ де-Саси, его жизнь и ученые труды. И. С. САВЕЛЬЕВА.	1—48
ОТД. VI. — Обзорѣніе книгъ: <i>Исторія Россійской Церкви</i> ; — <i>Указатель къ Актамъ Археографической Экспедиціи</i> ; — <i>Историко-юридическіе акты</i> , изданные Археографическою Коммиссіею. С. СТР.	1—42
ОТД. VII. — Изысканія древностей въ Сибири при Петрѣ Великомъ. — Варашевъ камень на Ладожскомъ озерѣ, съ изображеніемъ находящейся на немъ надписи. — Кревингъ, племя Курляндское. — Русское населеніе въ Галиціи и Венгріи. — О произношеніи буквъ, входящихъ въ составъ Китайскихъ звуковъ. О. ІАКИНОВА. — Ботаническій Садъ въ Парижѣ. — Ученныя Общества въ Лондонѣ. — Ученныя путешествія. — Церковь въ утесѣ. — Медаль Астрономамъ Беру и Медлеру.	1—25

Прилагаются два снимка съ Реймскаго Славянскаго Евангелія, и планъ древностей, находящихся при Кончезерскихъ минеральныхъ водахъ.

Всѣ они выходятъ въ свѣтъ смотря по накопленію статей, въ томъ же форматѣ, какъ и самый Журналъ, и въ самый день выхода ихъ рассылаются ко всѣмъ подписчикамъ Журнала. Отдѣльная подписка на Прибавленія не принимается.

Для общей связи Прибавленій, на оберткахъ ихъ выставляются общіе номера; но сверхъ того каждый родъ Прибавленій имѣетъ свой собственный рядъ номеровъ и страницъ, чтобы доставить возможность переплестать каждый родъ Прибавленій отдѣльно.

Подписка цѣна годовому изданію Журнала съ Прибавленіями въ С. Петербургѣ 35 рублей; во всѣхъ прочихъ городахъ Имперіи 40 рублей.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ: у Коммиссіонеровъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, С. Петербургскихъ Книгопродавцевъ братьевъ Глазуновыхъ и Смирдина; въ Москвѣ, у Коммиссіонеровъ тамошняго Университета, Книгопродавца Ширлева; и для жителей прочихъ городовъ Имперіи въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

У тѣхъ же Коммиссіонеровъ можно получать:

Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. No I — XLIV. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1803 — 1817. Каждая книжка 45 коп.

Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1821, 1822 и 1823. С. П. Б. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія. 20 руб.

Записки Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. въ тип. Д. Н. Пр. Книжка 1, 1825. 3 р. 35 к. Кн. 2, 1837. 3 р. 15 к. Кн. 3, 1829. 2 р. 80 к.

Собраніе Постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ 1 Генваря 1829 по 21 Марта 1833, служащее продолженіемъ Запискамъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1833.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1834, 1835, 1836, 1837 и 1838 годы. Каждое годовое изданіе 30 р., съ пересылкою въ другія города по 35 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 3.

—

	Стран.
ОТД. I. — Высочайшія Повелѣнія по Министерству Народнаго Просвѣщенія. . . } Министерскія распоряженія. } за Февраль мѣсяцъ. {	65 69—72
ОТД. II. — Объ историческомъ значеніи главнѣйшихъ Эпопей у древнихъ и новыхъ народовъ. Статья вторая. К. ФОЙГТА	203
Введеніе въ Опытную Психологію. А. А. ФИШЕРА.	253
О солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, по понятіямъ Древнихъ; изъ новаго сочиненія о Космографіи и Географіи древнихъ народовъ, ЛЕТРОННА.	304
ОТД. III. — Извлеченіе изъ Отчета Императорской Академіи Художествъ за 1837—38 академическій годъ.	47
Отчетъ о дѣйствіяхъ Временнаго Комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, за 1838 годъ.	67
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Императорской Академіи Наукъ.	85
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Комиссіи.	103—130
ОТД. VI. — Книги, вышедшія въ три послѣдніе года на Нѣмецкомъ языкѣ, по Славянской Исторіи и Древностямъ. Статья первая. П. ПРЕЙСА.	85—108
ОТД. VII. — Турецкіе и Татарскіе акты, отысканные въ Крыму Г. Андреевскимъ; переводъ Я. О. ЯРЦЕВА.—Права Авторствъ въ Англіи; новое предложеніе объ измѣненіи ихъ, внесенное Г. Тельфордомъ въ Парламентъ.—Объ улучшеніи учебной части въ Турціи.	39—46

